

ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. И. Я. ЯКОВЛЕВА

Функциональная грамматика: теория и практика

Министерство просвещения Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

Функциональная грамматика: теория и практика

Сборник научных статей по итогам Всероссийской
с международным участием научно-практической
конференции, посвященной 70-летию со дня рождения
доктора филологических наук, профессора
Людмилы Николаевны Оркиной
(Чебоксары, 25 февраля 2021 г.)

Чебоксары
2021

УДК 81'36(082)
ББК 81.052я431
Ф 947

Функциональная грамматика: теория и практика : сб. научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л. Н. Оркиной / отв. ред. А. Д. Ахвандерова, О. А. Димитриева, З. Н. Якушкина. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – 664 с.

ISBN 978-5-88297-546-2

Печатается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (протокол № 10 от 23.04.2021 г.).

Рецензенты:

Корнилов Г. Е., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова;

Павлов И. В., доктор педагогических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Редакционная коллегия:

А. Д. Ахвандерова, доцент, канд. филол. наук,
Т. В. Денисова, доцент, канд. филол. наук,
О. А. Димитриева, доцент, канд. филол. наук,
О. В. Скворцова, доцент, канд. филол. наук,
З. Н. Якушкина, доцент, канд. пед. наук

В сборник вошли материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева *Людмилы Николаевны Оркиной*. Представлены научные труды по проблемам функциональной грамматики и практического применения ее основных положений в практике преподавания языка и литературы. Для лингвистов, научных сотрудников, преподавателей гуманитарных вузов, а также аспирантов и студентов-филологов.

ISBN 978-5-88297-546-2

© Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2021

© Авторы публикаций, 2021

Людмила Николаевна Оркина
(22 ФЕВРАЛЯ 1951 – 24 МАЯ 2019)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	12

ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА ОРКИНА: ОБ УЧЕНОМ И ЧЕЛОВЕКЕ

<i>Королькова Г. Л.</i> О Людмиле Николаевне.....	13
<i>Сигал К. Я.</i> Л. Н. Оркина в моей научной судьбе.....	16
<i>Юркина Т. Н.</i> Мой учитель.....	20
<i>Якушкина З. Н.</i> Про Люсю.....	22

РАЗДЕЛ 1.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Волков В. В.</i> Семантика субдескрипторов в русском функционально-семантическом поле темпоральности (герменевтические аспекты).....	24
<i>Мартьянова И. А.</i> Современная пунктуационно-графическая аранжировка высказывания и текста.....	29
<i>Нуртазина М. Б.</i> От функциональной грамматики до междисциплинарного исследования языковой динамики: векторы научного поиска.....	34
<i>Патроева Н. В.</i> Категория полупредикативности и осложняющие синтагмы с точки зрения функциональной грамматики.....	45
<i>Шарандин А. Л.</i> Род существительных в категориальной системе русского языка.....	50

РАЗДЕЛ 2.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

<i>Гладышев А. Г.</i> Семантика статичности в неглагольных предложениях.....	56
<i>Гоголина Т. В., Никольская И. Г.</i> Функциональный подход к рассмотрению семантической категории сомнительности.....	62
<i>Губанов А. Р., Кожемякова Е. А., Обжогин А. А., Губанова Г. Ф., Свеклова О. В.</i> Речевое воздействие в разноструктурных языках: онтологические модели речевого акта обоснования.....	69
<i>Матханова И. П.</i> Устойчивое сочетание «надо понимать» в современной речи: соотношение модальных смыслов.....	77
<i>Михеева С. Л.</i> Временной порядок в связи с семантикой причинно-следственной обусловленности.....	84

<i>Нуртазина М. Б., Шахпуртова З. Х.</i> Когнитивно-дискурсивный уровень репрезентации семантики таксиса в художественном тексте.....	91
<i>Юркина Т. Н.</i> Семантика пресуппозиции в высказываниях мотивационного типа.....	101

РАЗДЕЛ 3.

МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ. МОРФОЛОГИЯ. СИНТАКСИС

<i>Абрамова А. Г.</i> Пути освоения разговорных синтаксических конструкций авторской речью в английском романе XX века.....	107
<i>Абрамова А. Г., Никитина А. Ю.</i> Сочинение и подчинение в свете коммуникативного подхода.....	114
<i>Алтева Л. В.</i> Продуктивные модели названий лиц в современных СМИ.....	121
<i>Бычков В. И.</i> К вопросу о переходных явлениях между союзом и частицей «а» в современном русском языке.....	128
<i>Вязовик Т. П.</i> Особенности обобщающих слов в сегментированных структурах, включающих однородные члены предложения...	134
<i>Гаврилова И. В.</i> О производном предлоге <i>по снятии</i>	140
<i>Гордиенко О. А.</i> Учёт особенностей организации научных текстов, реализующих текстовые словообразовательные гнезда, в преподавании русского языка как иностранного.....	145
<i>Замальдинов В. Е., Доценко И. М.</i> Словообразовательная игра как средство привлечения внимания читателя.....	150
<i>Куклина Л. Г., Тонкова Е. Г.</i> Категория одушевлённости в современном русском языке: особенности развития.....	155
<i>Петрова О. А., Никитина А. Ю.</i> Способы выражения побуждения в агитационных плакатах советского периода.....	160
<i>Се П. С.</i> Семантические и прагматические особенности употребления императивных глагольных форм в языке рекламы.....	165
<i>Хмелевский М. С.</i> Наречия как показатели степени признака или действия.....	172
<i>Храстинова О. А.</i> Деривационный потенциал суффиксов агентов в русском и словацком языках.....	177
<i>Чапаева Л. Г.</i> Вариантные нормы в морфологии и их интерпретация: <i>о чулках и носках</i>	182

<i>Чжэн Ч.</i> Специфика функционирования бесприставочных глаголов движения в русских романах.....	188

РАЗДЕЛ 4.

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Ахвандерова А. Д.</i> Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в чувашском языке.....	192
<i>Булатова А. К.</i> Этнолингвистический пласт в отраслевой лексике татарского языка (на примере наименований инструментов, используемых в вышивальном деле).....	197
<i>Галимова О. Н.</i> О некоторых названиях беспозвоночных в татарском языке.....	201
<i>Гауч О. Н.</i> Деловые документы «Тобольской духовной консистории» как лингвистический источник.....	205
<i>Денисова Т. В.</i> Фразеологические единицы лексико-семантического поля «ум» в чувашском и русском языках.....	209
<i>Журавлева Е. А., Чулакова З. У.</i> Исследование лингвистических основ брендинга.....	212
<i>Журавлева Е. А., Самсенова Г. С.</i> Медиатекст: современные тенденции и их специфика.....	218
<i>Зиновьева Е. И.</i> Актуальные процессы в образовании неопаремий русского языка.....	225
<i>Калинина М. В.</i> Англицизмы в лексике и орфографии современного русского языка.....	231
<i>Кирдун А. А.</i> Белорусскоязычная лесохозяйственная терминология в динамическом аспекте.....	236
<i>Коновалова Е. А.</i> Семантический гештальт «хозяин» в языковом сознании крымчан (по результатам экспериментального исследования).....	240
<i>Котцова Е. Е.</i> Современные публицистические метафоры в текстах социально-политической проблематики (концептуальные сферы-доноры).....	246
<i>Кузнецова И. В.</i> Украинские устойчивые сравнения с компонентом <i>пиріг (пиріжок)</i>	251
<i>Ладнова Е. В.</i> Структурные типы годонимов г. Шахтёрска ДНР...	258
<i>Никитинская Л. В.</i> Новые слова в английском языке как отражение доминирующих проблем современного англоязычного социума.....	264

<i>Парышева Е. В.</i> Лексико-семантическое поле <i>рынок</i> : от места торговли к системе экономических отношений.....	274
<i>Сарбаева М. Б.</i> Оценочность как способ манипулирования (на примере новостийных сайтов Казнета).....	280
<i>Сарманова Б. А., Жунусова Ж. Н., Ермукан Е. Б.</i> Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в разных лингвокультурах (на материале словарей).....	286
<i>Трифоновло А. В.</i> Попытка решения проблемы непонимания богослужебного текста (на примере одного из тропарей первой песни воскресного канона первого гласа).....	295
<i>Тянь Ц.</i> Лексика и фразеология русского языка: актуальные проблемы.....	301
<i>У Хао.</i> Факторы изменения экономической лексики в современном русском языке.....	307

РАЗДЕЛ 5.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>Абрамова А. Г., Никитина А. Ю.</i> Топология цитат в художественном и научном текстах.....	311
<i>Авдеева Н. П.</i> Структура и функционирование внутренней реакции персонажа (на материале прозы А. П. Чехова).....	318
<i>Ахкубекова С. В.</i> Лингвистические особенности поэмы К. Мечиева «Раненый тур».....	324
<i>Базылев В. Н.</i> Адекватное понимание художественного текста: миф или реальность.....	330
<i>Баширова И. Б., Кадирова Э. Х.</i> О проблемах текстологии старотатарских письменных памятников.....	335
<i>Димитриева О. А.</i> Компаративные тропы как средство создания образа вакхического человека (на примере рассказа Александра Грина «Ветка омелы»).....	339
<i>Дмитриева Ю. Л.</i> Средства объективации трехмерного пространства в произведениях С. Есенина.....	345
<i>Лебедев А. А.</i> Роль сложных предложений в построении экспрессивно-стилистических фигур в поэзии П. А. Вяземского.....	350
<i>Ли М.</i> Семантико-прагматический аспект приема стилизации в произведениях женской прозы.....	355
<i>Любителева В. Н.</i> Ценностная трансформация в английском кинодиалоге.....	359

<i>Русак О. В.</i> Синтаксические характеристики эссе из сборника «Зялёны лісток на планеце Зямля» Янки Сипакова.....	365
<i>Селиверстова Ж. Б.</i> Авторская концептуализация: возможности лингвокогнитивного анализа художественного текста.....	371
<i>Скворцова О. В.</i> Филологический анализ стихотворения «Я – старый лицедей» Ю. Семендера.....	377
<i>Теуш О. А.</i> Традиции русской книжности в рукописи 19 в.....	382
<i>Шахнурова З. Х.</i> Художественный текст: сильные позиции как смысловые ключи к его пониманию.....	389
<i>Юзефович Н. Г.</i> Маркеры текстовых миров в интерлингвокультурном произведении.....	395

РАЗДЕЛ 6.

ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА, ЯЗЫК: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

<i>Абукаева Л. А.</i> Концепт КЎСОТО ‘священная роща’ в системе мариийских табу.....	400
<i>Дулеба М., Дулебова И.</i> Реинтерпретация прецедентных имен немецкой литературы в российском медиадискурсе.....	406
<i>Жукова Ю. В.</i> Фольклорные традиции в творчестве Л. М. Леонова	413
<i>Косякова Е. Ю.</i> Жанр песни в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах».....	420
<i>Николаева А. Ю., Никонова И. А.</i> Семиотический аспект китайского костюма.....	423
<i>Хитарова Е. Г.</i> Корреляция семиотических систем в фольклоре Кубани.....	428

РАЗДЕЛ 7.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

<i>Абдувалиев А. О., Амиралиев С. М.</i> Академическая мобильность: проблемы и пути их решения (на опыте Ошского государственного университета).....	432
<i>Бакина И. Н.</i> Лингвокультурный потенциал текстов русских народных сказок в иноязычной аудитории.....	438
<i>Баранова О. В.</i> Некоторые аспекты обучения аудированию учебного текста в школьном курсе русского языка.....	443
<i>Бруслова Г. Ф.</i> Стилистикана шкулта вёрентнин выр’анёпе пёл-терёшэ, задачисем, содержанияйё / Работа по стилистике на уроках родного языка в чувашской школе.....	449

<i>Вазанова М. Г.</i> Кинотекст и кинодискурс как средство формирования межкультурной компетенции студентов-иностранцев.....	460
<i>Вахницкая М. Г.</i> Контрастивно-типологический метод как условие языкового образования.....	466
<i>Костаиш Л. Л.</i> Деловая игра как одно из наиболее эффективных средств активизации познавательной деятельности студентов.....	471
<i>Костаиш Л. Л.</i> Технология веб-квест в современном образовании...	475
<i>Кривошапова Н. Н.</i> Эфирная речь: обзор новейших источников...	480
<i>Крушинская Т. Ф.</i> Лексика научного текста в курсе русского языка как иностранного в вузе.....	484
<i>Кузнецова В. И.</i> Особенности контекстного обучения русскому языку как иностранному в дистанционном формате.....	489
<i>Ли Ц.</i> Формирование вторичной языковой личности при обучении русскому языку в китайской аудитории (на материале безэквивалентной лексики и фразеологии).....	494
<i>Луговская Е. Г.</i> К вопросу об изучении литературы родного края и анализе художественного текста.....	498
<i>Мадей Е. Д.</i> Фильмы Л. Гайдая и Э. Рязанова как средство обучения советским и русским реалиям.....	504
<i>Подольян Л. Х.</i> Формирование речевой компетенции студентов на занятиях по русскому языку в учреждении среднего профессионального образования.....	511
<i>Русак О. В.</i> Методика обучения терминологической лексике белорусского языка студентов специальности «Лесное хозяйство».....	516
<i>Сычева И. С.</i> Родной язык как фактор воспитания личности.....	522
<i>Тихоненко Е. В.</i> Лексико-семантические группы глаголов в аспекте РКИ.....	526
<i>Тодика Н. М.</i> Развитие интереса к изучению русского языка посредством использования нестандартных форм занимательных заданий.....	531
<i>Хабудуаси М.</i> Лингводидактическое моделирование в аспекте РКИ.....	537
<i>Хитарова Т. А.</i> Дидактический потенциал художественного текста.....	542

Языков И. И. Текстобразующая функция исходных текстов со стилистическими чертами эллиптичности на уроках по развитию речи при обучении русскому языку как иностранному..... 546

Якушкина З. Н., Пастухова Л. Б. Реализация современных аспектов методики обучения русскому языку в вузовской и школьной практике..... 551

РАЗДЕЛ 8.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Авинова К. А., Николаева Е. Н., Бычкова О. А. Философская повесть Вольтера «Микромегас» и «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери..... 556

Авинова К. А., Юркина Т. Н. Буквы старославянского языка в русских паремиях и фразеологизмах..... 561

Андреева И. Ю., Васильева А. Ю., Герасимова М. Н., Константинова М. Ю. Два портрета: «Портрет» Н. В. Гоголя и «Портрет Дориана Грея»: развитие жанра романа о художнике и его создании от реализма к эстетизму..... 566

Аникин А. А. Сопоставление двух современных фразеологизмов ментальной сферы..... 571

Большова Е. В., Миронова А. В., Иванова М. А., Кузьмина И. А. Маленький человек в литературе реализма и модернизма: Н. В. Гоголь «Шинель», Н. С. Лесков «Старый гений», Ф. Кафка «Процесс»..... 575

Винокурова В. Е. Сопоставительный анализ русских и якутских паремий с компонентом «корова»..... 582

Григорьева Е. А., Григорьева М. Ю., Лазарева Т. С., Бычкова О. А. Миф о Нарциссе в литературе Нового времени..... 586

Груздева Е. П. Методические рекомендации по применению интерактивного курса по теме «Фразеологизмы русского языка».... 591

Калмыкова А. Д. Предметно-бытовая лексика как отражение духовной культуры русского народа..... 597

Кузнецова И. В., Мокеева Е. А. Фразеологическая калька-англицизм *хромая утка* в русском языке..... 601

Лебедева С. С. Визуально-вербальные стереотипы в формировании медийного образа сферы обслуживания..... 608

Мачай Т. А., Гракова О. С. Вариативность в языке и речи..... 615

Николаева М. А. Внешность человека в чувашских и русских устойчивых сравнениях..... 619

<i>Матвеева Н. Е., Мулендеева Е. Н., Никитина Е. В.</i> «Пиковая дама» А. С. Пушкина и «Шагреновая кожа» О. де Бальзака в художественной системе реализма.....	626
<i>Салимгараева К. Л.</i> Методика преподавания эмотивных глаголов на занятиях РКИ с использованием интерактивных средств обучения.....	632
<i>Самирханова Г. Х., Ласынова Г. Р.</i> Тема Родины в поэзии Владимира Соколова.....	636
<i>Самирханова Г. Х., Расимбетова А. И.</i> Образ времени в поэзии Александра Кушнера.....	639
<i>Самирханова Г. Х., Шамстудинова З. Д.</i> Особенности изучения биографии Мустая Карима на уроках башкирской литературы.....	643
<i>Сапарбаева Г. Р., Юркина Т. Н.</i> Функционирование глаголов движения в переносном значении.....	646
<i>Таджибаева Г. Б., Юркина Т. Н.</i> Характеристика категории числа в синхронном и диахронном аспекте.....	650
<i>Трофимова А. В., Ганин М. В.</i> Рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок» и стихотворение К. К. Случевского «На кладбище»: проблема претекста и диалог мениппейных мотивов.....	655

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемое издание является итогом работы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Функциональная грамматика: теория и практика» (25 февраля 2021 года), организованной кафедрой русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева и посвященной 70-летию доктора филологических наук, профессора Людмилы Николаевны Оркиной.

Сборник представляет научные достижения известных ученых, докторов и кандидатов педагогических и филологических наук, специалистов в области филологического образования, методики обучения языку, литературе, а также преподавателей, учителей, аспирантов, магистрантов, студентов, активно исследующих проблемы преподавания русского языка как родного, как неродного и иностранного в современной школьной и вузовской практике. В сборнике научных статей нашли отражение также вопросы историко-культурного и литературного просвещения и воспитания современной молодежи.

Доклады представлены специалистами из многих городов федерального значения (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Нижнего Новгорода, Симферополя), регионов Российской Федерации (Башкортостана, Кабардино-Балкарии, Марий Эл, Татарстана, Чувашии, Волгограда, Краснодар, Липецка, Новосибирска, Петрозаводска, Рязани, Твери, Ульяновска), а также учеными зарубежных стран: Белоруссии, Молдовы, Словакии, Казахстана, Киргизии, Китая, Тайваня, Узбекистана, Украины.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Людмила Николаевна Оркина: об ученом и человеке

Г. Л. Королькова

О ЛЮДМИЛЕ НИКОЛАЕВНЕ

Мы познакомились с Людмилой Николаевной в 1980 и прожили, поработали бок о бок целую жизнь. Соседство по общежитию № 5, а потом по дому на бульваре Миттова сделало нас почти родственниками, во всяком случае, близкими людьми. И были будни, и были праздники, и была дружба, и были незабываемые часы, которые теперь кажутся подарком судьбы. Конечно, Людмила Николаевна, будучи невероятно сильным и сложным человеком, где-то в глубине души оставалась одинокой... Непонятно, каким образом «рождалось» ее научное творчество. Известно, что первые мысли, тезисы будущих статей, докладов записывались ею на маленьких карточках простым карандашом, а текст выстраивался позже, но в остальном загадка, тайна... И еще Людмила Николаевна была великой труженицей. Как-то мы проезжали в троллейбусе по проспекту Ленина, и, кивнув на здание Республиканской библиотеки, она заметила: «Если бы кто-нибудь знал, сколько времени и сил отдано этому заведению...» Библиотек было много, и работала Людмила Николаевна всегда на совесть. Но одним трудолюбием невозможно объяснить все, что было достигнуто ею на тернистом научном и педагогическом поприще.

У Людмилы Николаевны был талант, точнее, россыпь талантов, она была творческой личностью, и масштаб этой личности ошеломляет и осознается во многом только сейчас, после ее ухода.

Самой Людмиле Николаевне запомнилось, как еще в детстве ею восхищался отец Николай Михайлович Оркин. Он был музыкантом и просил дочку поиграть на баяне, когда в доме собирались гости. Саму «процедуру» Людмила Николаевна терпеть не могла, как и все дети. Да и баян не раз изобильно орошался слезами, он был велик и неподъемен для хрупкой ученицы. А вот слова Николая Михайловича, которого Людмила Николаевна очень любила, согревали ее всю жизнь: «Вы посмотрите на нее, ведь это чудо... Я не потому, что она моя дочка...» Музыкальность Людмилы Николаевны памятна всему факультету, никто лучше нее не исполнял романсы, но у нее был еще один талант, артистический. Она могла перепеть весь репертуар Клавдии Шульженко голосом Клавдии Шульженко. В нынешних телевизионных проектах «Один в один» исполнителям создают внешний облик, портретное сходство с «изображаемым» певцом, при этом используются немалые средства и новые технологии (грим, костюмы и т. д.)... Арсенал Людмилы Николаевны был гораздо скромнее: только голос, интонация. Но эффект был поразительный, потому что воспроизводился «характер»

Шульженко, какие-то тончайшие нюансы, обертоны, неповторимый стиль исполнения... А собственный голос Людмилы Николаевны был совсем другим. За этим угадывалась огромная работа, фантастический слух и артистизм. Людмила Николаевна рассказывала, что пережила настоящие «минуты славы», когда в их комнату в общежитии Полтавского пединститута, где она тогда училась, стали приходить незнакомые люди, приводить с собой друзей и знакомых с одной-единственной просьбой: «послушать» Клавдию Шульженко в исполнении Людмилы Оркиной. Можно вспомнить и замечательные стихи Людмилы Николаевны, адресованные профессору кафедры литературы Владиславу Алексеевичу Степанову к его 75-летию.

Людмила Николаевна обладала еще одним талантом: она умела удивительно общаться с людьми. Везде, где ей довелось пожить сколь-нибудь длительное время, у нее появлялись друзья на всю жизнь. Людмила Николаевна ценила и умела бережно поддерживать отношения с коллегами по школе, аспирантуре, с коллегами по кафедре, с соседями по общежитию или лестничной площадке, как будто, где бы она ни жила, всюду ее окружали только замечательные люди.

Особо нужно отметить, как повезло тем, на кого распространялась забота и опека Людмилы Николаевны. Коллектив кафедры, которую возглавляла Людмила Николаевна, отличался какой-то особенной сплоченностью и доброжелательностью по отношению друг к другу. Все помнят, как она ухаживала за своей больной мамой Евгенией Гордеевной. А сколько посылок, сколько подарков переправлялось родным в Москву... Что говорить о «научных дочках» Людмилы Николаевны: каждая защищенная ее аспирантками диссертация была для нее особым куском жизни, когда она буквально дышала «за себя и за свою подзащитную», а потом отношения продлевались «на всю оставшуюся жизнь»... И за своим котом Басиком Людмила Николаевна ухаживала так, что мой сын Женя, услышав, какое у Басика меню, заявил, что хотел бы «пожить у тети Люды на положении кота»... Вот и еще один талант Людмилы Николаевны: она была блестящей рассказчицей. Даже тем, кто встречался с ней ненадолго, она запоминалась невероятным обаянием, остроумием. А когда приходилось говорить «о болячках», Людмила Николаевна умела пошутить над собой и поднять настроение окружающим. Ее не раз просили повторить анекдот «на бис», потому что никто лучше нее не умел рассказывать анекдоты.

Когда моя младшая сестренка поступала в институт, Людмила Николаевна занималась репетиторством. На просьбу позаниматься с сестрой Людмила Николаевна, ответила, что денег с моей сестренки она брать не будет, но разрешает ей поприсутствовать на занятиях, которые она будет проводить с другой абитуриенткой. Эти занятия запомнились моей сестре навсегда, потому что она больше не встречала педагога, который в таком совершенстве владел бы своим предметом. Людмила Николаевна давала виртуозные афористичные ответы, комментарии по любым вопросам, а не только

по изучаемой теме. Занятий было немного, потому что вскоре умерла Евгения Гордеевна, но эти встречи произвели неизгладимое впечатление на мою сестру.

Людмила Николаевна отличалась фирменным гостеприимством. Никогда не забудется, как щедро и изящно она принимала нашу шумную саунасотрапу, сложившуюся из бывших соседей по общежитию, где не имели значения чины и звания. И хотя хозяйка не потребляла «общечеловеческих» сладостей, целый набор этих продуктов держался в запасе для гостей. В этой же компании Людмила Николаевна любила попеть, причем слова советских песен 50-70-х годов, а особенно военных, она знала наизусть, в то время как все остальные заглядывали в старенький песенник.

Годы, проведенные рядом с Людмилой Николаевной, теперь кажутся праздником, счастьем. Я очень рада, что мне довелось пообщаться с ней долго, временами очень тесно, я дорожу моментами взаимопонимания, нашими долгими телефонными разговорами, прогулками... Она всегда была для меня примером недостижимым во многих отношениях, но как же с ней рядом было хорошо, как ее не хватает... Память о таком человеке может быть только светлой и долгой: «Я никогда тебя не позабуду, / вернее, временно, / пока живу»... А Андрей Вознесенский был любимейшим поэтом Людмилы Николаевны.

Автор:

Королькова Галина Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент; e-mail: galer33@mail.ru.

Author:

Korolkova Galina L. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; e-mail: galer33@mail.ru

Л. Н. ОРКИНА В МОЕЙ НАУЧНОЙ СУДЬБЕ

Аннотация. Статья посвящена воспоминаниям о профессоре Л. Н. Оркиной и о научном сотрудничестве с ней. В статье кратко освещаются те синтаксические явления, которыми интересовались как Л. Н. Оркина, так и автор воспоминаний.

Ключевые слова: Л. Н. Оркина, синтаксис, научное сотрудничество.

K. Ya. Seagal

L. N. ORKINA IN MY SCIENTIFIC DESTINY

Abstract. The article is devoted to the memories of the professor L. N. Orkina and scientific collaboration with her. The article briefly highlights those syntactic phenomena that were of interest to both L. N. Orkina and the author of these memories.

Keywords: L. N. Orkina, syntax, scientific collaboration.

В жизни каждого ученого бывают такие встречи, которые если и не определяют его научную судьбу в полной мере, то оказывают благотворное влияние на понимание им предмета своей научной рефлексии. Такие встречи привносят в жизнь ученого не учителей, но друзей и единомышленников, готовых понять и принять его взгляды и его творческий подход к предмету исследования. В моей научной судьбе подобных встреч было немало. Одна из них – встреча с Людмилой Николаевной Оркиной (далее – Л. Н.).

Мы познакомились в 1995 г. на кафедре русского языка МГОПУ (с 2006 г. – МГГУ им. М. А. Шолохова, с 2015 г. – МПГУ), где я был аспирантом и куда Л. Н. поступила в докторантуру. Оба мы занимались синтаксисом. Л. Н. проявила интерес к проблеме иконичности в синтаксисе, которой была посвящена моя кандидатская диссертация. Мне был крайне любопытен подход Л. Н. к сложноподчиненным предложениям с семантикой обусловленности, отстаиваемый ею в докторской диссертации. Вся вторая половина 1990-х гг. прошла в общении, как личном – при встречах в Москве, так и посредством писем, которые тогда еще писали рукой (а не на компьютере) и отправляли в здании почты.

Когда у меня вышла первая большая статья в центральном журнале, я отправил отпечаток статьи Л. Н. В ответ она поблагодарила, но посетовала на то, что я, говоря словами Л. Н., апеллирую к ее скромной персоне. Однако с такой самооценкой Л. Н. было трудно согласиться тому, кто не раз слушал

ее блестящие доклады, обменивался мнениями по разным синтаксическим вопросам, да и просто был окутан ее изысканной русской речью. Об этом своем несогласии я и сообщил Л. Н., потому что чувствовал и знал, что Л. Н. – искренний и безмерно добрый человек.

Как Л. Н. воспринимала меня в то время и позже? На этот вопрос я получил ответ в ее рецензии на мою книгу «Синтаксические этюды» (2006 г.). Л. Н. писала: «Мне довелось быть свидетелем творческого пути Кирилла Яковлевича Сигала в синтаксисе, начиная с его работы над кандидатской, а затем докторской диссертациями, и видеть, как растет мастерство исследователя, подкрепленное незаурядной работоспособностью, отменной интуицией, основанной на высочайшей лингвистической эрудиции и таланте» [Оркина 2007: 170].

Л. Н. была щедрым человеком: она всегда была готова подсказать тот или иной любопытный синтаксический факт, который по той или иной причине не попал в фокус внимания исследователя. Так, например, однажды Л. Н. поинтересовалась, буду ли я рассматривать в своей кандидатской диссертации сочинительные конструкции *стоит и думает, сидит и читает* и т. п., в которых статический глагол обычно стоит на первом месте (ср.: **думает и стоит, *читает и сидит*). Я размышлял о природе порядка компонентов в таких сочинительных конструкциях, но хотел обойтись на данном этапе без них. И тогда Л. Н. порекомендовала мне прочитать статью Дж. Миллера [Miller 1970], причем она привезла из Чебоксар (!) ксерокопию этой статьи.

Анализ привлеченного по совету Л. Н. синтаксического явления позволил выявить, что в сочинительных конструкциях типа *стоит и думает* оба члена унифицированы в аспектуальном плане (это глаголы несовершенного вида), причем компонент, стоящий после союза, «подравнивается» под компонент, стоящий перед союзом; что размещение статического глагола становится более свободным при его замене формой деепричастия и т. д. Спустя много лет я слышал, как в устном выступлении Л. Н. давала ссылку на этот фрагмент моей кандидатской диссертации, одобрительно отзываясь о нем. Несомненно, это было оценкой настоящего друга!

Надо сказать, что некоторые экстралингвистические причины, возникновение которых до сих пор остается непонятым мною (и до конца жизни – Л. Н.), не позволили нам защитить свои диссертации в МГОПУ. В 1999 г. я защитился в Институте языкознания РАН, а в 2000 г. Л. Н. – в РГПУ им. А. И. Герцена, что, как показало время, было промыслительно и благотворно для каждого из нас. В этот момент особую поддержку оказала Е. С. Кубрякова, которая выступила первым официальным оппонентом у Л. Н. и которая вела мою защиту, будучи заместителем председателя совета В. М. Солнцева.

В своей докторской диссертации Л. Н. объединила логико-семантический и аспектуальный подходы к сложноподчиненным предложениям с

семантикой обусловленности [Оркина 2000]. Благодаря этому стало возможным раскрыть всю семантическую многогранность этих конструкций, а также семантические основания их фразеологического «сдвига». При этом Л. Н. показывает семантическую закреплённость аспектуальных, таксисных и модальных форм, определяющую вариативность выражения того или иного семантического типа обусловленности в структуре сложноподчиненного предложения-высказывания. Можно утверждать, что Л. Н. разработала способ представления одного из важнейших фрагментов синтаксической системы гипотаксиса в русле идей функциональной грамматики А. В. Бондарко.

В 2004 г. состоялась защита моей докторской диссертации в Институте языкознания РАН. Когда встал вопрос об официальном оппоненте, специализирующемся в области русского синтаксиса, Е. С. Кубрякова ласково и как бы по-домашнему сказала: «Обратитесь к Люсе Оркиной». Л. Н. не только написала тонкий и глубокий отзыв (жаль, что в то время эти отзывы не подлежали публикации!), но и приехала в Москву и блестяще выступила на защите. Кстати, вопреки ожиданиям, Л. Н. говорила как о функциональном синтаксисе сочинительных конструкций, так и об экспериментальной части диссертации, продемонстрировав свои исключительные знания в области общей и экспериментальной психолингвистики.

После того, как были защищены докторские диссертации, мы с Л. Н. стали общаться еще и как научные руководители. Мне посчастливилось написать отзывы об авторефератах таких учеников Л. Н., как Е. А. Данилова (2010 г.), Е. В. Плотникова (2012 г.) и др. Один раз Л. Н. была гостем отдела экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН, который я возглавляю уже много лет. Она проявила большой интерес к монографиям, изданным сотрудниками отдела, и всегда пропагандировала их в курсах лекций (и программах) по теории языка.

Последний раз я видел Л. Н. 14 мая 2014 г. на защите докторской диссертации О. Ю. Авдевиной в МГГУ им. М. А. Шолохова, где Л. Н. выступала как официальный оппонент. Этот приезд в Москву был для Л. Н. очень трудным, но крайне необходимым с точки зрения духовной жизни. Она прекрасно выглядела, была, как всегда, остроумна и в то же время деликатна. Л. Н. рассказала мне о своей тяжелой болезни, о том, как ей комфортно в новой квартире и в то же время нелегко одной...

Иногда за наукой не видят человека, творящего эту науку. Правильно ли это? По-моему, нет. Для меня Л. Н., несмотря на глубочайшее уважение ее как ученого, была прежде всего православным человеком, которого можно поздравить с Рождеством Христовым и со Светлой Пасхой, за которого молишься и беседы с которым неизменно касаются жизни в вере. Я и сейчас молюсь о ее упокоении и сожалею о том, что мог быть невнимательным к Л. Н. или в чем-то не понять ее. Простите меня, дорогая Людмила

Николаевна! Царствие Небесное приснопоминаемой рабе Божией Людмиле!

Литература

1. Оркина Л. Н. Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Л. Н. Оркина. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 42 с.

2. Оркина Л. Н. Рец. на кн.: К. Я. Сигал. Синтаксические этюды; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН. – М.: Акад. гуманитар. исслед., 2006. – 156 с. / Л. Н. Оркина // Русский язык как интеллектуальная ценность и как учебный предмет. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. I. – Чебоксары: ЧГУ им. И. Я. Яковлева, 2008. – С. 170–174.

3. Miller J. E. Stative verbs in Russian / J. E. Miller // *Foundation of Language*. – 1970. – № 6. – P. 488–504.

Автор:

Сигал Кирилл Яковлевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия; e-mail: kjseagal@yandex.ru.

Author:

Seagal Kirill Ya. – Doctor of Philology, Chief Research Scientist, Head of the Department of Experimental Speech Research, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; e-mail: kjseagal@yandex.ru.

МОЙ УЧИТЕЛЬ

*Учитель! Перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!*

Н. А. Некрасов

Людмила Николаевна Оркина принадлежит к тем немногим людям, которые оставили глубокий след в моей жизни. И очень грустно и тяжело вспоминать о таких людях, потому что каждый раз при этом переживаешь боль и горечь от невозполнимой утраты.

Мое знакомство с Людмилой Николаевной состоялось на четвертом курсе, когда она начала вести у нас дисциплину «Синтаксис простого предложения». Потом в курсе истории лингвистических школ и общего языкознания мы познакомились с системно-структурным устройством и знаковым характером языка и законами его развития, со становлением и развитием лингвистической мысли от древности до современного состояния, с тенденциями развития науки о языке в настоящее время и основными лингвистическими парадигмами.

Занятия Людмилы Николаевны всегда были не только интересные и увлекательные, но и глубокие, насыщенные «метаязыком». Будучи очень эрудированной и организованной, она научила нас пытливо вглядываться в языковые формы и анализировать их, принимая во внимание все аспекты функционирования языка.

Также я писала у Людмилы Николаевны курсовую и дипломную работу, а потом поступила к ней в аспирантуру по специальности «русский язык». Тема кандидатской диссертации, конечно же, была связана с научными интересами Людмилы Николаевны, мы вместе исследовали высказывания с отношениями мотивационной обусловленности, анализировали их аспектуальные и темпоральные особенности. Помню, как я в любом художественном тексте выискивала конструкции с союзами а то и ведь, записывала их употребление в речи. В 2003 году Людмила Николаевна начала заведовать кафедрой теории языка и культуры речи, и под ее чутким руководством я уже начала работать преподавателем, параллельно обучаясь в аспирантуре. Несомненно, с полным правом можно утверждать, что Людмила Николаевна стала моей научной мамой в мире лингвистики и ею же останется.

Нельзя не отметить личные качества Людмилы Николаевны. Она всегда была открытая и добрая, интересовалась нашей жизнью и самочувствием детей. Очень ярко вспоминаются два момента. Первый связан с моим замужеством. Людмила Николаевна после моей свадьбы призналась, что очень переживала, как бы занятия наукой не сказались на личной жизни. Она была рада тому, что я уже во время обучения в аспирантуре вышла

замуж. Второй момент связан уже с моей старшей дочкой. После рождения Даши Людмила Николаевна вместе с членами кафедры приехала в гости с поздравлением. И моя дочь, которая абсолютно не шла к другим людям, признавала в основном только маму, спокойно просидела на руках у Людмилы Николаевны весь вечер. Она еще пошутила тогда, что Даша точно пойдет по ее стезе.

Светлые воспоминания о Людмиле Николаевне наполняют теплом. Память о ней вечно будет в наших сердцах.

Автор:

Юркина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; tanya-yurkina@yandex.ru

Author:

Yurkina Tatyana N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tanya-yurkina@yandex.ru

ПРО ЛЮСЮ

Впервые я услышала про Людмилу Николаевну, когда меня приняли на кафедру русского языка после работы по распределению в школе. Сначала это была сельская школа, куда я поехала вслед за мужем, окончившим филфак двумя годами раньше меня. Когда мы вернулись в Чебоксары, я устроилась в СОШ № 36, после чего стала работать в пединституте и узнала, что на кафедре русского языка появилась новенькая – бывшая учительница из СОШ № 19. Я сразу почувствовала какую-то родственную связь с Людмилой, с которой даже ещё не была знакома: просто школы № 19 и № 36 находятся в 300-х метрах друг от друга, их разделяет спортплощадка.

Следующее знаковое событие, связанное с Людмилой, было через три года, когда я поехала в Ленинград для лечения в центре «Семья»: у нас с мужем долго не было детей. Моя однокурсница, другая Людмила, Пастухова, училась в аспирантуре ЛГПИ и жила в общежитии на набережной Мойки. Она устроила меня на жительство в пустующую комнату аспирантки Люси Оркиной, которая была в диалектологической экспедиции. Когда через год после этого у меня родился сын Никита, я шутила, что две Людмилы весьма причастны к этому событию, одна даже заочно. Впоследствии Людмила Николаевна уже очно приложила руку к тому, чтоб Никита защитил под её руководством дипломную работу.

Вспоминаются наши встречи на работе в преподавательской, на заседаниях кафедры, в 5-м общежитии, про которое многие наши коллеги говорили: «Все мы вышли из ... 5-го общежития», памятуя о Гоголевской «Шинели», на дружеских посиделках – с Люсей было всегда интересно. Сестра моя была замужем за украинцем, и я всегда веселила Ольгу и Витю Скрупских анекдотами на «рідной мове», которые любила и умела рассказывать Люся. Ещё бы! Ведь она училась в Полтавском пединституте! А ещё она любила петь, и как это было здорово! Она умела пародировать известных певиц, и очень артистично! Как-то моя любимая преподавательница Тамара Николаевна на праздновании чьего-то юбилея призналась, что очень любит песню «Среди долины ровныя», но её никто не знает и не поёт в компаниях. «Как никто не знает!» – вскричала я и запела (мы эту песню учили в школе), а Люся подпела. И мы спели аж четыре куплета из семи! Тамара Николаевна растрогалась, а Люся сказала: «Если бы это зависело от меня, я бы брала на филфак только тех, кто умеет петь». Тут я была с ней вполне солидарна.

За полгода до смерти моего мужа на меня напала жуткая депрессия (у моей сестры это случилось через полгода после смерти Скрупского), из которой я долго выкарабкивалась. Я не смогла пойти к Люсе, когда она прощалась с коллегами и уезжала в Москву. Если бы я знала, что больше её не увижу! Никогда! Даже на похоронах, что прошли в Чебоксарах, куда брат

Люси привёз её прах: она собиралась упокоиться рядом с матерью. О ней и об отце, награждённых медалью «За победу над Германией» и юбилейными медалями, она с такой любовью написала в «Книге памяти о войне», где наши студенты и преподаватели рассказывали об участниках войны: *«Мои родители оба участвовали в Великой Отечественной войне. Отец, Оркин Николай Михайлович (1915–1979), старший сержант батальона авиаобслуживания, прошёл дорогами войны с 10 июля 1941 года по 9 мая 1945 года, встретил Победу в Берлине. Мать, Оркина Евгения Гордеевна (1920–1994), с августа 1943 по июль 1944 года работала фельдшером передвижного эвакогоспиталя № 1107, который следовал за линией фронта и подбирал раненых. С войсками госпиталь добрался до Житомира, но в июне 1944 года у мамы родился сын Евгений, и ей пришлось остаться в городе, где она продолжала лечить раненых и больных. Они ласково звали её «дохтурша».*

Отец закончил Хабаровский музыкальный техникум и часто участвовал в работе концертных бригад, играл на баяне. Как-то он рассказал, что однажды на приёме после концерта видел маршала Рокоссовского с Валентиной Серовой». Вот откуда у Люси такая артистическая натура! Это гены!

Хотелось бы закончить воспоминания на оптимистической ноте, словами, которые были сказаны на её юбилее: «Этапы Вашего жизненного пути отражены в словаре названий жителей нашей страны: **камчадалка, полтавчанка, казахстанка, чебоксарка, ленинградка**, опять **чебоксарка, москвичка** и опять-таки **чебоксарка**. Все эти названия были Вами отмечены как **школьница, студентка, комсомолка, учительница, преподавательница, аспирантка, доцент, докторантка, профессор, заведующая кафедрой и просто красавица!** То есть Ваши ипостаси можно найти в других словарях, а также в названиях профессий в Кодексе законов о труде, благодаря которому (труду) Вы и добились таких результатов, что Вами гордится и наш факультет, и наш университет, и члены Вашей семьи».

Я горжусь тем, что почти 40 лет работала рядом с таким интересным человеком, я рада, что судьба свела меня с удивительной женщиной, с которой была испытана радость человеческого общения.

Автор:

Якушкина Зинаида Никитична – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: zinaalevtinina@mail.ru;

Author:

Yakushkina Zinaida N. – Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: zinaalevtinia@mail.ru.

РАЗДЕЛ 1. ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 811.161.1

В. В. Волков

СЕМАНТИКА СУБДЕСКРИПТОРОВ В РУССКОМ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ (ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. Цель исследования – моделирование семантических процессов при герменевтической интерпретации русских темпоральных лингвистических терминов *настоящее, прошедшее, будущее*. Полученные результаты показали, что прошлое и настоящее в русском языковом сознании связаны с конкретным пространством и временем, а будущее находится вне такой связи.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле, темпоральность, морфосемантика, герменевтика, лингвоментальные структуры.

V. V. Volkov

SEMANTICS OF SUBDESCRIPTORS IN THE RUSSIAN FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF TEMPORALITY (HERMENEUTIC ASPECTS)

Abstract. The study aims to make a model of the semantic processes taking place during hermeneutic interpretation of the Russian temporal linguistic terms “настоящее”, “прошедшее”, “будущее”. The findings indicate that the Past and the Present in the Russian language consciousness are connected with a specific space and time, but the Future is outside of such a connection.

Keywords: functional-semantic field, temporality, morpho-semantics, hermeneutics, linguoamental structures.

Заголовочные (дескрипторные) лексемы (лексико-)грамматической категории времени и соотносительного функционально-семантического поля (ФСП) темпоральности в русском языке – *темпоральность / время*. Обратим внимание, что в однословном варианте возможно лишь латинизированное именование категории / поля – *темпоральность* (рус. *временный, временность* не несут необходимого обобщенно-категориального значения), соотносительные термины с русским корнем *врем-* – только двусловные (*категория времени, ФСП времени*).

Какие глубинные смыслы русского сущ. *время* препятствуют однословному терминологическому опредмечиванию процессов / результатов категоризации темпоральных представлений в производном *временность*?

Общий подход к вопросам такого типа известен, его существо точно выражается в понятии «культурная память» (слова), а применительно к представлениям о времени – в «столкновении архаического и современного сознания» [Яковлева 1998: 60]. Глубинные темпоральные смыслы «культурной памяти» о времени, вероятно, связаны с фундаментальной оппозицией *век – время*, содержание которой определяется взаимодействием сакрально-религиозного (христианского) и секулярного аспектов русского языкового сознания, в результате чего категория времени, по данным Т.И. Вендиной, издавна «была не только сакрализована, но и социологизирована», тогда как понятие вечности «было полностью сакрализовано» [Вендина 2002: 204]. Дальнейшего погружения в этот вопрос мы избегаем (о различных вариантах концептуализации времени см., например: [Чугунова 2009]), сосредоточиваем внимание на «культурной памяти» категориальных субдескрипторов времени, основываясь на «реэтимологизации и актуализации внутренней формы» лексем (об этих лингвистических технологиях см., например: [Волков 2019]).

Базовые субдескрипторные лексемы поля темпоральности в русском языке фиксируют три опорных направления отсчета времени по отношению к моменту речи: *прошедшее, настоящее, будущее*. Следуя процедурам филологической герменевтики, основывающимся на феноменологической установке, по точной формулировке М. Хайдеггера, «...увидеть то, что себя кажет, из него самого так, как оно себя от самого себя кажет» [Хайдеггер 2015: 34], обращаем внимание, что все три русские субдескрипторные темпоральные лексемы, несмотря на их фундаментальное значение в жизни людей, – не простые производные, но, напротив, производные лексемы, а именно – субстантиваты с достаточно сложной морфемно-словообразовательной структурой и затемненными внутрисловными морфосемантическими отношениями, иначе говоря – с затемненной семантико-словообразовательной внутренней формой, связь которой со значениями достаточно отчетливо просматривающихся корневых морфем от непосредственного восприятия ускользает.

С целью пояснения существа задачи – лингвогерменевтически «всмотреться» во внутренние формы названных трех темпоральных лексем – отметим следующее. В лингвистике весьма желательно, чтобы, следуя органичной логике языковой системы, именование любого исследуемого поля (лексико-семантического, функционально-семантического или иного) было, во-первых, именем существительным, во-вторых, представляло собой по возможности краткое (в идеале – производное) слово с хорошей словообразовательной валентностью, позволяющей эффективно (= «понятно») использовать имеющиеся или конструировать по необходимости новые производные, отсылающие к дескриптору как названию поля. Так бывает (удачные примеры: *число, лицо* и др.), но далеко не всегда. Дескрипторы русских темпоральных субполей – не существительные, а прилагательные, причем

производные, включающие более двух морфем (не считая флексий), с минимальной словообразовательной валентностью, однако выступают как обобщенно-категориальные именованья для фундаментальных, повседневно значимых представлений о «раньше», «сейчас», «потом». Заметим, что и вообще в русском языке нет подходящих существительных, выступающих как семантические эквиваленты глагольных форм *было – есть* (сейчас) – *будет* (ср.: [Морковкин 1977]). Субстантивные квазисинонимы (симяры) типа *история, старина, древность*, разумеется, далеки от точного соответствия семантике прил. *прошедший*. В отсутствии подходящих (желательно непроизводных) существительных, фиксирующих три ключевых периода времени, и в сложности морфемно-словообразовательной структуры используемых для этой цели прилагательных усматривается некая лингвоментальная филологическая «загадка», заслуживающая если не «окончательного решения» (что едва ли возможно), то, во всяком случае, специального внимания.

В Словообразовательном словаре [Тихонов 1985] прил. *прошедший* – заголовочное слово гнезда, то есть трактуется как (синхронно) непроизводное, утратившее членимость в результате опрощения, далее субстантивация: *прошедший* → *прошедшее* (сущ.). Основания решения о непроизводности очевидны: супплетивизм корней при образовании форм прошедшего времени: *идти – шел, шедший* и т. д. Поскольку, однако, супплетивизм предполагает полное семантическое тождество лексических значений формально различных корней, то в аспекте филологической герменевтики семантико-словообразовательная цепочка с (условно) финальным сущ. *прошедшее* может быть представлена следующим образом: *идти* → *пройти* → *прошедший* → *прошедшее*. Тем самым можно прямо, непосредственно соотносить семантику прил. *прошедший* и словосочетания *прошедшее время* с глаголом движения *идти*.

Аналогичным образом прил. *настоящий* трактуется в Словаре как (синхронно) непроизводное; результирующая цепочка (словообразовательная пара): *настоящий* → *настоящее* (сущ.). Основание решения о непроизводности прил. *настоящий* – распад семантической связи с глаголом *стоять*. Семантико-словообразовательная цепочка, актуализирующая эту связь: *стоять* → *настоять* → *настоящий* → *настоящее* (сущ.).

Прил. *будущий* в Словаре тоже непроизводное; далее двухкомпонентная цепочка (пара): *будущий* → *будущее* (сущ.). При актуализации семантической связи с *быть* получаем: *быть* (*будет*) → *будущий* → *будущее* (сущ.).

Заметим, что реконструированные семантико-словообразовательные цепочки, актуализирующие внутреннюю семантико-словообразовательную форму темпоральных терминов, можно считать неполными, усматривать в них промежуточное звено – причастие или причастие-прилагательное: *идти* → *пройти* → *прошедший* (прич.) → *прошедший* (прил.) → *прошедшее*; *стоять* → *настоять* → **настоящий* (прич., потенциализм?) → *настоящий*

(прил.) → *настоящее* (сущ.). В случае с *будущий* налицо «сразу» имя прилагательное с причастным суффиксом, без адъективации, поскольку, так сказать, «причастия будущего времени» в русском языке могут выступать только как потенциализмы или окказионализмы (ср.: **сделающий*, **сумеющий* и т. п.). Сомнения в узуальности других приведенных причастий (*прошедший* в речевой практике действительно выступает как причастие (*недавно прошедший дождь*), возможность для *настоящий* выступать в функции причастия потенциальна) мы оставляем без комментариев.

Таким образом, семантическую основу внутренней формы темпоральных субдескрипторов *прошедшее*, *настоящее*, *будущее* (время) составляет глагольная семантика: *идти*, *стоять*, *быть* соответственно. Следовательно, существо лингвоментальных различий между темпоральными представлениями о трех базовых периодах времени нужно / можно искать в глагольной семантике.

Идти и *стоять* противопоставлены *быть* по параметру релевантности – нерелевантности, обязательности – необязательности пространственно-временной локализованности субъекта, иными словами – по пресуппозитивной «вписанности–невписанности» субъекта в пространственно-временные координаты. С одной стороны, *идти* – глагол с базовой семой ‘двигаться’: «двигаться в пространстве в определенном направлении» (глагол поступательного движения, с последующим локативно-темпоральным переносом: «двигаться в пространстве > во времени»); *стоять* – глагол с базовой семой ‘пребывать’: «находиться в неподвижном состоянии» (глагол статичного пребывания в определенном времени и пространстве) [Толковый словарь русских глаголов 1999: 28, 472]. С другой стороны, *быть* – в синонимизирующем однословном толковании «существовать» [Русский семантический словарь 2007: 88], с не членимой на компоненты семой ‘быть’, коррелятивной *существовать* как «первичному понятию», не определяемому через что-либо предлежащее ему.

Суммируя сказанное, противопоставим названия периодов времени по ключевым, опорным семам: 1) *прошедшее* ‘идти, двигаться’ – сема пространственного > временного движения «вперед»; 2) *настоящее* ‘стоять’ – сема пространственного > временного пребывания в состоянии неподвижности; 3) *будущее* ‘быть’ – «первичная», не поддающаяся «расчленяющему» толкованию сема.

Таким образом, внутренняя морфемно-словообразовательная семантическая форма русских темпоральных субдескрипторов *прошлое* и *настоящее* инициируется процессуальной глагольной семантикой, пресуппозитивно предполагающей локализованность – «вписанность» субъекта в некоторые пространственно-временные координаты, тогда как внутренняя форма субдескриптора *будущее* какой-либо пространственно-временной (потенциальной) определенности не предполагает.

Возможная лингвоментальная интерпретация данного явления: в русском языковом сознании прошлое ассоциируется с движением, настоящее – с «бездвижным» пребыванием, будущее – с бытием, что суммарно может быть интерпретировано как представление об устремленности «стрелы времени» от существования к бытию, которое не может быть обретено здесь-и-сейчас, но только «завтра / потом».

Литература

1. *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
2. *Волков В. В.* Реэтимологизация и актуализация внутренней формы церковнославянизмов в практике изучающего чтения молитвословных текстов // Тенденции развития современной отечественной филологии / Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2019. – С. 7–41.
3. *Морковкин В. В.* Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 168 с.
4. *Русский семантический словарь.* Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – 924 с.
5. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1985.
6. *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко.* – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
7. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М.: Академический проект, 2015. – 460 с.
8. *Чугунова С. А.* «Движение времени» у представителей разных культур. – Брянск: Брянский гос. ун-т, 2009. – 240 с.
9. *Яковлева Е. С.* О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 43–73.

Автор:

Волков Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия, e-mail: volk7valery@yandex.ru

Author:

Volkov Valery V. – Doctor of Philological Sciences, Professor at the Chair of Russian Language, Tver State University, Tver, Russia, e-mail: volk7valery@yandex.ru

СОВРЕМЕННАЯ ПУНКТУАЦИОННО-ГРАФИЧЕСКАЯ АРАНЖИРОВКА ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматривается специфика пунктуационно-графической аранжировки высказывания и текста в современной русской прозе, предлагается интерпретация особенностей стиля ряда авторов (А. Королева, В. Пелевина, Д. Глуховского, Л. Петрушевской, Л. Улицкой и др.).

Ключевые слова: высказывание, многокомпонентное сложное высказывание, пунктуационно-графическая аранжировка, современная русская проза, текст.

I. A. Martianova

MODERN PUNCTUATION AND GRAFIC ARRANGEMENT OF STATEMENT AND TEXT

Abstract. The article discusses the specificity of the punctuation and graphic arrangement of the statement and text in modern Russian prose, provides an interpretation of some writer's style features (A. Korolev, V. Pelevin, L. Petrushevskaya, D. Glukhovsky, L. Ulitskaya, V. Tuchkov, etc.).

Keywords: statement, multi-component complex utterance, punctuation and graphic arrangement, modern Russian prose, text.

За редким исключением синтаксические инновации привлекают исследовательское внимание преимущественно в том случае, когда приобретают вид пунктуационно-графического казуса [Семьян 2006; Шмелева 2012]. Однако можно посмотреть на это явление шире, интерпретировать не только "пунктуацию", тем более не так называемую авторскую пунктуацию, а пунктуационно-графическую аранжировку [Шубина 2006] современной русской прозы. Интерпретировать, учитывая не только тенденцию ее озвучивания, но и визуализации.

Современный читатель – это по праву читатель-зритель, изоощренное зрение которого воспитано литературной традицией и опытом восприятия визуальных искусств. Школой наблюдения отличаются книги Л. Улицкой, Д. Рубиной, Т. Толстой, Л. Петрушевской, А. Матвеевой, В. Пелевина, В. Сорокина. В режиме напряженной визуально-графической актуализации разворачивается текст романа А. Королева «Человек-язык»:

Глаз читателя должен тут же ослепнуть от яркости ядовито-зеленой растительности.

Специфика подобных текстовых фрагментов выражается в так называемом обратном, или реверсивном, отступе, в пробелах, выделяющих значимые в композиционном отношении синтаксические единицы, композитивы, не обязательно совпадающие по объему с высказыванием (в приведенных примерах каждый композитив занимает отдельную строку).

Композитив – единица организации текста, выделяемая пунктуационно-графически в силу своей композиционной значимости. Ее объем обусловлен участием в выполнении различных композиционных функций: выражения точки зрения, изображения художественного времени, крупности плана и др. В идее композитива выражается представление о том, что язык одинаково предоставляет писателям набор своих синтаксических единиц, но уже от них зависит характер их текстовой реализации и взаиморасположения.

В приведенном примере композитивы, актуализированные графически, собраны в *строфоид* – единицу организации художественного и публицистического текста, представляющую собой содержательное, ритмическое и интонационно-синтаксическое единство, имеющее специфический характер графического оформления, с обратным, как в стихотворном тексте, абзацным отступом.

Ранее этот термин был использован М. Л. Гаспаровым [Гаспаров 1989: 425] для обозначения единиц стихотворной речи, подобных строфе, но не выдерживающих строгих принципов ее организации. Как известно, Г. Я. Солгаником [Солганик 1991] был предложен и активно используется термин *прозаическая строфа*. Мы предпочитаем ему термин *строфоид* не только потому, что прозаическая строфа оказалась уже зарезервированным термином, но и потому, что он, в понимании Г. Я. Солганика и других исследователей, не обнаруживает своей специфики по сравнению с ССЦ. В значении избранного нами термина особенно важным является компонент ‘подобный’, то есть не являющийся строфой и вместе с тем имеющий с ней определенные черты сходства, которые становятся особенно очевидными при обращении к современной поэзии.

Строфоид не обладает строгостью, соразмерностью и стабильностью классической стихотворной строфы, однако он подобен ей тем, что объединяет композитивы не только содержательно, но и ритмико-интонационно. К нему также применимы столь актуальные для поэзии понятия, как *рифма*, *межстрочный* и *межстрофический перенос*:

И тут начинался вестерн
тут загремела погоня
не всадников но кентавров
котамахия
крысомахия
мафия против мафии (Л. Петрушевская. Как Гоша драл Ксюшу)

На функционирование строфоида влияют тенденции визуализации современной культуры, открывающая разнообразные возможности самовыражения в графическом моделировании текста. Создавая строфоид, авторы (Г. Щербакова, Л. Петрушевская, А. Королев, И. Полянская, М. Палей, В. Сорокин и др.) ритмическими, интонационными, графическими средствами настаивают на его целостном эстетическом восприятии.

Обращение к проблеме современной пунктуационно-графической аранжировки требует также рассмотрения многокомпонентных сложных высказываний (МСВ). В отечественной прозе последнего двадцатилетия в виде "предложения" нередко предстает целый текст или его значительная часть (В. Пелевин, Л. Петрушевская, Т. Толстая, В. Тучков, Е. Водолазкин). В отличие от МСВ классической литературы, подобные образования демонстрируют нарушение нормы членения и мира, и текста [Фарино 2004: 517], вместе с тем они отвечают принципам развертывания современного прозаического дискурса.

МСВ нередко воспринимается как синтаксическая аномалия. Г. Н. Акимова, анализируя текст рассказа В. Пелевина "Водонапорная башня", равный одному МСВ, назвала его "синтаксическим нонсенсом" [Акимова 2006]. На наш взгляд, подобные высказывания представляют собой, скорее, не нонсенс, а парадокс пунктуационно-графической аранжировки различных по своей природе синтаксических явлений.

Если для лингвиста пунктуационное оформление высказывания является далеко не главным показателем его предложенческой сущности (особенно в случае так называемого графического бессоюзия), то для массового читателя знаки конца определяют границу предложения. Ранее в результате анализа широкого по временному диапазону и разнообразного в жанровом отношении текстового материала в составе МСВ были выделены: 1) текстовые реализации сложных предложений с одним или разными видами связи; 2) фрагменты текста; 3) синкретичные образования, наделенные чертами явлений первого и второго типов [Кальниченко 2013: 56–60]). Функциональный потенциал МСВ обусловлен их полипредикативностью, значительным объемом, структурно-семантической сложностью, текстовым изоморфизмом, стимулирующим их способность участвовать в выражении категорий связности, членимости, напряженности и модальности, в осуществлении взаимодействия образов автора, персонажей и читателя. Представление текста в образе предложения – не частная идиостилевая черта, а симптоматичный показатель развертывания новейшего прозаического дискурса. Его авторы нарушают читательские ожидания, конструируя в тексте континуальную картину мира, но подразумевая при этом трагическую иллюзорность организации хаоса.

Литература

1. *Акимова Г. Н.* «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. – 2006. – № 3. – С. 25–29.
2. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. – М.: Наука, 1989. – 302 с.
3. *Кальниченко Ю. О.* Традиции и новаторство в лингвистической интерпретации многокомпонентных сложных высказываний // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2013. – № 162. – С. 56–60.
4. *Семьян Т.* «Руины текста» (компьютерные приемы в визуальном облике современной прозы) // Художественный текст как динамическая система. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 308–315.
5. *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика. – М.: Флинта, 2014. – 514 с.
6. *Фарино Е.* Введение в литературоведение. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.
7. *Шмелева Т. В.* Визуализация синтаксиса // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии: Очерки. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. – С. 339–347.
8. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского язык. – М.: Academia, 2006. – 248 с.

Автор:

Мартьянова Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: irine.pismo@gmail.com

Author:

Martianova Irina A. – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chair of Russian language, Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia; e-mail: irine.pismo@gmail.com

ОТ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ ДО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ДИНАМИКИ: ВЕКТОРЫ НАУЧНОГО ПОИСКА

Аннотация. В статье в систематизированном виде представлен круг вопросов и проблем, возникающих в области функциональной грамматики. Все теоретические положения проиллюстрированы примерами. Обоснована актуальность потенциальных путей дальнейшего рассмотрения идей ФГ и принципов анализа конкретного языкового материала. Выявлены тенденции и перспективные линии рассмотрения принципов реализации идей ФГ в междисциплинарных исследованиях: коммуникативное событие, ценностно-смысловое пространство, социальная деятельность людей в ракурсе времени.

Ключевые слова: функциональная грамматика, дискурс, порождение речи, категоризация и концептуализация, инвариантность и прототип.

FROM FUNCTIONAL GRAMMAR TO INTERDISCIPLINARY STUDY OF LANGUAGE DYNAMICS: VECTORS OF SCIENTIFIC SEARCH

Abstract. The paper presents in a systematic way a range of issues and problems arising in the field of functional grammar. All theoretical positions are illustrated with examples. The relevance of potential ways of further consideration of the ideas of FG and the principles of analysis the specific linguistic material has been substantiated. The tendencies and promising lines of consideration the principles of implementing the ideas of FG in interdisciplinary research are revealed: a communicative event, value-semantic space, social activity of people in the perspective of time.

Keywords: functional grammar, discourse, speech generation, categorization and conceptualization, invariance and prototype.

Имя Людмилы Николаевны Оркиной отнюдь не является абстрактным для меня: мы вместе с ней учились в очной аспирантуре в Санкт-Петербурге, где нашим научным руководителем был д.ф.н., проф., член-корр. РАН РФ А. В. Бондарко. В ее работах поразительно совмещены как традиции изучения вопросов функциональной грамматики, идущие от нашего выдающегося научного руководителя, так и столь характерные для современного языкознания новаторские идеи и новые подходы и установки к описанию языковых явлений, относящиеся к концептуализации и категоризации мира, которые органично вплетаются в общую ткань ее научных изысканий.

Многогранность таланта Л. Н. Оркиной – в ее способности аналитического мышления харизматичного лидера: она сумела создать настоящую научную школу своих учеников и последователей на базе ЧГПУ в г. Чебоксары, завоевав их симпатию и доверие к плодотворным и блестящим идеям представителей Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики.

ОБЩАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОБОСНОВАНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ. Концептуальным основанием теории функциональной грамматики (далее – ФГ) является постулат о взаимосвязи анализа семантической категории, функционально-семантического поля (далее – ФСП) с этапами моделирования структуры поля, а также изучением языковых единиц в их типовых репрезентациях в речи (в высказывании, тексте и дискурсе), для анализа которых служит понятие «категориальная ситуация» (далее – КС). Проведенные системно-интегрирующие исследования в ракурсе ФГ [Бондарко 2002: 28–35; Алефиренко, Нуртазина 2017: 709–711; Оркина 2000: 3–6] способствовали как бы очерчиванию контуров текстообразующих и дискурсивных потенций компонентов, выражающих те или иные категориальные значения, интенциональности и смысловой релевантности, и предполагали возможность новых подходов к проблеме столь сложного явления и новых путей его решения.

Развитие современной лингвистики способствовало актуализации и сосуществованию нескольких научных парадигм: системно-структурной, номинативно-прагматической и когнитивно-дискурсивной, в фокусе теоретических изысканий которых оказываются вопросы анализа функциональной системности, когда самые разнообразные средства, относящиеся к различным языковым уровням, участвуют в выражении определенных семантических функций [Бондарко 2007: 195-197; Петрухина 2000: 49-55; Кубрякова 2004: 239-241]. Теоретические установки, а также научные результаты и достижения ФГ дали своего рода «модель» постановки новых проблем функционального объяснения языковых явлений (особенно изыскания в области когнитивно-дискурсивной лингвистики) и существенность тонких интерпретационных оттенков для определения и объяснения семантических функций в их системно-языковом потенциальном аспекте.

Полисистемный и системно-дифференцирующий анализ синтагматических отношений языковых единиц в аспекте их рассмотрения в ракурсе ФГ позволяет системно интегрировать и концептуально соотнести разноразличные средства выражения семантических категорий. Так, например, рассматривается таксис как полистатусную функционально-когнитивную категорию, которая определенным образом интерпретирует, как человек «воспринимает хронологическое значение одновременности / разновременности действий вместе с элементами аспектуальной семантики, связанной с выражением характера протекания и распределения действий во времени в рамках целостного временного периода» [Алефиренко, Нуртазина 2017: 712]. Отметим неоспоримый факт, что в семантике таксиса облигаторно

представлены аспектуальные характеристики соотносимых во времени действий, а также коммуникативно-прагматические признаки, которые связаны со степенью грамматической зависимости выражаемых действий друг от друга, например, – главное – побочное (сопутствующее).

Представляется важным и перспективным справедливое указание Л.Н. Оркиной о том, что полистатусность данной категории наиболее отчетливо проявляется в тексте и дискурсе, интегрирующем различные категориальные проявления и коммуникативно-речевые аспекты таксиса [Оркина 2000; Оркина 2013]. Категоризация – это главный способ придать воспринятому миру упорядоченный характер, систематизировать как-то наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других [Кубрякова 2004]. Важно поэтому попытаться понять, на основании каких критериев человек выносит подобные суждения и разносит увиденное, услышанное или прочувствованное по определенным группировкам, особенно тогда, когда речь может идти об обусловленности аспектуально-темпоральной соотнесенности действий и событий.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА И СИТУАЦИИ. Вместе с тем, комплексное исследование ФСП на примере таксиса с системным моделированием и структуры поля в его типовых репрезентациях в речи (в высказывании, тексте и дискурсе), для анализа которых служит понятие аспектуально-таксисной ситуации (далее – АТС) позволяет выйти на новый уровень осмысления проблематики в русле наиболее значительного и интенсивно разрабатываемого направления в языкознании – когнитивно-дискурсивного.

Со сменой направлений и парадигм в лингвистике меняется и подход к АТС: от таксономической модели описания к функционально-коммуникативной с подключением аппарата логики, теории речевых актов, когнитивной лингвистики. В результате различные аспекты проблемы таксиса устойчиво сохраняются как признанный предмет дискуссий. Поэтому актуальной остается рассматривать семантику таксиса как системы субкатегориальных значений с опорой на те структуры, которые являются их носителями. Разработка функционально-грамматической типологии таксиса на базе понятий и категорий ФГ «ФСП», «КС» и когнитивной лингвистики – «когнитивная модель» и вопросов, связанных с прагматическими и когнитивно-дискурсивными аспектами речевой деятельности, позволяет наиболее плодотворно осуществить многоаспектный подход к изучению таксиса, определить многообразные системные связи и взаимодействия моделей построения полипредикативного комплекса, выявить градацию семантических признаков во всей ее сложности с учетом формальной вариативности [Алефиренко, Нуртазина 2017; Петрухина 2000].

Так как понятие таксиса вошло в лингвистический обиход сравнительно поздно, то оно оказалось в кругу других категорий, что потребовало от лингвистов определения отношений между таксисом, предикативностью и дейксисом, таксисом и эвиденциальностью, таксисом, относительным

временем и видом; в категориях темпоральности, временной локализованности, аспектуальности и временного порядка. Таксис соотносится также с понятиями «возникновение новой ситуации» как аспектуальной функции, реализующейся в различных условиях, в том числе и в монопредикативных высказываниях [Бондарко 2002], и «секвентность» как таксисное в своей основе отношение, выражаемое в полипредикативных конструкциях и их сочетаемость в тексте [Бондарко 2007]. На рисунке 1 продемонстрирована в виде орбитальной модели взаимосвязь семантической категории временного порядка в ее отношении к темпоральности, аспектуальности и временной локализованности.

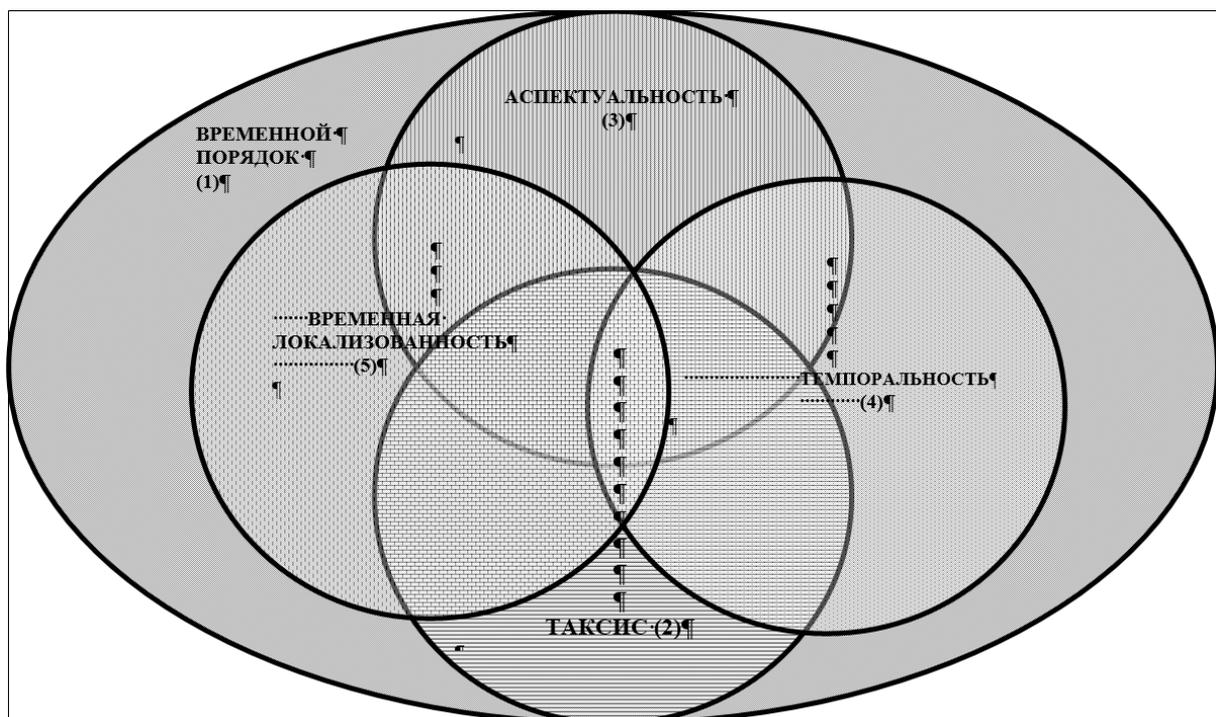

Рис. 1 – Семантическая категория временного порядка в ее отношении к таксису, аспектуальности, темпоральности и временной локализованности

Временной порядок – это особая семантическая категория, более широкая и объемная, чем таксис, аспектуальность, темпоральность и временная локализованность, так как «временной порядок возможен в такой области, которая не имеет никакого пространственного порядка, а именно в сфере психического опыта человека» [Рейхенбах 1985: 130]. Специфика исследования категории временного порядка заключается в доминирующей направленности анализа на изучение репрезентации ее в высказывании и целостном тексте. На рисунке 2 показана возможность реализации семантического временного комплекса в разных семантических категориях.

Семантические категории, связанные с идеей времени	Общая временная ориентация	Связь с аспектуальностью	Тип синтаксической конструкции		Текст
			полипредикативная	монопредикативная	
Таксис	предшествование-следование и одновременность	+(облигаторная)	+	-	+
Аспектуальность	характер протекания и распределения действия во времени	+	+	+	+
Темпоральность	ориентация на момент речи, временной дейксис	-	+	+	+
Временная локализованность	единичность/ повторяемость, конкретность / абстрактность	+ -	+	+	+
Временной порядок	динамичность «наступлений фактов» (смены ситуаций) и статичность длительностей	+ -	+	+	+

Рис. 2 – Реализация семантического временного комплекса в разных структурах

Таким образом, таксис пересекается в едином комплексе временного порядка, аспектуальности, темпоральности и временной локализованности. Поэтому разграничение и соотнесение всех семантических категорий, отражающих разные стороны идеи времени, позволяют более полно представить общую систему языковой интерпретации понятия времени и роль каждого компонента в этой системе. Вместе с тем, следует также отметить, что семантический потенциал таксиса формируется в результате межкатегориального взаимодействия, охватывающего также и категорию модальности, например, в сфере будущего времени как гипотетической, предположительной модальности субъекта, что обусловлено особенностями представления будущего времени в сознании воспринимающего субъекта, например: *«Настанет день, – печальный, говорят, Отцарствуют, отплачут, отгорят, – Остужены чужими пятаками мои глаза, подвижные, как пламя»* (М. Цветаева. Стихи о Москве).

Полевая методика четко реализует идею о возможности системного изучения речевого материала, формирует критерии анализа, предполагает осмысление сущности каждой из входящих в поле единиц, ее смыслового и грамматического потенциала, необходимость обращаться к ситуации, чтобы более тонко разграничить разные случаи ее употребления. Поэтому использование ситуативной методики дает возможность представить семантику

языка в виде определенной структуры, наиболее детально и адекватно описать систему вариативности в области таксисной семантики.

Закономерно и естественно в единой системе анализа таксиса интегрируются идея инвариантности / вариативности и «прототипический подход» в аспекте их «роли источника системного воздействия на зависимые значения и функции» [Бондарко 2002: 19]. Инварианты как системный источник воздействия на подчиненные ему варианты часто не являются интенциональным, не всегда осознаются говорящими, не всегда включаются в сферу актуального смысла, в то время, по справедливому замечанию А.В. Бондарко, как «иной характер имеет признак «источник воздействия» в сфере прототипов и их окружения. Прототипы в сфере семантики по своей природе интенциональны. Функции прототипов неразрывно связаны с актуальным сознанием участников речевого акта. Прототипические значения связаны с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности. Они являются одним из актуальных элементов речевого смысла» [Бондарко 2002: 19].

В настоящей статье с позиции функционально-коммуникативной предпринят широкий подход к таксису с использованием понятий инвариантности / прототипичности. При таком анализе в отношениях между сообщаемыми фактами усматриваются две стороны: 1) информация об объективном положении вещей и расположение во времени одних действий относительно других; 2) субъективная оценка автора связанных между собой действий с точки зрения степени важности каждого из них для осуществления цели коммуникации. Другими словами, в таксисных отношениях отражается два аспекта ситуации: временные отношения (как часть объективной информации) и соотношенность действий по степени коммуникативной значимости (с точки зрения автора). Поэтому в качестве основного классификационного основания при разграничении хронологического (хронотаксиса) и темпорально нехарактеризованного таксиса (наблюдается хронологическая неупорядоченность в пределах целостного временного действия) служит тип участия говорящего, его активность, направленность, его роль в организации смысловой структуры таксисной ситуации.

Таксис может быть одним из компонентов более сложного смыслового комплекса, где доминирующим при определении конкретного характера связи между ситуациями (помимо хронологической упорядоченности) являются не хронологические связи, а семантические отношения другого типа. В таких случаях временная соотношенность действий, хронологические отношения вторичны, производны. Например: (1) *«Моя возлюбленная очень изменилась, похудела и побледнела, перестала смеяться и все просила меня простить ее за то, что она советовала мне напечатать отрывок»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); (2) *«Прикажи слово молвить, – сказал Хлопуша хриплым голосом. – Ты поторопился назначить Швабрина в коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уже оскорбил казаков,*

посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору» (А. Пушкин. Капитанская дочка); (3) *«Нет! Мастер ошибался, когда с горечью говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь переваливалась через полночь, что она позабыла его. Это быть не могло»* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

В первом случае говорящий лишь констатирует наличие «синтагматических временных отношений» – фактов, событий, явлений в реальной действительности, порядок их размещения в пределах определенного временного периода, поэтому ситуация характеризуется пониженной осознаваемостью, или интенциональностью [Бондарко 2002: 94], т.е. выражение данных смыслов не входит в коммуникативное намерение говорящего. Как явление «плана речи» таксисные отношения могут складываться при активном участии субъекта речи, ведь лицо – «цементирующая основа предикативности», справедливо считает Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 285], который размышляет, рассуждает по поводу соотнесенности действий, т.е. обосновывает действие, побуждает к действию, дает им оценку, сопоставляет их и рассматривает во всем многообразии их реальных связей и отношений.

И действительно, в реальном акте речевой коммуникации говорящий не просто выбирает предмет общения, но и оценивает свое отношение к нему, характеризует референциальную ситуацию как благоприятную или неблагоприятную, желательную или нежелательную. Выбор языковых средств определенного ракурса в изображении ситуации зависит от коммуникативной установки говорящего. Говорящий может по-разному представить различные моменты действительности и их соотношение, что позволяет отнести категорию таксиса к числу интерпретационных.

Идея инвариантности / вариативности и «прототипический подход» закономерно и естественно интегрируются в ФГ, Так, инвариантные свойства таксисных значений проявляются на разных уровнях языковой системы и реализуются в прототипических значениях, которые включают в себя следующие компоненты: результативность, длительность, перцептивность, динамичность, предельность, интенциональность, контролируемость и др. Прототип репрезентирует прототипический фрейм, который наиболее полно отражает сущность и свойства единиц, принадлежащих категории, т.е. содержит информацию, применимую для большинства единиц данной категории. В результате этого прототип служит связующим и организующим элементом для семантических сетей.

Все вышеизложенное подтверждает, что акцент на когнитивной категории в нашем исследовании не противоречит функционально-коммуникативному подходу в интерпретации таксиса, а закономерно связан с таким его направлением. Когнитивный характер заключается в ментальном обобщении концептуальной сущности языкового представления семантики языковых единиц. Термин «функционально-семантическая категория» (далее – ФСК) подчеркивает деятельностьную сторону, т.е. актуализацию ее в речи, в

то время как термин «когнитивность» акцентирует внимание на обобщенно-типологизирующем аспекте восприятия языкового явления, например, таксиса с точки зрения характера протекания и распределения действия во времени, например, хронологических отношений одновременности / разновременности действий, синтагматику видов глагола и совмещенности их а «едином пространстве» в рамках целостного временного плана и гомогенной «временной рамки».

Вместе с тем, коммуникативная природа таксиса раскрывается в виде набора наиболее значимых коммуникативно-прагматических стратегий индивида, реализуемых в сфере таксисных значений: зависимость / независимость от внешних обстоятельств; желания адресанта высказывания совершить то или иное действие; ориентация адресанта высказывания на реакцию адресата при реализации (или его отсутствие); включение действий в причинно-следственную цепь событий; «внешняя» позиция адресанта высказывания по отношению к действию: адресант – сторонний наблюдатель, оценивающий параметры предстоящего действия [Оркина 2000; Алефиренко, Нуртазина 2017].

Все обозначенные перспективные линии рассмотрения принципов реализации идей ФГ на примере АТС демонстрируют факт, что в сферу рассмотрения ФГ включаются и такие категориальные черты, как: 1) коммуникативное событие – это амальгама языковой праформы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации; 2) лингвокультурный феномен, так как формирует ценностно-смысловое пространство; 3) продукт социальной деятельности, где ведущую роль играют когнитивные процессы; 4) своеобразное смыслогенерирующее «устройство», с помощью которого «речь погружается в жизнь» [Арутюнова 1988].

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: БИФУРКАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ. Функциональное направление, разрабатываемое Санкт-Петербургской школой функциональной грамматики (Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, М.А. Шелякин и их ученики), стало признанным, полноценным научным вектором для дальнейших научных изысканий. Теоретические основы ФГ, понятийно-категориальный аппарат, методы и подходы к анализу языкового материала, ориентиры и проблемные поля оказались и перспективным, и проблематизированным, которые, вслед за лингвистическими идеями во второй половине XX в., способствовали концептуальному повороту в языкознании XXI в. в других смежных сферах гуманитарного знания (порождение текста и дискурса, исследование детской речи, медиалингвистика и др.). Все эти направления вступают с ФГ в отношения бифуркации, как «приобретение нового качества в движениях динамической системы при малом изменении ее параметров» [Бифуркация 2015], особенно когда речь идет о характере «новых движений, возникающих в момент перехода системы в качественно другое состояние, оценить ее устойчивость и область существования» [Бифуркация 2015].

Так, например, в работе М. Д. Воейковой понятие «категориальная ситуация» связывается с процессом порождения высказывания [Воейкова 2000]. Типовая содержательная структура при таком подходе рассматривается не только как представление в высказывании элементов ФСП, но и как частично воспроизводимая конструкция, включающая в свой состав изменяемые компоненты [Ахапкина, Сосновцева 2011: 158]. С. Н. Цейтлин обосновывает необходимость привлечения методов функциональной грамматики к исследованию детской речи [Ахапкина, Сосновцева 2011: 159; Цейтлин 2004], сославшись на важность учета интенций говорящего при анализе языкового материала и акцентируя принципиальность взаимодействия лексического и грамматического компонентов языковой системы.

Понятийно-категориальный аппарат ФГ активно используется в современной медийной речи, где подвергается комплексному анализу целостная картина коммуникации, что отражает «определенный социально-политический и культурно-идеологический контекст» [Добросклонская 2015: 46].

Различные аспекты времени заслуживают самого серьезного внимания как в силу онтологической значимости временных отношений, представляющих собой наиболее типичные и наиболее существенные связи объективной действительности, так и в силу фундаментальности, глубины, разветвленности и сложности взаимосвязи языковых средств выражения временных характеристик, их неотъемлемого включения в систему языка и речи, о чем свидетельствуют современные исследования концепта времени [Заботкина и др. 2012].

Таким образом, можно сказать, что проблема ФГ не может рассматриваться в духе полного единства. Здесь неизбежны расхождения и столкновения разных точек зрения. Важно эксплицитно выявлять эти расхождения, стремясь объяснить их и пытаясь наметить возможности дальнейшего углубления проблематики. Полученные в представленной статье выводы не претендуют на окончательность и бесспорность. Тем не менее они могут служить стимулом для последующих научных изысканий в области функциональной грамматики и когнитивной лингвистики.

Поэтому узловые моменты работы открывают перспективы для продолжения исследования в области установленной проблематики, темами которых могут стать, например, сопоставительное изучение языковых значений по нескольким индивидуально-авторским и функциональным стилям, анализ с опорой на психолингвистический эксперимент (опрос информантов), рассмотрение разнообразных конструкций в аспекте их внутренней типологии, комплекс исследовательских явлений на базе коммуникативного синтаксиса и теории речевых актов.

Данная проблема, несмотря на свою очевидную лингвистическую релевантность, выходит за рамки чисто лингвистических исследований, но, несомненно, представляет значительный интерес для междисциплинарных исследований в тех областях, где лингвистика смыкается с теорией

коммуникации, психологией, социологией. Реализация таких исследований должна осуществляться экспериментальным путем, на материале естественного диалога, что представляется интересной перспективой развития данной темы.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б.* The System Panorama of Cognitive Representation for Taxis Semantics // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – Vol. 21. – No. 4. – P. 706-728. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. *Ахапкина Я. Э., Сосновцева Е. Г.* Функциональная грамматика: современное состояние и перспективы // Вопросы языкознания. – 2011. – №4. – С. 157–160.
4. *Бенвенист Э.* Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист. Общая лингвистика: Пер. с французского / Ред., вступ. статья и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – С.270-411.
5. *Бифуркация* // Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2015. – 146 с.
6. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На мат. рус. языка / Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
7. *Воейкова М. Д.* Russian existential sentences: a functional approach. – München: LINCOM EUROPA, 2000. – 311 p.
8. Детская речь как предмет лингвистического исследования: Материалы Междунар. науч. конф. 31 мая – 2 июня 2004 г. / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. – СПб.: Наука, 2004. – 304 с.
9. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: учеб. пособие для вузов. – М.: Флинта, 2008. – 183 с.
10. *Заботкина В. И., Берестнев Г. И., Бондарева Л. М. и др.* Россия. Изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. – Монография. М.: Изд-во Рукописные памятники Древней Руси. – 2012.
11. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / РАН. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
12. *Нуртазина М. Б.* Опыт функционально-коммуникативной интерпретации семантики таксиса. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2008. – 334 с.
13. *Оркина Л. Н.* Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: Автореф. докт. дис. – СПб.: РГПУ имени А.И. Герцена, 2000. – 44 с.

14. *Оркина Л.Н.* Языковая картина мира: прагматический аспект значе- ний вида в императивных высказываниях (на материале русского языка // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, националь- ные, регионально-этнические: сб. науч. статей. – Чебоксары: Новое время, 2013. – С. 120-121.

15. *Петрухина Е.В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 256 с.

16. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени. – М.: Прогресс, 1985. – 362 с.

17. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Изд. 5-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.

Автор:

Нуртазина Марал Бекеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан; e-mail: maral0204@mail.ru

Author:

Nurtazina Maral – Doctor of Philological Sciences, Professor of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: maral0204@mail.ru

КАТЕГОРИЯ ПОЛУПРЕДИКАТИВНОСТИ И ОСЛОЖНЯЮЩИЕ СИНТАГМЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Аннотация. В статье обосновывается продуктивность введенных А.В. Бондарко понятий «функционально-семантическое поле» и «грамматическое единство» для интерпретации синтаксической сущности конструкций, осложняющих элементарную модель предложения, и анализируются основные свойства осложненного предложения.

Ключевые слова: осложненное предложение, обособленные обороты, полупредикативность, функциональный синтаксис, синтаксическая категория.

N. V. Patroeva

SEMI-PREDICATIVE AND COMPLICATING CATEGORY SYNTAGMS FROM THE POINT OF VIEW OF FUNCTIONAL GRAMMAR

Abstract. The article substantiates the productivity of the concepts of "functional-semantic field" and "grammatical unity" (introduced by A.V. Bondarko) for the interpretation of the syntactic essence of constructions that complicate the elementary model of the sentence, and the main properties of the complicated sentence are analyzed.

Key words: complicated sentence, isolated turns, semi-predicateness, functional syntax, syntactic category.

Функциональная грамматика, прежде всего нацеленная на исследование функционирования единиц языка разных уровней в их тесной взаимосвязи в рамках целостной иерархической системы, выдвигает в качестве основания для системно-интегрирующего анализа понятие «функционально-семантического поля» (ФСП) – «базирующейся на определенной семантической категории группировки грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе их семантических функций» [Теория 1987: 11]. В развитие основополагающих идей и понятий (ФСП, «категориальная ситуация», грамматическая категория) выявлены входящие, наряду с морфологическими категориями, в ядро ФСП отдельные типы синтаксических структур (например, активные и пассивные обороты, посессивные, атрибутивные, каузативные и т. п. конструкции [Теория 1987; Теория 1990; Теория 1991; Теория 1992; Теория 1996а; Теория 1996б]) и синтаксем (акциональные, стативные, квалитативные [Мухин

1999; Мухин 2007]) в позиции тех или иных членов предложения, базовые структурно-семантические модели, с выходом на уровень грамматики текста [Шелякин 2001], однако в целом синтаксис, в сравнении с морфологией, остается пока недостаточно разработанной областью отечественной функциональной грамматики.

Так, одну из не нашедших пока сколь-нибудь подробного освещения с точки зрения функционального направления исследований проблем составляет сфера структур, часто называемых «осложняющими модель элементарного предложения», и тесно связанная с характеристикой подобных синтагм категория «полупредикативности», отличающая конструкцию с пропозициональным компликатором, с одной стороны, от неосложненного простого предложения, с другой стороны – от сложного. Содержание понятий «полупредикативность», «полупредикативные отношения» в современной лингвистике строго не определено. Термин «полупредикативная единица» принадлежит В. В. Виноградову [Виноградов 1975: 280], современные лингвисты для наименования феномена полупредикативности используют и иные обозначения – вторичная, дополнительная, потенциальная, скрытая, свернутая, имплицитная, а также предлагают особую классификацию видов дополнительной предикативности [Прияткина 1990: 21–27].

Большинство исследователей второй половины XX столетия толкуют полупредикативность как феномен, связанный с функцией добавочного утверждения каких-либо признаков ситуации – признаков менее важных (с точки зрения говорящего) по сравнению с теми, которые выражаются основным предикатом, а также с номинацией побочной пропозиции и введением дополнительной ремы. Высказывалось и мнение о том, что полупредикативности как явления грамматического не существует [Адмони 1955: 63]; ср. с [Богданов 1977: 80].

Думается, однако, что полупредикативные конструкции – действительный синтаксический феномен, характеризующийся следующими свойствами [см. подробнее: Патроева 2011]:

- выражение дополнительных модально-временных смыслов, превращающих предложение в полимодальную, политемпоральную и полиперсую модель, предикативная конденсация (усложнение);
- введение добавочной пропозициональной или модусной позиции в семантическую структуру высказывания, углубление субъектно-предикативной перспективы;
- интонационная выделенность и структурная факультативность (непредсказуемость) вторично-предикативного элемента, синтагматически расчленяющего предложение, но не изменяющего при этом общей схемы (в основной цепочке словоформ) подчинительных связей;
- наличие объективирующей полупредикативность двунаправленной логической связи между усложнителем и тем элементом, к которому он

относится по смыслу и грамматически, с одной стороны, а также носителем основного предикативного значения – с другой;

– актуализация (подчеркивание, выдвижение) элемента предложения и текста;

– принадлежность уровню не словосочетания, а предложения, иной, чем основная цепочка его главных и второстепенных членов, семантико-синтаксической плоскости;

– наличие морфологических ограничений на стержневой компонент осложнения – невозможность V_1 в его составе, в силу чего модально-временная реализация добавочного признака не грамматикализована.

Между осложняющими элементами и компонентами основного уровня синтаксического членения или предложением в целом выявляются разнообразные типы синтаксических отношений, спектр которых не только выходит далеко за рамки грамматических значений словосочетаний, но и делает синтаксическую семантику осложнителей простого предложения не во всем аналогичной отношениям, складывающимся в составе синтаксических синонимов – сложных конструкций. В самом общем виде, без предварительной детализации, типы взаимоотношений между осложняющей синтагмой и компонентами основного уровня предложения можно свести к следующему перечню: 1) атрибутивные отношения и 2) отношения обусловленности (причины, следствия, условия, уступки, цели), выражаемые обособленными оборотами; 3) временные (таксисные: одновременности, последовательности, предшествования), выражаемые прежде всего причастными и депричастными конструкциями, а также вставными синтагмами с глагольными словоформами; 4) тождества, уточнения, конкретизации, репрезентируемые обособленными пояснительными оборотами; 5) присоединения (у присоединительных синтагм); 6) компаративные, выражаемые сравнительными оборотами; 7) отношения включения (объединяющие разнообразные по значению вставные единицы); 8) отношения вокативные, или адресации, свойственные обращениям; 9) отношения презентации (поскольку по традиции связь перечисленных осложнителей с содержащим их предложением отрицается, в грамматической науке не разработано терминологического аппарата для описания их отношений с основным составом высказывания, поэтому привлеченный здесь термин в известной мере условен), характеризующие сегментацию начала высказывания – например, именной темы или инфинитив представления; 10) субъективно-модальные отношения, свойственные вводным синтагмам.

В результате полупредикативного осложнения размываются границы между диктумом и модусом в содержании сообщения, поскольку актуализация, подчеркивание (интонационное и смысловое) какого-либо элемента высказывания, приводящее к нарушению предсказуемости на фоне нормативно ожидаемых компонентов модели, уже само по себе выдвигает фигуру говорящего, отбирающего и разграничивающего ядерные и побочные

предикации. Таким образом, осложнители элементарной структуры предложения «имплицитно задают позицию субъекта (агента) деятельности» [Петренко 2005: 21] и субъекта сознания, оказываются в высказывании знаками присутствия и обнаружения адресанта речи, но при этом также и ее адресата, для которого осуществляется процесс выдвижения текстовых элементов как речевая интенция (намерение) говорящего.

Можно сделать вывод о том, что полупредикативные единицы обладают целым рядом специфических морфолого-синтаксических и функционально-семантических особенностей, позволяющих выявить особый категориальный концепт полупредикативности в системе современного русского грамматического строя. Между тем терминологическая дефиниция этого концепта представляет особую сложность.

Степень структурно-семантической разнородности осложнителей, несмотря на присущие осложнителям и описанные выше общие свойства, не дает возможности приписать осложнение или полупредикативность статусу собственно грамматической категории, подобной описанной сначала в трудах В. В. Виноградова, а затем в академической «Русской грамматике» синтаксической категории предикативности. С другой стороны, широта семантического спектра осложняющих синтагм вполне позволяет, с позиций функциональной грамматики, включить полупредикативные конструкции в разные ФСП (с предикативным, качественно-количественным, обстоятельством, субъектно-объектным ядром, а также с ядерными значениями темпоральности, модальности, персональности). Однако подобное распределение по различным ФСП автоматически размывает границы феномена полупредикативности и лишает его внутреннего структурно-семантического единства. Поэтому представляется более адекватным, с точки зрения выявления категориального статуса полупредикативности, воспользоваться для описания «поля» осложнения в системе русского языка понятием *грамматическое единство* как более широким, чем ФСП, грамматическая категория или категориальная ситуация, лингвистическим концептом, пока «не имеющим статуса специального термина» [Бондарко 2002: 17]. Предложенная А. В. Бондарко типология грамматических единств, характеризующихся различными инвариантными признаками и охватывающих различные типы категорий и разрядов в сфере грамматики в рамках определенной структуры, позволяет, на наш взгляд, объединить полупредикативные (осложняющие) синтагмы в поликатегориальное семантико-структурное грамматическое единство гомогенного (то есть моносистемного, включающего только единицы синтаксического уровня) подтипа.

Литература

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М.: ИЛИЯ, 1955. – 392 с.

2. *Богданов П. Д.* Обособленные члены предложения в современном русском языке. – Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та, 1977. – 226 с.
3. *Бондарко А. В.* Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М., 2002. – С. 15–21.
4. *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В. В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – 562 с.
5. *Мухин А. М.* Функциональный синтаксис. – СПб.: Наука, 1999. – 184 с.
6. *Мухин А. М.* Функциональный синтаксис. Функциональная лексикология. Функциональная морфология. – СПб.: Нестор, 2007. – 198 с.
7. *Патроева Н. В.* Современный русский литературный язык: синтаксис осложненного предложения. – Saarbrücken, 2011. – 193 с.
8. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики. – М., 2005. – 460 с.
9. *Прияткина А. Ф.* Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.
10. *Теория функциональной грамматики: Введение. Актуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко.* – Л.: Наука, 1987. – 348 с.
11. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность.* – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
12. *Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость.* – СПб.: Наука, 1991. – 371 с.
13. *Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность.* – СПб.: Наука, 1992. – 348 с.
14. *Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность.* – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.
15. *Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность.* – СПб.: Наука, 1996. – 229 с.
16. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. – М.: Рус. яз., 2001. – 288 с.

Автор:

Патроева Наталья Викторовна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск, Россия; e-mail: nvpatr@list.ru

Author:

Patroeva N V. – Doctor of Philological Sciences, Head of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; e-mail: nvpatr@list.ru

РОД СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлен нетрадиционный взгляд на род существительных, который рассматривается как грамматический признак или как грамматическая категория-признак, а не грамматическая категория-парадигма.

Ключевые слова: русский язык, существительное, категория, типы категорий.

A. L. Sharandin

GENDER OF NOUNS IN THE CATEGORICAL SYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article presents an unconventional view of the gender of nouns, which is considered as a grammatical feature or as a grammatical category-feature, and not a grammatical category-paradigm.

Keywords: Russian language, noun, category, types of categories.

Род в концептуальной системе русского человека является основополагающим понятием, которое определяет специфику грамматического строя русского языка как языка флективного типа, поскольку некоторым языкам не присущи родовые различия (тюркские языки, китайский язык, английский язык и др.). Поэтому в типологическом плане можно различать языки, которым присущи родовые различия в грамматической системе, и языки, характеризующиеся отсутствием рода как грамматической категории. Однако при этом род хотя и присущ русскому языку, но он не является однородным в понимании и выражении его природы, категориальной сущности и функций. Род, даже в системе русского языка, оказался различно выраженным у слов разных частей речи. Так, у прилагательных и глаголов в прошедшем времени родовые различия нашли отражение во флективной части словоформ, а у существительных последовательного отражения во флексиях мы не обнаруживаем. Но при этом именно существительные оказываются тем классом слов, для которых род является не согласовательной, а внутренне присущей, имманентной категорией. Именно род существительных обуславливает, как правило, структурные различия в адъективных и глагольных словоформах. Правда, в случае с несклоняемыми существительными именно флективные показатели рода прилагательных и глагольных

форм прошедшего времени определяют род несклоняемых существительных.

С точки зрения истолкования генезиса рода, мы имеем принимаемую большинством исследователей позицию В. В. Виноградова о том, что род – изначально семантический (В. В. Виноградов). По его мнению, категория рода является «пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражались свойственные той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности. Теперь же форма рода у большей части существительных относится к области языковой техники. По крайней мере, таково наше непосредственное языковое восприятие» [Виноградов 1972: 56].

Отсутствие номинативного значения у рода позволяет исследователям считать основной функцией категории рода синтаксическую функцию, которая определяет согласовательную связь слов. В частности, А. Б. Копелиович представляет синтагматическую репрезентацию рода согласовательными моделями. Он выделяет 4 согласовательные модели: 1) атрибутивная – *наш врач*; 2) предикативная – *врач сказал*; 3) атрибутивно-предикативная – *наш врач сказал*; 4) выделительная – *один из врачей* [Копелиович 1997: 54]. Но, как отмечает А. М. Шахмайкин, «вопрос о формальных, т. е. собственно лингвистических свойствах грамматической категории рода ставился в отечественной грамматической традиции еще в начале 19 века. Так, в 1824 г. И. Ф. Калайдович ...впервые в мировом языкознании указал на категорию рода прежде всего как на согласовательную категорию...: «...грамматические роды служат только к различению трех способов согласовать прилагательное с существительным, принимая первое слово в обширном его значении» (цит. по: [Шахмайкин 1996: 226]).

Кроме согласовательной функции, выделяют еще ряд функций рода: а) функцию дифференциации и объединения существительных в грамматические классы. Это усиливает, по мнению М. А. Шелякина, знаковые различия слов (ср. *критик – критика, день – ночь – утро* и т.д.); б) функцию грамматической дифференциации существительных по признаку одушевленности – неодушевленности: форма ср. рода в русском языке преимущественно охватывает названия неодушевленных предметов; в) функцию дифференциации названий лиц и ряда животных по признаку пола: *дедушка – бабушка, супруг – супруга, лев – львица* [Шелякин 2001: 30].

В вопросе о количестве родов существительного мы придерживаемся выделения трех родов – мужского, женского и среднего. На наш взгляд, нет оснований для выделения существительных *общего рода*, к которым относят слова *забияка, соня* и т. п. По согласованию они не отличаются от сочетаний с предметными существительными мужского и женского рода (ср.: *ужасный упрямец – ужасная кокетка*), т. е. они не обнаруживают особой согласовательной модели. Здесь омонимия языковых образований, и в троичной оппозиции по полу они занимают крайние позиции: *забияка* (м.) – х –

забияка (ж.). Что же касается существительных типа *врач, директор* и т. п., то они отличаются от слов типа *забияка*, хотя возможны сочетания: *врач пришел – врач пришла; добрый врач – добрая врач*. Однако такая сочетаемость для них возможна только в форме И.п., тогда как в косвенных падежах мы имеем одну согласовательную форму: *доброто врача, о добром враче*, т. е. согласование с существительным мужского рода. Относительно существительных типа *ножницы, сани* заметим следующее. По формальному признаку (согласованию) они обнаруживают ту же парадигму зависимого слова, которую мы наблюдаем в случае согласования с существительными во множественном числе, которые, как известно, рассматриваются вне рода. Поэтому целесообразно эти существительные квалифицировать вне рода.

Необходимо различать когнитивную сущность рода у одушевленных и неодушевленных существительных. У неодушевленных существительных род как категориальное явление формального типа не отражает категоризацию действительности (мира), а определяет формат языковых знаний, которые связаны со знаниями согласования существительных с атрибутами и предикатами, выраженными изменяющимися по роду словоформами. В одушевленных существительных исследователи усматривают связь рода с категоризацией действительности, отражающей различия одушевленной субстанции по полу. В этом случае род имеет основание быть рассмотренным как семантическая категория, включающая в свое содержание отношение к полу. Но является ли семантическая категория рода грамматической в том смысле, в каком мы определяем, в частности, категорию числа существительного?

На наш взгляд, *род* и *пол* – это соотнесенные, но принципиально разные понятия: род характеризует языковые знания, связанные с технологией согласования изменяемых слов русского языка, тогда как пол имеет отношение к обыденным знаниям носителей языка в отношении живых существ. Для человека концептуализация и категоризация их по половому признаку важна и значима для его жизнедеятельности. В одних случаях половая определенность для него является актуальной, выраженной (*гусак – гусыня, кобыла – жеребец*), а в других случаях – нейтрализованной в силу несущественности полового признака (*муха*), вследствие чего различия по полу не имеют своего лексического выражения.

Значение пола – это не грамматическое значение рода, а *лексическое (словообразовательное)*. Если признавать значение пола грамматическим значением рода, то тогда придется признать, что одушевленные существительные изменяются по родам, поскольку различия, например, между образованиями типа *гусь, гусак, гусыня* окажутся не лексическими, а грамматическими. Но в этом случае мы имеем определение форм одного и того же слова, что противоречит пониманию существительного как части речи, которая по родам не изменяется, а имеет тот или иной род. Однако это не находят отражения в словарях русского языка, в которых слова, различающиеся

по полу, представлены в разных самостоятельных статьях. И поэтому принято считать, что оппозиция по полу типа *гусак – гусь – гусыня* представляет собой словообразовательную оппозицию по признаку пола, а не чисто грамматическую, которая лежит в основе понятия грамматической категории.

В работе «Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола» [Горват, Шарандин 1978] мы представили троичные оппозиции по данному признаку (типа *гусак* → *гусь* ← *гусыня*), которые, в принципе, включали две привативные оппозиции (*гусь* → *гусак* и *гусь* ← *гусыня*). Это позволило достаточно однозначно выразить в них словообразовательную мотивацию по признаку пола (*гусак* – гусь-самец, а *гусыня* – гусь-самка, что подтверждалось словарными определениями). Здесь важно подчеркнуть, что слово *гусь* в этой оппозиции не актуализирует однозначно значение пола. Это подтверждается, в частности, употреблением его во множ. числе: *гуси* не означает, что все они особи муж. пола. *Гусь*, скорее всего, является названием вида птицы. Крайние же оппозиции, сориентированные на обозначение конкретного пола, находятся в этом случае в эквиолентных отношениях, что и не позволяет значение одного из них выразить через значение другого (ср. с троичной оппозицией типа *домик – дом –домище*).

Следует отметить, что в отношениях слов по полу срединный член не всегда выражен лексемным способом, т. е. мы не имеем словесного репрезентанта, по отношению к которому крайние оппозиции оказываются маркированными. Однако в русском языке репрезентация концепта ПОЛ вполне может быть представлена сочетанием слов типа *старый человек*. В этом случае мотивация оказывается вполне соответствующей обыденному сознанию: *старик* – *старый человек* муж. пола; *старуха* – *старый человек* жен. пола. А в примере *супруг – супруга* вполне может быть объяснение их мотивации посредством отсылки к слову *супруги* (безотносительно к полу, своего рода существительное pl. tantum). И тогда *супруг* – это один из супругов муж. пола, а *супруга* – один из супругов жен. пола. Поэтому, на наш взгляд, следует более последовательно различать понятия «родовая пара» и «пара по полу». То, что многие существительные со значением женскости образуются на базе существительных муж. рода, не означает, что они образованы от существительных со значением муж. пола.

Таким образом, парадигма рода – это парадигма разных слов, а не форм одного и того же слова. В этом случае, по существу, мы не имеем родовой парадигмы, а имеем *родовой признак*, определяющий отнесение (категоризацию) слов по разным родовым классам, которые, в свою очередь, оказываются соотношенными с формальными классами – типами склонения.

Род как грамматический (формальный) признак и пол как семантический признак оказываются по-разному представленными в семантической структуре слова. Род находится как бы за пределами семантической структуры слова, определяя его грамматический статус, тогда как пол включается в структуру лексического (словарного) толкования слова в качестве

мотиватора в производных словах: *гусак* – самец-гусь, *гусыня* – самка-гусь, *учительница* – женщина-учитель и т. п.

Сравнение же категорий числа и рода существительных позволяет видеть в них разные типы категорий. *Категория числа* – это парадигматическая категория словоизменительного типа (*категория-парадигма*), которая представлена в русском языке у существительного противопоставлением двух рядов форм одного и того слова-лексемы. *Категория же рода* – это *категория-признак*, которая объединяет в своем составе не формы одного слова, а разные слова-лексемы, что и позволяет исследователям говорить о ее несловоизменительном характере.

Категория-признак рода и категория-парадигма числа лежат в разных плоскостях отражения и восприятия мира посредством когнитивных процессов концептуализации и категоризации, обнаруживая разную когнитивную природу. *Род* как формальный грамматический признак представляет собой концепт, связанный с языковыми знаниями по освоению согласовательных моделей между существительным и определяющими его атрибутами и предикатами. Поэтому языковой единицей данного концепта является согласовательная модель того или иного синтагматического типа. Грамматическая категория числа существительного отражает концептуализацию и категоризацию мира как бы в двух направлениях: в направлении непосредственной связи с количеством предметов (в этом случае мы имеем противопоставление словоформ типа *стол – столы*) и в направлении восприятия границ объекта в пространстве и во времени с точки зрения его дискретности или недискретности (в этом случае мы имеем особые образования (особые субстантивные формы) со значением собирательности типа *листва, студенчество*).

В учебных целях, учитывая многозначность употребления термина «категория», мы предлагаем сохранить в морфологии термин «категория» по отношению к противопоставлениям рядов форм слова-лексемы (категории числа, падежа, времени, лица и т.д.), а по отношению к противопоставлениям разных слов-лексем применять термин «признак», который имеет грамматический характер, поскольку участвует в характеристике и категоризации знаний, отражающих морфологическую систему частей речи. Немаловажным различием между родом и числом существительных оказывается то, что категория числа характеризуется признаком обязательности, т. е. все субстантивные лексемы определяются как числовые. Род же такой обязательностью не обладает. Так, субстантивные лексемы *pl. tantum* оказываются вне рода.

Таким образом, *род существительного* – это преимущественно интерпретационного типа непоследовательно морфологизированная *категория-признак* со структурной доминантой, которая обуславливает последовательное синтаксическое выражение родовых различий в согласовательной

модели сочетаемости существительного с признаковыми частями речи, имеющими флективную систему изменения.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 615 с.
2. *Горват Г. Ф., Шарандин А. Л.* Семантико-деривационные оппозиции по признаку пола // Семасиология и грамматика. – Тамбов: ТГПИ, 1978. – С. 25–30.
3. *Копелиович А. Б.* Именная категория лица в ее отношении к грамматическому роду. – Владимир: ВПГУ, 1997. – 96 с.
4. *Шахмайкин А. М.* Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики: Дიაхрония и синхрония. – М.: МГУ, 1996. – С. 226–273.
5. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. – М.: Рус. яз., 2001. – 288 с.

Автор:

Шарандин Анатолий Леонидович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия; e-mail: sharandin@list.ru

Author:

Sharandin Anatoly L. – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Russian Language Department of Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russia; e-mail: sharandin@list.ru

РАЗДЕЛ 2.
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА

УДК 811.161.1'367

А. Г. Гладышев

**СЕМАНТИКА СТАТИЧНОСТИ
В НЕГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ**

Аннотация. Неглагольные предложения с аналитическими именными предикативными формами выражают значение статичности. Способ выражения предиката, категориальное значение части речи, функционирующей в именной части сказуемого, определяют семантический тип предложения.

Ключевые слова: статичность, предложение, предикативность, семантика.

A. G. Gladyshev

STATIC SEMANTICS IN NON-VERBAL SENTENCES

Abstract. Nominal sentence analytical nominal predicative form expresses the value of static. A method of expression of a predicate, categorical meaning of the speech, operating in the nominal part of the predicate, define a semantic type of sentence.

Keywords: static, sentence, predicative, semantics.

История науки о языке под влиянием различных концепций подготовила возникновение в XX веке функциональной грамматики. В настоящее время рассмотрение языковых единиц под функциональным углом зрения является наиболее общей проблемой языка. Функциональная грамматика – это особый тип грамматических исследований, для развития которого большое значение имели работы французского учёного Ф. Брюно, развёрнуто описавшего широкий круг понятий и средства их выражения, датского лингвиста О. Есперсена, раскрывшего взаимодействие понятийных и синтаксических категорий, а также идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ. В отечественном языкознании для развития теоретических основ функциональной грамматики большое значение имели труды Л. В. Щербы, И. И. Мещанинова, В. В. Виноградова, А. В. Бондарко, Т. В. Булыгиной, Н. Ю. Шведовой, Ю. С. Степанова и других. Л. В. Щерба считал смысл важнейшей составляющей изучения языка, И. И. Мещанинов, говоря о понятийных категориях, предлагал выдвигать на первый план то, что является языковой передачей, В. В. Виноградов в грамматическом учении о слове анализировал реальное употребление словоформ в окружающем контексте, а учение о предикативности и модальности имеет функциональную направленность. В русистике

исследуются различные вопросы функциональной грамматики: теоретические проблемы, функционально-синтаксические и аспектологические концепции, в теории поля рассматривается взаимодействие грамматики и лексики. Описание грамматических категорий и единиц имеет важное значение для развития функциональной грамматики, которая описывает язык в функциональном качестве, объединяя структурно-системный и функциональный аспекты.

Функциональный аспект позволяет в комплексе описывать явления языка и речи с учётом парадигматики и синтагматики, а также статику и динамику. В функциональной грамматике как основное используется описание языкового материала от функции к средству выражения, однако сочетание этого подхода с анализом от средств выражения к функциям позволяет выявить дополнительные смыслы, что важно для раскрытия специфики взаимодействия различных уровней языка, обладающих системными связями. Исследование семантики статичности прежде всего связано с понятием категория. «Категория (от греч. *katēgoria*) языковая – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании к.-л. общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [ЛЭС 1990: 215]. В лингвистике выделяются различные типы категорий – понятийные, скрытые. Их дифференциация основывается на компонентах общего характера или семантических и синтаксических признаках слов или словосочетаний без эксплицитного морфологического выражения. Статичность и динамичность относятся к числу скрытых понятийных категорий русского языка. «Понятийные категории в языкознании – смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами» [ЛЭС 1990: 385]. «Скрытые категории (крипто-типы) – семантические и синтаксические признаки слов или словосочетаний, не находящие явного (эксплицитного) морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания, в частности потому, что они оказывают влияние на сочетаемость данного слова с другими словами в предложении» [ЛЭС 1990: 457–458].

Семантика статичности в неглагольных предложениях может быть представлена как скрытая модифицирующая категория, так как её значение не является постоянным для предложения как языковой единицы. В русистике выделяются разные структурно-семантические типы предложений, среди которых рассматриваются двусоставные конструкции, различающиеся семантическими и грамматическими характеристиками, это глагольные и неглагольные (именные) предложения. Такое условное деление

осуществляется на основании категориального значения части речи, выступающей в роли предиката как в односоставных, так и в двусоставных предложениях.

В. В. Виноградов отмечал, что «имя существительное, даже являющееся названием конкретного предмета, может стать (при метафорическом осмыслении или экспрессивной оценке внутренних свойств этого предмета) переносным выражением качественного состояния или отвлеченного свойства» [Виноградов 1972: 156]. Так, двусоставные предложения, в которых в роли сказуемого выступает имя существительное, обладают пассивным предикативным признаком и семантикой статичности. *Наталья – старшая дочь – была у отца любимицей, оттого не теснил ее выбором; Был он страстным любителем лошадей; подвыпив, плакал, размазывая слезы по остренькому безбровому лицу, приставал к Мирону Григорьевичу (М. Шолохов). Лейтенант еще никаким не был героем, в состав делегации попал случайно и ужасно стеснялся (Б. Васильев).* Предикат подобных двусоставных предложений может содержать и синтаксически неделимые сочетания, построенные по модели «имя прилагательное + имя существительное». Семантическое воплощение статичности в таких конструкциях связано, в первую очередь, с наличием имени прилагательного в составе предиката. *И редактора, и поэта не столько поразило то, что нашлась в портсигаре именно «Наша марка», сколько сам портсигар. Он был громадных размеров, червонного золота, и на крышке его при открывании сверкнул синим и белым огнем бриллиантовый треугольник; Первый из них, одетый в летнюю серенькую пару, был маленького роста, упитан, лыс, свою приличную ишляпу пирожком нес в руке, а на хорошо выбритом лице его помещались сверхъестественных размеров очки в черной роговой оправе (М. Булгаков). Свекровь была плохая помощница; Покойный Прокофий молодецкий был казачок (М. Шолохов). Кирьянова была боевой девахой: еще в финскую исползала с санитарной сумкой не один километр передовой, имела орден (Б. Васильев).*

Двусоставные предложения, в которых предикат содержит имя прилагательное, характеризуются тем, что такой предикат не обладает собственными формами времени. А. М. Пешковский отмечал, что «прилагательные потому изображают нечто постоянное, нечто заложенное навеки в предметы природой, что у них нет формы времени» [Пешковский 1938: 76]. В двусоставных предложениях с предикатом, содержащим имя прилагательное, таким образом, выражается семантика статичности. Качественные имена прилагательные имеют полную и краткую формы, которые обозначают постоянный или временный признак. Имена прилагательные в краткой форме хотя и обозначают временный признак, но не способствуют переводу предложения в разряд конструкций с семантикой динамичности. *Туманен и далек был взгляд ее, устремленный на ущерб стареющего месяца; После этого притих, но на ласку [Степан – А. Г.] был скуп и по-прежнему редко*

ночевал дома; **Так необычайна и явна была сумасшедшая их связь**, так иступленно горели они одним бесстыдным полымем, людей не совестясь и не таясь, худея и чернея в лицах на глазах у соседей, что теперь на них при встречах почему-то стыдились люди смотреть; Но щеки Аксиньи были пламенно **сухи**, двигались под пальцами Степана, сжимаясь и разжимаясь, челюсти (М. Шолохов). Теперь **Рита была довольна**: она добилась того, чего хотела; И оттого, что следующее свидание она может планировать сама, не завися или почти не завися от чужой воли, **Рита была счастлива** (Б. Васильев). Наиболее же чётко семантика статичности репрезентируется двусоставными предложениями, в которых предикат содержит имена прилагательные в полной форме, так как они называют постоянный признак предмета, его состояние, качество, свойство, отнесённость, принадлежность. **Она вообще была спокойная и рассудительная**, но тогда ее спокойствие объяснялось просто: Рита еще в мае отправила Алика к своим родителям и поэтому могла заниматься спасением чужих детей; Рыжая **Комелькова**, несмотря на все трагедии, была чрезвычайно **общительной и озорной** (Б. Васильев). **Верите, братцы, ночь месячная была, а под плитой так и блестит...** (М. Шолохов).

Семантика статичности в неглагольных предложениях связана не только с категориальным значением именного компонента сказуемого, но и с субъектом. По утверждению В. В. Виноградова, здесь «устанавливается глубокое грамматическое различие между понятием действия, протекающего во времени, наделенного сложными оттенками пространственно-видовых значений и иногда предполагающего разнообразное предметное окружение, и между понятием качественного состояния, в котором являются лица или предметы и которое может быть у лиц и предметов» [Виноградов 1972: 323].

В составе предиката в двусоставных предложениях могут содержаться не только имена существительные и имена прилагательные, но и другие части речи, например, имена числительные и местоимения. Такие конструкции также обладают семантикой статичности хотя бы потому, что местоимения соотносятся с именами существительными, прилагательными и числительными, а последние, обладая категориальным значением количественности, показывают отвлечённый результат счёта, не связанный с изменением во времени, что характеризует динамичность. **Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф** (М. Булгаков). **Рита была первой из их класса, кто вышел замуж** (Б. Васильев).

Пристального внимания заслуживают конструкции, в которых в составе предиката содержится причастие, обладающее признаками имени прилагательного и глагола, поэтому вопрос о наличии семантики статичности или динамичности в подобных конструкциях не может быть решён

однозначно. В этом смысле нельзя полностью согласиться с Э. Бенвенистом в том, что «в описательном обороте «причастие + «быть» идея «состояния» настолько сильна» [Бенвенист 1974: 219]. Лингвист указывает на то, что именные (неглагольные) предложения сходны «по своей структуре с любым другим высказыванием, имеющим те же синтаксические характеристики», но «в именном предложении элемент, выполняющий функцию утверждения, будучи именем, *не способен* принимать характеристики, которые несет глагольная форма: временные, личные и др. признаки. Утверждение приобретает свой особый характер именно в силу отсутствия связи с временем, лицом, наклонением, короче говоря, в силу того, что оно сосредоточено на одном члене, сведенном исключительно к своему семантическому содержанию» [Бенвенист 1974: 174]. Причастие можно охарактеризовать как гибридную форму, а конструкции, в которых в составе предиката содержится причастие, следует отнести к периферии средств выражения семантики статичности на синтаксическом уровне, так как в предложениях такого типа достигается состояние, связанное с актуальным, длящимся временем. *То, что горело сейчас на этой приднепровской станции, лопалось, взрывалось и малиновыми молниями вылетало из вагонов, и то, что было покрыто на платформах тлеющими чехлами...; Мимо вокзала пробежал высокий танкист-подполковник, лицо его было озлоблено, все в темных пятнах гари, он не заметил Гуляева; Пустой, перепутанный паутиной садик был насквозь пронизан золотистым солнцем; Шумом, движением, людскими голосами была наполнена лесная темнота; В этом маленьком селе тылы дивизии смешались с полковыми тылами, – все было забито штабными машинами, санитарными и хозяйственными повозками, дымящими кухнями...* (Ю. Бондарев).

В. В. Бабайцева отмечает, что «при глагольных сказуемых (со значением действия) подлежащее обозначает деятеля, при именных сказуемых – носителя признака, вне зависимости от лексико-семантического и структурно-семантического значения словоформ в роли подлежащего» [Бабайцева 2005: 254]. Таким образом, говорящий, выбирая лексические средства, определяет цель сообщения – показать явление реальной действительности как развивающееся, динамичное или как статичное. Семантика статичности наиболее яркое выражение получает в неглагольных двусоставных предложениях, в которых предикат содержит именной компонент, однако особого внимания заслуживают и дезагенсные предложения, в которых семантика статичности тесно связана с особенностями проявления категории синтаксического лица.

Литература

1. Бабайцева В. В. Избранное. 1955–2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. профессора К. Э. Штейн. – М.–Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 520 с.

2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
3. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.

Автор:

Гладышев Алексей Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, г. Рязань, Россия, e-mail: alexey-glady@yandex.ru

Author:

Gladyshev Alexey G. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia, e-mail: alexey-glady@yandex.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К РАССМОТРЕНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СОМНИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется специфика лингвистической природы семантики сомнительности как функционально-семантической категории, находящейся в зоне пересечения смежных с ней полей оценочности, эмотивности, эвиденциальности. Проводится дифференциация внутри широкой сферы семантического содержания категории сомнительности и анализ взаимосвязей разных сторон семантики сомнительности как сложного целостного объекта.

Ключевые слова: семантическая категория сомнительности, функционально-семантическое поле, стратификация семантики, психолингвистический эксперимент, модальность, оценочность, эмотивность, эвиденциальность.

T. V. Gogolina, I. G. Nikolskaya

THE FUNCTIONAL APPROACH TO THE CONSIDERATION OF THE SEMANTIC CATEGORY OF DOUBT

Abstract. The article analyzes the specifics of the linguistic nature of the semantics of doubt as a functional-semantic category located in the area of intersection of the adjacent fields of evaluativeness, emotivity, and evidentiality. The author differentiates the category of doubt within a broad sphere of semantic content and analyzes the interrelationships of different aspects of the semantics of doubt as a complex integral object.

Keywords: semantics of doubt, functionally-semantic field, stratification of semantics, psycholinguistic experiment, modality, evaluativeness, emotivity, evidentiality.

Понятие «сомнительность» относится к области антропологической лингвистики, призванной охарактеризовать различные способы выражения собственного «я» человека. Многоплановость семантики сомнительности, её обращенность к проблемам интеллектуальной и эмоциональной сфер субъекта обуславливают поиски той реалии, которая соединяет субъективность данного значения и объективность выражающих его средств. Такой реалией является речевая деятельность, которая объединяет разноуровневые средства языка для выполнения коммуникативной функции.

Семантика сомнительности (термины *сомнение* и *сомнительность* по отношению к характеристике данного типа семантики употребляются нами

как тождественные) имеет чрезвычайно интересную и разноплановую структуру. Особенность данной семантики объясняется сложностью категории модальности и многоаспектностью категориального значения сомнительности. Мы опираемся на следующие определения сомнения: «Сомнение – это такое эпистемическое состояние, в котором субъект занимает вероятностную и притом негативную когнитивную позицию относительно истинности некоторого суждения Р» [Юровицкая 2005: 82–83], т. е. «говорящий не знает, Р или не Р; говорящий считает, что более вероятно не Р» [Новый 2003: 72]. Инвариантная категориальная ситуация сомнительности наблюдается в том случае, когда:

- говорящий субъект не имеет достаточной информации или же имеет избыточную информацию о каких-либо реальных или предполагаемых фактах действительности;

- находится перед альтернативным выбором; занимает вероятностную негативную когнитивную позицию относительно истинности некоторого суждения;

- понимает/не понимает причину, которая приводит к возникновению у него сомнения в истинности пропозиции.

Причиной могут послужить самые разнообразные эмоциональные состояния человека: обида, удивление, интерес, страх, тревога, стыд и др. Также причина может не осознаваться говорящим субъектом (ср.: *странное сомнение, туманное сомнение, непонятное сомнение, сомнение смутной природы*) [Никольская 2014: 267–276].

Необходимыми составляющими ситуации сомнительности являются субъект, объект, рациональная/эмоциональная оценка объекта субъектом, причина оценочного отношения субъекта к объекту.

Как показал анализ текстовых примеров из художественной литературы, не все репрезентации семантики сомнительности можно распределить по ранее выделенным в функциональной грамматике пересечениям с функционально-семантическими микрополями (ФСР) гипотетичности, возможности, вероятности.

Так, на наш взгляд, необходимо добавить в данный список микрополе эвиденциальности. Категория эвиденциальности «выражает авторство высказывания или источник информации», «передает дополнительные сведения о мотивации и цели высказывания» [Кобрина 2006: 94]. Если эмоцию можно прочесть по лицу, по голосу или по взгляду, то выражению придается оттенок авторизации: говорящий делает выводы об эмоциональном состоянии экспериенсера на основании того, что он видит или слышит [Мустайоки 2006: 231–232]. Приведем примеры.

1) – *А по поводу операции что думаете? – Хотелось бы еще понаблюдать, – замялась Тальникова.* (В. Валеева. Скорая помощь). В этом микротексте заминка в речи Тальниковой показывает, что она не уверена, хочет ли (может ли) срочно оперировать больного.

2) *Судя по лицу полковника, он ожидал упрёка за то, что дивизионный комиссар уже переправился, а машина ему еще не подана, но Пантелеев только кивнул* (К. Симонов. Так называемая личная жизнь / Четыре шага). Выражение лица полковника позволило предположить, что он ожидал упрёка от коллеги.

Также мы можем наблюдать, как микрополе сомнительности пересекается с микрополем приблизительности/неточности. Например:

3) – *И много там было денег? – Много не много, а рублей сто пятьдесят было* (Л. Юзефович. Дом свиданий). В данном примере выражается неуверенность-предположение в точном количестве денег (чего-л.).

4) *Рядом с мужчиной сидела не то девочка, не то мальчик* (А. И. Мусатов. Зелёный шум). В данном примере выражается неуверенность-предположение с оттенком приблизительности характеристики (качества) чего-л.

В следующем примере (№ 5) героиня испытывает сомнение, основанное на эмоциональной оценке. Сомнение сопровождается сочувствием, тревогой, неловкостью, смущением, т. е. наблюдается синсемантизм.

5) *Аня погибла в начале лета, и Марина понимала, что до начала учебного года она не увидит Марию Яковлевну. Позвонить или нет? Что говорят в таких случаях? А вдруг от таких звонков ей будет ещё тяжелее? Не позвоню...* (Т. Толстая, Н. Толстая. Двое: разное). Здесь героиня находится в мучительном состоянии сомнения, связанном с деликатной ситуацией потери близкого человека Марии Яковлевны.

6) *Не положат же они шестилетнюю девочку в одну комнату с собой... А вдруг положат? Что тогда Аля видит и слышит? И какие последствия ведёт за собой такой нездоровый опыт...* (В. Токарева. Своя правда). В данном примере героиня испытывает неуверенное предположение и одновременно тревогу и опасение, что возможная ситуация может плохо повлиять на психику девочки.

Микрополе сомнения пересекается с ФСП эмотивности, а сомнение является эмотивно-эпистемическим состоянием (отношением), интеллектуальной эмоцией. Как известно, семантика сомнения всегда опирается на оценку [Языкознание 1998: 303–304]. Однако в отдельных случаях категория оценки преобладает и выходит на первый план, например: *У этого политика весьма сомнительная репутация. Этот творог сомнительного качества* и т. п.

Таким образом, можно констатировать, что микрополе сомнительности (как часть поля достоверности) активно взаимодействует с множеством ФСП – оценочности, эмотивности, состояния, гипотетичности, возможности, вероятности, кажимости, эвиденциальности, приблизительности/неточности качества (количества), создавая в процессе своего функционирования широчайший набор вариантных значений категориальной семантики сомнительности.

Для выражения семантики сомнительности в русском языке сложилась система средств, включающая как вербальные, так и невербальные средства (мимика, жест, поза). Рассмотрим систему языковых разноуровневых средств выражения ФСП сомнительности:

1) лексико-семантические, к которым относятся имена существительные (*неуверенность, подозрение, недоумение, колебание, сомнение* и др.), однокоренные им имена прилагательные, глаголы, наречия, обладающие семой сомнения;

2) фразеологические (*бабушка (еще) надвое сказала (гадала); андроны едут; вилами по (на) воде писано* и др.);

3) лексико-грамматические, объединяющие а) модальные частицы (*вряд ли, едва ли, вроде бы, разве, неужели, якобы* и др.);

б) вводно-модальные компоненты (*видимо, кажется, наверное, по-видимому, может быть, по всей вероятности* и др.);

4) синтаксические, спектр которых достаточно широк:

а) коммуникемы (*Разве? Неужели? Вряд ли. Вроде бы*);

б) общевопросительные предложения, обычно содержащие частицы: *Не опаздываем ли мы? Вы как будто не знаете?*

в) односоставные инфинитивные предложения, включающие частицы (*ли, неужели, разве* и др.): *Не уехать ли нам сегодня? Не бросить ли все дела?*

г) СПП с придаточным изъяснительно-объектного типа: *Очень сомневаюсь, что успею выполнить это задание в срок.*

д) БСП объяснительного типа семантических отношений: *Я колебался: ответить мне или промолчать?*

5) интонационные, самостоятельно не создающие описываемой семантики, но актуализирующие действие средств других типов.

Специфической сущностью ФСП сомнительности является отражение сложного взаимодействия разноуровневых языковых элементов на основе их функционального и семантического сходства в речевой деятельности. Часто значение сомнительности передаётся комплексом средств, перечисленных выше.

Ядро средств выражения ФСП сомнительности составляют лексико-семантические, фразеологические и лексико-грамматические средства (специализированные модальные частицы, вводно-модальные компоненты, обладающие семантикой сомнительности, которая полностью исчерпывает их языковую необходимость, т. е. они используются в языке только для выражения значения сомнительности в ее инвариантном проявлении). На периферии располагаются лексико-грамматические (вводно-модальные компоненты, передающие варианты значения сомнительности), а также синтаксические и интонационные средства, актуализирующие действие ядерных средств. На создание семантики сомнительности может влиять порядок слов в предложении, целевая установка высказывания и т. п.

Для передачи данной семантики сложилась определенная система средств, анализ которой позволит объяснить механизмы её создания. Методика выявления средств выражения – маркёров данного значения – основана на том, что говорящий четко осознает свое отношение к пропозиции высказывания, поэтому использует маркёр семантики сомнительности, который может употребляться как единственный или как основной, входящий в состав комплекса, высказывание создается для того, чтобы выразить свое сомнение в том, о чем сообщается в предложении, что может быть дополнено анализом смежных с сомнительностью полей.

Зоны пересечения ФСП сомнения с другими полями, названными выше, можно не только рассмотреть на примерах из художественной литературы, но и проверить экспериментальным путем. Чтобы охарактеризовать объём понятия *сомнение* в представлении современных носителей языка, нами проведен эксперимент, в ходе которого мы пришли к выводу о том, что определение понятию *сомнение* давалось испытуемыми с учетом его эмотивно-оценочной природы (подробнее см. [Гоголина, Караваева 2016: 28–36]).

Мы предложили респондентам, в качестве которых выступили студенты-филологи выпускного курса и магистранты Института филологии и межкультурной коммуникации УрГПУ, дать определение понятию *сомнение*, т. е. *сомнение – это ...*

Респонденты определили данное понятие, включив его в зону макрополя достоверности / недостоверности и смежных с ним полей, названных нами выше. Среди ответов доминирует понятие *неуверенность*, через которое студенты объясняют сомнительность, дополняя это понятие такими характеристиками, как несогласие, неопределенность, нерешительность, спорность, маловероятность, отсутствие достоверности и др.

Связь с полем эмотивности подтверждают такие реакции, как *эмоциональное состояние человека, чувство, эмоция*, уточняемые более конкретными: *разочарование, переживание, волнение* и др.

Среди реакций можно выделить блок развернутых реакций-ответов с обозначением эмотивно-оценочной природы семантики сомнительности: «1. *Состояние самого человека, при котором он не может принять конкретное решение по тому или иному вопросу. Его начинают посещать разные мысли, которые еще больше вводят в заблуждение.*

2. *Состояние человека, когда он принимает решение, взвешивая все «за» и «против». В этот период человек находится в раздумье и не действует, но переживает и просчитывает свои дальнейшие действия.*

3. *Сомнение – состояние человека в ситуации, когда ему что-то не нравится в предъявленной информации»* [Гоголина, Караваева 2016: 34].

Эксперименты подобного типа убеждают нас в том, что в формировании семантики сомнительности для носителей языка важны такие параметры, как её включённость в макрополе достоверности/недостоверности,

пересечение со смежными микрополями гипотетичности, возможности, вероятности и др., а также соотнесённость с микрополями оценочности, эмотивности, эвиденциальности и т. п.

Микрополе сомнительности, входящее в состав поля достоверности, тесно взаимодействует с ФСП эмотивности, оценочности, гипотетичности, возможности, вероятности, кажимости, эвиденциальности, приблизительности/неточности качества или количества. Все вышеназванные поля взаимодействуют и в процессе функционирования создают широкий спектр вариантов значений ФСП сомнительности, который можно выявить как в процессе анализа художественных текстов, так и экспериментальным путём, т. е. посредством различных методик анализа речевых практик.

Литература

1. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

2. *Гоголина Т. В., Караваева М. А.* Восприятие категории сомнительности современными носителями языка: экспериментальные данные // LINGUISTICA JUVENIS. Сборник научных трудов молодых ученых / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. Вып. 18. – С. 28–36.

3. *Гоголина Т. В.* Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке: Учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2005. – 124 с.

4. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.

5. *Кобрин О. А.* Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.

6. *Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

7. *Никольская И. Г.* Стратификация семантики сомнения в современном русском языке // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сборник научных статей: в 2 частях. / Составители: В. Н. Денисенко, Е.А. Красина, Н. В. Новоспасская, Н. В. Перфильева. – М.: РУДН, 2014. – С. 267–276.

8. *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, Т. В. Крылова и др. Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 624 с.

9. *Юровицкая Л. Н.* Английский лингвокультурный концепт «сомнение» и способы его языковой манифестации: Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. – 171 с.

10. *Языкознание.* Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Авторы:

Гоголина Татьяна Владимировна – доцент кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия; e-mail: gogolinatv@yandex.ru;

Никольская Ирина Геннадьевна – доцент кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: inik2007@list.ru.

Authors:

Gogolina Tatiana V. – Associate Professor of the Department of General Linguistics and Russian Language of the Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia; e-mail: gogolinatv@yandex.ru;

Nikolskaya Irina G. – Associate Professor of the Department of Russian Language for the Humanities and Natural Sciences of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: inik2007@list.

*А. Р. Губанов, Е. А. Кожемякова, А. А. Обжогин,
Г. Ф. Губанова, О. В. Свеклова*

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО АКТА ОБОСНОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются смысловые отношения обусловленности, включающие в свой состав инвариантные и варианты признаки. В исследовании применяется когнитивно-онтологический подход к построению моделей семантических структур соответствующих концептов в русском и чувашском языках с учётом ментальных процессов категоризации смысловых отношений обусловленности и экстралингвистической действительности с целью обоснования формирования соответствующих концептов в процессе общения и их речевого воздействия.

Ключевые слова: смысловые отношения обусловленности, инвариантные и варианты признаки, разноструктурные языки, модели семантических структур, системы языковых средств, ментальный процесс категоризации, речевое воздействие, онтологические модели, речевой акт обоснования, когнитивно-онтологический подход, функциональная грамматика, интеграция.

*A. R. Gubanov, E. A. Kozhemyakova, A. A. Obzhogin,
G. F. Gubanova, O. V. Sveklova*

SPEECH IMPACT IN DIFFERENT STRUCTURAL LANGUAGES: ONTOLOGICAL MODELS OF THE SPEECH JUSTIFICATION ACT

Abstract. The article examines the semantic relations of conditionality as an autonomous semantic object, which includes invariant and variant features. The study uses a cognitive-ontological approach to constructing models of the semantic structures of the corresponding concepts in the Russian and Chuvash languages, taking into account the mental processes of categorizing the semantic relations of conditioning and extralinguistic reality in order to substantiate the formation of the corresponding concepts in the process of communication and their speech impact.

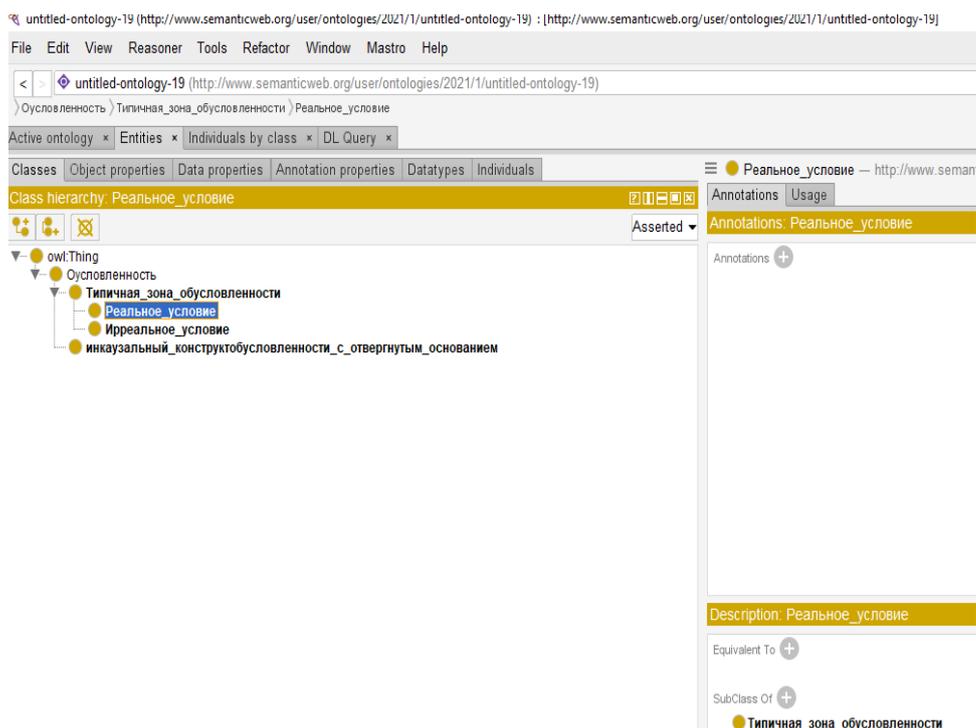
Keywords: semantic relations of conditionality, invariant and variant signs, different-structured languages, models of semantic structures, systems of linguistic means, mental process of categorization, speech influence, ontological models, speech act of substantiation, cognitive-ontological approach, functional grammar, integration.

В современной парадигме контрастивной лингвистики наблюдается тенденция анализировать проблемы функциональной грамматики с разных точек зрения и интегрировать полученные данные в целостную картину, ибо «...все разновидности функциональной грамматики объединяются общим пониманием языка как системы языковых средств, служащих для достижения определенных целей речевого общения» [Шелякин 2001:3, Белошапкина 2007, Бондарко 1987, Бондарко 2001:31–41, Гриднева 2005]. В частности, как известно, речевое воздействие (РВ) как диффузное явление охватывает все три основных компонента речевой коммуникации – адресанта, аргументации и адресата (оппонент) [Баранов 1990: 41–52, Демьянков 1989: 13–17, Иссерс 1999: 74–79, Шелестюк 2014]. Речевое воздействие сложных речевых актов обоснования можно анализировать с точки зрения всех трех вышеназванных основных компонентов речевой коммуникации, ибо отношения обусловленности как автономный семантический объект включают в свой состав инвариантные и варианты признаки. Вариантно-инвариантная архитектура языка существенна для моделирования вариантно-инвариантной структуры мира: в объективной действительности все предметы объединяются и составляют группы-множества, исходя из общности признаков / свойств, аналогичное явление наблюдаем в формальных языковых группах-множествах [Звегинцев 1988: 268–276]. Соответствующая теория, теория вариантности, дает возможность систематизировать концепты объективного мира на основе единых позиций [Schalley 2019, Butler 2008: 1–30, Butler 2012: 619–634, Butler 2008: 1–30, Hengeveld, Epilogue 2004: 365–378]. В частности, с этой точки зрения, с точки зрения инвариантности-вариантности, можно смоделировать семантические отношения концепта обусловленности как эквиполентную оппозицию инвариантов: "прямая обусловленность (каузальность) – "обратная обусловленность (инкаузальность)". Также можно представить инвариантные признаки сложных директивных речевых актов обусловленности (традиционно принято приписывать функцию воздействия, в основном, директивным речевым актам), в частности, суггестивы (совет...): а) агентивность (бенефактивность действия); б) темпоральность; в) прагматическая рамка (выражена имплицитно / эксплицитно с помощью перформативных глаголов) и др.

Процесс коммуникации, как известно, связан с базой знаний говорящего. И в этой Базе условность (кондициональность) представляет базовый слой (субстрат) каузальности (причинности в широком смысле слова), ибо причина любого события выступает в то же время как необходимое условие, т. е. с этой точки зрения концепт кондициональности представляет типичную зону идеи обусловленности со свойственной ей сильной и слабой альтернативой, а концессивность – как инкаузальный конструкт, как тип обусловленности с отвергнутым основанием, т. е. возникает когнитивный диссонанс (в традиционных исследованиях концессивность рассматривается как парадокс, однако уступку следует рассматривать как

полифункциональный речевой акт, имеющий инкорпорирующий характер, выступающий как компонент конфликтной коммуникации, где говорящий-адресант использует более мягкие или более жесткие средства воздействия.¹

Рассмотренную онтологию интересующих нас смысловых отношений с когнитивно-онтологической точки зрения представим в редакторе онтологии Protégé, формализовав соответствующие лингвистические знания в онтологических терминах, в частности, в терминах «классы», «экземпляры», «семантические отношения», способствующие более глубокому исследованию отношений обусловленности:

Рассмотрим экземпляры интересующих нас концептов, т. е. то, как формируются интересующие нас концепты в процессе общения. Следует отметить, что все РА обоснования представляют сложные (комплексные) РА, прагматическая рамка которых состоит из главного и вспомогательного РА. В частности, иллокутивный акт комплексных директивных РА характеризуется следующими когнитивными признаками: А) персональность: 1) РА с императивной парадигмой с формой субъекта: а) во втором лице (в директивной ситуации наблюдается частотность отсутствия формального адресата): *Делайте, если знаете, и помогите, если можете, а за труд возьмите себе что хотите – на то и наука! (Гонч). – Енчен те пёлетёр пулсан, т’в’ёр, пултара т’ёр пулсан – пул’ий’ёр, ё’ш’ён вара х’в’ёр валли х’ать те мён ил’ёр;* б) в форме совместного лица (в ситуации используются синтетические и

¹ Онтологическая сущность кондициональности и концессивности в контрастивных лингвистических исследованиях до сих пор трактуется не однозначно.

аналитические формы “совместного лица” – адресат выступает как исполнитель действия: – Узнаю вас в этом вопросе! Вы никак не можете сидеть сложа руки. Что ж, *если* хотите, давайте рисовать, пока еще не совсем стемнело. Авось другая муза – муза рисования – как, бишь, ее звали? позабыл... будет ко мне благосклоннее. Где ваш альбом? Помнится, там мой пейзаж не кончен (Тургенев). – *Пёлетён – эсир алъ усса ларма пултараймастър. Апла пулсан, ўкерме кәмәләр пулсан, ўкерер тёттёмлениччен. Тен, урәх муза – мёнлеччә-ха унән ячә?* – мана килёштерё... *Аста сирён альбом? Унта энё пейзаж ўкерсе пёттерменччә-ха;*; в) в 3 лице: – *Ежели спросят: кто, мол, коней угнал? – скажи: милиция станицы Краснокутской забрала. Пуцай хозяева туда идут... Понял! – Понял... (Шолохов). – Лаиасене камсем илсе кайрәс?* – *тесе ыйтсан, кала: Краснокутски станица милицийё, те. Ан тив, хуҗисем унта пыраҗсё...* – *Анлантәм;* Б) интенциональность (коммуникативная цель): говорящий соблюдает постулаты данного принципа, как такт, одобрение, согласие и др. – *Что ж я тебе скажу? – задумчиво говорил он. – Может быть, в тебе проговаривается ещё нервическое расстройство: тогда доктор, а не я, решит, что с тобой. Надо завтра послать... Если же не то... – начал он и задумался. – Что «если же не то», говори! – нетерпеливо пристала она (Гонч). – Мён калас-ха ман сана? – терё вәл. – Тен, ытла пәшәр-ханнине пула сапла каласма пусларән эсё? Вара сана тухтәр кирлә, энё мар. Вәл мён тумаллине калё. Бранах тухтәр патне ярас... Енчен те урәх сәлтав пулсан вара... – терё те вәл шухәша кайрә. – Енчен те урәх сәлтав пулсан, вара мён? – чәтәмсәррән ыйтрё вәл;* В) интенсивность (используются вспомогательные модальные речевые компоненты «должен», «мочь», «желать» с целью усиления или ослабления иллокутивной силы РА): – *Делай честно дела: если должен, так плати, не увёртывайся. Что ты теперь наделал? (Гонч.). Послушай, Илья, если тут предостережение может что-нибудь сделать, то я всей дружбой нашей прошу: будь осторожен...* (Гонч.); Г) прагматическая рамка с индикативной парадигмой: а) с формой 2-го л. буд. и наст. вр. в которых имеется модальный оттенок побуждения: – *Я не злопамятен, Солопий. Если хочешь, я освобожу тебя. – Энё усал мар, Солопий. Сана, кирлә пулсан, хәтарма та пултара тәп;* б) с формой кондиционала: *Хоть бы ты письмо написал; Сан хәть сыру сырмаллаччә.; Если бы Вы поехали к нему и помирились! Санән ун патне кайса мирлеимеллеччә.*

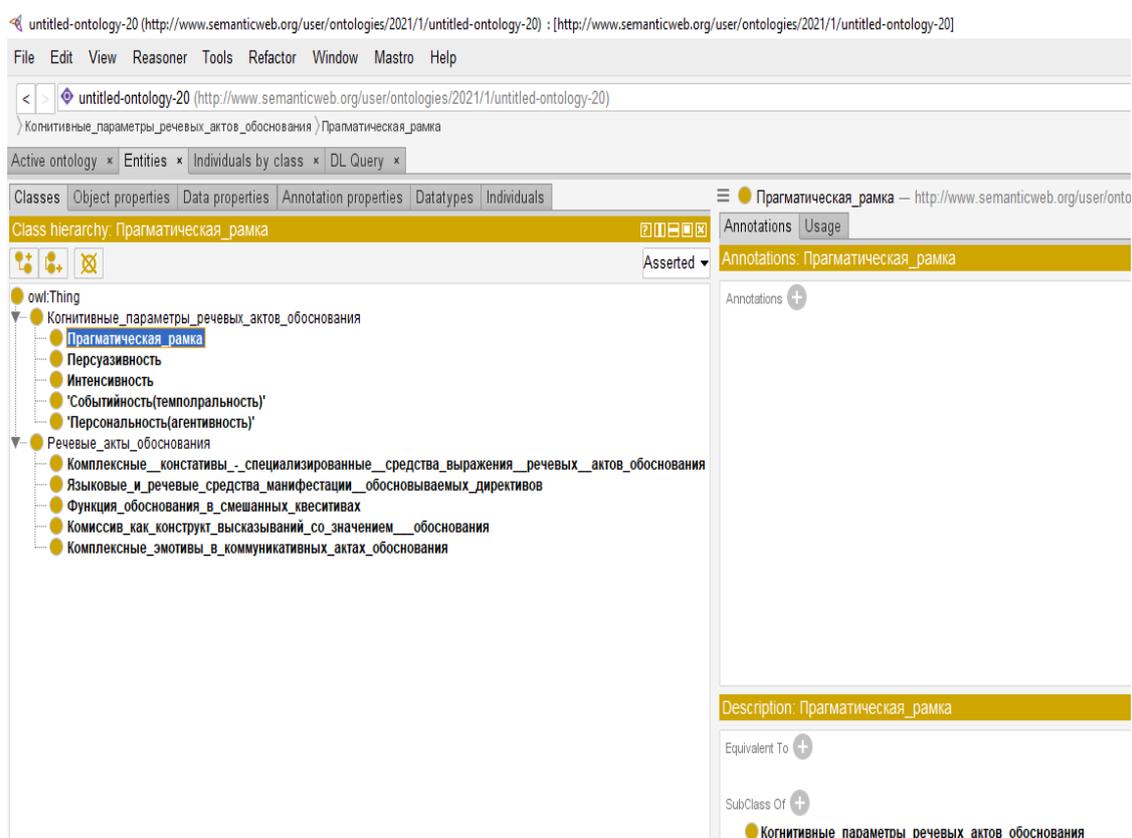
Представим когнитивные параметры РА концессивности, которые участвуют в реализации соответствующей модели речевого жанра: 1) интенциональность (коммуникативная цель) – в соответствии с этим параметром рассматриваемый речевой акт маркируется следующей информацией: а) «уступить, согласиться несмотря на..., вопреки...» (говорящему-адресанту известно: осуществление ситуации Б вызывает сомнение: – *Я на это тебе только одно скажу: трудно поверить, чтобы человек, который, несмотря на свои шестьдесят лет, зиму и лето ходит босой и, не снимая, носит под платьем вериги в два пуда весом и который не раз отказывался от*

предложений жить спокойно и на всем готовом, – трудно поверить, чтобы такой человек все это делал только из лени (Л. Толстой). – *Акй сана эпё мён калатайп: сын, хай утмала ситнине пяхмасар, хелле те, сулла та сара уран сурет пулсан тата кей айенче хывмасар ике пай туртакан япала ййтса сурет пулсан, тата канле пурнайс перре мар сённине пяхмасар малалла та сапла сурет пулсан – ку кахалтан мар; б) «уступить, согласиться при одном условии...»:* (по мнению говорящего-адресанта, осуществление ситуации Б нуждается в дополнительном условии, он считает, что для осуществления ситуации Б нет достаточных оснований. Б можно было бы признать обоснованным при условии, что ситуация А имела бы место: – *Нынче утром Лиза заезжала ко мне – они еще не боятся ездить ко мне, несмотря на графиню Лидию Ивановну, – вставила она* (Л. Толстой). – *Паян ирпе Лиза керсе тухре ман пата – вёсем, Лидия Ивановна графинья пуррине пяхмасарах, ман пата килсе суреме харамассё; б) «уступить, не согласиться...»* (говорящему-адресанту известно: ситуация Б маловероятна: *А другим вы быть не можете, несмотря на ваш ум и прекрасную душу. Скажите честно, искренно, ведь не можете?* (Куприн). – *Эсир асла, ыра черелле пулин те, урахла пулма пултараймастар. Калар-ха терессине, пултараймастар вет?*; 2) агентивность: а) адресант выражает свою точку зрения: – *Ты уже чересчур благодушен и скромн, – возразил Павел Петрович, – я, напротив, уверен, что мы с тобой гораздо правее этих господчиков, хотя выражаемся, может быть, несколько устарелым языком, vieilh, и не имеем той дерзкой самонадеянности...* (Тургенев). – *Эсё ытлашиши ыра вёсемпе, – хирёслерё Павел Петрович, – эпё вара хамар терёс шутланине пёлсех таратайп, шухайша усса пама сёне саямахсемпе усй курмасан та...;* б) адресат (реакция адресата на реплику адресанта): *Не сам ли ты сегодня говорил, что она странно вышла замуж, хотя, по мнению моему, выйти за богатого старика – дело ничуть не странное, а, напротив, благоразумное...* (Тургенев). – *Эсё паян хавах: «Вал тёлёнмелле качча тухре», – терён. Анчах, ман шутпа, пуян старике качча тухнинчен ним тёлёнмелли те сук, ку асла утам;* 3) темпоральность (временная – перфектная / футуральная – перспектива события РА: *Он с Катей совсем как брат, – промолвила Анна Сергеевна, – и это мне в нем нравится, хотя, может быть, мне бы и не следовало позволять такую близость между ними* (Тургенев). – *Тен, манан вёсене ытла сываха ямалла марчче те пуле, савах вал Катыйшан пиччешё пекех пулни мана килешет, – терё Анна Сергеевна;* 4) прагматическая рамка (иллокутивные составляющие сложного РА уступки – наиболее репрезентативными, как показывает практический материал сопоставляемых языков, являются: 1) комплексные директивы (психологическое состояние адресанта связано с иллокутивной направленностью к настоящему стремлению к совету, предложению, предостережению: *Я считал это своим долгом, самое благоразумие в этом случае повелевает, хотя другие владельцы даже не помышляют об этом: я говорю о науках, об образовании* (Тургенев). –

Битти хуҗасем кун җинчен шутламасҗё пулин те, эйё вара хам тивёҗ тесе шутлатайн; 2) сложные комиссивы (адресантом используются в соответствующих обещаниях, намерениях): *Я в неопределенных выражениях обещал похлопотать, хотя, по правде сказать, надежды было мало...* (Куприн). – *Эйё, ёҗ айнасса ёненмерём пулин те, каласса пәхәй тесе сәмах патәм*. 3) комплексные констативные РА (адресант выражает свое мнение – согласие или возражение по описываемому факту/событию объективной действительности): *Хотя про таких людей говорят, что они любят всех и потому добры, а, в сущности, они никого не любят и добры потому только, что не злы* (Гончаров). – *Кун пек җынсем җинчен: «Вёсем ырә җынсем, мёншиён тесен пурне те юратасҗё», – тесҗё пулин те, вёсем никама та юратмасҗё, усал пулманран җеҗ вёсем ырә*.

Часто concessивный компонент адресантом имплицитно дает адресату-оппоненту додуматься до истинной пропозиции. Ср.:... *Это не совсем справедливо. Я считаю своим долгом предупредить тебя, хотя...* (Тургенев). – *Эйё сана асәрхаттаратайн, – тёрёсех мар җак япала, – анчах...; Нет, я не славянофил, хотя, конечно...* (Тургенев). – *Славянофил мар эйё, анчах, паллах...*

Представим онтологию интересующих нас речевых актов в перспективе в редакторе онтологий:

Предпринятый в работе подход позволил рассмотреть концепт обусловленности с точки зрения функциональных (когнитивных и ментальных)

процессов в речевом общении, что послужило совершенствованию мета-языка описания концепта обусловленности. Анализ смысловых отношений обусловленности в перспективе может послужить основой для изучения других функционально-семантических категорий с позиции когнитивно-онтологического подхода.

Литература

1. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 103 с.
2. *Баранов А. Н.* Аргументация как языковой и когнитивный феномен / А. Н. Баранов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. М.: Наука, 1990. – С. 41–52.
3. *Белошапкина Т. В.* Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке / Т. В. Белошапкина. – М.: КомКнига, 2007. – 336 с.
4. *Бондарко А. В.* К вопросу о системе анализа аспектов языка и речи в функциональной грамматике / А. В. Бондарко // Традиционное и новое в русской грамматике. – М.: Индрик, 2001. – С. 31–41.
5. *Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / А. В. Бондарко. – Л: Наука, 1987. – 430 с.
6. *Гриднева Н. Н.* Роль когнитивных и грамматических факторов в создании семантико-синтаксической организации конструкций со свернутыми сентенциональными компонентами: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Гриднева. – СПб., 2005. – 20 с.
7. *Демьянков В. З.* Эффективность аргументации как речевого воздействия / В. З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации. М.: ИНИОН, 1989. – С. 13–40.
8. *Звегинцев В. А.* О языковых моделях мира / В. А. Звегинцев // Вопросы философии. – Ереван, 1988. – № 6 / 7. – С. 268–276.
9. *Иссерс О. С.* Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / О. С. Иссерс // Вестн. Омск. ун-та, 1999. – Вып. 1. – С. 74–79.
10. *Шелестюк Е. В.* Речевое воздействие. Онтология и методология исследования. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2014.
11. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. – М., 2001.
12. *Butler Christopher S.* An ontological approach to the representational lexicon in Functional Discourse Grammar. *Language Sciences* 34(5), 2012, 619–634.
13. *Butler Christopher S.* Cognitive adequacy in structural-functional theories of language. *Language Sciences* 30, 2008, 1–30.

14. *Hengeveld, K. Epilogue.* In: Mackenzie, J.L., Gómez-González, M.L.A. (Eds.), *New Architecture for Functional Grammar. Functional Grammar Series 24*, Mouton de Gruyter, Berlin and New York, 2004, 365–378.

15. *Schalley A.C. Ontologies and ontological methods in linguistics.* Lang Linguist Compass, 2019.

Авторы:

Губанов Алексей Рафаилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: alexgubm@gmail.com

Кожемякова Екатерина Аркадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия;

Обжогин Андрей Александрович – доцент кафедры русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия;

Губанова Галина Федоровна – кандидат филологических наук, доцент Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия;

Свеклова Оксана Витальевна – ассистент кафедры иностранных языков Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия.

Authors:

Gubanov Aleksey R. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University named after I. N. Ulyanova, Cheboksary, Russia; e-mail: alexgubm@gmail.com

Kozhemyakova Ekaterina A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University named after I. N. Ulyanova, Cheboksary, Russia;

Obzhogin Andrey A. – Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, Chuvash State University named after I. N. Ulyanova, Cheboksary, Russia;

Gubanova Galina F. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Chuvash State University named after I. N. Ulyanova, Cheboksary, Russia;

Sveklava Oksana V. – Assistant of the Department of Foreign Languages, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary, Russia.

УСТОЙЧИВОЕ СОЧЕТАНИЕ «НАДО ПОНИМАТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ: СООТНОШЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

Аннотация. В центре внимания находится соотношение модальных смыслов необходимости, возможности, желательности в высказываниях с устойчивым сочетанием «*надо / нужно понимать*». Выявляются скрытые модальные ситуации, связанные с предметной ситуацией отношениями таксиса и обусловленности.

Ключевые слова: модальность необходимости, возможности, желательности, субъекты модальной оценки, глаголы понимания.

I. P. Matkhanova

THE COLLOCATION «*NADO PONIMAT'*» IN THE MODERN SPEECH: CORRELATION OF THE MODAL MEANINGS

Abstract. The article focuses on the correlation of the modal meanings of necessity, possibility, desirability in utterances with the collocation «*nado / nu-zhno ponimat'*». It exposes the implicit modal situations related to the denotative situation by taxis and conditionality, causation.

Keywords: modality of necessity, possibility, desirability; subjects of the modal evaluation; verbs of understanding.

Людмила Николаевна Оркина, замечательный лингвист, представитель петербургской школы функциональной грамматики, ученица и последовательница А. В. Бондарко, в своих трудах сочетала глубину анализа грамматических структур с вниманием к их прагматическому потенциалу, учету взаимодействия таксисных ситуаций и ситуаций обусловленности [Оркина 1999]. Следование этим принципам позволяет по-новому посмотреть на употребление в современной речи некоторых устойчивых сочетаний, в частности, сочетания «*надо (четко) понимать*».

В центре внимания находится соотношение модальных смыслов, реализуемых в устойчивом выражении "*надо (четко) понимать*". Ср.: *Чтобы сделать верный выбор и не отдать деньги «за воздух», надо ясно понимать, чего вы хотите: только страхования от угона или максимально полного комплекта...* (А. Гаевская).

Для анализа языкового материала, извлеченного из национального корпуса русского языка, используется понятие категориальной ситуации, разработанное А. В. Бондарко [Бондарко 2002 и др.].

Отдельным компонентам, входящим в сочетание "*надо понимать*", посвящено значительное число работ. Так, семантика глагола *понимать* рассматривается в работах М. А. Дмитриевской, Ю. Д. Апресяна, Б. Л. Иомдина и др.; его аспектуальные свойства анализируются Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым, М. Я. Гловинской, Анной А. Зализняк и др. (см. аналитический обзор литературы по проблеме в работе Б. Л. Иомдина [Иомдин 2006]). Однако анализ сочетания с модальными модификаторами привлекается в основном для выявления особенностей семантики данного глагола, его семантической структуры как полисеманта. В настоящей работе анализируется употребление глагола только в значении «1. ОСОЗНАВАТЬ (понимание-знание), ‘осознавать положение дел’» (*Брежнев отлично понимал, где находятся рычаги власти*) и не рассматриваются значения ‘осознавать смысл’, ‘владеть языком’, ‘сочувствовать’, ‘интерпретировать’, ‘считать’ и др.

Что касается предикатива *надо*, то лингвисты отмечают у него меньшую степень категоричности, которая свойственна этому слову по сравнению с другими показателями долженствования, а также его многозначность, имеющую характер диффузности (Обзор модальных значений, в т. ч. передаваемую разными операторами, см. в: [Шатуновский 1996]). Наиболее важной из работ для настоящего исследования, в которой дается семантическая характеристика слов *надо*, *должен*, *следует*, является статья И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер [Кобозева, Лауфер 1999]. Рассматривая слово *надо* в ряду других средств выражения, необходимо выявить семантическую структуру данной ситуации (о методике такого исследования см. [Беляева, Цейтлин 1990], которая, с одной стороны, объединяет ее с модальной ситуацией возможности, иногда – желательности / потребности, а с другой – отличает от них).

Так, для ситуации необходимости и возможности общим является следующее: 1) сложная система взаимодействия субъектов речи (S_p), модальной оценки ($S_{мо}$), волюнтаривности (S_v) и предметной ситуации ($S_{пс}$); 2) значительная роль детерминирующей “положение дел” ситуации, в данном случае совпадающей с предметной, которую, как правило, осуществляет тот же субъект ($S_{дет}$). Таким образом, речь идет о соотношении нескольких ситуаций: предметной, являющейся потенциальной, которая должна перейти в актуальную, а также детерминирующей, способной быть ретроспективной или проспективной. Важными параметрами являются: характер оценки предметной ситуации (положительная, отрицательная, нейтральная), степень облигаторности связи между ними и вид каузации (причинно-следственные отношения, обоснования, целевые и под.).

Представляется, что популярность конструкции *надо (четко) понимать X, что...* обусловлена несколькими факторами, которые для нее характерны.

1. Неопределенность, размытость вида модальной оценки, контаминация разных видов (необходимости, возможности, желательности).

2. Наличие неопределенной футуральной перспективы как физического, так и ментального действий, имеющих определенную последовательность и конечный результат.

3. Более высокий статус субъекта модальной оценки относительно субъекта действия вследствие обладания необходимыми знаниями.

Общее значение этой конструкции можно сформулировать следующим образом:

Х считает, что для достижения определенной цели, в которой заинтересован У (и еще кто-л.), необходимо осознать (представлять) результат предпринимаемого действия, пути его достижения.

Ср.: *Чтобы правильно использовать подписной канал распространения (а), надо понимать ... принципы его функционирования (в, г). (От совершенствования товара к интенсификации продаж...); ... для достижения успеха (а) надо очень точно понимать позицию партнера... (в, г), самое опасное – это строить свою позицию на иллюзиях (б) (Б. Дмитриев).*

Это сложная ситуация, в которой можно выделить несколько простых: (а) У испытывает потребность (**хочет**) достижения какой-либо цели (Х хочет успешно использовать подписной канал); (б) У **может** либо не достичь намеченной цели, либо последствия ее достижения могут оказаться для него нежелательными; (подписной канал может не дать ожидаемую прибыль); (в) Х считает, что **возможность** достижения положительного результата обусловлена тем, насколько полно, детально У представляет итог своей деятельности и пути достижения результата (не зная принципов работы подписного канала, У приведет свое дело к краху); (г) Х считает, что **необходимое** условие достижения намеченной У-ом цели – этап ментальной обработки (осознания) путей / способов достижения результатов и их возможных последствий (понимание принципов работы является залогом успеха).

Таким образом, каждая микроситуация характеризуется своим типом модальности: желательности, возможности, необходимости – но ведущей является модальность необходимости, которая и требует выбора соответствующего модального модификатора – *надо*, обладающего наиболее диффузной семантикой, не препятствующей контаминации модальных смыслов.

Проявлению семантики *желательности* способствует то, что субъект детерминирующей и предметной ситуаций – один и тот же, он же является субъектом волюнтаривности в обоих случаях, он заинтересован в достижении результата, т. е. является субъектом-бенефициантом: $S_{дет} = S_{в1} = S_{пс} = S_{в2} = S_{бен}$. Итак, потребность, заинтересованность субъекта в осуществлении действия передается, пусть и неявным образом, несколько раз. Ср.: *Чтобы получить деньги, надо четко понимать не только как работать со*

зрителем, но и с каким зрителем работать А. Кобелянский); ...чтобы защититься от некачественных товаров и услуг, **надо** сначала **понимать** их особенности (М. Делягин). Тот, кто хочет получить деньги, и тот, кто просчитывает особенности зрителей, – один и тот же субъект, в чью пользу само действие (получение денег) осуществляется.

Семантика *возможности* реализуется благодаря не только альтернативности (недостижение желаемого результата), но и ослаблению облигаторности связи между предметной ситуацией и детерминирующей, поскольку обе создаются одним и тем же субъектом, между ситуациями закрепленные таксисные отношения, это позволяет увидеть не только целевую, но условную семантику в детерминирующей ситуации: *чтобы добиться успеха* → *если хочешь добиться успеха, надо понимать...*; *чтобы правильно использовать канал, надо понимать* → *если хочешь правильно использовать канал...* В некоторых случаях вместо целевой конструкции прямо указывается условие *Если вы планируете здоровую беременность, то надо понимать, что из лекарств вы можете себе позволить* (А. Варшавская) → *Чтобы беременность была здоровой, надо понимать...*; *Для того чтобы состояться в бизнесе, нужно четко понимать, что люди, которые поселятся в новостройках, хотят жить комфортно и счастливо.* (Праздник, который всегда с тобой) → *Если X хочет состояться в бизнесе....*

Семантика *необходимости* связана с основным лексическим значением слова *надо / нужно*, с позицией оценивающего, с тем, что субъект модальной оценки считает связь между детерминирующей ситуацией и предметной облигаторной. Ср.: *Для того чтобы состояться в бизнесе, нужно четко понимать, что люди, которые поселяются в новостройках, хотят жить комфортно и счастливо, иначе можно прогореть* (Праздник, который всегда с тобой); *Но при этом нужно четко понимать задачи такого инструментария, чтобы не перегружать процесс управления избыточными возможностями* (Н. Дубова).

Предикатив *надо / нужно* употребляется в этих конструкциях чаще всего с незамещенной позицией дат. субъекта, в которой могли бы участвовать: субъект предметной ситуации (конкретный / групповой / общереферентный), выступающий одновременно в роли бенефицианта (а не вынуждаемого); субъект волонтерности (ослабленный благодаря семантике глагола *понимать*, который обозначает не полностью контролируемый ментальный процесс). Субъектом модальной оценки выступает субъект речи, говорящий, который ставит себя в позицию доминирующего благодаря своему знанию результирующей ситуации, путей ее достижения или трудностей, ожидающих агенса. Особенно ярко этот аспект подчеркнут в высказываниях с инверсией глагола и модального оператора, например: [Чтобы получить страховку] **Понимать надо**: *вредно это – страхового агента... менять* (П. Акимов), которые чаще встречаются в другой конструкции, без целевого распространителя, оценивающей уже случившуюся неудачу

субъекта предметной ситуации. пропустившего этап осознания: *Потому как нельзя было тебе при такой базе в овчине ходить. Понимать надо* (Е. Пермяк).

Обычно в указанных конструкциях, несмотря на отсутствие вербализованной позиции субъекта, роли субъекта предметной ситуации и субъекта модальной оценки не совпадают. Ср.: *По словам эксперта, ...перед инвестированием надо четко понимать активы фонда и отрасли в целом* (В. Кирченкова). Субъектом модальной оценки является эксперт, а агенсом – инвестор.

Модальный предикатив *надо* характеризует связь между ситуациями как обладающую наименьшей степенью облигаторности, зависимости, ограничивающей свободу выбора, свободу действий субъекта предметной ситуации. Это предполагает возможность существования равновероятного выбора из нескольких действий, что характерно для ситуации *возможности* (скрытая модальная ситуация *б*). Вместе с тем, *желательность, потребность* в достижении намеченного результата связана с осуществленным выбором (ситуация *а*) субъекта действия, агенса.

Еще одним свойством предикатива *надо* является отсутствие положительной или отрицательной оценки предметной ситуации, которая в ситуации принуждения, необходимости оценивается отрицательно, а в ситуации желательности – положительно.

Важное для данного устойчивого сочетания значение *потенциальности*, направленности на переход предметной ситуации в ситуацию актуальную, обусловлено и семантикой слова *надо*, и наличием еще не совершенного ментального процесса, и целевой конструкцией (эксплицитной или имплицитной, также обладающей футуральной направленностью. И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер отмечают, что для высказываний с предикатом *надо* характерно упоминание цели, представленной эксплицитно или имплицитно (со ссылкой на работу Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой, в которых указывается свойство «целеустремленность» модальности «нужды и потребностей», передаваемой предикатами *надо, нужно, необходимо*). Обычно ситуация детерминации (при других модальных показателях) передает семантику обоснования, причинно-следственные отношения, которые либо одновременно актуальны (постоянны: *Перед едой следует мыть руки*), либо предшествуют предметной ситуации (*Пошли дожди, и экспедиция должна была вернуться*). Семантика цели направлена в будущее, и предметная ситуация, вводимая модальным оператором, также имеет футуральную перспективу. Ситуация понимания является необходимым этапом достижения результата действия, передаваемого целевой конструкцией, предшествует ей, но они обе располагаются в будущем. Представляется, что такая «двойная потенциальность» служит для дополнительного снижения облигаторности и большей свободе выбора субъекта предметной ситуации.

Предметная ситуация, представленная глаголом *понимать*, который относится к ментальной сфере, сочетает в себе семы процессности и результативности, каждая из которых может актуализироваться при помощи соответствующих показателей: для результативности характерно сочетание с распространителями *четко, отчетливо, точно, ясно, хорошо* и под., указывающими на результирующую картинку, возникающую перед мысленным взором субъекта; для процессности – сочетание с распространителями *наконец, сперва, вначале*, указывающими на этапы осознания проблемы. Такое сочетание различных аспектуальных смыслов позволяет считать вариантом использование в анализируемом выражении глагола СВ *понять*, который также свободно сочетается с указанными распространителями. Ср.: *Как минимум православным матерям и отцам надо понять, что семейную жизнь надо беречь и что учеба учебой, а отношения с ребенком имеют преимущественную ценность* (Проблемы многодетной семьи сегодня).

Итак, частотность использования устойчивого выражения «*для этого надо (четко) понимать, что...*» обусловлена диффузностью семантики составляющих ее элементов, наличием незамещенных позиций, высокой степенью свернутости референтных ситуаций, что позволяет говорящему маскировать свои интенции, в первую очередь позицию превосходства над субъектом действия.

Литература

1. *Беляева Е. И., Цейтлин С. Н.* Соотношение значений возможности и необходимости в семантической сфере потенциальности // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 123–126.
2. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
3. *Иомдин Б. Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 517–612.
4. *Кобозева И. М., Лауфер Н. И.* Семантика модальных предикативов долженствования // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1999. – С. 169–175.
5. *Оркина Л. Н.* Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности временного и условного типов. – Чебоксары: ЧГПУ, 1999. – 201 с.
6. *Шатуновский И. Б.* Семантика предложения и нереперентные слова. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 400 с.

Автор:

Матханова Ирина Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия; e-mail: matkhanova@mail.ru.

Author:

Matkhanova Irina P. – Doctor of Philology, Professor of the Chair of Modern Russian Language in the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: matkhanova@mail.ru.

ВРЕМЕННОЙ ПОРЯДОК В СВЯЗИ С СЕМАНТИКОЙ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются аспекты взаимодействия категории временного порядка и семантики каузальной обусловленности. Временной порядок и каузальность имеют общую семантическую основу, базирующуюся на представлении о последовательности событий на линии времени. Значимым объединяющим свойством также являются интерпретативный характер двух данных аспектов общего смысла высказывания и оценочность, которые исходят от субъекта речемысли.

Ключевые слова: временной порядок, каузальные смысловые отношения, интерпретативный характер смысла, оценочность, субъект речемысли.

S. L. Mikheeva

TIME ORDER IN RELATION TO THE SEMANTICS OF CAUSATION

Abstract. The article deals with aspects of the interaction of the category of time order and the semantics of causal conditionality. Time order and causality share a common semantic basis. It is based on the idea of a sequence of events on a time line. A significant unifying property is also the interpretative nature of these two aspects of the general meaning of the utterance and the evaluativeness that come from the subject of the speech-thinking activity.

Keywords: temporal order, causal semantic relations, interpretative character of meaning, evaluativeness, subject of speech-thinking activity.

Представления о времени как одной из значимых смысловых категорий, организующих речемыслительную деятельность человека, о способах и средствах его языковой репрезентации, о темпоральных характеристиках языковых единиц различной функционально-семантической природы являются предметом рассмотрения во многих исследованиях (см. в частности [Падучева 1996; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Логический анализ языка 1997]). Один из подходов к лингвистической интерпретации и описанию феномена времени представлен в модели функциональной грамматики, разработанной в трудах академика А. В. Бондарко и его последователей. Различные стороны общей идеи времени находят здесь отражение в системе взаимосвязанных и зачастую взаимообусловленных категорий

аспектуальности, темпоральности, таксиса, временной локализованности, временного порядка [Бондарко 1996; Бондарко 1999; Бондарко 2002].

Термин *временной порядок* в исследованиях А. В. Бондарко соотнесен с соответствующим понятием в работе немецкого философа Г. Рейхенбаха: «Временной порядок возможен в такой области, которая не имеет никакого пространственного порядка, а именно в сфере психического опыта человека. В самом деле, в нашей повседневной жизни мы не ощущаем пространство столь непосредственно, как мы чувствуем течение времени» [Рейхенбах 1985: 130].

При реализации значения временного порядка на первый план выступает соотнесенность событий друг с другом, их взаимосвязь и последовательность в потоке времени: *Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой нянькой* (К. Паустовский. Снег). В рассматриваемом случае временной порядок определяется как последовательность между событиями *поселилась* и *умер*, разделенными интервалом *через месяц*. Значение последовательности поддерживается также союзным комплексом *после того как*.

Данные семантические компоненты и составляют собственно смысловую основу семантической категории временного порядка в его терминологическом представлении: временной порядок – это «языковое представление «времени в событиях», то есть представление временной оси, репрезентируемой событиями, процессами, состояниями, обозначениями моментов времени и интервалов» [Бондарко 1996: 167]. В качестве структурных элементов общей семантики данной категории определяются семантические признаки: динамический – «возникновение новой ситуации» («возникновение в том смысле, что в какой-то момент в ось времени включилась обозначенная данным глаголом и его окружением ситуация, которой раньше не было» [Бондарко 1996: 170]) и статический – «данная ситуация», т.е. длительная ситуация, обладающая признаками статичности и неизменности в течение некоторого периода времени. Формальное средство выражения данных семантических признаков – последовательность глагольных форм совершенного и несовершенного видов: *Очнулась. Взглянула. Обомлела – проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул. Растолкала, подняла. Кинулась разогреть, накрывать, накручиваться. Позвала. Молчит. Заглянула – храпит. Вскочила, помчалась* (В. Чудодеев. Глаголы женского рода).

Значимым аспектом данного понятия является также тот факт, что временной порядок рассматривается как категория единого причинно-следственного соотношения событий [Рейхенбах 1962]. На самом деле, отношения каузальной обусловленности – это отношения между, как минимум, двумя ситуациями, которые разделены во времени и одна из них – причина предшествует другой – следствию. Значение последовательности оказывается «общим местом» для временного порядка и для ситуации каузальной

обусловленности – в первую очередь для случаев, где речь идет о временной последовательности событий и явлений, детерминированных одно другим. Наиболее приспособленными для выражения подобных смысловых отношений являются сложноподчиненные синтаксические структуры с придаточными времени, ср.: *Теперь, когда я лучше поняла царевича, я не могу винить его одного за то, что им так трудно вместе* (Д. Мережковский. Петр и Алексей) – отношения каузальной обусловленности сращены с отношениями темпоральной последовательности и предполагают друг друга (ср. трансформацию данного предложения ‘я не могу винить царевича, потому что лучше поняла его’); *Стирку Лидия любила больше всех других хозяйственных дел. Считала, что это занятие успокаивающее, и, когда случалась неприятность или просто было плохое настроение, она бралась за постирушку* (Л. Улицкая. Цю-юрих) – отношения временной последовательности осложнены отношениями условно-каузальными (ср. трансформацию ‘если случалась неприятность или было плохое настроение, бралась за постирушку, потому что считала это успокаивающим занятием’).

Структурные и семантические аспекты высказываний, передающих смысловые отношения временной обусловленности, подробно рассматриваются в работе [Оркина 2010: 27–126]. Ключевыми для формирования того или иного аспекта смысла каузально-темпоральных отношений являются 1) видо-временные формы глагола, а именно их комбинаторика в пределах целостного высказывания – предложения или минимального сверхфразового единства, необходимого для адекватного понимания; 2) «лексический контекст, в частности, семантика глагольных предикатов в придаточном, представляющих ментальную лексику типа *знать, иметь представление о чем-то, владеть определенной информацией* в результате восприятия субъектом определенных фактов, событий» [Оркина 2010: 28]; 3) модальные компоненты, предполагающие активную включенность субъекта в расстановку смысловых акцентов в высказывании; 4) семантический признак «возникновение новой ситуации» как точка проявления эффекта некоторого исчерпавшего себя события или явления (подробное обобщение см. в [Оркина 2010: 31–32]).

Значимым для нашей работы является факт обращения в характеристике условий реализации отношений обусловленности к семантическому признаку «возникновение новой ситуации» и признание за ним особого функционального статуса как одного из средств реализации этих смысловых отношений в высказывании.

Семантика временного порядка и каузального аспекта высказывания оказываются, таким образом, тесно соотнесенными именно в силу темпоральной расстановки событий причинно-следственного ряда на линии времени: следствие не может проявиться раньше своей причины [Рейхенбах 1962: 41–44]. Высказанное замечание справедливо в отношении устройства физического мира и его пространственно-временных координат (здесь не

ставится задача рассмотрения альтернативных вариантов, связанных с концепциями, порожденными теорией относительности), что находит свое воплощение в языке – от лексического значения отдельных слов до сложно-подчиненных предложений с придаточными причины. Вместе с тем отношения причины и следствия – это часто результат интерпретативной деятельности субъекта речи или – шире – субъекта наблюдения, поскольку здесь задействуются не только и не столько видимые и измеримые данные, особенно когда речь идет о стремлении объяснить (выявить причинное обоснование) поступки человека.

Иллюстрировать это положение можно следующими фрагментами: 1) *И не помрачнеет ли снова утром Лида, когда узнает, что Цагеридзе нарушил свое обещание и ночевал у себя в кабинете?* (С. Сартаков. Ледяной клад); 2) *Ей приходило в голову, что сейчас приедет управляющий выгонять ее из дома, что позор ее будет объявлен всему миру. Она спрашивала себя, куда она поедет, когда ее выгонят из дома, и не находила ответа* (Л. Толстой. Анна Каренина); 3) – *Ты чего меня благодаришь? Разве младшие благодарят старших? Это я тебе скажу спасибо, когда ты хорошо проведешь бой* (Эм. Казакевич. Сердце друга); 4) – *Понимаешь, Освальдо, когда человек воспринимает жизнь слишком всерьез, как это делаешь ты, он неизбежно становится немножко смешным. Это парадокс, но это так* (Ю. Слепухин. Южный крест) (примеры взяты из [Оркина 2010] – С.М.).

В первых двух случаях интерпретативный характер каузальных отношений подчеркивается формой вопроса-предположения (1) и вопроса, на который у субъекта речевого мысли нет пока ответа (2). В примере (3) доминирует условный компонент смысла ('если хорошо проведешь бой, скажу спасибо'). Однако само это условие «выставляется» субъектом речи на основе его пресуппозитивного представления о том, что благодарность является закономерным следствием хорошо выполненного дела. Отметим здесь значимость оценочности, которая в принципе является субъективной и интерпретативной и в силу этого существенно влияет на смысл всего высказывания. С этой точки зрения показателен пример (4): высказывание приобретает сентенционный характер в силу оценочного отношения субъекта речи к своему собеседнику. Хотя речь в данном случае идет об одном конкретном человеке – Освальдо, высказанная оценка распространяется говорящим на человека вообще, поскольку здесь выражена его убежденность в правоте характеристики (*неизбежно становится смешным* любой, кто слишком всерьез относится к жизни).

Приведенные иллюстрации демонстрируют, насколько сильно влияние точки зрения субъекта при выявлении и интерпретации, уточнении тех или иных смысловых отношений, в частности, каузальных. Соответственно это влияние распространяется и на трактовку соотношения событий на оси времени с точки зрения их одновременности или последовательности, т.е. с точки зрения организации временного порядка. Во-первых, при

структурировании временной линии субъект речи всегда избирателен: будут обозначены и включены только те события и явления, факты, которые значимы именно с точки зрения формирования причинно-следственного континуума высказывания и – в максимальном объеме – текста: *Когда-то, в трудную для России пору, Екатерина II заказала знаменитому зодчему Баженову проект нового Кремля. Скульптор **представил** грандиозную модель (она до сих пор хранится в Донском монастыре), и торжественно **приступили** к строительству. Государыня сама **заложила** первый камень. Иностранцы **были потрясены**. Им **казалось**, что Россия полностью **разорена** неудачной войной с Турцией, а северный колосс вон как **развернулся!** Цель **была достигнута**, и строительство незаметно **свернули**. Несчастный архитектор **запил** вмертвую...* (Ю. Нагибин. Владимир Татлин) – цепь предикатов представляет временную последовательность значимых событий, взаимообусловленных каузальными отношениями, и сопровождается авторскими оценочными комментариями.

Во-вторых, временные лакуны маркируются обозначениями интервалов, которые необходимы для определения течения «чистого времени», не связанного со значимым действием или состоянием. Необходимость включения интервальных обозначений определяется субъектом речи, как и определение степени его длительности, темпоральной ориентации (перспективный или ретроспективный) и т. п.: ***В 1527 году** ту же книгу **переиздал** немецкий ученый Пиркхеймер, **через четыре года** появился перевод на латинский Полициано, **через полтора века** Лабрюйер издал французский вариант под новым названием «Характеры или нравы», и популярность этой новинки на время **затмила** не только рыцарские, но и любовные романы (В. Околотин. Вольт); «Платья, тувельки на каблучках... Как нам жалко их, в мешочки позапрятывали. Днем в сапогах, а вечером хоть немножко в тувельках пред зеркалом. Раскова **увидела** – и **через несколько дней приказ**: всю женскую одежду **отправить** домой в посылках» (С. Алексеевич. У войны не женское лицо); *Есть очень насыщенные минеральные источники. **Стоит положить** в такой источник ветку или гвоздь, что угодно, как **через короткое время** они **обрастут** множеством белых кристаллов и **превратятся** в подлинное произведение искусства (К. Паустовский. Золотая роза) (подробнее о роли интервала в структуре временного порядка, его семантических разновидностях и средствах выражения см. [Михеева 2006]).**

В-третьих, интерпретативность взаимосвязи между временным порядком и каузальными смысловыми отношениями эксплицируется оценочным контекстом, выражаемым самыми разнообразными способами – лексическими единицами с соответствующим значением, синтаксическими конструкциями, предназначенными для передачи экспрессивно-оценочного смысла, ср. следующие иллюстрации: – ***Будет шторм!** – повторил старый шкипер, думая, что царь не расслышал его. – Говорил я давеча вашему величеству – лучше бы вернуться назад. – Не бойся, – отвечал Петр с*

улыбкою. – **Крепок наш новый корабль: выдержит бурю. С нами Бог!** (Д. Мережковский. Петр и Алексей) – оценка качества корабля предопределяет его способность выдержать напор стихии; **Редкие прохожие оглядывались на сухощавого иностранца, в одном светлом пиджаке не спеша прогуливающего упакованную в толстую шубу немолодую гражданку, которая никем не могла ему приходиться: для домработницы слишком интеллигентна, для жены стара и дурно одета** (Л. Улицкая. Пиковая дама) – эксплицированы оценки героини с точки зрения прохожих, которых несоответствие этих оценок устоявшейся социальной шкале заставляет оглядываться на странную пару; – **Да, да... Именно так и должно было случиться! Умер наш Век Золотой, умер вместе с моей ненаглядной! Похоронили мы его вместе с Беатриче, ибо не хотел и не мог он ее пережить! Не правда ли, друг мой, какое вещее совпадение, какая прекрасная аллегория!** (Д. Мережковский. Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи) – говорящий выражает прямую оценку предопределенного с его точки зрения совпадения двух событий, видя в этом некий символический смысл.

Подводя предварительные итоги, обобщим сказанное: 1) временной порядок и отношения обусловленности имеют общую смысловую основу, что подтверждается теми многосторонними семантическими оттенками, которые реализуются в высказываниях с отношениями временной обусловленности; 2) и тот, и другой аспект семантики получают наиболее полное воплощение в результате взаимодействия всех компонентов высказывания, основным среди которых следует признать линейную последовательность предикатов различной морфологической природы – в первую очередь глагольных форм; 3) и тот, и другой аспект семантики имеют интерпретативный характер в силу тесной связи с оценочностью; как следствие, большое значение имеет точка зрения субъекта речемышления как носителя шкалы оценок.

Литература

1. *Бондарко А. В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. – 219 с.
2. *Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 260 с.
3. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
4. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Издательство МГУ, 1998. – 528 с.
5. *Логический анализ языка: Язык и время:* сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Артюнова, Т. Е. Янко. – М.: Индрик, 1997. – 351 с.

6. *Михеева С. Л.* Средства выражения интервала и условия его включения в структуру временного порядка // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 9. – Тайбэй (Тайвань), 2006. – С. 160 – 169.

7. *Оркина Л. Н.* Синтаксические структуры с семантикой обусловленности в современном русском языке: учебное пособие для магистров-филологов. – СПб.: САГА, 2010. – 332 с.

8. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

9. *Рейхенбах Г.* Направление времени: Пер. с англ. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 396 с.

10. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.

Автор:

Михеева Светлана Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; email: mikhsveta@rambler.ru.

Author:

Mikheeva Svetlana L. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Primary Education, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; email: mikhsveta@rambler.ru.

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ УРОВЕНЬ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЕМАНТИКИ ТАКСИСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация. Целью данной статьи является показать когнитивно-дискурсивный потенциал анализа семантики временной соотнесенности действий в художественном дискурсе. Приведены результаты исследования когнитивных механизмов реализации семантики таксиса. Выявлен состав и семантические отношения в структуре ряда фреймов, каждый из которых представлен на языковом материале набором АТС. Обосновывается факт, что семантический потенциал форм глаголов СВ и НСВ формируется в результате межкатегориального взаимодействия. Проведенный анализ позволяет утверждать, что фреймовые структуры могут реализовать не только функции концептуализации и репрезентации окружающего мира, но и выполнять программирующую функцию по отношению к выбору тех или иных языковых и коммуникативно-прагматических стратегий индивида в различных контекстах речевого взаимодействия в социуме, в том числе в ситуациях, строящихся вокруг идеи передачи значения таксиса. Продемонстрированы прототипичные модели, разработанные путем фреймово-сетевого структурирования.

Ключевые слова: когнитивные исследования, семантический потенциал, межкатегориальное взаимодействие, художественный текст, фреймовые структуры.

Abstract. The purpose of this paper is to show the cognitive-discursive potential for analyzing the semantics of the temporal correlation of actions in literary discourse. The results of study the cognitive mechanisms of taxis' semantics realization are presented. The composition and semantic relations in the structure of a number of frames are revealed, each of which is represented in the language material by a set of aspect and taxis situation. The fact is substantiated that the semantic potential of the aspect forms of verbs is formed as a result of intercategory interaction. The analysis performed allows us to assert that frame structures can realize not only the functions of conceptualization and representation of the surrounding world, but also perform a programming function in relation to the choice of certain linguistic and communicative-pragmatic strategies of an individual in various contexts of speech interaction in society, including in situations based on the idea of transferring the meaning of the taxis. Prototype models developed by frame-network structuring are demonstrated.

Keywords: cognitive research, semantic potential, intercategory interaction, literary text, frame structures.

Категориальные характеристики семантики таксиса тесным образом связаны с категорией темпоральности, аспектуальности, модальности, временного порядка и временной локализованности [Бондарко 2002; Алефиренко, Нуртазина 2017; Оркина 2000]. Такие семантические характеристики являются единицами разных уровней языковой системы и взаимосвязаны на когнитивном уровне с идеей временной соотнесенности действий в рамках целостного временного периода. Поэтому семантический потенциал всех форм глаголов совершенного и несовершенного видов (далее – СВ и НСВ), настоящего, прошедшего и будущего времени (далее – НВ, ПВ и БВ) формируется в результате межкатегориального взаимодействия [Бондарко 2007].

Таксисное значение временной соотнесенности действий в рамках одного временного плана выступает в качестве инварианта по отношению к набору других семантических функций. Анализ языкового материала позволил нам выделить три основные (общие) функции таксиса:

– **«нейтральное выражение последовательных действий»** – **«цепь фактов»**: *«Андрей Иванович сел у костра, кинул с плеча оброть, достал кисет, скрутил сигарку, протянул табак старику»* (Б. Можяев. Мужики и бабы) или одновременных – «полная ограничительная одновременность НСВ₁ – НСВ₂»: *«Володя дубасил по гитаре, но сам веселился как-то натужно и, делая вид, что не замечает своей барышни, все-таки отыскивал ее глазами»* (В. Астафьев. Ясным ли днем);

– **«действия в полипредикативном комплексе», реализация которых зависит от воли субъекта высказывания»** («хотел СВ₁, но СВ₂», «не успел СВ₁, как СВ₂» и др.), например: *«Купец хотел было поцеловать ручку, но Миних не дал, только, смеясь, потрерал купца по плечу»* (М. Алданов. Пуншевая водка);

– **«действия, реализация которых обусловлена внешними факторами, выступающих в качестве принудительной силы по отношению к субъекту высказывания»** («долго НСВ₁, но потом СВ₂», «пытался СВ₁ (НСВ₁)...как вдруг СВ₂») и др.: *«Стояло молчание. Я видел, как Лидка синела. Я вынужден был уже все бросить и заплакать, как вдруг Лидка дико содрогнулась»* (М. Булгаков. Стальное горло).

Основные семантические функции таксиса отличаются максимальной широтой внутреннего содержания, что дает основание для их дальнейшей субкатегоризации в виде целостного комплекса конкретных семантических функций, обнаруживающих определенную специфику как в отношении состава компонентов семантического содержания, так и в плане наиболее частотных языковых средств выражения. Заслуживающим внимания представляется тот факт, что наибольшей канонической частотностью отличаются семантические функции первого типа как инвариантных значений таксиса, затем следуют варианты, связанные со значением сопряженности двух взаимосвязанных компонентов обозначаемой ситуации в рамках единого

временного плана. Далее следуют семантические функции – 2 и 3. Очевидно, данная тенденция служит еще одним доказательством того, что субъект лишь при реализации особого своего мнения и отношения может выражать и интерпретировать дополнительное значение «отношение к высказываемой мысли».

Вышеперечисленные основные семантические функции и конкретизирующие их семантические функции составляют языковой семантический потенциал таксиса в целом. Основные семантические функции и реализующие их конкретные семантические функции репрезентированы в семантической структуре высказывания набором базовых *таксисных когнитивных моделей* (далее – ТКМ), который представляет собой «свернутую» модель конкретного высказывания.

На последующих этапах исследования решение основных задач работы обусловило необходимость анализа когнитивно-дискурсивного уровня репрезентации таксисной семантики. При этом мы сочли возможным применить метод лингвистического моделирования к аспектуально-таксисным ситуациям (далее – АТС), реализуемым в конкретных дискурсивных условиях. Это, в свою очередь, позволило нам выделить набор фреймов АТС ситуаций, которые представляют собой «динамическую модель» [Падучева 1996: 171] стереотипной ситуации деятельности в окружающем мире, имеющей своей целью выражение суждения в отношении какого-либо развития событий и участия в них определенного круга лиц.

Мы полагаем, что фрейм АТС, локализованный на когнитивном уровне концептуальной системы человека, коррелирует с еще более абстрактной единицей представления информации – ТКМ, соотносясь с ним как вариант и инвариант. Следуя идеям Н. Стиллинга, можно отметить, что «когнитивная модель – это максимально обобщенный и абстрагированный конструкт, реализующий единый глобальный концепт, который раскрывается в семантической структуре отдельных фреймов» [Stillings 1987: 86].

На основе анализа иллюстративного материала из художественных произведений (более 3 тысяч примеров), взятых из Национального корпуса русского языка, можно продемонстрировать выявленные когнитивные модели [Алефиренко, Нуртазина 2017], раскрываемых в семантической структуре ряда фреймов, каждый из которых представлен на языковом материале набором АТС:

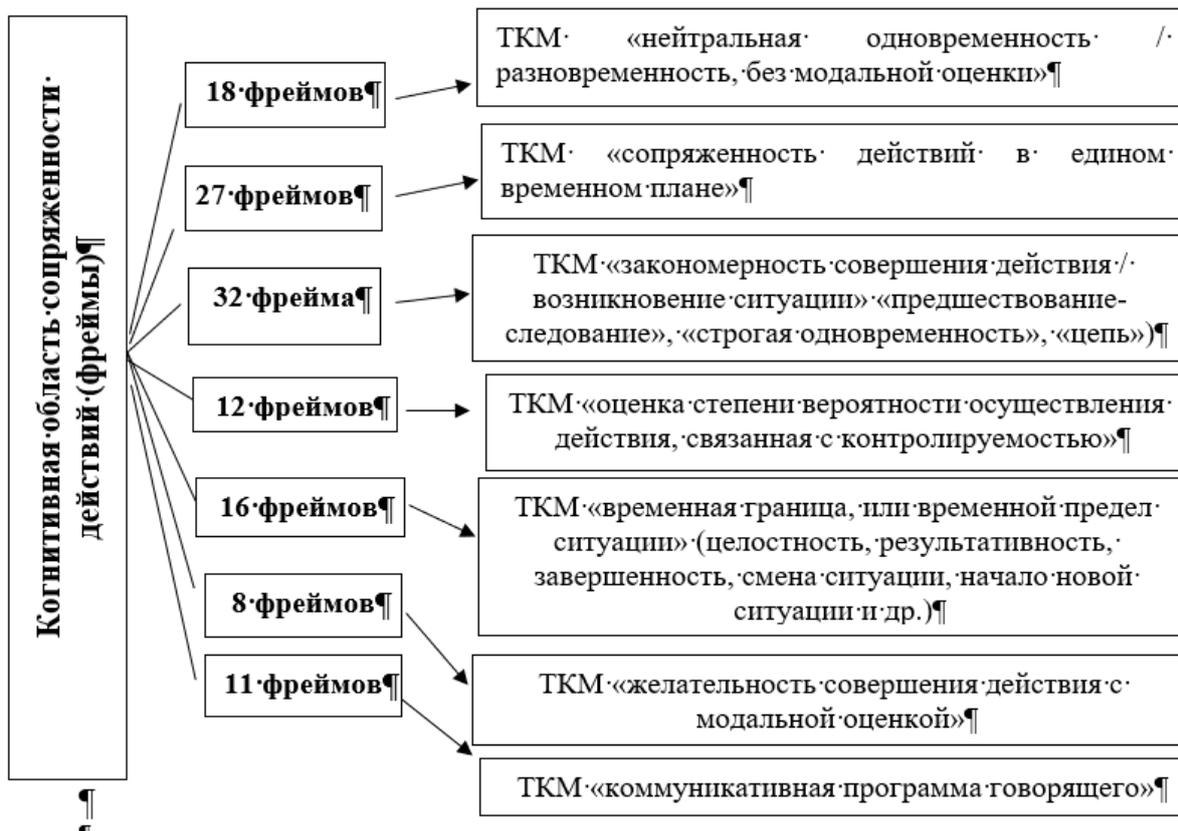

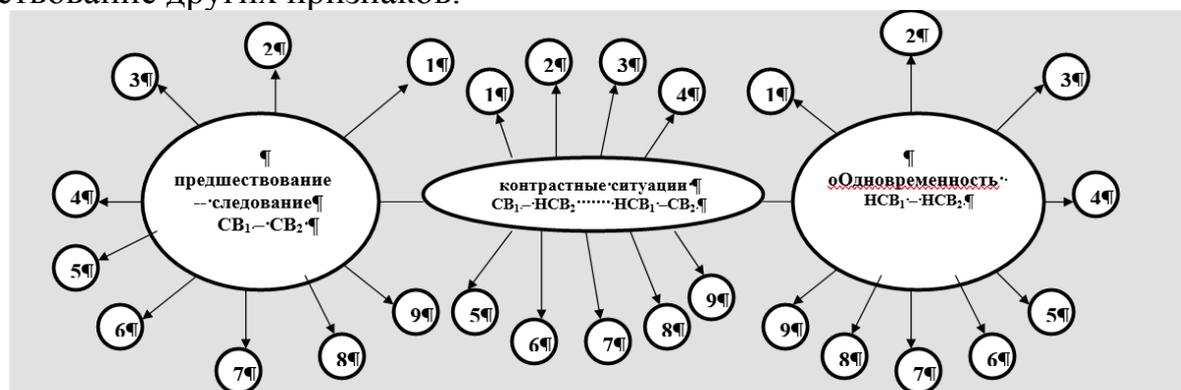
Рис. 1 – Базовые таксисные когнитивные модели (ТКМ)

Каждый из выделенных фреймов раскрывает какую-либо «грань концепта, лежащего в основе фрейма, а их сопоставление дает представление о наборе реальных ситуаций речевого взаимодействия, строящихся вокруг общей идеи выражения соотношенности действий в рамках единого плана, а также об их параметрах» [Stillings 1987: 91].

Необходимо также отметить, что число выделенных нами фреймов не является конечным, что обусловлено многогранностью разных концептов, связанных с реализацией семантики таксиса и, как следствие, сложностью выявления всех их аспектов и механизмов их репрезентации в дискурсе. Далее, перед нами стояла задача определения структуры фреймов АТС. Всего нами выделены и описаны 124 фрейма АТС.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что фреймовые структуры реализуют не только функции концептуализации и репрезентации окружающего мира, но и выполняют программирующую функцию по отношению к выбору тех или иных языковых и коммуникативно-прагматических стратегий индивида в различных контекстах речевого взаимодействия в социуме, в том числе в ситуациях, строящихся вокруг идеи передачи значения таксиса. Таксис можно представить в виде прототипной модели, разработанной путем фреймово-сетевого структурирования, которое разрешает не только определить это понятие, но и очертить ее когнитивно-коммуникативную область, включающую прототип таксиса и его разновидности (см. рис.2). Здесь показана такая модель, в которой представлен комплекс

дифференциально-интегральных признаков, существенных для реализации прототипического таксиса в сфере хронотаксиса. Выделены признаки obligatory и признаки необязательные, но их наличие обуславливает существование других признаков.

предшествование-следование		контрастные ситуации		одновременность	
1	предельность / непредельность	1	длительность / целостность	1	длительность
2	целостность / динамичность	2	достижимость / недостижимость предела	2	локализованность / нелокализованность
3	активность / инактивность субъекта	3	фазисная детерминация	3	перцептивность
4	результативность (направленность / ненаправленность к пределу)	4	однократность / многократность	4	ориентированность на субъект
5	локализованность / нелокализованность	5	контролируемость / неконтролируемость	5	точка зрения говорящего (коммуникативная интенция говорящего)
6	завершенность / незавершенность	6	интенциональность	6	гетерогенность / томогенность действия
7	однократность / многократность	7	конативность	7	статичность / динамичность действия
8	перцептивность	8	перцептивность	8	контролируемость / неконтролируемость
9	контролируемость / неконтролируемость ситуации	9	презумпция ожидания	9	непосредственное нахождение на оси времени

Рис. 2 – Семантический потенциал прототипического таксиса

Выделим состав семантических признаков, существенных для реализации таксисных значений. Временная соотнесенность действий, каким предстает прототипический таксис как явление действительности, представляется в языковом сознании в виде функционально-семантического поля (далее – ФСП), включающего в качестве центральных и ярких сем: целостность / процессность, результативность (направленность / ненаправленность к пределу), завершенность / незавершенность действий, однократность / многократность, статичность и длительность признака, активность / инактивность субъекта.

Центральными элементами таксисных значений выступают именно те, в которых реализуются лексические и грамматические способы его категоризации, при нарушении названного баланса можно говорить о периферии таксисных значений. «Семантическая доминанта – это фундаментальные идеи, характеризующиеся частотностью, разнообразием формальной реализации в языке, а также пониженной степенью коммуникативной осознанности», – отмечает Р. Лангакер [Langacker 1985: 241].

Признаки перцептивности, интенциональности, локализованности, нахождения на временной оси не включаются непосредственно в ядро этого поля, что, с одной стороны, позволяет совмещать в высказывании семантику одновременности / разновременности и сопряженности действий в едином плане, а с другой – различать их. Еще более удаленным от центра

представляется признак контролируемости как основного канала информации. Помимо названных, таксису как семантическому явлению свойствен еще ряд признаков, также имеющих различный статус в иерархии (см. рис. 2).

Такая структура семантических признаков объясняет вариативность таксисных высказываний, в которых семантика соотносящихся действий проявляется с разной степенью прототипичности, что, в свою очередь, приводит к разному пониманию феномена таксиса. Анализ всего многообразия способов выражения таксиса дает возможность выделить комплекс наиболее существенных признаков, которые отличают таксисную семантику от других «положений дел»: действия, свойства, отношения, произвольного процесса, и в то же время наличие этих признаков свидетельствует о сохранении семантики соотношений действий в высказывании [Демьянков 1994: 28].

Так, например, определение роли перцептивности в семантической квалификации таксисного высказывания затруднено тем, что этот признак может содержаться и в значении какой-то словоформы, быть дискретно представленным в высказывании, а также задаваться в текстовом фрагменте; он может существенно влиять на семантику высказывания, а может только вносить некоторый оттенок в его интерпретацию, т.е. в каждом случае необходимо определять его функции в высказывании, но во всяком случае его нельзя игнорировать. Принципиальным для характеристики высказываний с семантикой таксиса является признание того, что в языке существуют разные способы – лексический, морфологический, синтаксический, комбинированные – категоризации таксиса. Такая интерпретация иногда сближает таксис с другими «положениями дел» [Арутюнова 1999] – становлением состояния, его каузацией [Золотова 2002; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998] и др.

Характеристика таксисного значения как комплекса дифференциально-интегральных признаков, каждый из которых может выражаться различными языковыми средствами, позволяет говорить о разном соотношении отражательного и интерпретационного аспектов в представлении семантики таксиса. С этим, а также с разными способами категоризации таксиса связана и возможность его представления в качестве дискретной / недискретной единицы: комплекс дифференциально-интегральных признаков, свойственных таксису, может содержаться в соотношении двух словоформ, а может быть распределен по разным компонентам высказывания, и тогда таксис выступает как сопряженный с другими семантическими элементами целого высказывания.

Все эти особенности выражения таксиса в русском языке наиболее адекватно можно объяснить, базируясь на принципах функциональной грамматики, разрабатываемой А. В. Бондарко, которая «предполагает доминирующую роль анализа языкового материала в направлении от смысла к

его выражению», связана «со стремлением отразить в грамматическом описании позицию говорящего» [Бондарко 2002], а также с попыткой не только фиксировать существующие языковые факты, но и объяснить их, опираясь на понятия функционально-семантического поля и категориальной ситуации.

Другое фундаментальное понятие ФГ, ориентированное на реализацию элементов ФСП в речи, – категориальная ситуация – является основным средством анализа высказываний с семантикой таксиса в нашей работе. Опора на это понятие, включающее комплекс необходимых семантических признаков, дает возможность учитывать разные способы выражения семантики таксиса: дискретные и недискретные, лексические и грамматические, исследовать высказывания с доминирующим, сопутствующим и фоновым выражением таксисных значений. В высказывании как особом лингвистическом феномене семантика таксиса может сочетаться с другими семантическими элементами, как однородными, так и неоднородными (семантикой обусловленности, модальности, интенсивности, количественности и др.).

Дальнейшей задачей исследования является выяснение причин и условий такого варьирования: сопряжение разных семантических элементов достигается здесь благодаря тому, что некоторые словоформы не всегда специализированы на передаче какой-то определенной семантики, а могут либо характеризоваться семантической неопределенностью, либо совмещать в себе разные семантические признаки. Весьма существенно и то, что говорящий может использовать дополнительные языковые средства высказывания для акцентирования, нейтрализации или маскировки какого-либо смысла, передаваемого отдельными единицами [Alefrenko, Nurtazina 2018; Stunova 1988]. Анализ таксисной семантики, сопряженной с другими семантическими элементами, не менее существен для понимания феномена высказывания, чем выявление «чистых» семантических типов.

Анализ высказывания при помощи понятия категориальной ситуации дает возможность характеризовать как семантику предиката, играющего в нем главную роль, так и взаимодействие предиката с другими семантическими элементами высказывания (обычно их относят к факультативным), учитывая: 1) разные типы (лексические и грамматические) сем и 2) их разный статус в иерархической структуре понятия таксиса, и, кроме того, оценить возможность существования и взаимовлияния семантических признаков, характерных для различных семантических типов высказываний.

В зависимости от взаимодействия всех этих компонентов выделяются высказывания с доминированием, сопутствованием семантики таксиса как средства выражения соотнесенности действий, а также такие, в которых таксис является фоновым. Важным здесь является не только набор обязательных признаков, но и их иерархия, так как, с одной стороны, это влияет на их способность подвергаться нейтрализации, а с другой – в зависимости от

места семы в иерархии можно говорить о сохранении семантики таксиса при неполноте набора признаков.

Анализ целого корпуса высказываний с семантикой таксиса дает возможность установить, что в них функционируют разные типы предикатов по их роли в формировании смысла высказывания, и каждый из этих предикатов характеризуется особыми отношениями с окружающим контекстом; определить, как разные компоненты высказывания взаимодействуют с выделенными типами предикатов, способствуя или препятствуя выражению семантики таксиса.

Таким образом, использование методики категориальных ситуаций позволяет интегрировать разные подходы к понятию таксиса, объяснить и разное понимание самого феномена сопряженности действий, попытаться обосновать существующее в языке варьирование таксисных высказываний. В центре такого варьирования лежит, как уже было отмечено, распределение семантических признаков, способствующих реализации хронологических отношений.

На основании анализа большого количества примеров иллюстративного материала можно сделать вывод о функциональности употребления средств и способов передачи таксисных значений в русской художественной литературе XIX–XX вв. Они могут быть переданы не только пропозициональной когнитивной моделью, а также поверхностным синтаксическим фреймом и поверхностным семантическим и тематическим фреймами. В поверхностном синтаксическом фрейме все названные концепты могут быть переданы только полипредикативным высказыванием.

В современном дискурсе названные концепты имеют следующие особенности в их использовании в художественных произведениях: 1) таксисные значения передаются тремя таксисными когнитивными моделями: пропозициональной, образно-схематической, метафорической; 2) каждая таксисная модель имеет собственную продуктивность в современном дискурсе. Так, наиболее продуктивной является пропозициональная модель, с помощью которой передаются все концепты; 3) фреймы обладают индивидуальной продуктивностью. Так, наиболее продуктивным является поверхностный синтаксический фрейм, который участвует в передаче всех концептов. Поверхностный семантический фрейм участвует в передаче двух концептов («оценки степени вероятности осуществления действия, связанного с контролем» и «временная граница, или временной предел ситуации»), а тематический фрейм – трех: «законченность совершения / возникновения ситуации», «желательность совершения действия с модальной оценкой» и «коммуникативная программа говорящего»).

Рассуждая о функционировании дискурса XIX века, уместно привести высказывание Т. А. ван Дейка о том, что «действительное понимание дискурса зависит от изменяющихся когнитивных характеристик пользователей языка и от контекста» [Дейк 1989: 45]. Иначе говоря, сама эпоха и ее мир

вливают как на структуру, так и на содержание дискурса. Естественно, что в каждую эпоху эти гибкие критерии наполняются своим содержанием, поэтому дискурсы разных эпох будут различаться как структурным наполнением (разная степень продуктивности у фреймов), так и формальным содержанием (разная степень продуктивности у средств, передающих какой-либо концепт).

Таким образом, можно отметить, что характеристика таксисного значения как комплекса дифференциально-интегральных признаков, каждый из которых может выражаться различными языковыми средствами, позволяет говорить о разном соотношении отражательного и интерпретационного аспектов в представлении семантики таксиса. Выявлено, что с этим, а также с разными способами категоризации таксиса связана и возможность его представления в качестве дискретной единицы, а также недискретно: комплекс дифференциально-интегральных признаков, свойственных таксису, может содержаться в соотнесенных друг с другом словоформах, а может быть распределен по разным компонентам высказывания, и тогда таксис выступает как сопряженный с другими семантическими элементами целого высказывания.

Обнаружено, что семантика таксиса как особого типа пропозитивной семантики представлена в виде относительно автономной, иерархически организованной структуры, комплекса семантических признаков (динамичности / статичности, активности / инактивности субъекта, целостности / процессности, длительности, контролируемости / неконтролируемости ситуации, временной дискретности и перцептивности). Установлено, что эти признаки обладают разной мерой обязательности и регулярности, и семантический феномен, характеризующийся как таксис, не всегда имеет весь комплекс признаков. В зависимости от степени обязательности и регулярности определена роль каждого признака в реализации исследуемой семантики; отсутствие какого-либо признака может возмещаться наличием других, что позволяет дифференцировать высказывания с семантикой таксиса по близости / удаленности от прототипа таксиса. В свою очередь, для каждого признака очерчен круг своих вариантов; показано, как в реальном высказывании сочетаются варианты отмеченных признаков, создавая его своеобразный интерпретационный ореол.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф., Нуртазина М. Б.* The System Panorama of Cognitive Representation for Taxis Semantics // Russian Journal of Linguistics. – 2017. – Vol.21. – No. 4. – P. 706-728. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-706-728.
2. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

3. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На мат. рус. языка / Рос. Академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
4. *Дейк ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация: Пер.с англ. / Сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – 311 с.
5. *Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С.17–33.
6. *Золотова Г. А.* Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – С. 8-29.
7. *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 1998. – 528 с.
8. *Оркина Л. Н.* Аспектуально-темпоральная характеристика высказываний с семантикой обусловленности в современном русском языке: автореф. дисс. докт. филол. наук. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. – 44 с.
9. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
10. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М.: КомКнига, 2007. – 352 с.
11. *Alefrenko N., Nurtazina M.* Metaphorical Discourse: in Search for the Essence of Speech Imagery // Cuadernos de Rusística Espanola. – EUG: Revistas de la Universidad de Granada. – №14. – 2018. – Pp.49–65.
12. *Langacker R.W.* Sentences as combinations of clauses // Language typology and syntactic description. – Vol.2. Complex constructions. – Cambridge, 1985. – Pp. 235–286.
13. *Stillings N.A. and et al.* Cognitive science. An introduction. – Cambridge (Mass.); London (Eng.): Harvard Univ.Press, 1987. – 324 P.
14. *Stunova A.* Aspect and Sequence of Events in Russian and Czech. A Contrastive Study // A.A. Barentsen et al (eds.). Studies in Slavic and General Linguistics, 11. – Amsterdam, 1988. – Pp. 507–534.

Сведения об авторах:

Нуртазина Марал Бекеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан; e-mail: maral0204@mail.ru

Шахпутова Зухра Хаджимуратовна – докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Казахстан; e-mail: zukhrakhad@mail.ru

Authors:

Nurtazina Maral – Doctor of Philological Sciences, Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: maral0204@mail.ru

Shakhputova Zukhra – PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: zukhrakhad@mail.ru

СЕМАНТИКА ПРЕСУППОЗИЦИИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ МОТИВАЦИОННОГО ТИПА

Аннотация. В статье рассматриваются высказывания с семантикой прямой мотивации, описываются примеры проявления семантики пресуппозиции в мотивирующей части, анализируется модально-временной план antecedентной части высказываний с семантикой прямой мотивации.

Ключевые слова: пресуппозиция, прямая мотивация, обусловленность, конкретный факт, обобщенный факт.

Т. Н. Yurkina

THE SEMANTICS OF PRESUPPOSITIONS IN MOTIVATIONAL STATEMENTS

Abstract. The article discusses the semantics of statements with direct motivation and discusses examples of semantic presuppositions in the motivating part, analyzes modal-temporal plan antecedentes parts of expressions with the direct semantics of motivation.

Keywords: presupposition, direct motivation, conditioning, concrete fact, generalized fact.

Высказывания мотивационного типа, являющиеся объектом нашего исследования, достаточно часто встречаются в разговорной речи. Они позволяют говорящему ярко и эмоционально выразить опасение, предостережение, предположение, дать совет, мотивировать приказ, просьбу, обосновать оценку. Такие конструкции рассматривались Н. А. Андромоновой, Х. Беличевой-Кржижковой, В. А. Белошапковой, Т. А. Колосовой, М. В. Ляпон, Л. Н. Оркиной, М. И. Черемисиной в качестве предложений альтернативной мотивации, асимметричной структуры, мотивационного типа, причинно-следственных (см. [Белошапкова 1970], [Белошапкова 1967], [Колосова 1980], [Ляпон 1980], [Оркина 2005], [Оркина 2000], [Черемисина, Колосова 1987]). Среди высказываний мотивационного типа в зависимости от предъявления мотивирующей ситуации можно выделить две группы. В первой группе ситуация мотивирующей (antecedentной) части непосредственно связана с мотивируемой (секвентной) частью. Это высказывания с семантикой прямой мотивации. Основным связующим средством выступает коннектор *ведь*, а также союз *а то*. *Давай встретимся, ведь погода очень хорошая. Закрой окно, а то мне холодно.*

Во второй же группе (она включает мотивацию «от противного») мотивация секвентной части основывается на допущении некоего предполагаемого явления, не названного в высказывании, но подразумеваемого и важного. Фактически двухкомпонентную имплицитную конструкцию А, а то В, представленную в языке и в речи, в сознании можно развернуть в четырехкомпонентную эксплицитную конструкцию, содержащую компоненты: «Если А, то не В» и «Если не А, то В». Ср.: *Давай встретимся, а то я обижусь*. «Если мы встретимся, то я не обижусь». «Если мы не встретимся, то я обижусь». Основным связующим средством выступает союз *а то*, а также его варианты *не то, а не то, иначе, в противном случае*. Особенности семантики рассматриваемых высказываний находят отражение в их языковом оформлении: в лексическом составе, в модальном и видо-временном плане, в значениях видовых и временных форм.

В высказываниях с семантикой прямой мотивации ситуация секвентной (мотивируемой) части обосновывается в мотивирующей (антецедентной) части с союзом *а то* или коннектором *ведь*. Коннектор *ведь* этимологически происходит от глагола *ведать* (= знать) и представляет собой форму старого индоевропейского перфекта. Кстати, уже с 1490 года в древнерусском языке встречаются примеры с частицей *ведь* в союзном значении, когда слово *ведь* несет пресуппозитивную семантику, указывая на известную остальным ситуацию: *Будет твой сын боярьской невежливо приехал, ино ведь по посольству и ответ дается* (Послание Геннадия Иосафу). Из значения «я видел» в русском языке появилось значение «я знаю». Ср. родственные слову «ведать» слова *ведомый, ведомо, ведомство, ведомость, ведьма, вежа, невежа*. Коннектор *ведь* вводит в мотивирующую часть высказываний пресуппозицию, или известную субъектам речевой деятельности информацию, объективную истину, «правила прагматического характера, определяющие некоторый общий фонд знаний, общую для автора и воспринимающего «картину мира» [Николаева 1990: 267]. Далее рассмотрим, как мотивация выражается в фактообразующем значении пресуппозитивной ситуации и какие формы при этом в основном используются.

Семантика пресуппозиции основывается на констатации мотивирующего (обуславливающего) факта: *А почему у вас не знают иврит? Ведь молодые люди изучают иностранные языки* (Солодарь Ц. Дикая полынь).

Фактообразующая ситуация, которая содержится в мотивирующей части, всегда существует в реальной действительности, в жизни конкретного субъекта: *Мне эти слова говорят много, я ведь имею ... отношение к материалу, из которого бог создал мир* (Гроссман В. Жизнь и судьба); *А ночью она проснулась и подумала: «Почему он не пишет, ведь он знает адрес?»* (Гроссман В. Жизнь и судьба). Иногда мотивация достигается действием объективных законов на показ частного случая их воплощения (1) или оценкой существующей ситуации (2):

(1) *Ну как, Свистун, не скучаешь ли по Вороне? Ты ведь птиц любишь!* (Алексин А. Коля пишет Оле, Оля пишет Коле);

(2) *Поверь мне, что ты сама себя обманываешь... Ведь это дико, смешно, что ты говоришь* (Куприн А. Олеся).

При обосновании ситуации именно пресуппозиционный фон мотивирующей части, несущий рациональную истину, служит фактором причинной мотивации. Лучше всего для выражения пресуппозиции приспособлены формы настоящего времени глаголов НСВ, ведь они могут передавать максимальную абстрактную семантику, выражая временную обобщенность (по А. В. Бондарко, – вневременность, всевременность, общезначимость [Бондарко 2001: 188]). Именно формы настоящего времени представляют общие, известные всем людям истины как действительные для максимально расширенного плана настоящего: «так обычно бывает (в жизни, в этом мире)», «так принято», «это действительно для данной ситуации или для нашего времени», «таково общее правило»: *Откуда у тебя берутся силы, чтобы переносить это напряжение ... это изматывающее, перекошенное существование? Ведь **рядом с ложью стоит трусость**, которую ты же сама презираешь еще больше, чем ложь* (Каверин В. Перед зеркалом). *Ну что же, она, пожалуй, и права. Ведь для девушек эти пустяки так много значат...* (Куприн А. Молох). В рамках такого обобщенного настоящего времени выражаемое действие приобретает значение вневременного, общевременного, называет общее свойство, присущее некоторому объекту, и общую рациональную истину, справедливую в произвольный момент времени. Формы настоящего времени в подобных примерах можно квалифицировать как настоящее постоянное и настоящее гномическое. Они обозначают актуальные для текущего момента высказывания факты. И именно эти факты являются той мотивацией, на которую опирается говорящий при обосновании необходимой ситуации.

В качестве пресуппозиции в высказываниях с формами настоящего времени используется всем известная информация, генерализованная истина, принятое положение дел: *Но он смотрит на меня и молчит, ведь фотографии не разговаривают...* (Российская газета. – 6 мая 2005 г. – № 17). Прагматические предпосылки, на которые опирается говорящий, предполагают определенную общность мировоззрения и понимания общающихся, «те фоновые знания, которые говорящий считает общими для себя и для адресата речи» [Черемисина 1987: 71]. Например: *...но, может, отец еще в Москве, вдруг и Виктор там, ведь **все дороги ведут через Москву!*** (Глушко М. Мадонна с пайковым хлебом). В высказываниях прямая мотивация часто представляется в виде сентенции либо афоризма, иногда трансформированного в зависимости от потребностей говорящего. Говорящий для большей доказательности апеллирует ко всем известной истине: *В таком случае, зачем вы даром тратите ваши чувства? Ведь **это перлы души*** (Островский А. На всякого мудреца довольно простоты); *Так что же это за жизнь,*

которая существует только благодаря ошибке? Ведь жить надлежит такую жизнь, за которую тебе хочется кого-либо благодарить... (Залыгин С. После бури); Не знаем только, спасет ли это его от пули: она ведь, говорят, дура, может угодить и в голову (Алексеев М. Мой Сталинград).

Семантика обобщенного факта в антецеденте поддерживается и синтаксической структурой предложения. Например, в неопределенно-личных предложениях выражается действие, представленное как факт: *Дмитрий Петрович, мне не до философии, ведь меня посадить могут* (Гроссман В. Жизнь и судьба); – *Чаю хотите?* – *По правде – хочу, только если недолго, а то меня ждут* (Симонов К. Солдатами не рождаются); *Близкие люди иногда переносят операцию трудней, чем сами больные, – ответил папа. – Ведь им не дают наркоза!* (Алексин А. Звоните и приезжайте). А в обобщенно-личных предложениях семантика фактичности выражается и структурной схемой, и глагольной формой в значении обобщенного факта: *Еще мало у нас за это снимают... А то иногда подписываешь донесение, в котором все правда-матка, а сам про себя думаешь: лопух ты, лопух!* (Симонов К. Последнее лето). *Я люблю поест. Ведь на то и живешь, чтобы срывать цветы удовольствия* (Гоголь Н. Ревизор). Реже значение обобщенного факта видим в вопросительных предложениях, в которых возможна трансформация в будущее время при сохранении семантики обобщенного факта (либо, в условиях видовой конкуренции, значения конкретного факта глаголов СВ): *Я не стану вам возражать, хотя вы во многом неправы. Но это все равно. Ведь вы не хотите, чтобы меня исключили?* (Каверин В. Два капитана) = «не захотите, чтобы меня исключили»; *...я убежден, что вы напрасно лишаете себя самого чистого, самого законного наслаждения. Ведь вы не отвергаете музыки, живописи?* (Тургенев И. Фауст) = «не будете отвергать музыки, живописи»; *Но почему же невозможно? Ведь это от вас зависит?* (Горький М. Враги) = «будет зависеть».

Формы прошедшего и будущего времени также выражают пресуппозитивное значение, однако не так ярко, как формы настоящего времени. Они мотивируют ситуацию конкретным или обобщенным фактом, имевшим / не имевшим место в прошлом или фактом, который непременно произойдет в будущем: *Впрочем, Крымов не такой уж близкий ему человек: ведь Женя развелась с ним* (В. Гроссман. Жизнь и судьба). *А Павел стоял и смотрел вслед и только теперь вспомнил, что Сережа не знает о гибели Вали. Сережа ведь не был в родном городе* (Н. Островский. Как закалялась сталь). *Родители многих из нас похоронены не на Красной площади, но мы все вместе несем корзину цветов к Могиле Неизвестного Солдата, ведь наши отцы и дети были солдатами Великой Отечественной* (Российская газета. 2005. 6 мая. № 17). *Ваш Урюпин – это же, собственно, тоже перекупщик. Он ведь не нырял за жемчугом!* (В. Дудинцев. Не хлебом единым). *Как только сад они свой возделывать начнут, энергия любви разделится и не*

покинет никогда двоих! Ведь образ жизни будет соответствовать тому, в котором можно жить в любви самим и в продолжение детям передать любви пространство (В. Мегре. Сотворение). *Бушуешь, громобой!.. Зачем так много огня! Ведь сгоришь, надорвешься...* (С. Гладков. Цемент).

Анализ приведенных примеров высказываний с семантикой прямой мотивации показывает, что очень часто мы, чтобы убедить в чем-то, используем уже известные факты, то есть общий пресуппозитивный фон. Мы апеллируем к паремиям, генерализованным истинам, известным фактам, чтобы говорящий принял нашу точку зрения. И в основном это значение выражается формами настоящего времени глаголов несовершенного вида.

Литература

1. Белошапкина В. А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке // Исследования по русскому языку. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – С. 45–130.

2. Белошапкина В. А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории). – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.

3. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. – 260 с.

4. Вендлер З. Причинные отношения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс. – Вып. 18: Логический анализ естественного языка / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. В. Павлова. – 1986. – С. 264–276.

5. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 8. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 337–369.

6. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1980. – 164 с.

7. Ляпон М. В. Сложное предложение. Предложения расчлененной структуры // Русская грамматика : в 2 т. – Т. 2. Синтаксис. – М.: Наука, 1980. – С. 539–614.

8. Николаева Т. М. Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 267–268.

9. Оркина Л. Н. Выражение семантики обусловленности в неспециализированных структурах мотивационного типа, следствия и целеполагания (опыт композиционного анализа). – Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2005. – 94 с.

10. Оркина Л. Н. Фразеологизированные высказывания, содержащие отношения обусловленности со значением мотивации «от противного» // Чтения, посвященные Дням Славянской письменности и культуры: Материалы региональной научной конференции. – Чебоксары, 2000. – С. 19–30.

11. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

12. Черемисина М. И., Колосова Т. А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.

13. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.

14. Юркина Т. Н. Высказывания со словом *ведь* в синхронии и диахронии // Язык и ментальность в диахронии: материалы Всероссийского научного семинара с международным участием для молодых ученых (Владимир–Суздаль, 26–28 сентября 2017 года). – Владимир: Транзит-ИКС, 2017. – С. 120–125.

Автор:

Юркина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; tanya-yurkina@yandex.ru

Author:

Yurkina Tatyana N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tanya-yurkina@yandex.ru

РАЗДЕЛ 3.
МОРФЕМИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ. МОРФОЛОГИЯ. СИНТАКСИС

УДК 81'367.7

А. Г. Абрамова

ПУТИ ОСВОЕНИЯ РАЗГОВОРНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЙ АВТОРСКОЙ РЕЧЬЮ
В АНГЛИЙСКОМ РОМАНЕ XX ВЕКА

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены пути освоения разговорных синтаксических конструкций авторской речью в английском романе XX века. Можно выделить две тенденции. Первая тенденция – к демократизации литературного языка в авторской речи английского романа. Другая тенденция заключается в употреблении разговорных конструкций с определенной стилистической целью.

Ключевые слова: разговорные синтаксические конструкции, авторская речь, несобственно-прямая речь, литературный стандарт, разговорный стандарт, эллиптические конструкции.

A. G. Abramova

WAYS OF ADOPTING COLLOQUIAL SYNTACTIC
CONSTRUCTIONS BY THE AUTHOR'S SPEECH
IN THE ENGLISH NOVEL OF THE XX CENTURY

Abstract. The article considers ways of adopting colloquial syntactic constructions by the author's speech in the English novel of the XX century. We can single out two tendencies. The first tendency is towards democratization of the literary language in the author's speech of the English novel. The second tendency is towards use of colloquial constructions for a specific stylistic purpose.

Keywords: colloquial syntactic constructions, author's speech, represented speech, literary standard, colloquial standard, elliptical constructions.

Внимание лингвистов все больше привлекает разговорная разновидность как генетически первичная форма существования языка, тем более что в XX в. усилилась тенденция к взаимодействию устного и письменного вариантов языка. В XX в., как отмечает Норман Пейдж, наметилась тенденция к однородному стилистическому оформлению обеих речевых форм, т. е. речи персонажей и речи автора [Norman 1973: 157]. Таким образом, наличие в авторской речи разговорных конструкций представляется английским

лингвистам возможным. Между тем авторская речь с этой точки зрения в качестве материала исследования не привлекалась.

Для определения стилистического слоя английского языка, который бы соотносился с тем, что в отечественной лингвистической традиции называется разговорной речью, мы опирались на экстралингвистические признаки, которые влияют на выбор элементов разговорной речи в ситуации общения. Согласно представлениям отечественных лингвистов, таких признаков два: устная форма речи и установка на неформальность в ситуации общения. Влияние этих двух факторов для разных языков может существенно отличаться. Так, в английском языке признак «официальный – разговорный» оказывается стилистически более маркированным, чем признак «письменный – устный», т. е. в большей степени влияет на выбор языковых средств в ситуации общения. По мнению английского лингвиста Дж. Юр, для носителя английского языка наибольшие различия определяются, если оба предмета посвящены одной и той же теме, установкой на неформальность общения [Земская 2016: 197].

В английском языке неформальность языковых средств определяется по шкале, предложенной Мартином Йосом и подробно разработанной Рэндалфом Кверком [Quirk 1972: 877]. Исходя из данных этих исследователей, тот стилистический слой английского языка, который соответствует русской разговорной речи, в английской научной литературе называется «неофициальным» (*informal*) и «дружески неофициальным» (*familiar*) стилистическим слоем языка. Наличие двух стилистических слоев представляет особенность разговорной речи английского языка.

Исходя из такого понимания английской разговорной речи, нами были отобраны синтаксические конструкции, принадлежащие этим стилистическим слоям. Соответствующие пометы *informal* и *familiar* в грамматиках Р. Кверка и Дж. Синклера позволили выделить три вида грамматических особенностей, относящихся к этим стилистическим слоям [Sinclair 1972: 135]:

I. Эллиптические конструкции:

1) с начальным положением эллипса: опущение структурного *it* и последующего глагола *to be* (*Better to have his peace interrupted for one day...*); опущение определенного артикля при существительных, стоящих в начале предложения (*Mouth open wide*); опущение подлежащего, выраженного местоимением 3-го лица ед. числа (*Must have to wait now*);

2) со срединным положением эллипса: опущение вспомогательного глагола *to be* или этого глагола с предшествующим ему структурным *it* (*Her father better*).

II. Двухчастные конструкции с обособлением номинативного сегмента (*It was over, the moment*).

III. Падежный синтаксис местоимений (употребление местоимения *who* в форме общего падежа при переходном глаголе или с предложной

группой). В проанализированных текстах это явление отмечено не было.

Помимо перечисленных явлений были включены и парцеллированные конструкции, которые своим возникновением обязаны разговорной речи, где им соответствуют интонационно обособленные фрагменты высказывания. Дальнейшее исследование показало, что стилистическое поведение парцеллированных конструкций подчиняется тем же закономерностям, что и явлений остальных групп. В то же время освоенность парцеллированных конструкций письменной речью выше по сравнению с другими разговорными явлениями, употребляющимися в авторской речи, поскольку встречаются такие модели парцелляции, которые не отмечаются исследователями речевых пауз. К этой группе можно отнести расчлененные двухчастные конструкции, характерные для письменной речи и осложняющие структуру предложения.

Основной целью исследования было определение стилистических свойств разговорных синтаксических конструкций, использующихся в авторской речи английского романа XX в. Материалом исследования послужил английский роман двух хронологических периодов: 20–30-х и 60–70-х годов XX в. Этот выбор вызван двумя причинами. Во-первых, сравнительное изучение романа начала века и по возможности последних десятилетий позволяет выявить основные направления в освоении разговорных конструкций за этот промежуток времени. Во-вторых, такая периодизация романа обусловлена тем языковым разделом, который установился в 50-е годы XX в., так как с этого периода начинается отсчет «современного английского языка», т. е. того периода в развитии этого языка, который английские исследователи называют *Contemporary English* или *Present-day English* в отличие от *Modern English*, поскольку последний термин применяется и к XIX в.

Нужно признать, что грамматические особенности разговорной речи в авторской речи английского романа еще не стали повествовательной нормой. Этот вывод сделан на основании того, что не все писатели употребляют разговорные конструкции и распространенность этих конструкций невелика. В то же время, поскольку непроницаемость авторской речи в отношении разговорных конструкций была нарушена еще в начале века, то на данном этапе представляется возможным выделить основные тенденции, которым подчиняется функционирование разговорных конструкций.

В ходе исследования мы выделили две тенденции в освоении разговорных конструкций авторской речью английского романа XX в. Первая тенденция – к демократизации литературного языка. Появление разговорных конструкций в авторской речи подчиняется ее внутренней организации.

Необходимо отметить, что манера повествования от 1-го или 3-го лица в романе XX в. не определяет композиционно-стилевых особенностей изложения. Основные закономерности употребления разговорных конструкций наблюдаются при сравнении обеих манер повествования с несобственно-

прямой речью. Лишь в некоторых случаях происходит противопоставление манер повествования от 1-го или 3-го лица. Например, опущение определенного артикля встречается только в манере повествования от 3-го лица. Употребление разговорных конструкций в значительной степени зависит от формы повествования. Такое распределение их обусловлено, с нашей точки зрения, психологизацией современной художественной прозы. Поскольку в центре такого повествования стоит рефлектирующая личность, акцент в повествовании был перенесен с рассказа о поступках героев, развернутого описания их внешности и места событий на рассуждение, и именно в нем встречаются все типы разговорных конструкций, хотя преимущественно используются эллиптические конструкции с опущением структурного *it* и последующего глагола *to be*, а также парцеллированные придаточные предложения причины: *Impossible really to make one's mind about any other human being, even one's children, whose whole life had unrolled before one's eyes.* – «Невозможно составить мнение о других людях, даже собственных детях, чья жизнь целиком прошла на ваших глазах» (M. Drabble).

Описание стало более лаконичным, поэтому в нем встречаются только эллиптические конструкции, причем такие виды эллипса, которые не употребляются в других формах повествования. Это безглагольные конструкции с опущением глагола *to be* в срединной позиции или опущение определенного артикля: *So she stood, smiling and obedient. Black dress full. Pearls also at the throat. Hand – and as she understood what he wished – she raised it to him – plump and white.* – «И вот она стояла, покорно улыбаясь. В черном широком платье. На шее – нитка жемчуга. Как будто угадав его мысли, она подала ему полную белую руку» (W. Golding).

Собственно повествование не имеет специфического набора разговорных конструкций. Проникновение разговорных конструкций в авторскую речь английского романа XX в. способствовало широкому их использованию в новых повествовательных контекстах, например, в комментариях типа ремарки, в которых употребляются преимущественно эллиптические конструкции с опущением подлежащего и части сказуемого: *Ah'll belt you, if you don't shut up. Weeping in a corner now. That's all Ah needed, that's the final touch, the last of the five lads, the youngest, lifting his fist to me.* – «Я выпорю тебя, если ты не замолчишь. Плачет в уголке. Это уже слишком. Вот все, что я заслужила. Оставшийся у меня самый младший сын поднял на меня руку» (S. Chaplin).

Ситуация употребления разговорных конструкций зависит и от грамматического типа, к которому относится то или иное явление. Эта зависимость во многих случаях приводит к стиранию других стилистических различий. Например, в романе 60–70-х годов XX в. эллиптические конструкции могут иметь широкую или узкую сферу стилистического употребления, т. е. используются в одной или нескольких формах повествования. Ранее, в романе 20–30-х годов XX в. ситуационные ограничения в английском романе

были связаны исключительно со степенью неформальности грамматического явления, т. е. с принадлежностью его «дружески неофициальному» или «неофициальному» стилистическому слою английской разговорной речи. Из всех разговорных конструкций (эллиптических, парцеллированных или двухчастных с номинативным сегментом) наиболее четкой ситуацией употребления обладают эллиптические конструкции.

Наряду с тенденцией к демократизации литературного языка в авторской речи английского романа существует и другая тенденция, которая заключается в употреблении разговорных конструкций с определенной стилистической целью, что становится возможным, поскольку эти явления относятся к другой функциональной подсистеме языка.

Использование разговорных конструкций в определенной ситуации общения позволяет выделить индивидуально-авторские черты их употребления, которые становятся видны на фоне типичного стилистического контекста. Одно из наиболее распространенных разговорных явлений в авторской речи английского романа XX в. – опущение определенного артикля при существительных, стоящих в начальной позиции в предложении и называющих привычные для человека предметы или явления. Так, в контексте романа А. Силлитоу «Ключ от двери» герой показан как у себя на родине, в Англии, так и в Малайзии, где он проходит военную службу. В результате опущения определенного артикля перед существительными, называющими явления природы, эти существительные приобретают обобщенное значение. Так, дождь символизирует монотонность протекания для героя военной службы. Напротив, солнце становится источником жизнеутверждения и физической радости: *He fastened the door open. Sun visible above palmtops, pushed an ache of sleep back into his eyes, flooding warmth over him.* – «Он открыл дверь. Солнце, стоявшее уже высоко, прогнало остатки сна, разлилось теплом по всему телу» (А. Sillitoe).

Таким образом, экспрессивный синтаксис разговорной речи, употреблявшийся в несобственно-прямой речи романа начала XX в., дополнялся лексическими эмоционально окрашенными средствами. К 60–70-м годам XX в. разговорные конструкции в английском романе начинают чаще употребляться в собственно авторской речи. Это связано прежде всего с тем, что несобственно-прямая речь как стилистический прием была полностью освоена романистами.

В подобной ситуации часто встречаются и безглагольные конструкции с опущением *to be* в срединной позиции. Следующий пример иллюстрирует этот случай. Героиня романа Дж. Уэйна «Меньшее небо» показана в момент душевного разлада: свидание с любимым человеком (Адрианом) мешает ей приступить к немедленным поискам пропавшего сына. Оба события – исчезновение сына и встреча с Адрианом – имеют одинаковую личностную ценность для героини, что подчеркивается параллелизмом конструкций: *David missing. Adrian Swarthmore coming home with her. She managed the car*

with efficiency that concealed her inner turmoil. David missing. Adrian Swarthmore coming home with her. A sense of triumph struggled with the sense of disaster. – «Она умело вела машину, так что ничем не выдавала своего душевного смятения. В ней боролись торжество и тревога. Дэвид пропал. Адриан Свартмор едет с ней домой» (J. Wain).

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что освоение разговорных конструкций авторской речью английского романа XX в. идет в двух направлениях.

Первое направление отражает реальную языковую тенденцию к демократизации литературного языка. Проникающие в авторскую речь разговорные конструкции ориентированы на определенную ситуацию употребления, которая может быть представлена как чередование форм повествования внутри одной из манер повествования. Рассуждение и описание имеют определенный набор разговорных конструкций, в то время как собственно повествование его не имеет.

Второе направление в использовании разговорных конструкций характеризуется тем, что они используются в определенных стилистических целях. Это становится возможным, поскольку разговорные явления отличаются стилистической выделенностью на фоне литературного языка. Употребление разговорных конструкций представляет собой или индивидуально-авторскую черту, или стилистический прием.

Литература

1. *Абрамова А. Г., Павлова М. Н., Фадеева К. В.* Ретроспекция и проспекция в тексте // Наука и инновации в системе развития информационного общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3 частях. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. – Ч. 1. – С. 7–14.
2. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – 5-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 241 с.
3. *Никитина А. Ю.* Языковая личность Екатерины Второй: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2014. – 22 с.
4. *Никитина А. Ю., Петрова О. А.* Обучение устной речи на занятиях по русскому языку как иностранному // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Международ. учеб.-метод. конф. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2019. – С. 216–219.
5. *Серебрякова Н. В., Абрамова А. Г., Фадеева К. В.* К вопросу заимствования англицизмов в русском языке // Духовные основы отношений человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции. – Чебоксары: ЧГСХА, 2020. – С. 261–266.
6. *Norman P.* Speech in the English Novel. London: Longman, 1973. – 192 p.

7. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Grammar of Contemporary English. – London: Addison-Wesley Longman Ltd., 1972. – 1120 p.

8. *Sinclair J. McH.* A Course in Spoken English Grammar. – London: Oxford University Press, 1972. – 266 p.

Автор:

Абрамова Анжелика Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: foreign-languages-department@mail.ru

Author:

Abramova Anzhelika G. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Theory of Translation, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: foreign-languages-department@mail.ru

СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА

Аннотация. Вопрос о соотношении сочинения и подчинения относится к числу наиболее сложных и противоречивых. Отсутствие четких критериев разграничения этих категорий вызывает поиски убедительных и теоретически непротиворечивых основ дифференциации сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Ключевые слова: сочинение, подчинение, сложносочиненное предложение, сложноподчиненное предложение, тема, рема.

A. G. Abramova, A. Y. Nikitina

COORDINATION AND SUBORDINATION IN THE LIGHT OF THE COMMUNICATIVE APPROACH

Abstract. The question of the relationship between coordination and subordination is one of the most complex and controversial. Lack of clear criteria for demarcation between these categories causes searches for convincing and theoretically consistent foundations for differentiating compound and complex sentences.

Keywords: coordination, subordination, compound sentence, complex sentence, theme, rheme.

В теории и практике синтаксических исследований вопрос о соотношении сочинения и подчинения относится к числу наиболее сложных и противоречивых. Сочинительные и подчинительные отношения могут существовать в пределах как простого, так и сложного предложения, связывая и слова, и словосочетания, и предикативные единицы. Причем часто понимание природы этих отношений переносится из сферы простого предложения, применительно к которому они и были определены содержательно, в синтаксис сложного предложения. Хотя совершенно очевидно, что в системе сложного предложения, как справедливо отмечают Т. А. Колосова и М. И. Черемисина, возникает «качественно новая грамматическая ситуация, невозможная в простом предложении» [Колосова 1984: 74].

Исследования временных союзов в английском языке показали, что эти союзы выражают весьма разнообразные виды связи, что обширная группа временных предложений очень неоднородна, как в структурном, так и в семантическом отношении. Сам термин «временные предложения» весьма условен, поскольку в этом понятии объединяются далекие друг от друга

структуры [Ильиш 1971: 289].

Однозначные союзы легко отнести к соответствующей группе. Многозначные же союзы, способные передавать ряд смежных по смыслу отношений, могут быть отнесены к нескольким группам одновременно. О союзах такого типа В. В. Виноградов писал: «Простые морфологически неделимые союзы в большей своей части переобременены значениями. Круг отношений, выражаемых ими, очень широк. Слабость лексического и морфологического веса таких союзов компенсируется их семантико-синтаксической нагруженностью» [Виноградов 2001: 580].

Бесспорно права В. А. Белошапкина, утверждающая, что «природа сложного предложения может быть удовлетворительно и непротиворечиво объяснена лишь с позиций такой синтаксической концепции, в которой различаются статический и динамический аспекты предложения и связанные с ними понятия предложения как предикативной структуры и как коммуникативной единицы» [Белошапкина 1967: 73].

Функциональный анализ обширной группы обстоятельственных сложноподчиненных предложений, предпринятый авторами данной статьи на материале современного английского языка, позволил не только установить основные коммуникативные типы этой синтаксической единицы, но и уточнить природу сложных конструкций, находящихся на периферии подчинения и сочинения.

Комплексный формально-смысловой метод определения компонентов актуального членения на основе их информативной значимости предполагает обращение как к грамматическому, так и к смысловому контексту, причем последний является доминирующим. Для полного же осмысления текста необходимо привлечение более широкого контекста, т. е. общего фонда знаний, не содержащегося непосредственно в самом тексте, а являющегося пресуппозицией сообщаемого [Бейкер 1985: 406–418].

Для понимания природы сложного предложения чрезвычайно важным представляется различение уровней его актуального членения, отражающих особенности его структурной и семантической организации. На высшем уровне актуального членения, определяющем способ включения данного предложения в предметный контекст, выявляются компоненты динамической структуры, отношения между которыми конституируют все сложное предложение как цельную коммуникативную единицу. На втором уровне актуальному членению подвергаются компоненты динамической структуры первого уровня.

В сложноподчиненном предложении, отличающемся иерархической последовательностью ярусов актуального членения, тема-рематические отношения высшего уровня свидетельствуют о том, что оно выступает в качестве единого сообщения и характеризуется одноплановой функциональной перспективой. Например:

It was strange, this first return to Saigon with nobody to welcome me... I

walked very slowly towards the door. *Until I reached the door hope would remain alive.* I heard a chair creak, and when I came to the door I could see a pair of shoes, but they were not woman's shoes (G. Greene).

Препозитивное придаточное предложение является синсемантическим вследствие своей структурной и смысловой незавершенности, оно обладает невысокой коммуникативной значимостью. Выступая как своеобразный посредник между предшествующим контекстом и главным предложением, оно выполняет лишь вводящую функцию, образуя тему высказывания. Акцент переносится на постпозитивное главное предложение, выступающее в качестве коммуникативного центра высказывания, поскольку оно содержит ту существенную информацию, которая отличает данное высказывание от всех предшествующих и которая способствует дальнейшему развитию повествования.

Тема-рематические отношения в высказываниях такого типа, вскрывающиеся на высшем уровне актуального членения, свидетельствуют о том, что они выступают в качестве единого сообщения и характеризуются объективным порядком следования компонентов актуального членения. Границы актуального и структурного членения при этом совпадают. Высказывание образует коммуникативный тип *T – R*. На втором уровне актуальному членению подвергаются компоненты первого уровня, которые, в свою очередь, распадаются на состав темы и ремы. В качестве темы выступают именные формы, открывающие элементарные предложения, а началом ремы следует считать личные формы глагола-сказуемого.

Совсем иная ситуация складывается, например, в уступительных предложениях, на базе которых могут образовываться высказывания, динамическая организация которых зависит от значения постпозитивного придаточного, уточнить которое поможет контекстное окружение. Если придаточное предложение имеет присоединительно-уступительный характер, то сложное предложение образует коммуникативный тип, который характеризуется объективным порядком следования компонентов актуального членения, причем отдельным тема-рематическим отношением отмечено только препозитивное главное предложение, а постпозитивное придаточное образует дополнительный состав ремы. Например:

All the boys would roar at this and *Milt himself would force a smile, though the joke was on him.* Jim certainly was a card! (A. Huxley).

Препозитивная главная часть обладает в данном случае признаком коммуникативной автономности, т. е. она способна уже сама по себе реализовать определенную цель высказывания и быть самостоятельным сообщением. Все сложное предложение распадается на состав темы и два состава ремы. Цель высказывания, реализованная в препозитивном главном предложении, является лишь частью общей цели высказывания, вторая ее часть реализуется постпозитивным придаточным, в котором происходит некоторое ослабление уступительного значения, оно приобретает присоединительный

характер, легко поддаваясь парцелляции. Данный пример свидетельствует о том, что рема в сложноподчиненном предложении может иметь сложный состав, который представляет собой расширенную реализацию одного коммуникативного задания.

Когда постпозитивное придаточное приобретает присоединительно-противительное значение, на основе сложноподчиненного предложения образуется высказывание, которое характеризуется двумя тема-рематическими отношениями, при этом каждое элементарное предложение имеет свою собственную тема-рематическую структуру. Например:

She would appear on foot when hounds drew the Fleacetown coverts and loudly criticize the conduct of the huntsman, but every year fewer of her old friends turned out; strange faces appeared. *They knew Bella, though she did not know them.* She had become a by-word in the neighbourhood, a much-valued joke (E. Waugh).

Препозитивное главное предложение, обладающее структурной и смысловой законченностью, становится коммуникативно автономным и само по себе не нуждается в распространении придаточным предложением. Элементарные предложения характеризуются относительной самостоятельностью содержания, объединяет же их смысловая общность. Содержание постпозитивного предложения соотносится с содержанием препозитивного звена, а не подчиняется ему. Подчинительная связь здесь является частным случаем перерождения подчинительных отношений в сочинительные. Сложноподчиненные предложения такого типа по выраженным в них отношениям близки к сложносочиненным предложениям с противительными союзами. Поэтому так легко они трансформируются в предложения с противительным *but*: *They knew Bella, but she did not know them.*

Взаимная трансформируемость данных предложений основана на общности их смыслового содержания и структурной близости, что позволяет рассматривать данные трансформы как синтаксические синонимы, восходящие к одной глубинной структуре. Выражая связь между элементарными предложениями, *though* максимально сближается с противительным союзом *but*. Такие сложные предложения находятся на периферии сочинения и подчинения и характеризуются крайней степенью факультативности придаточного предложения. Элементарные звенья, представляющие собой две линии повествования, несут одинаковую коммуникативную нагрузку. Вследствие этого они находятся в отношениях функционального равновесия, характеризуясь при этом собственными тема-рематическими отношениями, которые располагаются в одной плоскости и вскрываются на высшем уровне актуального членения, определяющем коммуникативный тип высказывания. Функциональная перспектива в этом случае имеет двуплановый характер, отражая тем самым функциональное равновесие составляющих звеньев. Актуальное членение таких высказываний, которые являются конструкциями с двумя соединенными полными тема-рематическими структурами, имеет

формулу $/T_1 - R_1/ - /T_2 - R_2/$, границы актуального и структурного членения здесь не совпадают.

Такое же распределение коммуникативных нагрузок складывается и в сложных предложениях с постпозитивным придаточным, которое вводится союзом *while*. Основным его значением является выражение отношений одновременности действий или состояний, нашедших свое воплощение в элементарных звеньях. Однако часто чисто временные отношения осложняются и приобретают добавочные оттенки. В этом случае временная связь становится близкой к противительной и уступительной. Например:

There was a scuffle. She went to the window and opened the shutters. *The water-carrier had hold of a woman's arm and was dragging her along, while the house-boy was pushing her from behind with both hands.* Doris recognized her at once as the woman she had seen one morning (S. Maugham).

Совершенно очевидно, что постпозитивное предложение с союзом *while* отнюдь не выражает время совершения действия главного предложения, а само выражает действие, которое противопоставлено по своему характеру действию главного предложения. Здесь мы, в сущности, имеем две линии повествования, и трудно определить, какая из них является более важной. Обе они необходимы для последующего изложения. Элементарные предложения в данной ситуации находятся в отношениях функционального равновесия, т. е. несут одинаковую коммуникативную нагрузку. При этом и главное, и придаточное предложения характеризуются собственными тематическими отношениями. Идентификация темы осуществляется лексическим повтором (*The water-carrier, the house-boy*), служащим для обозначения уже известных из предшествующего повествования лиц. Абсолютно новым, информативно наиболее важным является сообщение о действиях этих лиц. Началом ремы в каждом случае следует считать личные формы глагола. Схему актуального членения конструкций с двумя соединенными полными тематическими структурами можно представить в виде: $/T_1 - R_1/ - /T_2 - R_2/$.

В данном случае содержание придаточного предложения сопоставляется с содержанием главного предложения, а не подчиняется ему. Функция постпозитивного предложения здесь совершенно отлична от той функции, которую выполняет обычное подчиненное придаточное времени. Здесь мы имеем еще один пример «эмансипации» придаточного предложения. Используемый союз устанавливает осложненные временные отношения между отдельными событиями, при этом придаточное предложение не входит в структурную схему главного предложения в функции временного локализатора. Подчинительная связь, в сущности, заслоняется сочинительной связью. В зависимости от контекста то или другое качество может быть выражено сильнее, и союз, соответственно этому, может быть ближе к сочинительному или, наоборот, к подчинительному, сохраняя при этом слабый оттенок временного значения.

В так называемых инверсивных сложноподчиненных предложениях основное содержание заключено в придаточном предложении, а главное содержит только указание на время действия или на обстоятельства, при которых совершается действие, выраженное в придаточном предложении, находящемся в постпозиции:

In this dilemma he went and sat in the old leather chair and crossed his legs. It grew dark while he sat there staring out through the long window at the old oak tree, ample, yet bare of leaves, becoming slowly just a shape of deeper dark printed on the dusk. "Grandfather!" he thought without sequence, and took out his watch (J. Galsworthy).

В инверсивных предложениях такого типа тема выражается препозитивным главным предложением, а основную коммуникативную нагрузку несет постпозитивное придаточное предложение, образующее рему всего высказывания, формируя тем самым коммуникативный тип *T – R*. Высказывания такого типа свидетельствуют о том, что с точки зрения коммуникативной значимости главным может оказаться придаточное предложение, а предикативное звено, называемое главным предложением, может играть роль подчиненного элемента, находясь в зависимости от коммуникативного задания, реализующего цель конкретного высказывания.

Таким образом, тема-рематические отношения, лежащие в основе каждой из частей сложносочиненного предложения, находятся в состоянии функционального равновесия относительно друг друга, они располагаются в одной плоскости и вскрываются на высшем уровне актуального членения. Здесь, в сущности, имеется не одно, а два самостоятельных сообщения, что и находит отражение в двуплановом характере функциональной перспективы. Совсем иное дело в сложноподчиненном предложении, отличающемся иерархией уровней актуального членения. Тема-рематические отношения высшего уровня свидетельствуют о том, что сложное предложение выступает в качестве единого сообщения и характеризуется одноплановой функциональной перспективой.

Литература

1. *Абрамова А. Г., Павлова М. Н., Фадеева К. В.* Ретроспекция и проспекция в тексте // Наука и инновации в системе развития информационного общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3 частях. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. – Ч. 1. – С. 7–14.
2. *Бейкер А.* Пресуппозиция и типы предложения // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. XVI. – С. 406–418.
3. *Белашанкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
4. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под. ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 719 с.
5. *Колосова Т. А., Черемисина М. И.* О принципах классификации

сложных предложений // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 74.

6. *Ilyish B.* The Structure of Modern English. – Л., 1971. – 370 с.

Авторы:

Абрамова Анжелика Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: foreign-languages-department@mail.ru;

Никитина Алена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

Authors:

Abramova Anzhelika G. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Theory of Translation, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: foreign-languages-department@mail.ru.

Nikitina Alena Y. – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian as a Foreign Language Department, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

ПРОДУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ НАЗВАНИЙ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Аннотация. В статье описываются наиболее активные способы деривации наименований лиц в современных медиатекстах, рассматривается валентность суффиксальных морфем, прослеживаются доминантные тенденции в данном сегменте словообразования.

Ключевые слова: СМИ, словообразование, продуктивные модели, их структура, наименование лиц.

L. V. Alpeeva

PRODUCTIVE FACE NAMES IN MODERN MEDIA

Abstract. The article describes the most active methods of derivation of person names in modern media texts, analyzes the valence of suffix morphemes, and traces the dominant trends in this segment of word formation.

Key words: mass media, word formation, productive models, their structure, names of persons.

Прошло три десятилетия со времени распада Советского Союза. Небольшой срок для языка, но именно эти годы внесли огромное количество изменений в языковую систему на всех уровнях. Конечно, какие-то языковые ярусы подвергаются трансформациям в меньшей степени, какие-то – в большей. Особенно наглядно эти перемены видны в области лексики как наиболее подвижной сфере языка. За это время серьезно преобразились и формы массовой коммуникации, которая стала превалировать над личным общением, и даже человеческое мышление. О последнем феномене – влиянии Интернета на наше мышление – написано немало серьезных исследований и книг.

Массовая коммуникация расширяет круг используемых языковых средств от обценной лексики и жаргона до высокого стиля, оперирует как уже отмеченными в словарях лексемами, так и потенциальными и окказиональными словами. Не вдаваясь в дефиниции данных объектов, отметим вслед за многими русистами такое явление в современной публицистике, как максимально активное словотворчество.

Современные СМИ – это уже не только «язык газеты», а значительно шире – это язык массмедиа. И если бумажные периодические издания скукоживаются, как шагреновая кожа, то количество электронных публикаций

в газетах, журналах, блогах, видеохостингах разрастается до необъятных размеров. Появились и новые научные направления – медиалингвистика и медиастилистика – с соответствующей терминологией, объектами исследования которых являются функционирование языка в СМИ и сами современные медиатексты с их смешением различных стилей, устной и письменной речи, вербальных и невербальных средств.

Эпохи великих потрясений социума сопровождаются наплывом огромного количества новых слов. И наша эпоха не исключение. Расширение словаря происходит не только за счёт заимствований, но и за счёт деривации новых лексем. Причём на современном этапе данные потоки равноценны.

Мы можем говорить о двух основополагающих векторах деривации: 1) создание однословной номинации для замены описательного оборота, где работает закон языковой экономии, отвечающий современному стремлению информативной насыщенности текста при сокращении его объёма; 2) передача каких-то новых оттенков, оценки предмета, явления, важных для социума. «В языке вербализуются те предметы и явления, их качества, состояния и действия, которые имеют культурную и коммуникативную значимость для человека» [Казак 2012: 57].

Несмотря на то, что в массмедиа наблюдается уклон в разговорный стиль, влияние книжных стилей также велико. Поэтому среди продуктивных словообразовательных средств можно отметить разностилевые морфемы. При образовании названий лиц, например, активны такие суффиксы книжной сферы, как **-ист**, **-атор**, **-ер/ор**. Примеры:

Нашисты – разговорное наименование членов некоторых политических движений, имеющих в названии слово «наш» (Википедия, 24.10.2018).

Избавление от всяких уклонов и **уклонистов** (ЛГ, 2012, № 12-13).

В то, что Песков является скрытым **навальнистом**, поверить сложно https://snobru.turbopages.org/snob.ru/h/entry/203157/?publisher_logo_url=https%3A%2F%2Favatars.mds.yandex.net%2Fget-turbo%2F2731883%2F2a00000177259b4bfcba4e38532a3609397%2Forig&promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (08.02.2021).

Как видим, в качестве производящих основ здесь могут употребляться и местоимения, и существительные, и имена собственные. Последнее вообще – одно из самых активных направлений как словотворчества, так и языковой игры в поле СМИ и рекламы в настоящее время. И здесь активно используются не только антропонимы, но и топонимы, аббревиатуры. Причём на выходе мы имеем разные части речи: существительные, прилагательные, глаголы. Об этом явлении писали многие русисты [Алпеева 2020: 45–49; Амири 2007: 13–26; Ильясова 2015: 3; Казак 2012: 53–54 и др.].

Почему у **монетизаторов** нет души, а токсичные члены команды – самые эффективные <https://habr.com/ru/company/ruvds/blog/512394/> (24.07.2020).

Тиктокеры (они как **блогеры**) делают свои челленджи, мемы и пародии на популярные песни <https://wylsa.com/tiktok-chto-eto-takoe-i-kak-eto-stalo-populyarnym/> (25.01.2021).

Библию впервые адаптировали для **зумеров** (поколение Z), она стала короче и современнее <https://playboyrussia.com/news/bibliyu-vpervye-adaptirovali-dlya-zumerov-ona-stala-koroche-i-sovremennee-154981/> (22.01.2021).

Таким способом **абьюзер** часто пытается добиться личной выгоды от собеседника (от *абьюз* – «насилие, плохое обращение, оскорбление») <https://psylogik-ru.turbopages.org/psylogik.ru/s/184-abjuz.html> (13.03.2020).

... нужны воронежские инстаграмщики (инстаграмщицы), тиктокеры, **ютуберы** с такой-то аудиторией, охватом ... <https://bloknot-voronezh.ru/news/koza-nostra-voronezhskikh-blogin-ili-pochemu-byudzh> (04.02.2021).

Мужчина-**неглектор**: Умирай медленно, родная (*неглект* – «пренебрежение») <https://econet.ru/articles/muzhchina-neglektor-umiray-medlenno-rodnaya> (21.01.2021).

Суффикс **-ер/ор** имеет чётко ограниченную сферу действия: он присоединяется к заимствованным основам, поэтому достаточно сложно определить, какой процесс происходил в реальности: суффикс присоединился к иностранному корню, обозначающему некую реалию, уже в русском языке, или сначала было заимствовано существительное, а потом и наименование лица, имеющего отношение к нему. Во втором варианте мы понимаем, что сам акт деривации произошёл в языке-источнике, но тем не менее мы можем членить данные слова на корень и суффикс и волей-неволей описывать их уже как производные в русском языке.

Суффикс **-чик/щик** даёт значительное количество новообразований. На его продуктивность влияет широкая валентность (способность присоединяться к различным основам): 1) суффикс является нейтральным по отношению к стилям языка (внестилевым); 2) он может присоединяться как к существительным, так и к глаголам; 3) в качестве производящих основ могут быть использованы как исконно русские, так и заимствованные основы. Примеры:

В Казани будут судить **группировщика**, по ошибке застрелившего подростка (Kazanfirst. 28.05.2020).

Создать красивую картинку с использованием манипуляций при помощи цифр сегодняшнему **инстаграмщику** труда не составит <https://bloknot-voronezh.ru/news/koza-nostra-voronezhskikh-blogin-ili-pochemu-byudzh> (04.02.2021).

Медийщики – это люди, которые занимаются медиа-стратегиями, медиа-планированием и затем – медиа-баингом в ТВ, прессе, радио, интернете и наружной рекламе. <https://adschool5.livejournal.com/4076.html> (22.11.2013).

Курьеры! Спасибо вам за вашу работу! Вы **топчики!** (Рекламный баннер на улице, май 2020).

Юрий Хованский – известный блогер, стендап-комик, **обзорщик** и ведущий игровых шоу на Ютубе (КП, 18.06.2019).

Обнальщик (Петербургский дневник, 08.02.2019).

– Не бойтесь, что под вас могут начать копать? – Сколько таких **начинальщиц** и **копальщиков** было (КП, 11.01.2019).

Приведём пример диалога в форуме по поиску работы:

– Так и представляю, как **хаэрщики** собираются каждый второй четверг месяца в какой-нибудь пивной и делятся достижениями.

– А у нас их называют **эйчаровцами**.

Хаэрщики – «русское» прочтение латинских букв HR (human resources) – обозначают менеджера по персоналу. В соответствии с правильным названием данных букв в английском алфавите возник синоним *эйчаровец*. В то же время мы можем встретить и слово **эйчар** в том же значении, но уже без русского суффикса.

Вообще, некодифицированная лексика так же, как и кодифицированная, может включаться в синонимические и антонимические ряды, входить в омонимические отношения. В первую очередь это диктуется наличием синонимических/антонимических аффиксальных морфем, как маркированных стилистически, так и нейтральных. Примеры:

Контактёры, кто они? **Контактанты** (контактёры) – люди, вступающие в речевой, мысленный или иной диалог с представителями иных цивилизаций <https://proza.ru/2012/01/30/1402> (03.02.2021).

Контактёрша *разг. женск.* к контактёр. Синонимы: **контактёрка** (Викисловарь 14.0.09.2019).

Блогерша – **блогерка** – **блогиня**. Киевская **блогерша** Таисия Онацкая в эфире телеканала «112 Украина» пожаловалась на травлю... (РИА Новости 01.02.2021). Ксения Собчак, журналистка, **блогерка** <https://tvk6.ru/publications/news/55921/> (03.02.2021). Одна из **блогинь** внезапно опубликовала ролик о том, как важно носить маски <https://bloknot-voronezh.ru/news/koza-nostra-voronezhskikh-blogin-ili-pochemu-byudzh> (04.02.2021).

Следует отметить, что книжный суффикс **-ин(я)** в последнем случае употреблён для создания иронии.

В блоге, названном «**Рыцарша**», развернулась целая дискуссия о возможных вариантах (синонимах): предлагались и **рыцаресса**, и **рыцарца** https://pikabu.ru/story/ryitsarsha_6955648. Первый вариант употреблён на страницах еженедельника «Аргументы недели»: Наша Даша: **рыцарша** плаща и кинжала (31.01.2019 № 4).

Наименования лиц женского пола с суффиксами **-щиц/ниц-** встречаются реже: **выживальщик** – **выживальщица**, **инстаграмщик** – **инстаграмщица**, **фейсбушник** – **фейсбушница**. Примеры:

Малыш нерпы не похож на суровую **выживальщицу** Ингер, которая спокойно зимовала в уличном вольере (КП, 27.02.2018).

Так и так, нужны воронежские инстаграмщики (**инстаграмщицы**), тиктокеры, ютуберы с такой-то аудиторией, охватом ... <https://bloknot-voronezh.ru/news/koza-nostra-voronezhskikh-blogin-ili-pochemu-byudzh>.

В 2018 г. на экраны вышел фильм «Инстаграмщица».

Не скажу, что я «**фейсбушница**», хотя первое время регулярно заходила в эту соцсеть <https://www.starhit.ru/interview/angelina-vovk-nado-byit-optimistom-132883/> (16.09.2017).

В синонимическом ряду суффиксов лица женского пола **-к(а)** активно вытесняет остальные, о чём говорят и многочисленные дериваты, и заявления ведущих лингвистов в программе «Наблюдатель. Языки поколений. Как преодолеть пропасть» (Эфир 13.01.2021). Они отмечают такие дериваты, как **авторка, профессорка** на месте бывших **авторша, профессорша** (разг.).

Наши примеры:

... к журналистам и даже **актёркам** сложно испытывать иллюзии (Дождь, 02.02.2021).

Набиуллина – представитель либерального клана, **либералка** (Журналистская правда, 02.02.2021).

В Петербурге **юристка** Законодательного собрания попала в ДТП на Херсонской (Форпост Северо-Запад, 23.01.2021).

Причины уклона в сторону активного создания наименований женщин по профессии, роду занятий обусловлены ярким личностным началом в современном русском языке и активностью феминистского компонента в социуме. В одних случаях такие дериваты заменяют нормативные лексемы, другие являются впервые созданными словами. Не все из них удачны, как, например, в фонетическом плане *юристка*, часто они режут слух, но это чётко обозначившаяся тенденция последних лет.

Достаточно продуктивен для обозначения лица в современных СМИ в сфере отглагольной деривации суффикс **-тель**. Примеры:

Выниматель души (Моя семья, №16, 2018).

Забыли? Конечно, забыли. Просто появились более яркие «**махатели**» и «**заряжатели**» (об Алане Чумаке) (Life. Ru Информационный портал, 10.10.2017).

Есть собиратели земли русской, а есть **раздаватели** (М. Горбачёв. Интервью. 03.03.2018).

Вернутель силы (реклама напитка).

Конечно, суффиксальный способ в названии лиц всегда превалировал в языке, преобладает и сейчас, причём суффиксы могут присоединяться и к сложным основам. Примеры:

Вот таким отважным блогерам – честь и хвала, а «**госконтрактникам**» – позор и порицание <https://bloknot-voronezh.ru/news/koza-nostravoronezhskikh-blogin-ili-pochemu-byudzh> (04.02.2021).

Арестовали у одного **ликёроводочника** крупную партию алкоголя без акцизов (КП, 18.06.2019).

Достаточно часто наблюдается такой способ деривации, как сложение основ, сопровождающееся сокращением производящих основ или суффиксацией.

В чём секрет успешных **инстамам**? (Заголовок статьи «Мама из Инстаграма» (КП, 18.06.2019).

Главные **грантоеды** на Украине – государство (КП, 19.11.2019).

Послушав его, я немного засомневался, что именно Песков – главный **пургоносец** <https://zen.yandex.ru/media/arthur/dmitrii-peskov-nazval-merydliia-snijenia-socialnogo-neravenstva-v-rossii-601981a58414c340c6914f82> (06.02.2021);

Маленький **чертолюбец** (о Наполеоне) (АИФ № 18, 2018).

Префиксально-суффиксальный способ встречается крайне редко: Конфликт в супермаркете «Елизаровский», в результате которого погиб **безмасочник**, стал уголовным делом (Фонтанка.ру, 23.12.2020). В данном случае слово заменяет синтаксическую конструкцию «человек без маски», выполняя функцию универба.

Наиболее частотные дериваты, выражающие актуальные понятия, входят в состав уже имеющихся в языке словообразовательных гнезд. Так, например, только в одной заметке мы встречаем слова *обнальщик*, *обнал*, *обнальный* (Петербургский дневник, 08.02.2019), относящиеся к гнезду со словом «наличные». Возможно и формирование абсолютно новых гнезд. Например: *тусовка* → *тусовщик* → *тусовщица*. В гнездо также входят слова *тусовочный* → *тусовочность*, *туса* → *тусить*, *тусоваться* → *растусоваться*, *стусоваться*; *тусняк*, *тусер*, *рок-тусовка*, *политтусовка*. Слова *тусовка*, *тусоваться*, *тусовочный* вошли в последние издания Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (2010, 2016, 2020). Причём *тусовка* уже не имеет помет, стало общепринятым и стилистически нейтральным.

Литература

1. Алтеева Л. В. Визуализация вербального компонента в СМИ как воплощение языковой игры // Инновационное образовательное пространство: теория и практика обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному в высшей школе: коллективная монография. – Вып. 10. – Киров: Изд-во МЦИТО, 2020. – С. 41–53. – Режим доступа: <http://chirsreda.ru>, <https://mcito.ru/publishing>.

2. Амири Л. П. Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на Дону, 2007. – 26 с.

3. *Ильясова С. В.* Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medialing.ru/yazykovaya-igra-slovoobrazovatel'naya-graficheskaya-orfograficheskaya-na-materiale-tekstov-sovremennyh-rossijskih-smi/> (дата обращения 10.02.21).

4. *Казак М. Ю.* Язык газеты: учеб. пособие / М. Ю. Казак. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 120 с.

Автор:

Аллеева Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: lars41@yandex.ru

Author:

Alpeeva Larisa V. – PhD in Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia; e-mail: lars41@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНЫХ ЯВЛЕНИЯХ МЕЖДУ СОЮЗОМ И ЧАСТИЦЕЙ «А» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье проанализированы отдельные исследования, посвященные переходным случаям между союзом и частицей *a*. Представлены возможные критерии для установления зон переходности и некоторые примеры, иллюстрирующие границы переходных явлений.

Ключевые слова: союз *a*, частица *a*, переходные явления, зона синкретизма.

V. I. Bychkov

TO THE QUESTION OF TRANSITIONAL PHENOMENA BETWEEN A RUSSIAN CONJUNCTION AND PARTICLE “A” IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article analyzes separate studies devoted to the transition cases between the conjunction and the particle *a*. Possible criteria for establishing transition zones and some examples illustrating the boundaries of transition phenomena are proposed.

Keywords: conjunction *A*, particle *A*, transition phenomena, syncretism zone.

В исследованиях ученых неоднократно высказывалась мысль о сложности установления границ между союзом и частицей *a*. Если семантические оттенки употребления союза *a* так или иначе установлены [Словарь 1997; Бычков 2002], то модальная функция частицы *a*, синкретичные случаи употребления союза-частицы остаются еще до конца не выясненными.

В. В. Виноградов одним из первых высказал мысль о сложном единстве частицы с высказыванием, в котором она реализует дополнительные смысловые и модальные оттенки [Виноградов 1986].

По мнению Г. Е. Щербань, «большинство русских частиц не имеют инвариантного лексического значения, но обладают весьма значительным импликационалом, т. е. набором потенциальных сем, каждая из которых выявляется через сочетаемость с другими элементами контекста» [Щербань 2001:105].

Толковые словари русского языка, а также словарь служебных слов выделяют лишь побудительную и вопросительную функции частицы *a*, тогда как ее модальные значения остаются не представленными [Словарь 1997].

В Русской грамматике 80 устанавливается совмещение в частице *a* вопросительных и модальных значений, возможность придать эмоционально-оценочные характеристики высказываниям, выразить собственно связь, соединенность [Русская грамматика 1980].

В исследовании А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлин определена роль частицы *a* в структуре диалога в особой метатекстовой функции – показателя начала и конца диалогического текста, смены тем в диалоге, что является фатическим средством иллокутивных вынуждений [Баранов, Крейдлин 1992].

А. Н. Баранов и И. М. Кобозева, рассмотрев роль частицы *a* в прямых ответах на вопрос, установили, что она «указывает на различные степени агрессивности ответа, его ультимативности, полемичности, категоричности» [Баранов, Кобозева 1988].

З. Трестерова, обратившись к анализу лексемы *a* в публицистических текстах, установила следующие функции: 1) знака, связующего с тем, что говорилось ранее; 2) текстового коннектора, употребляющегося с целью присоединения, добавления, вставки, введения прямой речи; 3) начала парцеллята; 4) сигнала прерывания связности текста; 5) сигнала распространения текста в различных направлениях [Трестерова 1993]. По мнению исследователя, союз *a* относится к сфере предложений, коннектор *a* – к сфере текста, а частица *a* рассматривается только как вводная в начале ответа на вопрос [Трестерова 1993].

Исследование Г. Е. Щербань помогает выявить новые функции частицы *a* на материале актуализирующей прозы: 1) смены модального плана повествования; 2) сообщения абзацной фразе различных иллокутивных характеристик, чаще всего иллокуции утверждения или вопроса; 3) анафорической отсылки к антецеденту в верхнем контексте – осуществлении дистантной когезии [Щербань 2001].

Исходя из выявленных функций анализируемого служебного слова, попробуем установить границы переходных явлений между союзом *a* и частицей *a*. Для этого воспользуемся теорией полей, предложенной В. В. Бабайцевой [Бабайцева 2000]. По этой классификации ядром поля окажутся выражающие полный набор дифференциальных признаков союз *a* (А) и частица *a* (Б), переходными случаями – зона Аб, АБ, БА, в которых не столь ярко выражены дифференциальные признаки союза и частицы и они усиливаются или ослабляются в зависимости от направления вектора. В самом центре (АБ) окажутся промежуточные образования с равным проявлением дифференциальных признаков.

В рамках данного исследования рассмотрим лишь периферийные случаи употребления, связанные с зоной синкретизма, не приводя иллюстрации ядерных зон А и Б. Для примеров обратимся к данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Итак, зону Аб, на наш взгляд, могут составить синкретичные случаи употребления союза-частицы, которые совмещают выраженное противительное или сопоставительное и модальное значение (анафорическую отсылку к антецеденту в верхнем контексте, сигнал распространения текста в новом направлении, смену модального плана, иллокуцию напоминания, вопроса).

У двери стоит на коленях старик арестант, трясутся его старые руки. Кто-то закашлял. Кто-то заплакал...

– Кто там плачет?

Да это ветер. Мой сторож-ветер.

Кончилась молитва. Захлопнули форточку. И глухо застучало по трубам. А мне все виделся старик арестант у своей раскрытой двери – тряслись его руки. И я почувствовал, как где-то под одним кровом со мною словно зверь проснулся... [А. М. Ремизов. В плену].

В данном примере противительно-сопоставительное значение совмещается с иллокуцией напоминания (информация о старике-арестанте находит продолжение, текст начинает распространяться в новом направлении).

– Протянули мы через одну пролубь сеть, пошли до другой... Видим – зеленые огоньки недалече... Ну, чуем – волки!. На человеческий дух прибежали!.. Я и говорю соседу: «Ружье с тобой?..» А ружье, на беду, в артели в санях осталось. Што тут делать?.. На лыжах до артели бежать – далече, волки настигнут. Вот я и говорю: «Зажигай, моя, соломы!..» [А. А. Богданов. На Ладоге].

Вопрос рассказчика о ружье предполагает, что оружие в данной ситуации должно было быть с собой, но его не оказалось – то есть устанавливается противительное значение, которое дополняется сменой модального плана (вопрос о ружье сменяется повествованием о месте его нахождения).

Смена модальности может проявляться более отчетливо (ирреальная модальность, например долженствование, сменяется реальной модальностью, или наоборот):

Идти мне надо. А вы разгуливайтесь здесь на здоровье... Сидорыч ушел куда-то за будку, и скоро флейта замолкла [Н. Н. Златовратский. Сироты 305-й версты].

Эти вопросы кусали меня, грызли, я не мог спать. А человек должен спать, сударь мой! [Максим Горький. О беспокойной книге].

Анафорическая отсылка к верхнему фрагменту текста помогает оформить дистантную когезию, однако сопоставительно-противительные отношения при этом сохраняются: *Смеюсь же я, а у меня жена с землемером убежала. (Он оскалится.) А вы этого не знали? Как же! Так-таки взяла да и убежала и письмо мне оставила: любезный, дескать, Петр Петрович, извини; увлеченная страстью, удаляюсь с другом моего сердца... А землемер только тем и взял, что не стриг ногтей да панталоны носил в обтяжку. Вы удивляетесь? Вот, дескать, откровенный человек... И, боже мой! наш*

брат-степняк так правду-матку и режет. Однако отойдемте-ка в сторону... Что нам подле будущего судьи стоять-то... [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда].

Иллокуция вопроса, совмещенная с противительным-сопоставительным значением, может устанавливать смену направлений мысли, темы, особенно в диалоге:

Смеюсь же я, а у меня жена с землемером убежала. (Он оскалился.) А вы этого не знали? Как же! [И. С. Тургенев. Гамлет Щигровского уезда.

– Зачем к нам в лес пожаловал? – А тебе какое дело? – проворчал кот, не останавливаясь. – Что больно сердит? [Кот-озорник (из журнала «Задушевное слово»)].

Зона АБ являет собой промежуточный тип. На наш взгляд, здесь характерна общая идея соединения, сочетающаяся с модальностью.

Например, в воскресенья и праздники грешно было работать, понедельник – тяжёлый день, и таким образом в году набиралось около двухсот дней, когда поневоле приходилось сидеть сложа руки. А ведь это какой убыток! Если кто-нибудь в городе играл свадьбу без музыки или Шахкес не приглашал Якова, то это тоже был убыток. [А. П. Чехов. Скрипка Ротшильда]. Союз-частица *а* в данном случае выражает соединительное значение (можно заменить союзом *и*), хотя в нем до конца не утрачивается идея сопоставления. Однако в контексте со следующим предложением усиливается общая идея соединения (дни, когда нельзя было работать, – это убыток; свадьбы, на которые не приглашали, тоже убыток).

Замужем жила, ни о чем не думала. Ничего я не умею, ничему не учена... Как жить теперь? Хорошо бы кройке научиться, – на Вознесенском пятнадцать рублей берут за обучение, в три месяца обучают. С кройкой всегда деньги заработаешь. А где теперь учиться? О том только и думаешь, чтоб с голоду не помереть. [В. В. Вересаев. Два конца]. В данном примере явное соединительное значение совмещается с модальным – иллокуцией вопроса.

В зоне аБ, на наш взгляд, уже отсутствует значение соединения, усиливаются разнообразные модальные значения. Например:

- смена тем в диалоге: *Он объяснил, почему приехал так поздно, спросил о здоровье, о новорожденном; начался разговор. Леля слушала и глядела на дядю, прямо в лицо, очень серьезно, неподвижно, не мигая глазами, как дорогая кукла.*

– А у нас сегодня ребеночка крестили... – сказала она громко [А. П. Чехов. Калека];

- начало микротемы: *Дверь захлопнулась, как будто форт заперся от моря, по которому, таинственно поблескивая вспышками фосфорической пены, набегал уже первый шквал широкою, во все море, грядюю.*

А в окне угловой башни неуверенно светил огонёк, и лодка, введённая в бухту, мерно качалась и тихо взвизгивала под ударами отражённой и разбитой, но всё ещё крепкой волны. [В. Г. Короленко. Мгновение].

Один раз в несколько десятков лет побережные жители Ладожского озера переживают тяжелое время. Как только апрельское солнце погонит снег из лесов, озеро вдруг переполняется водой и на сотни верст заливаает окрестность. Зеленые пригорки, нивы, хутора и целые деревни стоят всю весну и лето погруженными в воду. В мелких болотцах по улицам и дорогам весело плещется плотва. С жадностью гоняются за ней хищные и прожорливые щуки. Леса затоплены. В зеркальных озерцах среди деревьев с гоготаньем плавают стаи уток и гадар.

А в деревьях от одной избы до другой тянутся дощатые переходы. По ним бегают чумазые и оборванные ребяташки. Кое-где между мостков покачиваются на привязи лодчонки и челноки [А. А. Богданов. На Ладогге].

Таким образом, при выделении зон переходности между союзом и частицей *а*, на наш взгляд, можно использовать указанные выше критерии, отражающие выражаемые ими противительно-уступительные, соединительные и различные оттенки модальных значений. Следует заметить, что границы между предложенными нами зонами переходности могут быть представлены и с других позиций.

Литература

1. *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. – М. : Дрофа, 2000. – 638.
2. *Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992. – №2. – С. 84–99.
3. *Баранов А. Н., Кобозева И. М.* Модальные частицы в ответах на вопрос // Прагматика и проблемы интенсивности. – М., 1988. – С. 45–69.
4. *Бычков В. И.* Союзы русского языка: теория и практика их изучения в чувашской школе / под ред. проф. Г. А. Анисимова. – Чебоксары, 2002. – 244 с.
5. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1986. – 640 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/vinogradov-72.htm>
6. *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
7. *Русская грамматика.* – Т. 1. – М., 1980. – URL: <http://rusgram.narod.ru/sod1t-1.html>
8. *Словарь структурных слов русского языка* / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. – М. : Лазурь, 1997. – 420 с.
9. *Трестерова З. К.* К употреблению *А* в роли текстового коннектора // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1993. – С. 128–134.

10. *Щербань Г. Е.* К вопросу о функциях частицы А в современной актуализирующей прозе (на материале произведений С. Довлатова // Исследовано в России. – 2001. – №. 10. – URL: [https:// cyberleninka.ru/ article/n/k-voprosu-o-funktsiyah-chastitsy-a-v-sovremennoy-aktualiziruyushey-proze](https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-funktsiyah-chastitsy-a-v-sovremennoy-aktualiziruyushey-proze)

Автор:

Бычков Вениамин Иванович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: benjam@bk.ru

Author:

Bychkov Veniamin Ivanovich – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Methods of Primary Education, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: benjam@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБОБЩАЮЩИХ СЛОВ В СЕГМЕНТИРОВАННЫХ СТРУКТУРАХ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ОДНОРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются местоимения, выступающие в функции обобщающих слов и формирующие экспрессивные сегментированные конструкции с однородными членами предложения.

Ключевые слова: сегментированные конструкции, обобщающие слова, анафорическая функция, однородные члены предложения.

Т. P. Vyazovik

FEATURES OF GENERAL WORDS IN SEGMENTED STRUCTURES INCLUDING HOMOGENEOUS MEMBERS OF THE PROPOSITION

Abstract. The article discusses pronouns that act as generalizing words and form expressive segmented constructions with homogeneous members of the sentence.

Keywords: segmented constructions, generalizing words, anaphoric function, homogeneous members of a sentence.

Сегментированные конструкции относятся к расчлененным построениям «экспрессивного синтаксиса», между компонентами которого при наличии местоименного коррелята устанавливаются тема-рематические отношения. Данное определение характеризует известный и всесторонне изученный тип сегментированных структур: конструкций с именительным темой¹ (представления), например: *Школьные друзья... Я их никогда не забуду*. Сегменты в этих построениях выражены именами существительными и называют тему высказывания, которую «представляют» в базовой части ее корреляты – обычно прономинативы. При этом сегмент синтаксически не связан с базовой частью: существительные в именительном падеже занимают позицию самостоятельного предложения и обычно оформляются соответствующей интонацией и такими знаками препинания, как точка, многоточие, восклицательный знак и др. Это позволяет некоторым лингвистам рассматривать такие структурно самостоятельные сегменты как разновидности номинативных предложений [Бабайцева 1968: 136]. В то же время

¹ Термин «тема» в данном случае обозначает основное содержание высказывания. В то же время ниже при описании оппозиции «тема-рема» он употребляется и как термин актуального членения,

отсутствие у данных номинативов предикативности и соответствующей «интонации конца» не позволяет говорить о них как о предложениях. Именительный падеж представляет тему высказывания, вынося ее в сильную позицию (независимый именительный падеж), тем самым привлекая к ней внимание читателя. Такого рода построения встречаются и в устной речи. Обычно их используют писатели в целях имитации устной речи. Пунктуационно такие сегменты отделяются запятой, например: *Бабушка, она завтра придет.*

Что касается базовой части, то в ней местоименное слово коррелирует с названной в сегменте темой, грамматически инкорпорируясь в структуру базовой части, и приобретает статус темы высказывания, например: *Воробы... Где их можно сегодня встретить?*

Далеко не все исследователи ограничивают сегментированные конструкции исключительно именительным темы. В частности, А. И. Попов считал, что сегмент может быть представлен предложением или его частью [Попов 1964]. Данный подход представляется нам наиболее верным. Суть сегментации – в интонационном и структурном выделении фрагмента текста, его сегмента, при наличии в базовой части конструкции местоименного коррелята. Именно наличие в таких построениях кореферентного сегменту коррелята переводит конструкцию из грамматически связанной в сегментированную.

В этой связи представляет интерес обращение к конструкциям, содержащим неоднословные указательные местоимения типа «вОт что» с неизменным акцентным выделением частицы «вот». Ударение в данных местоимениях грамматикализовано, так как даже при изолированном произношении способно дифференцировать местоимения по разрядам: ударение на частице свидетельствует, что мы имеем дело с указательным местоимением, ударение на базовом местоимении – свидетельство его вопросительного характера, сравни: «вОт что», но «вот чтО?».

Конструкции с этими местоимениями впервые были описаны Г. Н. Акимовой, которая посвятила им главу в своей монографии «Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка» [Акимова 1982: 91–98]. Подобные построения мы встречаем и у А. И. Попова, который фиксирует их как разновидность структур с именительным темы, например: *Цветухин – вот кто предназначен испытать еще несмелое увлечение молодых людей; Человек – вот кому должна подчиняться архитектура; Предательство! Вот что погубило Францию* [Попов 1964].

Обычно конструкции с однородными членами не относят к сегментированным структурам. В то же время А. С. Попов, как нам представляется, справедливо, усмотрел сегментацию и в таких построениях: *Лепет юности, ровный свет электрических плафонов, тусклый блеск скрипок – как все было далеко! Сказки, легенды, былины – о богатырях, о сапогах-скороходах, о коврах-самолетах, скатертях-самобранках, о живой воде... Сколько дум*

народных, мечтаний и грез заложено в них, сколько светлых надежд! [Попов 1964].

В центре нашего внимания будут сегментированные предложения с однородными членами, включающими в свой состав местоименные слова, способные вступать в синонимические отношения с обобщающими словами. Именно характер местоимений, выполняющих такую функцию, как нам кажется, обуславливает особенности сегментации.

Характеризуя обобщающие слова, В. В. Бабайцева отмечает, что это самое общее, самое абстрактное выражение семантики однородных членов. Поэтому в роли обобщающих слов часто используются местоименные словоформы: «все», «всегда», «езде», «всюду», «всякий», «никуда» и т. п. [Современный 2001: 387]. Большинство данных местоимений имеет параллели среди указательных неоднословных местоимений с частицей *вот*: «все» – «*вот кто*», «*вот что*»; «всегда» – «*вот когда*»; «езде», «всюду» – «*вот где*», «*всякий*» – «*вот какой*». Они могут вступать в синонимические отношения с исконными местоимениями: *Стол, кресло, стулья – все было самого тяжелого и беспокойного свойства / Стол, кресло, стулья – вот что было самого тяжелого и беспокойного свойства; Бывают штормы всякие: мутно-зеленые, желтые, как глина, серые и почти черные/ Бывают штормы вот какие: мутно-зеленые, желтые, как глина, серые и почти черные; Туман всюду: над вами, вокруг вас/ Туман вот где: над вами, вокруг вас* и т. д.

Очевидно, что и типичные обобщающие слова, и синонимичные им указательные местоимения могут находиться как в препозиции к однородным рядам, так и в постпозиции. Занимая актуализирующие позиции, они либо открывают синонимический ряд, либо его закрывают [Современный 2001: 387]. Указательные местоимения, как и традиционные обобщающие слова обычно выступают в одинаковой синтаксической функции: подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства. На первый взгляд, эти предложения аналогичны традиционным структурам с однородными членами. Вместе с тем их характеризует ряд серьезных отличий, коренящихся в природе данных местоимений. Мы остановимся лишь на конструкциях с «*вот что*», которые вступают в синонимические отношения с местоименным сочетанием «*все это*».

Характерным обобщающим местоимением при однородных членах является сочетание «*все это*» [Силантьев 1985: 164], что вполне оправдано. Указательное местоимение «*это*», будучи анафорой, устанавливает кореферентные отношения с однородными членами, в то время как местоимение «*все*», будучи квантором всеобщности, обобщает однородные члены, выделенные местоимением «*это*», представляет их как некую совокупность.

Местоимение «*вот что*» – явление иного порядка. Будучи, как и местоимение «*это*», указательным и реализуя грамматическое значение предметности, оно в тексте осуществляет анафорическую функцию и, вступая в

коррелятивные отношения с однородными членами, выполняет функцию связи, обеспечивая единство всего предложения. Образованные на базе разговорного субстрата – вопросно-ответных конструкций (– «что?» – «вот что»; – «кто?» – «вот кто»; – «где?» – «вот где» и т. д.), данные местоимения неизменно рематичны, а значит ремой становится и та часть высказывания, с которой они коррелируют, т. е. часть, содержащая однородные члены. При этом появляется расчлененность не только на уровне самой структуры, представляющей две части: с одной стороны, однородные члены, с другой – часть, содержащая коррелирующее с однородными членами местоимения, но и на коммуникативном уровне. В силу неизменной рематичности «вот что», имеющего постоянный коммуникативный статус [Апресян 1988: 10–22], расчленяется сама рема: ею является часть, включающая однородные члены, и содержащееся во второй части местоимение «вот что».

Что касается второй части, то она, за исключением местоимения, является темой высказывания. Например: *Скандал, сенсация или личность, их породившая, (1) – вот что, как правило, привлекает внимание большинства телезрителей (2)*. В данном построении целью высказывания становятся именно однородные члены и их коррелят – местоимение «вот что». Таким образом, местоимение «вот что», наряду с анафорической функцией, выполняет функцию актуализации той информации, с которой местоимение соотносится. При этом такой характер актуализации не зависит от того, в постпозиции или препозиции будет находиться местоимение. В любом случае рематически выделенными будут однородные члены и само «вот что». Например: *Вот что казалось единственным решением: торчащие ребра дома, шлак под ногами, паутина повсюду, кучки запыленного мусора*.

Вместе с тем в традиционной синонимичной конструкции с «все это» расчленяется тема, которую представляют однородные члены и местоименный коррелят, в то время как цель высказывания – вторая часть, за исключением «все это».

Расчлененность проявляется и в четком разграничении модуса и диктума: часть, которая содержит «вот что» выражает эксплицитно и (или) имплицитно пропозициональные отношения, в то время как соотносимая с ними часть, включающая однородные члены, – пропозицию. Например: *Диалог, мыслительная полифония, культура мышления – вот что нам нужно*. Эксплицитно субъективная модальность выражена предикатом «нужно». Но у структуры появляется и скрытая пропозициональная установка, которая эксплицируется предикатами мнения: «думаю», «считаю», «полагаю». В результате конструкция могла бы иметь такой вид: *Я считаю, (думаю, полагаю), что...* Значения этих предикатов допускают некоторую неопределенность: от сомнения до безусловной уверенности [Дмитровская 1988:10]. Однако особенность неизменно рематичного «вот что», являющегося в связи с этим акцентоносителем, приводит к тому, что эксплицируя субъективную модальность, мы тем самым обнаруживаем и значение,

присущее акцентному выделению: *именно это, а не* – значение подчеркивания, контрастивности [Николаева 1988: 14]. В связи с этим модальную часть мы можем интерпретировать: *Я считаю, что именно это нам нужно*. В данном случае пропозициональная установка лишена неопределенности: автор уверен, что его сообщение истинно. Абсолютная уверенность, которую демонстрируют авторы таких структур, позволяет выявить наиболее полную авторскую оценку, а значит придать данной структуре дополнительную экспрессию. Структуры с обобщающим «все это» менее экспрессивны, так как у них субъективная модальность реализуется лишь эксплицитно.

Наиболее ярко расчлененность, а вместе с этим и экспрессивность, проявляются в конструкциях типа *Уют, тепло, ласка, умирение, утоление, верность, мягкость, гибкость, милосердие* – вот из чего женщина состоит, в которых однородные члены находятся в форме именительного падежа, а указательное местоимение – в форме косвенного падежа.

Таким образом в сегментированных структурах с местоимением типа «вот что», местоимения, благодаря своим свойствам, приспособливают конструкции с однородными членами к выражению коммуникативного задания, так как любая информация, с которой местоимение соотносится, становится коммуникативным центром высказывания, его ремой. В наших структурах цель высказывания – именно однородные члены, наряду с «вот что». Благодаря местоимению «вот что» расчленение осуществляется не только на структурном и коммуникативном уровнях, но и на семантическом. При этом имплицитно выраженная субъективная модальность является источником повышенной экспрессивности самой конструкции.

Что касается традиционных обобщающих слов – местоимений типа «все это», то их расчлененность слабее, они формируют менее экспрессивные построения. Вместе с тем такие прономинативы последовательно и полно выражают значение обобщения.

Литература

1. *Апресян Ю.Д.* Типы коммуникативной информации для толкового словаря // *Язык: система и функционирование*. – М.: Наука, 1988. – С. 10–22.
2. *Акимова Г. Н.* Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. – 130 с.
3. *Бабайцева В. В.* Односоставные предложения в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1968. – 160 с.
4. *Дмитровская М. А.* Знание и мнение: образ мира, образ человека // *Логический анализ языка: Знание и мнение*. – М.: Наука, 1988. – С. 6–17.

5. *Попов А. С.* Именительный темы и другие сегментированные конструкции // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М.: Наука, 1964. – С. 256–274.
6. *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. – М.: Наука, 1982. – 104 с.
7. *Силантьев Е. Е.* Синтаксическая специализация обобщающего местоимения «всё» в предложении и тексте: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985. – 213 с.
8. *Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц:* Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. – Ч.2: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2001. – 704 с.

Автор:

Вязовик Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: samolva@list.ru.

Author:

Viazovik Tatiana P. – Associate professor, candidate of philology, Associate professor of the Department of Book Publishing and Book Trade, St. Petersburg State University Of Industrial Technologies And Design, The Higher School of The Press And Media Technologies, St. Petersburg, Russia; e-mail: samolva@list.ru

О ПРОИЗВОДНОМ ПРЕДЛОГЕ *ПО СНЯТИИ*

Аннотация. В статье показаны синтагматические и семантические особенности производного предлога *по снятии*.

Ключевые слова: производные предлоги, морфологическая характеристика, синтагматические, семантические свойства, по снятию.

I. V. Gavrilova

ABOUT THE DERIVED PREPOSITION BY REMOVING

Abstract. The article shows the syntagmatic and semantic features of the derivative preposition after removing

Keywords: derivative prepositions, morphological characteristics, syntagmatic, semantic properties, after removal

Интерес к изучению производных предлогов сохраняется в современных лингвистических исследованиях. Системное представление этого класса служебных слов в рамках функционально-коммуникативной модели языка предпринято в работах М. В. Всеволодовой [Всеволодова 2003: 17–57]. Описаны этапы «жизненного» цикла производных предлогов [Цой 2006: 2017]. Установлены синтагматические и семантические особенности отдельных производных предлогов [Шереметьева 2017]. Особый интерес представляют функционирование производных предлогов в текстах разных стилей [Попова 2016; Хаперская 2015] и проблема лексикографического описания этих служебных слов [Попова 2016, Хаперская 2012].

В процессе изучения особенностей функционирования производных предлогов в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» было обнаружено следующее высказывание: *По снятии шубы он оказался в чёрном костюме английского сукна, и на животе у него радостно и неярко сверкала золотая цепь.* (1925). Не удалось обнаружить информацию об этом предлоге в современных словарях служебных слов [Ефремова 2004; Ляшевская 2009; Стародумова 2017], а также в «Частотном словаре современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)», что, по всей видимости, можно объяснить низкой частотностью этого слова (всего 51 раз встретилось в корпусе), а также тем, что употребляется преимущественно в текстах, написанных до середины 20 века.

Установить особенности функционирования предлога **по снятии** в русском языке – задача настоящего исследования. Источником языкового

материала послужили данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Национальный корпус русского языка содержит 44 документа с конструкциями, содержащими предложно-падежные формы существительных с предлогом **по снятии**. Первое письменное употребление исследуемой конструкции фиксируется в тексте А. Н. Радищева «Описание моего владения (1800–1801)»: *Вся пашенная земля разделена на три части, или, по обыкновенному названию, на три поля: [одно] называется озимое, другое – яровое, третье – паровое: яровое есть то, которое начинают пахать как скоро снег сойдет и земля будет тала и, по вспахании, засевают яровыми или летними семенами, а паровое поле есть то, на котором с начала весны никакой не производят работы и которое начинают обрабатывать, то-есть удобривать навозом, пахать и боронить после ярового сева, которое потом, после сенокоса и **по снятии** озимой жатвы, а иногда в продолжении оной, то-есть в Августе месяце, паки вспахивают и засевают озимым хлебом.* [А. Н. Радищев. Описание моего владения (1800–1801)].

Производные предлоги являются объектом лингвистического описания, поскольку, будучи средствами выражения тех или иных смысловых отношений, обладают определенными синтагматическими свойствами. Говоря о сочетаемостных возможностях предлога, следует иметь в виду его «двустороннюю синтаксическую связь» [Шереметьева 2017]: выражает зависимость падежной формы имени от главного слова в словосочетании, поэтому при описании сочетаемостных возможностей производного предлога важно проанализировать семантику главного и зависимого слов в словосочетании.

Проведенный анализ показал, что с помощью предлога **по снятии** присоединяются чаще всего зависимые существительные следующих тематических групп:

– «наименование предметов одежды, головных уборов): **По снятии** шапочки обнаружен человеческий череп [Александр Терехов. Коммуналка (1995–2005)]; **По снятии** шубы он оказался в чёрном костюме английского сукна, и на животе у него радостно и неярко сверкала золотая цепь. [М. А. Булгаков. Собачье сердце (1925)]; С изумительным остроумием сочинено известное чередование эффектов, например, тон платья, которое показывается **по снятии** шубы или манто. [А. Н. Бенуа. «Французик из Бордо» или художник? (1911.11.11) // «Речь», 1911]; Степенных людей не могла не повергнуть в раздумье сцена в соборе при расстрижении протопопа Логгина, который **по снятии** с него одnorядки и кафтана с бранью плевал через порог в алтарь в глаза Никону и, сорвав с себя рубашку, бросил ее в лицо патриарху. [В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 54–65 (1904)];

– «наименование сельскохозяйственных культур, название растений, частей растений): Часто **по снятии** риса, поздней осенью, сажают на то же поле наши хлебные злаки (ячмень или пшеницу; овес и рожь не

разводятся), которые поспевают в мае, июне; иногда, вместо риса, сеют гречиху или рапс. [Д. Н. Анучин. Япония и японцы (1907)]; Что касается перебивки парника, то она делается при неудачной набивке или тогда, когда **по снятии** растений, готовят остывший парник для новой культуры и хотят сделать снова его теплым, возбуждив брожение в остывшем навозе. [П. И. Каменоградский. Парники и ранняя выгонка овощей, рассады и земляники (1906)]; Работа эта их не очень стесняет и представляет еще ту выгоду, что, работая у помещика, крестьяне могут пользоваться для скота его «уругой», по крайней мере, **по снятии** трав и хлебов. [А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни (1872–1887 гг.). Письмо двенадцатое (1887)]; **По снятии** листьев с стволов, надобно связать их в пучки и беречь в погребе или другом сыром месте, хотя впрочем, если делать это не в сухую погоду, а только в дождливое время, то нет большой нужды до того, в какой части дома, или сарая положить их. [О распространении возделывания Американского табака в России // «Земледельческий журнал», 1831].

Анализируемые типы зависимых существительных позволяют увидеть, что с помощью производного предлога **по снятии** к главному слову в словосочетании присоединяются те существительные, которые управляются глаголами *снять, сняться*, генетически связанными с производным предлогом **по снятии**, ср.: *по снятии плодов срубают растение* – снять (что, т. е. собрать после созревания плоды); (*колокол*) *лежит праздным ... по снятии его с колокольни* – снять (что, т. е. достать, убрать, отделить находящееся сверху... где-л. укрепленное); *по снятии шубы он оказался в чёрном костюме* – снять (что, т. е. удалить с себя или с кого-л. то, что надето, повязано и т. п.); *успевших уже явиться по снятии осады* – снять (что, т. е. устранить, отменить; отказаться от чего-л. С. блокаду, осаду).

В качестве главного слова в исследуемых словосочетаниях с производным предлогом **по снятии** могут выступать глаголы разнообразных тематических групп, например: глаголы движения (*идти, отвести*), зрительного восприятия (*видеть, показаться, обнаружиться*), обработки или профессиональной трудовой деятельности (*пахать, сеять, сажать*) и др.

Смысловые отношения, выражаемые с помощью производного предлога **по снятии**, можно рассматривать как временные, максимально приближенные к значению предложно-падежной формы предлога **после** и существительного **снятие**, ср.: *выпустить по снятии хлебов* – *выпустить после снятия хлебов*; *по снятии шубы оказаться в костюме* – *после снятия шубы оказаться в костюме*. Иногда это временное значение конкретизируются иными обстоятельствами времени, например: *Часто по снятии риса, поздней осенью, сажают на то же поле наши хлебные злаки (ячмень или пшеницу; овес и рожь не разводятся), которые поспевают в мае, июне; иногда, вместо риса, сеют гречиху или рапс.* [Д. Н. Анучин. Япония и японцы (1907)]; *В настоящее же время никто даром на свою землю, даже по*

снятии трав и хлебов, не пускает. [А. Н. Энгельгардт. *Письма из деревни (1872–1887 гг.)*].

Зависимые существительные в подобных синтаксических конструкциях употребляются с производным предлогом **по снятии** в форме родительного падежа. В такой же форме эти существительные употребляются с отглагольным существительным *снятие*, ср.: *положит по снятии копии – положит после снятия копии*.

Использование конструкций с предлогом **по снятии** наблюдается в публицистических, научных и художественных текстах. В современной речи подобные конструкции употребляются крайне редко. В НКРЯ зафиксировано употребление в словосочетании «по снятии с креста»:

«Да, наша география проста».

«А что потом?» «Ты вечно о потоме!

Когда – потом?» «По снятии с креста».

«О чем ты?!» «Отнесись как к идиоме». [И. А. Бродский. ««Ты ужинал?» «Я ужинал. А ты?»...» | Горбунов и Горчаков (1969)]

Подводя итог, можно сделать вывод о завершении «жизненного цикла» [Цой 2017] производного предлога **по снятии**. Это производный отыменный предлог образован в результате перехода предложно-падежной формы отглагольного существительного *снятие*. Процесс перехода в предлог закрепился особой грамматической формой: *снятие – по снятии* (ср.: существительное *прибытие* – предлог *по прибытии*). Функционируя в качестве служебного средства, слово утратило и первоначальное лексическое значение – действие по глаголу *снять*. Проанализированные примеры позволяют установить, что с помощью предлога **по снятии** выражаются временные смысловые отношения. В то же время синтагматические возможности производного предлога **по снятии** позволяют увидеть его связь с глаголом *снять* и отглагольным существительным *снятие*.

Литература

1. *Всеволодова М. В.* К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога / М. В. Всеволодова, Е. В. Клобуков, О. В. Кукшкина, А. А. Поликарпов // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 2003. – № 2. – С. 19–59.

2. *Ефремова Т. Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М.: Астрель, 2004. – 863 с.

3. *Ляшевская О. Н.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка) / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. – Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_wforms&title=%C0%EВ%F4%E0%E2%E8%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%F1%EB%EE%E2%EE%F4%EE%F0%EC.

4. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
5. *Попова З. Д.* Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции) / З. Д. Попова. – Воронеж: ВГУ, 2014. – 232 с.
6. *Попова И. Л.* Стилистическая характеристика отыменных предлогов в словаре языка М. Е. Салтыкова-Щедрина / И. Л. Попова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2016. – № 1. – С. 141–145.
7. *Предлог* // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.ru>.
8. *Русская грамматика: В двух томах* / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
9. *Служебные слова в лексикографическом аспекте* [Электронный ресурс] / Е. А. Стародумова [и др.]. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. – 377 с. – Режим доступа: <http://www.labslsl.ru/?p=3930>.
10. *Хаперская Ю. В.* Производные предлоги современного русского языка как объект лексикографического описания / Ю. В. Хаперская // Вектор науки ТГУ. – 2012. – N 4 (22). – С. 340–342.
11. *Хаперская Ю. В.* Функционирование производных предлогов в газетно-публицистическом стиле / Ю. В. Хаперская // Филология и человек. – 2015. – №2. – С. 63–70.
12. *Цой А. С.* Три этапа «жизненного цикла» производных предлогов / А.С.Цой // Филологические науки. –2006. –№ 5. – С. 81–88.
13. *Цой А. С.* Активные процессы в системе образования производных предлогов / А. С. Цой // *Studia Rossica Posnaniensia*. – 2017. – XLII – С. 285–294.
14. *Черкасова Е. Т.* К изучению образования русских отыменных предлогов / Е. Т. Черкасова // Исследование по грамматике русского литературного языка. – М.: Академия наук СССР, 1955. – С. 73–139.
15. *Шереметьева З. В.* Производные предлоги *сообразно* и *сообразно с* как показатели отношений соответствия / З. В. Шереметьева, Чуеакаев Тханапхан // Научный диалог. – 2017. – № 11. – С. 193–205. – DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-193-205.

Автор:

Гаврилова Ирина Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: fevral06@rambler.ru

Author:

Gavrilova Irina V. – candidate of pedagogics, associate Professor of the Department of Russian and Chuvash languages Chuvash state pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russia; e-mail: fevral06@rambler.ru

**УЧЁТ ОСОБЕННОСТЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ,
РЕАЛИЗУЮЩИХ ТЕКСТОВЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ГНЕЗДА, В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО**

Аннотация. Одним из способов структурной организации семантических полей являются словообразовательные гнезда. Материнское словообразовательное гнездо реализуется в микротексте как текстовое словообразовательное гнездо и проявляется в виде дескрипторов цельности и связности на уровне корневого повтора. Носитель языка подсознательно маркирует в дискурсе тема-рематическое движение текста, используя определённым образом организованные лексические единицы, но иностранца надо обучить функциональной грамматике русского языка, в том числе и функциональной словообразовательной грамматике, продукционным моделям корневого повтора, оформляющим грамматические конструкции научного стиля, и другим аспектам развёртывания тематических семантических полей в русском научном тексте.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, научный стиль, порождение речи, функциональная словообразовательная грамматика, словообразовательное гнездо, текстовое словообразовательное гнездо, корневой повтор.

О. А. Gordienko

TAKING INTO ACCOUNT THE PECULIARITIES OF THE ORGANIZATION OF SCIENTIFIC TEXTS THAT IMPLEMENT TEXT WORD-FORMING NESTS IN THE TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. One of the ways of structural organization of semantic fields is word-forming nests. The mother word-formation nest is implemented in the microtext as a text word-formation nest and manifests itself as descriptors of integrity and connectivity at the root repeat level. Russian Russian speakers subconsciously mark the topic-rematic movement of the text in the discourse, using certain lexical units organized in a certain way, but a foreigner should be taught functional grammar of the Russian language, including functional word-formation grammar, production models of root repetition, which formalize grammatical constructions of the scientific style, and other aspects of the deployment of thematic semantic fields in the Russian scientific text

Keywords: Russian as a foreign language, scientific style, speech generation, functional word-forming grammar, word-forming nest, text word-forming nest, root repetition.

Иностранные студенты начальных курсов технического вуза испытывают большие трудности в понимании и репродукции научных текстов. В родном языке, как и в русском, цельность и связность текста организуют так называемые текстовые словообразовательные гнёзда, поэтому, закладывая основы знания морфемике и принципов организации словообразовательных гнёзд, участия их в формировании грамматических конструкций русского языка, преподаватель русского как иностранного обеспечивает понимание принципов структурирования текста.

Проблемами взаимодействия при порождении текста различных языковых уровней (синтаксиса, лексики и словообразования) занимались Е. Л. Гинзбург [Гинзбург 1979], Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1982], Б.Ю. Норман [Норман 1983], Н. Ю. Шведова [Шведова 1982], а также Л.Ю. Буянова [Буянова 1996, 2005], О. А. Гордиенко [Гордиенко 1990] и многие представители Ленинградской школы функциональной грамматики.

Было установлено, что, в связи со свойством лексики нести набор грамматических средств, проявляемый на уровне части речи, структуры слова, места слова в предложении, создатель текста модулирует наборы лексических средств, привлекая семантические поля (для научного стиля это терминологические тематические группы лексики, структурно связанные по принципу корневой общности). Такие семантические поля хранятся в памяти носителя родного языка и ещё не организованы у изучающего иностранный язык. Принцип представления обучающемуся этих полей может быть разным. В том числе его можно представить в виде словообразовательных гнёзд, которые демонстрируют, при помощи каких аффиксов и в какой последовательности корневая морфема реализует признаки различных частей речи, как при этом используется языком формообразование. Например:

работать
работ-а
работа-ющ-ий
рабоч-ий
об-работать
| об-работ-к-а
от-работать
| от-работа-нн-ый
раз-работать
разработ-ыва-ть
разрабатывать-ся

Структурные основы словообразовательного гнезда реализуются в тексте в виде моделей корневого повтора, которые проявляет материнское

словообразовательное гнездо, но уже в виде текстового словообразовательного гнезда. Последнее обслуживает опорные синтаксические конструкции научного стиля (типа: «что есть что», «что называется чем» и пр.): «Тысяча калорий называется килокалорией» [Савельев 1982].

Как можно видеть, словообразовательное гнездо с исходным словом «калория» реализует в микротексте только одну свою словообразовательную цепочку (калори(я) – кило-калория). Данная грамматическая конструкция и соответственно модель корневого повтора N – N (существительное – существительное) используются в научном стиле для введения терминов. При этом модель корневого повтора реализуется на уровне цельности и связности текста. Под корневым повтором мы понимаем повтор однокоренных слов в микротексте, которые актуализируют текстовую категорию ретроспективности, обеспечивают сцепление текста, смысловую ассоциацию на основе корневой семы, отсылающую к предшествующему члену корневого повтора и ко всему словообразовательному гнезду. Демонстрируя иерархию смысловых предикатов, корневой повтор является средством создания цельности и связности текста. Повторяющиеся элементы текста образуют своеобразную семантическую сетку, накладывающуюся на структуру текста и взаимодействующую с ней, в результате чего происходит выдвижение ключевых для данного текста слов, которые находятся между собой в дополнительных ассоциативных отношениях по корневой семе и маркируют движение темы текста.

Обычно микротекст реализует через текстовые словообразовательные гнёзда несколько разных словообразовательных гнёзд, представителей разных семантических полей, например: «При *увеличении* скорости тела сила сопротивления *увеличилась* и стала равна действующей силе. Тонкий стержень, подвешенный на нити, прикреплённый к её концу, при быстром *вращении* будет *вращаться* вокруг перпендикулярной к нему оси, проходящей через центр» [Савельев 1982].

Данный пример позволяет увидеть, что грамматическая конструкция «при чём происходит что» используется в приведённом микротексте дважды, и корневой повтор при этом реализует единую модель: N – V (существительное – глагол: при увеличении увеличивается, при вращении вращается). Выявленный корневой повтор отражает функционирование в тексте следующих текстовых словообразовательных гнёзд:

В этом проявляется тематико-семантическая функция корневого повтора (функция дескрипторов, предполагающих единство выбора при его многообразии), которая сочетается с формально-синтаксической (соединительной) функцией корневого повтора. Из этого вытекает, что изучение корневого повтора как одного из способов реализации текстовых связей позволяет продемонстрировать принципы действия тематических текстообразующих связей, обучить их нахождению в тексте, соотношению с соответствующими словообразовательными гнездами, использованию при продуцировании текста.

Результатом исследования явилось выделение семи моделей корневого повтора, сравнение принципов их реализации в текстах индоевропейских языков, построение 735 словообразовательных гнезд, активных в подъязыке физики [Гордиенко 1990].

Чтобы выделить словообразовательные гнезда подъязыка физики, были путём сплошной выборки проанализированы учебники по физике для студентов 1–2 курсов инженерного вуза. Отдельные гнезда насчитывают до 60 лексических единиц (например, с исходными словами: «равный», «делить», «вести», «менять» и пр.).

Так как гнезда предназначены для иностранных граждан, то к отдельным их элементам даётся семантический комментарий, например: плыть (*Двигаться по воде*)

пла-ва-ть

плава-ни-е

по-плавать

поплав-ок (*Элемент удочки для ловли рыбы, плавающий на поверхности воды*)

вс-плыть

всплы-ва-ть

Предложена следующая методика использования сведений из области морфемики и словообразования русского языка при работе с текстами научного стиля: 1) изучение морфемики и теоретических основ русского словообразования; 2) собирание по разрозненным элементам словообразовательных гнезд на электронных тренажёрах [Активные формы 2019]; 3) нахождение при чтении текста корневого повтора; 4) восстановление текстового словообразовательного гнезда, проявлением которого данный повтор является, и нахождение в электронном активном словообразовательном словаре соответствующего словообразовательного гнезда и пр.

За счет знакомства с основными словообразовательными гнездами определённого подъязыка науки происходит целенаправленное формирование у иностранцев функциональной гнездовой словообразовательной грамматики носителя русского языка, обеспечивающее становление механизма опережающего отражения, необходимого для деятельности по пониманию и порождению текста.

Таким образом, одним из направлений обучения русскому языку как иностранному является выявление и описание интуитивных действий и деятельности носителя русского языка в области порождения текста, а также описание методики становления у изучающих русский язык как иностранный осознанного выполнения действий по порождению речи.

Литература

1. Буянова Л. Ю. Терминологическая деривация в современном русском языке (метаязыковой аспект). Краснодар: Краснодарск. книжн. изд-во, 1996. – 252 с.
2. Буянова Л. Ю. Терминологический словарь корневых гнезд языка науки. – Краснодар: КубГУ, 2005. – 457 с.
3. Волоцкая З. М. О разных аспектах изучения словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. статей. – Ташкент: Укитувичи, 1982. – С. 96–98.
4. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, 1979. – 264 с.
5. Гордиенко О. А., Рыхальский Ю. С., Алексьян А. Э., Цава В. С., Бенгарнут И. Активные формы обучения иностранных студентов подъязыку специальности с использованием электронного образовательного ресурса // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2019. – С. 140–146.
6. Гордиенко О. А. Обучение корневым повторам на основе словообразовательных гнезд как средству понимания и порождения специального текста (на материале подъязыка физики): автореф. дис. ... канд. пед. наук, Л., 1990 – 15 с.
7. Кубрякова Е. С. Коммуникативная лингвистика и новые задачи словообразования // Сб. научн. трудов Московск. гос. пед. ин-та иностр. языков им. М. Тореза. – М., 1982. – Вып. 186. – С. 118 – 127.
8. Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. Простое предложение: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Минск, 1983. – 28 с.
9. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1982.
10. Савельев И. В. Курс общей физики: Уч. пособие. Изд. 16-е, стереотипное. – М.: Наука, 1982. – Т.1: Механика. Молекулярная физика. – 432 с.

Автор:

Гордиенко Ольга Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Кубанского государственного технологического университета, профессор РАЕ; г. Краснодар, Россия; e-mail: gordienko-olga@yandex.ru

Author:

Gordienko Olga A. – Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of Kuban State Technological University (KubGTU), professor Russian Academy of Natural History (RAE); Krasnodar, Russia; e-mail: gordienko-olga@yandex.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается словообразовательная игра как средство привлечения внимания читателя. Анализируются такие игровые приемы, как контаминация, тмезис, междусловное наложение, графическая гибридизация.

Ключевые слова: словообразовательная игра, контаминация, тмезис, междусловное наложение, графическая гибридизация.

V. E. Zamaldinov, I. M. Dotsenko

WORD-FORMING GAME AS A MEANS OF ATTRACTING THE READER'S ATTENTION

Abstract. The article considers the word-forming game as a means of attracting the reader's attention. Game techniques such as contamination, tmesis, inter-word overlay, graphic hybridization are analyzed.

Keywords: word-forming game, contamination, tmesis, inter-word overlap, graphic hybridization.

Начало XXI века характеризуется активным развитием как традиционных (печать, телевидение, радио и т. п.), так и «новых СМИ» (интернет-СМИ, блоги, форумы, социальные сети и т.д.). Современные журналисты не просто информируют читателей, а воздействуют на мнение адресатов, навязывают им собственную точку зрения.

Для усиления воздействующей функции медийного текста адресанты довольно часто прибегают к различным экспрессивным способам выражения собственных мыслей. Распространенным средством привлечения внимания читателей является языковая игра (ЯИ), т. е. «такое использование риторических приемов <...>, которое направлено на создание остроумных, преимущественно комических, высказываний, обладающих качествами меткости, оригинальности и неожиданности, а факультативно – качествами эксцентричности, эпатажности и причудливости в разных наборах и комбинациях» [Сковородников 2010: 62]. Языковая игра – это сознательное отступление от узуальной нормы. ЯИ создает комический эффект, активизирует мыслительную деятельность адресата, приносит эстетическое удовольствие аудитории.

В создании ЯИ могут участвовать единицы разных языковых уровней. Однако в данной статье нас будет интересовать такая разновидность ЯИ, как словообразовательная игра (СИ), т. е. игра, реализующаяся в

деривационных процессах. «ЯИ проявляется на всех уровнях языковой системы. Особый интерес представляет ее разновидность – словообразовательная игра» [Замальдинов 2016: 210].

Одним из средств СИ являются новообразования неузуального характера. Окказионализмы отражают различные жизненные реалии, привлекают адресата нестандартностью формы.

Среди неузуальных способов словообразования активность проявляет контаминация. При ней происходит «проникновение компонентов одной единицы языка в другую (иногда взаимное проникновение) с непременным вытеснением какого-либо компонента данной единицы» [Янко-Триницкая 2001: 473–474]: *«Обаманомика» угробила американскую мечту* (заголовок) («Свободная пресса». 28.12.16) ← (Барак) Обама + (эко)номика; *Трампономика действительно такая крутая* (заголовок)? («Медуза». 14.02.20) ← (Дональд) Трамп + (эко)номика; *Уходящая абэномика* (заголовок). *Официальной причиной ухода Синдзо Абэ с поста премьер-министра Японии стало состояние здоровья* («Наша версия». 22.09.20) ← (Синдзо) Абэ + (эко)номика. Как видно из примеров, для создания производных от имен собственных журналисты активно используют элемент *-номика*. Подобные номинации связаны с экономической деятельностью какого-либо общественного лидера. На наш взгляд, словообразовательная активность имени/фамилии политика может ослабевать по мере того, как государственный служащий будет терять авторитет на международной арене.

В качестве эффективного приема словообразовательной игры журналисты используют новообразования, созданные с помощью тмезиса. Тмезис представляет собой неузуальный способ деривации, при котором одна из узуальных лексем вставляется в середину другой: *Вопросы философии* (заголовок). <...> *Отечественный софт для заказчика будет обходиться в несколько раз дешевле, чем зарубежный* («Коммерсантъ». 08.06.20) ← философия + софт; *Обмайданутые* (заголовок). *Близится очередная годовщина украинской «революции гидности» (достоинства)* («Наша версия». 03.11.20) ← обманутые + майдан; *Краеугольный вопрос Европы* (заголовок). *Спустя две недели после старта в Евросоюзе кампании по вакцинации от коронавируса ситуация там по-прежнему остается близкой к критической* («Коммерсантъ». 12.01.21) ← краеугольный + укол. Новообразования, созданные с помощью тмезиса, используются журналистами в ироническом ключе. Подобные номинации вовлекают адресата в интеллектуальную игру, избавляют его от обыденности, становятся средством выражения оценки.

Востребованным способом создания новых номинаций в медийном тексте является междусловное наложение. Под данным неузуальным способом мы понимаем наложение на конец основы одной лексемы омонимичное начало другого слова: *Амания величия* (заголовок). *В Иране разыгран Пурим-штиль, в котором Аман становится премьер-министром Израиля* («Бесэдер?» 10.03.20) ← Аман + мания; *С торгцентров сняли ярмаркировку*

(заголовок). *Несмотря на вынужденный отказ большинства торгцентров от рождественских ярмарок и праздничных мероприятий, аналитики зафиксировали предпраздничное увеличение активности покупателей* («Коммерсантъ». 15.12.20) ← *ярмарк(а) + маркировка; Неопровержимые **рассказательства*** (заголовок). *Что узнали журналисты от Владимира Путина на большой пресс-конференции?* («Коммерсантъ». 18.12.20) ← *рассказ + (до)казательства; Переоценка **ценностей*** (заголовок). *Выживание оперы и балета оказалось под вопросом* («Коммерсантъ». 30.12.20) ← *сцен(а) + ценности*. Как видно из примеров, при данном способе словообразования может наблюдаться усечение одного из слов. Словообразовательные инновации, созданные с помощью междусловного наложения, позволяют журналистам образно выразить мысль и заинтересовать читателя.

Ярким приемом СИ является графическая гибридизация. В лингвистической литературе встречаются такие номинации данного словообразовательного способа, как графическая игра, графический каламбур, графическое словообразование, графодеривация и т. п. Единицы, созданные с помощью графической игры, исследователи называют визуальными неологизмами, новообразованиями-гибридами, словами-кентаврами и т. д. Под графической гибридизацией мы понимаем результат создания инноваций, в которых используется графическое выделение сегмента. Как справедливо отмечает В. Н. Базылев, «графодеривация сегодня, ранее именуемая в отечественной лингвистике метаграфемикой, представляет собой сложное вторичное текстовое образование» [Базылев 2016: 29].

Разновидностью графической игры является капитализация – употребление в слове заглавных букв: **ПриСТРАСТИлись** к легким целям (заголовок). *Банк Непрофильных Активов (БНА) «Траст» был перерожден в водовороте санаций и взаимных поглощений в 2018 году* («Наша версия». 26.11.20); **АНОтомия** коррупции (заголовок). *Если бы Остапу Бендеру предложили на выбор трудоустроиться где-нибудь в Нижегородской области, он бы наверняка выбрал автономную некоммерческую организацию (АНО) «Центр 800»* («Зеркало». 23.12.20). Как видно из примеров, выделенный сегмент может находиться как в середине, так и в начале новообразования.

В медийном дискурсе журналисты используют такой вид графического словообразования, как дефисация, т.е. «разбиение слова дефисами на части или слоги» [Нефляшева 2017: 335]: **СПА-сение** от ковида (заголовок). *Термальные источники Кубани помогают восстановиться после коронавируса* («Наша версия». 08.12.20). В статье адресант поднимает вопрос о том, как защититься от новой коронавирусной инфекции. «Распространение респираторной инфекции, отсутствие эффективных средств лечения и гибель зараженных вызывают деструктивное воздействие на социально-экономическую жизнь общества» [Замальдинов 2020: 56]. Поэтому заголовок вызывает ассоциацию с лексемой *спасение*. Однако журналист поделил слово

таким образом, чтобы выделить отрезок *СПА*. Адресант обращает внимание читателей на то, что поспособствовать восстановлению организма после перенесенной коронавирусной инфекции может купание в целебных источниках.

Интерес для читателя представляют новообразования, созданные путем голофразиса, т. е. слияния словосочетания/предложения в одну языковую единицу. По мнению Е. Ю. Викторовой, «мода на такое написание началась, видимо, еще в рамках “олбанского” языка» [Викторова 2018: 298]: ***Отченаш*** (заголовок)! *РПЦ призвала элитных верующих не предлагать Всевышнему откат за прекращение эпидемии* («Бесэдер?» 25.03.20). При прочтении заголовка в сознании адресата возникает текст молитвы «Отче наш». Журналист иронически обыгрывает словосочетание, связанное с религиозной сферой. На наш взгляд, использование новообразования *Отченаш* в данном контекстуальном окружении может вызвать осуждение со стороны общества, привести к коммуникативным рискам.

В медийном дискурсе распространены голофрастические новообразования, которые строятся по модели «личное местоимение + частица *ж/же* + существительное»: ***Тыжпсихолог!*** *От создателей тыждевочка, тыжмужик, тыжпрограммист, тыж, тыж, тыж...* *Один из способов манипуляции человеком, если хочешь от него что-либо получить* («Galactikka.com». 24.11.15); ***«Тыжучитель»***, ***«тыжпсихолог»***, ***«тыжмать»*** – стереотипизация социальных ожиданий, от которых мы все страдаем, потому что они, простите меня, лживы («Вести образования». 17.01.19). Отметим, что подобные названия лиц обладают яркой экспрессией.

Таким образом, новообразования, созданные путем графической гибридации, останавливают взгляд читателя, свидетельствуют об усилении креативной составляющей в медийном дискурсе. Как справедливо отмечает Т. В. Попова, «русский максимально богат графикастами, что обусловлено как внутри-, так и социолингвистическими факторами» [Попова 2018: 234].

Подводя итог, отметим, что с помощью словообразовательной игры журналисты привлекают внимание читателя к тексту статьи. В медийном дискурсе СИ представлена такими приемами, как контаминация, тмезис, междусловное наложение, графическая гибридация. Инновации, созданные неузualmente способами словообразования, распространены, как правило, в заголовках. Это связано с тем, что подобные номинации обладают повышенной экспрессией, отражают отношение журналиста к описываемым в тексте статьи явлениям и событиям.

Литература

1. *Базылев В. Н.* Графодеривация как воздействующий потенциал и как объект исследования в юрислингвистической экспертизе // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 29. – С. 26–36.

2. *Викторова Е. Ю.* Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // *Жанры речи.* – 2018. – № 4 (20). – С. 294–303.

3. *Замальдинов В.Е.* Новообразования как отражение современной эпидемической обстановки в мире // *Русский язык в школе.* – 2020. – Т. 81. – № 5. – С. 55–60.

4. *Замальдинов В. Е.* Новообразования-гибриды как проявление языковой игры в текстах СМИ // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.* – 2016. – № 1. – С. 210–214.

5. *Нефляшева И. А.* Оказиональное слово как явление постмодернистской эстетики // *Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч. ред. В. И. Супрун, С. В. Ильясова.* – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. – С. 324–346.

6. *Попова Т. В.* Новое в изучении графодеривации // *Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под общей ред. Т. А. Гридиной.* – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – С. 229–269.

7. *Сковородников А. П.* Об определении понятия «языковая игра» // *Игра как прием текстопорождения: коллективная монография / под ред. А.П. Сковородникова.* – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. – С. 50–62.

8. *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразование в современном русском языке. – М.: Индрик, 2001. – 503 с.

Авторы:

Замальдинов Владислав Евгеньевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

Доценко Илья Максимович – курсант Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Россия; e-mail: ilya_dotsenko@internet.ru

Authors:

Zamaldinov Vladislav E. – Candidate of Philological Sciences, teacher of the Department of Foreign Language and Speech Culture of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: zvlad-nn@yandex.ru;

Dotsenko Ilya M. – student of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia; e-mail: ilya_dotsenko@internet.ru.

КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые особенности развития категории одушевлённости в современном русском языке. Приведённые примеры позволяют утверждать, что стадия становления данной категории в русской грамматике продолжается до сих пор. Авторы уделяют особое внимание тем случаям, когда неодушевлённые существительные проявляют признаки одушевлённых, а одушевлённые существительные демонстрируют в контексте грамматические свойства неодушевлённых.

Ключевые слова: одушевлённость, неодушевлённость, современный русский язык, колебания, развивающаяся категория.

L. G. Kuklina, E. G. Tonkova

THE CATEGORY OF ANIMATION IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: FEATURES OF DEVELOPMENT

Abstract. This article is devoted to the features of the development of the category of animation in the modern Russian language. The found examples allow to assert that the stage of formation of this category in Russian grammar continues to this day. The authors pay special attention to those cases when inanimate nouns show signs of animate ones, and animate nouns demonstrate grammatical peculiarities of inanimate ones in the context.

Keywords: animation, inanimate, modern Russian language, variation, developing category.

«Одушевлённость-неодушевлённость – грамматическая категория имён существительных, прилагательных, отчасти числительных и местоимений. У имён существительных категория одушевлённости -неодушевлённости – это категория, относящая называемый предмет к разряду одушевлённых (т. е. живых существ – людей, животных) или к разряду неодушевлённых (предметов, свойств, действий и т. п.)» [Лопатин 2003: 282]. Отметим, что часто одушевлённые и неодушевлённые субстантивы обозначают не столько живые и неживые предметы, сколько предметы, осмысливаемые как живые и неживые.

Категория одушевлённости-неодушевлённости имеет морфологическое выражение в единственном числе только у существительных мужского рода с нулевой флексией, а во множественном числе – у существительных всех родов и типов склонения (кроме несклоняемых). При этом одушевлённость выражается совпадением форм

винительного и родительного падежей, а неодушевлённость – совпадением форм винительного и именительного падежей [Лопатин 2003: 282].

По словам В. В. Виноградова, в русском литературном языке категория одушевлённости в её нынешнем виде сложилась не раньше XVI–XVII вв. [Виноградов 1986: 83]. В современном русском языке категория одушевлённости всё ещё остаётся развивающейся.

Ещё РГ–80 указывала на такую особенность, как, например, появление у неодушевлённых существительных, использованных в адрес конкретных лиц или живых существ, морфологических признаков одушевлённости: *Ви-дел я этого старого **пня**, этого **тюфяка***. Как правило, такие неодушевлённые существительные представляют собой отрицательно характеризующие наименования и в предложении употребляются в сочетании с притяжательным или указательным местоимением: ***Нашего мешка** обманули* [Русская грамматика 1980: 462].

Этот языковой феномен за прошедшие десятилетия не продемонстрировал заметной тенденции к изменению, о чём свидетельствует наличие большого количества подобных единиц в разговорной речи, которая в свою очередь заимствует их из общего жаргона: *Позови этого **кренделя** с нами* (*крендель* – ‘молодой человек, парень, юноша’); *Ты давно того **перца** знаешь?* (*перец* – ‘молодой человек (обычно в ироничном ключе)’); *«**Кекса** в Питере ухлопали? Ухлопали!»* [Т. Устинова] (*кекс* – ‘парень’) и др.

До сих пор в выражении категории одушевлённости существуют колебания и противоречия, зависящие от понимания её границ и состава. Так, В. В. Виноградов отмечал, что слова *микроб*, *бактерия* (ср. формы винительного падежа множественного числа *бактерии* и *бактерий*) колеблются между категориями одушевлённости и неодушевлённости. Это утверждение справедливо и для современного состояния русского языка. Ср.: *Раньше люди делали все, чтобы уничтожить **бактерии** в своих домах* [<https://www.bbc.com/russian/media-48439582>] и *Учёные заставили **бактерий** переработать беспрецедентное количество хлорида золота, имитируя процесс, который, по их мнению, происходит в природе* [rnd.cnews.ru / 2012/10/04]; *Получается, что антибиотик – средство «против жизни». А оно убивает **микробов**, уничтожает микроорганизмы и спасает жизнь больного* [В. Одинцов] и *Четырнадцатого июня 2012 года консорциум американских учёных представил итоги пятилетней работы по проекту «Микробиом человека», целью которого было распознать все **микробы** человеческого организма* [Реклама].

Отметим, что такие же колебания между одушевлённостью и неодушевлённостью в настоящее время испытывают слова *вирус* (вирус не обладает всеми признаками живого, поэтому однозначно отнести его к этой категории не представляется возможным): *Так убиваем злокозненных **вирусов*** [Телепередача «Жить здорово»] и *Оказывается, противные **вирусы** можно отпугнуть не только горькими пилюлями* [Комсомольская правда. 2013. №

7-т]; *эмбрион, зародыш* (осмысливающиеся как будущие живые): *Подобные исследования проводятся и в настоящий момент, но, согласно закону, в Нидерландах разрешено использовать только избыточные эмбрионы, оставшиеся после ЭКО* [<https://www.kommersant.ru/doc/3000496>] и *Семейная пара, которая получает такого «отказного» эмбриона, получает полную информацию о состоянии его здоровья* [<https://www.k31.ru/baza-statey/eticheskaya-problema-ostalsya-embriom/>]; *Международная группа генетиков впервые создала полноценные химерные зародыши, в которых свиньи сочетаются с клетками человека и других млекопитающих* [<https://ria.ru/20170127/1486605184.html>] и *Женщина лишь выносила этого зародыша* [Комсомольская правда. 2010. № 42-т].

Также В. В. Виноградов писал: «Названия рыб и амфибий, употреблённые во множественном числе для собирательного обозначения какого-либо кушанья из них, образуют винительный падеж множественного числа одинаково с именительным падежом, т. е. относятся к категории неодушевлённости; например, у Грибоедова: «К Прасковье Фёдоровне в дом во вторник зван я на форели»; «Левин ел и устрицы» (Л. Толстой)» [Виноградов 1986: 83]. В русском языке XXI века эта особенность сохраняется, что подтверждается многочисленными примерами. См.: *Креветки люблю, кальмаров, если хорошо приготовлены, но готовить их самому не нравится* [Про Город. 2013. № 10]. *При этом муж совсем не ест устрицы, которые люблю я* [7 дней. 2019. № 7]; *Я, автор этих строк, выросшая во Владивостоке, в конце 80-х была в командировке в городе средней российской полосы. И в универсаме увидела эти самые кальмары* [Ностальгия. 2020. № 6]; *Если вы покупаете замороженные мидии, то знайте, что это варено-мороженые мидии* [<https://eda.ru/media/vopros/kak-vybirat-moreprodukty>]. Приведённые в качестве примеров слова также могут восприниматься носителями языка как одушевлённые, ср. в указанных контекстах формы винительного падежа *кальмаров* и *кальмары*.

К числу исключений в современных грамматиках несколько десятилетий относят такие существительные, которые, будучи наименованиями неодушевлённых предметов, обладают грамматическими признаками одушевлённости. Среди них – названия игр: *Чтобы играть в солдатиков, и друзья были не нужны* [Комсомольская правда. 2019. № 39-т]; *С ними можно было играть в <...> чапаева, или щелбанчики, – азартная игра, когда игрок своей шашкой щелчком должен был выбить с доски шашку соперника* [Комсомольская правда. 2019. № 39-т]; *карточные обозначения – туз и козырь: При этом туз бил всех, а шестерка – туза* [Комсомольская правда. 2019. № 39-т]; *Из колоды моей утащили туза, да такого туза, без которого – смерть* [В. Высоцкий]; *Если заход по козырям, то и выкладывать нужно козыря* [<https://tesera.ru/user/Leks/thought/80539/>].

Но и здесь в современном русском языке не наблюдается стабильного проявления признаков одушевлённости: семантическая трансформация

позволяет субстантивам типа *солдатик, кукла, робот* (мыслимым как живые существа) в некоторых случаях демонстрировать грамматические признаки неодушевлённости: *Удобно класть мягкие игрушки и куклы, книжки и настольные игры на открытые полки, а кубики, солдатики и прочие мелкие вещи в коробки или корзины* [Счастливые родители. 2010. № 141]; *Российский медицинский робот можно перевозить к месту операции, и он точнее американца* [Российская газета. 2018. № 45].

Итак, в современном русском языке категория одушевлённости продолжает развиваться, о чём свидетельствуют многочисленные примеры непоследовательного проявления морфологических признаков одушевленности у разных существительных. Многие слова могут иметь как формы винительного падежа, равные именительному падежу, то есть относить называемые предметы к разряду неодушевлённых, так и формы винительного падежа, равные родительному падежу, то есть относить называемые предметы к разряду одушевлённых. Поэтому при выполнении практических заданий в процессе изучения морфологии необходимо сформировать у обучающихся навык определения одушевлённости / неодушевлённости существительного на основе контекстуального значения слова. Кроме того, обучающиеся должны овладеть навыком объяснения существующих колебаний в выражении категории одушевлённости. В качестве примера можно предложить следующее задание:

Проанализируйте выделенное существительное. Определите с учётом контекстуального значения: 1) одушевлённость / неодушевлённость; 2) тип склонения; 3) форму. Объясните выявленные случаи непоследовательного проявления грамматических признаков категории одушевлённости.

Образец выполнения

– Это я еще вчера пробовал, а заказал я... – заглянул в карту и ткнул в *стерлядки* в рейнском вине. – Я *стерлядки* заказал! [И. Шмелев].

Стерлядки – в данном контексте это неодушевлённое существительное (название рыбы, употреблённое во множественном числе для обозначения блюда, приготовленного из неё; образует форму винительного падежа множественного числа, одинаковую с именительным падежом, т. е. относится к категории неодушевлённости), 2-е субстантивное скл.; употреблено в ф. Вин. п. мн. ч., омонимичной Им. п.

Приведённые примеры убеждают в том, что полного соответствия между одушевлённостью и живым в природе и неодушевлённостью и неживым нет. Активные процессы семантической трансформации, происходящие в языке, с одной стороны, создают возможности для неодушевлённых существительных превращаться в названия живых существ и становиться одушевлёнными. С другой стороны, одушевлённые существительные, став в результате переосмысления неодушевлёнными, способны долгое время сохранять присущие им грамматические признаки одушевлённости, что находит отражение в живой речи.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 640 с.
2. *Лопатин В. В.* Одушевлённость – неодушевлённость // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”, 2003. – 282 с.
3. *Русская грамматика.* Т.1. – М.: Наука, 1980. – 784 с.

Авторы:

Куклина Лариса Геннадьевна – магистрант Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия;

Тонкова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и журналистики Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия; eltonkova@yandex.ru

Authors:

Kuklina Larisa G. – master’s student of Mari state University, Yoshkar-Ola, Russia;

Tonkova Elena G. – candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian language, literature and journalism of Mari state University, Yoshkar-Ola, Russia; eltonkova@yandex.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В АГИТАЦИОННЫХ ПЛАКАТАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Аннотация. В статье предложен новый подход к изучению текстов агитационных плакатов как к креолизированным текстам; анализируется широкий спектр как грамматических, так и описательных средств выражения побуждения, представленный в плакатах советского времени.

Ключевые слова: агитационный плакат, креолизированный текст, средства выражения побуждения.

O. A. Petrova, A. Yu. Nikitina

WAYS OF EXPRESSING MOTIVATION IN SOVIET POSTERS

Abstract. The article proposes a new approach to studying the texts of propaganda posters as to creolized texts; analyzes a wide range of both grammatical and descriptive means of expressing motivation, presented in the posters of the Soviet era.

Keywords: propaganda poster, creolized text, means of expressing motivation.

В СССР плакат являлся одним из самых значительных инструментов советской власти для распространения политики и идеологии коммунистической партии. Плакат как особый вид живописи играл важную роль в агитации и пропаганде, в системе массового воздействия. Его цель – влиять на мнение населения, побуждать народ к действию. Плакаты несли массам призывы партии, звали на борьбу за свободу и справедливость, на борьбу против врагов, обучали народ здоровому образу жизни и давали полезные советы для различных случаев (например, *Выполним план великих работ! Позор получающим зарплату в черной кассе! Не бей ребенка – это задерживает его развитие и портит характер. Здоровые родители – здоровое потомство* и др.). Яркие образы, созданные на плакатах талантливыми художниками В. Говорковым, К. Ивановым, В. Корецким, С. Сенькиным, Л. Лисицким и др., нашли отклик в сердцах миллионов обычных людей. Меткие высказывания разбирались на свежие цитаты, а затем становились запоминающимися лозунгами.

Необходимо отметить, что мощное побудительное воздействие советского плаката на адресата реализуется как средствами графики и живописи, так и языковыми средствами. В связи с этим особый интерес для исследования представляют различные лингвистические (языковые) способы

выражения побуждения, представленные в агитационных плакатах советского периода.

В предпринятом нами исследовании агитационные плакаты советского периода рассматриваются как креолизованные тексты, т. е. «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Анисимова 2003: 8].

В современной научной литературе имеются отдельные труды, касающиеся особенностей языка советских плакатов (Л. П. Квашина, Е. А. Поправко и др.), в то же время специальные труды, содержащие описание способов выражения побуждения в данном типе агитационных материалов, отсутствуют. В связи с этим научная новизна исследования не вызывает сомнений.

Побуждение к мнению и действию в агитационных плакатах может быть адресовано конкретной группе лиц, например: *Нефтяники, больше нефти Родине!*; *Женщина, на паровоз!*; *Матери, не подкидывайте детей!* Адресат может быть обозначен грамматическими средствами (*Выполним план великих работ! Табак – яд. Брось курить!*) или вовсе не представлен в высказывании (*Болтун – находка для врага; Болтовня, сплетни – на руку врагу*). Здесь, исходя из контекста высказывания и визуального компонентов, ясно, что адресатом и потенциальным исполнителем действия является любой, кто увидел данный плакат.

Советский агитационный плакат как жанр призван выполнять задачи наглядной политической агитации, он служит средством информации, рекламы и инструктажа. Совместно с радио и газетами советские плакаты являлись средствами агитации и пропаганды, которые воздействовали на сознание и настроение людей с целью побуждения их к определенным взглядам, отношению и действиям. Советские агитационные плакаты зачастую сочетают в себе побуждение к действию с аргументацией в пользу совершения того или иного действия, побуждают к мнению через убеждение в необходимости этого действия.

Анализ агитационных плакатов советского периода как креолизованных текстов показал, что среди них выделяются две группы плакатов. В первой группе вербальные и визуальные компоненты сравнительно автономны и могут существовать отдельно друг от друга. В то же время их сочетание призвано усилить побудительное воздействие на адресата. Например, к этой группе относится плакат *НЕ БОЛТАЙ!* Анализ данного плаката показал, что и визуальный, и вербальный компоненты содержат побудительную информацию, причем оба компонента подкрепляют убедительность друг друга. Автор побуждает адресата (любого, кто увидел данный плакат) быть остороже и не говорить много, аргументируя это тем, что в настоящее время распространён шпионаж, а значит, пустые разговоры и слухи могут стать причиной передачи информации, способной нанести ущерб интересам страны.

Ко второй группе относятся плакаты с большей спаянностью компонентов. Вербальная часть полностью зависит от изобразительного ряда, и само изображение выступает в качестве обязательного элемента текста. К этой группе следует отнести плакат *Это не мое дело!* Исходя из анализа визуального компонента можно сделать вывод о том, что его адресатом являются школьники. Анализ визуального и вербального компонентов в совокупности показал, что в данном креолизованном тексте содержится скрытое побуждение к действию. Автор побуждает детей школьного возраста помогать старшим. В данном случае указательное местоимение *это* указывает на вид действия.

Анализ лингвистических способов побуждения показал, что языковые средства выражения побуждения также представлены многочисленными и разнообразными специальными грамматическими конструкциями, описанными в научной литературе.

Так, в высказываниях, представляющих собой вербальный компонент креолизованных текстов-плакатов, побуждение может быть выражено посредством специальных грамматических форм слов:

- 1) формы 2-го л. ед. и мн. ч.: **Не смей; Готовьтесь** к всесоюзной сельскохозяйственной выставке;
- 2) аналитической формы 3-го л. с частицами *пусть, да*: **Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков! И. Сталин; Да здравствует наша счастливая социалистическая Родина! Да здравствует мир!;**
- 3) формы 1-го л. мн. ч. со значением совместного действия: **Развернем массовое строительство столовых! Доярки, добьемся высоких удоев от каждой фуражной коровы!**

В меньшей степени представлены формы изъявительного наклонения со значением побуждения (*Товарищ, даешь* поддержку новому рабочему журналу «*Даешь*») и неопределенная форма глагола (*Добро пожаловать!*).

Побудительные высказывания, построенные без глагола, а именно с использованием наречий или форм косвенных падежей имени существительного, обозначающих направление движения, объект действия, также широко распространены в вербальном компоненте советских плакатов:

- 1) в предложении выражается призыв или приказание двигаться куда-либо: **Все на смотр! Женщина, на паровоз!;**
- 2) предложение выражает требование доставить или сделать что-либо: **Хлеб – Родине!; Хулигана – к ответу!; Дорогу талантам! Все для фронта! Все для победы!**
- 3) высказывания со словами *долгой* (кого- или что-либо), *позор* (кому- или чему-либо), представляющие собой призывы-лозунги к совершению действия с целью изменить существующее положение дел: **Долой пьяницы! Заявим громко: от пьяниц только хулиганство и поломка!; Наше условие – долой сквернословие!; Позор получающим зарплату в черной кассе;**

4) высказывания со словами *слава* (кому- или чему-либо) и *за* (что- или кого-либо), представляющих собой призывы-лозунги к совершению действия с целью сохранить существующее положение дел: *Слава нашей любимой Родине!; Честь и слава советскому учителю!; За радостное цветущее детство, за счастливую, крепкую семью!*;

5) высказывания, в составе которых имеются отрицательные слова: *Ни капли!; Нет!* (значение побуждения в них одновременно извлекается из визуального и вербального компонентов).

В текстах плакатов присутствуют немногочисленные конструкции со словами со значением долженствования, необходимости и со словом *вон*, которые также используются авторами с целью побуждения адресата к действию, часто не названному в высказывании: *Наши дети не должны болеть поносами; Нам нужен мир!; Вон дармоедов с тепленьких мест!; Вон знахарей! Они не лечат, они лишь обирают и калечат.*

Кроме перечисленных способов выражения побуждения, в плакатах встречаются и такие, в которых побуждение выражено описательно, без помощи специальных форм слов и конструкций, а благодаря «характеру взаимодействия лексической и грамматической единицы» [Абрамова 2019: 22]:

1) когда значение побуждения вкладывается в формы изъявительного наклонения будущего времени: *Буду металлистом!; Еще поработаем!; Каждый колхоз, каждый завод летчика даст в наш воздушный флот!*

2) когда побуждение выражается в форме вопроса: *Ты записался добровольцем?; Ты чем помог фронту?*

Таким образом, анализ агитационных плакатов показал, что побуждение к действию в них может выражаться с разной степенью выраженности. Так, в ходе исследования было отмечено, что в некоторых плакатах автор может вообще никак не оформлять побуждение к действию в высказывании, не называть это действие, а текст при этом может оказывать на адресата побудительное воздействие и с большой вероятностью формировать у него желание совершить то или иное действие. В таких случаях обращается особое внимание на общее содержание, смысл, который можно выявить исходя из понимания визуального и вербального компонентов в совокупности. При этом в качестве основных видов текстов, содержащих побуждение без указания на адресата высказывания и необходимое действие, в агитационных плакатах советского периода используются: во-первых, цитаты авторитетных политиков, поэтов и писателей: *Женщины в колхозах – большая сила. И. Сталин*; во-вторых, высказывания сообщающего типа: *Здоровые родители – здоровое потомство*. Побуждение для адресата в таких текстах передается самим жанром агитационного плаката.

Следовательно, полученные в ходе нашего исследования выводы свидетельствуют о том, что плакат как жанр советской агитации целесообразно анализировать как текст в его широком понимании, а именно как креолизованный текст.

Литература

1. *Абрамова А. Г., Ильин Е. В., Леонтьева Л. Е.* Характер взаимодействия лексической и грамматической семантики в морфологических и синтаксических единицах // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования: сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2019. – С. 22-37.
2. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Издательский центр «Академия, 2003. – 128 с.

Авторы:

Петрова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: zadumka@mail.ru;

Никитина Алена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

Authors:

Petrova Olga A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia; e-mail: zadumka@mail.ru;

Nikitina Alena Yu. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia; e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИМПЕРАТИВНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ЯЗЫКЕ РЕКЛАМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются смысловые особенности видовых форм императива глагола в рекламном тексте с учетом их семантических и прагматических значений. Цель статьи – показать особенности выбора той или иной видовой формы императива в рекламном тексте в зависимости как от характера рекламируемого товара или услуги, так и от цели воздействия и желаемого эффекта.

Ключевые слова: вид глагола, императив, семантика, прагматика, рекламный текст.

Hsieh Pin Hsuan

SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF THE IMPERATIVE IN ADVERTISEMENTS

Abstract. The article is devoted to the meanings of the verbal aspects in the imperative forms in advertisements in terms of their semantic and pragmatic meanings. The purpose is to reveal the features of the verbal aspects in the imperative and peculiarities of their use in advertisements, which depend on the advertised products or type of service as well as the purposes of the impact and the desired effects.

Keywords: verb aspects, imperative, semantic, pragmatic, advertisements.

Вид глагола – это одна из важнейших грамматических категорий глагола в русском языке. Как отмечает А. В. Исаченко, «вся глагольная система славянских языков подчинена категории глагольного вида» [Исаченко 1960: 130]. В каждом конкретном контексте говорящий относит глагольную форму к совершенному или несовершенному виду [Там же: 130].

Основное значение категории глагольного вида определяется целостностью и предельностью действия или их отсутствием [Русская грамматика, т. 1, 1980: 581]. В конкретных контекстах исследователями, как правило, выделяются более частные видовые значения. Вслед за А. В. Бондарко, к частным значениям СВ мы относим конкретно-фактическое, наглядно-примерное, потенциальное и суммарное; к частным значениям НСВ – конкретно-процессное, постоянно-непрерывное, наглядно-примерное, неограниченно-краткое, потенциальное, ограниченно-краткое и обобщенно-фактическое [Бондарко, Буланин 1967: 52–58]. Анализируя эти типы

семантических значений, исследователь отмечает, что конкретно-фактическое значение является основным, главным значением СВ [Там же: 52], а у НСВ отсутствует доминирующее значение [Там же: 58]. Отсюда следует признать, что для глагола СВ чаще всего характерны «результативность», «однократность» и «локализованность»; для глагола НСВ – «процессуальность», «длительность» и «повторяемость».

Повелительное наклонение (далее – императив) – одна из форм глагола, входящая в состав категории наклонения и выражающая модальность. Одной из самых главных функций императива является побуждение. Категория наклонения и, в частности, императив тесно связаны с категорией вида. При этом выбор того или иного вида в императиве определяется (соотносится с) конкретной коммуникативно-прагматической ситуацией. Однако особенность глагола НСВ в императиве заключается в том, что его функции в этой форме могут отличаться от функций в индикативе. По словам Е. В. Падучевой, «только НСВ действительно имеет в императиве особые функции» [Падучева 2010: 66]. Она выделяет три компонента в случае употребления императивной формы НСВ: «внимание на начальной фазе», «немедленно», «обусловленность действия ситуацией» [Там же: 68– 75]. Первый компонент выражает побуждение начать действие; для второго характерно совпадение момента начала действия с моментом речи; третий обозначает действие в контексте, «которое “нависает” над исполнителем как само собой разумеющееся» [Там же: 68–75].

Произнося императивную форму, говорящий может выразить побуждение с разными оттенками. По мнению А. И. Изотова, форма императива в высказываниях может интерпретироваться как приказ, просьба, предложение, совет, призыв и т. д. [Изотов 1998: 184]. Выбор того или иного вида глагола может приводить к изменению экспрессивных оттенков в императиве [Русская грамматика, т. 1, 1980: 621]. Семантика императивной формы зависит не только от вида глагола, но также от его лексического значения (или лексических значений) и контекста (коммуникативно-прагматической ситуации) [Там же: 622].

Одной из социально-коммуникативных сфер, где употребляется форма императива, является реклама, для которой характерно психологическое воздействие на чувства потребителей [Васильев 2012: 31]. Желаемый психологический эффект достигается во многом благодаря именно императивным конструкциям, поскольку, по словам Н. А. Уразаевой, «формы повелительного наклонения обладают очень высоким потенциалом воздействия на адресата» [Уразаева 2013: 484].

Рассмотрим значение императивной формы в русскоязычном рекламном тексте с позиций семантики и прагматики вида глагола. Материалом служат рекламные тексты с формами императива, взятые нами из различных источников, в первую очередь, из Интернета (тексты рекламных видеороликов и различные типы печатной рекламы).

Рассмотрим семантические и прагматические значения видовых императивных форм на примере нескольких рекламных текстов.

1-а. **Зажги!** (реклама автомобиля Mitsubishi)

Глагол *зажечь* имеет как прямое значение «заставить загореться», так и переносное – «возбудить, вызвав подъем чувств, энергии» [Ушаков]. В данном рекламном тексте, на наш взгляд, имплицитно выражена основная доносимая до адресата мысль: *просто включи двигатель и насладись скоростью и позитивными эмоциями от поездки!* (То есть необходимо просто совершить одно конкретное действие – «заведи машину», и тогда «как результат ты получишь удовольствие, наслаждение от поездки на этом автомобиле»). В этом рекламном тексте форма императива СВ *зажги*, обозначающая локализованное во времени, конкретно-фактическое действие, помимо значения начинательности (на что указывает приставка *за-*), акцентирует результат этого действия и его последствие. Если заменить форму СВ формой НСВ, то это может вызвать у адресата негативную ассоциацию: *Вам придется включать мотор машины несколько раз, а это означает, что у машины могут возникнуть технические проблемы (т. е. плохое качество)*. К тому же императивная форма НСВ может быть ошибочно воспринята в сходном жаргонном (сленговом) значении, но применительно к другой коммуникативно-прагматической ситуации, пример которой мы рассмотрим в следующем примере.

1-б. **Зажигай** по полной! (реклама алкогольного напитка Olmesa)

При употреблении императивной формы НСВ *зажигай* в этом рекламном тексте потенциального покупателя побуждают начать действие: *начинай зажигать по полной*, т. е. *начинай приятно проводить время; наслаждайся*. В данном контексте для глагола НСВ в императиве характерно обобщенно-фактическое значение, при этом может подчеркиваться как процессуальность (*проводи время весело*), так и начинательность (*начинай веселиться*) действия.

Следует обратить внимание и на то, что в молодежном сленге глагол НСВ *зажигать* означает «танцевать (импульсивно)» и «веселиться; веселить компанию» [Захарова, Шуваева 2014: 60]. Адресату внушается мысль о том, что благодаря приобретению и употреблению этого товара он сможет хорошо и весело провести время. В этом случае императивная форма НСВ *зажигай* подчеркивает именно процессуальность/длительность действия. Дополнительно жаргонизмом *зажигай* в сознании потенциального потребителя вызывается ассоциация с молодежной вечеринкой: представление о неформальном, веселом, активном времяпрепровождении, т. е. о процессе, который выражается несовершенным видом.

2-а. **Зарядись** энергией кофе (Сеть АЗС)

Рекламируемый кофе продается в магазине автозаправочной станции. Естественно, можно предположить, что в данном рекламном тексте важна результативность действия, что и выражено формой императива СВ.

Заправка – это место, где люди не останавливаются надолго. Время заправки короткое, поэтому здесь важно, чтобы покупатель быстро взял кофе и поехал дальше. В данной ситуации важен не «процесс наслаждения кофе», а именно быстрота и скоротечность, то есть завершенность действия. Таким образом, в данном рекламном тексте акцентируется внимание не на процессуальности/длительности действия, а на локализованности, результативности действия.

Употребление в данной рекламе императивной формы СВ дает также возможность использования «визуально-языковой игры»: использован знак «молния» вместо обычной печатной буквы «и». Отсюда этот знак может вызывать у адресата такую ассоциацию: «энергия машины» и «энергия человека» (заправка и кофе).

2-б. Заряжайся отдыхом! (реклама турагентства Tez tour)

Императивная форма НСВ в тексте может выражать побуждение к началу действия. Однако семантикой глагола НСВ в данном случае подчеркивается развивающийся процесс или длительность действия. В тексте употребляется необычное сочетание слов. С нашей точки зрения, авторы этого рекламного текста сравнивают *отдых с энергией*. При этом транслируется следующий смысл: *Отдыхая, адресат рекламы набирается сил*. И, следовательно, в тексте акцентируется внимание на процессуальности действия. Имплицитно в тексте указывается на интересную программу рекламируемого тура, которая дает потенциальному потребителю возможность хорошо отдыхать во время путешествия – *зарядиться впечатлениями и жизненной энергией*.

3-а. Включи блеск на максимум (реклама косметики L'Oréal Paris)

В данном рекламном тексте *блеск* сравнивается со *светом*. С помощью подобного сравнения подчеркивается, что рекламируемый товар (помада) может придать губам потенциального потребителя максимально яркий цвет. Глагол *включить* относится к переходным глаголам, и использованная в рассматриваемом тексте императивная форма глагола СВ *включи* акцентирует внимание не только на результате этого действия, но и на его объекте. Как нам кажется, в форме императива СВ, которой присуще конкретно-фактическое, заключен прагматический оттенок призыва к

инициированию действия. То есть в сознание потребителя закладывается следующая мысль: «*чем быстрее вы начнете использовать наш товар, тем быстрее получите позитивный результат – блеск*». Если заменить императив глагола СВ на НСВ (*включай*), то в форме императива НСВ (с обобщенно-фактическим или неограниченно-кратным значением) внимание будет концентрировано не на результате (или начинательности) – это будет, скорее, восприниматься как более общее по характеру, более абстрактно воспринимаемое побуждение начать действие (в отличие от формы СВ, которая фактически воспринимается как призыв к немедленному действию).

3-б. **Включай** здоровый режим! (реклама хлеба компании Fazer)

Общезначимый глагол в форме императива *включай* выполняет одну из основных функций императива НСВ – побуждение к началу действия, поэтому в данном рекламном тексте императив НСВ *включай* не следует рассматривать как процессуальность или длительность действия. Помимо этого, императивная форма *включай* как моментального глагола не может делиться на фазы и должна рассматриваться как реализация обобщенно-фактического значения. Поэтому значение данной императивной формы НСВ может рассматриваться в качестве реализации значения начинательности – начала действия (в данном случае выражается мысль: «*начни здоровую жизнь!*»). Возможно также интерпретировать данную форму императива НСВ с прагматической точки зрения как имплицитно скрытую форму более категорической формы распоряжения и даже приказа («*Давай, быстрее начинай здоровую жизнь!*»).

4-а. **Сделай** паузу – **скушай** Twix. (реклама шоколадного батончика Twix)

В данном рекламном тексте обе формы СВ логически тесно взаимосвязаны: то есть потребителя призывают специально приостановить работу, чтобы он съел рекламируемый шоколадный батончик (отдохнул, восстановил силы и получил удовольствие от продукта). В тексте важно актуализировать локализованность и результативность цепного, последовательного действия: *сделай паузу – скушай Twix*. Поэтому в данном случае императивным формам СВ присуще конкретно-фактическое значение; форма императива СВ выражает побуждение в форме рекомендации.

4-б. **Кушай** суши! (реклама кафе «Бонсай»)

Императивная форма НСВ *кушай* употребляется при вежливом или ласковом приглашении к еде [Ушаков]. Поэтому форму императива НСВ *кушай* в данном рекламном тексте не следует рассматривать исключительно как длительность/процессуальность действия, в первую очередь, это побуждение к началу действия. В данном случае форма императива *кушай* выражает приглашение клиента не только приобрести суши, но и попробовать его. При этом в подобной форме приглашения можно заметить и побуждающий к действию оттенок рекомендации. Следует обратить внимание на то, что в данном рекламном тексте может обнаруживаться языковая игра –

данная форма императива «зарифмована» с названием рекламируемого продукта (*Кушай суши!*).

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Императивная форма СВ в рекламном тексте, как правило, акцентирует внимание адресата на результате действия (примеры 1-а, 2-а, 3-а, 4-а). Нам представляется, что побуждение начать действие является основным значением формы императива НСВ в рекламном тексте, при этом эта форма может иметь разные семантико-прагматические оттенки, например, акцентировать внимание на процессуальности/длительности действия и т. п. При интерпретации значений видовой императивной формы необходимо учитывать семантическую характеристику глагола и его контекстуальную сочетаемость, поэтому формы императива не всегда соответствуют общепринятым и зафиксированным в грамматике русского языка основным значениям и в определенных контекстах могут выражать дополнительные оттенки значений, приобретать новые коннотации и выражать более детальные и часто трудноуловимые контекстуально-прагматические интенции (пример 3-б).

Таким образом, выбор того или иного вида глагола в императиве зависит от его лексического значения (или лексических значений), контекста, а также коммуникативно-прагматических ситуаций и психологических установок рекламного текста. При оценке прагматических особенностей употребления вида глагола в императиве весьма важную роль также играют не только лингвистические, но и экстралингвистические параметры и факторы.

Литература

1. *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. – Ленинград: Просвещение, 1967. – 192 с.
2. *Васильев Г. А.* Основы рекламы: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям 080100 «Экономика», 080300 «Коммерция», 080500 «Менеджмент» – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 719 С.
3. *Захарова Л. А., Шуваева А. В.* Словарь молодежного сленга (на материале лексикона студентов Томского государственного университета): учебно-методич. пособие. – Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2014. – 126 с.
4. *Изотов А. И.* К относительности функционально-семантических категорий побуждения в современных чешском и русском языках // Сопоставление исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой. – М.: МГУ, 1998. – 326 с.
5. *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Часть Вторая. – Братислава: Изд. Словацкой Академии наук, 1960. – 570 с.
6. *Падучева Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. – М.:

Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.

7. *Русская грамматика*. Том I. М.: Издательство «Наука», 1980. – 789 с.

8. *Уразаева Н. А.* Глаголы в форме повелительного наклонения в текстах современной Интернет-рекламы как средство усиления перлокутивного эффекта // Молодой ученый. – 2013. – Т. 3. – № 5 (52). – С. 484–487.

9. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ushakovdictionary.ru> (Дата обращения: 12.03.2021).

Автор:

Се Пинь Сюань – магистрант факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань; e-mail: 108554002@g.nccu.edu.tw.

Научный руководитель: *Савченко Александр Викторович* – кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань; e-mail: savchenko75@mail.ru.

Author:

Hsieh Pin Hsuan – master student of Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University, Taipei, Taiwan; e-mail: 108554002@g.nccu.edu.tw.

Scientific advisor: *Savchenko Alexandr V.*, candidate of Philological Sciences, Assistant-professor of Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University, Taipei, Taiwan; e-mail: savchenko75@mail.ru.

НАРЕЧИЯ КАК ПОКАЗАТЕЛИ СТЕПЕНИ ПРИЗНАКА ИЛИ ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье представлен краткий обзор группы наречий, которые по своему происхождению являются качественными и которые развили в своей семантической структуре значение показателя степени признака или действия. Нередко во многих контекстуальных употреблениях они утрачивают свое качественное значение, выступая в качестве интенсификатора и приобретая яркий экспрессивный оттенок.

Ключевые слова: наречие, качественное прилагательное, лексикология, интенсификация, экспрессивность.

М. S. Khmelevskiy

ADVERBS AS INDICATORS OF DEGREE OF SIGN OR ACTION

Abstract. The article provides a brief overview of a group of qualitative adverbs which have developed in their semantic structure the value of the indicator of the degree of sign or action. Often in many contextual uses they lose their qualitative meaning. Acting as an intensifier with a bright expressive shade.

Keywords: adverb, qualitative adjectives, lexicology, intensification, expressiveness.

Наречия, образованные от качественных прилагательных, приобретают не только новые синтаксические функции в языке, но зачастую и новое лексическое значение, что, несомненно, обусловлено переходом однокоренной лексемы из изменяемой части речи в неизменяемую.

Рассмотрим данный вопрос на примере группы наречий-интенсификаторов признака или действия, которые, по своему происхождению будучи качественными, развивают сему показателя степени, утрачивая или частично стирая свое исконное качественное значение в определенных контекстах. К данной группе мы относим наречия-усилители, синонимичные стилистически нейтральному слову *очень*: напр., *сильно интересоваться, крепко любить, страшно любить, чертовски богатый, ужасно красивый, жутко нравиться, дьявольски привлекательный, дико дешевый* и многие другие, выступающие в речи в качестве эмоционально-экспрессивного интенсификатора уже без соотнесения с исконным значением прилагательного, от которого они были образованы.

Всего в количественном отношении нам удалось выявить до 90 различных по частотным, стилистическим и валентным характеристикам единиц в русском и других славянских языках [Хмелевский 2018: 209].

Данный процесс перехода качества к оценочной градации отмечался многими отечественными лингвистами, начиная с А. М. Пешковского [Пешковский 1938: 218]. Он обусловлен стремлением говорящего выразить свою субъективно-эмоциональную оценку степени проявления признака или протекания действия [Вандриес 2004: 194]. Как универсальное явление в славянских языках, утрачивая связь с мотивирующим прилагательным, а с течением времени и свою экспрессивно-эмоциональную окраску, рассматриваемые наречия закономерно и лексически обоснованно объединяются в один синонимический ряд интенсификаторов, служащих исключительно для выражения высокой степени признака либо действия [Хмелевский 2018: 217].

Данная группа слов может рассматриваться одновременно как внутри категории количественности, так и внутри категории субъективной оценки. Без этого лексико-грамматического разряда слов коммуникация вполне возможна, но, с другой стороны, трудно представима, поскольку человеку и его ментальному сознанию свойственно в процессе познания окружающего мира давать оценку всему, что он видит, чувствует, переживает, характеризует, в частности – восхищаться, поражаться, бояться, ужасаться, удивляться, соизмерять, проводить ассоциации с уже известным и т. д. Данная природная закономерность отразилась в языке, в частности в формировании и становлении рассматриваемого класса наречий-интенсификаторов.

Большинство лингвистов, занимающихся вопросами семантики этих наречий, полагают, что этот разряд слов можно разделить на две группы:

1) наречия, основной функцией которых является указание на высокую степень протекания действия или проявления качественного признака, выступающими в качестве чистого интенсификатора, напр.: *очень, весьма, гораздо* и т. п. В основном они сформировались сравнительно давно и, утратив свою мотивировку, перешли из разряда качественных наречий в разряд интенсификаторов, что подтверждает возможность их сочетания с логически несочетаемыми понятиями: *страшно красива, ужасно радоваться, жутко добрый, сильно ослаб, здорово ударить* и т. п.

2) качественные наречия, так называемые вторичные интенсификаторы, у которых способность усиливать признак или действие заложена в них потенциально, но проявляется только в определенных контекстах, поскольку качественная мотивировка не стерта. В большинстве своем они характеризуются сильной эмоциональной окраской с экспрессивным внутренним содержанием и относятся к разговорной речи, напр.: ср. *безумно себя вести – безумно интересный, сильно ударить – сильно влюбиться, жутко чувствовать себя – жутко страдать* (степень) – *жутко радоваться* (интенсификатор), *дико относиться к кому-л. – дико кричать* (степень) – *дико*

умный (интенсификатор), *здорово питаться* – *здорово обмануть* (интенсификатор), *ужасно выглядит* – *ужасно устать* (степень) – *ужасно добрый человек* (интенсификатор) и др.

Иллюстративным примером к вышесказанному может стать такое наречие, как *страшно*, и развитие его семантической структуры. Этот процесс трансформации качественного значения в сторону значения интенсификатора с закреплением последнего у мотивирующего прилагательного известен всем славянским (и не только славянским) языкам и проходил по следующим этапам: 1) исконное значение мотивирующего качественного прилагательного – «вызывающий чувство страха, ужаса»: *страшный сон, страшные картины войны*, 2) появление и развитие значения количественности, интенсивности, соединение качественного значения с семантическим признаком «значительный по степени своего проявления, мощный, сильный»: *страшный порыв ветра, страшный гнев*, 3) закрепление переносного значения у прилагательного и полное вытеснение исконного в зависимости от контекста: *Любочка – страшная болтуня* (А. Н. Островский. Тот же процесс мы видим и у производного наречия, только более выраженный, как мы отмечали выше, вследствие перехода изменяемой части речи в группу неизменяемых: 1) сохранение качественного значения: *И страшно взор его сверкает* (А. С. Пушкин), 2) соединение исконной семы и функции интенсификатора: *страшно болит голова, страшно ненавидеть*, 3) вытеснение исконного значения значением экспрессивно окрашенным интенсификатором, синонимичным нейтральному слову *очень*: *страшно любить, хотеть, радоваться, интересный; Там на севере девушка тоже, На тебя она страшно похожа, Может, думает обо мне...* (С. Есенин).

Русское наречие *страшно*, развив лексическую сему интенсификатора, значительно потеснившую первичное качественное значение, уже с конца XVIII в. начинает довольно широко употребляться как наречие меры, синонимичное словам *очень* и *весьма*, отличаясь от последних наличием большей эмоциональной окраски и соотносимостью с разговорной речью. Особо этот процесс лексической актуализации значения интенсификатора и усиления частотности его употребления фиксируется в 60-ых гг. XIX в., хотя еще в начале XX в. стилисты выделяли это слово в данном употреблении кавычками [Колесов 1998: 137]. В этом смысле показательны слова М. Горького: «Воспитанный на красивом языке бабушки и деда, я вначале не понимал такие соединения несоединимых слов, как ужасно смешно, до смерти хочу есть, страшно весело; мне казалось, что смешное не может быть ужасным, веселое – не страшно...» (М. Горький «В людях»).

По той же модели трансформации значения в сторону интенсификатора проходило семантическое развитие и многих других качественных наречий, как, например, в лексеме *ужасно* с его полной нейтрализацией в отдельных контекстуальных употреблениях. Исконное значение однокоренного существительного *ужас* – это «панический страх, сильный испуг», что

отразилось и в семантической структуре производного прилагательного. В результате такого лексического сдвига в сторону лексического усилителя, как в примере с лексемой *страшно*, у наречия *ужасно* также происходит затемнение исконного значения, и наречие попадает в один ряд с показателями высокой степени, меры или проявления действия с экспрессивно-стилистическим оттенком. Так, для иллюстрации приведем показательную цитату А. Эфрон из ее мемуаров о М. Цветаевой: «Вера спрашивает: “Ты меня любишь?” – “Ужасно люблю”, – отвечаю я. – “Ужасно люблю не говорят”, – поправляет Вера... Входит мама. Бросаюсь к ней: “Мариночка, Вера сказала, что ужасно любить нельзя, что *ужасно люблю* не говорят, что можно только – *очень люблю*”. Мама берет меня за руки. “Можно, Алечка, *ужасно любить* – лучше и больше, чем просто любить или любить очень” (А. Эфрон).

В других славянских языках мы также можем найти параллели подобного семантического сдвига. Так, к примеру, словенское наречие *hudo* общеславянского происхождения, образованное от качественного прилагательного *hud* – «слабый, жалкий, тощий, бедный», в современном литературном языке объединяет в себе целый ряд значений, возникших по вышеприведенной закономерной языковой модели: 1) *hudi časi, huda boleost*, 2) *hude misli, hudi duh* – «плохой», 3) *hud pes* – «страшная, злая собака», 4) *hudo žganje* – «очень крепкий алкогольный напиток», 4) *hud pijanec, huda nesreča* – «сильный пьяница, большое несчастье», а также с полной нейтрализацией этимологического содержания 5) *hud Slovenec* – «настоящий, истинный словенец». Подобное развитие лексической структуры у качественного прилагательного явилось толчком для развития значения интенсификатора у производного наречия, которое зачастую полностью теряет семантическую связь с мотивирующим словом и становится в один ряд с нейтральным *zelo* – «очень»: *hudo lepa gospa* – «очень красивая девушка», *hudo potreben* – «очень нужен», *knjiga je hudo dobra* – «книга очень хорошая» [Хмелевский 2002: 21].

Наши наблюдения за данным явлением показывают, что с течением времени, нейтрализуя свое качественное значение, наречия-интенсификаторы вместе с тем снижают или вовсе утрачивают свое экспрессивное наполнение [Хмелевский 2018: 210], и язык, в первую очередь разговорный, нуждается в постоянной потребности пополнения средств для выражения оценки. Этот процесс имеет свое продолжение, и вот уже в разговорном языке, просторечии или жаргоне мы встречаем все новые и новые образования, как, например, *суперски, обалденно, очумительно, офигенно* и многие им подобные. Данный разряд наречий-интенсификаторов постоянно пополняется, что диахронически проиллюстрировано в нашей статье и что обусловлено их отнесенностью к пласту экспрессивно-эмоциональной и оценочной лексики.

Литература

1. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Едиториал УРСС. – 2004. – 383 с.
2. *Колесов В. В.* Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб: ЮНА, 1998. – 245 с.
3. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: МГУ, 2019. – 434 с.
4. *Хмелевский М. С.* Наречия степени и меры в словенском языке // Материалы XXXI всероссийской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. – Вып. 8. Лексикология и лексикография (русско-славянский цикл). – СПб: СПбГУ, 2002. – С. 17–25.
5. *Хмелевский М. С.* От качества к оценке (модели формирования класса наречий-интенсификаторов в славянских языках) // Сибирский филологический журнал. – 2018. – Вып. 3. – С. 208–218.

Автор:

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Author:

Khmelevskiy Mikhail S. – Candidate of Philological Sciences, Docent of Chair of Slavic languages, Philological department of St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУФФИКСОВ АГЕНТИВОВ В РУССКОМ И СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются суффиксы агентивов в русском и словацком языках. Приводятся результаты сравнительного анализа суффиксов, которые представлены в обоих языках, определяется деривационный потенциал формантов, их функционирование в русско-словацкой параллели.

Ключевые слова: деривационный потенциал, агентивы, словацкий язык, суффиксальная деривация.

О. А. Khrastinova

DERIVATION POTENTIAL OF AGENTIVE SUFFIXES IN THE RUSSIAN AND SLOVAK LANGUAGES

Abstract. The article deals with agentive suffixes in Russian and Slovak languages. It presents the results of a comparative analysis of suffixes presented in both languages and determines the formants' derivational potential, their functioning in the Russian-Slovak parallel.

Keywords: derrivational potential, agentives, Slovak language, suffixal derivation.

Русский и словацкий языки относятся к одной языковой группе славянских языков. Одним из частых явлений в функционировании родственных языков является возникновение межъязыковой омонимии, которая может проявляться на разных структурных уровнях языка – лексическом, грамматическом, морфологическом и т. д. Развитие омонимичных отношений наблюдается и в словообразовании – многие аффиксы частично или полностью совпадают по значению, звуковой и графической оформленности. Особый интерес в словообразовательной омонимии вызывают суффиксы агентивов, так как здесь наблюдается определенная асимметрия в соединении корневых и суффиксальных морфем в русском и словацком языках. Корневые морфемы в обоих языках могут быть одинаковыми, однако выбор суффикса в каждом языке может отличаться. Одна и та же или омонимичная морфема может иметь разный деривационный потенциал в русском и словацком языках. В связи с этим возникает потребность определить деривационные возможности отдельных суффиксов в выбранных языках.

Также необходимо отметить, что суффиксы играют особую роль в

образовании агентивов – суффиксы являются наиболее продуктивными аффиксами для данного класса слов [Земская 1963; Земская 2009], другие способы деривации, например сложение основ, сложение с суффиксацией, значительно уступают. Об этом пишет З. С. Ахматьянова: «с точки зрения формальной структуры имени деятеля образованы преимущественно от основ существительных (гитарист, вокалист, футболист, неводчик) и глаголов (грабитель, писатель, читатель). Основным способом их образования является суффиксальный способ. Используется также, хотя и менее активно, основосложение, в котором могут участвовать и имена прилагательные (судовщик < судовой [рабочий]» [Ахматьянова 2014: 26]. Таким образом, изучение наиболее активных формантов в образовании агентивов в русско-словацкой параллели дает представление о деривационных процессах в данной области.

Для определения деривационных возможностей суффиксов агентивов был проведен анализ русских формантов, представленных в Грамматике 80 [Русская грамматика URL] в разделе «Существительные со значением «носитель процессуального признака» на базе Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Было определено количество вхождений слов с определенным формантом, ограниченных семантической категорией *Nomina agentis*. Таким образом, было получено представление о наиболее и наименее часто используемых морфемах. Далее были изучены аналогичные морфемы в словацком языке. Здесь следует отметить, что не все русские морфемы были представлены в словацком языке, а также некоторые суффиксы частично отличаются в звуковом или графическом плане. Словацкие морфемы были также проанализированы на количество вхождений с помощью Петроградского словаря современного словацкого языка (*Retrográdny slovník súčasnej slovenčiny*) [Retrográdny URL], который составлен на основе Корпуса словацкого языка. Полученные данные о формантах русского и словацкого языков были подвержены компаративистскому анализу, результаты которого дают представление о деривационных возможностях определенных морфем в русском и словацком языках. Говоря о деривационном потенциале выбранных элементов, следует иметь в виду, что речь идет об относительно высоком или низком потенциале, который определен в рамках исследования, т. е. в сравнительном ключе.

Результаты проведенного анализа представлены в таблице:

Суффикс русского языка	Количество вхождений	Суффикс словацкого языка	Количество вхождений
<i>-тель</i>	684 885	<i>-tel</i>	124 396
<i>-ник</i>	336 524	<i>-nik</i>	95 151
<i>-ец</i>	85 982	<i>-ec</i>	166 652

-ак	2 362	-ak	23 122
-ач	2 325	-ač	9 421
-уч	1 216	-uč	2 053
-ок	21 512	-ok	9 375
-арь	12 158	-ár	93 120
-аль	1 801	-ál	14 193
-атор	82 420	-tor	83 825
-ор	259 607	-or	128 902
-ер	38 645	-er/ér	190 891 /36 794
-ант	11 826	-nt	74 229
-ат	1 746	-át	14 935
-к(а)	17 104	-k(a)	59284
-г(а)	28 450	-ga	8 535
-ух	5 801	-uch	9 178
-тырь	3 109	-yr	71

Следует отметить, что не ко всем суффиксам русского языка было возможно найти параллели. К таким формантам относятся *-щик, -льщик, -льник, -лец, -лк(а), -л(а), -ак(а), -х(а), -атай, -е(я), -ниц(а), -ат(ый), -с(а), -ц(а), -яр(яр)*.

В результате компаративистского анализа было выяснено, что наиболее распространённым суффиксом агентивов русском языке является *-тель*. В то время как в словацком языке наиболее активным является формант *-er/ér*. Другими продуктивными суффиксами являются *-ник, -ор, -ец, -атор, -ер*. Однако в словацком языке наблюдается иное положение данных формантов. Суффиксы *-tel* и *-ník* также являются продуктивными, однако значительно уступают другим аффиксам. Суффикс *-ор/-or* занимает примерно одинаковое положение в русском и словацком, также является продуктивным. Далее, формант *-ец/-ec* продуктивен в обоих языках, однако его продуктивность значительно выше в словацком языке. Также суффикс *-атор/-tor* имеет большую распространённость в русском. Картина примерно одинаковая в обоих языках, когда речь идет о суффиксах с наибольшим деривационным потенциалом: из первой пятерки аффиксов четыре форманта совпадают в русском и словацком языках (*-тель/-tel, -ник/-ník, -ор/-or, -ец/-ec*).

Однако с последующими аффиксами ситуация существенно отличается: практически нет формантов, которые бы совпадали по количеству употреблений. Исключение составляет суффикс *-к(а)/-ka*, который занимает одинаковое положение в обоих выбранных языках.

Рассмотрим каждый суффикс подробнее.

Продуктивность форманта *-ga/-ga* значительно отличается. Если в русском языке он обладает средней продуктивностью, то в словацком языке его потенциал намного ниже. Подобное положение наблюдается и у форманта *-ок/-ok*. Далее, суффиксы *-арь/-ár* и *-ант/-nt* показывают большую воспроизводимость в словацком языке, в русском они имеют слабый деривационный потенциал. Форманты *-ух/-uch* и *-тырь/-yr* также более активны в русском языке, в словацком их потенциал ниже. Также аффикс *-уч/-uč* занимает примерно одинаковое положение в русском и словацком языках, в обоих языках потенциал низкий.

Особый интерес представляют суффиксы *-ак/-ak*, *-ач/-áč*, *-аль/-ál*. Русские эквиваленты являются одними из самых маловоспроизводимых, т. е. имеют очень слабый потенциал, меньшую воспроизводимость из выбранных аффиксов показывает только *-уч*. В словацком же языке данные суффиксы, хоть и обладают низким потенциалом, однако их потенциал значительно выше, чем в русском языке. При этом слова с данными суффиксами в русском языке часто являются стилистически окрашенными, например, *ткач – разг., трепач – прост., стукач – прост., портач – прост., враль – разг., каталь – устар.* [Ожегов URL]. В то время как слова словацкого языка, имеющие аналогичные аффиксы, не окрашены стилистически, в словарных статьях отсутствуют пометки об их стилистической окраске. Например, слова *vojak, žiak, zabijak, rozprávač, pátrač, predavač, uchádzač, rival, šibal* [Krátky slovník URL] относятся к корпусу современной общеупотребительной лексики.

Таким образом, функционирование суффиксов агентивов в русском и словацком языках представляет большой интерес для общего понимания деривационных процессов суффиксов существительных. Существуют определенное количество формантов, которые представлены и в русском, и словацком языках, с возможным различием в графической и звуковой оформленности. Продуктивность наиболее активных суффиксов совпадает в обоих языках. К пяти формантам с наибольшим деривационным потенциалом относятся: *-тель, -ник, -ор, -ец, -атор* в русском языке и *-er, -es, -or, -tel', -nik* в словацком языке. Далее, суффиксы со средним и низким потенциалом распределяются в языках по-разному: одни суффиксы более активны в русском языке, другие – в словацком, разница потенциалов в анализируемых языках отдельных суффиксов может быть достаточно значительной. Также существует разница в стилистической окрашенности отдельных аффиксов: если в русском языке определенные суффиксы являются составной частью, главным образом, простонародных или устаревших лексических единиц, то в словацком языке данная стилистическая окрашенность слов с аналогичными суффиксами отсутствует.

Литература

1. Ахматьянова З. С. О словообразовательной мотивированности имен деятеля в русском языке // *Science time*. – 2014. – №5. – С. 24–28.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. – 4-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
3. Земская Е. А. Как делаются слова. – М.: АН СССР, 1963.
4. *Русская грамматика*. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. // Академия наук СССР, Институт русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 10.03.2021).
7. *Retrográdny slovník súčasnej slovenčiny – slovné tvary na báze Slovenského národného korpusu* // Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied URL: <https://www.juls.savba.sk/latroporter.html> (дата обращения: 10.03.2021).
8. *Krátky slovník slovenského jazyka* // Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra Slovenskej akadémie vied URL: https://www.juls.savba.sk/kssj_4.html (дата обращения: 10.03.2021).

Автор:

Храстинова Ольга Аркадьевна – докторант Прешовского университета, Словакия (Prešovská univerzita v Prešove, Slovensko); e-mail: olga.khrastinova@smail.unipo.sk

Author:

Khrastinova Olga A. – doctoral student at Preshov University, Slovakia (Prešovská univerzita v Prešove, Slovensko); e-mail: olga.khrastinova@smail.unipo.sk

ВАРИАНТНЫЕ НОРМЫ В МОРФОЛОГИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: О ЧУЛКАХ И НОСКАХ

Аннотация. В статье обсуждается проблема вариантности форм слов мужского рода в родительном падеже множественного числа двух существительных *чулок* и *носок* в диахроническом и синхроническом аспектах. Изменения в нормативных рекомендациях отвечают выявленным тенденциям в русском языке, но противоречат узусу.

Ключевые слова: вариантность, нормативность, родительный падеж, *pluralia tantum*.

L.G. Chapaeva

VARIANT NORMS IN MORPHOLOGY AND THEIR INTERPRETATION: ABOUT STOCKINGS AND SOCKS

Abstract. The article discusses the problem of variant forms of masculine words in the genitive plural of two nouns stockings and socks in the diachronic and synchronic aspects. Changes in regulatory recommendations meet the identified trends in the Russian language, but contradict the *usus*.

Keywords: variation, normativity, genitive, *pluralia tantum*.

При оценке вариантных форм с позиций литературной нормы необходимо учитывать, что изменения в языке обусловлены действием определенных тенденций, среди которых преодоление избыточности или стремление к экономии средств для современных кодификаторов является основной. А предпосылками и причинами возникновения вариантности может служить, например, смешение и аналогическое взаимодействие старых унаследованных от прошлого типов склонения, спряжения и других грамматических форм. В частности, это касается колебаний в падежных формах имен существительных. Но самым важным является действие грамматической аналогии, которое в конце концов приводит к убыванию вариантности.

Предметом обсуждения в данной статье послужили вариантные формы род. падежа мн. ч. имен существительных с нулевой и ненулевой флексией с парным значением.

Формы род. п. мн. ч. могут иметь в современном русском языке окончания *-ов (-ев)*, *-ей* и нулевое. Эти флексии были отобраны языковой системой в результате унификации в формах множественного числа и образования единого именного склонения. Флексии происходят из разных парадигм, они принадлежали словам разного рода. И несмотря на то, что в современном

русском языке их распределение уже мало связано с родом, сопоставлять формы существительных, например, женского рода (типа *свечей* – *свеч*) и мужского (типа *носков* – *носок*) с исторической точки зрения не совсем корректно: для жен. рода ненулевая флексия – исключение (кстати, тут устаревшей может признаваться и исторически новая форма, напр., *тысячей*), а для слов муж. рода таким исключением чаще оказывается именно нулевая, хотя именно нулевая флексия и для слов муж. рода исторически исходная.

Как известно, ненулевые флексии распределяются у существительных мужского рода в зависимости от качества конечного согласного основы: *-ей* имеют слова на мягкий согласный (кроме *ј*) и отвердевший шипящий; *-ов* (*-ев*) – слова на твердый и *ј*. Нарушение этой закономерности (то есть варьирование флексий *-ей* // *-ов*) в литературном языке невозможно, только в грубом просторечии, а также в диалектах могут встретиться формы типа *рублёв*. Вариантность возможна только с нулевой флексией, например: *-ов* // \emptyset , *-ей* // \emptyset . Вариантность подобного рода в современной лингвистике имеет различные оценки и толкования, а также различное объяснение причин и перспектив вариантности.

С исторической точки зрения утрата исконных нулевых окончаний у слов муж. рода связана с тенденцией к преодолению грамматической омонимии флексий [см. подробнее: Хабургаев 1990: 163–168]. Эта тенденция развивалась длительное время, обходя стороной некоторые слова, преимущественно употреблявшиеся либо в двойственном, либо во множественном числе (*глаз*, напр.). При этом в диалектах тенденция к вытеснению нулевой флексии имеет более широкий характер: *-ов* и *-ей* конкурируют между собой, распространяясь на слова всех родов, т. е. и там, где омонимии не было.

В современном русском языке выявлено некое общее соотношение формы имен. падежа ед. ч. и род. падежа мн. ч.: нулевому окончанию имен. падежа соответствует ненулевое окончание в род. падеже и наоборот, например: *стена* – *стен*, *стол* – *столов*, *конь* – *коней*, *болото* – *болот*, *дверь* – *дверей*. [см., напр.: Еськова 2014: 481]. Это соотношение вполне соответствует исторической тенденции, хотя в данном случае приходится говорить и о достаточном количестве исключений.

Если говорить о нулевой флексии в род. падеже мн. ч., то, как известно, современные исследователи выделяют несколько лексико-семантических разрядов слов с нормативной нулевой флексией, допуская и здесь вариантность [см.: Граудина и др. 2001] обычно при назывании количества. «Они обозначают или измеряемые (и измеряющие) предметы, или парные предметы, или массовые предметы и обобщенные понятия, для обозначения которых используется только форма мн. ч.» [Граудина и др. 2001: 177]. Например: названия единиц измерения (*грамм*); названия плодов, измеряемых массами (*баклажан*, *апельсин*, и т. п.), при этом в «Стилистическом словаре вариантов» *баклажан* и *гранат* оказываются нормативными; а в

«Словаре трудностей русского языка» Н. А. Еськовой *баклажан* – *допуст.* [Еськова 2014: 32] но при этом только *гранатов* [там же: 90]! Такое же расхождение с формой *помидор*: стилистический словарь дает ее как разговорный вариант [Граудина и др. 2001: 183], а Н. А. Еськова не рекомендует [Еськова 2014: 304]; названия некоторых парных предметов (*ботинок*), и здесь в стилистическом словаре форма *носок* дается как *разг.* [Еськова 2014], в «Словаре трудностей» эта форма имеет помету *допуст.* [Граудина и др. 2001: 235]. Эта последняя группа и вызывает наибольший интерес.

Н. С. Валгина, отмечая в данных группах конкуренцию окончаний *-ов/-о*, делает вывод о том, что победа нулевой флексии – это результат действия закона речевой экономии: «Конкуренция форм очевидна, как очевидно и то, что до сих пор рекомендации по поводу употребления тех или других форм не сложились в единую непротиворечивую систему. Поэтому можно говорить об определенных тенденциях в разных группах имен» [Валгина 2001: 175]. Например, «в названиях парных предметов нулевая флексия прослеживается более последовательно: *кальсоны* – *кальсон*; *сапоги* – *сапог*, *чулки* – *чулок*; *шаровары* – *шаровар* (формы *сапогов*, *чулков*, *шароваров* ощущаются как устаревшие, хотя форма *носок* (вместо ожидаемой *носок*) признается литературной нормой. Сравнительно недавние заимствования ориентируются на новую нулевую флексию (*бот*, *кед*, *гольф*), хотя многие из подобных слов имеют до сих пор варианты формы (*рейтуз* – *рейтузов*), другие – только окончание *-ов* (*эполетов*), третьи – только нулевую флексию (*погон*, *колготок*)» [там же: 176]. Можно к этому добавить также формы заимствованных слов, но с окончанием *-ов*: *джинсов*, *легинсов*, *гусаров* (тоже *допуст.*) и нек. др.

Выделенные разнородные группы имен имеют общее: они употребляются почти исключительно во мн. ч. В АГ–80 их называют «потенциальные *pluralia tantum*» [Русская грамматика 1982, Т.1: 474]. Отмечается, что такое оформление слов, склонных к переходу в *pluralia tantum*, возрастает: отсюда и *носок* ~ *носок*, например. Переходное состояние, вероятно, и обуславливает неустойчивую вариантность, так как та или иная форма род. падежа мн. ч. оказывается мотивированной исходной: форма ед. ч. или форма мн. ч., т. е. сохраняется ли оппозиция единичность – множественность для таких слов, или нет. В данном случае источники столь же противоречивы, как и в случае с определением нормативности – ненормативности флексии род. падежа.

Изменение норм обычно связано с реакцией на частотность узуса, который в большей степени отражает систему языка, чем нормативные установки. Кроме того, в комментариях тех или иных форм подчас возникает противоречие диахронического и синхронного подходов, в частности, между тенденцией исторической (а когда ее действие заканчивается?) и тенденцией, сформулированной для современного состояния языка.

В связи с этим стоит обратиться к паре *носок – чулок*, хотя бы в обозримом прошлом и настоящем, и попытаться проследить распределение и употребление форм род. падежа мн. ч. типа *чулок – чулков* и *носок – носков*, понять, когда произошла нормализация той или иной формы.

В русском языке лексема *чулок* известна со второй пол. XV в. [Срезневский 1912: стб. 1551]. И если *чулок* – тюркизм (правда, первоначальное значение ‘мягкая исподняя обувь’ (сафьяновые, суконные чулки) [Черных 1993: 396], то *носок* – собственно русское, поэтому в этимологических словарях не указано время появления в текстах. Казалось бы, оно должно фиксироваться еще раньше. В Материалах И. И. Срезневского есть пример из Дух. Дм. Ив. 1509 года, но значение слова *носъкъ* иное: «уменьш. от слова *нось*; то, что выпячивается, торчит вперед; *носок* (у сосуда, сапога): *Чоботы в носкъхъ и каблукъхъ сажены жемчугомъ*» [Срезневский 1902: стб. 469]. В НКРЯ слово *носок* с близким к современному значением отмечено в текстах XVIII века: *сукна разныхъ цвѣтовъ, каразею, чулки, носки, шерстяной галунъ...* [Яковъ Брюсъ. Инструкция состоящимъ на заставахъ (1771)].

В грамматике М. В. Ломоносова формы этих конкретных существительных не приведены, но при описании склонений слов мужского рода закономерной устанавливается лишь флексия *-ов* для слов на твердую основу. В исключениях (типа *аршин, человек* и нек. др.) ни *чулка*, ни *носки* нет.

В первом издании САР новое значение не отмечено: «1) у сосудовъ: рыльце. Носокъ у чайника. 2) Часть чулка, прикрывающая ступню ноги. Носки у чулковъ. 3) У сапоговъ и башмаковъ: самый конецъ, персты прикрывающей» [САР, ч. IV: стб. 554]. Обратим внимание на форму род. мн. слова *чулок*! В статье о *чулке* также: «До дѣланія чулковъ принадлежащій» [там же: стб. 833]. Наиболее ранний пример употребления формы с нулевым окончанием в НКРЯ датируется 1810 годом в «Воспоминаниях А.Е. Лабзинной»: *кроме нитныхъ чулокъ и башмаковъ...* [НКРЯ].

Наконец, в «Практической грамматике» Н. И. Греча форма род. падежа мн. ч. *чулок* дается как нормативная, наряду с *солдат, сапог, драгун пуд* и нек. др. [Греч 1827: 67]. О *носке* не сказано ни слова. Затем в «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаева эта норма подтверждается при характеристике нечастотной нулевой флексии для слов муж. р.: «По общепринятым грамматикам, в нынешнем книжном языке, имена эти суть следующие: *алтынъ, аршинъ, глазъ, гренадеръ, драгунъ, кадетъ, пудъ, разъ, рекрутъ, сапогъ, солдатъ, турокъ, человекъ* (с словами, означающими количество; напр., «*пять паръ чулокъ*»)» [Буслаев 1959: 219]. Заметим, что некоторые слова из этого списка либо ушли в архаизмы, либо приобрели флексию *-ов* как нормативную: *пудов, рекрутов, драгунов* (при обозначении отдельных лиц).

Вариантность форм род. п. *чулок – чулков* и *носок – носков* отмечается на протяжении всего XIX века, вплоть до современности (безусловно,

отражению вариантности в современном письменном языке мешает относительное соблюдение норм).

В этой вариантности любопытно другое: ненормативная теперь форма *чулков* гораздо чаще отмечается даже в литературных текстах (начиная с XVIII века вплоть до начала XXI века), чем ненормативная до недавнего времени форма *носок*. В НКРЯ последний пример с формой *чулков* датирован 2012 г.:

Сначала они вырезают снежинки, клеят фонарики, <> борода из ваты, косы из чулков и прочее, и прочее [Екатерина Завершнева. *Высотка* (2012)]. Форму *носок* в этом же падеже НКРЯ фиксирует, начиная с 60-х гг. XIX в. и до современности, но это всего лишь 6 вхождений и еще 4 в современном газетном подкорпусе, например: *Наволочки оказались грязными; вытащена была из-под кровати пара носок <>* [Г. И. Успенский. Наблюдения Михаила Ивановича /Из цикла «Разорение» (1869)]; *Весь год он ходил в тонком бодике с длинным рукавом, свитер тонкий, брюки трикотажные и 2 пары носок* [*Наши дети: Малыши до года* (форум) (2004)]. И в целом статистика употребления форм *чулков* и *носок* не в пользу последней: первая гораздо частотнее (более пятидесяти употреблений против десяти).

Таким образом, с исторической точки зрения и долговременного узуса, частотности употребления слов *чулок* и *носок*, логичнее было бы рекомендовать формы *чулков* и *носков*, если учитывать, что для этих имен существительных исходной остается форма ед. ч. Но, по мнению кодификаторов, формы *чулок* и *носок* соответствуют современной тенденции: движению «в сторону Pl.t.». Если и признавать такую тенденцию, то только для литературного языка, в диалектной речи, вероятно, эта тенденция слабее, так как нулевая флексия не популярна: «флексия -ов/-ев по говорам стремится стать единственным и универсальным показателем значения Р. мн. ч.» [Хабургаев 1990: 167].

Кодификаторы фиксируют варианты в словарях и оценивают их в конкретный исторический период как равноправные, допустимые или ненормативные. Н. С. Валгина отмечает, что «исчезновение вариантов происходит путем вытеснения их вариантом более сильным, целесообразным», и, обратив внимание: «*по разным причинам признанным* в качестве литературного [выделено мной. – Л.Ч.]» [Валгина 2001: 44–45]. Таким образом, именно авторы словарей и грамматик каждый раз решают, какая форма может быть признана нормативной, допустимой и проч. Отсюда отмеченные ранее противоречия в рекомендациях разных авторитетных изданий. Кроме того, хотя бы в комментариях необходимо учитывать исторический аспект, тогда формы типа *носок* не должны репрезентироваться как новые, с исторической точки зрения они как раз старые, исконные, как и форма *чулок*.

Таким образом, в оценке вариантов *чулков~чулок*, *носков~носок* возникают противоречия между нормативными рекомендациями и практическим узусом: как кажется, нет оснований, по крайней мере, признавать «новую»

форму *носок* как допустимую в разговорной речи, т. е. так или иначе разрешенную к употреблению в литературном языке.

Литература

1. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 624 с.
2. *Валгина Н. С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
3. *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2001. – 561 с.
4. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика. – СПб.: Типография Н. И. Греча, 1827. – 579 с.
5. *Еськова Н. А.* Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 534 с.
6. *НКРЯ* – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.
7. *Русская грамматика:* в 2-х тт. – М.: Наука, 1982. – Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. (АГ-80). – 783 с.
8. *САР – Словарь Академии Российской:* в 6 частях. – СПб.: Императорская Академия наук, 1789-1794.
9. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х тт. – СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской АН, 1893. – Т.1; 1902. – Т. 2; 1912. – Т. 3.
10. *Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 296 с.
11. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: в 2-х тт. – М.: Русский язык, 1993. – Т.2. – 560 с.

Автор:

Чапаева Любовь Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; e-mail: lg4@mail.ru

Author:

Chapaeva Lyubov G. – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chair of General linguistics, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow Pedagogical State University», Moscow, Russia; e-mail: lg4@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕСПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В РУССКИХ РОМАНСАХ

Аннотация. Бесприставочные глаголы движения в русском языке значительно отличаются от китайских, их можно разделить на глаголы направленного и ненаправленного движения, по числу движения, направлению и времени. Анализ использования бесприставочных глаголов движения в русских романсах позволил определить специфику функционирования данных глаголов в речевой практике русских, что является важным в аспекте их изучения.

Ключевые слова: русский язык, бесприставочные глаголы движения, русские романсы.

Zheng Zhongyi

THE SPECIFICS OF THE FUNCTIONING OF NON-PREFIX VERBS OF MOVEMENT IN RUSSIAN ROMANCES

Abstract. The movement verbs without prefixes in Russian are quite different from those in Chinese. Generally, they can be divided into directional and non-directional movement verbs, which have different movements in Gleason's gym in terms of number, direction and tense. Its application in language belongs to different sentence patterns, representing different meanings, and pointing to different meanings when escaping. Explaining different usages through different examples is the best way to guide the use of movement verbs without prefixes.

Keywords: Russian, movement verbs without prefixes, Russian romance.

Как известно, глаголы движения широко используются в преподавании русского языка, и часто в процессе их изучения возникают трудности, поэтому важно определить их специфику, дать анализ функционирования глаголов движения в речи. В китайском языке нет проблем с ориентированием глаголов движения, но в русском языке много разных аспектов использования данных глаголов, из-за этой разницы при коммуникации часто происходят ошибки. Поэтому, изучая глаголы движения, следует обращать внимание на эти вопросы, избегая неправильного употребления глагола направленного и ненаправленного движения. В данной статье выявляется специфика функционирования глаголов движения в русском языке, в качестве иллюстративного материала приводятся контексты из старинных русских романсов.

Глаголы движения во всех языках обозначают важнейшее понятие – движение – наиболее поразительный феномен мира [Кузнецова 1980: 408].

Соответственно, русские филологи И. М. Распопов, Л. М. Васильев и китайский филолог Лу Шусян выдвинули аналогичные гипотезы: «Глагол движения является наиболее характерным во всех типах глаголов, его исследования помогают выявить сущность языка и тайну человеческого познания».

Движение в пространстве, как правило, осуществляется субъектом по определенному направлению (пути) относительно некоего ориентира. При описании ситуации движения одним из релевантных компонентов является направление движения в пространстве, которое получает различное отражение в русских глаголах движения. Под направлением движения, как правило, понимается «характер пространственного отношения между движущейся субстанцией и другой субстанцией, относительно которой отмечается данное движение» [Гак 1974: 62].

В русском языке есть два типа бесприставочных глаголов несовершенного вида, которые имеют разные корни, но характеризуют движение под различными углами, называя глаголы направленного и ненаправленного действия. Это глаголы несовершенного вида с определенным количеством форм и образуют пары по характеру передвижения:

идти-ходить	плыть-плавать	вести-водить
ехать-ездить	ползти-ползать	гнать-гонять
бежать-бегать	лезть-лазить	нести-носить
лететь-летать	везти-возить	тащить-таскать

Согласно А. В. Величко, глаголы движения в русском языке делятся на основе направленности на две группы: группа *идти* и группа *ходить*. Глаголы группы *идти* обозначают только однонаправленное поступательное движение от точки А к точке Б и потому называются глаголами однонаправленного движения. Глаголы группы *ходить* нейтральны по отношению к признаку однонаправленности, они не выражают его прямо, эксплицитно, но и не противоречат ему. Эти глаголы получили название глаголов неоднонаправленного движения [Величко 2009: 511].

Глаголы направленного движения обозначают движение, которое происходит в один момент или в определенном направлении. Глаголы ненаправленного движения обозначают движение, которое происходит много раз или в различных направлениях. Сравните примеры из песен:

В своих сердцах привета не *носили* («Корабли») [РДП].

Каких мне жертв не *нёс* ты, упоённый («Напоминание») [РДП].

Если движение указано в одном направлении, а не туда-обратно, и если повторяется многократно, то оно должно быть направленным:

За водой поутру *шла* («Зимний вечер») [РДП].

Ненаправленные глаголы движения обозначают неоднонаправленное и разнонаправленное движение:

В странах волшебных с ней не *ходят* («Разочарование») [РДП].

И ненаправленный глагол движения “бродить – бродит” отличается от других глаголов движения. Он не указывает на любое направление, только обозначает движение без направления:

Когда любовь *бродила* с нами Скрывая нас одним крылом («Ах, эта красная рябина») [РДП].

Если субъектов движения более двух, то в следующих случаях употребляются глаголы направленного движения:

Тени ночные *плывут* на просторе («Звёзды на небе») [РДП]. В этом случае каждый субъект из одного места идёт в разные места. Если субъектов движения не менее одного, то направление движения каждого субъекта – неопределенное:

В своих сердцах привета не *носили* («Корабли») [РДП].

Глаголы направленного движения описывают процесс движения, когда указывают на какое-то движение; это движение является определенным, стабильным, несмотря на время и пространство, обозначает конкретное движение:

К тебе в грёзах *лечу*, твоё имя твержу («Ночь светла») [РДП].

Я слышу, *едешь* ты далёко («Прощайте, ласковые взоры») [РДП].

Глаголы направленного движения в настоящем и прошедшем временах не только указывают на определенное направление, также и обозначают конкретное, определенное во времени и пространстве движение. Они не указывают на определенное направление данного движения. Кроме того, в настоящем времени они обозначают только многократное, повторное движение, не указывают на однократное происходящее и однонаправленное движение:

Что ты часто *ходишь* на дорогу («Письмо к матери») [РДП].

Глаголы ненаправленного движения в прошедшем времени могут указывать на двунаправленное движение, которое совершается один раз. В этом плане тоже может использоваться глагол направленного движения в прошедшем времени, но обозначает однонаправленное и несовершенное движение. Глаголы ненаправленного движения одинаковы с “быть” по значению, когда обозначают однократное движение туда-обратно, и одинаковы с “бывать” по значению, когда обозначают многократное движение туда-обратно.

Глаголы ненаправленного движения в будущем времени только обозначают многократное и повторное движение. Кроме того, они еще могут указывать на характеристику предмета или человеческое действие.

Про их употребление в отрицательном предложении, когда действие не происходит, мы используем “не ходил” или “не пошел”, а не используем “не шел”. “Не ходил” обозначает общее отрицательное предложение. “Не пошел” и “не поехал” указывают на то, что планируемое действие не завершается из-за какой-то причины. Инфинитив бесприставочных глаголов движения

обозначает отрицательное значение в форме глагола ненаправленного движения.

Глаголы направленного движения первого лица множественного числа могут указывать на повелительное наклонение. Например: *Идём* вместе! Здесь нельзя сказать “*Ходим* вместе!”, также нельзя “*Бегаем* отсюда!”, т. е. глаголы ненаправленного движения не обозначают повелительное наклонение. Когда повелительное наклонение указывает на то, что нельзя куда-либо идти или ходить, обычно употребляется конструкция “не + глагол ненаправленного движения”. Сравните:

Не *ходи* так часто на дорогу («Письмо к матери») [РДП].

Прощай, *иди* своей дорогой, грустить не буду, так и знай («Медовый, аметистовый») [РДП].

Глаголы направленного движения обычно обозначают происходящее конкретное движение, но время от времени тоже могут указывать на абстрактное движение, их направление всегда определенное.

Анализ бесприставочных глаголов движения, особенно анализ глаголов направленного и ненаправленного движения, позволяет сделать следующие выводы: направление движения не является единственным критерием для разграничения глаголов направленного и ненаправленного движения. Характеристика движения тоже может помочь классифицировать эти глаголы. Соответственно, при использовании бесприставочных глаголов движения следует систематизировать их комплексно, правильно выбрать глагол движения, сочетая его с такими факторами, как направление, характеристика движения и т. д.

Литература

1. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 408 с.
2. Гак А. В. О функциональном подходе к изучению грамматических явлений. – М., 1974. – 62 с.
3. Величко А. В. Книга о грамматике (Русский язык как иностранный). – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Московского университета, 2009. – 511 с.
4. РДП – Тексты песен и романсов / Старинные романсы [Электронный ресурс] // URL: <https://pesni.retroportal.ru>. – Дата обращения: 7.03.2021.

Автор:

Чжэн Чжунь – аспирант, ассистент кафедры контрастивной лингвистики Казанского федерального университета, г. Казань, Россия; почта: zhongyi2017@mail.ru.

Author:

Zheng Zhongyi – graduate, Philology, Russian language / Assistant of contrasting language in Kazan federal University; e-mail: zhongyi2017@mail.ru.

РАЗДЕЛ 3.
ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 811.512.111'373.72

А. Д. Ахвандерова

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Настоящая статья посвящена описанию фразеологических единиц с компонентом-зоонимом, которые представляют собой особый интерес как для языкознания, так и для истории, культуры чувашского народа, поскольку роль зооморфного элемента в жизни чувашей исключительно велика.

Ключевые слова: чувашская фразеология, фразеологизмы с компонентом-зоонимом, фразеологические единицы, чувашский язык.

A. D. Akhvanderova

PHRASEOLOGISMS WITH A ZOONYM COMPONENT IN THE CHUVASH LANGUAGE

Abstract. This article is devoted to the description of phraseological units with components-zoonyms, which are of particular interest both for linguistics and history, culture of the Chuvash people, since the role of the zoomorphic element in the life of the Chuvash is extremely great.

Keywords: Chuvash phraseology, phraseological units with zoonyms, phraseological units, Chuvash language.

Фразеология является сравнительно молодой лингвистической дисциплиной. Следует признать, что фразеологизмы в языкознании являются одними из наиболее исследованных объектов, тем не менее в чувашском языке вопросы фразеологии до сих пор остаются недостаточно изученными. Фразеологические единицы чувашского языка представляют собой наиболее самобытное, сложное явление языкового творения человека, поскольку в них отражается своеобразие национальной культуры, культурные установки которых передаются от поколения к поколению. В свое время известный классик русской литературы М. А. Шолохов о народном характере фразеологизмов писал: «Из бездны времени дошли до нас во фразеологических сочетаниях радость и страдания людей, смех и слезы, любовь и гнев, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков» [Шанский 1985].

Материальная культура чувашского народа богата и многообразна. Она развивалась в конкретных исторических условиях. Чувашский народ верил в силу слова и соблюдал традиции и обычаи своего народа. Поэтому язык, на котором говорят чувашаи, обладает богатством фразеологических единиц, предоставляющих возможность определить специфику мировосприятия чувашского народа, выражаемую языковыми средствами [Чернов 1988].

Употребляемые в современном чувашском языке фразеологизмы в основном состоят из природных слов, следовательно, фразеологический состав языка – явление национальное, ибо источником возникновения фразеологизмов является речь народа, носителя чувашского языка.

Национально-культурная специфика фразеологических единиц, конкретный анализ фразеологизмов позволяют углубить и расширить семантический аспект фразеологического состава любого языка.

Для нашего исследования мы выбрали фразеологизмы с компонентами-зоонимами, поскольку животные, по сравнению с другими объектами окружающего мира, стоят ближе человеку как по форме существования, так и по телесности. В свете проблемы культурной коннотации чувашской фразеологии фразеологические единицы с компонентами-зоонимами представляют собой особый интерес с точки зрения не только языка, но и истории, культуры, поскольку роль зооморфного элемента в жизни чувашей исключительно велика. Это обусловлено тем, что в их человеческом сознании животные традиционно используются как символы (образ, повадки какого-либо животного переносятся на человека или предметы окружающей действительности), что подтверждается их достаточно частым и продуктивным использованием в художественных произведениях, в афоризмах, также и в повседневном общении. Например: *Ах тур!.. суламан пӑру темерён, çавна хирӗç пӗр сӑмах та уçса калаймарӗ* (Ашм. 133). «Боже мой!.. Точно пентюх неотесанный, ни одного слова не сказал против него». *Ватӑ çерçие хӑвӑхпа улталайман* (Эсхел) «Старого воробья на мякине не проведешь».

Фразеологические единицы любого языка с компонентами, называемыми животными, составляют многочисленную подсистему фразеологической системы каждого языка, и, несмотря на общую сему – зооним, они внутренне разнообразны.

Фразеологизмы-зоонимы в речи функционируют в нескольких основных аспектах: одни используют в прямом значении, другие, в силу того что являются средствами изобразительности, активно употребляются в фольклоре [Шанский 1985]. Например, фразеологизмы, которые используются в качестве метафоры: *сурӑх* «овца» – *ухмах* «дурак», *кашкӑр* «волк» – *çӑткӑн* «жадный», *мулкач* «заяц» – *хӑравçӑ* «трусливый».

Кашкӑр çӑвар туллин çисен те выçӑ, чӑх пӗрчӗн сӑхсан та тутӑ «Волк голоден, даже если ест в полный рот, курица сыта, даже если клюет по семечке». *Кашкӑр хӗрхенсе сурӑхӑн хӗрине кӑна хӑварнӑ тет* «досл. волк,

жалая, оставил овце только хвост». *Шуйханн куян сичё тинёс леш енне те тарма хатёр* «досл. испугавшийся заяц готов убежать за семь морей».

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами представляют культуру и специфику каждого национального языка и являются своеобразными источниками знаний о культуре народа. В чувашском языке фразеологические сочетания с компонентами-зоонимами появились давно, и в жизни человека они имеют достаточно большое значение, поскольку наших предков постоянно окружали животные [Чернов 2006]. Устанавливая многовековые наблюдения над животными, изучив их сильные и слабые стороны, постепенно люди переняли их повадки, т. е. особенности из животного мира в свой собственный.

Фразеологизмы с компонентами-зоонимами в чувашском языке отражают разные черты характера человека. Например, силу: обозначая сильный характер человека в чувашском языке чаще всего используют таких животных, как лошадь и бык: *лаша нек* «сильный как лошадь», *вӑкӑр нек ёҫле* «работать как бык»; хитрость: лиса в чувашском языке с древних времен характеризуется хитростью, смекалкой и умом: *тилё нек чее* «хитрый как лиса»; наивность, глупость: *сурӑх нек ухмах* «досл. тупой как овца», *анкӑминке сурӑх* «досл. тупая овца» (недоразвитый); трудолюбивость: *вӗлле хурчӑ нек* (трудится как пчела); жадность: *кашкӑр нек ҫӑткӑн* «жадный как волк».

В чувашском языке фразеологизмы с компонентами-зоонимами также обозначают различные жизненные ситуации: *автан каяшӗ хып* «досл. хлебнуть петушиный помёт» (остаться обманутым); *кушак хӳрине пӗтӗр* «досл. крутить коту хвост» (заниматься ненужным делом); *чӑхран сӗт ил* «досл. надоить из курицы молока» (делать невозможное); *чӑх куҫӗ, чӑх куҫлӗ* «досл. слепой как курица» (куриная слепота); *йыт пулли* «досл. головастик» (вертихвостка); *ӧман нек* «как дождевой червь» (непоседа), *кӧлӧх чӑх* «досл. курица-несушка» (не может найти себе место); *Буридан ашакӗ* «буриданов осел» (сомневающийся человек); *автан ҫӧмарта тусан* «досл. когда петух снесет яйца», *сысна кашта ҫине ларсан* «досл. когда свинья сядет на шест» (невыполнимое ни при каких условиях); *ҫерҫи апачӗ* «еда воробья» (чуть перекусить), *ҫерҫи сӧмси тӧршишӗ* «с нос воробья» (очень мало, почти ничего); *ҫӗлен йӧви* «змеиное гнездо» (местонахождение врага), *упа шӧтӧкӗ* «досл. медвежья берлога» (тёмное место).

Очень часто фразеологизмы с компонентами-зоонимами характеризуют человеческие действия [Мокиенко 1990]: *хурт нек сӗрле* «жужжать как пчела» (громко шуметь), *ёне нек утать* «идет как корова», *йытӧ туйӗ* «досл. собачья свадьба» (превращать в беспорядок), *вӧкӑр нек ёҫле* «работать как бык».

Исследуя фразеологические сочетания в чувашском языке с компонентами-зоонимами, отражающие слабые и сильные стороны человека, мы распределили их на следующие группы:

1) крупные животные: а) *кашкӑр* «волк»: *кашкӑр тытман* «волком не пойман» (используют, когда бранят животных); *кашкӑр нек* «как волк» (здоровый, сильный); *кашкӑрна упа хушшинче* «между волком и медведем» (опасность с двух сторон); *йытӑ* «собака». В чувашском языке «собака» чаще всего используется с целью обозначения плохих качеств человека: *йытӑ туртасиӗ* (путсёр «злой»), *йыт хӳри* (ничего не стоящий), *йыта хӳри кукӑр* (этому человеку верить нельзя); *сурӑх* «овца»: *сурӑх тирлӗ кашкӑр* (человек, который преподносит злые помыслы как добрые); *упа* «медведь»: *упа нек вӑйлӑ* «сильный как медведь», *упа кучӗ нек* «досл. как медвежий зад» (грязный, неопрятный);

2) мелкие животные: *мулкач* «заяц» – *мулкач чӗри* «заячья душа», *мулкач хӑвала* (досл. гнаться за зайцем); *тилӗ* «лиса» – *тилӗ нек чее* «хитрый как лиса», *ватӑ тилӗ* «старый лис» (человек, который ловко обманывает, опытный); *шӑши* «мышь» – *шӑши туйи тыт* «досл. взять мышиную палку» (бояться), *йӗне шӑши нек пул* «досл. выглядит как мокрая мышь»; кушак «кошка» – *кушакпа йытӑ нек* «как кошка с собакой», *кушак хули* (место на печке). *Кушак хулине каймалли анчах юлнӑ* «досл. осталось уехать в кошачий город» (очень старый), *кушак хӳрине пӗтӗр* «закатывать коту хвост» (заниматься ненужным делом), *хура кушак чупса иртрӗ* «пробежала черная кошка» (ненавидеть);

3) птицы: *серси* «воробей» – *ватӑ серси* «старый воробей» (человек, который знает много; опытный, хитрый); *тӑмана* «сова» – *ватӑ тӑмана* «старая сова» (очень старый, сумасшедший), *тӑмана самки* «досл. лоб у совы» (ничего не соображающий, дурак), *тӑмана хӑраххи* «как сова» (дурак, тупой), *тӑманасем килнӗ* «совы прилетели» (хочется спать), *вӑрман тӑмани* «лесная сова» (дурак); *автан* «петух» – *автан ташлат* «досл. петух танцует» (огонь, пожар), *чӑх* «курица» – *чӑх кулли* «куриный смех» (постыдное дело), *чӑх сӗчӗ кӑна сук* «досл. не хватает только куриного молока» (все есть), *чӑх сӑхса ситерми* (*сав тери хӑвӑрт, васкаса, питӗ нумай*), *чӑх чӗриллӗ* «душа куриная» (трус);

4) земноводные: *сӗлен* «змея» – *сӗлен йӑви* «змеиное гнездо» (опасное место), *ӑша сӗлен кӗрсе ларнӑ* «досл. в организме змея поместилась» (полон ненавистью), *вӗри сӗлен* «дракон» (неугомонный); *пулӑ* «рыба», *тимӗр шапа* «черепаха» – *пулӑ ситерме кай* «досл. идти кормить рыб» (утонуть), *пулӑ тытма кай* «ловить рыбу» (мочиться), *йытӑ пулли* «головастик» (вертихвостка), *тимӗр шапа* «черепаха» (лентяй);

5) насекомые: *шӑна вӗсни илтӗнет* «досл. слышно, как летит муха» (очень тихо), *сӑпса нек сӑпсӑн* «прилипнуть, как оса» (разузнуть) *сӑпса йӑви* «осиный рой» (группа злоумышленников).

Исследуя фразеологизмы с компонентом-зоонимом, мы пришли к выводу, что они являются устойчивыми словосочетаниями, содержащими прямое наименование животного; всегда имеют переносное значение «человек»; несут в себе оценку действий или поведения человека.

Литература

1. *Мокиенко В. М.* Загадки русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1990. – 156 с.
2. *Чернов М. Ф.* Современный чувашский язык. Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов / М. Ф. Чернов. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1988. – 198 с.
3. *Чернов М. Ф.* Фразеология современного чувашского языка: Избранные труды. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та, 2006. – 506 с.
4. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

Автор:

Ахвандерова Алина Давыдовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: antus2003@mail.ru

Author:

Akhvanderova Alina D. - Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Languages of Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: antus2003@mail.ru

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПЛАСТ
В ОТРАСЛЕВОЙ ЛЕКСИКЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
(на примере наименований инструментов, используемых
в вышивальном деле)**

Аннотация. Вышивание является одним из традиционных видов рукоделия у татар. Изучение лексики, имеющей к нему отношение, не только способствует определению исторических этапов развития языка, но и имеет немаловажное значение для освещения многих вопросов духовной культуры, языковой картины мира татарского народа.

Ключевые слова: термины вышивания, татарский язык, терминосистема, наименование инструментов, отраслевая лексика, профессионализм.

А. К. Bulatova

**ETHNOLINGUISTIC LAYER IN THE INDUSTRY VOCABULARY OF
THE TATAR LANGUAGE (on the example of the names of tools used in
embroidery)**

Abstract. Embroidery is one of the traditional types of needlework among the Tatars. The study of the vocabulary related to it not only helps to determine the historical stages of the development of the language, but also has an important significance for highlighting many issues of spiritual culture, the linguistic picture of the world of the Tatar people.

Keywords: embroidery terms, Tatar language, term system, name of tools, industry vocabulary, professionalism.

В словарном составе татарского языка значительное место занимает лексика традиционных занятий и промыслов. В данном пласте лексики содержится ценнейшая информация об особенностях материальной культуры, о духовных ценностях татарского народа.

Народная вышивка представляет собой одну из наиболее ярких сторон традиционной культуры, которая наиболее любима татарскими мастерицами. Исследование вышивальных терминов необходимо проводить в тесной связи с развитием материальной культуры народа. Система лексем, относящихся к вышиванию, является важным историко-этнографическим источником, несомненно, представляющих большой интерес и с лингвистической точки зрения.

Отраслевая лексика вышивального дела неоднородна по своей структуре. Она включает узкопрофессиональные термины, внутри данной промысловой сферы, словоформы, свойственные и ряду других тематических групп, также общенародные слова, которые в специальной сфере, связываясь с профессиональными терминами, тоже выполняют функцию термина, слова диалектного и общенародного значения, функционирующие в определенном говоре и используемые в региональном ремесле.

Подобно многим тематическим группам, лексика вышивания содержит несколько подгрупп и микрогрупп. В данной лексике рассмотрим наименования инструментов, используемых в вышивальном деле.

Наименования инструментов, видов и методов, используемых в различных рукодельных техниках, представляет собой огромный пласт лексических единиц. В каждой из техник вышивания формируется собственная терминосистема. В данной статье мы приводим наименования орудий производства, которые используются практически во всех видах ручного вышивального дела.

В татарском языке существительное *кайчы* имеет номинативное значение ‘ножницы, режущий инструмент из двух раздвигающихся лезвий с кольцеобразными ручками’. Слово пришло в тюркские языки из древнекитайского (*kiap toi* – ‘перекрещенные ножи’) посредством монгольского языка [Эхмэтьянов 2015 Т. 1: 346]. Существует несколько диалектных вариантов лексемы: *қанчы* – в балтасинском, дубъязском, бирском и мензелинском говорах среднего диалекта татарского языка и *қанчы* – в говорах нагорной стороны Татарстана и пермском говоре среднего диалекта. В рукоделии применяется несколько разновидностей ножниц. При вышивании преимущественно функционирует обозначения этого инструмента как *жәп кайчысы* (букв. ‘ножницы для нитей’) или *кечкенә кайчы* (букв. ‘маленькие ножницы’) [Рәхимова 1985: 62].

Лексема *киерге* используется в значении – ‘пяльцы, прибор для рукоделия, в форме рамы на подставке, куда вставляется туго натянутая ткань, по которой вышивают’. Слово образовано от глагола *киерү* ‘одеть, натянуть’. В камско-устыинском говоре среднего диалекта татарского языка используется вариант *кирги*, в тоболо-иртышском диалекте в значении пяльцы – диалектизм *қыса* (в литературном языке – рама, рамка) [Татар 2009: 113]. В вышивании используются различные формы и размеры пяльцев, в татарском языке они обозначаются соответствующими определениями: *агач киерге* ‘деревянные пяльцы’, *зур киерге* ‘большие пяльцы’ и др.

Лексическая единица *жәп* в значении ‘нитка, нить, тонкая скрученная пряжа’ восходит к общетюркскому *йип* ‘пряжа, нить’ [Эхмэтьянов 2015, Т. 1: 265]. Иногда в диалектах татарского языка используется вариант *йеп*. В вышивальном деле используются различные виды нитей: мулине, гаруз, шелковые нити и др.

Ыргак – ‘крючок, металлический или из другого твёрдого материала стерженёк с загнутым концом’. По происхождению лексическая единица восходит к древнетюркскому глаголу *ыргай* ‘гнуть, искривляться’ [Әхмәтьянов 2015, Т. 1: 505]. В мензелинском диалекте среднего диалекта и чистопольском говоре мишарского диалекта татарского языка используется диалектизм *шөлдөрмә* [Татар теленең зур диалектологик сүзлегә 2009: 789].

Энә – ‘игла, иголка, швейная принадлежность, заострённый металлический стержень с ушком для вдевания нити’. Слово восходит к древнетюркскому глаголу *йэги* ‘шить’ [Әхмәтьянов 2015, Т. 2: 511]. У лексемы имеется много диалектальных вариантов: *инә, ивнә, инйә, ийна, ийенә, үнә, эзнә, эжнә*. В вышивальном деле обычно применяются иглы маленького размера и употребляется обозначение *чигү энәсе* ‘игла для вышивания’. В различных техниках вышивания используются различные иглы, в татарском языке употребляются специальные определения *тамбур энәсе* ‘тамбурная игла’, *сәйлән энәсе* ‘игла для бисера’, *келәм энәсе* ‘игла для ковровой техники’ и др.

Для хранения игл мастерицами используется игольница (или игольник), которая в татарском языке обозначена лексическими единицами *энә кадагыч* букв. ‘втыкатель игл’, *энә мөндәре* ‘подушечка для игл’, а футлярчик для хранения игл дается как *энә савыты* ‘футляр для игл’.

Уймак – ‘напёрсток, жёсткий колпачок, надеваемый на палец при шитье для упора иглы и для защиты от уколов’. Слово образовано от глагола *ой* ‘шить’. В различных диалектах используется варианты – *бармакча, бармакса*, например, в речи носителей подберезенского говора мишарского диалекта.

Также вышивальщицами активно используется приспособление для вдевания нитей в иглу – *энә саплагыч, саплагыч* или *күзләгеч* в значении ‘нитковдеватель’.

Совсем недавно в рукоделии начали применяться специальные инструменты для вышивания с насадками из специальных игл для различных техник, в татарском языке данное приспособление называется – *чигү коралы* ‘инструмент для вышивания’.

Таким образом, профессионально-ремесленная лексика, обозначающая орудия производства при вышивании, представлена словами широкого употребления. Наряду с общенародными словами в терминологии вышивания употребляются диалектные слова. Приведенные лексеммы являются общими для всех техник ручного вышивания. Необходимо также подчеркнуть, что лексика вышивания является частью лексической системы национального татарского языка.

Литература

1. Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлегә: Ике томда. – Казан: Мәгариф-Вақыт, 2015. – Т.1. –543 б; Т.2. – 0567 б.

2. *Рәхимова Р.К.* Татар теленең һөнәрчәлек лексикасы (туку, өс-баш, аяк киёмнәре тегү, шәл бәйләү, итек басу буенча). – Казань: Татар. кит. нәшр., 1983. – 160 б.

3. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф.С.Баязитова, Д.Б.Рамазанова, З.Р.Садыйкова, Т.Х.Хәйретдинова. – Казань: Татар. кит. нәшр., 2009. – 839 б.

Автор:

Булатова Альфия Каримовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия; e-mail: alf_0082.82@mail.ru.

Author:

Bulatova Alfiya K. – candidate of Philology, Researcher of the Department of Lexicology and Dialectology. Place of work: Institute for language, literature and art named by G. Ibragimov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; e-mail: alf_0082.82@mail.ru.

О НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЯХ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются этимология, семантика некоторых зоонимов, особенности функционирования синонимичных терминов в терминосистеме, образование названий видов.

Ключевые слова: зооним, термин, названия беспозвоночных, семантика, этимология.

О. N. Galimova

ABOUT THE NAMES OF SOME INVERTEBRATES IN THE TATAR LANGUAGE

Abstract. The article deals with the etymology and semantics of some zoonyms, features of the functioning of synonymic terms in the term system, and the formation of species names.

Keywords: zoonym, term, invertebrate names, semantics, etymology.

Как известно, в татарском языке достаточно полно изучены отдельные тематические группы названий животных: ихтионимы, орнитонимы, инсектонимы, названия млекопитающих, пресмыкающихся. Большой интерес представляет изучение других групп зоонимов, что даст возможность представить зоологическую терминосистему как целостную систему. В предлагаемой статье впервые в татарском языке рассматриваются названия некоторых беспозвоночных. Названия *селек* 'пиявка', *корт* и *суалчан* 'червь' изучаются в этимологическом и семантическом аспектах. Выявляются особенности функционирования синонимичных терминов в терминосистеме, образование названий видов.

Как показывают исследования, в системе названий беспозвоночных, без учёта названий членистоногих, преобладают заимствования. Например, в терминологических словарях, учебной, научно-популярной литературе зафиксированы такие зоонимы, как *медуза*, *актиния*, *лофелия*, *аскарида*, *моллюск*, *тридакна*, *каракатица*, *мидия*, *устрица*, *офиура*, *анадонта*, *битиния*, *кальмар*, *солитер*, *трепанг* и др. Обилие иноязычных терминов в этой группе, возможно, объясняется распространением видов на территории, не населённой тюркоязычными народами. Все же отдельные виды беспозвоночных были знакомы носителям языка издревле. Например, *селек* 'пиявка'. В диалектах встречается фонетический вариант слова *сел'ык*. Наблюдения за пиявками в различную погоду легли в основу приметы с семантикой

прогноза: *Сөлек төптә ятса, аяз булыр. Әгәр судан корыга чыгарга умаласа, тәүлеккәчә яңгыр булыр* 'Если пиявка на дне, будет ясно, Если старается выползти на сушу, сутки будет дождь'. Употребляется в составе пословиц и поговорок (*сөлектә сөяк юк* 'у пиявки нет костей'; *Ач сөлек ачы тешилар* 'голодная пиявка кусает больно' и др.). В терминологических словарях и учебной, научно-популярной литературе фиксируются названия видов: *медицина сөлеге* 'пиявка медицинская', *ат сөлеге* 'пиявка конская' и др. [Юсупов 1930: 51].

В тюркских языках зооним широко распространен в значении «пиявка». В гагаузском и чувашском он употребляется и в значении «улитка». В гагаузском зафиксировано также значение «спиральная раковина», в турецком языке – «усик вьющихся растений» [Сравнительно 2001: 185; Этимологический 2003: 377]. В «Древнетюркском словаре» «вид червя, пиявка» – *čelük* [Древнетюркский 1969: 144]. Этимологи считают возможным образование зоонима от **сүл*, **сил* 'слюна, * слизь' или от восходящего к *сум* 'сосать' *сүмлүк* [Этимологический 2003: 377]. Убедительной, на наш взгляд, является и этимология, предложенная Р. Г. Ахметьяновым. По его мнению, древнетюркское слово *sülük* имеет значение «воин, прошедший специальную подготовку». Учёный приводит строки из «Кутадгу Билик» (*Йэгү, кү, мингү ат – айгыр, сүлүг Булардың чықар, һәм йүзүргү күлүг*), и допускает функционирование в них *сүлүг* с семантикой «конь». Как считает Р. Г. Ахметьянов, слово образовано от основы *sü*, *süü* 'войско' (ср. тат. *ил-сү* 'население, народ') [Әхмәтъянов 20015, 2: 171–172]. В «Татарско-русском словаре военной лексики» слово *сөлек* зафиксировано в значении «(лучший) воин, тренированный воин» [Сәфәров 2017: 84]. Значение «пиявка» переносное. Интересным является употребление сравнительных оборотов тат. *сөлек кебек*, тур. *sülük gibi* 'очень стройный и физически развитый; красавец красавцем' в отношении лиц мужского пола [Әхмәтъянов 20015, 2: 171–172]. Отметим, что в татарских пословицах словом *сөлек* характеризуют достойных мужчин: *Егет булсаң, жәлек бул, суда йөзгән сөлек бул* (Если ты джигит, будь самым лучшим, будь как пиявка в воде).

В значении «червь» в языке употребляются названия *корт* и *суалчан*. Рассматриваемые слова широко распространены в тюркских языках (см.: Этимологический 2000: 168; Сравнительно 2001: 181–182; Этимологический 2003: 298–299). Этимологами *корт* сопоставляется с монг. *qorqai* 'жушок, червяк, все маленькие животные' [Этимологический 2000: 168]. Первичным у слова *корт* предполагается значение «поедатель, пожиратель» [Әхмәтъянов 2015, 1: 440]. Зооним *суалчан* возводится к др.тюрк. *согул* 'войти в землю' [Этимологический 2003: 299; Әхмәтъянов 2015, 2: 176]. Учитывая это и употребление слова в тюркских языках чаще в значении «дождевой червь», полагаем, что оно появилось для обозначения дождевого червя. В пословицах и приметах слово функционирует именно в этом значении: *суалчан жир өстенә чыкса – явымга* 'дождевой червь на

поверхности земли – к осадкам»; *балыкчы балыкка суалчанны файда өчен ашата* ‘букв. рыбак кормит рыбу червями для пользы’. Слово *корт* в значении «червь» употребляется реже (*корт агачны этән ашый* ‘черви точат дерево изнутри’, *алманың асылын корт ашый* ‘золотое яблоко черви точат’).

В «Древнетюркском словаре» *qurt* ‘червь’ и *sovişyan* ‘солитёр» [Древнетюркский 1969: 468; 509] представляют слова близкие по значению. Полное совпадение значений наблюдается в словарях и самоучителях, научной литературе конца XIX – начала XX вв. Так, в «Тарих табиғый» Н. А. Износкова в значении «червь» употребляется термин *суалчан* [Износков 1908: 142], в начальном руководстве М. Бекчурина – *корт* [Бекчурин 1859: 86], в словаре К. Насыйри – *корт* и *суалчан* [Насыйри 1904: 220]. И. Гигановом значения слов дифференцируются: «червь» – *күртъ*, «красный червь» – *цуалцанъ* [Гиганов 1804: 652] (ср.: диал. *қызыл қорт* ‘червь’). В начале 30-х годов XX в. *корт* входит в терминологический словарь в значении «червь» [Атамалар сүзлеге 1931: 78]. В терминологических словарях наблюдается фиксация термина *суалчан* в значении «глист» [Русча 1971: 58]. Как показывает изучение семантики терминов, в специальной литературе и биологических терминологических словарях значение «червь» закреплено за термином *суалчан*, что объясняется его семантикой. С данным опорным компонентом образуются термины классификации (*алкалы суалчаннар / божралы суалчаннар / божра суалчаннар* ‘кольчатые черви’, *яссы суалчаннар* ‘плоские черви’) и названия видов (*жир суалчаны* ‘дождевой червь’, *бавыр суалчаны* ‘печёночная двуустка’, *эйләнчек суалчаны* ‘мозговик овечий’, *сыер тасма суалчаны* ‘бычий цепень’ и др.), название вида бесчелюстных (*суалчанбалык* ‘минога’). Названия видов с компонентом *корт* ‘червь’ в зоологической терминосистеме единичны (*агач корты* ‘древесный червь’ [Вэлиди 1927: 84], *жир корты* [Русча 1971: 257]). Они, в основном, фиксируются с синонимами, образованными с компонентом *суалчан* ‘червь’ (*жир суалчаны / жир корты* [Русча 1971: 257] / *гади суалчан* [Юсупов 1930: 42]).

Рассмотренные названия входят в древний пласт зоонимической лексики. В основе номинации лежат семы «внешний вид», «особенности существования (передвижения, питания)». В зоологической терминосистеме из синонимичных слов отдаётся предпочтение моносеманту *суалчан*. Слово употребляется для обозначения всех беспозвоночных двусторонне симметричных животных с вытянутым телом.

Литература

1. *Атамалар сүзлеге* (авыл хужалыгы һәм урманчылык атамалары). – Казан. 1931. – 83 б.
2. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленен этимологик сүзлеге: 2 томда. – Казан: Мәгариф-Вақыт. 2015. Т.1. – 543 б.

3. *Әхмәтъянов Р.Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда. – Казан: Мәгариф-Вақыт. 2015. Т.2. – 567 б.

4. *Бекчурин Мир-Салих* Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков. – Казань: Ун-т. типогр. 1859. – 147 с.

5. *Вәлиди Ж.* Татар теленең тулы сүзлеге. – Казан: Татарстан мәгариф комиссариатының гыйльми үзәге басмасы. 1927. Т.1. Ч. 1. (А-Ә, У-Ү, Ы-Е, О-Ө, И, Б). – 352 б.

6. *Гиганов И.* Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище, учителем татарскаго языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. – СПб.: Император. АН. 1804. – 680 с.

7. *Древнетюркский словарь.* – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

8. *Износков Н. А.* Тарих табиғый. 1 кис. Хайванат / Тәрж.: С. Рахманколи. – Казан: Сабах, 1908. – 158 б.

9. *Насыри К.* Полный русско-татарский словарь, с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке, как научные термины. – Казань: И.Н. Шамсутдинов, 1904. – 64 с.

10. *Русча-татарча* авыл хужалыгы терминнары сүзлеге / Төз.: А.К. Тимергалин. – Казан: Татгосиздат, 1971. – 303 б.

11. *Сәфәров Р.Т.* Татарча-русча хәрби лексика сүзлеге. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – 112 б.

12. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков.* Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

13. *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ»* / Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. – М., 2000. – 261 с.

14. *Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С».* – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.

15. *Юсупов Ф.* Зоология дәреслеге. II бүлек. Умырткасыз хайваннар. – Казан: Татиздат, 1930. – 212 б.

Автор:

Галимова Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Россия; e-mail: Olgan_77@mail.ru.

Author:

Galimova Olga N. – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; e-mail: Olgan_77@mail.ru.

ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ «ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ» КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. В статье представлена краткая лингвистическая справка об архивных документах, хранящихся в Тобольском государственном архиве. На примере фонда 156 «Духовная консистория» доказано, что документы, хранящиеся в фондах архива, могут служить источником изучения фонетических и словообразовательных изменений, происходящих в русском языке в XVIII веке. Рассматриваемые документы позволяют проследить этапы обогащения лексического состава русского языка.

Ключевые слова: архивный документ, лингвистика, фонетика, лексика, словообразовательные изменения.

O. N. Gauch

BUSINESS DOCUMENTS OF THE “TOBOLSK SPIRITUAL CONSISTORY” AS A LINGUISTIC SOURCE

Abstract. The article presents a brief linguistic reference about the archival documents stored in the Tobolsk State Archive. Using the example of the Spiritual Consistory Foundation 156, it is proved that the documents stored in the archive's funds can serve as a source for studying phonetic and word-formation changes occurring in the Russian language in the XVIII century. The documents under consideration allow us to trace the stages of enriching the lexical composition of the Russian language.

Keywords: archival document, linguistics, phonetics, vocabulary, word-formation changes.

Одно из актуальных направлений современной русистики – лингвистическое изучение архивных материалов, дающих богатейшую и объективную информацию для исследования истории русского языка. Как отмечает О. В. Трофимова, «традиционно грамматический строй современного русского языка, «языка от Пушкина до наших дней», и языка предпушкинского периода изучался в русистике в основном на материале художественных текстов», древний этап жизни русского языка на фоне старославянского, тоже книжного, был подвергнут углубленному изучению, а XVIII столетие – «наименее исследованный период жизни национального языка» [Трофимова 1997: 38].

История словарного состава русского языка, по данным памятников западносибирского происхождения, исследована недостаточно и

неравномерно. Усилиями томских историков языка (под руководством В. В. Палагиной) изучена лексика деловой письменности XVII в. Томского, Кетского, Нарымского, Кузнецкого острогов [Панин 1985: 6]. К письменным же источникам Верхотурья, Тобольска, Тюмени и других городов и острогов Западной Сибири, богато представленным в центральных и местных архивах, языковеды обращались весьма редко.

Предлагаемые нами материалы написаны на материале фонда 156 Тобольского государственного архива – «Тобольской духовной консистории». Духовная консистория, созданная в Тобольске в середине XVII в., являлась местным епархиальным административно-судебным учреждением, подчинявшимся архиерею и Синоду. Она принимала к пересмотру богохульные, еретические, раскольничьи, «волшебные» дела, свидетельства о незаконных браках, расторжении браков, принуждении вступления в брак, насильственном пострижении и похищении церковного имущества, а также по обвинениям в краже, расправе, бесчестном поведении лиц духовного звания и церковнослужителей, о правонарушениях архиерейских и монастырских служителей и крестьян, церковных и монастырских вотчин, не решенные их непосредственным начальством или духовным правлением. Консистория наблюдала за поведением прихожан и духовенством и сообщала в Синод о выявленных нарушениях. Духовная консистория также производила выдачу выписок из метрических и обыскных книг по требованиям присутственных мест [Гауч 2009].

Лингвистический материал 156 фонда позволяет описать семантические разряды функционирующей в то время лексики, обозначающей церковные строения, церковную утварь, предметы церковного быта и обихода, церковно-монастырское хозяйство в целом, а также выявить традиции и диалектные особенности семантики, словообразования и звучания тех или иных лексических пластов, включая заимствования и регионализмы. 156 фонд – один из многочисленных фондов Государственного архива г. Тобольска по количеству единиц хранения. В нем хранятся документы, охватывающие довольно длительный период в истории России от нач. XVIII – до середины XIX вв. Деловые документы «Духовной консистории» отражают основные этапы становления и развития русского национального языка.

Нами была проанализирована опись № 1, отражающая архивные документы середины XVIII в. (период с 1722 – 1727, 1737, 1740 – 1760 годы). Данная опись насчитывает не менее 3057 единиц хранения, на примере которых нами были выявлены фонетические, лексические и словообразовательные изменения в развитии русского национального языка.

На фонетическом уровне следует отметить мену корневых гласных:

а) чередование гласных «А» и «О» в безударных слогах, которое оформлено грамматически правильно: клАбука [д № 989: 4] // клОбука;

б) в рассматриваемых нами документах наблюдается замена «Е» на «Я» после мягких согласных: распЕтіє [д № 989: 6] // распЯтіє;

в) мена «Я» и «І»: сахарнЯца [д № 815: 7] и сахарнІца, кЯмайшнє [д № 989: 2] // кІмайшнє.

Деловая письменность XVIII в. является ценным источником для изучения словообразовательных особенностей морфем русского языка. В анализируемых документах нами зафиксировано употребление относительных прилагательных *кожаный, мерлушчатый, камлотовый, бархатный*, которые характеризуются как общерусской, так и иноязычной семантикой, т. е. словообразовательный и этимологический анализ данных прилагательных позволяет считать название тканей уже известных ранее на Руси. Например: *штофовый* образовано от слова *штоф* – *'тяжелая шерстяная или шелковая ткань, употребляемая для обивки мебели, для гардин, портьер* [Ушаков 1940].

Документальные материалы «Духовной консистории» отражают богатство словарного состава лексики русского языка, включая исконно-русскую (*пелена, Одеяло*), заимствованную из других языков (*камлот* – от фр. *camelot* – *'плотная ткань из шерсти*; *клобук* – от тюр. *Kalpak* – *'у монахов: высокая цилиндрическая шапка с покрывалом*). Представляет интерес и бытующая в современном русском языке лексика типа *пуговица, шуба, сапоги*, а также и устаревшая: *убрус* – *'лат, платок; фата*.

Имена существительные, исходя из количества, можно разделить на следующие семантические группы:

а) слова, обозначающие предметы домашнего быта: *бочка, ведро, пелена, подóших* [д № 989];

б) слова, характеризующие предметы церковного обихода: *венець, кресть, кадила, служебник* [д № 556];

в) слова, обозначающие одежду и обувь: *шапка, клабука, камилафка* [д № 556];

г) слова, обозначающие денежные и весовые единицы *ченєґна, фунт* [д № 556].

Значительный интерес для нас представляет анализ относительных и качественных имен прилагательных, которые составляют многочисленную группу слов типа *суконнаі, чернаі, камлотовох, краснаі, серебрянаі*. Такие имена прилагательные грамматически согласуются в памятниках деловой письменности с именами существительными, подчеркивая их качество.

Лингвистический аспект исследования рукописных памятников тобольской деловой письменности XVIII в. дает возможность делать выводы о том, что в них отражены фонетические, морфологические, словообразовательные особенности живой разговорной речи, а также представлен богатый словарный состав лексики церковнославянских документов, позволяющий проследить не только этапы становления русского национального языка, но и быт его носителей, населяющих территорию Притоболья.

Литература

1. *Гауч О. Н.* Семантико-этимологическая интерпретация предметно-бытовой лексики второй половины XVIII века (на материале ТФГАТО) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филол. наук. – Тюмень: ТГУ, 2009.

2. *Панин Л. Г.* Лексика западносибирской деловой письменности XVI – первой половины XVIII вв. / Л. Г. Панин, СО АН СССР, ИНФ и Ф, отв. ред. А. И. Федоров. – Новосибирск, 1985.

3. *Толковый словарь русского языка в 4-х томах* / гл. ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1940.

4. *Трофимова О. В.* Деловые тексты конца XVIII в. из фондов государственного архива Тюменской области как лингвистический источник / Архив и исследователи: сотрудничество в интересах настоящего и будущего: материалы научной конференции ТГУ. – Тюмень, 1997 – С. 38–40.

Источники

1. ТФГАТО. Ф. – 156, оп. 3, д. 815. – 23 л. – (Дело о краже вещей новокрещенного Петра Гунмна пономарем Юганской волости Михайлом Силиным, 1755).

2. ТФГАТО. Ф. – 156, оп. 3, д. 989. – 12 л. – (Дело об имуществе оставшемся после смерти Троицкого Рафайлова монастыря иеромонаха Аорона, 1765).

3. ТФГАТО. Ф. – 156, оп. 3, д. 556. – 3 л. – (Дело по рапорту эконома, игумена Иоасафа Ивановского Межугорского монастыря о краже неизвестными ворами из Предтеченской монастырской церкви денег и церковных принадлежностей, 1775).

Автор:

Гауч Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности, социологии и культурологии Тюменского государственного института культуры, г. Тюмень, Россия; e-mail: ongauch@mail.ru

Author:

Gauch Oksana N. – candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Sociology and Cultural Studies of the Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia; e-mail: ongauch@mail.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «УМ»
В ЧУВАШСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. В статье описываются фразеологизмы лексико-семантического поля «ум» чувашского и русского языков и выявляются особенности их употребления.

Ключевые слова: чувашский язык, русский язык, фразеологизмы, лексико-семантическое поле, ум.

T. V. Denisova

**PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE LEXICAL AND SEMANTIC
FIELD “MIND” IN THE CHUVASH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Abstract. The article describes the phraseological units of the lexical and semantic field “mind” of the Chuvash and Russian languages and identifies the features of their use.

Keywords: Chuvash language, Russian language, phraseological units, lexical and semantic language, mind.

В настоящее время в лингвистике на передний план выходят исследования, изучающие язык во взаимосвязи с человеком, его мышлением, сознанием. При этом факты языка рассматриваются совместно с языковой личностью. Большое внимание уделяется национально-культурной специфике языка, содержанию таких единиц языка, которые показывают типичные для культуры того или иного народа особенности. К таким элементам, в первую очередь, относятся фразеологизмы, основная значимость которых заключается в том, что они представляют собой неопределимый фактологический материал, содержащий в своей семантике национально-культурный компонент. В них отображается специфика культуры и быта народа, уникальность его исторического развития.

Личность в языке является субъектом познания, в языке воспроизводятся его индивидуальные представления об интеллектуальной деятельности. В связи с этим лексический и фразеологический фонд с семантикой «ум» интересен исследователям языка.

Фразеологические единицы, входящие в семантическое поле «ум», занимают значительный пласт во фразеологическом составе и чувашского, и русского языков. Как отмечает О. Н. Волобуева, «процесс их формирования представляет собой сложное переплетение, сходство и различие

концептуального знания о мире, специфики национального мировосприятия, а также универсальных способов вербальной номинации» [Волобуева 2011: 48]. Эти единицы характеризуются сложной семантической структурой, показывают особенности мышления, умственного состояния индивида, а также его моральные устои.

В данной работе предпринята попытка описать и систематизировать устойчивые словосочетания, характеризующие умственные способности человека. Их можно разделить на два вида: выражающие «высокий уровень ума» (*ват çерçи «стреляный воробей», пуçё ёçлет «голова варит», умная голова, светлая голова, ума палата, бездна премудрости, с царем в голове, семи пядей во лбу*) и «низкий уровень ума» (*арна пуç «мякинная голова», катăк ас, кётёк ас «короткая память», пуç тўпи питёрёмен «мозги набекрень», солома в голове, пень березовый, винтиков не хватает, олух царя небесного*).

Сообразительный и умный человек в чувашской и в русской фразеологии показывается как индивид, обладающий самостоятельностью мышления (*своя голова на плечах «пуçё пур»*), логичностью и ясностью мысли (*светлая голова «çутă çамка»*), острым умом (*голова варит «пуçё ёçлет»*). Эти признаки позволяют разграничить в составе понятия «ум» фразеологизмы с общей семантикой «опытный, мудрый» (*тёртый калач «ват çерçи»*), «образованный», «очень умный» (*ума палата «чёрё энциклопеди»*), «человек, которого трудно обмануть» (*на кривой не объедешь «хывăхпа ул-талаймăн»*). По мнению О. Н. Волобуевой, подобные фразеологические единицы в основном называют не человека с учетом его интеллектуальных способностей, а интеллектуальные свойства личности: у умного *светлая голова, здравый ум*, умный представляет собой *ходячую энциклопедию* [Волобуева 2011: 127].

Многие фразеологизмы с семантикой «умный человек» имеют положительную оценочность. Отрицательной коннотацией обладают те выражения, которые обозначают человека «слишком умного», который претендует на высокую оценку своих умственных способностей и желает показать свой ум и знания (*ты семи пядей во лбу*) [Кусова 2012: 196]. Подобные идиомы очень часто используются язвительно. Ряд фразеологизмов как чувашского, так и русского языков всегда показывают насмешку, шутку, иронию, редко и сарказм. Они нацеливают или на средние, очень ограниченные способности человека, или на глупость, тупость, отсутствие всякой сообразительности. Например: *лишиться ума «аьран тайăл»; потерять рассудок «пуçна çухат»; как свинья в апельсинах «сысна апельсин тутине пёлнё пек»; дубина стоеросовая «туйман тунката»*. У дурака, в отличие от умного, *дырявая, садовая голова «тăрри шăтăк», у него мозги набекрень «пуç мими тўнтерле»* или их у него совсем нет; дурака характеризует *голова мякинная «арна пуç»; особый мозг одна извилина в мозгу и та прямая «пуç мими шёвё»*. В работе «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их

репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамеологии): проект словаря» зафиксировано 66 идиом, обозначающих дурака [Концептосфера 2010].

В чувашском языке фразеологизмов, обозначающих людей не очень умных, на наш взгляд, гораздо больше, чем фразеологизмов, обозначающих умного человека. К числу таких можно отнести *анра пуç* «тупоголовый, беспамятный», *шӑнӑ пуç* «глупый», *ухмах пуç* «глупая голова», *тӑнче вӑрманӑ* «олух», *çава тункати* «болван», *тӑнче ухмахӑ* «набитый дурак», *ухмах япала* «глупый», *анкӑ-минкӑ тӑмана* «олух», *тӑмана йӑранӑ* «непонятливый, бестолковый», *сӑхман калӑпӑ* «олух», *тӑм çамка* «глупый», *тӑм пуç* «дурак», *тӑм кӑлетке* «чурбан, тупой», *тӑм кушиле* «дурак», *тӑм писмен* «несообразительный», *тӑм пӑшал* «дурак», *шӑтӑк çамка* «несообразительный» и т. д.

Анализируя фразеологические единицы, используемые для оценки интеллектуальных способностей человека, можно сделать вывод, что сложно найти эквиваленты в чувашском и русском языках.

Литература

1. Волобуева О. Н. Концептуальное поле «человек и его интеллект» в русской и английской фразеологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тюмень, 2011. – 268 с.
2. *Концептосфера* русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и парамеологии): проект словаря / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 338 с.
3. Кусова М. Л. «Умный – дурак»: специфика репрезентации интеллекта в пространстве русского языка // Политическая лингвистика. – 2012. – Вып. 1(39). – С. 195–199.
4. Чернов М. Ф. Русско-чувашский фразеологический словарь / под. ред. Л. П. Сергеева. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 536 с.
5. Яранцев Р. И. Русская фразеология: слов.-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. – 6-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2008. – 894 с.

Автор:

Денисова Татьяна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

Author:

Denisova Tatyana V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Languages, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tatyana.docka@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ОСНОВ БРЕНДИНГА

Аннотация. В статье представлен обзор исследований, посвященных разным аспектам изучения брендинга как современного явления на материале российской и казахстанской действительности, отмечается важность и необходимость изучения лингвистической составляющей брендинга на материале казахстанских брендов.

Ключевые слова: бренд, брендинг, маркетинг, авторские концепции, лингвистическая составляющая.

Y. A. Zhuravleva, Z. U. Chulakova

INVESTIGATION OF LINGUISTIC FOUNDATION OF BRANDING

Abstract. The article provides an overview of studies on various aspects of branding as a modern phenomenon based on the material of Russian and Kazakh reality, the importance and necessity of studying the linguistic component of branding on the material of Kazakh brands is also noted.

Keywords: brand, branding, marketing, original concepts, linguistic component.

В период глобализации всех мировых процессов значимость деятельности по продвижению на рынке той или иной марки продукта, обеспечению ее престижности и, как следствие, продвижению страны-производителя, постоянно растет. Роль и место брендинга весьма важны для современного общества, и, соответственно, повышается актуальность их изучения. Бренды занимают прочное место функциональной целесообразности в сознании общества, вызывая единый набор ассоциаций и целостный образ. Лингвистический бренд – это набор реальных и виртуальных мнений, которые выражаются в определенном продукте, а имя бренда несет в себе смысловую нагрузку, привлекая потребителей [Бричева, Сасина 2017: 117].

Брендинг зародился в XVI веке, и первоначально словом бренд называлось клеймо, которое наносилось на домашний скот. Однако как объект изучения маркетинга он начал рассматриваться в XIX веке в связи с выводом на рынок товаров массового потребления и осознанием важности продвижения бренда. Исходя из этого, брендом сегодня называется и ярлык, навешиваемый на товар, и сам образ, который возникает в сознании потребителей в результате целенаправленной работы его создателей. Несомненно, бренд не может сразу стать брендом, для его создания и успешного продвижения следует выполнить целый комплекс действий, включающий

различные аспекты, в числе которых имя бренда занимает одно из центральных мест.

Создание и продвижение бренда подразумевает работу в различных областях знания, таких как: психология, лингвистика, информационные технологии, образование, политика и, безусловно, маркетинг. В этих же направлениях ведутся и исследования брендинга, достаточно активны они в сфере PR и рекламы, в бизнесе, образовании и других областях. Особый интерес представляет лингвистическая основа исследований брендинга, первые работы в этом направлении появились в 60-х годах XX века, начало этому процессу положили разработки названий брендов.

Остановимся на некоторых концептуальных, на наш взгляд, работах, которые стали и могут стать серьезной основой для настоящих и будущих изысканий в рамках лингвистической составляющей современного брендинга, при этом данные исследования не всегда имеют лингвистический характер.

Британский политолог С. Анхолт предложил комплексную систему оценки национального бренда, что позволило его работам выйти за рамки научной и специальной литературы и по-новому взглянуть на то, что именуется территориальным брендингом. Известные специалисты в области брендинга Аакер Д. и Йохимштайлер Э. разработали концепцию создания бренда под названием бренд-лидерство, где в качестве центральной идеи предложили утверждение лидирующей роли брендинга в деятельности современной компании. Исследованиям брендинга посвящены также работы таких зарубежных специалистов, как М. Марк, К. Тирсон, П. Темпорал, Э. Райе, Я. Эллууд [Аакер 2001: 13].

В исследованиях И. П. Ромашовой брендинг рассматривается как коммуникативный процесс, где в русле социодинамического подхода брендинг представлен как «пример использования дискурсивных технологий для социального моделирования действительности в необходимом для компаний ключе» [Ромашова 2016: 82]. В результате проведения лингвистического анализа дискурсивных практик брендов в социальных сетях исследователь выделяет, ввиду временного ограничения, сокращение размеров рекламных текстов, использование коммерческими компаниями преимущественно коротких рекламных жанров и использование в социальных сетях анонсов. По мнению И. П. Ромашовой, компании вынуждены учитывать специфику социальных сетей для успешного продвижения бренда, тексты должны носить контактоустанавливающий характер и маскировать свою промофункцию, чтобы не быть игнорируемыми или даже отвергнутыми аудиторией социальных сетей, а главной особенностью продвижения бренда в социальных сетях автор считает его персонификацию – превращение его в почти реального участника коммуникации. Помимо всего, в своей работе в число объектов лингвистических исследований автор вводит новый тип дискурса – бренд-дискурс.

М. М. Бричева и С. А. Сасина рассматривают лингвистические аспекты процесса создания имен торговых компаний Великобритании и США на материале англоязычных брендов. Исследование позволило выявить наиболее популярные методы формирования имени торговой марки, описать этапы разработки имени бренда, а также дать оценку деятельности нейминговых компаний. Авторы подчеркивают, что хорошая нейминговая фирма должна быть в первую очередь клиентоориентированной, так как цель любого нейминга – это привлечение внимания клиента к бренду. Идеальным результатом такой деятельности авторы считают тот, при котором имя бренда входит в лексикон целевой аудитории и активно используется людьми в повседневной жизни. Нередки случаи, когда успех названия превосходит даже самые смелые ожидания его создателей. В работе подчеркивается важность учета национально-культурных и ментальных особенностей того или иного общества, также высказано мнение, что в настоящий период бренды занимают доминирующее положение среди каналов распространения национальной и культурной специфики того или иного этноса или государственного сообщества. В числе самых популярных и действенных методов создания имени бренда названы следующие: присвоение бренду фамилии основателя компании, название компании с помощью топонима, использование аллитерации, аббревиатур, составных слов, словосочетаний, в числе которых самым распространенным является метод создания новых слов-неологизмов, которые не несут определенной смысловой нагрузки, однако при успешном продвижении могут стать настоящими символами. Преимуществом такого метода считается отсутствие перевода на другие языки, что может позволить названию стать международным, и отсутствие проблем при регистрации в патентных органах. Авторы подчеркивают важность воздействия на сознание человека при формировании имени бренда.

В работах других исследователей брендинг изучался через призму маркетинга территорий. Так, в исследовании В. А. Митягиной и И. Г. Сидоровой [Митягина, Сидорова 2018] рассматривается лингвистический фокус брендинга территорий, анализируются средства оптимизации маркетинга территорий в лингвистическом аспекте, дается оценка эффективности языковых средств в брендинг-дискурсе. В силу того что туризм является интегрирующей сферой развития экономики, подчеркивается важность исследования туристического бренд-дискурса и установления роли языковых средств в нем. Оригинальные и переводные тексты на русском, английском и немецком языках, взятые из информационных порталов отдельных регионов Российской Федерации, дали возможность не только оценить эффективность данных порталов, но и представить рекомендации для создателей порталов. Использованием лексики с положительно-оценочной коннотацией и доступностью информации на различных языках характеризуются информационные порталы Германии, именно эти два критерия доказывают значительную эффективность и информативность данных порталов. Интернет-

порталы многих регионов Англии ориентированы преимущественно на местного, а не глобального потребителя. Все это позволяет авторам сделать вывод о важности изучения лингвистического фокуса при проведении анализа «эффективности дискурсивных средств в брендинге территорий туристической сферы» [Митягина, Сидорова 2018: 50].

В диссертационном исследовании В. Ю. Кожановой термин бренд рассмотрен с психологической и лингвистической позиций, выявлены базовые составляющие создания имени бренда, рассмотрены методики его создания, рассмотрены рекламные технологии нейролингвистического программирования. В качестве объекта исследования выступили лексические единицы – имена брендов, а предмета – лингвистические основы имен брендов. По мнению автора, «имя является важнейшим коммуникатором бренда, интегрирующим все главные идеи и положения, кратко выражающим его суть, передающим экспрессивность, необходимость, определенный смысл, присущие ему. В долгосрочном периоде оно формирует стратегический потенциал бренда, а его лингвистические аспекты позволяют придавать имени новый семантический оттенок» [Кожанова 2007: 3]. Исследователь отмечает, что при создании имени бренда следует учитывать национально-культурные особенности и различия в восприятии лексических единиц носителями различных языков, а также тот факт, что наименования брендов претерпевают в различных языках большие изменения, на которые влияют социальные и национальные факторы. В работе приводятся правила, которыми следует руководствоваться при создании имени бренда, дается классификация именам бренда, выявляются и анализируются специальные методики, при помощи которых создается имя бренда: нейролингвистическое программирование, лингвистические рекламные технологии нейролингвистического программирования, речевые пресуппозиции, создание комплексных эквивалентов [Кожанова 2007: 4].

М. В. Левашов проводит исследование бренд-коммуникации сквозь призму современной теории текста. Автор подчеркивает важность как вербальных, так и невербальных элементов бренда, отводя особое место собственно языковому тексту и его экстралингвистическим характеристикам. В статье бренд рассматривается в двух аспектах: семиотическом и собственно лингвистическом, с доминированием последнего. Особо подчеркивается важность учета целевой аудитории в успешном продвижении бренда: «Бренд и в проектах своих создателей должен мыслиться как некий целостный органичный текст, и он должен быть таковым в восприятии целевой аудитории. Товар, услуга, человек – все, что становится брендом, на наш взгляд, должны обладать признаками текста, чтобы восприниматься потребителями («целевой аудиторией»), которым этот текст предназначен и совместно с которыми он творится. Вербальная составляющая бренда включает в себя имя бренда, логотип, рекламные тексты и т. п. Лингвистический аспект рассмотрения бренда определяет необходимость изучения бренда в

свете современной теории текста» [Левашов 2012: 215]. Автор выделяет и рассматривает составляющие бренд-коммуникации, по-новому интерпретируя триаду «Коммуникатор-Текст-Реципиент», где предлагает реципиента считать соавтором бренда.

Нами рассмотрены некоторые подходы к изучению создания брендов и формированию брендинга как актуального процесса современной жизни, предлагаемые российскими исследователями. В Республике Казахстан брендинг исследуется преимущественно специалистами в области маркетинга. Интерес, на наш взгляд, представляют следующие работы казахстанских исследователей. А. Н. Тулембаева и М. Б. Сакова обращаются к брендам пищевой отрасли и брендингу туристских территорий Казахстана, на данном материале ими выделены три концептуальных подхода к изучению брендинга – рациональный, эмоциональный и социальный, в рамках которых эволюционирует сущность бренда [Тулембаева, Сакова 2006: 107]. Исследование А.А. Найзагарина посвящено актуальности развития брендинга в Казахстане [Найзагарин 2005: 98], А. Кумисбек, З. У. Джубалиева рассматривают существующие методы оценки стоимости бренда компании и факторы, определяющие роль бренда в обеспечении конкурентоспособности товара, среди которых выделяют и название бренда [Кумисбек А, Джубалиева 2017: 64] и др.

Представленный обзор работ российских ученых свидетельствует о том, что проблема бренда и брендинга получила серьезное и всестороннее описание на российском материале, что создает хорошую основу для будущих исследований. Лингвистическая составляющая данного процесса серьезного изучения и описания в работах казахстанских ученых до настоящего времени не получила, что подчеркивает важность и необходимость проведения таких исследований на материале казахстанских брендов и процессе их продвижения.

Литература

1. Аакер Д. Создание сильных брендов / Пер. с англ. – М.: Издательский дом Гребенникова, 2003 – 380 с.
2. Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку / [пер. с англ. Ю. В. Алабина]. – М.: Кудиц-образ, 2004. – 270 с.
3. Бричева М. М., Сасина С. А. Лингвистические аспекты нейминга (на материале англоязычных брендов) // Вестник Адыгейского государственного университета. – Майкоп, 2017. – Вып. 2. – С. 113–118.
4. Кожанова В. Ю. Лингвистические основы наименований брендов (на примере английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М, 2007. – 20 стр.
5. Кумисбек А., Джубалиева З. Подходы к оценке стоимости бренда // Вестник КазНУ. Экономическая серия. – Алматы, 2017. – № 3 (53). – С. 60–69.

6. *Левашов М. В.* Бренд и текст // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2012. – № 3. – С. 214–221.

7. *Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.

8. *Митягина В. А., Сидорова И. Г.* Лингвистический фокус брендинга территорий // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – Калининград, 2018. – С. 42–51.

9. *Найзагарин А. А.* Актуальность развития брендинга в РК // Вестник КазНУ. – Алматы, 2005. – № 5. – С. 96–99.

10. *Ромашова И. П.* Лингвистический анализ бренд-коммуникации // Научный диалог. – Омск, 2016. – № 6 (54). – С. 80–93.

11. *Современный* словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт: Комета, 1994. – 740 с.

12. *Тулембаева А. Н., Сакова М. Б.* Бренды пищевой отрасли Казахстана // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – Алматы, 2006. – № 1. С. 105–109.

Авторы:

Журавлева Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан; e-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Чулакова Зияда Утемисовна – магистр гуманитарных наук, докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан; e-mail: chulakova0601@gmail.com

Authors:

Yevgeniya Zhuravleva – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Ziyada Chulakova – Master of Arts, PhD student of Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: chulakova0601@gmail.com

МЕДИАТЕКСТ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ СПЕЦИФИКА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы демократизации и интеллектуализации как основных тенденций развития современного медиатекста. Материалом для исследования служат тексты казахстанских СМИ на русском языке.

Ключевые слова: медиатекст, интеллектуализация, медиаречь, полиязычная среда, интерпретация.

Ye. A. Zhuravleva, G. S. Samsenova

MEDIATEXT: MODERN TRENDS AND THEIR SPECIFICATIONS

Abstract. The article discusses the issues of democratization and intellectualization as the main trends in the development of modern media text. The materials for the investigation are the texts of the Kazakh mass media in Russian.

Keywords: media text, intellectualization, media speech, multilingual environment, interpretation.

Многочисленные исследования, связанные с изучением современных медиатекстов, позволили ученым выявить тенденции, отражающие изменения в коммуникативном пространстве общества, так как публицистика является проводником всевозможных новшеств, которые появляются в языке: от неологизмов и экзотизмов до стилистической контаминации. Эти тенденции и процессы часто разнонаправленны, противоположны по своей сути, но всё же ориентированы на выполнение основной функции публицистики – воздействия на адресата. Как указывает О. Б. Сиротинина, «в начале второго десятилетия XXI века в СМИ сохраняется действие противоборства тенденций к демократизации и интеллектуализации (первая влечёт за собой снижение речи, её жаргонизацию, вторая – усиленное употребление отвлечённой лексики, усложнение синтаксиса и варваризацию). Этим процессам и их проявлению в СМИ посвящено немало исследований» [Сиротинина 2013: 98]. Тенденции интеллектуализации и демократизации (В. М. Лейчик, В. Г. Костомаров) наиболее ярко проявляются в аналитических жанрах медиаречи, так как в них журналисты часто выражают эксплицитно и имплицитно субъективную оценку происходящим событиям.

Указанные тенденции развития медиатекстов активно исследуются и вызывают живой интерес, однако процесс интеллектуализации, по мнению М. А. Кормилициной, слабо систематизирован и структурирован: «Интеллектуализация текста понимается нами не просто как наличие в тексте

каких-то лексем, вызывающих у читателя необходимость при восприятии текста пользоваться специальными знаниями <...> а как усложнение его смысла, требующее при восприятии и интерпретации текста читателем дополнительных интеллектуальных усилий: его содержание включает смыслы, которые нельзя вывести из семантики составляющих его единиц (высказываний и сверхфразовых единств)» [Кормилицына 2008: 30]. Общеизвестно, что в публикациях СМИ журналист/автор представляет свою интерпретацию какой-либо информации, дает ей оценку и прогноз развития событий. «Эти задачи требуют от автора (при порождении текста) и от читателя/адресата (при его восприятии) совершения сложных умственных действий» [Кормилицына 2008: 30].

Одним из ярких примеров интеллектуализации медиатекстов является активная популяризация терминов. Термины различных областей науки (технических, гуманитарных, естественно-научных) могут употребляться в медиатекстах как в прямом, так и в переносном значении. Приведем примеры из текстов казахстанских газет на русском языке:

«Елбасы отметил рост ключевых макроэкономических показателей, указав на своевременность принятых Правительством мер по сохранению устойчивости национальной экономики и реализации стратегических программ развития» (Казахстанская правда, 2021.01.06).

В данный текст введен экономический термин **макроэкономические показатели**, находим его дефиницию в специализированном финансовом словаре: «Макроэкономические показатели – сводные, усредненные по экономике в целом показатели объемов производства и потребления, доходов и расходов, структуры, эффективности, уровня благосостояния, экспорта и импорта, темпов экономического роста и др. Макроэкономические показатели отражают общие тенденции в экономике» [Финансовый словарь]. Употребленные в прямом значении, термины выполняют информативную функцию и в то же время способствуют выражению оценки тех явлений, о которых говорит автор.

В указанном выше примере интерес может представлять и номинация «Елбасы» (в переводе с казахского языка – «Лидер нации» – титул Первого президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева), поскольку она известна только для казахстанских читателей и может быть трудной для восприятия русскоязычными читателями России и других стран. И здесь встает вопрос об особенностях развития русского языка в странах постсоветского пространства. Но это уже особая тема для исследования.

Также термины в медиатекстах могут использоваться и в переносном, метафорическом значении, тогда они несут несколько интенциональных смыслов: во-первых, выражают отношение журналиста к излагаемым событиям, то есть несут оценочную функцию; во-вторых, транслируя информацию в выгодном для журналиста ракурсе, оказывают воздействующую

функцию на реципиентов. При применении терминов в метафорическом значении усиливается оценочная составляющая медиаречи. Например:

*«Государство годами снимало телевизионные передачи и ролики, ставило билборды про то, как платить налоги. Про то, как получить пенсию или пособие на ребенка, фильмов не было. А вот в 2020-ом произошел **тектонический сдвиг**: государство стало рассказывать о том, как получить 42500 тенге, продовольственную корзину для малоимущих, президент озадачивает министров проблемой дистанционного обучения для школьников из бедных семей...»;* (Zonakz. 2020.08.14);

*«Необходимо подобными активными действиями поднимать эти вопросы среди населения, обращать на них внимание молодежи, чтобы у людей выработался своего рода **иммунитет** и было понимание, какие цели на самом деле преследуют деструктивные течения. Причем это касается не только мусульманства, но и христианства»* (Казахстанская правда, 2018.10.31) и др.

Если обратится к словарям, увидим, что выделенные слова являются терминами: «**Сдвиг** (геологический), тектонический разрыв в земной коре, крылья которого смещены в горизонтальном направлении вдоль его простирания; под С. понимают также сам процесс смещения» [Большая советская энциклопедия]. «**Иммунитет** (от лат. *immunitas* – освобождение от повинностей) (книжн.). 1. Невосприимчивость, способность организма противостоять заразным заболеваниям (мед.). Иммунитет к скарлатине. Иммунитет к животным ядам» [Толковый словарь Ушакова]. Однако применение данных терминов в медиаречи в переносном значении направлено на выражение авторской позиции и оценки событий. Метафоризация детерминантов делает медиаречь образной и яркой, а также способствует расширению кругозора читателей.

К тенденции интеллектуализации медиаречи можно отнести активное использование авторами средств непрямой коммуникации. Как отмечает Н. И. Клушина, «прагматический эффект непрямой коммуникации в печатных СМИ, на наш взгляд, заключается прежде всего в том, что косвенные речевые акты способствуют усложнению, интеллектуализации медийного дискурса, поскольку ориентированы на умного, эрудированного адресата, распознающего скрытый смысл сказанного, поддерживающего интеллектуальную игру (очень часто основанную на прецедентности и апеллирующую к базовым культурным ценностям адресата), предложенную адресантом» [Клушина 2012: 292].

К средствам непрямой коммуникации в медиаречи относят «прецедентные феномены (имена, высказывания, ситуации, тексты), тропы (метафора, метонимия, ирония), явления языковой игры, различные косвенные речевые жанры» [Кормилицына 2008: 31].

По мнению Журавлевой Е. А., Капаровой Ж. Д., «использование прецедентных текстов требует знаний, начитанности, культурной и языковой

компетенции, а также образного и логического мышления. Журналисты, создавая оригинальные публицистические произведения, затрачивают время для поиска наиболее нужного ПТ с целью привлечь внимание читателей, доставить эстетическое удовольствие от умелой языковой игры с прецедентными текстами, создать дополнительную привлекательность сообщаемой информации» [Журавлева, Капарова 2007: 64]. Таким образом, по мнению ученых, такие средства непрямого коммуникации, как прецедентные феномены, способствуют развитию интеллектуальной деятельности как автора, так и адресата.

Рассмотрим некоторые примеры использования прецедентных феноменов в казахстанских СМИ. Как мы уже отмечали, субъективная оценка журналистов особо ярко проявляется в аналитических жанрах медиаречи. Например, в Интернет-газете «Zonakz» в рубрике «Общество» представлены авторские колонки журналистов, где они излагают свое видение событий, происходящих в обществе:

*«Какое из утверждений вам более близко: «В любви к деньгам – **корень всех зол**», или – «**Корень всех зол – в отсутствии денег**?» (Zonakz. 2020.12.23) – ср. с выражением из Библии «Сребролюбие – корень всех зол»;*

*«И уверенность, что вас не положат на лопатки, предложив опять-двадцать-пять прикрыться **фиговым листком**. (Zonakz. 2020.12.23) – из Библии первая одежда Адама и Евы. Здесь автор рассуждает о законе, позволяющем гражданам досрочно снимать пенсионные накопления из пенсионного фонда.*

*«Прошлой осенью состоялся этот «**Юрьев день**» – долги до 300 тыс. тенге списали социально уязвимым слоям населения, и даже тем семьям, которые об этом не просили. (Zonakz. 2020.11.13) – ср. Юрьев день – церковные дни памяти великомученика Георгия Победоносца. В статье представлены рассуждения автора о государственных нововведениях.*

Заметим, что во всех представленных текстах используются архаичные выражения, связанные с религиозными событиями, и применение их в условиях полиязычной среды казахстанского общества, а не на исконной территории распространения русского языка, имеет особое значение, поскольку показывает достаточно высокий уровень развития русского языка в Казахстане.

В медиаречи также нередко использование трудноузнаваемых прецедентных феноменов, такие языковые средства побуждают к расшифровке интенций автора и являются стимулом интеллектуального развития читателей. Например:

*Явный дефицит этого доверия рано или поздно «выстрелит» – как то **ружье над камином** в заключительном акте пьесы. (Zonakz. 2020.10.27) – ср. цитата Чехова А. П. «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него. Нельзя обещать» – об отмене компенсационных выплат медикам в период коронавируса.*

Часто авторами используются цитаты из классических произведений литературы: *В конце концов, СКФ выполнила одну из своих программных задач, подняв (или, вернее, приподняв) с пола отечественную фармацевтическую промышленность. Все, мавр может уходить!* (Zonakz. 2020.09.18) – ср. цитата из драмы Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» – о ситуации с фармпродукцией в Казахстане.

Прецедентные тексты в медиаречи казахстанских СМИ могут претерпевать трансформацию:

«Сколько же раз уже за последние 10 лет объявлялось о сокращении госаппарата, а воз, – нет, не ныне там, – все тащится в гору! Количество-то госслужащих и сотрудников квазисектора только растет!» (Zonakz. 2020.09.25) – ср. «А воз и ныне там» – заключительная цитата из басни И. А. Крылова «Лебедь, щука и рак» – о сокращении госаппарата и квазигосударственного сектора.

«Наши «инвесторы» тоже не спят ночами. Но сравнить их с Баффетом не поворачивается язык... Ночь. Фонарь. Грядет понедельник. Где-то в Алматы не спит женщина. Строчит мне письма, что она прочла все мои статьи» (Zonakz. 2020.10.21) – ср. стихотворение А. А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...» – о различного рода мошенниках и людях, доверяющих им свои капиталы.

Подобные метаморфозы также способствуют интеллектуализации медиаречи и воспитывают хороший языковой вкус.

Введенное еще Л. Витгенштейном понятие «языковая игра» активно используется в медиаречи и выражает широкий диапазон словотворчества журналистов, являясь своеобразным показателем индивидуальности автора. Языковая игра, с одной стороны, несет развлекательную, шутливую интенцию автора – привлечь и удержать внимание реципиентов, с другой – в некотором смысле затрудняет быстрое восприятие текста, требует некоторых усилий адресата при чтении текста. Языковая игра активно применяется на всех уровнях русского языка, однако учеными отмечаются наиболее «продуктивные» уровни: графический и деривационный [Рацибурская 2015: 185].

Рассмотрим некоторые примеры языковой игры в медиаречи. *Эта история о том, как **карашо**, однако, в нашей стране занимать высокую должность* (Zonakz. 2020.10.09). Здесь автор использовал прием контаминации при соединении двух слов: начальных букв фамилии ответственного секретаря МИДа *Анарбека Карашева* и наречия *хорошо* (Карашев + хорошо), получился словообразовательный гибрид. Следующий пример: *За чем казахстанцев заражают «**паниковиром**»?* (Zonakz. 2020.06.19). Автор использовал классический прием сложения основ с соединительной гласной –о- (паника + вирус). Авторы в языковой игре могут видоизменять прецедентные тексты, что также приносит прагматический эффект: *Пиар*

во время чумы (Zonakz. 2020.06.19) – вместо исходного «Пир во время чумы».

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что современная медиаречь, хотя и включает разностильные единицы, все же направлена на выполнение главных функций – информирование и воздействие. Интеллектуализация как значимая тенденция медиаречи представляет собой двусторонний, многоуровневый процесс коммуникации автора и адресата, включающий в себя как передачу новых знаний и понятий в текстах СМИ, так и интенции авторов сотворить медиаречь креативной и интересной для адресата.

Литература

1. *Большая советская энциклопедия* [Электронный ресурс]. – М.: Советская энциклопедия. 1969–1978. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/130782/> (дата обращения: 10.02.2021).
2. *Журавлева Е. А., Капарова Ж. Д.* Прецедентные тексты начала XXI века / под общ. ред. Е. А. Журавлевой. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 255 с.
3. *Кормилицына М. А.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной, О.Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. – Вып. 8. – С. 13–34.
4. *Клушина Н. И.* Непрямое информирование в современных СМИ // Жизнь и словом присягаючи. К 90-летию М. Е. Тикоцкого: сб. науч. работ. – Минск: БГУ, 2012. – С. 288–293.
5. *Рацибурская Л. В.* Новые тенденции в русском языке начала XXI века [Электронный ресурс]: колл. монография / под. ред. Л. В. Рацибурской. – 2-е изд. стер. – М.: Флинта, 2015. – 304 с.
6. *Сиротинина О. Б.* Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – 116 с.
7. *Толковый словарь Ушакова* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/> (дата обращения: 10.02.2021).
8. *Финансовый словарь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/24824 (дата обращения: 10.02.2021).

Авторы:

Журавлева Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, зав.кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан; e-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Самсенова Гульжан Серикбаевна – докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан; e-mail: gulzhan_samsenova@mail.ru

Authors:

Zhuravleva Yevgeniya A. – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: zhuravleva_ea@enu.kz

Samsenova Gulzhan S. – PhD student of Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: gulzhan_samsenova@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБРАЗОВАНИИ НЕОПАРЕМИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются пути возникновения новых паремий в русском языке. Более детально на примере выражения «Волк слабее льва и тигра, но в цирке не выступает» анализируются этапы вхождения, адаптации и паремиологизации заимствованных фраз.

Ключевые слова: паремия, неопаремия, трансформ, фрейм, значение.

E. I. Zinovieva

ACTUAL PROCESSES IN FORMING OF RUSSIAN NEOPAREMIA

Abstract. The article deals with different ways of appearing of neoparemia in Russian language. The article analyses the process of loan phrases introduction, adaptation, and transformation into paremia. For this purpose the loan phrase «The wolf is weaker than lion and tiger, but never performs in a circus» is taken as an example.

Keywords: paremia, neoparemia, transform, frame, meaning.

Паремиологический фонд русского языка постоянно пополняется новыми единицами. Ядро фонда остается постоянным, а периферия подвижна и изменчива. Одни пословицы и поговорки уходят из активного употребления, другие входят в язык, становятся популярными в определенный промежуток времени, затем забываются.

Существуют разные пути появления новых паремий в языке. Самым распространенным и продуктивным является трансформация уже существующих узувальных единиц основного фонда. Как справедливо отмечает Е. И. Селиверстова, «преобразование и деконструкция пословичных единиц есть особый вид языковой игры по оси “привычное – новое”, часто создающей эффект обманутого ожидания и усиливающей экспрессивно-эстетическое впечатление, производимое оборотом. Разрушения пословичной единицы не происходит, поскольку исходная единица присутствует в любой из вновь образованных окказиональных пословиц в виде сохраненной логической и синтаксической структуры и семантического шлейфа всей единицы – даже при формальном сохранении лишь ее части» [Селиверстова 2020: 467]. Автор указывает также, что независимость неопословиц от контекста расширяет перспективы лингвокреативности и активизирует приемы языковой игры – игры ради игры» (там же).

Сам термин «неопословицы» был предложен Е. К Николаевой [Николаева 2002] и параллельно введен в научный обиход в паремиологии В. Мидером и А. Литовкиной, но в форме *anti-proverb* [Mieder, Litovkina 1999]. Однако термин «антипословицы», широко используемый в настоящее время благодаря трудам В. М. Мокиенко и Х. Вальтера, охватывает только трансформации паремий основного фонда, ломающих существующие стереотипы, пародийных, часто ернических по своей сути. Подобные единицы собраны в словаре «Антипословицы русского народа» [Вальтер, Мокиенко 2005]. Термин же «неопаремии», на наш взгляд, шире по содержанию, он охватывает все виды возникающих в языке пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений.

Одним из возможных путей появления новой паремии в языке является заимствованная из другого языка (чаще английского) цитата. Жизнь такой заимствованной фразы проходит в несколько этапов. Сначала она становится популярной в определенной социальной группе, затем визуализируется с помощью мемов, со свойственной мемам вирусностью распространяется в социальных сетях, подвергается процессам адаптации в языке-реципиенте, приобретая признаки паремийности, потом появляются множественные трансформы, что свидетельствует об актуальности прототипа.

Продемонстрируем сказанное на примере неопаремии *Волк слабее льва и тигра, но в цирке он не выступает*. Данная единица формируется на наших глазах. Для паремиолога важен момент зарождения единицы в языке, и рассматриваемая паремия как раз позволяет «схватить», зафиксировать такой момент.

Единица начинает активно функционировать в социальных сетях «Одноклассники» и «ВКонтакте» в 2018–2019 годах в многочисленных сообществах (пабликах), увлекающихся понравившимися цитатами и определенным образом позиционирующих себя. Участники сообществ (молодые люди) романтизировали облик волка, его чувство собственного достоинства, самодостаточность, независимость, способность в одиночку решать проблемы. Об этом свидетельствуют, например, следующие цитаты: *Лучше один день прожить волком, чем сто лет – шакалом; Волк никогда не бросит свою любимую волчицу ради доступной собаки*.

Предположительно своим происхождением анализируемая паремия обязана фразе английского языка *A lion may be stronger, but a wolf doesn't jump hoops* – *Лев может быть сильнее, но волк не прыгает через кольцо (в цирке)*. Ср.: *The lion might be the king of jungle. But the wolf never performs in a circus.* – *Лев, может, и король джунглей, но волк в цирке не выступает*. Инвариантное значение внутренней формы следующее: ‘Хоть волк и слабее, он умнее «цирковых» зверей, так как не позволяет себя использовать’.

Исходная единица *Волк слабее льва и тигра, но в цирке он не выступает* начинает использоваться вместе с многочисленными картинками волков.

Константной ее частью в плане выражения является фрагмент *волк слабее льва и тигра*.

Из социальных сетей паремия переходит и в художественный дискурс. Ср. контексты использования единицы в произведениях художественной литературы 2021 года: «Это ты к чему, Иваныч? – **Волк слабее льва и тигра**, но в цирке он не выступает. От внучки нахватался. Но только волчары позорные на неполную луну воют, это я уже услышал, когда чуть не угодил на этап (П. Крисевич. Из глубины век. (2021); «Что же, **волк слабее льва и тигра**. Но в цирке он не выступает. И ни в коем случае не стоило расслабляться рядом с таким человеком, как Эйзенхауэр» (М. Михеев. Рождённые в огне. (2021).

Пользуясь терминологическим аппаратом, предложенным Е. В. Ивановой для моделирования конкретизированных концептуальных структур в идиоматике (Иванова 2020), представим интересующую нас паремию как взаимодействующие фреймы ее внутренней формы и значения. Внутренняя форма паремии понимается, вслед за Е. В. Ивановой, как буквальное значение единицы, «находящееся в различном по характеру семантическом взаимодействии с ее денотативным значением» (Иванова 2020: 431).

Инвариант внутренней формы анализируемой паремии отражает отношения между несколькими участниками ситуации – хищными животными семейства кошачьих: львом и тигром, с одной стороны, и представителем семейства собачьих – волком. Лев и тигр крупнее и сильнее волка, но они поддаются дрессировке и могут выступать в цирке. Волк же хоть и слабее, но в силу независимости своего характера дрессировке не поддается.

Иногда ряд хищников в плане выражения паремии расширяется за счет компонента *медведь*, а вторая часть паремии представляет собой раскрытие ее буквального значения, внутренней формы: «**Волк слабее медведя, тигра и льва**, но волк никогда не будет игрушкой в руках человека» (С. Черчесов. Рассказы и повести (2021)).

Инвариант значения паремии можно сформулировать следующим образом: «человек может быть слаб физически, но при этом он не позволяет другим себя подчинять».

В конкретной ситуации константный фрагмент паремии может быть использован для описания реального факта или события действительности с участием волка. Например, заголовок «*Волк слабее льва и тигра, но и его лучше не дразнить*» отсылает к сообщению о том, как мужчина решил поддразнить волка в зоопарке. В сети обсуждается, стоит ли так поступать (<https://medialeaks.ru/0210amv-trnd-wolfpetting/>). Запись в Telegram «*Волк слабее льва и тигра*, но Александр Липкович навещает именно его» относится к рассказу о том, как ростовчанин вырастил дома волчицу, подобрал ее в логове маленьким волчонком, оставшимся без матери, а потом навещал в зоопарке, где он работал (<https://www.ruchron.com>). «*Волк слабее льва и тигра, но никого из них держать дома нельзя*» – заголовок статьи о людях,

которые держат дома хищных зверей (<https://www.facebook.com>). А «Паблик для тех, кто слабее льва и тигра, но хочет познать истинную мудрость» – это описание паблика «ВКонтакте» для любителей этого выражения и соответствующих мемов (<https://vk.com/volkslabeyelvaitigra>). Один мем может служить отправной точкой для понимания другого: надпись «Волк слабее льва и тигра, но гусь, блин, страшнее» сопровождает картинку, на которой изображен пугающе страшный гусь с открытым клювом (<https://idaprikol.ru>).

Фрейм значения паремии метафорически соотносит диких животных и людей. Паремия начинает употребляться в трансформированном виде. При неизменной первой части трансформации подвергается вторая часть. Фрейм значения может быть применим к политическому контексту, дающему оценку конкретной ситуации, например: *Волк слабее льва и тигра, но на выборы в РФ не ходит* (<https://tjournal.ru>), а может, например, использоваться в спортивном дискурсе: «*Как говорится, волк слабее льва и тигра, но зато борова победит*» (<https://www.soccer.ru>). В последнем примере речь идет о футбольном клубе «Тамбов», который представил свой новый логотип, на котором изображен волк. Здесь наблюдается аллюзия к образу тамбовского волка, а зооним *боров* отсылает к футбольному клубу «Спартак», представителей которого называют «мясо», отсюда ассоциация – свиньи и, по направлению дальнейшего ассоциирования, название самца – боров. К чувству патриотизма по отношению к родному городу и университету отсылает следующий контекст: «Студенты новгородского государственного университета ведут паблик «Волки и НовГУ», в котором демонстрируют редкий пример любви к родному ВУЗу. Мы так и не поняли, причём тут волки, но слоган «*волк слабее льва и тигра, но в Питер он не поступает*» покорила нас раз и навсегда (<https://vnovgorode.ru/>).

Популяризации паремии послужили слова Никиты Михалкова, сравнившего самого себя с волком, который в цирке не выступает. Это вызвало большой отклик и обсуждения в социальных сетях. Публикация была под заголовком «*Значит ли это, что режиссер слабее льва и тигра?*»: «В новом выпуске авторской передачи «БесогонТВ» режиссер Никита Михалков сравнил себя с волком из того самого мема про цирк. Так Михалков ответил на критику того, что он поддержал поправки к Конституции. После призыва голосовать *за*, заявил режиссер, в сети его назвали “волчарой, который сбросил овечью шкуру”. «А вот что касается «волчары», тут вы правы, – сказал Михалков. – Знаете, наверное, все из вас бывали в цирке. И вы видели там дрессированных слонов, львов, тигров, собак, лошадей. Вы никогда не видели там только волка. Потому что волк дрессуре не поддается. Поэтому и вам не стоит меня дрессировать» (<https://daily.afisha.ru/infoporn/16313-nikita-mihalkov-neironichno-povtoril-mem-pro-volka-kotoryy-v-cirke-ne-vystupaet/>).

Но уже в начале 2018 года появлялись паблики, высмеивающие «пацанские» цитаты на картинках с хищниками. Там выкладывали подобный контент без контекста или ради комического эффекта обрезали часть фразы.

Чаще всего в публикациях появлялись львы, тигры и волки. К февралю 2019 года шутка получила новую волну популярности вместе с пабликом «Постироничные мемы с волками». Там начали публиковать переделанные цитаты с изображениями волков. К апрелю мем распространился в крупных пабликах во «ВКонтакте», а также породил новые тематические сообщества. Пользователи массово начали шутить над пафосными цитатами и переделывать их в абсурдные шутки или абстрактную бессмыслицу. Популярный приём авторов – вырезать из картинки-цитаты отдельные слова и изображения, а затем смешивать их с другими мемами (<https://tjournal.ru/internet/99557-mem-glubokomyslennye-citaty-pro-volkov>).

См. также ироничное обыгрывание паремии в нашем материале: «*Волк слабее льва и тигра, но в мемах выступает*» (<https://forfun.com>). Иронически обыгрывается большое количество мемов, посвященных паремии.

Ирония может относиться к пафосности паремии: «*Волк слабее льва и тигра, но в ринге не выступает*» (<https://www.redliners.ru>). Контекст является реакцией на слова боксера, использовавшего выражение.

Дальнейшее существование паремии зависит от лингвистических и социокультурных условий. С одной стороны, доведенная до полного абсурда языковая игра может положить конец употреблению паремии, с другой, жизнь паремии может продолжиться благодаря востребованности в социуме.

Литература

1. *Иванова Е. В.* О направлениях моделирования фразеологических единиц // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (3). – С. 426–445.
2. *Вальтер Х., Мокиенко В. М.* Антипословицы русского народа. 2-е изд., испр. – СПб.: Нева, 2005. – 576 с.
3. *Николаева Е. К.* Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры // *Słowo. Tekst. Czas.* – VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. – Szczecin; Greifswald, 2002. – S. 158–164.
4. *Селиверстова Е. И.* Явление деформации пословиц сквозь призму законов паремиологического пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2020. – № 17 (3). – С. 457–473.
5. *Mieder W., Litovkina A.* Twisted wisdom: Modern anti-proverbs. – Burlington, 1999. – 254 p.

Автор:

Зиновьева Елена Иннокентьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

Author:

Zinovieva Elena I. – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methodology of its teaching at Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: e.i.zinovieva@spbu.ru

АНГЛИЦИЗМЫ В ЛЕКСИКЕ И ОРФОГРАФИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье автор поднимает проблему англоязычных заимствований, рассматривается их влияние на современный русский язык. Приводятся примеры использования заимствований, приводящих к коммуникативному непониманию и ошибкам в написании иностранных слов.

Ключевые слова: заимствования, англицизмы, языковая ситуация, орфография, коммуникативная неудача, СМИ.

M. V. Kalinina

ANGLICISMS IN THE VOCABULARY AND SPELLING OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. In the article, the author raises the problem of English-language borrowings, examines their impact on the modern Russian language. Examples of the use of borrowings that lead to communicative misunderstandings and mistakes in the spelling of foreign words are given.

Keywords: borrowings, anglicisms, language situation, spelling, communication failure, mass media.

Процессы глобализации, происходящие во всем мире, приводят к тому, что иностранные слова используются все чаще в речи современного носителя русского языка. Включение многочисленных заимствований объясняется, с одной стороны, необходимостью обозначать новые явления, понятия и предметы окружающей действительности: *дедлайн* – последний срок, *локдаун* – жесткие ограничения, *каршеринг* – аренда автомобиля, *флешмоб* – спланированная акция, *харассмент* – домогательство и т. п. В этом отношении иноязычное влияние в условиях увеличивающегося числа культурных, экономических и политических контактов между народами, безусловно, способствует обогащению русского языка новыми словами. Но, с другой стороны, употребление в речи англицизмов становится просто данью моде. На улицах наших городов мы наблюдаем необоснованную латинизацию письма (*Angel, Zoodelo, Svet* и т. д.) и частое использование в вывесках букв «своего» и «чужого» алфавита («*BEZ сахара*» (кондитерская), «*Бутерброт*», «*Гостиница Frant*», «*ЗЕБРА*», «*Нептун*» и др.). В подавляющем большинстве случаев иностранная графика используется в рекламных целях и никакой смысловой нагрузки не несет.

Многие ученые отмечают избыточность в употреблении англицизмов современными россиянами, предпочтительность использования иностранных слов вместо русских аналогов. Так, например, Л. Г. Лисицкая пишет, что «самой большой бедой для русского языка сегодня является бездумное заимствование многочисленных слов, главным образом, из английского языка» [Лисицкая 2008: 104]. Эту же мысль продолжает и М. М. Бауэр, говорящая, что большое количество англо-американских заимствований в русском языке, заставляет задумываться о потере национальной идентичности, так как язык может выступать инструментом внедрения ценностей в когнитивную систему личности помимо ее сознания [Бауэр 2006: 120]. Абсолютно солидарен с ней и В. В. Колесов, по словам которого, «насыщение русской речи иноязычными словами никак не обогащает ее, а грозит лишить нас литературного языка» [Колесов 1998: 287].

Языковая ситуация осложняется еще и тем, что огромное количество иностранных слов влилось в разговорный язык при помощи активного участия в этом всех видов СМИ. К сожалению, именно в СМИ журналисты используют англицизмы (*инфлюенсер, истеблишмент, коворкинг, коучер, ньюсмейкер, ритейлер, селф-мейд, семпл, спойлер, фейк, хоррор* и т. д.) для придания креативности и оригинальности своим текстам.

При этом журналисты забывают, что частое употребление англицизмов затрудняет восприятие информации, ведь реципиент, не знающий английский язык, часто попадает в сложную ситуацию, встречая непонятные иностранные слова в газетах, журналах, слыша их в политических и развлекательных ток-шоу. Л. Г. Лисицкая, объясняя причины происходящего, говорит, что «писать непонятно стало модно, мысль, облеченная в иноязычный термин, легко вводит в заблуждение потребителя информации, при этом возникает зона коммуникативного напряжения, так как адресат чувствует свою языковую некомпетентность в предлагаемом адресатом диалоге» [Лисицкая 2008: 106]. Проиллюстрируем это утверждение конкретными примерами: *В 2016 году Лайвли призналась, что планирует пополнение в семье, поскольку у нее самой было четверо **сиблингов** (детей одних родителей), а у ее мужа – трое* (Газета.ру, 03.05.2019), *Все произошло на съемной квартире **лофт-квартала** (чердачные кварталы) на набережной Макарова* (АИФ, 23.09.2020), *Оригинальный **апгрейд** (улучшение) идеи фотоальбомов* (АИФ, 22.12.2020), ***Спойлерить** (портить) не буду, скажу только, что окончательный ответ остается за зрителем* (Газета.ру, 23.12.2020), *Возможно, что ковид станет тем **триггером** (спусковым крючком), который ускорит новый **тренд** (основная тенденция)* (Газета.ру, 3.01.2021), *Она (Маргарита Кабалкина) считает, что увеличение **спреда** (разницы) между доходностью недвижимости и низких процентных ставок может стать одним из основных стимулом инвестирования в недвижимость* (Газета.ру, 4.01.2021), *До какого экрана вы **проскроллили** (пролистали) роман Толстого «Война и мир»?* (Газета.ру, 29.01.2021), *Он не*

абьюзер (человек, оскорбляющий других людей), *он не тиран, он психопат!* (АИФ, 23.03.2021). Все эти примеры рассматриваются как нарушение языковой нормы (принципа понятности речи), связанной с использованием плохо освоенной иностранной лексики в СМИ. В этом случае читатели не могут полноценно воспринимать текст, так как многие заимствования требуют дополнительного разъяснения, которое в самой журналистской статье отсутствует.

Действительно, не нужно забывать о том, что любое иностранное слово должно быть понятным респонденту, так как не все носители русского языка могут знать, что обозначают те или иные иностранные слова. Радует, что некоторые ведущие телевизионных ток-шоу все же пытаются разобрататься в семантике англицизмов. Приведем фрагмент диалога, состоявшегося в студии программы «Место встречи» между российским государственным деятелем В. Сурковым и ведущим А. Норкиным:

В. Сурков: *«Путинизм – это политический лайфхак».*

А. Норкин: *«Вы как понимаете лайфхак?»*

В. Сурков: *«Лайфхак – это набор политических приемов».*

А. Норкин: *«Нет, неправильно Вы переводите лайфхак, как я понимаю. Лайфхак – это некое открытие»* (15.10.2020).

В новейшем толковом словаре русского языка Е. Н. Шагаловой, к сожалению, это слово тоже отсутствует, поэтому кодифицированное толкование значения данного слова мы привести не можем, но все-таки большинство носителей русского языка для себя переводят *лайфхак* как *полезный совет*.

Приведем еще один пример, в котором О. Скабеева, пытаясь предотвратить ситуацию коммуникативной неудачи, расшифровывает значение иностранного слова, не совсем верно понимаемого самим говорящим: *«Национальный страйт? Это что такое? Говорите по-русски. Страйт – это забастовка»* («60 минут», 16.10.2020). И последний пример попытки снять коммуникативное непонимание, вызванное употреблением иностранного слова: *«Это такой траблмейкер, который пытается сломать существующий общественный порядок, который предлагает альтернативные программы»* (О. Барабанов). Ведущий И. Трушкин объясняет аудитории значение слова *траблмейкер*. Он говорит: *«Траблмейкер – это тот, кто все время создает проблемы»* («Место встречи», 15.10.2020).

Кроме проблемы, связанной с пониманием значения иностранных слов, у носителей русского языка возникают еще и трудности правописания заимствований. Многие англицизмы в электронных и печатных СМИ записаны иначе, чем нам диктует литературная норма, отраженная в новейших академических словарях: *В песне «Молитвы мертвых» есть сэмпл* (литературная норма – *семпл*) *из песни Бориса Гребенщикова («Волки да вороны»)* (АИФ, 08.04.2020), *Еще несколько десятилетий назад печатной прессе прочили забвение, рисуя перспективы ее тихого ухода из ряда влиятельных и*

востребованных *масс-медиа* (норма – *массмедиа*), *Новое поколение трэша* (норма – *треш*) (АИФ, 29.12.2020), *На телеканалах и в интернет-пространстве криминальные и асоциальные элементы привлекают внимание публики, и количество подобного трэша* (норма – *треш*) *только увеличивается* (АИФ, 23.03.2021). Часто в рамках одного издания одни и те же иноязычные слова могут писаться по-разному: *снеки* (есть рекомендация писать это слово через е) и *снэки* (АИФ), но даже в одной статье встречается разнобой в написании: *Сотрудница компании уточнила, что она собиралась на флешмоб* (норма), *Флэшмобы* (ошибка) *в компании проходят регулярно* (АИФ, 29.01.2021). *Биткойн* (ошибка) *на торгах 11 января падал на 20,7%. Стоимость биткоина* (норма) *начала повышаться с начала ноября* (АИФ, 11.01.21). Правильное написание слов, представленных выше, можно увидеть в новейшем электронном «Орфографическом академическом ресурсе Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Но, к сожалению, вопрос правописания иностранных слов может усугубляться отсутствием кодификации заимствования в современных словарях [Терентьева, Жукова 2019: 42]. Например, не зафиксирована словарная фиксация нормативного правописания целого ряда иноязычных слов: *масс-шутинг, брендбук, камбэк, лайфхак, фейк-ньюз* и др.

Возникают ошибки не только в написании иностранных слов, но и в их употреблении: *весной весь мир потрясла величайшая ассоциация* (нужно: *сенсация*), *эта техника просто бестселлер этого года* (нужно: хит, а *бестселлером* может быть только книга, пользующаяся большим спросом), *последний дедлайн* (плеоназм, слово *последний* здесь лишнее).

Действительно, употребление английской лексики в обиходно-бытовой сфере общения становится не только чем-то привычным, обыденным, но и престижным. Сами носители русского языка как бы неосознанно способствуют усилению роли английского языка, делая заниженными субъективные оценки своего родного русского языка, а это прямая угроза национальной культуре и русскому языку [Баско 2017: 88], ведь слепое следование моде на иностранную лексику и фразеологию не только может привести к снижению уровня грамотности носителя языка, но и способно изменить русскую языковую картину мира.

Литература

1. Баско Н. В. Иноязычное влияние: угроза или благо? // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 57–61.
2. Бауэр М. М. Специфика современных трансформаций в лингвистическом пространстве Тюменского региона // Омский научный вестник. – 2006. – № 10 (49). – С. 117–121.
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2009. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/>

4. Колесов В. В. Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. – СПб., 1998. – С. 287.

5. Лисицкая Л. Г. Прагматика новейших лексических заимствований в журналистском произведении // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2008. – № 37 (138). – С. 103–109.

6. Терентьева А. О., Жукова Т. В. Адаптация заимствованных слов носителями русского языка // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта / Отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. – Вып. 4. – М., 2019. – С. 37–46.

Электронные ресурсы

Академический орфографический ресурс «Академос» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения 5.02.2021).

Автор:

Калинина Маргарита Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и литературы Волгоградского государственного института искусств и культуры, г. Волгоград, Россия; e-mail: kalinina_8181@mail.ru

Author:

Kalinina Margarita V. – Associate Professor, Department of the Russian, Foreign Languages and Literature, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russia; e-mail: kalinina_8181@mail.ru

БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛЕСОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье описана история создания специализированных лексикографических источников, отражающих белорусскоязычную терминологию лесного хозяйства, показаны изменения, произошедшие в ее составе в течение XX–XXI столетий.

Ключевые слова: белорусский язык, термин, лесохозяйственная терминология, развитие терминологии, специализированные словари.

А. А. Kirdun

BELARUSIAN-LANGUAGE FORESTRY TERMINOLOGY IN THE DYNAMIC ASPECT

Abstract. The article describes the history of the creation of specialized lexicographic sources, reflecting the Belarusian-language terminology of forestry, shows the changes that have occurred in its composition during the XX-XXI centuries.

Keywords: Belarusian language, term, forestry terminology, development of terminology, specialized dictionaries.

Начало разработке терминологических систем современного белорусского литературного языка было положено в 1921 году, когда при Народном комиссариате просвещения ССРБ была создана Научно-терминологическая комиссия (председатель – С. Некрашевич, позже – Я. Лёсик). В ее задачи входили разработка и создание на основе максимального использования ресурсов белорусского языка научных терминологий по всем областям знаний. С 1922 по 1934 гг. издано 27 выпусков, 8-й из которых был посвящен лесной терминологии. Он вышел в 1926 г. под названием «Слоўнік лясных тэрмінаў», состоял из русско-белорусского словаря, включающего 1657 пронумерованных терминологических единиц, и выстроенного в алфавитном порядке отдельного списка белорусскоязычных терминов, сопровождаемых теми же номерами, под которыми они фиксировались в первой части. Всю лексику, включенную в словарь, условно можно разделить на две группы: 1) термины, употребляемые в отдельных отраслях «лесной науки»; 2) термины, используемые в канцелярии лесничества.

В предисловии отмечалось, что словарь публикуется «в дискуссионном порядке», то есть является проектом. В качестве причины указывалось то,

что «при составлении этого словаря нельзя было широко использовать народные названия». И действительно, входные русскоязычные термины зачастую имеют в качестве опорного компонента заимствованное слово, поэтому переводные белорусскоязычные эквиваленты тождественны по компонентному составу и схожи в плане выражения, например: рус. *акт о лесонарушении* – бел. *акт аб лесапарушэньні*, рус. *артель лесная* – бел. *арцель лясная*, рус. *брус кубичный* – бел. *брус кубічны*, рус. *геодезия лесная* – бел. *геодэзія лясная*, рус. *лесной фонд* – бел. *лясны фонд*, рус. *лесозаготовительная организация* – бел. *лесазагатоўчая арганізацыя*, рус. *лишай исландский* – бел. *лішай ісьляндзкі*, рус. *фаутное дерево* – бел. *фаутнае дрэва* и т. д. Как отмечает Р. В. Миксюк, «постановка лесного хозяйства на научную основу в XIX–XX вв. требовала новых лексических единиц. При отсутствии определенного термина и невозможности его создания средствами родного языка возникла необходимость прямого, непосредственного заимствования в научном мире западноевропейских стран, где подобная терминология уже была создана, как правило, на основе греческого или латинского языка» [Миксюк 1998: 85].

Вместе с тем нельзя не отметить и другую специфическую черту «Слоўніка лясных тэрмінаў»: его значительная часть представлена языковыми парами вида «многокомпонентный термин русского языка – однокомпонентный термин белорусского языка», например: рус. *болото непроходимое* – бел. *немерач*, рус. *брус стропильный* – бел. *кроква*, рус. *болото топкое* – бел. *дрыгва*, рус. *брус косяковый* – бел. *шула*, рус. *бумажный завод* – бел. *паперня*, рус. *девственный лес* – бел. *пушча*, рус. *дикий кабан* – бел. *дзік*, рус. *карельская берёза* – бел. *чачотка*, рус. *ольховая трясина* – бел. *алёс*, рус. *опушка леса* – бел. *узльесьсе*, рус. *пасека пчелиная* – бел. *пчольнік*, рус. *пневой осмол* – бел. *асмолак*, рус. *распашка лесной почвы* – бел. *ляда*, рус. *снеговой налёт* – бел. *шэрань*, рус. *экземпляр растения* – бел. *каліва*, рус. *ядро древесины* – бел. *стрыжань* и др. Эти примеры, с одной стороны, отражают стремление составителей словаря к максимальному использованию собственных ресурсов белорусского языка, с другой стороны, свидетельствуют об объективной возможности использования таких ресурсов. Здесь нужно отметить, что лес для белорусов всегда являлся одной из главных составляющих частей окружающей среды, поэтому все связанные с ним понятия нашли детализированное выражение в белорусском языке.

В качестве переводных эквивалентов при составлении словаря использовались и слова из белорусских говоров или исторических материалов, некоторые термины создавались искусственно, однако эти языковые единицы не нашли применения в научных текстах, обозначаемые ими понятия со временем получили иные наименования, например: вместо *калакалуха* стало использоваться наименование *чаромха* (рус. *черемуха*), вместо *лес будаўляны* – *лес будаўнічы* (рус. *лес строевой*), вместо *дрэвастан*

– *насаджэнні* (рус. *насаждения*), вместо *саянковыя глебы* – *саланчаковыя глебы* (рус. *солончаковые почвы*), вместо *чужаеды расьлінныя* – *паразіты расьлінныя* (рус. *паразиты растительные*), вместо *ключыкі лекавыя* – *першацвет лекавы* (рус. *первоцвет лекарственный*), вместо *памаладзь* – *маладняк* (рус. *подрост*), вместо *парода борздарослая* – *парода хуткарослая* (рус. *порода быстрорастущая*), вместо *зьдзечышча* – *урочышча* (рус. *урочище*) и т. д.

Необходимо обратить внимание, что члены Научно-терминологической комиссии признавали искусственность части терминологических единиц, поэтому, как указывалось выше, в каждом выпуске подчеркивали дискуссионность предложенной к использованию терминологии. С. Некрашевич отмечал, что большая часть обработанной терминологической лексики останется в научном использовании, а всё «искусственное, непригодное, несвойственное белорусскому языку» в ходе дальнейшего развития терминологии уйдет из научного оборота [Некрашевич 1925: 166].

Авторы «Слоўніка лясных тэрмінаў» (Я. Тросько, Я. Шамоль, А. Хотянович, Ч. Белюнас и П. Санько) сообщали читателям, что начата работа по сбору материала «для полной научной белорусской лесной терминологии» в соответствии с инструкцией, составленной для этого, и приглашали специалистов помочь в сборе необходимого языкового материала. Однако переиздание «Слоўніка лясных тэрмінаў» не было выполнено.

Следующие попытки целенаправленной инвентаризации и кодификации белорусскоязычных терминов лесного хозяйства были осуществлены в 1990-х годах сотрудниками Белорусского государственного технологического университета (БГТУ). Для студентов подготовлены несколько кратких лексикографических изданий по отдельным лексико-семантическим группам («Терминологический русско-белорусский словарь по древесноведению» (1995), «Тэрміналагічны тлумачальны беларуска-рускі слоўнік па экалогіі і лесазнаўству» (1992) и несколько других).

После 1990-х годов белорусскоязычные лесохозяйственные термины фиксируются в небольших по объему словарях, инкорпорированных в учебники по различным дисциплинам, преподаваемым в БГТУ в рамках специальности «Лесное хозяйство».

На основе анализа словарей, созданных в конце XX–начале XXI вв, можно констатировать, что на белорусском языке реализованы лесохозяйственные термины, обозначающие:

- ботанические понятия (строение растений, процессы их жизнедеятельности, закономерности превращения в них веществ, взаимоотношения органов растений, видоизменения в связи с условиями среды и т. д.);
- дендрологические понятия (древесные растения и их связи со средой);
- почвоведческие понятия (почвы, их состав, свойства);

- энтомологические понятия (насекомые-вредители, меры по борьбе с ними);

- понятия лесной фитопатологии (болезни растений, причины их возникновения, меры по борьбе с болезнями растений);

- понятия, связанные с лесоустройством (обеспечение рационального использования лесов, продуктивность, воспроизводство, охрана и защита лесов, культура лесного хозяйства, лесорастительные и экономические условия территории, лесохозяйственные мероприятия, пользование древесиной и др.).

Образование современных белорусскоязычных терминов лесного хозяйства происходит преимущественно за счет словообразовательных возможностей белорусского литературного языка: семантическим способом, синтаксическим и морфолого-синтаксическим.

В заключение следует отметить, что на современном этапе в Республике Беларусь лесное хозяйство относится к числу динамично развивающихся и стратегически важных отраслей, поэтому задачи по научной обработке, систематизации, унификации и описанию соответствующей национальной терминологии, а также по созданию лексикографических источников, отвечающих современным реалиям, приобретают особую актуальность.

Литература

1. Міксюк Р. В. Лексічныя запазычанні пры фарміраванні лесагаспадарчай тэрміналогіі беларускай мовы // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 1998. – № 4. – С. 84–86.

2. Некрашэвіч С. Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы // Польша. – 1925. – № 5. – С. 164–186.

Автор:

Кирдун Алла Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской филологии Белорусского государственного технологического университета, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: allakirdun@belstu.by

Author:

Kirdun Alla A. – PhD (Philology), Assistant Professor, Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: allakirdun@belstu.by

**СЕМАНТИЧЕСКИЙ ГЕШТАЛЬТ «ХОЗЯИН»
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КРЫМЧАН
(по результатам экспериментального исследования)**

Аннотация. В статье описаны особенности образов языкового сознания индивидуума в зависимости от региона проживания на материале семантического гештальта слова-стимула «хозяин».

Ключевые слова: лексические ассоциации, ассоциативный эксперимент, языковое сознание.

Е. А. Konovalova

**SEMANTIC GESTALT "OWNER" IN THE LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF THE INHABITANTS OF THE CRIMEA
(experimental results)**

Abstract. The article describes the features of images of language consciousness of an individual depending on the region of residence on the material of the semantic gestalt of the words-stimuli «owner».

Keywords: word associations, associative experiment, language consciousness.

Одним из факторов, влияющих на формирование языковой картины мира, является регион проживания. Ассоциативный эксперимент используют для выявления ассоциативно-вербальных сетей [Виноградова 2013; Стернин, Рудакова 2011, Стернин 2010, Стернин, Шаламова 2006]. Мы продолжаем эту традицию и предлагаем использовать результаты ассоциативного эксперимента для описания актуализации и деактуализации как лексического значения, так парадигматических и ассоциативных отношений.

Цель исследования – проследить, как влияет регион проживания на языковое сознание носителей русского языка. Результаты ассоциативного эксперимента помогли найти схожие и различные черты в языковой картине мира молодого поколения Крыма, Европейской части России, Сибири и Дальнего Востока. Особенности языкового сознания выявлены на основе анализа одноименных словарных статей, составленных по результатам ассоциативного эксперимента, проведённого в трех регионах России: Русский региональный словарь-тезаурус ЕВРАС (2008–2011) [Черкасова 2014], Русский региональный ассоциативный словарь СИБАС (2008–2011) [Шапошникова, Романенко 2014], Русский региональный ассоциативный словарь КрымАС (2017–2020). Проведя анализ данных ассоциативных словарей, выявили реакции на слово-стимул *хозяин* и сопоставили их с данными

словарей: толковых, синонимов, антонимов, фразеологических, крылатых слов и выражений, идиом. Сравнив полученные данные, описали языковое сознание носителя современного русского языка.

Исследователи отмечают, что семантика лексических единиц может быть описана как с помощью методов традиционной лексикологии, так и методами психолингвистического анализа. Результаты такого описания не всегда совпадают. Результаты ассоциативного эксперимента позволяют глубже и объемнее описать значение [Стернин, Рудакова 2011]. Сравнив данные толкового словаря и результаты эксперимента, мы смогли выявить значения, отражающие сознание носителей языка. Из девяти значений, описанных в толковом словаре, актуальными в ходе ассоциативного эксперимента оказались только семь значений: 1) тот, кому принадлежит что-л., кто владеет чем-л.; владелец, собственник; 2) лицо, пользующееся наёмным трудом, частный наниматель; 3) тот, кто ведёт хозяйство, занимается хозяйственными делами; 4) глава семьи, дома (обычно о муже); 5) тот, кто имеет власть распоряжаться кем-, чем-л.; 6) употр. как обращение к взрослому мужчине, 7) trad.-нар. У суеверных людей: леший.

Первое значение слова *хозяин* было проявлено во всех трех ассоциативных словарях. Общими для всех трех регионов реакциями стали сочетания *хозяин дома, собаки, жизни, морей, положения, мира, квартиры*. В двух регионах (ЕВРАС и СИБАС) совпали реакции: *хозяин тайги, судьбы, таверны*; (ЕВРАС и КрымАС) *хозяин слова*. Есть ассоциаты, используемые только жителями отдельных регионов: Европейская часть России (*хозяин леса, зверей, вселенной, машины*), Сибирь и Дальний Восток (*хозяин фермы*), Крым (*хозяин животного, магазина*).

Часть сочетаний, которые совпадают с первым значением, отмеченным в толковом словаре, являются устойчивыми. Фразеологический словарь русского языка фиксирует два устойчивых выражения: *хозяин положения* и *хозяин своему слову*. Ассоциат *хозяин положения* активен в речи жителей всех трех регионов, а *хозяин слова* встречается только в ЕВРАС и КрымАС.

Результаты эксперимента выявили устойчивые сочетания, не зафиксированные во фразеологических словарях, но проявившие себя во всех трех регионах: *хозяин жизни, хозяин мира, хозяин морей*.

Второе значение лексемы *хозяин*, отмеченное в толковом словаре, характерно для языкового сознания всех регионов: *владелец*. Реакции совпали в двух словарях ЕВРАС и СИБАС: *босс, собственник*. Слова актуальные только для одного региона: Европейская часть России (*директор, мастер, рабовладельцу*), Сибирь и Дальний Восток (*шеф*).

Третье лексическое значение отмечено во всех трех ассоциативных словарях, но ни одна реакция не совпала сразу в трех регионах. В ЕВРАС и СИБАС ассоциаты *хозяин* и *хозяйка* оказались общими. Лексем, актуальных только для одного региона, в этом значении нет.

Четвертое значение отмечено только в двух ассоциативных словарях: ЕВРАС (*муж*) и СИБАС (*папа*). Совпадений реакций на основе этого лексического значения в словарях не зафиксировано. В Крыму это значение не отмечено.

Пятое значение лексемы *хозяин* совпало в трех словарях: *барин, глава, господин*. Реакции совпали в двух словарях ЕВРАС и СИБАС: *начальник*. Слова, актуальные только для одного региона: Крым (*царь, командир*).

Самая частотная реакция *барин* (ЕВРАС – 23%, СИБАС – 20%, КрымАС – 26%) на слово–стимул *хозяин* можем объяснить актуальностью в языковом сознании носителя современного русского языка пословицы «*хозяин – барин*».

Шестое лексическое значение отмечено во всех трех ассоциативных словарях, но ни одна реакция не совпала сразу в трех регионах. Лексемы повторяются в двух словарях СИБАС и КрымАС: *мужчина*. Лексемы, актуальные только для одного региона: Европейская часть России (*мужик*).

Седьмое значение есть только в словаре ЕВРАС – *хозяин леса*. Но данные ассоциативного эксперимента не всегда могут трактоваться однозначно. Что понимают под реакцией *хозяин леса* испытуемые: медведь или леший? *Хозяин тайги* можно трактовать как медведь, название фильма или название повести. Для ответа на эти вопросы необходимо проводить дополнительные исследования.

Данные ассоциативного эксперимента позволяют расширить представление не только об актуальной семантике слова, но и о парадигматических отношениях. Региональные словари-тезаурусы позволяют определить антонимы к слову-стимулу. Словарь антонимов к слову *хозяин* указывает только одну лексему – *работник* [Введенская 2010; Колесников 1995; Меркурьева 1999; Словарь 2014], а к слову *раб* антоним *господин* [Словарь 2014]. В ходе ассоциативного эксперимента ни одна реакция не совпала с лексемой, зафиксированной в словаре антонимов. В трех ассоциативных словарях совпал антоним *раб*. Остальные реакции являются характерными только для одного региона: Европейская часть России (*гость*), Сибирь и Дальний Восток (*слуга, рабочий, подчиненный*). Итак, антонимами к слову *хозяин* в современном языковом сознании по данным ассоциативного эксперимента можно считать слова: *раб, слуга, гость, рабочий, подчиненный*.

Данные ассоциативных словарей помогают выявить актуальные для языкового сознания носителей русского языка синонимы. В трех словарях совпали синонимы: *барин, владелец, господин, глава, человек*. В двух словарях ЕВРАС и СИБАС совпали ассоциаты: *начальник, босс, собственник, хозяйка*. Сочетания, актуальные только для одного региона: Европейская часть России (*директор, мастер, муж, мужик, рабовладелец*), Сибирь и Дальний Восток (*хозяин, папа, шеф*), Крым (*командир, хозяин, царь*).

По данным словаря синонимов и сходных по смыслу выражений и краткого справочника [Абрамов 2008; Синонимы URL; Александрова 2001;

Огольцев 2001] синонимами лексемы *хозяин* являются слова: *владелец, владетель, властитель, обладатель, собственник, принципал; домохозяин, домовладыка, большак, глава дома, содержатель гостиницы, господин; босс (разг.), начальник (разг.), патрон (разг.), шеф (разг.)*.

В словаре синонимов и ассоциативном словаре совпали следующие слова: в трех словарях *владелец, господин*; в двух словарях ЕВРАС и СИБАС: *босс, начальник, собственник*; в одном словаре СИБАС: *шеф*. Следующие слова, зафиксированные в словаре синонимов, не нашли своей реализации в ходе ассоциативного эксперимента: *владетель, властитель, обладатель, принципал, домохозяин, домовладыка, большак, глава дома, содержатель гостиницы*, поэтому можно говорить об их деактуализации.

В ходе ассоциативного эксперимента выделены характеристики объекта, которые также отражены в словарях русской идиоматики, русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Абрамов 2009; Кустова URL]. В трех словарях совпал ассоциат *главный*. Реакции совпали в двух словарях: ЕВРАС и КрымАС (*добрый*), ЕВРАС и СИБАС (*гостеприимный*). Реакции, актуальные только для одного региона: Сибирь и Дальний Восток (*хороший, злой*), Крым (*белый*).

В словаре русской идиоматики, составленном на основе национального корпуса русского языка, отмечены следующие характеристики лексемы *хозяин*: *безраздельный, настоящий, непререкаемый, образцовый, полный*. В словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений *ХОЗЯИН* *властный, державный, могучий, могущественный, авторитетный, влиятельный, веский, повелительный, сильный; всевластный, все сильный, всемогущий, велемощный*. Все определения в словарях синонимов дают характеристику слова *хозяин* с положительной или нейтральной стороны. В ассоциативных словарях определения связаны как с положительной, нейтральной, так и с отрицательной характеристикой объекта (*злой* (СИБАС)), обозначенного стимульным словом.

Ни одна характеристика не совпала в ассоциативных словарях и словарях идиом, русских синонимов и сходных по смыслу выражений.

Данные ассоциативных словарей позволяют описать картину мира носителя современного русского языка. Так, местоимения-ассоциации к слову *хозяин* дают представление о самосознании носителя языка: *я* (ЕВРАС, СИБАС), *твой* (КрымАС). В Европейской части, в Сибири и на Дальнем Востоке *хозяин* прежде всего ассоциируется с самим собой, респондент чувствуют себя хозяином. В Крыму такое мироощущение не зафиксировано. Эту мысль подтверждает сочетание *хозяин судьбы*, которое отмечено в ЕВРАС и СИБАС, но не встречается в ассоциативном словаре Крыма.

Данные региональных ассоциативных словарей позволяют уточнить значение слова и описать картину мира представителей разных регионов. *Хозяин* может владеть: неодушевленными существительными (*домом, квартирой* (ЕВРАС, СИБАС, КрымАС), *собственностью, таверной* (ЕВРАС,

СИБАС), *двором* (СИБАС, КрымАС), *машиной, вещью* (ЕВРАС), *фермой, кафе* (СИБАС), *магазином* (КрымАС); одушевленными существительными: *собакой* (ЕВРАС, СИБАС, КрымАС), *псом* (СИБАС), *зверями* (ЕВРАС), *животными* (КрымАС); абстрактными существительными: *жизнью, положением, миром* (ЕВРАС, СИБАС, КрымАС), *словом* (ЕВРАС, КрымАС), *судьбой* (ЕВРАС, СИБАС), *вселенной* (ЕВРАС); природными объектами: *морем* (ЕВРАС, СИБАС, КрымАС), *тайгой* (ЕВРАС, СИБАС), *лесом* (ЕВРАС).

Хозяин ассоциируется с *властью* (ЕВРАС, СИБАС, КрымАС), *работой, ответственностью* (ЕВРАС), *рабством* (КрымАС).

Хозяина воспринимают как *главного* (ЕВРАС, СИБАС, КрымАС), *добророго* (ЕВРАС, КрымАС), *гостеприимного* (ЕВРАС, СИБАС), *хорошего, злого* (СИБАС), *белого* (КрымАС).

Исходя из полученных в ходе исследования данных можем сделать следующие выводы. Ассоциативный эксперимент позволяет получить значительное количество ассоциаций, отражающих различные семантические признаки слов-стимулов. Экспериментальное исследование выявляет актуальные значения слова, присутствующие в языковом сознании носителя современного языка. Некоторые значения, зафиксированные в лексикографических источниках, не нашли своего подтверждения в ходе исследования. Так, из девяти значений слова *хозяин* только семь оказались актуальными в языковой картине мира. Благодаря ассоциативному эксперименту значительно расширился список антонимов. Данные ассоциативных словарей помогают определить, какие синонимы актуальны в языковом сознании, какие можно отнести к устаревшим. Ассоциативный эксперимент позволяет описать устойчивые выражения, которые не зафиксированы в лексикографической практике.

Литература

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: АСТ, 2008. – 672 с.
3. *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
4. *Большой толковый словарь русского языка* / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2014. – 1536 с.
6. *Введенская Л. А.* Учебный словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону, 2010. – 314 с.
7. *Виноградова О. Е.* Направленный ассоциативный эксперимент в описании семантики слова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Филология. – 2013 – С. 66–73.
8. *Колесников Н. П.* Словарь паронимов и антонимов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 512 с.
9. *Кустова Г. И.* Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс] // Словари на основе

корпуса русского языка. – Режим доступа: URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php?> – Дата обращения: 10.12.2020.

11. Меркурьева Н. М. Словарь антонимов русского языка: Сложные слова (около 1800 антонимических пар). – М.: Правда, 1999. – 480 с.

12. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. – М.: Рус. словари и др., 2001. – 797 с.

13. *Синонимы*: краткий справочник [Электронный ресурс] // Грамота.ру: справочно-информационный портал. – URL: <http://gramota.ru>. – Дата обращения: 10.12.2020.

15. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка / Под редакцией А. С. Гавриловой. – М.: Аделант, 2014. – 800 с.

16. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 192 с.

17. Стернин И. А. К разработке психолингвистического толкового словаря / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – М.: Изд-во РАН, 2010. – С. 57–63.

18. Стернин И. А., Шаламова Э. В. Ассоциативный эксперимент и описание семантики слова в языковом сознании (слово машина в словаре и языковом сознании современного носителя русского языка) // Вестник МГОУ. Серия Лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 69–74.

19. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.

20. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС-1 В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 279 с.

21. Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. – М.: Московский институт лингвистики, 2014. – 537 с.

Автор:

Коновалова Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», г. Симферополь, Россия; e-mail: ikon55@list.ru

Author:

Konvalova Elena A. – Candidate of Philology Sciences, Docent of Chair of Russian Language and Culture of Speech Institute of Philology V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; e-mail: ikon55@list.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ (КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СФЕРЫ-ДОНОРЫ)

Аннотация. В статье раскрываются особенности современных публицистических метафор, выявленные в ходе их когнитивно-семантического анализа в текстах социально-политической проблематики 2014–2016 гг., выявляются наиболее продуктивные концептуальные сферы-доноры таких метафор.

Ключевые слова: публицистические метафоры, когнитивно-семантические модели метафор, концептуальные сферы-доноры, тексты СМИ и интернет-коммуникации социально-политической проблематики.

Е. Е. Kotsova

MODERN JOURNALISTIC METAPHORS IN THE TEXTS OF SOCIO-POLITICAL ISSUES (CONCEPTUAL AREAS-DONORS)

Abstract. The article reveals the features of modern journalistic metaphors identified in the course of their cognitive-semantic analysis in the texts of socio-political issues of 2014-2016. The most productive conceptual areas-donors of such metaphors are identified.

Keywords: journalistic metaphors, cognitive-semantic models of metaphors, conceptual donor spheres, media texts and Internet communications of socio-political issues.

СМИ играют важную роль в современном обществе, именно поэтому изучение публицистических метафор актуально, так как именно через них идет понимание событий в социально-политической и финансово-экономической жизни современной России в начале XXI века.

Метафоры активно используются в газетной публицистике, увеличивая информативную ценность сообщения с помощью ассоциаций, вызываемых переносным употреблением слова, участвуя в важнейших функциях публицистики: убеждения и эмоционального воздействия. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к формированию этих тропов как оценочных маркеров, позволяющих отслеживать меняющийся менталитет россиян в условиях социально-политической и финансово-экономической ситуации в России [Будаев 2011; Будаев, Чудинов 2020; Чудинов 2013; и др.]. В русле когнитивной лингвистики начинает рассматриваться формирование метафорических картин мира отдельных

концептуальных сфер (экономика, финансовая система, пенсионная реформа) [Бородулина, Макеева, Гливенкова 2019; Чудинов 2003; Котцова 2019].

Основная цель работы – охарактеризовать когнитивно-семантические особенности «социально-политических» метафор в рамках современного публицистического дискурса, а именно: выявить когнитивные механизмы и способы объективации метафор в соотношении сфер-доноров и сфер-реципиентов, а также выделить наиболее продуктивные семантические модели публицистических метафор с точки зрения тематики сфер-«доноров» как источников семантической деривации, переносов наименований на социально-политические и финансово-экономические процессы и события в России начала XXI века.

Материалом для исследования послужили тексты газет, а также интернет-источников 2010-х–2020-х годов, отражающие современную социально-политическую и финансово-экономическую ситуацию в России (газеты «Аргументы и факты», «Независимая газета», «Собеседник», «Известия», «Архангельск», интернет-газета Lenta.ru (<https://lenta.ru/>), политические теледебаты, новости информагентств и Интернет каналов и др.).

Изучение концептуальных сфер-доноров публицистических метафор в текстах СМИ позволяет оценить смысловую и функционально-стилистическую роль этих метафор, осмыслить и образно оценить те социально-политические события, которые происходят в современной России. Вопрос о когнитивно-семантических моделях метафор, или основаниях переноса наименований с одной концептуальной области на другую на основе ассоциативной связи сопоставляемых явлений, до сих пор остается актуальным.

Анализ публицистических метафор (более 120 единиц анализа) показал, что в публикациях, посвященных социально-политической проблематике, преобладают внутренние метафоры, имеющие сложную ассоциативную основу. Часто это авторские метафоры, наиболее ярко и емко отражающие реакцию журналистов, политиков, политологов, общественных деятелей на социально-политические события в современной России. Ср.: В общественно-политическом отношении Россия сегодня напоминает *лоскутное одеяло. Вроде бы и общее, вроде бы можно укрыться и попробовать согреться. Но это общее одеяло всё из разноцветных лоскутков и всё меньше греет*. Власть, новая буржуазия, крупное чиновничество, силовая элита, партийная номенклатура как бы самоизолировались от общества и живут своей особой, «*зазаборной*», жизнью. (В. Костиков. АиФ. № 27. 01.07.2020). Такие развернутые метафоры образуют «своего рода концептуальное покрывало, которое набрасывается на анализируемый социальный феномен» [Филатов 2015: 21].

Доминирующей сферой-донором, или сферой-источником, метафор, характеризующих социально-политические и финансово-экономические процессы в России, являются конкретные физические явления (предметы,

признаки, действия). Особенно продуктивны переносы наименований с тематических сфер «Животный мир» и «Медицина».

Использование метафор, характеризующих современную социально-политическую ситуацию в России, стимулирует внимание и интерес читателей к высказываниям на ту или иную актуальную тему. Метафора как одно из наиболее ярких средств художественной выразительности выполняет не только эмоционально-экспрессивную функцию, но и помогает представить сложное понятие как относительно простое, новое – как хорошо известное, абстрактное – как конкретное.

Представим некоторые результаты когнитивно-семантического анализа моделей публицистических метафор с указанием тематических сфер-«доноров» и степени свежести, новизны (окказиональности/узуальности). **Окказиональные** метафоры выделены полужирным шрифтом.

Метафоры в текстах современных СМИ	Сфера-донор
<i>Конкретные физические явления</i>	
По уровню коррупции <u>мы не переплюнули, а перехаркнули</u> весь мир (Жизнь. 2016. № 36).	Конкретные физические действия
Признание того, что главной проблемой страны (одной из богатейших в мире по ресурсам) стала проблема бедности, – это серьёзный шаг к протрезвлению от «головокружения от успехов» (АиФ.2020. № 4).	Физиологическое состояние
По всему миру пойдут сейсмические волны (АиФ. 2016. № 44). – О победе Трампа на выборах.	Физические явления
Город и остров защищали себя от майданных революционеров, пахнувших площадным борщом и американскими пельменками (АиФ. 2018. № 11). Упрощение жизни посредством культурного и пропагандистского попкорна идет по многим параметрам (АиФ. 2016. № 51).	Продукты. Блюда
В каждом человеке крутятся неподознанные шестерёнки обид, противоречий, непониманий (АиФ. 2015. № 50). Расовая проблема в США стала фитилем для взрыва социально-политической бомбы (НТВ. Своя правда. 07.06.2020).	Механизмы, детали
<i>Сфера медицины</i>	
Рождается другой мир – с новыми смыслами, с новыми трагедиями. Параноидальный твиттер-мир (АиФ. 2016. № 35). Один нормативный акт противоречит другому. Это же юридическая шизофрения (В. Катасонов. Новая	Диагнозы, болезненные состояния

нормальность.15.11.2020. https://zen.yandex.ru/). Власти Украины вновь доказали миру, что <i>спираль клинического идиотизма</i> может быть бесконечной (Жизнь. 2016. № 43). Г. Греф обострил <i>диагноз болезни</i> в тот самый момент, когда по всем канонам политики его следовало бы смягчать (АиФ. 2016. № 3). <i>Глубочайшая кома</i> Минского процесса закончилась (НТВ. Место встречи. 10. 12. 2019). Мировая экономика напоминает <i>злокачественную опухоль</i>. Спекулянты действуют по принципу «после нас хоть потоп» (С. Михеев. Я. Дзен. 21.04.2020).	
<i>Вирус</i> пенсионного <i>геноцида</i> (информагентство Беломорканал (TV29.RU, 02.10.2018). Люди с <i>ампутированными</i> чувствами вершат судьбы других людей (НГ. 14.05.2014). – О чиновниках. Наше современное государство – это не средство коммуникации, а сплошной <i>тромбофлебит</i> (НГ. 15.03.2011). Человечество впервые столкнулось с тотальной <i>неинфекционной пандемией</i> страха (И. Гундаров. Интернет-канал. 03.04.2020). Власть, <i>под действием мутагенов перерождаясь в раковую опухоль</i>, начинает питаться от народа через социальные институты (С. Базуев. Межрегиональный интернет-журнал «7x7». 04.10.2018).	Болезни, операции
<i>Мир человека (другие сферы)</i>	
Вместо еврокапитализма у нас <i>выращен</i> олигархический <i>уродец</i> (АиФ. 2016. № 13).	Воспитание
В пакете указов В. Путина есть и решение, меняющее <i>архитектуру</i> госустройства (АиФ. 2016. № 31. С. 4).	Архитектура
Среди избранных академиков оказались жёны и дети медицинских <i>патриархов</i> (АиФ. 2016. № 51).	Религия

В ходе когнитивного анализа семантических моделей публицистических метафор были выявлены четыре продуктивных концептуальных сферы-донора как источники переносов наименований на социально-политические и финансово-экономические отношения (чаще на абстрактные явления): 1) конкретные физические действия, признаки и предметы (в том числе артефактные метафоры); 2) внешний и внутренний мир человека (антропоморфные метафоры); 3) медицина (тематические подсферы «Диагноз», «Болезнь»); 4) животный мир (анималистические метафоры). Это широкие сферы-доноры (или источники), допускающие дальнейшую категоризацию метафор на подгруппы, характеризующие отдельные социально-политические, финансово-экономические события, явления в жизни страны.

Исследование публицистических метафор в текстах современной периодики, несомненно, имеет перспективу и должно быть продолжено на более широком текстовом материале. В большинстве случаев употребление

метафор диктуется не только желанием оживить материал публикации или выступление, а стремлением добиться эффективности печатного слова, его действенности и отражает ведущую интенцию оценочных метафор в публицистических текстах – негативную.

Перспективным представляется и анализ данных тропов как показателей идиостиля того или иного журналиста. Корпус публицистических метафор, выявленный в ходе когнитивно-семантического анализа, даст материал для стилистических словарей современной публицистики.

Литература

1. *Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н., Гливенкова О.А.* Метафорическая картина мира экономики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – №3. – С. 14–25.
2. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2011. – 330 с.
3. *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Политическая метафорология на современном этапе развития (2010–2019 гг.) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – № 3. – С. 56–70.
4. *Котцова Е. Е.* «Пенсионные» метафоры // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко: сборник научных статей / под ред. проф. В. Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – С. 72–76.
5. *Филатов К.С.* Метафора как способ развертывания журналистского текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – СПб.: СПбГУ, 2015.
6. *Чудинов А. П.* Финансовая метафора в политической речи // Русская речь. – 2003. – № 4. – С. 51–55.
7. *Чудинов А. П.* Очерки по современной политической метафорологии: монография. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

Автор:

Котцова Елена Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия; e-mail: e.kotzova@narfu.ru

Author:

Kotsova Elena E. – Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language and Speech Culture Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia; e-mail: e.kotzova@narfu.ru

УКРАИНСКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ПИРИГ (ПИРИЖОК)*

Аннотация. В статье рассматриваются украинские устойчивые сравнения, в которых содержится слово *пирог*. Особое внимание уделяется неологизму – фразеологической кальке-американизму. Привлекается также материал других языков.

Ключевые слова: украинский язык, фразеология, устойчивые сравнения, пирог, пирожок.

I. V. Kuznetsova

UKRAINIAN SIMILES WITH THE COMPONENT *PIE*

Abstract. The article examines the Ukrainian similes, which contain the word *pie*. Special attention is paid to neologism that is a phraseological tracing paper-Americanism. The author also uses the Material from other languages.

Keywords: Ukrainian language, phraseology, similes, pie.

Пирог у восточных славян – это в первую очередь печеное изделие из теста с начинкой, однако слово может относиться и к вареным тестяным блюдам. Так, в украинских диалектах лексема *пиріг* имеет значение ‘вареник’ [СУМ 1975: 356]; «У Галичині ... вареники ... звать “пирогами”» [Онацький 1959: 442]; рус. нижегород. *пиріг варений* ‘вареник или пельмень’. В польском языке *pierogi (pieróżki)* – это тоже вареники. «У русских пирогом называют также хлеб и лепёшку» [СД 2009: 47]. Мы рассмотрим украинские устойчивые сравнения со словом *пиріг* и диминутивом от него в первом, основном значении, т. к. о втором мы уже писали [Кузнецова 2020: 28].

Образом сравнения данное печеное изделие из теста в украинских компаративных фразеологизмах является нечасто. Оно используется для характеристики внешнего облика человека: *щокви як пироги* ‘о толстощёком человеке’ [Добролюба 2003: 104]; *пишні форми як понівські пироги* ‘о человеке с пышными формами’ [Добролюба 2003: 102], его внутренних качеств – положительных и отрицательных. Об очень непохожих (внешне и внутренне), не подходящих друг другу людях украинцы говорят: *пара як пиріг і сметана* [Добролюба 2003: 92], а о предметах – *похоже як цуценя* (щенок) *на пиріг* [Беленькова 1969: № 755]. В этих устойчивых сравнениях планы содержания и выражения антонимичны, но если в первом компаративизме сопоставляются предметы одной тематической группы, то во втором совершенно разных.

Человека с мягким, добрым характером характеризует сравнительный оборот *добрий як пиріг з сиром* [Доброльожа 2003: 42], где *сир* – это ‘творог’; устойчивое сравнение образовано по той же модели, что и компаративизм *добрий як булка з медом* [там же]. Но чаще всего доброта, великодушие ассоциируется у многих народов с основным хлебопекарным изделием – хлебом: укр. *я такий, як хліб м'який* [Номис 1993: 175]; *добрий як хліб м'який* [Доброльожа 2003: 42]; *добрий як кавалок хліба* [Юрченко, Івченко 1993: 156]; лемк. *добрий як з маслом хліба; добрий як фалаток хліба* [Вархол, Івченко 1990: 138]; серб. (зап.) *добар као крух* [РСХКJ 1990: 99]; (вост.) *добар као хлеб (хлеб)* [Marjanović 2017: 672]; макед. *добар (мек) како леб* [Макаријоска, Павлеска-Георгиевска: 2020: 79]; словн. *dober kot kruh*; хорв. *dobar као kruh*; болг. *мек като хляб* [Fink-Arsovski 2006: 217]; словц. *dobrý ako kus chleba* [Nabovštiaková, Krošláková 1996: 35]; фр. *bon comme le (du) [bon] pain* /добрый как [добрый] хлеб/ [Marjanović 2017: 672].

К лъстецу, неискреннему, лицемерному человеку в Сумской области относится устойчивое сравнение *як мазаний пиріг* [Юрченко, Івченко 1993: 115], где *мазаний* ‘помазанный маслом, салом’. Компаративизм перекликается с рус. *как масляный блин*, а также *блином масляным в рот лезет; так и катится в рот масляным блином* с той же семантикой и разговорным значением глагола *умаслить* ‘добиться чьего-либо расположения, склонить к чему-либо лаской, лестью, подарками’

Блюда из гречневой муки или с гречневой кашей – своеобразная «визитная карточка» Украины; это не могло не отразиться на ее фразеологическом составе, но мы приведем только один пример, связанный с нашей темой: *надувся як гречаний пиріг*. Это устойчивое сравнение в разных регионах Украины может иметь разную семантику: 1) ‘зазнался’ [Доброльожа 2003: 70]; 2) ‘разозлился’ [Юрченко, Івченко 1993: 115; Доброльожа 2003: 37]; 3) ‘обиделся’ [Юрченко, Івченко 1993: 115].

Устойчивое сравнение *розуміється як теля на пирогах* [Гурин 1974: 175] образовано по подмодели «разбираться + как + домашнее животное в пище человека» (ср. с рус. *разбирается как кот в колбасных обрезках*; бел. *разбіраецца як кот ў каўбасных абрэзках*; польск. *zna się jak kot na kwaśnym mleku* /кот в кислом молоке/; *zna się jak pies na konfiturach* /пёс в конфитюре/) структурно-семантической модели «разбираться + как + представитель фауны в пище (напитках) человека». Одна из самых распространённых моделей – «знать (понимать, разбираться) + как + животное в <экзотических> плодах (ягодах)». Образный конкретизатор *свинья* зафиксирован в компаративизмах: укр. *розбирається (тямить, розуміється) як свиня в (на) апельсинах (помаранчах)*; *понаймайш як свиня в опальсинах*; *розбирається як свиня в ананасах*; рус. *разбирается (знает толк) как свинья в апельсинах; смыслит как Аксинья* (кличка свиньи, распространённая в говорах) *в апельсинах*; бел. *знаецца (разбіраецца) як свіння ў апельсинах*; болг. *разбирам (разбера) като (колкото) свиня от диня* /в арбузе/ (*тиква, кратуна* /в

тыкве/). Вторая – «знать (понимать, разбираться) + как + животное в пряных растениях». Образный конкретизатор *свинья* зафиксирован в компаративизмах: укр. *знає сі (розуміє сі) як свиня на перці*; бел. *знаецца (знати, разбіраецца) як свіння на перцу*; польск. *zna się by świnia na pieprzu; zna się jak świnia na pietruzielu /в петрушке/; rozumić co świnia pietruszce*; чеш. *rozumí co svině petrželi* (другие примеры см. в: Кузнецова 1998: 41–42).

Пироги (пирожки) готовили и для продажи, и продать их нужно было как можно скорее, что мотивировало возникновение таких устойчивых сравнений, как *бігає як Марта з пиріжками* ‘о том, кто суетится’ [Добролюба 2012: 130]; *біжить як Марфа (Мар’яна) з пирогами (пиріжками) на торг (торговище)* ‘очень торопится’. Последнему примеру синонимичны компаративизмы укр. *біжить як швець з чобітьми на базар (місто, торг)* [Юрченко, Івченко 1993: 165]; польск. *bieży jak szews z butami do Kurowa; idzie jak szews z butami na jarmark do Klinkowic* с квантитативными вариантами *bieży (leci, spiescy) jak szews z Zakliczyna (Wysokiego) na targ; leci jak szews z Gardeja (z Izbicy, do Lipnici) na jarmark* [НКРР 3: 393], в которых образом сравнения является сапожник, спешащий на базар для реализации своего товара; в польских сравнениях модель фразеологизма сохраняется, но варьируется региональный топоним – провинциальный городок или шляхетское имение. По этой же модели образованы укр. *поспішається як з козами на торг* [Юрченко, Івченко 1993: 72]; бел. *спяшацца як з козамі на торг* [СБНП 2011: 181].

Сравнительно недавно в украинском языке появился компаративизм с прозрачной образностью: *продаватися як гарячі пиріжки* ‘о чём-л., пользующемся спросом и моментально, нарасхват, в больших объемах продающемся, так как товар легко находит покупателей’: Квартиры в Швеції *продаються, як гарячі пиріжки!* О быстрой покупке чего-либо актуального, нужного употребляется устойчивое сравнение *розкупатися як гарячі пиріжки*, см. примеры: *OnePlus 8T розкуповують як гарячі пиріжки*; *Xiaomi Mi 11 розібрали, як гарячі пиріжки*; *Такі квитки розхапують, як гарячі пиріжки*; *розмели як гарячі пиріжки*; *квартири за десятки мільйонів доларів відлітають як гарячі пиріжки*; *Попереду новий навчальний рік, перед яким «яблучні» пристрої теж починають скуповувати як гарячі пиріжки.*

В русском языке фразеологизм *расхватывать (раскупать, разбирать)* что как *горячие пирожки* употребляется с конца прошлого века (Мы распространяли листовки с обращением и указанием Ельцина. Народ *расхватывал их, как горячие пирожки* [Юрьева Т. Дневник культурной девушки. 1991]) и даже получил словарную «прописку» [Мокиенко, Никитина 2005: 502] (чего нельзя сказать о компаративизме *продаваться как горячие пирожки* [Цин С. Звёздные войны с пиратами. Совершенную технологию бессмысленно красть (2002) // «Известия», 2002.05.22]). Глагол в возвратной форме тоже частотен: *расходиться / разойтись как горячие пирожки* [Официальные дилеры (2002) // «Автопилот», 2002.06.15; С. Данилова. Кепка-«аэродром» и

щупальца глобализации (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.08.17]; *раскупаться как горячие пирожки* [Самойленко С. Первая скрипка мира и его мама (2004) // «Континент Сибирь» (Новосибирск), 2004.12.17].

Иногда в конструкцию добавляется обстоятельственный компонент: укр. Як варіант, можу порадити зайнятися створенням реклам, але тільки таких, які не набили оскому і які будуть *продаватися як гарячі пиріжки на базарі*, Статті про туризм *розходяться як гарячі пиріжки на базарі*, особливо з наближенням сезону; рус. *разлетаться как (лучше чем) горячие пирожки в базарный день* [Козырева Е. Дамская охота. 2001; Орехин П. Триллион для экономики России (2003) // «Независимая газета», 2003.03.31]; *рассхватывают как горячие пирожки в морозный день* [Кроль И. П? // Труд-7, 2006.06.01; Матвеев А. Москва диктует автомоду // Комсомольская правда, 2006.09.01]; Удобные и недорогие квартиры *разметались* покупателями, *как горячие пирожки зимой на вокзалах* [Артемов С. Что же это было скажи, миражи? // Московский комсомолец, 2018.06.13]. Для освежения экспрессии в сравнении может употребляться название другой выпечки: укр. Компанія вважає, що їх новий товар буде *продаватися як гарячі торти*; рус. *раскупаться как горячие лепёшки* [Михеев В. Террорист под номером один // Труд-7, 2001.09.20; Пахомов Е. Пропаганда в позе лотоса // «Огонек», 2015]; *раскупаться как горячие багеты* [Прокофьев В. На Европу наступает наша обувь // Труд-7, 2007.01.12].

В восточнославянских языках сравнение – неточная калька с английского, в котором оно «относится к внутриязыковым заимствованиям», т. к. «пришло в Англию из США» [Кунин 1986: 204]: «*sell like hotcakes* (в британском английском написание раздельное (*sell like hot cakes*), см. кембриджский и оксфордский словари; несмотря на это, раздельное написание встречается и в американских источниках» [multitrans.com›m.exe?l1=1&l2=2...sell like hot cakes]. Английскому *go (go off, sell) like hot cakes* [Кунин 1967: 133] соответствуют компаративизмы с разным конкретизатором *булки (булочки)* с той же структурно-семантической моделью: в.-луж. *hić kaž ćople calty (něšto dže kaž ćople calty)* [Ivčenko, Wölke 2004: 40]; нем. *wie warme (frische) Semmeln abgehen (weggehen, Absatz haben)* [НРФС 1956: 698]; etw. *wie heiße (warme) Semmeln verkaufen* [Walter 2008: 268]; фр. *s'arracher (s'enlever, partir) comme des petits pains; se vendre comme des petits pains* [Marjanović 2017: 672]; польск. *iść / pójść (sprzedawać się)) jak świeże (ciepłe) bułki* [Гюлумянц 2004: 227]; *coś rozchodzi się (idzie, sprzedaje się) jak ciepłe (świeże) bułki (buleczki)* [sciaga.pl › idzie › buleczki]. Во всех фразеологизмах (кроме французского) подчеркивается, что хлебобулочные изделия *свежие* или *тёплые*, а в немецком языке отмечено также определение *горячие*.

В болгарском языке образным конкретизатором в модели является тёплый хлеб: *продавам / продам (харча / похарча и т. н.) като топъл хляб; продава се / продаде се (харчи се / похарчи се и т. н.) като топъл хляб; грабя*

(*грабвам*) / *грабна* (*разграбвам* / *разграбя* и т. н.) *като топъл хляб* [БРФС 1974: 569]; *продавам* / *продам* (*грабвам* / *грабна* и под.) *като топъл хляб* [Кювлиева-Мишайкова 1986: 186]; в составе сравнения встречается и другой глагол: Американски автомобили *се купуват като топъл хляб* в Пловдив. Вариант данного компаративизма у болгар – *продавам* / *продам* (*грабвам* / *грабна* и под.) *като топъл симид* [Кювлиева-Мишайкова 1986: 186]; *се харчи бързо като топъл симид* [2001: 365], где мы видим арабизм *симид* – ‘вид лепешки из белой муки, приготовленный из специальной закваски’.

В словацком языке образом сравнения являются рогалики: *predáva sa ako teplé rožky* [Fink-Arsovski 2006: 193]; *Minibyty sa rozchytali ako teplé rožky* [www.reality.sk › novinky › m...]; *České štátne dlhopisy idú ako teplé rožky* и т. д.

Заметим, что в южнославянских языках символом желаемого является прежде всего халва: болг. *върви* (*продава се*) *като алва*; макед. *оди* (*се продава*) *како алва*; серб. *продавати се* / *продати се као алва*, *ићи* / *отићи* (*продавати се/продати се*) *као халва*; хорв. *prodavati se као (h)alva*.

Литература

1. *Беленькова Н.* Пословица не мимо молвится. Нема приповідки без правди. Русские пословицы и поговорки с украинскими соответствиями. – 2-е изд., испр. и доп. – Киев: Дніпро, 1969. – 246 с.

2. *БРФС:* Болгарско-русский фразеологический словарь. Българско-руски фразеологичен речник. – М.: Русский язык; София: Наука и изкуство, 1974. – 635 с.

3. *Вархол Н., Івченко А.* Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини. – Братіслава: Словацьке педагогічне видавництво, Пряшев: Відділ української літератури, 1990. – 160 с.

4. *Гурин І.* Образне слово. Постійні народні порівняння. – Київ: Дніпро, 1974. – 238 с.

5. *Гюлумяц К.* Польско-русский фразеологический словарь: в 2 т. – Минск: Экономпресс, 2004. – Т. 1. – 688 с.

6. *Доброльожа Г. М.* Красне слово – як золотий ключ. Постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся і суміжних територій. – Житомир: Волинь, 2003. – 160 с.

7. *Доброльожа Г. М.* Хліб та борошняні вироби в поліській фразеології: історичний та етнокультурний коментар // Мовознавчий вісник: збірник наукових праць (14–15). – 2012. – С. 128–134.

8. *Ivčenko A., Wölke S.* Hornjoserbski frazeologiski słownik.– Budyšin: Ludowe nakładnistwo Domowina, 2004. – 572 s.

9. *Кузнецова И. В.* Русские устойчивые сравнения: идеография, ареалы, этимология: спецсеминар по фразеологии. – Чебоксары: ЧГПУ им. И. Я. Яковлева, 1998. – 106 с.

10. *Кузнецова И. В.* Блюда из теста – этносимволы Украины в

устойчивых сравнениях // Этнокультурные феномены в образовательном процессе. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. – С. 24–31.

11. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь. 3-е изд., испр., в двух книгах. – М.: Сов. Энциклопедия, 1967. – Кн. 1. – 738 с.

12. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.

13. *Кювлиева-Мишайкова В.* Устойчивите сравнения в българския език. – София: Българска академия на науките, 1986. – 275 с.

14. *Макаријоска Л., Павлеска-Георгиевска Б.* Прилози за македонската фразеологија. – Скопје 2020. – 309 с.

15. *Марјановић С. П.* Поредбене фраземе с компонентом *comme* / као у француском и српском језику: докторска дисертација. – Београд 2017. – 913 с.

16. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ОЛМА МедиаГрупп, 2008. – 800 с.

17. *Николова-Гълъбова Ж.* Немско-български фразеологичен речник: в 2 т. – Пловдив: Летера, 2001. Т. 2. – 855 с.

18. *Номис М.* Українські приказки, прислів'я і таке інше. – Київ: Либідь, 1993. – 768 с.

19. *НРФС: Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л. Э. Бинович.* – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. – 904 с.

20. *Онацький Є.* Українська мала енциклопедія: 16 кн. у 8 т. – Т. 2, кн. 4: Літери Ж–Й. – Буенос-Айрес: Накладом Адміністрації УАПЦеркви в Аргентині, 1959. – С. 435–564.

21. *РСХКЈ: Речник српскохрватског књижевног језика.* – Нови Сад: Матица Српска – Загреб: Матица Хрватска. – 1967–1976. – Књ. I–VI.

22. *СБНП: Слоўнік беларускіх народных параўнанняў.* – Мінск: Беларуская навука, 2011. – 482 с.

23. *СД 2009: Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах.* – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – М.: Международные отношения, 2009. – 656 с.

24. *СУМ 1975: Словник української мови: в 11 томах.* – Т. 6: П – Поїти. – Київ: Наук. думка, 1975. – 932 с.

25. *Юрченко О. С., Івченко А. О.* Словник стійких народних порівнянь. – Харків: Основа, 1993. – 176 с.

26. *Fink-Arsovski Ž.* Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. – Zagreb: Knjegra, 2006. – 439 s.

27. *Habovštiaková K., Krošlaková E.* Človek a príroda vo frazeológii. – Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1996. – 176 s.

28. *NKPP: Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich / Pod red. J. Krzyżanowskiego.* – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969–1978. – Т. 1–4.

29. *Walter H.* Wörterbuch deutscher sprichwörtlicher und phraseologischer Vergleiche. – Teil 1. – Hamburg: Dr. Kovač, 2008. – 332 s.

Автор:

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары (Россия), e-mail: irinak47@yandex.ru

Author:

Kuznetsova Irina V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of pedagogy and methods of primary education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary (Russia).

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ГОДОНИМОВ Г. ШАХТЁРСКА ДНР

Аннотация. Статья посвящена анализу специфики структурно-семантических характеристик топонимов г. Шахтёрска ДНР. Определены основные структурные типы топонимов и особенности их функционирования.

Ключевые слова: топонимы, урбанонимы, улицы, Донбасс.

E. V. Ladnova

STRUCTURAL TYPES OF GODONYMS OF SHAKHTYORSK (DNR)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the specifics of the structural and semantic characteristics of the toponyms of Shakhtyorsk, DNR. The main structural types of toponyms and the peculiarities of their functioning are set up.

Keywords: toponyms, urbanonyms, streets, Donbass.

Актуальным направлением современной ономастики и лингвистического краеведения является всестороннее изучение урбанонимов — собственных имён внутригородских объектов. В свою очередь важным компонентом урбанонимического пространства являются топонимы. Под последними мы понимаем названия линейных адресных объектов (улиц, переулков, тупиков, бульваров, проспектов и т. д.) [Ярошенко 2018: 60]

Топонимы имеют большое значение в повседневной жизни жителей города. Их основная цель — *адресно-идентификационная*, т.е. они называют адресный линейный объект и выделяют его среди ряда подобных. Таким образом, топонимы служат ориентиром в городском пространстве. В дополнение к этому наименования линейных адресных объектов являются важной составляющей символического пространства города. Топонимы выполняют особые функции: *семантическую* (сообщают что-то о линейном адресном объекте) и *семиотическую* (фиксируют социально значимые явления) [Шмелева 2014: 28–33]. Это культурно мотивированные единицы, тесно связанные с историей развития региона, его социально-экономическими особенностями.

Многогранность топонимов позволяет рассматривать их в различных аспектах. Необходимо изучать как структурно-семантические характеристики данных единиц, так и лингвокультурологические, лингвокогнитивные и этнолингвистические особенности их функционирования.

Цель предлагаемой статьи состоит в том, чтобы определить структурные типы топонимов г. Шахтёрска ДНР и особенности их

функционирования. **Объектом исследования** являются наименования адресных линейных объектов указанного населённого пункта как компонента топонимикона Большого Донбасса. **Предмет анализа** – структурные параметры топонимикона названного города. Анализу подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы названий.

При анализе структурных характеристик наименований адресных линейных объектов мы используем классификации, предложенные в работах Л. В. Егоровой [Егорова 2018] и Н. Ю. Забелина [Забелин 2007].

Материал исследования извлекался методом сплошной выборки из различных реестров названий адресных линейных объектов г. Шахтёрска.

В г. Шахтёрске насчитывается 361 топоним. Преобладают наименования с термином-классификатором *улица* (262 топонима, или 72,6%). В 96 названиях (26,6%) присутствует термин-классификатор *переулок*, в 3 (0,8%) – термин-классификатор *микрорайон*.

При анализе структурных характеристик топонимов мы принимаем во внимание только их именную часть, так как термин-классификатор в обязательном порядке входит в состав наименования. Таким образом, в топонимиконе г. Шахтёрска можно выделить три структурных типа названий: однокомпонентные, двухкомпонентные и трёхкомпонентные. Рассмотрим подробнее особенности функционирования этих типов наименований.

Однокомпонентные топонимы составляют большинство в системе топонимов исследуемого населённого пункта (334 единицы, или 92,5%). В этой группе наименований можно выделить две подгруппы.

1. Субстантивные однословные топонимы состоят из имени существительного (онима или апеллятива) и термина-классификатора. Например: ул. *Берегового*, ул. *Гагарина*, пер. *Грибоедова* и т. д. Всего к данной подгруппе можно отнести 187 топонимов, что составляет 51,8% от общего числа топонимов города. В рамках этой подгруппы можно выделить несколько моделей.

1.1. Субстантивная мемориальная генитивная модель представляет собой сочетание онима в родительном падеже и термина-классификатора. Как правило, термин-классификатор стоит в препозиции. Наименования, образованные по этой модели, отсылают к именам личностей, важных в контексте государственной идеологии и истории региона. В системе топонимов г. Шахтёрска зафиксированы названия линейных адресных объектов, образованные от имён:

- **революционеров и советских партийных деятелей** (ул. *Артема*, ул. *Воровского*, пер. *Калинина*, ул. *Куйбышева*, ул. *Ленина*, ул. *Луначарского*, ул. *Петровского*, ул. *Орджоникидзе*, ул. *Тельмана*, ул. *Энгельса* и др.);

- **участников Великой Отечественной войны** (ул. *Ватутина*, ул. *Гастелло*, ул. *Громовой*, ул. *Заслонова*, ул. *Ковпака*, ул. *Матросова*, ул. *Чайкиной*, ул. *Шевцовой* и др.);

- **учёных** (ул. *Вавилова*, ул. *Ломоносова*, ул. *Менделеева*, ул. *Мечникова*, ул. *Мичурина* ул. *Циолковского* и др.);

- **писателей и публицистов** (ул. *Белинского*, ул. *Герцена*, ул. *Горького*, ул. *Грабовского*, ул. *Грибоедова*, ул. *Довженко*, ул. *Короленко*, пер. *Маяковского*, ул. *Островского*, ул. *Салтыкова-Щедрина* и др.);

- **художников** (ул. *Айвазовского*, пер. *Брюллова*, ул. *Ретина*, ул. *Шишкина* и др.);

- **лётчиков и космонавтов** (ул. *Гагарина*, ул. *Осипенко*, ул. *Расковой*, ул. *Терешковой*, ул. *Чкалова* и др.);

- **педагогов** (ул. *Крупской*, ул. *Макаренко*, ул. *Ушинского*);

- **композиторов** (ул. *Глинки*, ул. *Чайковского* и др.)

- **предводителей исторических восстаний** (ул. *Железняк*, ул. *Кармелюка*, ул. *Хмельницкого* и др.).

В г. Шахтёрске насчитывается 171 годоним, образованный по данной модели. В таких наименованиях объективируется антропоморфный код культуры, репрезентирующий человека в ономастических единицах. В дополнение к этому нередко годонимы-посвящения реализуют социально-идеологический культурный код. Такие наименования не только отсылают к именам известных исторических личностей, но и превращают городскую среду в политическое пространство.

1.2. Годонимы, образованные по субстантивной генитивной модели, состоят из термина-классификатора, стоящего в препозиции, и аппеллятива в родительном падеже. В г. Шахтёрске реализовано 13 единиц данного типа.

Такие названия соотносятся с наименованиями профессиональных групп (пер. *Горняков*, ул. *Космонавтов*, ул. *Шахтостроителей*), исторических групп людей (ул. *Декабристов*, ул. *Коммунаров*, пер. *Коммунаров*, ул. *Панфиловцев*), а также с идеологическими понятиями (ул. *Мира*, ул. *Победы*, пер. *Победы*, ул. *Свободы*, пер. *Свободы*).

1.3. Субстантивная номинативная модель представлена 3 годонимами в г. Шахтёрске: пер. *Горняк*, ул. *Нефтепровод*, мкрн *Журавлёвка*.

2. Адъективные однословные годонимы состоят из имени прилагательного и термина-классификатора. Как свидетельствует систематизация фактического материала, всего в г. Шахтёрске зафиксировано 147 годонимов, принадлежащих к этой подгруппе (40,7%). В рамках данной подгруппы также можно выделить несколько моделей:

2.1. Адъективная модель с суффиксами -ск-, -овск-, -к-, -ическ- (49 единиц). Такие годонимы часто реализуют топоморфный код культуры. Данные единицы соотносятся с гидронимами и ойконимами (ул. *Амурская*, ул. *Барнаульская*, ул. *Белгородская*, ул. *Киевская*, ул. *Ленинградская*, ул. *Львовская*, ул. *Московская*, пер. *Московский*, ул. *Норильская*, ул. *Полтавская*, ул. *Ростовская*, ул. *Ташкентская*, ул. *Харьковская*, ул. *Черниговская* и др.) или аппеллятивами, обозначающими различные объекты в

пределах населённого пункта (пер. *Деповский*, ул. *Заводская*, пер. *Заводской*, пер. *Поссоветский*, ул. *Складская* и др.).

Годонимы, образованные по данной модели, реализуют также социально-идеологический (ул. *Коммунистическая*, ул. *Краснофлотская*, ул. *Красногвардейская*, ул. *Октябрьская*, ул. *Советская* и др.) и антропоморфный коды культуры (ул. *Братская*, ул. *Партизанская*, пер. *Партизанский*, ул. *Пионерская*, ул. *Пролетарская* и т. д.).

2.2. Адъективная модель с флексией -ая, в рамках которой годонимы образуются от топонимов, уже содержащих в своей структуре суффикс *-ск*: ул. *Донецкая*, пер. *Донецкий*, ул. *Иркутская*, ул. *Красноярская*, ул. *Минская*.

2.3. Адъективная модель с суффиксами -н/-енн/-альн/-онн-. В годонимиконе г. Шахтёрска насчитывается 67 таких единиц. Как правило, эти годонимы образованы от апеллятивов. Данные единицы реализуют топоморфный культурный код, указывая на объекты внутри населённого пункта или за его пределами (ул. *Амбулаторная*, ул. *Базарная*, ул. *Водопроводная*, ул. *Выездная*, ул. *Железнодорожная*, ул. *Карьерная*, ул. *Колхозная*, пер. *Криничный*, ул. *Набережная*, ул. *Озерная*, ул. *Театральная*, ул. *Шахтная*), на расположение адресного объекта относительно сторон света (ул. *Восточная*, мкрн *Восточный*, ул. *Западная*, ул. *Южная*). В таких годонимах может объективироваться также антропоморфный (ул. *Горноспасательная*, пер. *Кузнечный*, пер. *Профсоюзный*) и социально-идеологический (ул. *Интернациональная*, пер. *Ударный*) культурные коды.

2.4. Адъективная модель с суффиксами -ов/-ев-. В анализируемом населённом пункте насчитывается 19 единиц, образованных по данной модели. Такие наименования реализуют топоморфный (ул. *Межевая*, ул. *Мостовая*, ул. *Полевая*, ул. *Почтовая*, ул. *Родниковая*, ул. *Садовая* и др.), фитоморфный (ул. *Абрикосовая*, пер. *Калиновый*, пер. *Ольховый*, ул. *Сосновая*) и социально-идеологический (ул. *Трудовая*, пер. *Трудовой*) коды культуры.

2.5. Первообразная адъективная модель представлена 7 единицами в системе годонимов г. Шахтёрска. Такие годонимы указывают на физико-географические характеристики адресного линейного объекта (пер. *Короткий*, пер. *Ровный*, пер. *Средний*, ул. *Широкая*), а также реализуют эмоционально-характерологический (ул. *Зелёная*) или социально-идеологический (пер. *Красный*, ул. *Рабочая*) культурные коды.

Двухкомпонентные годонимы состоят из двух слов и термина-классификатора. В г. Шахтёрске насчитывается 21 годоним этого типа (5,8%). В этой группе можно выделить следующие модели:

1. Развернутая субстантивная мемориальная генитивная модель (15 годонимов): ул. *Демьяна Бедного*, пер. *Демьяна Бедного*, ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Клары Цеткин*, пер. *Клары Цеткин*, пер. *Леси Украинки*, ул. *Паши Ангелиной*, ул. *Розы Люксембург* и др. В таких годонимах объективируется антропоморфный код культуры.

2. Адъективно-субстантивная номинативная модель представлена в г. Шахтёрске 2 годонимами: ул. *Глубокая балка*, ул. *Красная порода*.

3. Мемориальная числовая генитивная модель (2 годонима): ул. *8 Марта*, пер. *1 Мая*. В рамках анализируемого населённого пункта в годонимах, образованных по этой модели, эксплицируется социально-идеологический код культуры. В целом же, как видно из примеров, в нашем материале названные наименования линейных адресных объектов являются результатом трансонимизации хрононимов, т. е. названий праздников (праздничных дней): *8 Марта* → ул. *8 Марта*, *1 Мая* → пер. *1 Мая*.

4. Числовая адъективная модель (2 годонима): *1-й Постниковский пер.*, *2-й Постниковский пер.*

Трёхкомпонентные годонимы состоят из трех слов и термина-классификатора. В г. Шахтёрске зафиксировано 6 годонимов этого типа (1,7%), которые реализуют следующие модели:

1. Мемориальная числовая генитивная модель (4 наименования): ул. *50 лет СССР*, ул. *40 лет Октября*, ул. *50 лет Октября*, ул. *60 лет Октября*. Подавляющее большинство годонимов этой подгруппы семантически связаны с хрононимом *Октябрь*.

2. Числовая адъективно-субстантивная генитивная модель (1 наименование): ул. *26 Бакинских комиссаров*.

3. Числовая адъективно-субстантивная номинативная модель представлена также одним наименованием: ул. *1-й Горноспасательный взвод*.

Как показал проведённый нами анализ, в системе годонимов г. Шахтёрска ДНР функционируют три структурных типа наименований: однокомпонентные, двухкомпонентные и трехкомпонентные. Наиболее распространенный структурный тип — однокомпонентные годонимы, среди которых можно выделить субстантивные и адъективные единицы.

Наименования линейных адресных объектов соотносятся с антропонимами, топонимами, названиями профессиональных групп, социально-идеологическими понятиями и пр. Таким образом, годонимы отражают культурные и исторические особенности такого региона, как Большой Донбасс.

Дальнейшая задача нашего исследования состоит в том, чтобы изучить структурно-семантические и лингвокультурологические особенности годонимов Большого Донбасса на более широком материале.

Литература

1. *Забелин Н. Ю.* Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы: автореф. дисс... канд. филол. наук. — М., 2007. — 24 с.
2. *Забелин Н. Ю.* Переулок, площадь, бульвар... — улицы // Русская речь. — 2007. — № 2. — С. 98–100.

3. *Егорова Л. В.* К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 2. – С. 224–233.
4. *Егорова Л. В.* Опыт сопоставительного исследования годонимов двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл): дисс. ... канд. филол. наук. – Чебоксары, 2018. – 184 с.
5. *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
6. *Шмелёва Т. В.* Ономастикон российского города. – Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. – 137 с.
7. *Ярошенко Н. А., Чабан У. Л.* Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2018. – № 3–4. – С. 59–66.

Автор:

Ладнова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры общего языкознания и истории языка имени Е. С. Отина Донецкого национального университета, г. Донецк, ДНР.
E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

Author:

Ladnova Ekaterina V. – Graduate Student of General Linguistics and History of Language Department named after E. S. Otin. State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University». E-mail: ciolkovskaja@gmail.com

НОВЫЕ СЛОВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДОМИНИРУЮЩИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО АНГЛОЯЗЫЧНОГО СОЦИУМА

Аннотация. Статья посвящена описанию неологизмов современного английского языка. Новые слова и выражения анализируются с точки зрения их соотнесенности с актуальными явлениями, характеризующими развитие современного англоговорящего общества.

Ключевые слова: неологизмы, общество, гендер, Ковид-19, онлайн-технологии.

L.V. Nikitinskaya

NEW WORDS IN THE ENGLISH LANGUAGE AS THE REFLECTION OF THE DOMINANT PROBLEMS OF THE MODERN ENGLISH-SPEAKING SOCIETY

Abstract. The article deals with the description of the neologisms in the modern English language. New words and expressions are analysed from the point of view of their reference to the realities of the contemporary English-speaking community.

Keywords: neologisms, society, gender, COVID-19, online technologies.

Язык – это явление, организованное системно, это архисистема, состоящая из систем языковых средств различного уровня. Лингвисты выделяют в рамках языка фонологическую, лексическую, грамматическую системы. Употребляя язык как средство общения, человек использует единицы, принадлежащие к различным подсистемам, в комплексе, и целью говорящего является реализация его коммуникативного намерения. Исходя из этого лингвисты определяют коммуникативную функцию языка как ведущую [Иваницкий 2004: 103]. Одновременно отмечается ведущая роль познавательной / когнитивной функции языка, суть которой состоит в том, что в языке фиксируются результаты отражательно-мыслительной деятельности человека: осознавая то, что ему дано в ощущениях, человек составляет суждения об отражаемой им действительности, используя язык [Мечковская 1996: 53]. С когнитивной функцией тесно связана функция номинативная, потому что номинация есть присвоение имени тому, с чем человек сталкивается в процессе взаимодействия с окружающим миром. Именно эта языковая функция тесно связана с явлением неологизации, то есть с явлением появления новых слов в языке.

Термин «неологизм» восходит к двум греческим словам: др.-греч. νέος ‘новый’ и λόγος – ‘речь, слово’. Этот термин означает новое слово или выражение, а также новое значение старого слова [Ожегов 1999: 36]. Причиной появления в языке неологизмов являются изменения в обществе: новые явления, объекты, процессы требуют осмысления и присвоения им имени. В настоящей статье рассматриваются неологические единицы современного английского языка, позволяющие сделать определенные выводы относительно того, какие явления стали фактом существования за последние годы и как их появление повлияло на языковую картину нации, которую традиционно называют англосаксонской.

Несомненно, в социуме большую роль играют человеческие взаимоотношения, их качество и направленность. Именно поэтому в современном английском языке довольно активно появляются слова и словосочетания, номинирующие новые явления в общественной жизни. Эти явления связаны с пересмотром отношения определенной части общества к тем фактам действительности, которые раньше не вызывали такой обостренной, порой яростной реакции. Определенные слои общества (женщины, люди с небелым цветом кожи, трансгендеры и гомосексуалисты) словно проснулись и начали активно выступать против в чем-то традиционного к ним отношения со стороны другой части населения. Этот протест в разных своих формах получил свое наименование. Примером такого именования является выражение “cancel culture”, смысл которого отражает современные тенденции в жизни западного общества с его обостренной реакцией на определенные действия и высказывания медийных персон. Вопросы расового угнетения чернокожего населения, нетолерантного отношения к представителям ЛГБТ-сообщества и тому подобное находятся в центре внимания определенной части общества, и противодействие господствующим в данное время тенденциям вызывают у этих людей обостренную реакцию неприятия, доходящую до агрессивного бойкота. Такому бойкоту, например, подвергается в настоящее время известная писательница Джоан Роулинг, которая выступила, среди прочего, против современного тренда отказываться от указания пола у того или иного человека: слова «мужчина» и «женщина» исключаются из обихода и вместо слова «женщина» предлагается чудовищное словосочетание «менструирующие люди» (people who menstruate). Аналогичной травле подвергся американский комик Кевин Харт (Kevin Hart), который должен был вести церемонию присуждения наград «Оскар» в 2019 году: средства массовой информации обрушились на него с яростной критикой за шутки, которые определенные лица сочли гомофобными и расистскими, и в результате актер отказался вести церемонию награждения и впервые за 30 лет она прошла без ведущего. Выражения “lookism” (от английского слова look ‘смотреть’) и “placism” (от слова place ‘место’) также отражают болезненную реакцию общества на кажущуюся или реальную дискриминацию: “lookism” означает дискриминацию по внешности, связанную с

несоответствием общепринятому стандарту, словом “placism” обозначают человека, который дискриминирует людей по месту их жительства.

Отражением неприятия женской частью общества доминирующего положения мужчины служат неологизмы “mansplain” и “manspread”. Глагольная лексема “mansplain”, образованная слиянием слов man ‘мужчина’ и explain ‘объяснять’ с усечением приставки ex-, призвана обозначить неприятие мужской манеры растолковывать женщине что-либо: «авторы» этой языковой единицы считают, что подобная манера унижает достоинство представительницы слабого пола. Глагол “manspread” также трактуется мужское поведение как оскорбительное для женщины: в этом случае имеется в виду поза сидящего в транспорте мужчины, широко расставив ноги.

Вопросы обозначения пола сейчас стали очень болезненными. В ряде стран (Мальта, Новая Зеландия) принимаются решения устранить указание пола из официальных документов. В Германии наряду с графами «женский пол» и «мужской пол» введена графа для «третьего пола». На фоне этих турбулентностей возникло слово “misgendering”, означающее ошибочное определение пола собеседника и тем самым нанесение ему душевной травмы. Очевидно, во избежание подобных проблем в английском языке появляются местоимения, которые не подразумевают ни женской семы, ни мужской. Таково личное местоимение “ze”, призванное заменить местоимения he ‘он’ и she ‘она’. Аналогично возникает притяжательное местоимение “hir” вместо исконных her ‘её’ и his ‘его’.

Зацикленность на гендере привела к появлению забавного слова “shero”. Если мы сравним существительные “hero” и “shero”, мы увидим, что первые слоги этих слов – he- и she- – совпадают по звучанию с местоимениями he ‘он’ и she ‘она’. Данный факт, очевидно, навел создателей неологизма “shero” на мысль, что существительное “hero” ассоциируется исключительно с мужским полом и это осознание подтолкнуло на конструирование слова “shero” (меняем he- на she-), которое, вопреки ожиданиям, обозначает не женщину, а человека любого пола (мужского, женского), который борется за права так называемой «слабой» половины человечества. На самом деле в слове “hero” не заложено никакого «мужского» местоимения: это слово восходит к греческому существительному ‘hērōs’, которое было заимствовано английским языком в 14 веке через латинский язык.

В английском языке появились неологизмы, обозначающие определенные аспекты вражды в отношениях между людьми. Появление этих новых лексических единиц связано с тем, что с развитием компьютерных технологий форматы общения людей меняются. Так, например, возник термин “zumping”, означающий разрыв отношений посредством коммуникации в Zoom. Слово “zumping” восходит к лексеме “dumping” от английского глагола dump ‘избавляться, бросать кого-либо’. Первая буква слова “dumping” заменена на букву z – от слова Zoom. Разрыв в отношениях обозначает и другой неологизм – “covidivorce”, образованное путем слияния слов covid и

divorce ‘развод’. Этой лексемой обозначают явление, связанное с периодом самоизоляции, когда супружеская пара, вынужденная проводить все время вместе, оказывается неспособной к продолжению совместной жизни.

Эпоха пандемии, локдауна, карантина и самоизоляции породила целый ряд новых слов в английском языке. Некоторые из них предназначены для выражения критического отношения к лицам, нарушающим общепринятый порядок. Так, существительное “anti-vaxxer” (от anti-vaccinationist) – это пренебрежительное наименование человека, который отказывается делать прививки своим детям. Нелицеприятно звучит существительное “covidiot”: оно образовано от слов COVID-19 и idiot (идиот). Этот неологизм возник в современную нам эпоху пандемии и служит способом выразить враждебное отношение к лицам, не подчиняющимся всеобщим запретам ходить без медицинской маски на лице, лицам, не соблюдающим правила самоизоляции и дистанцирования. Также негативно звучит имя собственное “Karen”: Don’t be such a Karen! Наличие неопределенного артикля свидетельствует о переходе этого имени собственного в разряд имен нарицательных. Во время пандемии данная лексема приблизилась по значению к семантике слова “covidiot”, так как она стала употребляться в отношении женщин, оскорбительно ведущих себя по отношению к медицинским работникам – выходцам из Азии: подоплекой такого отношения явилась убежденность в том, что источником происхождения вируса был Китай. Особы этого типа протестуют против режима самоизоляции, поскольку из-за него они лишены возможности пользоваться услугами парикмахера, они скупают туалетную бумагу в немыслимых количествах, игнорируя потребности других покупателей, отказываются носить маску во время посещения магазина. Данная лексема стала так широко употребляться, что газета «Гардиан» (The Guardian) назвала год 2020 «годом Карен»: если в январе 2020 года это слово употреблялось в СМИ 100000 раз, то в мае этого же года число этих употреблений возросло до 2,7 миллионов. Считается, что источником происхождения этого слова в данном значении является афроамериканская среда, в которой с помощью “Karen” характеризовались белые женщины среднего возраста, считающие себя вправе требовать особых привилегий. Схожую семантику демонстрирует неологизм “biggie”, который применяется для характеристики высокомерной, самодовольной личности. Приведем еще один неологизм, обозначающий неприятную в общении особу: существительное “bridezilla”, характеризующее невесту, которую подготовка к свадьбе сделала очень нервной и раздражительной. Данная лексема образована слиянием слов bride ‘невеста’ и Godzilla. Годзилла – это персонаж комиксов, мультфильмов и кинофильмов, а именно ящер огромного размера, который мутировал после взрыва водородной бомбы.

Неологизмы применимы не только для характеристики враждебных отношений и критики поведения и образа жизни граждан. Антонимом слова “covidiot” является неологизм “covidol” (Covid-19 + idol ‘идол’),

подразумевающий образцового члена общества, который соблюдает социальное дистанцирование, покупает разумное количество туалетной бумаги, антисептических средств и продуктов длительного хранения. В начале 21 века в английском языке появился неологизм “bromance”, который означает нежную дружбу между лицами мужского пола, лишенную сексуальной подоплеки: эта языковая единица возникла в результате слияния английских слов brother ‘брат’ and romance ‘роман, любовная история’. Существительное “quaranteam”, обязанное своим происхождением эпохе борьбы с ковидом, обозначает дружескую компанию, проводящую время вместе в условиях изоляции: оно образовалось путем слияния существительных quarantine ‘карантин’ и team ‘команда’. Выражение “coveideo party” также связано с эпохой ковида: это название определенного вида развлечения – когда люди, лишенные возможности общаться непосредственно, организуют вечеринки с помощью онлайн сервисов типа Skype или Zoom.

С помощью добавления компонента “quaran(t)” образованы также неологизмы “quarantech” и “quarantrends”. Существительное “quarantech” (quarantine + technologies) обозначает устройства и программное обеспечение, с помощью которых люди занимают себя во время самоизоляции. Лексема “quarantrends” (quarantine + trends) именуется занятиями, ставшие модными у людей во время карантина.

Языковые новообразования не обошли и область сексуальных отношений. Так, адъективная лексема “byeosexual”, образованная в результате соединения слов bye ‘до свидания’ и sexual ‘сексуальный’, стала употребляться для характеристики человека, сказавшего «прощай» этой стороне личной жизни. Комбинация слов sex ‘секс’ и texting ‘коммуникация посредством смс-сообщений’ дала существительное “sexting”, что значит обмен посланиями сексуального характера. Неологизм “flirtationship” (flirt ‘флиртовать, кокетничать; заигрывать’ + relationship ‘отношение’) обозначает отношения между, например, коллегами на работе, основанные на флирте и не подразумевающие более серьезной связи.

Семья играет значительную роль в жизни человека, поэтому и здесь не обошлось без возникновения новых слов. Эпоха коронавируса породила такие неологизмы, как “coronallennial” и “coronials”. Существительное “coronallennial” – результат слияния слов coronavirus и millennial. Миллениалы, или Поколение Y, это те, кто 21 век встретил в юном возрасте, их отличительная черта – виртуозное владение цифровыми технологиями. Изобретение этого слова приписывают американским писателям Уильяму Штраусу (William Strauss) и Нилу Хэй (Neil Howe), о поколении Millennials повествуют их книги «Generations: The History of America’s Future, 1584 to 2069» (1991) и «Millennials Rising: The Next Great Generation» (2000). Coronallennial, или coronials, – это поколение детей, зачатие и рождение которых совпадает с эпохой коронавируса: здесь налицо несколько юмористический подтекст, состоящий в том, что находясь в вынужденной изоляции,

люди, как бы от нечего делать, начали активно заниматься сексом, а дети – естественное следствие.

Неологизмы, связанные с реалиями семейной жизни, зачастую обозначают нечто нежелательное. Выше мы привели термин “covidivorce”, который обозначает разрыв семейных отношений, вызванный эпохой карантина и самоизоляции. Для характеристики родителей, окруживших своих отпрысков несколько навязчивой, преувеличенной заботой, появилось выражение “helicopter parents” – от слова helicopter ‘вертолет’: в основе этого неологизма лежит метафорическое сравнение с кружащим в небе транспортным средством. Синонимичные словосочетания “boomerang child” и “boomerang kid” также основаны на метафоре: эти неологизмы обозначают детей, вернувшихся жить в семью после попытки пожить самостоятельно (сравнение основано на свойстве бумеранга возвращаться в исходную точку полета). Поскольку в американском обществе считается нормой для детей, окончивших школу, покинуть отчий дом и начинать самостоятельную жизнь, коннотации, связанные с этим выражением, несколько отрицательны: подразумевается, что причины возвращения ребенка в семью не слишком радостны – это невозможность жить отдельно от родителей по финансовым причинам. Неологизм “threenager” также описывает явление, которое имеет проблематичный характер: это ребенок трех лет, поведение которого доставляет его родителям много хлопот. Это слово образовано путем слияния числительного three ‘три’ и существительного teenager ‘подросток’, оно подразумевает сравнение поведения трехлетнего отпрыска с так называемым «трудным возрастом» подростков. Аналогичным способом образован неологизм “screenager”, обозначающий подростка, неспособного оторваться от компьютера или смартфона. Очевидно, что в основу образования подобных слов положен принцип фонетической аналогии, когда первые компоненты новообразований (threen-, screen-) по своему звучанию сходны со звучанием исходного слова (teen-). Однако не все «семейные» неологизмы ассоциируются с обозначением чего-то нежелательного. Так, выражение “child supervision” означает явление, когда дети, хорошо разбирающиеся в современных технологиях использования смартфонов, работы на компьютере и т.п., оказывают наставническую помощь родителям.

Несомненно, что онлайн-технологии прочно вошли в нашу жизнь и в эпоху борьбы с коронавирусом их роль значительно выросла, поскольку наложенные правительства ограничения в передвижении и общении делают Интернет и соцсети порой единственно возможным средством поддержания контакта с коллегами, друзьями, родственниками и т. п. Среди «новичков» в конгломерате лексем английского языка можно отметить слова с одинаковым компонентом -fishing: “catfishing” и “sadfishing”. Слово “catfishing” означает создание в интернете фейкового аккаунта, когда человек придумывает себе совсем другую личность, выдает себя за кого угодно – женщина притворяется девочкой, мужчина – женщиной, бедный выдает

себя за богатого и т. д. Цель такого обмана может быть самой разной – от примитивного флирта до попытки киднэппинга и шантажа. Герундий “catfishing” образован от существительного “catfish”, что значит «сом». Так назывался вышедший на экраны в 2010 году документальный фильм о человеке, которого дурачила посредством общения в социальной сети сорокалетняя женщина, выдавая себя за 19-летнюю девочку.

Термин “catfishing” породил другой неологизм – “sadfishing”, который появился в 2019 году. “Sadfishing” – это явление, когда люди описывают в своих интернет-постах свои беды и горести, зачастую преувеличивая их трагизм. Цель такой деятельности – добиться сочувствия. Данный неологизм образован сочетанием слов sad ‘печальный’ и fishing. Исходно глагол “fish” означает ‘ловить рыбу’, однако у него есть и переносное значение ‘искать, добиваться’, например, to fish for compliments ‘напрашиваться на комплименты’. Таким образом, несмотря на внешнее сходство, слова “catfishing” и “sadfishing” имеют разное морфологическое строение. Форма “catfishing” образована от глагола to catfish ‘ловить сомов’, который, в свою очередь, образован по конверсии от существительного catfish ‘сом’. Лексема “sadfishing” – сложное слово, состоящее из двух корней: sad + fishing. В отличие от “catfishing” в слове “sadfishing” компонент “fishing” является семантически самостоятельным и означает “поиск(и)”.

Неологизм “cyberstalking” отражает еще одно явление в жизни общества: это преследование человека или группы людей посредством интернета. Такое преследование может включать угрожающие послания, клевету, шантаж и т. п. Другой неологизм, “doomscrolling”, означает бесконечное пролистывание негативных интернет-новостей, заикленность на плохом и трагичном. Этот термин отражает всеобщее настроение безрадостности и уныния во время коронавирусной пандемии, он образован комбинацией слов doom ‘рок, судьба, фатум’ и scroll ‘просматривать’. Новообразование “zoombombing” также связано с эпохой изоляции и карантина, когда многие процессы в области образования, бизнеса и т. п. стали проводиться на платформе Zoom: данный термин обозначает срыв видеоурока или онлайн-конференции путем постороннего вмешательства в ход мероприятия, при этом на экране появляются материалы расистского, порнографического или иного, неприемлемого, характера. Компонент “bomb” входит в состав и других неологизмов, например, “photobomb”: как глагол это слово означает явление перед объективом фотокамеры человека, изображение которого не планировалось заранее, как существительное “photobomb” – это фотография, испорченная таким появлением. Человек (или животное) может попасть в объектив случайно, но снимок все равно окажется не таким, каким задумывался первоначально. Неологизм “F-bomb” – это эвфемизм, позволяющий в приемлемом виде сказать о том, что некто употребил ненормативную лексику в своем высказывании: He dropped an f-bomb.

Появилось слово “zenware” для обозначения компьютерных программ, дающих возможность сосредоточиться на работе, избегая отвлекающих факторов. Первый компонент этого слова – zen – заставляет вспомнить о дзенбуддизме. Само слово «дзен» ведет свое начало от термина «дхьяна», который в йоге и буддизме означает медитацию, сосредоточенность на объекте. Компонент “ware” (изделия) находим и в других компьютерных терминах: software ‘программное обеспечение’, hardware ‘оборудование, аппаратура’.

Отметим два выражения с одинаковым первым компонентом “digital”: “digital detox” и “digital hangover”. Словосочетание “digital detox” означает отдых от работы на компьютере, от бесконечного зависания в соцсетях. Выражение “digital hangover” (‘цифровое похмелье’) применимо при описании состояния человека, который стыдится того пьяного безобразия, которое он учинил вчера, а сегодня он наблюдает собственные безобразия на сделанном кем-то видео. Чрезмерное увлечение компьютером, смартфоном, соцсетями получило название “infomania” (от слов information ‘информация’ + mania ‘мания’). Человек, осознавший вред излишнего увлечения интернетом и соцсетями, это disconnectionist (disconnection ‘разъединение’ + -ist), «разъединитель», сторонник проведения времени вне интернета, особенно с целью умственного и духовного оздоровления.

Еда и питье составляют существенный компонент в жизни любого человека, и поэтому возникновение английских неологизмов не обошло и эту сферу. Так, например, появились слова, характеризующие человека с точки зрения специфики его диеты. Существительное “flexitarian” является результатом соединения лексем flexible ‘легко приспосабливающийся, гибкий’ и vegetarian ‘вегетарианец’ и обозначает лицо, не слишком строго придерживающегося отказа от мяса и рыбы в списке потребляемых им продуктов. Выражение “gluten-freegan” – это результат слияния прилагательного gluten-free ‘не содержащий глютен (белок, содержащийся в злаковых растениях)’ и существительного vegan ‘веган, радикальный вегетарианец’. Этот неологизм применим к людям, придерживающимся веганской диеты без глютена. Лексема “locavore” относится к людям, питающимся только теми продуктами, которые выращены в той местности, где они проживают. Первая часть этого слова loca- восходит к прилагательному local ‘местный’. Вторая часть образована по модели слов carnivore ‘плотоядное животное’, herbivore ‘травоядное животное’. Компонент -vore восходит к латинскому сочетанию суффикса и окончания –vorus, суффикс -vor-, в свою очередь, происходит от латинского глагола vorāre, что значит ‘жадно есть’. Латинское –vorus в английских словах получило форму –vorous, примерами являются английские прилагательные carnivorous ‘плотоядный’, herbivorous ‘травоядный’. Неологизм “dryathlon” обозначает долговременное воздержание от потребления алкогольных напитков. Как и в ряде случаев, описанных выше, формирование данного существительного основывается на звуковой

аналогии с исходным словом – triathlon ‘триатлон’. По своему звучанию слова “dryathlon” и “triathlon” практически одинаковы, их различает только первый звук – звонкий [d] и глухой [t]. В слове “dryathlon” первый компонент dry- означает ‘сухой’.

Внутри тематической группы «Внешность» также наблюдается появление неологизмов, причем их направленность в основном негативная, критическая. Так, выражение “eye broccoli” обозначает человека, внешний вид которого не радует глаз, а словосочетание “muffin top” описывает складки жира (причем это касается только женской фигуры), которые нависают поверх слишком узких джинсов с низкой посадкой. Что касается мужчин, то и для них придуманы новые слова и выражения. Например, “guyliner” – это мужская подводка для глаз. Первый компонент этого слова – guy – означает ‘парень’, но сходство звучания этого слова с лексемой gay ‘гомосексуалист, гомосексуальный’ на фоне лексического значения слова “guyliner”, указанного выше, наводит на мысль о том, что данный предмет – это аксессуар представителя нетрадиционной ориентации. Отмечается также неологизм “beardo”, который дает нелестную характеристику персоне мужского пола: это человек с неопрятной бородой отталкивающего вида. Данный субстантив – результат слияния слов beard ‘борода’ и weirdo ‘человек со странностями, экстравагантная личность’. В этом случае снова налицо звуковая гармония между компонентами beard- и weird-.

Современные технологии позволяют рекламировать свою внешность, запечатлевая себя в разных видах, и тиражировать изображения с помощью социальных сетей. Данный аспект не мог не отразиться на создании новых языковых единиц. Например, существительное “gloatgram” – фотографии в сети Инстаграм, демонстрирующие отличную жизнь их автора, путешествия или еду. Первый компонент этого слова – gloat – это глагол, означающий ‘смотреть с восхищением’.

Общеизвестен термин “selfie” – от английского self ‘собственная личность, своё “я”’. По модели данного слова созданы такие неологизмы, как “gelfie”, “footsie”, “legsie”. Лексема “gelfie” обозначает фотографию самого себя, сделанную в тренажерном зале, это результат комбинации слова selfie и слова gym ‘спортивный зал’. Слова “footsie” и “legsie” означают снимок своей ноги, причем субстантив “footsie” не новичок в английском языке, он возник в сороковых годах двадцатого века, но в другом значении: это шуточно-уменьшительное слово для обозначения маленькой ножки. В английском языке есть выражение ‘play footsie’, которое передает процедуру заигрывания с лицом противоположного пола путем легкого прикосновения под столом. В наше время слово “footsie” приобрело новое значение и стало неологизмом. Слово “legsie” образовано по модели “footsie”: английское слово “foot” обозначает ступню, существительное “leg” обозначает всю ногу от ступни до бедра.

Таким образом, мы рассмотрели неологизмы, возникшие в таких тематических группах английской лексики, как взаимоотношения в семье и обществе, в том числе посредством онлайн-технологий, внешность, диета и т. п. Анализ данного вида единиц позволяет обнаружить новые компоненты в языковой картине мира и дает возможность сделать выводы о процессах и тенденциях в развитии общественной жизни.

Литература

1. *Иваницкий В. В.* Функции языка // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2004. – С. 103 –109.
2. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. – М.: Аспект пресс, 1996. – 207 с.
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Автор:

Никитинская Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и переводоведения Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: nikitinskaya.larisa@yandex.ru

Author:

Nikitinskaya Larisa V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Chair of English Philology and Translation Studies, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: nikitinskaya.larisa@yandex.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ *РЫНОК*: ОТ МЕСТА ТОРГОВЛИ К СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье описывается общая структура лексико-семантического поля *рынок*, вербализующего один из важнейших фрагментов языковой картины современника. Используются материалы современных толковых и идеографических словарей. Особое внимание уделяется зонам пересечения поля *рынок* с другими лексико-семантическими полями русского языка.

Ключевые слова: полевой метод, лексико-семантическое поле, лексикография, лексическое значение.

E. V. Parysheva

LEXICO-SEMANTIC FIELD *MARKET*: FROM THE PLACE OF TRADE TO THE SYSTEM OF ECONOMIC RELATIONS

Abstract. The article presents the general structure of the lexical and semantic field “rynok” (market) that verbalizes one of the most important fragments of the contemporary linguistic worldview. The data of the modern explanatory and ideographic dictionaries is used. Intersection zones with the other fields of the Russian language are particularly considered.

Keywords: field method, lexical and semantic field, lexicography, lexical semantics.

Многообразие связей, в которые вступают лексические единицы в системе языка, определяет многие направления современных лексико-семантических исследований. Одним из множеств, в которое по сходству семантических признаков объединяются лексические единицы, является семантическое поле. Значимость изучения семантического поля в антропоцентрической лексикологии объясняется тем, что оно определенным образом отражает структуру мышления носителя языка [Абрамов 2004: 19].

Семантические поля так же, как и единицы, их составляющие, вступают во взаимодействие друг с другом. По словам Ю. Д. Апресяна, они являются пересекающимися классами лексических единиц, именно поэтому не существует единственно верного разделения словаря на семантические поля. «Из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным» [Апресян 1995: 252].

Целью статьи является общее описание структуры лексико-семантического поля *рынок* на материале современных толковых и идеографических словарей и определение тех семантических полей, которые потенциально с ним пересекаются. Выбор поля *рынок* не случаен, так как оно вербализует один из важнейших фрагментов языковой картины современника, чья личность формировалась под влиянием экономических, социальных и политических изменений конца XX–начала XXI века.

В статье рассматриваются материалы «Большого академического словаря» (далее БАС), «Большого толкового словаря русского языка» (составитель и главный редактор С. А. Кузнецов, далее БТК), «Нового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой (далее СЕ), «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее СОШ).

В приведенных словарях выделяется от двух (БАС, СЕ, СОШ) до четырех (БТК) лексических значений слова *рынок*. Так, СЕ и СОШ фиксируют следующие значения: 1) «сфера товарного обращения, товарооборота», 2) «место торговли» [Ожегов, Шведова 2006: 689–690; Ефремова 2000]. В БАС в словарной статье *рынок* первым закреплено значение «место торговли», а вторым – «сфера товарного обращения, совокупность актов купли и продажи». В БТК выделяются следующие значения: 1) «сфера свободного товарно-денежного обращения, товарооборота, определённое экономическое пространство по производству и сбыту продукции на основе товарообмена или за деньги», 2) «система общественных отношений, основанная на свободном товарно-денежном обращении, товарообороте», 3) «широкий ассортимент товаров и услуг, удовлетворяющий потребности спроса и предложения населения», 4) «торговое учреждение по продаже сельскохозяйственной продукции и предметов индивидуально-трудовой деятельности по свободным ценам; место розничной торговли под открытым небом, в крытых торговых рядах или в специальном здании; базар» [Большой толковый словарь русского языка 2003: 1136].

Ценную информацию о семантических отношениях представляют идеографические словари, описывающие логические отношения между лексическими единицами и представляющие совокупности слов, объединённых конкретной идеей. В «Большом толковом словаре русских существительных» (автор-составитель Л. Г. Бабенко, далее БСБ) *рынок* входит в несколько семантических множеств:

1) здания, помещения, которые используются для оказания населению различных видов услуг (значение «то же, что и *базар*»);

2) сферы хозяйственной деятельности людей, отрасли экономики (значение «сфера экономики со свободным обращением товаров, услуг, капиталов, в процессе которого формируется спрос, предложение, цена»);

3) предприятия, учреждения, организации, занимающиеся каким-л. видом экономической деятельности, оказывающие определённые услуги в сфере экономики (значение «предприятие торговли, осуществляющее

куплю-продажу товаров и услуг в определенном месте (под открытым небом или в павильоне); а также само такое место») [Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы 2005: 652, 663, 665].

В «Русском семантическом словаре» слово *рынок* представлено в аналогичных семантических множествах.

Сравнение и сопоставление лексических значений, представленных как в толковых, так и в идеографических словарях, позволяет говорить о том, что в некоторых случаях в отдельные значения выделяются тонкие семантические оттенки: «сфера товарооборота» – «ассортимент товаров и услуг» и «место торговли» – «организация, учреждение торговли». Следовательно, *рынок* выступает, во-первых, как сфера товарообмена, товарно-денежного обращения, совокупности актов купли-продажи определенных товаров и услуг, во-вторых, как определенная система общественных отношений, в-третьих, представляет собой место торговли как в помещении, так и под открытым небом и организацию, осуществляющую такую торговлю. Сосуществование этих трех семантических измерений обуславливает потенциальную связь с другими лексико-семантическими полями русского языка.

В приядерную зону поля *рынок* включается представленный во всех лексикографических источниках дериват *рыночный* – «относящийся к рынку, связанный с ним», «купленный/продаваемый на рынке» (например, в БТК – *р-ая площадь, р. мёд, р-ая цена, р-ая экономика*). Приядерную зону также составляют синонимы, представляющие ряд различных мест торговли и организаций, осуществляющих торговлю: *базар, ярмарка, магазин, киоск, ларек, лавка, павильон, палатка, супермаркет, универмаг, универсам* (по материалам «Русского семантического словаря»). Следовательно, поле *рынок*, ядерным компонентом которого выступает лексема *рынок* в значении «место, учреждение торговли», непосредственным образом связано с полем *пространство* (открытое пространство или помещение).

Тесная связь с указанным полем подтверждается периферийными компонентами, представленными в предложениях и иллюстрациях к словарным статьям. Среди них частотны глаголы движения: *Брали на заводе четыре-шесть ящиков мороженого и ехали на рынок, туда, где много людей* (С. Алексиевич, БАС); *Идти на р., с рынка* (СОШ). Другая группа глаголов – глаголы купли-продажи (<...> *учила распродавать на толкучем рынке всяческую рухлядь*. (Залыг., БАС); *Покупать овощи на рынке* (СОШ)) – является зоной пересечения с полем *купля-продажа*. Иллюстративный материал и предложения к этому значению позволяют извлекать целый ряд лексических единиц, обозначающих предметы и вещи, продаваемые и покупаемые на рынке: <...> *определилось место, где бабы продают овощи*. (Чех., БАС); *Вышел на привокзальный рынок Пухов – воблы сменять на запасные кальсоны, и плохо ему стало* (Плат.), <...> *ехала трамваями на Даниловский*

рынок за зеленью, сухими грибами, щавелем, шиповником (Триф.) (БСБ). Это микрополе, формируемое семей «товар», также входит в зону пересечения с полем *купля-продажа*.

С полем *купля-продажа рынок* связывается и в значении «сфера товарообмена, товарно-денежного обращения». Изучение речений и иллюстраций позволяет выделить микрополе, включающее слова, обозначающие конкретную сферу торговли, в рамках которой осуществляется купля-продажа определенных товаров или услуг: <...> *акции их компании были выброшены на фондовый рынок в Лондоне*. (А. Тарасов, БАС); *Р. сырьё, продовольствия, жилья. Р. рабочей силы* (БТК). Помимо этого, функционирование рынка может основываться на обмене товарами и услугами или же на обмене товара на деньги, поэтому компонент *деньги* так же, как и группа слов с семей «товар», включается в зону пересечения с полем *купля-продажа*.

Рассмотрим реализацию семантики «система общественных отношений». Её актуализация расширяет границы поля за счёт включения в равной степени экономической и идеологической оппозиции *командная, плановая экономика – рыночная экономика: Переход от плановой экономики к рынку. Сторонники рынка* (БТК) (ср. имплицитное противопоставление *коммунизм – капитализм* в БАС в случае, когда рынок используется в значении «сфера товарооборота, товарно-денежного обращения»: *Капитализм породил крупную машинную индустрию и мировой рынок; В капиталистических странах возник гигантский рынок звукозаписи*). Наряду с этим в приядерную зону входят прилагательное *рыночно-базарный* (синоним *базарно-рыночный*, значение «относящийся к рыночной экономике в её неразвитом виде») и существительное *рыночник* (синоним *базарник*, значение «сторонник рыночной экономики»), получившие распространение в период становления рыночной экономики в России и имеющие пренебрежительный и презрительный оттенок [Новые слова и значения 2009; 2014]. Кроме того, актуализация семантических компонентов *цена, предложение, спрос*, одновременно являющихся концептуально важными понятиями экономических отношений, формирует зону пересечения с полем *экономика*.

Следует отметить, что тесная семантическая связь со словом *базар* в значении «место торговли» выводит к ещё одному, в настоящий момент ушедшему в пассив значению слова *рынок*, закреплённому в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, – «шумный спор, галдёж, пререкания» (*Что вы у меня в комнате за р. устроили?*). Это позволяет говорить о том, что периферийные компоненты поля *рынок* («шум», «спор») связывают его с полями *звучание* и *речь* (ср. переносное значение слова *базар* в «Активном словаре русского языка» – «громкие разговоры или выкрики многих людей одновременно, часто в ситуации конфликта мнений»). [Толковый словарь русского языка 1939: 1416; Активный словарь русского языка 2014: 136].

Вероятно, справедливо утверждать, что лексико-семантическое поле *рынок* является частью макрополя *экономика*, так как его все его приядерные и периферийные компоненты отражают, прежде всего, сферу экономической жизни общества. Однако происходит это по-разному: в одних случаях это сфера быта и индивидуального хозяйства («место торговли»), и тогда на первый план выступает связь с полем *пространство*, в других – более глобальные явления, охватывающие общество в целом («сфера товарообмена, товарно-денежного обращения»); актуальной становится связь с полем *купля-продажа*) или его трансформации и идеологические настроения («система общественных отношений»).

Литература

1. *Абрамов В. П.* Семантические поля русского языка. – М.: Акад. пед. и соц. наук РФ; Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003 (Тип. КубГУ). – 337 с.
2. *Активный* словарь русского языка. Т. 1 / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева [и др.]; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 408 с.
3. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды, т. I. Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
4. *Большой академический словарь русского языка.* Т. 24: Розница –Сверяться / Гл. ред. А. С. Герд. Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – М.: Наука; СПб: Наука, 2019. – 670 с.
5. *Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание, синонимы, антонимы* / Авт.-сост. Л. Г. Бабенко [и др.]; под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. – 864 с.
6. *Большой толковый словарь русского языка* / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц. Т. 2: П–Я. – 1084 с.
8. *Новые слова и значения.* Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX в: В 2 т. / Сост. Т. Н. Бурцева, Е.А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко [и др.]; Отв. ред. Т. Н. Бурцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009–2014.
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
10. *Русский семантический словарь.* Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том 3 / РАН Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.

11. *Толковый словарь русского языка. Т. 3. П–Ряшка / Гл. ред. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков; Сост. проф. В. В. Виноградов, проф. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин [и др.]. Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 с.*

Автор:

Парышева Екатерина Викторовна – аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: cancor@bk.ru.

Author:

Parysheva Ekaterina V. – postgraduate student of the Russian language Department of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg; e-mail: cancor@bk.ru.

ОЦЕНОЧНОСТЬ КАК СПОСОБ МАНИПУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НОВОСТЕЙНЫХ САЙТОВ КАЗНЕТА)

Аннотация. В статье рассматриваются способы манипулирования в медиадискурсе казахстанского сегмента Интернет. На основе проведённого анализа некоторых новостийных изданий были показаны языковые способы характеристики субъекта / объекта выражения оценочности в процессе манипулирования читателем. Особо отмечается важность воздействия имплицитно выраженной эмоциональной оценочности. Выдвигается предположение, что оценочные выражения искажают адекватное восприятие информации. В ходе исследования для проверки гипотезы применялась процедура интернет-поиска; был собран эмпирический материал, представленный новостями информационных сайтов. Полученные данные способствуют повышению осведомлённости пользователей о способах манипуляции в медийном поле Казнета.

Ключевые слова: медиадискурс, манипулирование, оценка, СМИ.

М. В. Sarbayeva

EVALUATION AS A MANIPULATION METHOD (ON THE EXAMPLE OF KAZNET NEWS WEBSITES)

Abstract. The paper discusses the manipulation methods in the media discourse of the Kazakhstani Internet. Based on the analysis of some news publications, the linguistic methods of characterizing the subject / object of expressing evaluativeness in the process of manipulating the reader have been identified. The importance of the impact of implicitly expressed emotional evaluativeness is especially noted. It is suggested that evaluative expressions distort the adequate perception of information. The Internet search procedure was used to test the hypothesis; empirical material was collected, presented by news information sites was collected. The obtained data help to increase the awareness of users about the methods of manipulation in the media field of Kaznet.

Keywords: media discourse, manipulation, evaluation, mass-media.

В современном мире СМИ обладают особым потенциалом воздействия и влияния на социум в целом и на массовое сознание в частности, так как масс-медиа косвенно или прямо изменяют социальные и политические события в стране и в мире. Во многом такое влияние происходит в результате интерпретации событий и явлений с целью искажения в пользу заинтересованных сторон, посредством навязывания мнения и манипуляций, которые

общепринято рассматривать как скрытое влияние, оказываемое на реципиента.

В процессе манипулирования происходит скрытое программирование намерений реципиента относительно получаемой информации, подмена восприятия, за которыми следует завуалированное перенаправление хода мыслей в процессе обработки полученной новости на запланированный и преднамеренно выбранный аспект освещаемого события. Особый интерес вызывает определение способов манипулирования с целью выявления такого влияния. Манипулирование основано на подмене рационального восприятия логическим, так как, согласно С. Г. Кара-Мурзе, «особенно легко возбудить те чувства, которые в обыденной морали считаются предосудительными: страх, зависть, ненависть, самодовольство» [Кара-Мурза 2005: 146].

Важным представляется выявление способов манипулирования, среди которых можно выделить оценочность, отражающую значимость происходящих событий и явлений и выражаемую как эксплицитно (явно, выражено лексическими единицами), так и имплицитно (скрыто, неявно, посредством контекста и домыслов).

В отличие от эксплицитной оценки, которая представляет собой открытое выражение субъектом значимости объекта, имплицитное ее проявление не находит объективации в самой языковой единице, а ее сущность выражается в тексте неявно и прослеживается в контексте, передается при помощи различных намеков. П. Грайс называл это «импликатурой», или «тем, что «подразумевается» [Грайс 1985: 24].

Целью анализа новостийных изданий Казнета стало выявление способов манипулирования сознанием массового сетевого пользователя для идентификации, пресечения, и противостояния такому нежелательному психологическому вмешательству. Для анализа способов манипулирования были выбраны казахстанские новостийные веб-сайты zakon.kz, tengrinews, nur.kz, представленные сайтами, страницами в социальных сетях (VK, Facebook, Одноклассники, Twitter, Telegram, Instagram, Tiktok) и мобильными приложениями.

Для достижения результатов анализа языкового материала был применен описательный метод, нацеленный на выявление способов манипулирования реципиентом. Анализ был проведен на основе выбранного эмпирического материала, тщательным образом классифицированный и интерпретированный. Использован также структурный метод, который позволил выявить связи между наблюдаемыми языковыми явлениями, посредством закрепления общностей и различий между ними.

Сетевое издание «Zakon.kz» [Сетевое URL] освещает казахстанские и международные новости широкого спектра; в сутки в среднем публикуется 80 новостийных постов; в топ публикаций входит 50–60 самых читаемых новостей. Отобраны и систематизированы публикации, набравшие от 80

тысяч до 400 тысяч прочтений, анализ которых осуществлен на основе выявления способов эксплицитной и имплицитной оценки.

Эксплицитная оценка освещаемых событий в материалах издания передается при помощи лексических единиц каузального типа, например: «*вызывали на ковер к руководству и давали жару*», «*по глупости сболтнул*», «*слила информацию о деньгах*»; а также лексики с негативной коннотацией, связанной с карантинном, введённым в Казахстане: «*ужесточат карантин*», «*прирост заболевших*», «*новое постановление о карантине*». Частое упоминание слова «коронавирус» (30 из 50 основных новостей февраля 2021 года затрагивали тему коронавируса, COVID-19 и карантина) поддерживает постоянный интерес читателя, вызывает обсуждение в комментариях, делает новости чаще читаемыми, так как апеллирует к актуальной теме, затрагивает эмоциональную сторону восприятия. Достаточно частотное использование таких словообразовательных (морфемных) способов, как продемонстрировано в следующем примере: «*В Жезказгане задержали серийного домушника*». Несомненно, велик манипулятивный потенциал у слов и выражений, которые реализуются при помощи формообразовательных (морфологических) способов: «*Казахская диаспора из Германии собирает гуманитарную помощь для Казахстана*», а также синтаксических (лексико-семантических) выражений с риторическим вопросом: «*Справились! Но какой ценой?*». В целом следует отметить расширение синтагматических возможностей анализируемых слов.

Манипулятивным воздействием обладают и фразеологические сочетания, которые можно отнести к прагмемам, так как они относятся к «свернутым суждениям» и обладают особой силой воздействия и убеждения: «*резкий поворот судьбы*», «*черная полоса*», «*денежный магнит*». Такие языковые единицы, особенно выносимые в заголовки новостей, привлекают внимание читателей и рассчитаны на определенные фоновые знания, так как подразумевают знание специфики лингвокультуры читателей. Уместно отметить, что, помимо непосредственно самой номинации понятия, фразеологизмы совмещают в себе оценочное значение и прагматическую функцию. Отмеченная особенность лексем-прагмем находит подтверждение в использовании эпитетов «*герой-полицейский*», «*необычный рекорд*» как одно из средств манипулирования.

Самым частым способом манипулирования остается формирование заголовка, не совпадающего с содержанием самой новости. Так, новость под заголовком «*Самый разыскиваемый террорист-казахстанец задержан в Турции*» предполагает, что в новости речь пойдет о самом разыскиваемом в Казахстане террористе, тем не менее в ней говорится о казахстанском террористе, которого разыскивали в Турции.

С распространением вирусной инфекции связана большая часть новостей. Так, заголовок новости «*Ученые предупредили о риске новой пандемии с 75%-ной смертностью*» указывает на наличие оснований для опасений

относительно новой пандемии, вместе с тем в самой новости указан меньший процент заболеваемости: *«между 45 и 75 процентами»*.

Таким образом, анализ способов выражения оценочности в новостийном контенте издания Zakon.kz указывает на способы манипулирования читателем, выражаемые в основном введением читателя в заблуждение через искажение информации, преимущественно конструированием заголовков, не соответствующих или полностью противоречащих содержанию новостей.

Сетевое издание **«Интернет ресурс Tengrinews.kz»** [Интернет URL] представлено одноименным сайтом и публикует местные и зарубежные новости, в которых оценочность выражается в основном эксплицитно, посредством *эмоционально-окрашенных слов, стилистически маркированных лексических единиц, оценочных качественных и относительных прилагательных*: *«алматинцы возмутились состоянием парка»*, *«коммунальная авария»*, *«находиться в собственном доме в тридцатиградусный мороз небезопасно»*.

Оценочность присутствует в следующих новостях: *«Танцевавшего перед рестораном пьяного водителя наказали в Атырау»*, *«6 человек погибли в жуткой аварии в ЗКО»*, *«Ролик с гуляющим в ресторане судьей прокомментировали в Караганде»*, где для привлечения и удержания внимания намеренно использована стилистически окрашенная оценочная лексика.

Необходимо отметить, что определённым манипулятивным потенциалом обладают новости, в которых заголовок полностью совпадает с содержанием, переданным нейтрально и аргументированно, однако, в конце публикации приводится информация, не имеющая непосредственного отношения к новости, но подталкивающая читателя к определённым выводам на основании фактов и доводов. Таким образом, читатель воспринимает в соответствии с замыслом автора информацию, изложенную в начале статьи, однако, строит выводы на основании другой информации, указанной в конце новости. Такая подача информации искажает адекватное восприятие, вводит в заблуждение, трансформирует восприятие действительности и манипулирует сознанием читателя. Так, в новости *«Названы признаки эффективности введенной вакцины от коронавируса»* издательство ссылается на экспертное мнение о признаках эффективности вакцины против коронавируса и завершает новость упоминанием реакций организма на российскую вакцину от COVID-19 и на казахстанскую вакцину QazCovid-IN. Следовательно, у читателя складывается мнение об эффективности упомянутых препаратов.

Информационное агентство NUR.KZ [Информационное URL] освещает события в Казахстане и в мире, в которых основными эксплицитными способами выражения оценки являются: а) иноязычные вкрапления: *«казахстанский промоушен»*, *«понятие буллинга»*, *«драгдиллеров осудили»*; б) сниженная лексика: *«когда сливают твой продукт, это не в кайф»*; в)

просторечные элементы: «на свалке за «барахолкой», г) сленгизмы: «мужчина «разводил» казахстанцев на деньги», «осудили за крышевание».

К имплицитно выраженной оценке относятся: а) пунктуационные и графо-орфографические способы, комбинированные с отсылкой к авторитету, официальным лицам, указанным в заголовке «*Не можем не строить*»: аким Алматы», «*Медиаторы: мы не можем быть толерантны к бытовому насилию*»; б) графо-орфографические способы заключения слов в кавычки для указания на необычное употребление, в условном значении или в значении иронии: «*слухи о «передаче» земель*», «*спасись от «симбиоза*»; в) риторические вопросы, восклицания, вводимые в заголовки новостей для усиления воздействия на реципиента, благодаря графическому оформлению: «*Пора в Голливуд!*», «*Привет, лёгкость!*», «*Заняться нечем?*»; г) прецедентные имена, используемые в расчете на фоновые знания читателей: «*келинка Сабина*», «*Борат-2*», «*Достойный гражданин Казахстана*», «*актриса, сыгравшая Томирис*»; д) акронимы, аббревиатуры, используемые для экономии языковых усилий и компактно передающие информацию, представляющую знакомые читателям понятия: *КВИ, ВКО, УОЗ, ЕНТ*; е) сенситивные метафорические, семиотические и графические приемы, используемые как элементы языковой игры: «*красная*», «*желтая*» «*зеленая*» зоны, #*мнефиолетово*.

Анализ заголовков новостийных изданий выявил следующие приемы, используемые указанными изданиями для достижения большего эффекта воздействия и создания позитивной или негативной коннотации: навешивание ярлыков, отсылки к личностям, игры в простонародность, предвзятое одностороннее освещение.

В нейтральной коннотации представлены политические и экономические новости, официальные заявления, тогда как коннотация новостей социальных, общественных, бытовых и шоу-бизнеса преимущественно негативна.

Таким образом, вполне закономерно, что материал новостийных изданий, определяющий во многом современную социально-психологическую и языковую ситуацию в обществе, представляет большие данные для выявления процессов манипулирования читателем посредством эксплицитно и имплицитно выраженной оценки освещаемых событий и явлений. Манипулирование нацеленно на искажение восприятия и снижение критического мышления. Для противодействия такому влиянию представляется необходимым повышение уровня медиаграмотности и информирования пользователей сети Интернет о существовании таких практик с целью снижения риска воздействия на массовое сознание.

Литература

1. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.

2. *Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985.
3. *Сетевое издание «Zakon.kz».* – Режим доступа: <https://www.zakon.kz>.
4. *Интернет-ресурс Tengrinews.kz.* – Режим доступа: <https://tengrinews.kz>.
5. *Информационное агентство NUR.KZ.* – Режим доступа: <https://nur.kz>.

Автор:

Сарбаева Мариям Бактыгереевна – докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан; e-mail: mariyam.sarbayeva@gmail.com

Научный руководитель:

Нуртазина Марал Бекеновна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан; e-mail: maral0204@mail.ru

Author:

Sarbayeva Mariyam – PhD student, Theoretical and Applied Linguistics Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: mariyam.sarbayeva@gmail.com

Scientific advisor:

Nurtazina Maral – Prof. Dr. of Theoretical and Applied Linguistics Department, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan, e-mail: maral0204@mail.ru

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ
В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ
(на материале словарей)**

Аннотация. Данная статья посвящена фразеологизмам с компонентом зоонимом лошадь (ат, жылқы / horse), собака (ит / dog) и кошка (мысық / cat) в разносистемных языках в лингвокультурологическом аспекте. В статье детально рассматриваются фразеологизмы с компонентом зоонимом (субстантивные, адъективные, адвербиальные или наречные, глагольные) на основе лексико-грамматических параметров. При исследовании данной лексической группы применение такого подхода является самым эффективным при сопоставлении лексических систем разных лингвокультур.

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологизмы с компонентом зоонимом, классификация фразеологизмов, разносистемные языки, лексико-грамматические категории.

B. A. Sarmanova, J. N. Zhunusova, E. B. Ermukan

**PHRASEOLOGISMS WITH THE ZOONYME COMPONENT
IN DIFFERENT LINGUOCULTURES
(on the material of dictionaries)**

Abstract. This article is devoted to phraseological units with the zoonym component horse (ат, жылқы/лошадь), dog (ит/собака) and cat (мысық/кошка) in different-system languages in the linguistic and cultural aspect. The article discusses in detail phraseological units with a zoonym component (substantive, adjective, adverbial or adverbial, verbal) based on lexical and grammatical parameters. When studying this lexical group, the use of this approach is most effective when comparing the lexical systems of different linguistic cultures.

Key words: phraseological units, phraseological units with a zoonym component, classification of phraseological units, multi-system languages, lexical and grammatical categories

С древних времен животные считались олицетворением добра и зла разных народов и культур. Самым ярким примером анималистической культуры является древнеегипетская религия, в которой ярко отображается место животных в социуме и в жизни человека. К примеру, божество Тот олицетворяло мудрость и знание, при этом обладало человеческим телом и птичьей головой; божество Бастет было символом радости и веселья, обладало женским телом и кошачьей головой; божество Анубис было предвестником

смерти, царем загробного мира и знатоком целебных трав, внешность его представлена в виде мужчины с головой пса. Такие примеры встречаются и в Древней Греции, где антропоморфные чудовища минотавры и кентавры внушали страх народу, а в Японии животные вроде девятихвостой лисы или тануки (енотовидная собака) были посредниками между божествами и смертными.

Сам факт того, что древний среднеазиатский народ, саки, использовал символы, напоминающие животных, свидетельствует об их значимости при формировании национальной культуры. Символы с животными используются как элемент народного орнамента и часто встречаются в устойчивых словосочетаниях (см. рисунок 1).

Рисунок 1 – Классификация казахских народных орнаментов [Нуриева 2019]

При исследовании фразеологических единиц с разными компонентами лингвокультурологический аспект позволяет расширить «представление об общности и различии во фразеологических образах, помогает проникнуть в сущность и традиционность фразеологических процессов» [Соколова 2015].

Исследование фразеологизмов с компонентом-зоонимом позволяет обогатить словарный запас, проникнуть в культуру разных народов, что способствует лучшему, более полному общению и сближению между этносами. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом остаются самыми

«живучими» в языке и культуре, входят в лингвокультурный код нации с учетом и влиянием разных традиций.

Исходя из вышесказанного следует отметить, что культурные коннотации при исследовании фразеологизмов с зоонимом органично вытекают из их внутренней формы, при этом определение культурных коннотаций позволяет объяснить значения переменного прототипа с опорой на этимологические данные. Стилистическая маркированность фразеологизма реализуется в контексте художественного произведения, а «культура понимается как способ ориентации субъекта в знаках культуры, которые традиционно установились в определенном национальном социуме» [Соколова 2015].

Фразеологические единицы (ФЕ) с компонентом-зоонимом рассматриваются учеными при сопоставительных исследованиях. Сравнительный подход, один из древнейших способов познания, позволяет постигнуть окружающий мир, выявить различия ФЕ с компонентом-зоонимом в казахском и английском языке. Кроме того, исследуя те или иные фразеологизмы с компонентом зоонимом, не стоит забывать и об их классификации, что позволяет подойти к объекту исследования комплексно и подвергнуть их систематизации, подразделяя их на те или иные классы, виды, типы, категории и т. п.

Классификация ФЕ с компонентом-зоонимом все еще не исследованная область лингвистики, так как до сих пор многие ученые-лингвисты расходятся в отношении их классификации, основываясь на результатах диссертационных работ, монографий, статей, опубликованных в разных журналах и сборниках.

Так, А. Г. Назарян предложил классификацию фразеологизмов с компонентом-зоонимом исходя из класса наименований животных [Назарян 1987]. В своем сопоставительном исследовании С. Абдуллаева классифицирует ФЕ с компонентом-зоонимом на две большие группы: домашние животные и дикие животные [Абдуллаева 2019]. М. А. Гаврилюк разделил их по ментальному отображению окружающего мира в двух ипостасях: антропоморфные и иконические [Гаврилюк 2015]. Однако во многих исследованиях ученые при классификации фразеологизмов с компонентом-зоонимом опираются на лексико-грамматические категории (Д. А. Тишкина, Ю. Н. Куличенко и Е. М. Маклакова).

В данной статье мы рассматриваем ФЕ, в компоненты которых входят зоонимы *лошадь*, *собака*, *кошка*, на материале английского и казахского языка. Значимость данных зоонимов в нашем исследовании определяется их частотностью в рассматриваемых лексикографических изданиях: ФЕ с компонентом *лошадь* было выявлено 28 в английском языке и 23 в казахском языке; с компонентом *собака* соответственно 54 и 33; с компонентом *кошка* 57 и 1.

В казахской лингвокультуре фразеологизмы с компонентом *ат*, *жылқы* (лошадь) часто встречаются, им уделяется много внимания. Для

казаха *лошадь* – это воплощение красоты, благородства, величия, богатства и драгоценный камень среди всех животных [Жайсан 2014]. Именно лошадь считается у казаха воплощением всего животного мира, чем и определяется значимость данного компонента во фразеологических оборотах казахского языка. В частности, лошадь во фразеологии символизирует очаг, защиту, помощь, основной участник в спортивных конных соревнованиях (байга, аламан-байга) и т. п.

В английской культуре, в частности – британской, лошадь приравнивалась к божеству, а конюшня – это его храм. На многих произведениях искусства на камнях изображены люди в лошадиных масках, а сами люди в древности верили, что их душа отправляется в загробный мир только верхом на лошади [Селигеева 2016]. В связи с этим в английской фразеологии *horse* (лошадь) занимает важное место и ФЕ с данным компонентом передают такие значения, как высокомерность (*be on (get on, mount, ride) one's (the) high horse* высокомерно держаться, важничать, задаваться, задирать нос, ломиться, впадать в амбицию), малоизвестность (*a dark horse* «темная лошадка», лошадь о которой ничего не известно и на которую никто не ставит), упрямство (*wild horses wouldn't drag*) кого-л. никакими силами не заставишь, не оторвешь и т. п., силой не вырвешь что-л. у кого-л., это клещами из кого-л. не вытянешь), упорство (*a willing horse* человек, с готовностью берущийся за что-л., охотно взваливающий на себя работу, работяга) и т. д.

В рассматриваемых лингвокультурах особое место занимают фразеологические единицы с компонентом *dog/um* (собака). Так, в казахской фразеологической культуре *um* олицетворяет непокорность, живучесть, ярость, занимает низкое положение в иерархии животного мира и т. п. В английской фразеологической культуре вышеупомянутое животное выражает покорность, преданность, хитрость, лень, дарит счастье и т. п. Следовательно, в рассматриваемых языках фразеологизмы с компонентом *собака* могут нести как негативную окраску, так и положительную.

В английской и казахской культурах *cat/мысық* (кошка) также встречается очень часто во фразеологизмах: в английской культуре данный зооним говорит об их оседлой, беззаботной жизни; в казахской культуре он встречается только вместе со словом *собака*, например: *um пен мысықтай* – быть в постоянной ссоре, вражде, когда невозможно найти компромисс. В английской культуре *кошка* – это грациозное, живучее животное, в некоторых устойчивых словосочетаниях оно передает разные состояния человека, слабость, а также позволяет определить недруга, изменника (*a cat in (the) pan* изменник, предатель, ренегат, перебежчик (часть выражения *turn (a) cat in (the) pan* изменить, предать) и т. п.

В научной литературе на основе лексико-грамматической категоризации ФЕ с компонентом-зоонимом подразделяют на следующие виды: субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные, междометные и

коммуникативные. Отметим, что в данной работе мы рассматриваем четыре из них. Материалом исследования послужили лексикографические издания (Казахско-русский фразеологический словарь К. Х. Кожаметовой [Кожаметова 1988] и Англо-русский фразеологический словарь А.В. Кунина [Кунин 1984]).

Субстантивные фраземы. В эту группу входят фраземы с обобщенной предметно-оценочной семантикой, объективированной в грамматических категориях рода, числа и падежа. Они выполняют функции подлежащего, именного компонента составного сказуемого или дополнения [Алиференко 2009].

Данные фраземы в английском и казахском языке в свою структуру включают именные части речи (существительное прилагательное). По своей семантической структуре субстантивные ФЕ передают характеристику человека, его качества, непохожесть на других, связана с особенностями его поведения и образа жизни, статус человека, группа лиц [Куличенко 2017]. Примером могут послужить следующие словосочетания из фразеологических словарей: *a dark horse* – темная лошадка; *a maiden horse* – девичья лошадь; *lazy dog* – ленивая собака; *a lucky dog* – счастливая собака; *a tame cat* – ручная кошка; *ат жақты* – лошадиная челюсть; *ат ұстар* – держатель лошади; *ит арқасы қиян* – преследование собаки; *ит жанды* – собачья душа.

При подборе субстантивных ФЕ в английском языке было выявлено 12 единиц с компонентом *лошадь*, 22 единицы с компонентом *собака*, 18 – с компонентом *кошка*; в казахском языке были определены 4 – с компонентом *лошадь*, 6 – с компонентом *собака*, с компонентом *кошка* не были обнаружены.

Адъективные фраземы. Адъективные фраземы обладают категориально-грамматическим значением атрибутивности и выражают статистические качественно-оценочные признаки в специфических формах рода, числа и падежа. В предложении единицы этой группы выполняют функции несогласованного определения и именной части составного сказуемого [Алефиренко 2009].

В свою структуру такие ФЕ включают словосочетания с именем прилагательным как важным элементом. Адъективные ФЕ характеризуют типичные качества человека, физическое состояние человека, статус, богатство/бедность [Куличенко 2017]. Приводятся следующие примеры из словарей для данного класса: *(as) strong as a horse* – силен как лошадь; *(as) tired as a dog* – устать как собака; *(as) weak as a cat* – слаб как кошка; *ақылы қой, алалы жылқы* – платные овцы, разномастные лошади; *ат мініп, аспан асынып* – верхом на лошади, висит в небе; *иттен ілгері, кісіден кейін* – перед собакой, после человека.

При подборе адъективных ФЕ в английском языке выявлена 1 единица с компонентом *лошадь*, 2 единицы с компонентом *собака*, 2 – с компонентом

кошка; в казахском языке были определены 3 – с компонентом *лошадь*, 3 – с компонентом *собака*, а с компонентом *кошка* примеры не были обнаружены.

Глагольные фраземы. Как и следует из названия, данный класс фразем структурируется с участием глаголов, выражаемых категориями вида, залога, наклонения, лица и времени. Глагольные ФЕ часто встречаются как в казахском, так и в английском языке. Данные фраземы с компонентом-зоонимом передают эмоциональное состояние и поведение, речевую деятельность, межличностные отношения, нереальные, несбыточные действия, прошлый опыт [Куличенко 2017]. Примером могут послужить следующие: *beat a dead horse* – убивать мертвого коня; *play horse* – играть коня; *barking dogs seldom bite* – лающие собаки редко кусаются; *every dog has his day* – каждая собака имеет свой день; *love me, love my dog* – люби меня, люби мою собаку; *able (enough) to make a cat speak* – способен кота разговорить; *shoot the cat* – стрелять котом; *ағаш атқа мінгізу* – посадить на деревянную лошадь; *ит біле ме* – знает ли собака.

При подборе глагольных ФЕ на английском языке было выявлено 9 единиц с компонентом *лошадь*, 14 единиц с компонентом *собака*, 24 – с компонентом *кошка*; в казахском языке были определены 15 ФЕ с компонентом *лошадь*, 20 ФЕ с компонентом *собака* и ни одного примера с компонентом *кошка*.

Адвербиальные или наречные фраземы. К этой группе относятся фразеологические единицы с количественно/качественно-обстоятельственной семантикой, которые характеризуют полное отсутствие прагматической формы и выполняют в предложении функцию обстоятельства [Алефиренко 2009]. Их характерной чертой часто считается передача скорости и эмоционального состояния человека. Как пример рассматриваются следующие ФЕ: *like a dog with two tails* – как собака с двумя хвостами; *like a cat in a strange garret* – как кошка в странном чердаке; *like a scalded cat* – как ошпаренная кошка; *look like the cat after it had eaten the canary* – выглядеть как кошка после съедения канарейки; *ат төбеліндей* – как трава для лошади; *ит пен мысықтай* – как кошка с собакой; *иттей ыза болу* – как собака злиться; *іші ит жалағандай болу* – чувствовать, как собака слизнула изнутри.

При подборе адвербиальных ФЕ в английском языке не было выявлено единиц с компонентом *лошадь*, 1 единица с компонентом *собака*, 5 – с компонентом *кошка*; в казахском языке были выявлены 1 единица с компонентом *лошадь*, 3 ФЕ с компонентом *собака*, 1 – с компонентом *кошка*.

Исходя из вышеизложенного исследованные устойчивые словосочетания ритмически организованы, содержат афористически сжатые изречения, состоят из назидательных смыслов и заключают в себе совет, суждение, поучение и притчу со свойственной директивной, назидательно-оценочной функцией. Одни ученые «ограничивают предмет фразеологии лишь такими устойчивыми сочетаниями слов, которые представляют собой семантически

преобразованные соединения слов, соотносимы со словом и получили названия номинативных единиц... другие ученые расширяют объект фразеологии за счет семантически преобразованных устойчивых сочетаний, соотносимых не только со словом, но и с предложением» [Алефиренко 2009].

Таким образом, исследование ФЕ с компонентом-зоонимом с опорой на лексико-грамматическую классификацию показало, что с концептами *лошадь*, *кошка*, *собака* с большим преимуществом преобладают субстантивные фраземы (52) и глагольные фраземы (47). Среди глагольных фраземы с концептом *кошка* преобладают с наибольшим количеством – 24 единицы, а субстантивные фраземы с концептом *собака* – 22 единицы.

Исследование показало, что во фразеологизмах с компонентом-зоонимом в казахском языке преобладают глагольные фраземы (35), которые наиболее распространены в рассматриваемых языках. Среди глагольных фразем наибольшими оказались ФЕ с компонентом *собака* (20), и с компонентом *лошадь* (15). Фраземы с компонентом *кошка* встречаются только среди адвербиальных, а в остальных отсутствуют.

В английской культуре фраземы с компонентами *собака*, *лошадь* и *кошка* играют значимую роль, об этом свидетельствует их частотность в словарях. В казахской лингвокультуре зоонимы *лошадь* и *собака* преобладают, в то время как фразеологизмы с компонентом *кошка* встречаются в словаре нечасто. Во фразеологическом словаре английского языка были выявлены 140 единиц по рассматриваемым компонентам, а во фразеологическом словаре казахского языка было выявлено 57 единиц.

Сопоставительно-типологическое исследование разноструктурных языков на материале словарей позволяет решать «важнейшие вопросы по сопоставительной лингвистике, выявлять сходства и различия. Особенно ценным источником для сопоставительных исследований служат двуязычные словари, являющиеся каналом лингвистической науки» [Жунусова 2019: 95].

Литература

1. *Абдуллаева С.* Английские и узбекские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом. – Самарканд: Хорижий филология – 2019. – №4 – С. 68–72.
2. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
3. *Гаврилюк М. А.* Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ. – 2015. – Выпуск 10 (721). – С. 109–119.
4. *Жайсан А.* Казахская лошадь [Электронный ресурс] // Информ-биржа news. Рекламно-информационная газета. – 2014. – 47 (1063). – Режим доступа: <http://ibirzha.kz/kazahskaya-loshad>.

5. *Жунусова Ж. Н.* Билингвальная грамматикография в аспекте исследования разноструктурных языков // Сборник научных трудов по материалам Международной научной конференции «Родной язык как средство сохранения и трансляции культуры, истории и преемственности поколений в условиях многонационального государства» – Саранск, 2019. – 1 электрон. опт. диск. – С. 92–98.

6. *Кабанова И. Н.* Основы лексикологии английского языка для студентов V курса заочного отделения. Издание второе, дополненное. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013 – 168 с.

7. *Куличенко Ю. Н.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом // Научный диалог. – 2017. – № 4. – С. 44–56.

8. *Назарян А. Г.* Фразеология современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.

9. *Нуриева А.* Знаки и смыслы казахских орнаментов [Электронный ресурс] // СААН 2019. – Режим доступа: <https://www.caanetwork.org/archives/15372>. – Дата обращения 10.03.2021.

10. *Селигеева К.* Образ лошади в британской и хакасской традиционной культуре [Электронный ресурс] // Алые Паруса. – 2016. – 9 с.

11. *Соколова М. В.* Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц с компонентом-зоонимом в марийском и финском языках: автореф. дис. ... кан. фил. наук – Чебоксары, 2015. – 23 с.

12. *Шаяхметова А. Г.* Русская фразеология в лингвокультурологическом аспекте // Тезисы международной научной конференции: Славянская фразеология: теория и практика, традиции, настоящее, будущее. – Ополе, 2000.

Словари:

13. *Кожяхметова Х. К.* Казахско-русский фразеологический словарь / Жайсакова Р. Е. Кожяхметова Ш. О. // Алма-Ата, Мектеп, 1988. – 224 с.

14. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический словарь / Лит.ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.

Авторы:

Сарманова Басима Абдумаликкызы – магистрант 2 года обучения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан, e-mail: bassima.sarmanova@gmail.com

Жунусова Жаныл Ныгызбаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан, e-mail: zhanyl08@mail.ru

Ермуқан Есенгуль Борамбайкызы – магистрант 2 года обучения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан, e-mail: esengul_kz_98@mail.ru

Authors:

Sarmanova Basima A. – 2-year master's student by the specialty «Linguistics» of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Nur-Sultan, Kazakhstan, e-mail: basima.sarmanova@gmail.com;

Zhunosova Zhanyl N. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Nur-Sultan, Kazakhstan, e-mail: zhanyl08@mail.ru;

Ermukan Yessengul B. – 2-year master's student by the specialty "Russian language and literature" of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Nur-Sultan, Kazakhstan, e-mail: esengul_kz_98@mail.ru.

**ПОПЫТКА РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ НЕПОНИМАНИЯ
БОГОСЛУЖЕБНОГО ТЕКСТА**
(на примере одного из тропарей первой песни воскресного канона
первого гласа)

Аннотация: Церковнославянский язык в настоящее время составляет важную часть культуры и традиции Русской Православной Церкви. Истоки богослужебного языка находятся в IX в. – в эпохе создания Кириллом и Мефодием славянской письменности. В течение столетий церковнославянский язык по мере возможности и необходимости постоянно исправлялся. При этом книжная справа XVII в., призванная улучшить литургические тексты, в итоге усугубила проблему – они стали менее понятны для народа. С тех пор никакого систематического редактирования история Русской Церкви не знала. И к концу XIX столетия проблемный вопрос богослужебного языка представлялся уже как крайне напряженный. В начале XX века путем острой дискуссии и кропотливой работы были найдены некоторые способы его разрешения. В данной статье представлена попытка применить их на практике.

Ключевые слова: церковнославянский язык, богослужебный язык, русский язык, история русского языка, богослужение, Священное Писание.

A. V. Trifonoglo

**AN ATTEMPT TO SOLVE THE PROBLEM OF
MISUNDERSTANDING OF THE LITURGICAL TEXT**
(by the example of one of the troparia of the first song of the Sunday
canon of the first voice)

Abstract: The Church Slavonic language is now an important part of the culture and tradition of the Russian Orthodox Church. The origins of the liturgical language are found in the IX century-in the era of the creation of the Slavic script by Cyril and Methodius. Over the centuries, the Church Slavonic language was constantly corrected as far as possible and necessary. At the same time, the book reform of the XVII century, designed to improve the liturgical texts, eventually aggravated the problem – they became less understandable to the people. Since then, the history of the Russian Church has not known any systematic editing. And by the end of the XIX century, the problematic issue of the liturgical language was already presented as extremely tense. At the beginning of the 20th century, through sharp discussion and painstaking work, some ways of solving it were found. This article presents an attempt to apply them in practice.

Keywords: Church Slavonic language, liturgical language, Russian language, history of the Russian language, Divine service, Holy Scripture.

Церковнославянский – язык богослужения – внес большой вклад в развитие русского литературного языка, а также в историю отечественной культуры.

Так, о прямой связи судеб русского и церковнославянского языков высказывался М. В. Ломоносов: «Российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится, коль долго церковь Российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет» [Ломоносов 1986: 477].

При этом богослужебный язык переживает не самые лучшие времена. Русский язык стремительно развивается, а церковнославянский остается позади и как результат становится менее понятным. Причиной неподвижности языка является отсутствие профессиональной книжной редакторской деятельности. Уже несколько столетий на официальном уровне не проводится никаких книжных справ, благотворно влияющих на живость и развитие языка. В итоге язык богослужения становится все менее понятным, а проблемы, с ним связанные, – все более острыми.

Между тем проблемный вопрос о развитии богослужебного языка, его застоявшемся состоянии не раз поднимался, в том числе и в церковной печати.

Предлагались возможные пути решения данной проблемы. Подробный обзор этих предложений был сделан А. Г. Кравецким, А. А. Плетневой [Кравецкий, Плетнева 2001: 42], о. Николаем Балашовым [Балашов 2001: 45] и др.

Анализируя, в частности, «Отзывы епархиальных архиереев», можно прийти к выводу, что большинство епископов видели выход в традиционной для Руси книжной справе, то есть в исправлении, редактировании текстов.

Некоторые из них предлагали и свои программы. Например, тезисы епископа Назария Нижегородского были такими:

1) синтаксис должен соответствовать грамматическим и логическим требованиям славянской речи;

2) нужно избавляться от темных мест, возникших из-за неверного или плохого перевода («темже неокорос душетленные льсти, валявся якоже камень светится» – тропарь из канона Григорию Неокесарийскому Чудотворцу);

3) необходимо изменить те славянские конструкции предложений, которые в русской речи имеют обратный смысл («Яко Христос воскрес, никтоже да не верует» – воскресный эксапостиларий);

4) должны быть преобразованы непонятные славянские выражения («Радуйся, ниво, растящая гобзование щедрот» – из акафиста Божией Матери);

5) нужно переработать устарелые формы древнеславянского склонения и спряжения («якоже бо Отец имать живот в Себе, тако даст и Сынови живот имети в Себе и область даст Ему и суд творити» – из Евангелия от Иоанна);

6) необходимо расстановку знаков осуществлять однообразно и осмысленно [Отзывы 2004: 48–50].

Суть всех предлагавшихся программ заключается в следующем: пересмотр и исправление синтаксиса текстов, лексем, вызывающих в большинстве своем непонимание, сомнение либо смущение, паронимов, имеющих в русском и церковнославянском разные значения, пунктуации, а также неправильно переведенных мест при сличении с греческим оригиналом.

Ниже будет предпринята всего лишь попытка выборочно, где это необходимо, последовать представленным критериям – на примере тропарей из воскресного канона первого гласа.

Итак, тропарь – это краткое гимнографическое молитвословие, в котором раскрывается основная тема праздника: прославление той или иной личности, а также события, или призывание святых на помощь.

Церковнославянский текст первого тропаря воскресного канона первого гласа таков:

И́же рѹка́ма пречисти́ма ѿ пѣрсти бѣодѣтельнѣ
испѣрва созда́вх мѧ, рѹцѣ распротѣрлх ѣси на крѣтѣ,
ѿ земли́ взыва́ах тѣло мое тѣло, ѣже ѿ дѣвы
пріа́лх ѣси [Октоих 1981: 42].

По своему виду и размеру небольшой тропарь является чрезвычайно многослойным по смыслу.

Причем сразу речь идет о библейском богословии. Неслучайно гимнотворец употребляет фразу рѹка́ма пречисти́ма созда́вх мѧ. На церковнославянском языке первые два слова – существительное с прилагательным – имеют форму двойственного числа Т. п., которые на русский язык с остальной частью выражения переводятся как *руками Пречистыми создавший меня*.

Чтобы полностью понять смысл этой фразы, следует знать, что в Библии при творении всего окружающего мира в течение ряда творческих актов употребляется одна и та же формула: *Сказал Бог, да будет... (да соберется... да произрастит... и т.д.)*. *И стало так* (Быт. 1:3–23). Однако, когда дело доходит до создания человека, все неожиданно меняется на *сотворим человека* (Быт. 1:26). Становится очевидным – последнее носит характер такой важной значимости, что Господь непосредственно Сам, образно говоря, *Своими руками* приступает к созиданию человека. Подтверждением этому

звучат слова свт. Василия Великого: «Он не сказал, как об остальных: “Да будет человек!” Осознай же свое достоинство. Он не провозгласил твое появление приказом, но выразил размышление Бога о том, как предстоит появиться в жизни достойному существу. “Сотворим!”... Не стремится ли Он со всей заботливостью сделать Свое любимое творение совершенным, законченным и прекрасным?» [Василий Великий 2008: 295]. Этот важный момент и желает показать автор тропаря.

Далее гимнотворец сознательно проводит параллель первому месту: *рꙋцѣ распростѣрлѣ ѣсѣ на крѣтѣ*. Таким построением автор как бы делает акценты: руки, которые сотворили человека, теперь расprostерты на Кресте, пречисты, однако наказаны самой позорной казнью, как если бы они были загрязнены жестокими преступлениями.

Возвращаясь к тематике создания человека, следует также выделить в тропаре выражение *ѿ пѣрсти бгѣодѣтельнѣ... создалъ*. На церковнославянском *ѿ пѣрсти*, значит *из праха* [Кузнецов 2000: 826], а сложное наречие *бгѣодѣтельнѣ* – *посредством божественного действия* [Большой словарь 2016: 287].

Дословно все выражение следует перевести так: *из праха посредством божественного действия создавший*. На церковнославянском же можно так читать: *бжстбѣннымъ дѣйствїемъ*. Ср. также, например: 2 Макк. 3:29, Прем. 18:22.

Несомненно, и в этой фразе присутствует отсылка к библейскому стиху: *И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни* (Быт. 2:7). Становится понятным, что словом *бгѣодѣтельнѣ* косвенно указывается на *дуновение Богом* в человека *дыхания жизни*.

Чтобы понять причину этого указания, следует вспомнить: в предыдущие периоды творческого акта вода сама по данной ей живительной силе производит на свет душ живых, то есть пресмыкающихся и птиц, и земля так же сама творит животных (Быт. 1:11–25). При создании же человека душа получает бытие непосредственно от Бога, в ее образовании не участвует ни одна из стихий природы. Как справедливо замечает еп. Виссарион (Нечаев): «Дуновение указывает на богоподобие (души) и на происходящее отсюда ее назначение жить в ближайшем общении с Богом, как ее первообразом» [Виссарион (Нечаев) 1891: 29–30].

Таким образом, гимнотворец рефреном повторяет мысль о превосходстве создания человека над другими творениями, созданными до него.

Ниже снова очевидна параллель к вышепредставленной фразе: *ѿ землї бзвѣлѣ тлѣнноѣ моѣ тѣло*. Автор как бы делает акцент: как некогда Господь создавал человека из праха – *ѿ пѣрсти*, так и сейчас

Он заново воссоздает его из земли – ѿ земли. Только если в первый раз процесс творения происходил без страдания – *руки Пречисты*, во второй раз без последнего невозможно было обойтись – *руки распростерты*.

Лексема **взывѣ**, строго говоря, не представляет особой трудности в понимании. Однако ее положение в тексте таково, что прямой контекстный смысл – *звать, призывать* [Словарь русского 1975: 163], сопрягается с русской семантикой мольбы и беспомощности [Словарь современного 1951: 327].

Во избежание последнего возможно использование церковнославянского синонима **призывѣ**. См., например, 2 Макк. 7:37, Деян. 24:26. Получается, что Господь, придя за людьми на Землю, с распростертыми руками призывает их к Себе.

создѣ – краткая форма действительного причастия прошедшего времени. Для большей ясности можно исправить ее на полную: **создѣвый** [Маршева 2017: 28].

Наречие **испѣрва** в данном случае имеет значение *сперва, сначала* [Словарь русского 1979: 270]. По контексту видно, что этим словом называются первые времена мироздания. Здесь допустимо чтение **в началѣ**. Ср. Флп. 4:15, Евр. 1:10.

Церковнославянское **перстѣ** допустимо заменить на **прѣха** с сохранением Р. п., так как первое является устаревшим словом, имеющим значение *прах* [Кузнецов 2000: 826].

Из дониконовских источников также можно заимствовать приставочный дериват аористного глагола – **воспрѣ** [РГБ: Л. 14 об.], чтобы в итоговой версии ее можно было прочесть как перфект – **воспрѣлъ съи**.

Для большей ясности к первой части тропаря перед относительным местоимением **иже** позволительно добавить дополнительно подлежащее – личное местоимение и обращение – **ты, гди**.

Говоря о синтаксисе текста, можно изменить порядок слов по образцу русского перевода [Ловягин 1909: 18].

В результате, ориентируясь на представленные выше принципы и руководствуясь критерием понятности, церковнославянский текст первого тропаря воскресного канона первого гласа можно прочесть следующим образом:

**Ты, гди, иже въ началѣ иже прѣха создѣвый мѣ
бжтвеннымъ дѣйствиємъ и пречистыми рѣкѣми, рѣцѣ**

распростѣрлѣ ѣсѣ на крѣтѣ, ѿ земли призываѣ
плѣнное моѣ тѣло, ѣже воспрїѣлѣ ѣсѣ ѿ дѣы.

Литература

1. *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению. – М., 2001.
2. *Библия.* Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М., 2014.
3. Большой словарь церковнославянского языка нового времени. – Т.1. – М., 2016.
4. *Василий Великий, свт.* Творения. В 2 тт. – Т.1. – М., 2008.
5. *Виссарион (Нечаев), еп.* Толкование на паремии. Т.1. СПб., 1891.
6. *Кравецкий А.Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России. – М., 2001.
7. *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2000.
8. *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Избранные произведения. – Л., 1986. – С. 473–478.
9. *Ловягин И.Ф.* Воскресная служба Октоиха всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках. – Тобольск, 1909.
10. *Маршева Л.И.* Церковнославянский язык. Причастие. Теоретический очерк. Упражнения. – М., 2017.
11. Октоихъ, сиречь осмогласник. Гласы 1–4. – М., 1981.
12. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. В двух частях. – М., 2004.
13. РГБ. Ф. 113. №682. – Л. 14 об.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. – М., 1975- (продолжающееся издание).
15. Словарь современного русского литературного языка. – Т. 2. М. –Л., 1951.

Автор:

Трифоногло Александр Васильевич – магистрант; кафедра древних и новых языков; Сретенская духовная семинария, г. Москва, Россия; saneksali@mail.ru

Author:

Trifonoglo Alexandr V. – graduate student, Department of Ancient and New Languages; Sretensky Theological Seminary, Moscow, Russia, saneksali@mail.ru

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой анализ тенденций в лексике и фразеологии русского языка с акцентом на выявлении актуальных проблем. Автором приводится краткая характеристика двух сфер языкознания, а также определенных трудностей, которые могут возникнуть при их изучении. Рассмотрение точек зрения известных исследователей в области языкознания позволило выявить определенные проблемы как в области фразеологии (размытость предмета исследования, различия подходов к изучению фразеологизма и т. д.), так и лексики (семантическое расширение значений слов, разграничение разговорной и просторечной лексики).

Ключевые слова: лексика, фразеология, проблемы, подход, идиома, семантика.

Tyan Jingya

LEXIS AND PHRASEOLOGY IN RUSSIAN: ACTUAL PROBLEMS

Abstract. The article represents an analysis of trends in the vocabulary and phraseology of Russian, with an emphasis on identifying topical issues. The author provides a brief description of the two spheres of linguistics, as well as certain difficulties that may arise in their study. Consideration of the points of view of well-known research in the field of linguistics made it possible to identify certain problems both in the field of phraseology (blurring of the subject of research, differences in approaches to studying phraseological units, etc.) and vocabulary (semantic expansion of the meanings of words, differentiation of colloquial and vernacular vocabulary).

Keywords: vocabulary, phraseology, problems, approach, idiom, semantics.

Многие процессы, которые в настоящее время происходят в русском языке, привлекают внимание большого количества исследователей. С приходом сети Интернет и развитием процессов глобализации большому количеству человек предоставляется возможность общаться с людьми, говорящими на многих языках, благодаря чему в лексике и фразеологии русского языка начали происходить изменения, т. е. формирование новых фразеологизмов, семантическое расширение слов, заимствования из других языков и т. д. Конечно, появились и новые проблемы в данных сферах языкознания.

Цель настоящей статьи – выявить актуальные проблемы в сфере лексики и фразеологии.

Необходимо отметить, что фразеология в 50-е и 60-е гг. XX в. развивалась в парадигме структурализма. На основе подхода, который получил

название «структурно-семантический», многие исследователи рассматривали большое количество языков: германские, романские, а также языки народов СССР. Результатом изучения в рамках данного направления стало выделение критериев определения фразеологизмов, формирование их классификации, выделение идиоматичности (В. П. Жуков, Н. Н. Амосова, И. А. Мельчук, Л. И. Ройзенон и др.).

Знаменательной работой в области фразеологии русского языка стал «Фразеологический словарь русского языка», автором которого является А. И. Молотков. Необходимо отметить, что он был сторонником узкого подхода к фразеологии, суть которого заключается в том, что компоненты, формирующие состав фразеологизма, теряют признаки, присущие слову. Именно поэтому А. И. Молотков в словаре не рассматривал крылатые выражения, паремии и фразеологические сочетания, оставив только идиомы, фразеологические сокращения и сращения. Именно тут и возникает проблема фразеологии, заключающаяся в том, что вышеуказанный подход в качестве основного критерия выделяет только образность фразеологизма, в то время как признакам воспроизводимости и устойчивости не уделяется должного внимания. Таким образом, при рассмотрении фразеологизма в узком смысле, т. е. с точки зрения семантики, он характеризуется как семантически устойчивое и неделимое сочетание слов, переносное и обобщенное значение которого формируется за счет переосмысления комплекса-прото-типа словесного характера [Шанский 1985: 112]. Что касается целостности фразеологизма, то сторонники узкого подхода, такие как А. И. Молотков, В. П. Жуков, Н. Н. Амосова, выделяют ее как основной критерий, отличающий фразеологизмы от других сочетаний слов. Однако необходимо еще раз отметить, что на основании данного критерия крылатые слова, афоризмы и паремии исключаются из состава фразеологических единиц. Некоторые ученые высказывались критично относительно такого узкого подхода изучения фразеологизма. Так, Е. А. Иванникова отмечала, что смысловое содержание исключенных единиц языка основано на значениях составляющих их слов [Иванникова 1964: 79]. В. Н. Телия указывает, что данный подход представляет собой учение об идиоматичных сочетаниях слов, т. е. лексической идиоматике, которая характеризуется как ядро фразеологии [Телия 1996: 146]. Конечно, идиомы целостны и являются эквивалентом слов с точки зрения их номинативной функции. В то же время невозможно очертить четкие границы между многими видами фразеологических единиц и идиоматикой. Проблема заключается в том, что в рамках последнего направления присутствует не только так называемое ядро, которое статично, но и периферия, которая размыта выражениями устойчивого характера, не обладающими устойчивыми идиоматическими характеристиками (синтаксическими, морфологическими и лексико-семантическими). Именно поэтому отнесение того или иного выражения к идиоматическому ядру или периферии иногда может быть достаточно затруднительным. В пример

можно привести выражение «зарубить на носу», которое может рассматриваться в качестве идиомы, но если «нос» понимать как «ум» или «память», то представляется возможность обнаружить в данном выражении фразеологическое сходство.

Впоследствии исследователи фразеологии сформировали широкий подход, который основан на концепции воспроизводимости. Его суть заключается в том, что фразеологизм понимается в качестве воспроизводимой и устойчивой в речи единицы и единого целого, не формируемого каждого раз словосочетания. Проблема широкого подхода выразилась в том, что его критерии (воспроизводимость, устойчивость и раздельнооформленность) не коррелировали с таковыми с точки зрения узкого подхода (целостность на основе семантики и невыводимость значения словосочетания на основе его составляющих). Так, В. П. Жуков указывал, что широкое понимание фразеологии основано на формировании устойчивых словосочетаний в историческом аспекте. Он объяснял это тем, что устойчивые выражения достаточно редко можно встретить в древнерусских литературных памятниках, которые, к тому же, обладают признаками деактуализации их компонентов. Именно поэтому объекты многих исследований были представлены как «воспроизводимые сочетания независимо от характера и степени семантической спаянности непосредственно составляющих» [Жуков 2006: 229].

Из этого можно сделать вывод, что во фразеологию русского языка включаются такие фразеологические сочетания слов, в которых один из компонентов представляет собой так называемое «ключевое слово», т. е. основу для фразеологической связи второго компонента. Необходимо также отметить, что с точки зрения широкого подхода фразеологизмы могут характеризоваться как устойчивые выражения, такие, например, как паремии, клише, штампы и т. д. Большое количество устойчивых выражений могут пересекаться между собой, результатом чего являются так называемые переходные явления. Однако в данном случае необходимо отметить, что речевые штампы и клише вызывают некоторые сомнения ввиду того, что условия их воспроизводимости формируются благодаря определенному контексту коммуникативного процесса, но не структурными и семантическими свойствами компонентов фразеологизма.

Исходя из представленных проблем фразеологии можно сделать определенный вывод, который заключается в том, что при рассмотрении данных языковых единиц необходимо придерживаться как широкого, так и узкого подхода. Смысл «смешанного» подхода заключается в том, что характеристики воспроизводимости и устойчивости предоставляют возможность включать в корпус исследования такие выражения, которые представлены в некоторых фразеологических словарях, но в то же самое время не обладают полными признаками идиом. С другой стороны, такие характеристики, как образность, позволяют включать в анализ такие фразеологизмы, которые

подверглись сильной трансформации, в результате которой остается только структурная схема фразеологизма и основа значения.

Что касается лексики русского языка, то процесс ее изменений с конца XX в. является очень интенсивным. Некоторые из них выражают преобразования в социально-экономической жизни страны, в то время как другие связаны с расширением значений слов, которое проявляется во многих сферах коммуникативного процесса.

Особое внимание исследователей привлекло семантическое расширение, которое наблюдается в последнее время. Проблема заключается в том, что многие из них не учитывают так называемую семантическую специализацию слов, заимствованных из иностранных языков, что приводит к расширению их смысловых границ. Такой процесс, т. е. отход от семантической нормативности, изменяет функции и свойства языковых норм. Это выражается в том, что они приобрели статус рекомендательных, нежели нормативных [Москалева 2007: 4]. Конечно, семантическое расширение может причинить вред языку, что выражается как в его семантическом обеднении, так и в нивелировании качества литературного языка. Данная тенденция объясняется тем, что в настоящее время происходит смена языкового авторитета, распространение языковых новаций, а также снижение общественной речевой культуры.

Необходимо также отметить, что расширение лексического значения слов наиболее ярко отражается в кальках, которые за последнее время широко распространились в русском языке. В пример можно привести изменение слова «еда» с точки зрения семантики, тем самым вытеснив, например, слово «продукты». Данное явление представляет собой калькирование слов английского языка. Однако в данном случае необходимо отметить, что слово «еда» является разговорным, тем самым использовать его с точки зрения родового значения представляется не совсем уместным. Расширение семантического значения может охватить большое количество слов, в результате чего происходит формирование слов с более широким значением. В пример можно привести слово «рынок», которое раньше представляло собой «место розничной торговли съестными припасами и другими товарами под открытым небом или в крытых торговых рядах; базар» [Ушаков 2014: 751], однако в настоящее время представляет собой «сферу товарного обращения, товарооборота» [Розенталь, Голуб, Теленкова 2017: 315]. К тому же в сочетании данного слова с другими прилагательными появляется переносное значение – «сфера, область чего-либо (идей, новостей, обладающих той или иной ценностью, значением)» [Розенталь, Голуб, Теленкова 2017:315].

Еще одной проблемой лексики русского языка является разграничение просторечной и разговорной лексики. Несмотря на то, что они представляют собой виды устной речи, рассматриваемые лексические группы имеют определенные различия. Все дело в том, что разговорная речь представляет собой элемент системы литературного языка, в то время как просторечие –

нет. Однако в настоящее время все еще отсутствуют четко сформированные критерии разграничения двух лексических групп. Такая тенденция связана с тем, что слова разговорного и просторечного характера не имеют замкнутую и единую структуру. Так, одни слова или выражения уходят, в то время как другие появляются из разных источников, будь то литературное произведение или коммуникативный процесс. Многие слова на фоне разговорной речи могут сохранять свою ненормативность, например, открытка, электричка и т. д. Как можно заметить, одной из причин сниженности слова представляются суффиксы, которые могут окрашивать слова, в состав которых они входят. В качестве примера можно привести суффикс «-ка» (электричка, бумажка, сигаретка и т. д.) и «-ага» (сотняга, бродяга, бедолага и т. д.). Именно поэтому сложность правильного отнесения того или иного слова к «разговорному» или «просторечному» вызывает определенные сомнения ввиду того, что разговорная речь не характеризуется четкими различиями. Именно поэтому исследователям необходимо принимать во внимание ее неоднородный характер, сущность которого состоит в том, что генетически разнородные структурные элементы представляют собой определенный стилистический ряд, в котором присутствуют лишь незначительные различия в условиях употребления тех или иных слов.

Получается, что проблема выявления различий между разговорными и просторечными словами представляет собой один из элементов более широкого вопроса относительно границ стилистических групп русского языка, а также его категориальных характеристик.

Литература

1. Жуков В. П. Русская фразеология: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
2. Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц // Проблемы фразеологии. – 1964. – № 3. – С. 70–83.
3. Москалева М. В. Расширение значения слова как один из основных семантических процессов (на примере имен существительных) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2007. – № 33. – С. 1–5.
4. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. – М.: Айрис-Пресс, 2017. – 448 с.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288с.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Славянский Дом Книги, 2014. – 960 с.
7. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1985. – 260 с.

Автор:

Тянь Цзиня – аспирантка кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении Института филологии Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия, e-mail: 605574521@qq.com

Author:

Tian Jingya – Postgraduate student of the Department of Russian as a Foreign Language in Professional Education, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, e-mail: 605574521@qq.com

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье раскрываются факторы изменения экономической лексики в современном русском языке, анализируются результаты изменения экономической лексики под влиянием разных факторов.

Ключевые слова: факторы изменения, экономическая лексика, социальное развитие, заимствованные слова, социальный феномен.

Wu Hao

FACTORS OF ECONOMIC VOCABULARY CHANGE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article reveals the factors of economic vocabulary changes in the contemporary Russian language, analyzes the results of economic vocabulary changes under the influence of different factors by the examples given in order to learn and use economic vocabulary better.

Key words: factors of change, economic vocabulary, social development, borrowed words, social phenomenon.

Русский язык как родной язык русской нации является официальным языком России и СНГ, а также одним из рабочих языков Организации Объединенных Наций, играет важную роль в международных отношениях. Язык как социальный феномен, а также как средство социального общения постоянно меняется и развивается по мере того, как общество меняется и развивается.

В данной статье анализируются факторы изменения экономической лексики в современном русском языке. Влияние социальных факторов на язык, несомненно, было заметным в определенные исторические периоды.

Многие новые экономические термины были созданы в ответ на изменения в социально-экономической жизни. Экономика, как важная часть общественной жизни, тесно связана с судьбой нации и жизнью народа. Изменения в экономической жизни заметно отражаются в языке.

Изменение экономической лексики неразрывно связано с двумя понятиями: «приватизация» и «рыночная экономика». С развитием приватизации и становлением модели рыночной экономики произошла фундаментальная трансформация форм собственности и способов функционирования бывших экономических агентов на всех уровнях, а также

фискальной, финансовой, налоговой и денежно-кредитной систем государства. В этом контексте это неизбежно приводит к существенным изменениям в экономической лексике русского языка. Первым проявлением является изменение названий различных хозяйствующих субъектов и организаций и появление большого количества названий, отражающих особенности рыночной экономики. Появилось большое количество названий, чаще всего аббревиатур, отражающих особенности рыночной экономики, например: *АО (акционерное общество), ООО (общество с ограниченной ответственностью), АООТ (акционерное общество открытого типа), АЗОТ (акционерное общество закрытого типа), СП (совместное предприятие), МП (малое предприятие), ЧП (частное предприятие)*. Кроме этого, входят в живое употребление новые понятия в области российской экономики, которые достаточно быстро усваиваются языком и переходят в общее употребление, например: *фирма, инвестиционная компания, коммерческий банк, ипотечный банк, валютная биржа, фондовая биржа, арбитражный суд* и т. д. Несомненно, остаются и заимствованные экономические термины, которые до сих пор не всегда понятны носителям языка. Так, вызывают сложности для понимания значения такие выражения, как: *лизинговая компания, траст-компания, холдинг-компания, банк-дилер, фьючерская биржа* и др. [Киселева 1991: 224].

Стоит отметить, что изменение в экономической лексике России подкрепляется "воскрешением" большого количества старых и исторических слов и преобразованием ранее редко употребляемых отрицательных слов в положительные слова, такие как: *коммиссионер, кредитор, должник, страховщик, страхователь, заимодавец, частник, собственник, коммерсант, аукцион, кредит, аренда, заём, комиссия* и т. п. На этом фоне ярко выделяются заимствованные из английского языка экономические термины, например: *бизнесмен, менеджер, брокер, маклер, менеджмент, маркетинг, дивиденд* и т. д. [Земская 2000: 480].

Социальное развитие является только внешним фактором изменения языка, а его изменение имеет внутренние закономерности. Многие новые слова формируются с помощью типичных методов словообразования, таких как приставочный, суффиксальный способы словообразования, сложение и аббревиация. Так, например, приставочный способ с русскими и заимствованными префиксами: *неоплата, неплатёж, деприватизация, денационализация, демонополизация* и др. Достаточно частотным является суффиксальный способ образования: *аудиторский, лизинговый* и т. д. Примеры создания сложных слов: *спецзона, новобогач* (сложение), *АООТ (акционерное общество открытого типа), НХК (Национальная холдинговая компания)* (аббревиация). Заимствованные экономические термины в русском языке начинают создавать родственные слова по модели русских слов, период адаптации иностранного слова таким образом завершается,

например: *маркетинг, маркетинговый, маркетингизация, маркетинголог* [Сорокин 1965: 150].

Заемствование иностранных слов также является одной из важных причин изменения лексики в экономической сфере. Основными причинами заимствования иностранных слов, как и в других областях (например: политика, наука, техника и т.д.), являются в целом несколько нижеследующих аспектов:

1) С внедрением российской рыночной экономики и расширением зарубежной культуры появились многие новые вещи и явления, для названия которых в русском языке нет слов и словосочетаний, поэтому позаимствовали некоторые иностранные слова, чтобы дополнить их.

2) Хотя некоторые слова существуют в русском языке, но они не идентичны по значению, заимствованные слова более релевантны и обогащают словарный запас русского языка, заимствованные слова, как правило, более интернациональны и облегчают международное общение. Например, в СМИ существует такая более распространенная экономическая терминология: в отделе *маркетинга* дирекции (*Экономика и жизнь*, № 26, 06, 97), полная автоматизация вашего *бизнеса* (*Экономика и жизнь*, № 26, 06, 97), Нижегородский *лизинг* (*Экономика и жизнь*, № 46, 11, 97).

Еще одним новым феноменом в экономической лексике является появление в СМИ большого количества общеупотребительных слов, некоторые из которых стали устойчивыми выражениями. Например: “Человека” будут раздевать на таможне до трусов (*Ком. Прав.* 04, 97), Научные кадры уходят также в средний или мелкий бизнес: кто подался в банк, кто в “*челноки*” (*ЭЖ*, № 26, 06, 97).

Фиксируется большое количество слов, обозначающих денежную единицу: *деревянный* (=рубель), *зелёный* (=валюта), *лимон* (=миллион), *кусок, нал, безнал, кэш* и т. д.

Таким образом, изменение экономической лексики в современном русском языке – это не только просто лингвистический феномен, но и социокультурный феномен, через который можно увидеть определенный социально-культурный контакт и общение, а процесс изменения экономической лексики как зеркало отражает содержание существующей экономической системы (рыночной экономики) в России. Необходимо изучать факторы изменения экономической лексики в современном русском языке, чтобы лучше усвоить экономическую лексику в целях коммуникации.

Литература

1. *Сорокин Ю. С* Развитие словарного состава русского культурного языка 30–90-е годы XIX века. – М.: Наука. 1965. – 150 с.
2. *Киселева Т. А.* Толковый терминологический словарь-справочник. – М.: СП “Инфоконт”. 1991. – 224 с.
3. *Земская Е. А.* Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.:

Языки русской культуры. 2000. – 480 с.

4. 杨杰. 俄语外来词语外来词典[J]. – Изд.: 外语与外语教学. 1998. – 220 с.

5. 姜占民. 新时期俄语词汇、术语的变化及其社会因素. – Изд.: 黑龙江出版社. 1997. – С. 87–92.

Автор:

У Хао – аспирант Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия; e-mail: 592596753@qq.com

Author:

Wu Hao – Postgraduate student at Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; e-mail: 592596753@qq.com

РАЗДЕЛ 4.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ
КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

УДК 81'38:81'373.46

А. Г. Абрамова, А. Ю. Никитина

**ТОПОЛОГИЯ ЦИТАТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ И НАУЧНОМ
ТЕКСТАХ**

Аннотация. В статье рассматривается топология цитат в художественном и научном текстах с точки зрения тождества и различия, инварианта и вариантов.

Ключевые слова: цитата, топология, вариант, инвариант, художественный текст, научный текст.

А. G. Abramova, A. Y. Nikitina

**TOPOLOGY OF QUOTATIONS IN LITERARY AND SCIENTIFIC
TEXTS**

Abstract. The article considers topology of quotations in literary and scientific texts from the point of view of identity and difference, invariant and variants.

Keywords: quotation, topology, variant, invariant, literary text, scientific text.

Цитирование как подлинное воспроизведение (целиком или частично) какого-либо высказывания или суждения, принадлежащего перу предшественника, с намерением опереться на его опыт, талант, интеллектуальный или художественный авторитет (или оспорить их) характерно как для стиля художественной литературы, так и для стиля научного изложения.

В первом случае цитаты – яркий стилистический прием, обладающий неограниченными возможностями создания подтекста, обогащения основного содержания образами и мотивами, привносимыми из сокровищницы национальной филологической культуры, один из способов сохранения ее непрерывности. В научных текстах сохранение и передача культурного наследия общества в форме цитат имеет иные закономерности, но при всем принципиальном отличии художественной литературы от научной – это явления одной культуры, и в этом надо искать основы их общности.

Понятие инвариантности в общей форме определяется как «свойство некоторых существенных для системы отношений не меняться при ее определенных преобразованиях» [Философский словарь 1983: 205]. Хотя понятия инварианта и варианта как основы всякого языковедческого

исследования обычно связываются с именем Р. Якобсона, первоначально с достаточной определенностью и обоснованностью они были введены в языкознание Ельмслевым [Ельмслев 1960: 318].

Цитирование в произведениях словесно-художественного творчества имеет целый ряд черт, отличающих его от соответствующего приема в научных текстах. Самое очевидное на знаковом уровне – необязательность ссылки на источник и графического выделения цитируемых строк. Принципиальное же отличие заключается в том, что в научной литературе автор стремится сохранить форму цитаты и ее смысловое содержание, художники же слова часто деформируют и переосмысливают цитаты. Слово или несколько слов могут быть заменены другими словами, при этом цитата в произведении словесно-художественного творчества не теряет своего тождества, т. е. становится новым вариантом того же самого инварианта, а сам факт удачной замены для создания стилистического эффекта пародии, иронии, каламбура и т. п. оценивается читателем положительно.

Обратимся к материалу. Библия короля Якова, безусловно, является одним из важных памятников английской литературы, она оказала огромное влияние на многие поколения англичан и стала источником многочисленных цитат, пронизывающих любую речь – художественную и научную – библейскими ассоциациями. Например, известное библейское изречение «He maketh his sun to rise on the evil and on the good, and sendeth rain on the just and on the unjust» часто цитируется многими писателями. При этом употребления данной цитаты в художественной литературе XIX-XX вв. в основном следуют библейскому тексту, но, как показывает материал, никогда не повторяют его дословно.

В этом находит свое проявление филологически ориентированный английский юмор, правила которого предполагают употребление в речи образованного англичанина хорошо известных цитат и крылатых слов только в деформированном виде. Можно с уверенностью сказать, что все английские авторы и все крупные ученые подвержены этой национальной склонности к парадоксам, игре словами, к всевозможным эффектам, основанным на том, что язык не представляет собой простой системы знаков. Известное семиотическое правило единства звучания и значения, выражения и содержания часто нарушается, возникают непредсказуемые перекрестные ассоциации и т. п. Именно в этом во многом и заключается «дух» английской речи, и тонкое понимание этого явления особенно важно для иностранных филологов-англистов. Так, например, указанная цитата обыгрывается в следующем контексте:

“I didn’t realise it would be so wet”. Then Trudy could almost hear Gwen counting twenty.

“You have to take your chance”, Gwen said. “This is an unfortunate summer”.

The pelting of the rain increased as if in confirmation.

Trudy thought, I'd better shut up. But suicidally: "Wouldn't it be better if we moved to a slightly more expensive place?" she said.

"The rain falls on the expensive places too. *It falls on the just and the unjust alike*" (M. Spark. A Member of the Family).

На примере цитирования в художественной литературе удобно продемонстрировать, как на основе множества вариантов одной и той же цитаты, бытующих в коллективном сознании данной языковой общности, может быть выделен и изучен ее содержательно-структурно-функциональный инвариант как нечто общее, существующее в отдельном. Частота и разнообразие способов употребления библеизма «He ... sendeth rain on the just and on the unjust» говорит о безусловном наличии такого инварианта в сознании носителей языка, что подтверждается, в частности, включением высказывания в Оксфордский словарь идиом. При этом метафоричность оригинального библейского отрывка сохраняется не всеми авторами: в рассказе М. Спарк метафоре возвращается ее буквальное значение. Возможность игры прямым и переносным смыслом фразы – а последний, безусловно, присутствует у Спарк – и определяет ее онтологию, ее функциональный инвариант. Соответственно, как свидетельствует и приведенный выше материал, данная цитата нередко фигурирует в юмористическом контексте, хотя это пока еще отнюдь не стало нормой ее употребления, и слова эти могут цитироваться в произведениях речи, приближающихся по своему содержанию-намерению к оригинальному библейскому тексту. Например:

He did not know that he had ever done anything but what seemed best to do, and what a cropper he had come! Other men with no more advantages than he, succeeded, and others again, with many more, failed. It seemed pure chance. *The rain fell alike upon the just and upon the unjust*, and for nothing was there a why and wherefore (S. Maugham. Of Human Bondage).

Структурный инвариант данной группы цитат предполагает наличие элементов «rain», «just», «unjust». Это то основное, как в семантическом, так и в семиотическом плане, на чем зиждется глобальное понятийное содержание высказывания. Проведенный анализ показывает, что при всех бесконечных деформациях цитаты относительно «rain», «just», «unjust» отпадают все элементы, кроме названных. Следует отметить появление во многих вариантах слов «alike», «equally», которых в библейском тексте не было, но которые включаются в цитаты и функционируют в качестве усилителя основной мысли высказывания: равнодушие к добру и злу.

Семантический инвариант высказывания основан на образе дождя. Интересен тот факт, что первая половина библейской цитаты: «He maketh his sun to rise on the evil and on the good ...» не получила распространения в английской культуре, выпала из употребления. Это обусловлено историей развития социально-исторических концептов и подтверждается данными современных словарей цитат и идиом. Зафиксированные в них речевые единицы содержат метафорическое «rain» для обозначения неизбежного

тяжелого испытания, которое постоянно преследует людей, и поэтому они должны «get out of the rain», «save up for a rainy day» и т. п. Следовательно, семантический инвариант можно представить в следующем виде: «Высшие силы (судьба, природа) непредсказуемы в своих проявлениях, они безразличны к достоинствам и недостаткам человека, как дождь, который эти силы символизирует».

Данное определение – это не этическое понятие, не «алло-цитата», а некая идеализированная сущность, некая подвергающаяся различным изменениям абстракция – эма. Можно сделать вывод, что онтология цитаты предусматривает постепенный переход ее с этического на эмический уровень. Топологически понимаемый инвариант данного отношения к определенному аспекту действительности, взгляда на общественную жизнь человека, пользующегося английским языком, может развиваться, деформироваться, разрушаться, на его основе может возникать новый инвариант и т. д. Наиболее часто употребляемые цитаты, обладающие лаконичностью и смысловой емкостью, утрачивают авторство и превращаются в собственно идиомы, переходят в «золотой фонд» национальной фразеологии, как, например, следующие оригинальные шекспировские словоупотребления:

POLONIUS: Though this be madness, yet there is method in't (Hamlet. Act II, sc. 2).

LADY MACBETH:

...yet do I fear thy nature;

It is too full o' *the milk of human kindness*

To catch the nearest way (Macbeth. Act I, sc. 5).

Необходимо иметь в виду, что филологический инвариант, который в отличие от инварианта математического не является заранее заданным, а отвлекается путем материалистической абстракции, должен рассматриваться в историко-филологическом аспекте как историческая категория. Язык, как любое социальное явление, не может быть статичным, а потому и филологический инвариант не может быть чем-то раз и навсегда установленным, застывшим и неизменным. То, что вчера было цитатой, сегодня может превратиться в крылатые слова или в собственно идиому.

Отметив значительную вариантность цитат в художественном тексте, следует подчеркнуть, что такая свобода по отношению к оригиналу недопустима в научной литературе. Приводя цитату из сочинения ученого-предшественника, всегда необходимо учитывать прагматику оригинала: заимствованный отрезок речи должен быть дословным и содержать, по возможности, законченную мысль. Доминирующими функциями такой цитаты являются авторитетная, доказательная или оценочная как разновидности функции общения.

Если в научном тексте приводятся подлинные слова из художественного произведения, то это может происходить как с сохранением первоначальных коннотаций, так и без него. В последнем случае цитируется только

текст оригинала, а не его подтекст, цитата здесь выступает как знак, который способен наполняться новым содержанием и использоваться с иным намерением, нежели в оригинале. Доминирующей функцией цитаты в этом случае является декоративная, или эстетическая (функция воздействия). Например, Норберт Винер в книге «Кибернетика и психопатология», говоря о функционировании нервной системы человека, отмечает, что важное сообщение не доверяется для передачи одному нейрону:

We can hardly expect that any important message is entrusted for transmission to a single neuron, nor that any important operation is entrusted to a single neuronal mechanism. Like the computing machine, the brain probably works on a variant of the famous principle expounded by Lewis Carroll in "The Hunting of the Snark": *'What I tell you three times is true'* [Wiener 1961: 145].

Вряд ли можно утверждать, что Винер ссылается на Л. Кэрролла как на авторитет в вопросах кибернетики или психологии, тем более цитируя строчку из такого блестящего образца стихотворного нонсенса, как «Охота на Снарка». Цитата появляется здесь, в первую очередь, как фактор эстетического воздействия; значимость же художественного образа для научной работы вообще тем больше, чем глубже аналогия между этим образом и соответствующим научным понятием. Как показывает материал, художественный образ, привносимый цитатой в научный текст, никогда не появляется сам по себе – это всегда развитие строгого научного понятия, аналогия, сравнение, противопоставление, иными словами, это всегда образное подтверждение мысли, которая где-то в тексте (до цитаты или после нее) изложена привычным для ученого строгим научным языком.

При цитировании в научной литературе отрывков из произведений словесно-художественного творчества содержательным инвариантом в коллективном сознании пользующихся языком становится то абстрактное понятие, которое отвлекается от всего многообразия реально бытующих вариантов этой цитаты и которое, обладая отчетливой логической структурой, способно стать авторитетным или доказательным, т. е. выполнять до известной степени функцию сообщения, будучи прежде всего ценно своей поэтической формой как фактор эстетического воздействия.

Чего хотел достичь Винер, не просто повторяя важную для него мысль путем, скажем, перефразирования, а предельно «обновляя форму», используя для этого художественный образ?

Во-первых, мысль действительно получает опору, задерживает внимание читателя; во-вторых, художественный образ сообщает материалу неожиданное дополнительное измерение, так как этот образ по сути своей всегда более широк и емок, чем строгое научное понятие, заключенное в формуле или определении. В-третьих, в этом отчетливо проявляется общая тенденция английских ученых и государственных деятелей ценить всякую игру слов, в частности, обращаться к произведениям Л. Кэрролла. Винер ссылается на «Охоту на Снарка», потому что убежден: острое слово разит,

оно более доходчиво, легче запоминается. Поэтому в сложном теоретическом тексте появляются изящные поэтические или шутливые цитаты, нередко носящие как бы «защитный» характер: автор посмеивается над собой, чтобы этого не начали делать другие. Следовательно, художественная цитата в стиле научного изложения не сообщает нового научного понятия, а лишь помогает более глубокому постижению той или иной абстракции или формулировки.

Указывая на возможность употребления заимствованных элементов художественного текста в строгом стиле научного изложения, следует подчеркнуть необходимость соблюдения меры и целесообразности. Все, что становится объектом изображения художественной литературы, независимо от того, термин это, рекламное объявление или научная цитата, магией образа автора, его индивидуального творчества, силой искусства превращается в другую субстанцию, в нечто принципиально иное – художественное [Чаковская 1986: 85]. Но обратного явления не происходит: поэтические строки в научном сочинении не становятся носителем собственно интеллективной информации, хотя их инвариант должен обладать достаточно четкой и определенной логической структурой, чтобы использование такой цитаты в научном тексте было вообще возможным.

При использовании же в интеллективном тексте научных цитат, т. е. при цитировании отрывков из научных работ предшественников, их доминирующей функцией является функция сообщения. При этом четко выделены инварианты, которые по форме и по содержанию совпадают с оригиналом. Это является следствием того, что во всех случаях использования научных цитат в научных текстах их варианты безусловно ориентированы на максимально полное воспроизведение оригинала. Фактически при цитировании такого рода мы не имеем варьирования. Идентичная форма, сопоставимый контекст, одинаковое содержание-намерение позволяют говорить о топологической эквивалентности, т. е. о том, что оригинал и цитата всегда топологически «то же». Онтологически, с точки зрения реального бытования высказывания это, конечно, вариант, «не то же» (у работы другая цель, установка, другой заголовок и т. п.).

Литература

1. *Абрамова А. Г., Павлова М. Н., Фадеева К. В.* Ретроспекция и проспекция в тексте // Наука и инновации в системе развития информационного общества: сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 3 частях. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. – Ч. 1. – С. 7–14.

2. *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – 1960. – Вып. I. – С. 318–321.

3. *Никитина А. Ю., Петрова О. А.* Языковая картина мира политического деятеля XVIII века // Русский язык в славянском мире: история и современность: сб. науч. статей Междунар. науч. онлайн-конф. Под ред. И. Ю.

Абрамовой. – Н. Новгород, 2018. – С. 194–200.

4. *Философский* энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

5. *Чаковская М. С.* Текст как сообщение и воздействие (на материале английского языка). – М.: Высшая школа, 1986. – 128 с.

6. *Wiener N.* Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. – Cambridge-Massachusetts: M.I.T. Press, 1961. – 231 p.

Авторы:

Абрамова Анжелика Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: foreign-languages-department@mail.ru;

Никитина Алена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

Authors:

Abramova Anzhelika G. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology and Theory of Translation, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: foreign-languages-department@mail.ru

Nikitina Alena Y. – Candidate of Philology, Associate Professor of Russian as a Foreign Language Department, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; e-mail: alyona.nikitina@gmail.com

**СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
ВНУТРЕННЕЙ РЕАКЦИИ ПЕРСОНАЖА
(на материале прозы А. П. Чехова)**

Аннотация. В статье рассматриваются структурные особенности прямых форм внутренней речи в художественном тексте: внутренних монологических и диалогических реакций персонажей, раскрываются их функции в ранних и поздних произведениях А. П. Чехова, что является проявлением идиостиля писателя.

Ключевые слова: внутренняя речь, внутренний монолог, внутренняя монологическая реакция, внутренняя диалогическая реакция А. П. Чехова, проза.

N. P. Avdeeva

**STRUCTURE AND FUNCTIONING OF THE INNER RESPONSE OF
THE CHARACTER IN ANTON CHEKHOV'S STORIES**

Abstract. The article discusses the structural features of direct inner speech: inner monological and dialogical responses of characters in Anton Chekhov's stories. Structural and functional features of inner response reveals Anton Chekhov's individual style.

Keywords: inner speech, inner response, inner monological response, inner dialogical response, Anton Chekhov.

В художественном произведении внутренняя речь персонажей представлена в виде внутреннего монолога, внутреннего диалога или с помощью форм несобственно прямой речи в соответствии со структурно-содержательными особенностями.

В прозе А. П. Чехова отражены все виды художественного отражения речемыслительной деятельности персонажей. Лексико-семантические, структурные и функциональные особенности внутренней речи, а также частотность её представления своеобразны в различные периоды творчества писателя.

Мы рассмотрим структурные и функциональные особенности внутренних реакций персонажей как один из видов внутренней речи.

Внутренняя реакция персонажа определяется исследователями как «реплицированная прямая внутренняя речь» [Артюшков 2004: 27], «внутренняя репликация» [Архипова 2003: 4], «реплицированная форма экстеризированной внутренней речи» [Кириллова 2011: 13], «малые вкрапления

внутренней речи» [Кухаренко 1978: 82], «эмоциональная реакция» [Леонова 2005: 15], «внутриречевые реакции на предметы, события, явления» [Набиуллин 2010: 20], «простое внутреннее реплицирование» [Сергеева 2009: 6; Ларина 2014: 7], «малоформатная рефлексия» [Шарапова 2001: 138].

Под внутренней реакцией персонажа мы понимаем лингвостилистический прием, представляющий краткие (одно-два предложения) прямые формы внутренней речи персонажа в художественном тексте. Внутренние реакции в прозе А. П. Чехова представлены двумя видами: 1) внутренней монологической реакцией, выражающей мгновенную реакцию на действие, поведение персонажа или ситуацию; 2) внутренней диалогической реакцией – на размышления героя или «внешнюю» услышанную или произнесенную речь.

В рассказах раннего периода творчества А. П. Чехова внутренние монологические реакции наполняются экспрессивно-разговорной лексикой, как правило, с отрицательной модальностью и передают различные душевные переживания персонажей: негодование, ужас, злобу, отчаяние, презрение, недоумение. Неподготовленность внутренних реакций синтаксически организуется односоставными и эллиптическими предложениями, восклицательными и усеченными конструкциями.

В рассказе «Трифон» внутренняя злобная реакция Щеглова на взгляд объездчика Трифона: «В девятом часу приходил с докладом объездчик Трифон. Щеглову показалось, что мужик глядит на него с ненавистью, презрением, с каким-то победным нахальством.

“*Мало прогнать... – подумал он, измеряя его взглядом. – Выпороть бы.*”» [Чехов 1985: т. 2, 303].

В рассказе «Неудача» внутренняя реакция Щупкина структурно организована цепочкой восклицательных односоставных предложений и отражает страх и удивление стремительности родителей Наташеньки, желающих женить его на своей дочери: «Щупкин разинул рот от изумления и испуга. Приступ родителей был так внезапен и смел, что он не мог выговорить ни одного слова.

“*Попался! Окрутили!* – подумал он, млея от ужаса. – *Крышка теперь тебе, брат! Не выскочишь!*”» [Чехов 1985: т. 4, 74].

В ранних рассказах и повестях для внутренних реакций характерны негативно-оценочные номинации персонажем собеседников или автономии. Наиболее частотным во внутренних реакциях оказались сниженные бранные номинации: *дурак, скотина, подлец, аспид, скот, каналья, дрянь, мерзавец, свинья, черт* и др., характеризующие эмоциональное состояние персонажей.

Отрицательная оценочная номинация собеседника во внутренней реакции-негодовании Ахинеева в рассказе «Клевета»: «*Чёрт знает что!* –

подумал он. – *Пойдет теперь, мерзавец, и насплетничает. На весь город осрамит, скотина...*» [Чехов 1985: т. 1, 107].

Отрицательная автономия во внутренней реакции-отчаянии Максима Кузьмича в рассказе «Женщина без предрассудков»: «Бедный Максим Кузьмич принимал поздравления, пил, плясал, смеялся, но был страшно несчастлив. *“Я себя, скота, заставлю объяснить! Нас повенчали, но еще не поздно! Мы можем еще расстаться”!*» [Чехов 1985: т. 2, 141].

Внутренние монологические реакции, организованные неполными, как правило, номинативными предложениями, вводными словами с модальным оттенком «возможности»: *должно быть, вероятно*, наполненные нейтральной лексикой, выполняют сюжетобразующую функцию в художественном тексте.

Например, в рассказе «Приданое» внутренняя реакция-предположение: «В передней юркнула маленькая мужская фигурка с большой лысиной и в коричневом сюртуке, в калошах вместо сапог, и прошуршала, как мышь. *“Егор Семеныч, должно быть”*, – подумал я.» [Чехов 1985: т.1, 84].

В повести «Живой товар» внутренняя реакция Лизы: «Внесли также что-то большое, увязанное в рогожи, тяжелое...

“Рояль”, – подумала Лиза, и у ней забилось сердце.» [Чехов 1985: т. 1, 240].

Лексико-семантическое наполнение внутренних реакций персонажей меняется к поздним произведениям А. П. Чехова. В поздней прозе внутренние реакции содержат разговорно маркированную лексику, однако лишены яркой негативной оценочности, модальность часто становится положительной: радость, удовлетворение, восторг и др.

Внутренняя реакция-восхищение Софьи Львовны в рассказе «Володя большой и Володя маленький» внешностью и поведением мужа полковника Ягича: *«О, мой милый! – думала она. – Чудный!»* [Чехов 1985: т. 8, 173].

Внутренняя реакция-радость архиерея на стройное и вдохновенное пение монахов: *«Как они сегодня хорошо поют! – думал он, прислушиваясь к пению. – Как хорошо!»* [Чехов 1985: т. 9, 387].

Изменение лексико-семантического наполнения внутренних реакций характеризует изменение повествовательной манеры писателя. Прямые оценки персонажей и ситуаций переходят в скрытые формы выражения авторской модальности.

Стимулирование мыслительного процесса персонажа и актуализация эмоциональных оттенков страха, недоумения, удивления, сомнения реализуют вопросительные предложения, которые в автокоммуникативной внутренней речи теряют функции вопросительности и актуализируют вторичные функции.

Внутренняя речь Ольги Ивановны в рассказе «Попрыгунья» является реакцией на внешнюю речь Дымова. Вопросительное предложение передает мгновенную эмоцию героини – страх и диалогизирует ее сознание:

«Третьего дня я заразился в больнице дифтеритом, и теперь... мне нехорошо... Пошли поскорее за Коростелевым... Пошли! – глухо слышался его голос. *“Что же это такое?”* – подумала Ольга Ивановна, холодея от ужаса. – *Ведь это опасно!”*» [Чехов 1985: т. 7, 371].

Внутренние реакции участвуют в организации мнимого диалога, становятся внутренними диалогическими репликами-реакциями.

Под мнимым диалогом мы понимаем структурно-неполный диалог, в котором реплика-стимул представлена во внешней речи персонажа, а реплика-реакция – в его внутренней речи.

В повести «Драма на охоте» повтор-подхват номинации жених во внутренней реакции Зиновьева организует мнимый диалог-несогласие с потенциальным собеседником Калининным. Цепочка вопросительных предложений во внутренней реакции диалогизирует сознание персонажа: «Наденька, где ты? Твой **жених** приехал!

«Я жених?» – подумал я. – *Кто же тебе позволил называть меня женихом? На каком основании?»* [Чехов 1985: т. 3, 155].

Внутренние реакции, создающие мнимый диалог, характерны для ранних произведений А. П. Чехова, содержат согласие, оценку или возражение, участвуют в создании многоголосия чеховского художественного текста. Автор представляет сосуществование различных «точек зрения» на ситуацию.

Внутренние реакции участвуют в создании иронии в тексте.

В рассказе «Торжество победителя» абсурдный вывод во внутренней реакции актуализирует контекстуальную иронию [Каменская 2001]. Должность помощника герой надеется получить за то, что веселит письмоводителя – вместе с отцом бегают вокруг стола и поет петушком: «Папаша мой улыбнулся, приятно покраснел и засеменял вокруг стола. Я за ним.

— Ку-ку-реку! — заголосили мы оба и побежали быстрее.

Я бегал и думал: *«Быть мне помощником письмоводителя!»* [Чехов 1985: т. 1, 66].

В рассказе «Два газетчика» иронию актуализирует противоречие: боязнь Рыбкиным пострадать во самоубийства. Рыбкин «стоял посреди своего номера и любовно поглядывал на потолок, где торчал крючок, приспособленный для лампы. В руках у него болталась веревка.

«Выдержит или не выдержит?» — думал он. — *Оборвется, чего доброго, и крючком по голове... Жизнь анафемская! Даже повеситься путем негде!»* [Чехов 1985: т. 3, 372-373].

Внутренние реакции, актуализирующие контекстуальную иронию свойственны прозе первого и второго периода творчества А. П. Чехова.

Внутренние реакции участвуют в создании подтекста.

Внутренняя реакция юноши в рассказе «Володя» наполняется дополнительным смыслом, репрезентирует подтекст: «Однако мне нужно

уходить, – сказала Нюта, брезгливо оглядывая Володю. – Какой некрасивый, жалкий... фи, **гадкий** утенок!

Как теперь Володе казались безобразны ее длинные волосы, просторная блуза, ее шаги, голос!..

“**Гадкий** утенок... – думал он после того, как она ушла. – *В самом деле я гадок... Всё гадко.*”» [Чехов 1985: т. 6, 95].

Повтор-подхват *гадкий – гадок – гадко* во внутренней реплике-реакции Володи актуализирует субъективно-персонажный (ситуативный) подтекст [Борисова 2008]. *Гадкий* во внешней речи Нюты относилось к внешности Володи «противный, некрасивый, вызывающий отвращение», во внутренней речи Володи *гадкий* приобретает дополнительный смысл, характеризует отношение к ситуации, настроение, эмоциональное состояние. Подтекст создается дистантными и контактными повторами во внутренней реакции.

Лексико-семантически внутренние реакции организованы разговорной лексикой: в ранних рассказах с выраженной негативной оценочностью, в поздний период – нейтральной или положительной модальностью. Эффект сиюминутности, неподготовленности, отрывочности, фрагментарности внутренней реакции создается разговорным синтаксисом: односоставными и эллиптическими предложениями, восклицательными, вопросительными и побудительными конструкциями, повторами, парцеллированными конструкциями, прерванными предложениями. Основная функция внутренних реакций в прозе А. П. Чехова – эмоционально-оценочная реакция персонажей на события, внешнюю речь или размышления. Внутренние реакции отражают идеостилевые особенности А. П. Чехова. Контекстуальная ирония, свойственная ранним рассказам писателя, сокращается к позднему периоду творчества. Внутренняя реакция участвует в репрезентации субъективно-персонажного (ситуативного) подтекста. Создание мнимого диалога внутренними репликами реакциями диалогизирует сознание персонажей.

Литература

1. *Артюшков И. В.* Внутренняя речь и её изображение в художественной литературе (материале романов Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого): автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

2. *Архипова М. В.* Репликация как средство экстернизации внутренней речи в художественном дискурсе (на материале американского короткого рассказа): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2003. – 20 с.

3. *Борисова М. Б.* Типы подтекста в жанре драмы (на материале русской драматургии II половины XIX – начала XX века) // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2008. – № 2. – С. 8–16.

4. *Каменская Ю. В.* Ирония как компонент идиостиля А. П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2001. – 173 с.

5. *Кириллова Т. В.* Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации (на материале англоязычной художественной прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2011. – 23 с.

6. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста. Учеб. пособие для студентов пед. институтов / В.А. Кухаренко. – Л.: Просвещение, 1978. – 328 с.

7. *Ларина С. Г.* Ситуация конфликта и её отражение во внутренней речи (на материале англоязычной художественной литературы XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2014. – 23 с.

8. *Сергеева Ю. М.* Внутренняя речь как особая форма языкового общения (на материале англоязычной художественной литературы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 35 с.

9. *Леонова Н. М.* Прагматика обращенности внутренней речи в немецких и русских художественных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2005. – 23 с.

10. *Набиуллин Р. Р.* Односоставные глагольные предложения во внутренней речи персонажей в художественной литературе (на материале произведений Л. Н. Толстого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 23 с.

11. *Шарапова Ю. В.* Несобственно-прямая речь в функционально-коммуникативном и структурно-семантическом аспектах (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – 197 с.

12. *Чехов А. П.* Собрание сочинений в 12 т. – М.: Правда, 1985.

Автор:

Авдеева Надежда Петровна – преподаватель кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского, г. Саратов, Россия; e-mail: avdeevanp@gmail.com

Author:

Avdeeva Nadezhda P. – lecturer of Russian and Latin Languages Department, Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, Saratov, Russia; e-mail: avdeevanp@gmail.com

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭМЫ К. МЕЧИЕВА «РАНЕННЫЙ ТУР»

Аннотация. В статье полиаспектному лингвистическому анализу подвергается поэма К. Мечиева «Раненый тур». Представлены ее некоторые лексические образные средства. Определены основные когнитивные характеристики, присущие для персонажей поэмы. Рассмотрены вопросы, релевантные для поэтического синтаксиса, в частности, различные типы синтаксических конструкций и их функциональные возможности.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, поэзия, К. Мечиев, поэма «Раненый тур», лингвистические характеристики.

S. V. Akhkubekova

LINGUISTIC FEATURES OF THE POEMS OF K. MECHEV «WOUNDED TOUR»

Abstract. In the article, K. Mechiev's poem «The Wounded Tour» is subjected to a multi-aspect linguistic analysis. Some of its lexical figurative means are presented. The main cognitive characteristics inherent in the characters of the poem are determined. The issues relevant to poetic syntax are considered, in particular, various types of syntactic constructions and their functional capabilities.

Keywords: Karachay-Balkar language, poetry, K. Mechiev, poem «Wounded Tour», linguistic characteristics.

Жанр поэмы карачаево-балкарскими филологами изучен достаточно неплохо. Так, например, литературоведы исследовали генезис поэмы в балкарской литературе. При этом отмечается, что «балкарская поэма на современном этапе стремится выработать критерии и средства познания, лирического синтеза и психологического анализа, раскрывая сложную «диалектику души» лирического героя в тесной связи с окружающей действительностью» [Узденова 2009: 68]. На материале творчества отдельных поэтов некоторыми исследователями предпринимаются попытки осветить вопросы, связанные с поэтикой рассматриваемого жанра литературы [Betuganova et al. 2019]. В национальном литературоведении отражены и проблемы, сопряженные с изучением духовно-культурной базы карачаево-балкарской литературы, в том числе и жанра поэмы [Биттирова 1999]. Все это применимо и к поэтическому наследию основоположника балкарской литературы К. Б. Мечиева [Мечиев 2009]. Однако лингвостилистические характеристики его произведений все еще не нашли свою нишу в научных

трудах языковедов, чем и предопределяется цель данной статьи, заключающаяся в поливекторном анализе специфики поэмы автора «Раненый тур». Для начала обратимся к ее лексическим характеристикам.

Рассматриваемая поэма богата на лексические образные средства, в том числе и на языковые единицы, имеющие компаративную семантику. Компаратив, или сравнение, в лингвостилистических работах интерпретируется как «сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого» [Голуб 2001: 141]. В исследуемой поэме больше всего представлены грамматические (аффикс *-ча*) и лексические показатели компаратива (глагол *уша-*, послелог *кибик*): *Ой, жаралы жугьутур! // Мен да санга ушайма* «Ой, раненый тур! // Я тоже на тебя похож»; *Ол башын тау черекге // Атар кибик болгъанды* «Он стал таким, кто хочет броситься в реку горную»; *Жауады кьайгьы юсюнге, // Сени Аллах кьаргъагъанча* «Падает горе на тебя, // Словно Аллах тебя проклял».

Структурируя поэтический текст, автор часто употребляет компаративные конструкции, которые выполняют роль развернутых обстоятельств образа действия. Стержневыми компонентами их являются в основном причастия прошедшего времени: *Жанады жюрек жарам – // Къама кирип кьалгъанча* «Горит рана сердечная моя – // Словно кинжал воткнули»; *Жаз жабалакъ таулагъа // Жаугъан кибик, юсюнге // Къара палах жауады* «Словно весенний снег горы покрывает, падает на тебя горе черное».

Особо следует отметить общеязыковые и индивидуально-авторские эпитеты, функционирующие в поэме, которые, как правило, репрезентируются адъективами: *айбаш жугьутур* «лунорогий тур», *ауур жара* «тяжелая рана», *суху къара* «смотреть резко», *зулмучу бёрю* «волк-угнетатель», *къара жер* «черная земля», *къара палах* «черная беда», *жумулгъан бёрюле* «в беге сгорбленные волки» и др.

В тексте рассматриваемой поэмы обнаруживаются антропонимы арабо-персидского происхождения [Гаджихамедов, Гусейнов 2004: 23–30], для которых присуще экспрессивное употребление. К таковым относятся собственные имена *Хашим*, *Жамболат*, *Кязим*. Данные имена носят персонажи анализируемой поэмы, в тексте которой обнаруживается целый ряд их когнитивных характеристик, на что обращается внимание в работах, связанных с рассмотрением концептов [Башиева, Кетенчиев 2014; 2017]. Обратимся к ним и начнем с *Хашима*.

1. **Хашим – представитель простого сословия, охотник:** *Биз элли жарлы уучу // Хашим, танг жарыгъанлай, // Чыкъгъан эди таулагъа, // Кийик, жугьутур марай* «Наш сельчанин бедный охотник, // Хашим, как только рассвело, // Вышел в горы, // Дичь, туров высматривая».

2. **Хашима отличает человечность:** *Хашим, ушкогун сермен, // Къол ююснден терк атды* «Хашим, схватив ружье, // С рук быстро выстрелил». Данный поступок героя произведения детерминируется его желанием избавить раненого тура от преследующего его волка.

3. **Хашиму присущ протестный характер** (особенно по отношению к унижающему его князю): *Хашим, жеринде тепчий: // – Биз да адамбыз! – дейд анга* «Хашим, переступая с ноги на ногу, // – Мы тоже люди! – говорит ему [князю]».

Антропоним *Жамболат* буквально имеет семантику «стальная душа», что коррелирует с изображением персонажа поэмы с этим именем. В ней автором эксплицированы следующие основные характеристики, присущие для Жамболата:

1. **Жамболат жесток**: – *Аузунгу къыс! – деди бий, // Секирип ёрге турду, // Мужура бла, сермен, // Жарлы Хашимни урду* «– Заткнись! – князь сказал, // Он вскочил, // Замахнувшись посохом, // Ударил бедного Хашима».

2. **Жамболату присуща высокомерность**: – *Ай, сен башсыз! – деди бий, – // Акъылынг жокъ бир жанса! «– Ай, ты безмозглый! – сказал князь, – // Человечишко, ума лишенный».*

3. **У Жамболата отсутствует чувство сострадания**: – *Сени ит кючюклеринг // Ач болгъаны нед манга?!.. «– Что щенята твои // Проголадались, мне нипочем?!..».*

Автор рассматриваемой поэмы включен в ткань произведения под именем *Кязим* с семантикой «сдержанный, терпеливый» [Гаджихмедов, Гусейнов 2004: 95]. Этот персонаж характеризуется как сопереживающий и верящий в будущее человек: *Сени жарсыуунг – мени // Жарсыуумд, жарлы уучу, // Инш-Аллах, ийнанабыз – // Келир бир дерт алычу!* «Твое переживание – мое // Переживание, охотник бедный, // Инш-Аллах, верим – // Придет и мститель!».

В поэме наличествует целый пласт субстантивной лексики, в которую входят слова-этнографизмы, репрезентирующие традиционный уклад жизни карачаевцев и балкарцев: *арбаз* «двор», *бий* «князь», *жарлы* «бедняк», *мужура* «посох», *окъ* «пуля», *сюрюу* «стадо», *уучу* «охотник», *ушкок* «ружье», *чепкен* «черкеска», *юйюр* «семья» и др.

Ср. еще: *ёр* «подъем, отлогая возвышенность», *сызгъа* «ложбина», *къар* «снег», *къая* «скала», *жол* «дорога», *тау* «гора», *ыран* «ступенька на склоне скалы», *тёш* «холм, возвышение» и т.д. Такие лексемы лингвисты, специализирующиеся в области грамматики, относят к функционально-семантическому полю локативности [Додуева 2012].

У К. Мечиева обнаруживаются также устойчивые сочетания с фразеологическими значениями, характеризующимися экспрессивностью и стилистической маркированностью: *жанады жюрек жарам* «горит моя душевная рана», *жаным къор болсун санга* «жертвовать собой ради тебя», *залимликни ёртени кюйдюргенед жюрегин* «пламя тирании сердце опалило», *къарангылыкъ ачдырмай турад кёзлерибизни* «темнота не дает открыть нам глаза», *мыллыгын энишге атды* «броситься вниз», *шишлик къойлай сояргъа* «освеживать как овцу на шашлык» и т.п. На структурно-семантическое многообразие подобных сочетаний в языке обращают внимание и карачаево-

балкарские языковеды, специализирующиеся в области фразеологии [Хуболов 2002; 2018].

Поэма «Раненый тур» интересна и в плане грамматических характеристик, употребляемых в ней языковых единиц. Так, общеизвестен факт, что «форма негации на -ма/-ме у всех глагольных форм имеет в целом самую широкую сферу распространения» [Кетенчиев, Тохаева 2013: 62], что присуще и для рассматриваемой поэмы. В ней употребительны формы отрицания как личных, так и неличных форм глагола (*билмеди* «не узнал», *жашатмаз* «не даст жить», *кёрмеди* «не увидел», *табалмай* «не смогши найти»), посредством которых характеризуются те или иные действия персонажей.

Ср. следующие высказывания автора: *Ой, мени жарлы халкъым! // Къыйынлыкьда тураса* «Ой, бедный мой народ! // В трудностях ты существуешь»; *Жарлы халкъым! // Бёрюле къууун баргъан жаралы жугъутурса* «Бедный мой народ! Ты – раненый тур, за которым волки гонятся». В состав таких конструкций входят распространенные вокативы, выражающие не только обращение, но и предикативное значение. Для них присущи релятивность и выражение в аккумулятивном виде мысли и чувства поэта в плане сочувствия, сопереживания, на что, хоть и спорадически, обращают внимание синтаксисты [Кетенчиев 2010].

В рассматриваемой поэме много и императивных конструкций, функционирование которых детерминировано наличием в ней диалогов: – *Хайда, жюр, Хашим! – деди* «– Давай, иди, Хашим! – сказал; – *Аузунгу къыс! – деди бий* «– Закрой рот! – сказал князь». При исследовании такого рода высказываний языковеды обращают внимание на такие частные значения императива, как приказ, просьба, распоряжение, поручение, разрешение, согласие, мольба и др. [Бичекуева, Кетенчиев 2014: 55-76].

К. Мечиевым используются и вопросительные конструкции различной структуры и семантики. Некоторые из них являются традиционными вопросительными предложениями, ответы на которые содержатся непосредственно в структуре текста: – *Бюгюн уугъа бардынгы? – // Деп сорду бий уучугъа* «– Сегодня ходил ты на охоту? – // Спросил у охотника князь». Другие же представляют собой вопросы риторические: *Сени сурген бёрюге // Кимни огъу атылыр? // Фитнаны, залимликни // Тили къачан тартылыр?* «В волка, который гонится за тобой, // Чья пуля выстрелена будет? // Хитрости, тирании // Язык когда отнимется?».

Поэма отмечена и интертекстуальностью. Так, в ней встречаются элементы фольклора, например, благопожелания, обработанные автором: *Таулананы, эркинликни // Чексиз суйген жугъутур, // Ызындан окъ жетмесин, // Жауларынг жоялмай тур!* «Горы, свободу // безгранично любящий тур, // Пусть пуля тебя не достигнет, // Враги твои пусть тебя не убьют!». Употребительны и паремии, выражающие мировосприятие карачаево-балкарского этноса: *Келечиге ёлюм жокъ* «Для посла нет смерти»; *Ит юргенни жел элтир* «Собака лает, караван идет». Относительно этой проблемы

литературоведы констатируют тот факт, что «проблема соотношения устной и письменной словесности определяется как приоритетное направление в системе фундаментальных исследований современной филологической науки. Неослабевающий интерес к народным истокам, духовному наследию акцентирует исследовательское внимание на изучении вопросов трансформации основ народной эстетики, национальных эстетических ресурсов в словесном искусстве» [Сарбашева, Узденова 2016: 40].

Таким образом, как видно из вышеизложенного, поэма К. Мечиева «Раненый тур» является многогранным лиро-драматическим произведением и отмечается широким спектром лингвистических характеристик, которые маркируются в функционально-стилистическом отношении. В них реализации подвергаются различные значения, релевантные для сознания карачаево-балкарского этноса и поэта как языковой личности.

Литература

1. *Башиева С. К., Кетенчиев М. Б.* Концепт «огонь» как фрагмент этнической картины мира // Cuadernos de Rusística Española. – 2014. – №10. – С. 37–44.
2. *Башиева С. К., Кетенчиев М. Б.* Особенности вербальной репрезентации обыденных знаний о небесных телах // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – №13. – С. 181–194.
3. *Биттирова Т. Ш.* Духовно-культурные основы карачаево-балкарской литературы: дис. ... д-ра филол. наук. – Махачкала, 1999. – 337 с.
4. *Бичекуева Т. Ю., Кетенчиев М. Б.* Парадигма императива в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2014. – 156 с.
5. *Гаджиахмедов Н. Э., Гусейнов Г.-Р. А.-К.* Кумыкские личные имена: происхождение и семантика. – Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2004. – 170 с.
6. *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 2001. – 448 с.
7. *Додуева А. Т.* Семантическое поле пространственности в карачаево-балкарском языке // Известия КБГУ. – 2012. – Т. II. – №3. – С. 100–101.
8. *Кетенчиев М. Б.* Проблемы вокативных конструкций в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Сборник статей к 70-летию Ж. М. Гузеева. – Нальчик: Издательский отдел Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, 2010. – С. 69–74.
9. *Кетенчиев М. Б., Тохоева Ф. И.* Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке. – Карачаевск: КЧГУ, 2013. – 157 с.
10. *Мечиев К. Б.* Избранные произведения: Стихи. Поэмы. Зикры / Составление А. М. Бегиева. Предисл. К. Ш. Кулиева. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 576 с.

11. *Сарбашева А. М., Узденова Ф. Т.* К проблеме взаимодействия фольклора и литературы в современном литературоведческом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4 (58) Ч. 2. – С. 38–41.
12. *Узденова Ф. Т.* Современная балкарская поэма: тенденции развития // Вопросы кавказской филологии. – 2009. – №6. – С. 54–69.
13. *Хуболов С. М.* Предложения с моновалентными предикатами-фразеологическими единицами в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Книга, 2002. – 147 с.
14. *Хуболов С. М.* Карачаево-балкарская фразеология. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2018. – 120 с.
15. *Betuganova Y. N., Uzdenova F. T., Dodueva A. T., Khubolov S. M.* Problem of National Identity and Ways of its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors // Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi – Journal of History Culture and Art Research. – 2019. – Vol. 8. – № 2. – P. 660-670.

Автор:

Ахкубекова Светлана Владимировна – магистрант кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик, Россия; e-mail: svetaangel1996@gmail.com

Author:

Akhkubekova Svetlana V. – undergraduate of Chair of Karachay-Balkar Philology, Kabardino-Balkar Kh. Berbekov State University, Nalchik, Russia; e-mail: svetaangel1996@gmail.com

АДЕКВАТНОЕ ПОНИМАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Статья презентует фрагмент авторской концепции герменевтического подхода в обучении пониманию текста студентов-миллениалов. Обсуждается феномен доминанты как психолингвистической предпосылки целостного анализа художественного текста.

Ключевые слова: доминанта, смысл текста, филологический анализ, чтение, герменевтика.

V. N. Bazylev

ADEQUATE UNDERSTANDING OF THE LITERARY TEXT: MYTH OR REALITY

Abstract. The article presents a fragment of the author's concept of the hermeneutical approach in teaching accept text to millennial students. The phenomenon of the dominant as a psycholinguistic prerequisite for a holistic analysis of a literary text is discussed. The article presents a fragment of the author's concept of the hermeneutical approach in teaching text understanding to millennial students. The phenomenon of the dominant as a psycholinguistic prerequisite for a holistic analysis of a literary text is discussed.

Keywords: dominant, meaning of the text, philological analysis, reading, hermeneutics.

Прежде чем определить основные подходы к анализу и пониманию художественного текста, мы должны ответить на два принципиальных для отечественной педагогики сегодняшнего дня вопроса: возможно ли вообще адекватное понимание словесного произведения? В чем отличие современного студента-миллениала от поколения 90-х и нулевых, т.е. поколения «z».

Когда-то Н.А. Рубакин писал: «Переживания прочитанного естественно попадают в сферу переживаний своих собственных. Такое внедрение в нас того, о чем мы читаем, и есть то, что мы называем пониманием книги. Нетрудно видеть, что понимание всегда находится в функциональной зависимости от личного опыта данного индивида» [Рубакин 1929: 7].

Сегодняшний студент-миллениал, как показали наши экспериментальные исследования, оказывается в ситуации, когда от него требуется анализ предметного и денотативного содержания текста, что, в свою очередь, связано с пониманием когнитивного развития или, наоборот, когнитивной константности субъекта обучения. Мы выяснили, что компетенция, связанная с

пониманием текста, и уровень вербального интеллекта не являются одним и тем же феноменом. Плохое понимание текста может сопровождаться способностью хорошо решать интеллектуальные задачи на вербальном материале «нижних» уровней языка [Базылев 2018: 86 сл.; Базылев 2015: 22 сл.].

В таком случае закономерно возникает следующий вопрос: есть ли вообще смысл в изучении художественных текстов в студенческой аудитории, если результаты этого изучения неизменно сводятся к субъективной интерпретации контента? Дело в том, что существует нечто, затрудняющее поиски отечественной педагогикой выхода в сложившейся ситуации.

Во-первых, в лингвистической и методической литературе само понятие текста употребляется неоднозначно. С одной стороны, оно приравнивается к понятию речи, т.е. обозначает цепочку связанных предложений. В этом значении термин «текст» часто уточняется как «связный текст». С другой стороны, оно используется для обозначения определенным образом ограничиваемой системы элементов языка, представляющей собой структурно-синтаксическое и логико-семантическое целое. Это целое трактуется как последовательность высказываний, выступающих как значимые, относительно завершённые структурно-синтаксические единицы. Таким образом, реальной единицей общения является высказывание-реплика, которое может быть приравнено одному предложению, причем формой его существования и презентации является текст, который обладает достаточной протяженностью, тематической завершенностью, информационной направленностью, структурно-композиционным построением.

Во-вторых, проблема в том, что на 1 курсе только начинается адаптация студента к обучению посредством текста, что образует одно из оснований для индивидуальных различий студентов по отношению к предъявляемому и подлежащему освоению текстовому материалу [Базылев 2019: 82–83; Базылев 2015: 31–32].

С нашей точки зрения, подтверждаемой серией экспериментальных работ, на которые мы сослались выше, функциональной альтернативой коммуникативному механизму понимания смысла текста может выступать механизм доминанты.

Понять сущность доминанты и объективный характер ее существования мы сможем только в том случае, если правильно определим границы проявления доминантной деятельности. Четко различимы три стадии функционирования доминанты: до художественного текста, в художественном тексте, после художественного текста.

В дотекстовой проекции доминанта существует в виде авторской интенции. На этой стадии своего развития доминанта, согласно сложившейся традиции, является объектом исследования психологии творчества.

Создание текста знаменует начало формирования доминанты, не зависящей от автора и не подчиняющейся ему. Именно в тексте доминанта раскрывает себя наиболее полно, объемно, реализуясь как источник

синергетического самоструктурирования, пронизывающий собой весь текст, подчиняющий себе все его элементы и управляющий ими.

Постфактум доминанта формируется в психике читателя при возобновлении когнитивного стимула, ставшего для данной доминанты адекватным. Идеальным по степени адекватности когнитивным стимулом является чтение текста, в котором существуют реперные точки, по которым доминанта может быть восстановлена без чтения всего текста.

Все этапы формирования и функционирования доминанты не просто связаны между собой – они находятся в отношениях строгой причинной зависимости. Доминанта в дотекстовой проекции определяет текстовую доминанту, а через нее и послетекстовую, реализуя интенцию адекватного понимания с помощью создания художественно наиболее ценного ядра, остающегося константным независимо от перенесения художественного произведения в тот или иной исторический, культурный или личностный контекст.

В наших экспериментальных исследованиях мы задались вопросом: какими же свойствами должна обладать текстовая доминанта, чтобы иметь возможность добиться как можно более верного восприятия идеи автора читателем? Ответ на этот вопрос может звучать следующим образом. Организация работы над художественным текстом может/должна исходить из использования студентами различных видов чтения, прежде всего – изучающего, ознакомительного, поискового, критического, филологического, перед каждым из которых стоит своя четко определенная коммуникативная задача. В результате ознакомительного чтения происходит понимание логического строя текста с общим охватом содержания. Поисковое чтение позволяет отобрать нужную для собственного речепорождения информацию относительно того, что сказано об объекте действия, организовать факты, сообщаемые автором, в логическую последовательность. Итогом изучающего чтения является осмысление того, каким образом сообщено об объекте действия, при этом можно говорить о двоякой направленности этого вида чтения на анализ: а) языковых средств, что создает фон для закрепления языкового материала; б) способа формулирования мысли посредством этих языковых средств. Критическое чтение имеет место в том случае, когда понимание текста проявляется в умении вывести суждения о поступках, мотивах действий героев, оценить отдельные факты, понять подтекст и др., т.е. гарантировать пребывание читателя, как мы однажды сформулировали в своей статье, в глубине чужой словесной структуры [Базылев 2019: 12–13; Базылев 2010: 47].

Именно это дает возможность осуществления целостного анализа художественного текста. Истинный смысл каждой отдельной детали, каждого отдельного приема постижим лишь через осознание этой детали, этого приема в общей структуре целого. Идеально художественное произведение не включает в себя ничего лишнего, а значит, упущение из поля зрения

исследователя любого элемента способствует искажению общего смысла. Понятая таким образом целостность анализа грозит обернуться тотальностью.

Но где же в данном случае предел детализации? В чем спасение от центробежного рассмотрения? Только признание разнозначимости элементов художественного текста способно остановить процесс бесконечного дробления целого, затормозить анатомически развивающееся движение исследовательской мысли, перейти к центростремительному изучению эстетического объекта. Возможный выход предоставляет доминантный анализ, отвечающий двум обязательным требованиям, предъявляемым в соответствии с принципами необходимости и достаточности, целостности и экономности.

Доминанта направлением своей деятельности выводит нас на квинтэссенцию эстетически значимого. И если произведение искусства ценностно никогда не исчерпывается, то область художественного текста, отмеченная деятельностью доминанты, должна быть конечно оцененной в любом восприятии, так как без нее данный художественный текст не может быть воспринят как уникальный. В доминанте менее всего произвола, более всего преднамеренности, расчета, действия субъекта, создающего произведение искусства. Уловив направление доминанты, мы приблизимся к автору текста, обезопасим себя от чрезмерной аналитичности, не позволив себе выйти за предел эстетичности.

Все сказанное выше является не только чисто теоретическими посылами. Мы попытались реализовать сформулированные тезисы в практике подготовки серии учебных пособий по преподаванию литературы в курсе русского языка как неродного, в т.ч. в вышедшем в свет в 2021 году учебном пособии «Страна Литературия: навигатор курса». Поясим: мы методически различаем преподавание русского языка как иностранного (РКИ) и русского языка как неродного (РКН). В этом мы следуем за теоретическими положениями, сформулированными А. Щукиным, Г. Гачевым и Л. Громовай, которые полагают, что разграничение РКИ и РКН зависит от уровня сбалансированности двуязычия с включением или исключением этнокультурной составляющей, а также проявлений сбалансированности компонентов национальных характеров [Щукин 2010: 29; Гачев 1995; Громова 2013: 27-28].

Положив в основу пособия тексты Барто, Катаева, Олеси и других детских авторов, мы, как представляется, смогли элиминировать потенциальное негативное эмоциональное и когнитивное отношение обучающегося к художественному тексту, не пытаясь изменить его стиль мышления. На наш взгляд, предложенная в учебном пособии система подачи материала и используемый методический конструктор позволяют реализовать «сильные стороны» обучающихся, для которых русский язык не является родным, при учете доминантных элементов когнитивного стиля обучающегося.

Литература

1. *Базылев В. Н.* «Клиповое мышление» и «студент читающий»: социолингвистический и психолингвистический ракурс соотношения // *Инновации в образовании.* – 2018. – № 8. – С. 86–97.
2. *Базылев В. Н.* Герменевтический подход к проблеме авторского понимания текста // *Новейшая филология: итоги и перспективы исследований: сборник статей / отв. ред. О. В. Золтнер.* – Омск: Изд-во Омского ГУ, 2019. – С. 320–323.
3. *Базылев В. Н.* Глубина пребывания в чужой словесной стихии // *Вопросы психолингвистики.* – 2010. – № 11. – С. 47–50.
4. *Базылев В. Н.* Диагностика понимания текста бакалаврами гуманитарного профиля // *Психология обучения.* – 2015. – № 10. – С. 22–34.
5. *Базылев В. Н.* Коммуникативный смысл текста и его понимание // *Современная коммуникативистика.* – 2015. – Том 4. – Вып. 5. – С. 31–39.
6. *Базылев В. Н.* Контекстуальное чтение // *Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур: сборник статей III Международной научно-практической конференции/ под ред. Т.Н. Галинской.* – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. – С. 12–15.
7. *Базылев В. Н.* Смысл текста? В поисках ответа // *Текст в языковом, историческом, философском пространстве: сборник научных трудов/ отв. ред. В.В. Никульцева.* – М.: МФЮА, 2019. – С. 82–87.
8. *Базылев В. Н., Дутко Н. П.* Страна Литературия: навигатор курса: учебное пособие. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. – 34 с.
9. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 480 с.
10. *Громова Л. Г., Кудрявцева Е. Л.* Размышление о терминологии и практике преподавания русского языка в мире: русский как иностранный, как неродной и другой родной // *Этнодиалоги.* – 2013. – № 2. – С. 27–40.
11. *Рубакин Н. А.* Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. – М.–Л.: ГИЗ, 1929. – 38 с.
12. *Щукин А. Н., Азимов Э. Г.* Новый словарь методических терминов и понятий. – М.: ИКАР, 2010. – 320 с.

Автор:

Базылев Владимир Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор Школы иностранных языков НИУ Высшая школа экономики, г. Москва, Россия, e-mail: v-bazylev@inbox.ru

Author:

Bazylev Vladimir N. – Doctor of Philology, Professor of School of Foreign Languages, Higher School of Economics National Research University, Moscow, Russia; e-mail: v-bazylev@inbox.ru

О ПРОБЛЕМАХ ТЕКСТОЛОГИИ СТАРОТАТАРСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ

Аннотация. В статье поднимается проблема сохранения основного текста, написанного на арабской графике, при подготовке современных академических изданий классиков татарской литературы на кириллице. Авторы на ярких примерах из произведений Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и других классиков татарской литературы убедительно доказывают значимость аутентичного режима правописания в тексте. В результате доказано, что татарским текстологам необходимо учитывать особенности традиций старотатарского литературного языка, на которых были созданы произведения татарских классиков.

Ключевые слова: татарская литература, текстология, история татарского литературного языка, лингвистический аспект, рукописи.

I. B. Bashirova, E. H. Kadirova

ON THE PROBLEMS OF TEXTOLOGY OF OLD TATAR WRITTEN MONUMENTS

Abstract. The article raises the problem of preserving the main text written in Arabic script when preparing modern academic editions of the classics of Tatar literature in Cyrillic. The authors using vivid examples from the works of G. Iskhaki, F. Amirkhan, G. Ibragimov and other classics of Tatar literature convincingly prove the importance of the authentic spelling mode in the text. As a result, it was proved that Tatar textologists need to take into account the peculiarities of the traditions of the Old Tatar literary language, in which the works of the Tatar classics were created.

Key words: Tatar literature, textual criticism, history of the Tatar literary language, linguistic aspect, manuscripts.

Текстологическое исследование литературных произведений и письменных документов приобретает все большее значение в филологии. Текстология – отрасль филологии, изучающая произведения письменности, литературы и фольклора в целях критической проверки, установления и организации их текстов для дальнейшего исследования, интерпретации и публикации [БСЭ 1976: 367]. Данный раздел филологии имеет тесную связь с письменным текстом и языковыми проблемами.

Можно сказать, что сегодня у татарского народа большие достижения в области текстологии. Памятники, написанные на старотатарском языке,

были представлены нынешнему читателю М. Гайнуллиным и Х. Госманом, Ш. Абиловым, Р. Гайнановым, Х. Миннегуловым, М. Ахметзяновым, Ф. Яхиным, Н. Исмагиловым, И. Гумаровым и др. Они переводят тексты, написанные на древнетюркском и старотатарском языках с арабско-персидскими отрывками, общетюркскими письменными формами, на современный татарский язык.

Наряду с текстологами в этом направлении работают и наши литературоведы, лингвисты, фольклористы, историки, научная деятельность которых связана с транскрипцией текста.

В своих исследованиях литературоведы и историки переводят тексты в современную графику, дают информацию о принципах транскрипции, пишут отдельные статьи о лингвистических особенностях.

Лингвисты, специально изучающие языковые особенности письменных памятников разного стиля, созданных на старотатарском языке, приближают транскрипцию к транслитерации, то есть каждая буква переносится с арабского языка на кириллицу с фонетической, морфологической точки зрения. А когда ученый-языковед делает текстологическую работу по особому заказу (например, произведение печатается в литературно-художественном журнале), тогда тоже переводит текст на современный язык сразу после его расшифровки с особой интерпретацией отдельных слов, с единственной целью – сделать его читабельным и понятным для современного читателя. Р. Ахметзянов, например, представляет читателю «Хосров и Ширин» Котба.

Таким образом, по многочисленным исследованиям можно сказать, что текстологическая деятельность в татарской филологии осуществляется в широком масштабе разными способами: воспроизведением классических текстов в исходном правописании и модернизацией письменной формы старых источников, т. е. заменой эквивалентами современных норм.

На основе вышеупомянутых методов становится ясно, что это различие довольно сложно, но понятно, что концепции, выраженные этими терминами, актуальны и сегодня. В каком направлении должен работать текстолог? Следует ли переводить письменные мемуары на современный литературный язык, чтобы их могла прочесть широкая публика, или их следует исследовать на академическом научном уровне с сохранением особенностей произведения на момент написания? Это определяется целью, для которой интерпретируется конкретное произведение. Как известно, в современной русско-европейской текстологической науке значение понятия академического издания объясняется по-разному: определяются все работы автора, даются научно-объективные комментарии, сохраняется графическая орфография в основном тексте [Гитис 2005: 12]. При подготовке академической редакции поэта в этом направлении ведется научно-теоретическое исследование высокого уровня, основанное на прочной традиции, без учета повседневно-практической необходимости. В этом

случае татарскому текстологу следует учитывать объективные причины основных черт старотатарского языка, который сложился на основе многовековых традиций истории письменности татарского народа.

Согласно требованиям к академическим публикациям, при их подготовке за основу берется автограф автора и выдается без изменений. Произведения татарских классиков невозможно представить в написанной автором графике. Их необходимо переводить на кириллические буквы произношения, характерные для огузских и кипчакских языков, которые даны в арабской графике. Полноценная демонстрация этого действия в письменной форме позволяет увидеть, во-первых, сохранение богатства татарского литературного языка своего времени, а во-вторых, творческие особенности каждого писателя, отраженные в написании текста. В связи с этим ясно, что арабско-персидские отрывки, написанные на исходном языке по их собственным правилам, не могут быть даны таким образом. В арабско-персидских заимствованиях, написанных по их собственным правилам, арабская графика отображается на кириллице, измененной по законам их освоения на татарском литературном языке. Когда мы говорим о том, что нужно сохранить богатство художественной речи, отраженное в произведениях наших писателей, то, по сути, вариативность произношения тюрко-угузских, тюрко-кипчакских племенных языков, определяющая статус старотатарского языка, будет максимально отражена в кириллице.

Во всех жанрах и стилях представлены Г. Тукай и Г. Исхаки, Дардмэнд и Г. Ибрагимов, М. Гафури и Ф. Амирхан, Г. Камал и Ш. Камал, С. Рамиев и Г. Колахметов и др. В связи с трехкратным изменением печатной графики первоначального текста (на арабском, латинице и кириллице) встает вопрос о сохранении оригинальности основного текста. В произведениях татарских классиков слово или фраза, иногда и отдельные звуки пользуются как средство описания явлений и становятся образом. Такие отрывки можно цитировать из произведений Г. Исхаки и Ф. Амирхана, в которых одно и то же слово написано с сохранением различных его звуков в зависимости от места и необходимости. Например, у Ф. Амирхана *Хяят йыглы* 'Хаят плачет', то есть автор дает в высоком стиле, а *Фәтхулла хәзрәт жылы* 'Фатхулла хазрат плачет' – в нижнем стиле. Таким образом показывается отношение автора к своим персонажам. Во введении к обоим томам произведений Ф. Амирхана составители пишут, что соответствие *й* – *ж* дается как в современном литературном языке, но в текстах они даются как в авторских вариантах. Или, например, в предисловии к первому тому произведений Г. Ибрагимова сказано, что «тексты даны в современной орфографии и пунктуации», в текстах писателя написание отдельных слов сохранило варианты: например, *аглау*, *йыглау*, *йылау*, *жылау* 'плача'. Автор, употребляя разные варианты слова, показывает выразительные возможности графики, орфографии языка. К сожалению, при публикации их на современном литературном языке эти особенности произведения не сохраняются,

только при сравнении с первым изданием произведения становится очевидным, что памятник потерял изюминки художественного образа. Это говорит о надобности более широкого учета таких особенностей при публикации литературных памятников того времени.

Таким образом, нами была продемонстрирована значимость некоторых особенностей правописания для татарских литературных текстов. При транскрипции произведений наших классиков сохранение буквальной идентичности поэта – правильный путь в академической науке. Как писал Д. С. Лихачев, «нужно не поверхностное понимание текста, а точное знание орфографических, фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи» [Лихачев 1964: 31–32]. Татарским текстологам необходимо учитывать особенности традиций старотатарского литературного языка, на которых были созданы произведения татарских классиков.

Литература

1. *Большая советская энциклопедия*. 3-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1976. – 600 с.
2. *Гитис Л. Х.* Толковый словарь издательских, полиграфических и информационных терминов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Горн. кн., 2005. – 246 с.
3. *Лихачев Д. С.* Текстология: краткий очерк. – М.: Наука, 2006. – 175 с.

Авторы:

Баширова Илida Басыровна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела лингвистики Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; e-mail: lilvil25@mail.ru;

Кадирова Энзе Ханафиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лингвистики Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова АН РТ, г. Казань, Республика Татарстан, Россия; e-mail: enge@inbox.ru

Authors:

Bashirova Ilida B. – Doctor of Philology, Chief Researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan, Russia; e-mail: lilvil25@mail.ru;

Kadirova Enze Kh. – Ph.D. in Philology, Senior researcher, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Kazan, Russia; e-mail: enge@inbox.ru

**КОМПАРАТИВНЫЕ ТРОПЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
ВАКХИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА****(на примере рассказа Александра Грина «Ветка омелы»)**

Аннотация. В статье рассматриваются компаративные тропы, воссоздающие образ человека, борющегося с алкогольной зависимостью, на примере рассказа Александра Грина «Ветка омелы». Выявлены романтические характеристики вакхического состояния, испытываемого героем-рассказчиком, мотив странствия и перехода в мир грез; мотив битвы. Рефлексия героя о своих физических ощущениях и психических переживаниях позволяет представить их как отдельные сущности. Алкоголь также «приобретает» антропоморфные черты.

Ключевые слова: компаративный троп, метафора, сравнение, вакхическая лексика, индивидуально-авторская интерпретация.

*О. А. Dimitrieva***COMPARATIVE TROPES AS A MEANS OF CREATING
THE IMAGE OF A BACCHIC MAN****(on the example of Alexander Green's short story "Mistletoe Branch")**

Abstract. The article deals with comparative tropes that recreate the image of a person struggling with alcohol addiction on the example of the short story "Mistletoe Branch" by Alexander Green. The romantic characteristics of the bacchanalian state experienced by the hero-narrator, the motive of the journey and the transition to the world of dreams, the motive of the battle are revealed. The character's reflection on physical sensations and mental experiences allows him to present them as separate entities. Alcohol also "acquires" anthropomorphic features.

Keywords: comparative trope, metaphor, comparison, bacchanalian vocabulary, individual author's interpretation.

Н. А. Кожевникова пишет, что одной из особенностей прозы начала XX века в отличие от классической прозы XIX века является то, что в ней сочетаются слова в прямом и метафорическом употреблении, что создает «колеблющийся рисунок повествования» [Кожевникова 1992: 196]. Основными компаративными тропами считаются метафора и сравнение. Н. А. Николаева, З. Ю. Петрова выделяют два типа компаративных тропов: 1) «концептуализирующие», т. е. связанные с дальнейшим развитием сюжета, 2) «несюжетообразующие», т. е. те, которые не связаны с главными персонажами,

часто характеризуют других героев и окружающий их мир [Николина, Петрова 2019: 101, 107]. А. Молнар, Н. А. Николина отмечают усложнение функций компаративных тропов в современной прозе, их участие «в дифференциации субъектно-речевых планов текста, выражают оценки как повествователя, так и персонажей, служат ключом к подтексту произведения» [Молнар, Николина 2019: 96].

Материалом для данного исследования является рассказ Александра Грина «Ветка омелы», посвященный описанию действий, чувств и мыслей главного героя Тергенса, решившего перестать употреблять спиртное, а также способа их вербализации, в частности, с помощью компаративных тропов. Следует отметить, что метафорический мир произведений А. Грина, типы метафор, их частеречная принадлежность довольно подробно описаны в работе А. Ю. Ключеровой [Ключерова 2017].

Обратим внимание на особенности интерпретации ситуации винопития, в частности такого его аспекта, как состояние главного героя (Тергенса), привыкшего к алкоголю, а также на изменение этого состояния после принятого им решения-обещания «бросить пить».

1. Мотив БОРЬБЫ И ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Ситуация отказа от алкоголя приравнивается к битве, причем автор-рассказчик присваивает ей особенный статус с помощью превосходной степени прилагательного «одна из самых ужасных»: *Многие прочтут и перечитают эти страницы, в которых описывается одна из самых ужасных битв на земле* [Грин 1980: 621].

В течение всего повествования этот мотив воплощает действие, обозначаемое глаголом *бороться*, причем объектом его воздействия является как физиологическая потребность (см. пример 1), так и психическая (см. пример 2):

(1) *Тергенс остановился и начал убеждать себя в том, что небольшим стакан водки бессилён изменить его решение; такая доза была бы действительно полезна ему теперь, пока его организм **так беспокойно, тяжело боролся с отравленностью*** [Грин 1980: 622];

(2) *<...> следовало ему **бороться** теперь уже не с психической, а с физиологической потребностью пить* [Грин 1980: 622].

Наречия *беспокойно, тяжело*, сопровождающие глагол *бороться*, подчеркивают сложность этой битвы. В конце рассказа высвечивается другой «возможный мир» с помощью прилагательного, оцениваемого со знаком плюс, антонимичного слову *война* – *мирная жизнь*: *Я предпочитаю **мирную, хорошую жизнь*** [Грин 1980: 625].

Зооморфное сравнение позволяет оценить степень сложности обещания: *<...> то есть **обещание**, равное для мужчины, привыкшего к **возбуждению** алкоголем, примерно тому, как если бы **горный козел отказался перепрыгивать пропасти*** [Грин 1980: 621]. Сравнивается, с одной стороны, привычка человека к *возбуждению* алкоголем, с другой стороны, поведение

животного, привыкшего *перескакивать через пропасти*, и невозможность отказа как первого, так и второго от своего регулярного поведения.

Помимо желания пить в набор действий, являющихся маркерами «*мужчины вполне*», входят такие составляющие его компоненты, как *курить* и *играть*, причем необходимость этих составляющих подчеркивается модальностью долженствования: *За семь лет Тергенс пять раз клятвенно обещался жене бросить пить с того самого момента, когда эти пламенные обещания слетали с его уст, доставляя отчаявшейся женщине весьма краткое утешение, потому что не проходило трех дней, как Тергенс являлся подвыпившим, браня жену за жестокое отношение к «потребностям мужчины», который, чтобы быть мужчиной вполне, должен курить, пить и играть* [Грин 1980: 621].

2. АНТРОПОМОРФНЫЕ КОМПАРАТИВНЫЕ ТРОПЫ. Алкоголь и организм человека, его составляющие (*нервы*, например) приобретают черты отдельных сущностей, независимых от человека ипостасей с антропоморфными характеристиками, такими как коварство, способность проявлять негативные эмоции, выражать желания и их облекать в слова:

(1) *Однако он знал коварную силу «старых дрожжей» и боялся вновь охмелеть* [Грин 1980: 622];

(2) *Пока алкоголь еще не окончательно испарился из тела Тергенса, он сдерживал свое обещание без труда, доставляя этим бесконечную радость начавшей отдыхать жене; но как только последний атом спирта оставил Тергенса, – очищенные, обозлившиеся нервы потребовали привычного возбуждения. Напрасно он сосал какие-то лекарственные лепешки, утешался крепким чаем и кофе, – нервы твердили одно: «Подавай виски!»* [Грин 1980: 625].

Слово *коварный* часто является качественной характеристикой человека, в первом же примере «старые дрожжи» (предыдущее состояние) являются носителем этого качества.

Как видно из второго примера, жидкость (*алкоголь*), обычно воспринимаемая как непрерывная, целостная масса, здесь представляется дискретной, состоящей из атомов, оказывающих влияние на организм (*последний атом спирта оставил*), причем спиртное проявляется двояко: как физическая сущность, вещество (*алкоголь испарился из тела, последний атом*) и как «сознательная» сущность, способная совершать активные действия – *оставить Тергенса* (глагол *оставить* одним из своих значений имеет «Покинуть какое-л. место, кого-л., удалиться откуда-л.» [Словарь 1999: 653], субъектом действия глагола в прямом значении является человек). Нервы, воспринимаемые как отдельная часть человека, оказываются способными вербализовать свои желания посредством речевых глаголов *потребовали, твердили* и непосредственного прямого указания на объект желания, обозначенной прямой речью («*Подавай виски!*»).

3. РОМАНТИЧЕСКИЙ ФЛЕР вакхического состояния. Это состояние осмысливается как пребывание в волшебной стране грез, и переход в него является странствием: *Правда, он любил возбуждение, доставляемое алко-голем, но если в молодые годы это возбуждение таило прелести страны грез, волшебного превращения будней в заманчивое странствие среди вещей и людей, с как бы заново открывающимся значением событий, то к сорока годам слиняло и возбуждение* [Грин 1980: 621]. Состояние опьянения передается посредством следующих лексических единиц: *прелесть, грезы, волшебное, заманчивое, открывающееся значение* – налицо связь с мечтой и волшебством, с приобретением нового смысла.

Ценностное отношение Тергенса к спиртному проявляется в следующем высказывании: *Говард был страшно удивлен, когда Тергенс, заказав малый стакан виски, вылил водку себе на руки, вымыл их драгоценной спе-цией, вытер платком и с довольным видом заплатил озадаченному слуге. Такое действие «вокруг водки» отчасти заменило ему лечение* [Грин 1980: 624].

В следующих примерах проявляется мотив любовного отношения к спиртному: *Зачем вы тут [у трактира] стоите в таком случае [спрашивает знакомый у Тергенса, бросающего пить]? Прощальное платоническое сви-дание?* [Грин 1980: 623]; *Через месяц Тергенс уже перестал думать о вы-пивке. Это произошло оттого, что он физически забыл улады страсти к питью* [Грин 1980: 625]. Прилагательное *платонический*, «основанный на чисто духовном влечении без всякой примеси чувственности; не преследующий практических целей, отвлеченный» [Словарь 1999, т. 3: 136] в данном контексте иронически осмысливается как посещение трактира без практической цели – выпивки. *Страсть к питью* опозитивизирована автором-рассказчиком: в словаре русского языка (МАС) лексема ‘услада’ дается с пометой *традиционно-поэтическое* [Словарь 1999, т. 4: 518].

В целом оценка опьянения как странствия, мечты и любви дополни-тельно объясняется словом *романтика* («То, что создает эмоциональное, возвышенное отношение к чему-л.» [Словарь 1999, т. 3: 730]): *Пусть будет иногда скучно, вяло; даже пусть будет трудно жить и работать; пусть хочется подчас трактирной романтики; но пусть будет чисто* [Грин 1980: 625]. Мир реальный оценивается как скучный и вялый, в котором отсутствуют мечты и грезы, вакхический мир поэтизируется и возвышается.

Бросить пить, по рассуждениям героя, это своего рода прерывание меж-личностных отношений: *С своей стороны, Тергенс припомнил все ссоры с женой из-за вина, подавленность и раздражительность после выпивки, напрасные траты денег и, первый раз в жизни, серьезно захотел рас-статься с бутылкой* [Грин 1980: 621]; – *Что делать? Пришла, видно, пора кончить с бутылкой* [Грин 1980: 623]. Глагольные выражения *растаться с бутылкой / кончить с бутылкой* указывают на вторую сторону

взаимоотношений, другого субъекта – *бутылка* (в творительном субъекта-«напарника»).

4. ФИТОМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ. Название рассказа «Ветка омелы», совпадающее с названием трактира, часто посещаемого Тергенсом, имеет и метафорическое «прочтение». В энциклопедии «Символы, знаки, эмблемы» со ссылкой на «Иллюстрированную энциклопедию традиционных символов» Дж. Купера приводится интересное, на наш взгляд, замечание об омеле как символе: «поскольку омела не является ни деревом, ни кустарником, то этим она символизирует “свободу от всех запретов, так что любой под этим растением получает свободу от ограничений”» [Символы 2005]. Эта самая свобода от ограничений в трактире «Ветка омелы» становится притягательной для Тергенса и других завсегдатаев. Вспомним рассуждения его приятеля о Тергенсе и его идее бросить пить: *«Как сядет [в маленьком трактирчике], так нальет. Как нальет, так выпьет. А когда выпьет, мы с ним переберемся в “Ветку омелы”»* [Грин 1980: 623]. Особое отношение главного героя к трактиру можно проследить в следующем примере: *Иногда, проходя мимо «Ветки омелы», Тергенс испытывал мучительно вкусное сосание во внутренностях, особенно если из раскрытых дверей доносились звуки стекла <...>* [Грин 1980: 625]. Физиологические ощущения возникают у Тергенса при визуальном (*проходя мимо*) и аудиальном (*доносились звуки стекла*) восприятии трактира.

Особую роль в романтизации винопития играет также упоминание об исторической могиле на Гертонском кладбище, на камне которой была высечена надпись: *Здесь лежит Гаральд О’Коннор. Он прожил 135 лет и всю жизнь пил. Он пил весной и летом, осенью и зимой, каждый день, и в пьяном виде был так страшен, что сама смерть боялась его. Однажды, по ошибке, он был трезв; тогда смерть осмелилась и умчала О’Коннора* [Грин 1980: 624]. Здесь появляется еще один растительный образ – ветка клена: *Солнце разогнало облака, и ветка старого клена, под тенью которого лежал камень [на могиле О’Коннора], бросала на его поверхность чистую тень листьев, не знающую смут и страстей. У подножия памятника рос дикий розмарин; летали мухи и пчелы* [Грин 1980: 624]. И в конце рассказа вновь читаем о ней слова героя: *Я видел на кладбище ветку клена над могилой дедушки О’Коннора. Наступил ее черед расти* [Грин 1980: 625]. «Чистая тень листьев», «без смут и страстей» коррелирует с новым образом жизни Тергенса, сменяя «ветку омелы».

Итак, при описании вакхического состояния героя возникают следующие мотивы: странствия и перехода в мир грез; битвы. Рефлексия героя о своих физических ощущениях и психических переживаниях позволяет представить их как отдельные сущности. Алкоголь также «приобретает» антропоморфные черты. При характеристике смены стиля и образа жизни главного героя используются фитоморфные метафоры: ветка омелы и ветка клена.

Литература

1. *Грин А. С.* Бегущая по волнам: Романы и рассказы. – Ленинград: Лениздат, 1986. – 639 с.
2. *Ключерова А. О.* Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. – 168 с.
3. *Кожевникова Н. А.* О соотношении прямого и метафорического словоупотребления в русской прозе начала XX века // In Honor of Professor Victor Levin: Russian Philology and History. [W. Moscovich et al., eds.]. Jerusalem, 1992. – С. 185–196. – Режим доступа: <https://danefae.org/pprs/levin/koj.htm>. – Дата обращения: 10.03.2021.
4. *Молнар А., Николина Н. А.* Типы и функции компаративных тропов в современном прозаическом тексте (на материале рассказа Л. Улицкой «Пиковая дама») // Slavica. – 2019. – Том 48. – С. 96–100. – DOI: 10.31034/048.2019.07.
5. *Николина Н. А., Петрова З. Ю.* Система компаративных тропов в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Slavica. – 2019. – Том 48. – С. 101–111. – DOI: 10.31034/048.2019.08.
6. *Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия* / авт.-сост. В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын. – 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. – 494 с. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=178999&p=1>. – Дата обращения: 10.03.2021.
7. *Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований.* – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Автор:

Димитриева Ольга Альбертовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: olgaal_79@mail.ru

Author:

Dimitrieva Olga A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Chair of Russian and Chuvash language, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: olgaal_79@mail.ru

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ТРЕХМЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА

Аннотация. В статье рассматриваются пространственные отношения, описываются общие и частные пространственные отношения. Автор анализирует средства объективации частных пространственных, а именно трехмерных отношений в стихотворениях С. Есенина.

Ключевые слова: пространственные отношения, локализация, локализатор, вербальный знак, местонахождение, передвижение.

J. L. Dmitrieva

MEANS OF OBJECTIFICATION THREE-DIMENSIONAL SPACE IN THE POEMS BY S. ESEININ

Abstract. The article discusses spatial relationships, describes general and particular spatial relationships. The author analyzes the means of objectification of particular spatial three-dimensional relations in the poems by S. Esenin.

Keywords: spatial relationships, localization, localizer, verbal sign, location, movement.

Пространство – одно из наиболее изученных реалий онтологического мира. Как некое место, территория, отношение между предметами оно изучается в естественных науках (математике, физике, географии и др.). В цикле гуманитарных наук пространство рассматривается и как концепт, и как текстовая категория, и как морфологическое отношение (функциональная грамматика, лингвоконцептология, лингвистика текста, лингвокультурология и т. д.). Исследователи неоднократно отмечали, что пространство – один из наиболее простых для познания объектов. Так, Н. А. Арбузова включает его в число непосредственно данных для восприятия человеком видов объективной реальности. Ср.: «Человеку для ощущения даны два вида объективной реальности – предмет и место» [Арбузова 2019: 126]. В. В. Красных указывает на тесную связь представлений о пространстве и пространственном членении мира, принятом в определенной лингвокультуре, с жизнедеятельностью социума.

А. В. Бондарко пространственные отношения рассматривает как базовые, воспринимаемые человеком и эксплицируемые словоформами. Исследователь связывает их с описанием конкретной ситуации, которую выражает формулой $A + r + L$, где «А представляет собой локализуемый объект, L – локализатор, то есть объект, по отношению к которому локализуется А;

г – пространственное отношение, связывающие объекты А и L» [Бондарко 1996: 8]. Лингвист выделяет два типа общих пространственных отношений – перемещение и местонахождение, а также описывает частные пространственные отношения, в числе которых и трехмерное пространство, или локализация, представленная в виде точки.

Целью статьи является описание средств экспликации трехмерного пространства в стихотворениях С. Есенина.

В функциональной грамматике выделяются перемещение и местонахождение, которые рассматриваются как базовая оппозиция общих пространственных отношений. Различие между ними «отражается в русском языке на выборе предлога и падежной формы» [Бондарко 1996: 8]. А. В. Бондарко отмечает, что в лингвистике существует несколько типологий частных пространственных отношений. Так, трехмерное пространство рассматривается как локализация предмета в виде точки. Оно делится на частные бинарные соотносительные позиции «внутри – вне» (а), «спереди – сзади» (б), «сверху – снизу» (в) и «возле – в отдалении» (г).

Данные позиции объективируются как предложно-падежными формами, так и глаголами положения или перемещения в пространстве. Эти средства зафиксированы и в стихотворениях С. Есенина, который моделирует пространство в соответствии с лингвокультурными представлениями. Отметим, что центром и точкой отсчета в произведениях поэта является лирический герой, т. е. человек. Именно он делит пространство на принятые в лингвокультуре зоны. К их числу относим дом, двор, населенный пункт, поле, лес и т. п. Данные зоны указаны и описаны Н. И. Толстым, В. В. Красных, И. В. Захаренко и др. Мы соотносим пространственные зоны с выделенными А. В. Бондарко частными позициями. Эти позиции можем квалифицировать как базовые параметры построения пространственной модели мира.

Позиция «внутри – вне» (а) связана с противопоставлением пространственных зон, а также с местонахождением (статичным положением в пределах одной территории или перемещением внутри четко очерченной зоны) и перемещением локализуемого объекта. Ср.: *А по двору метелица / Ковром шелковым стелется, / Но больно холодна* [Есенин 1995: 17]; *Темна ноченька, не спится, / Выйду к речке на лужок* [Есенин 1995: 20]; *Хороша была Танюша, краше не было в селе* [Есенин 1995: 21]. В приведенных примерах локализуемыми предметами выступают как люди (*Танюша*), так и явления природы (*метель*). Предложно-падежные формы называют конкретное пространство, в котором расположен предмет. Предлог *по* используется «при обозначении предмета, пространства и т. п., поверхность которого является местом, где происходит действие, движение кого-, чего-либо, где располагается кто-, что-либо» [Кузнецов 2000: 847]. Эта местность названа лексемой *двор*. Соответственно, в примере *А по двору метелица / Ковром шелковым стелется, / Но больно холодна* [Есенин 1995: 17] выделенные

вербальные знаки не только эксплицируют пространственную зону, но и выражают частную позицию «внутри» (а). Отметим, что глагол *стелиться* (*стлаться*), т. е. «лежать, простираться на пространстве» [Кузнецов 2000: 1270], выражает общее пространственное отношение местонахождения.

Позиция «внутри» (а) эксплицирована и словоформой *в селе* в примере *Хороша была Танюша, краше не было в селе* [Есенин 1995: 21]. Предлог *в* используется для указания на то, что локализуемый предмет, выраженный онимом *Танюша*, находится «внутри» [Кузнецов 2000: 109] пространственной зоны «населенного пункта негородского типа» [Кузнецов 2000: 1173].

Наконец, позиция «вне» эксплицирована в примере *Темна ноченька, не спится, / Выйду к речке на лужок* [Есенин 1995: 20]. Глагол *выйти* указывает на направление движения, т. е. перемещение из одной зоны в другую. Соответственно, эксплицируется общее отношение перемещения. Пространство, в которое перемещается локализуемый предмет, названо формами *к речке, на лужок*.

Позиция «спереди – сзади» (б) эксплицирует представление о местонахождении предмета. Так, в строках *Помолись перед ликом Спасителя / За погибшую душу мою* [Есенин 1995: 23] позиция «спереди» объективирована предлогом *перед* и существительным *лик*. Вербальный знак *перед* употребляется для указания положения предмета в пространстве относительно «изображения лица божества, святого на иконах» [Кузнецов 2000: 496]. В другом примере анализируемая позиция эксплицирована *Опять передо мною голубое поле* [Есенин 1995: 81] эксплицирована предлогом *передо*, указывающим на расположение предмета от точки измерения (человека). Лексема *вдогон* в строках *Я пошел с тоски на луг. / Мне вдогон смеялась речка* [Есенин 1995: 19] эксплицирует позицию «сзади». В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова словарная статья данного вербального знака снабжена пометой *народно-разговорное*, а в толковании зафиксирована сема «следом за», т. е. позади. Ср.: «Вдогон – нар.-разг. 1) следом за тем, кто удалился; 2) вслед кому-либо» [Кузнецов 2000: 114].

Предлогами, падежными формами имен существительных и глаголами объективирована в произведениях С. Есенина позиция «сверху – снизу» (в). Ср.: *Опять раскинулся узорно / Над белым полем багрянец* [Есенин 1995: 24]; *Под затуманенною дымкой / Ты кажешь девичью красу, / И треплет ветер под косышкой / Рыжеволосую косу* [Там же]. Рассматриваемую частную позицию эксплицируют предлоги *над* и *под*, употребляющиеся для указания на местонахождение локализуемого предмета по вертикальной оси. Ср.: «Над – при указании на местоположение кого-, чего-либо находящегося, располагающегося в непосредственной близости, возле, но выше какого-либо места, предмета и т.п.» [Кузнецов 2000: 576]; «Под – указывает на предмет, место, лицо и т. п., ниже которого и ниже поверхности которого направлено действие, движение» [Там же: 857].

Отметим, что глаголы *раскинуться* и *трепать* в рассматриваемых примерах квалифицируем как глаголы положения в пространстве, поскольку они называют действие, не направленное на перемещение за границу определенной (названной предложно-падежной формой) зоны. Ср.: «Раскинуться – расположиться на широком пространстве, протянувшись в разных направлениях» [Кузнецов 2000: 1087]; «Трепать – дёргать, тормошить, тербить. Ветер треплет волосы» [Там же: 1342].

Наконец, позиция «возле – в отдалении» (г) эксплицирована в произведениях С. Есенина не только указанными средствами, но и наречиями. Отметим, что, согласно концепции А. В. Бондарко, при выражении пространственных отношений данная часть речи выполняет две функции. Во-первых, наречие «уточняет локализацию, выраженную существительным» [Бондарко 1996: 17]. Ср.: *Манит ночлег, недалеко до хаты, / Укропом вялым пахнет огород* [Есенин 1995: 80]; *И далеко по селам / Звонит их бойкий стих* [Там же: 110] и т.д.

Во-вторых, данная часть речи «локализует предмет при отсутствии локализатора» [Бондарко 1996: 17]. Ученый отмечает, что в указанной функции наречия выступают либо когда локализатор неизвестен или неопределен, либо когда хорошо известен и не требует специального обозначения. В этом случае используются наречия местоименного характера, указывающие:

а) на всеобщность или неопределенность местонахождения. Ср.: *Прозрачно я смотрю вокруг / И вижу, там ли, здесь ли, где-то* ль [Есенин 1995:192]; *Где-то на поляне клен танцует пьяный* [Там же: 281]; *Где-то мышь скребется / В затворенной клетки...* [Там же: 299];

б) место по отношению к коммуникантам. Ср.: *И вижу, там ли, здесь ли, где-то* ль [Есенин 1995:192]; *Здесь все так же, как было тогда* [Там же: 302]; *И чем дальше, тем звонче, / То здесь, то там...* [Там же: 308];

в) расстояние относительно объектов. Ср.: *Где-то песнь соловья / Вдалеке я слышу* [Есенин 1995:15]; *Еду грязной дорогой с вокзала / Вдалеке от родимых полей* [Там же: 32]; *Где-то вдали на кукуане реки / Дремную песню поют рыбаки* [Там же: 64].

Итак, пространственные отношения в грамматике делятся на общие и частные. Последние мы квалифицируем как параметры описания пространственной модели мира. В произведениях С. Есенина анализируемые отношения, выражающиеся рядом частных позиций, эксплицируются падежными формами имен существительных с предлогами (*к речке, на лужок, по двору, над полем, под косынкой, под дымкой, до хаты, по селам*), глаголами (*стлаться, выйти, трепать, раскинуться*) и наречиями (*далеко, недалеко, где-то, там, здесь, вокруг, вдали, вдалеке*). Однако данная статья не включает полного описания средств объективации пространственных отношений в стихотворениях поэта, что составляет перспективу исследования.

Литература

3. *Арбузова Н. А.* Отражение пространства в языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 7 (140). – С. 126–133.

4. *Есенин С. А.* Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А. А. Козловского. – М.: Наука – Голос, 1995. – 672 с.

5. *Большой* толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.

6. *Теория* функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А. В. Бондарко, М. Д. Воейкова, В. Г. Гак и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.; Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. – СПб.: Наука: С.-Петербург. изд. фирма, 1996. – 230 с.

Автор:

Дмитриева Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков, г. Горловка, ДНР; e-mail: Juls88Dmutrieva@yandex.ru

Author:

Dmitrieva Julia L. – Candidate of Philology, Associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Gorlovka Institute for Foreign Languages, Gorlovka, DNR; e-mail: Juls88Dmutrieva@yandex.ru

**РОЛЬ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПОСТРОЕНИИ
ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ ФИГУР В ПОЭЗИИ
П. А. ВЯЗЕМСКОГО**

Аннотация. В статье рассматриваются особенности построения различных стилистических фигур в поэзии П. А. Вяземского в аспекте сложного предложения. Анализируются антитеза, асиндетон, синтаксический параллелизм, а также ряд других фигур речи в творчестве поэта.

Ключевые слова: поэтический синтаксис, П. А. Вяземский, фигуры речи.

A A. Lebedev

**THE ROLE OF COMPLEX SENTENCES IN THE
CONSTRUCTION OF EXPRESSIVE-STYLISTIC FIGURES IN
THE POETRY OF P. A. VYAZEMSKY**

Annotation. The article examines the features of the construction of various stylistic figures in the poetry of P. A. Vyazemsky in the aspect of a complex sentence. Antithesis, asyndeton, syntactic parallelism, as well as a number of other figures of speech are analyzed.

Keywords: poetic syntax, P. A. Vyazemsky, figures of speech.

Сегодня вопросы типологизации и функционирования определенных синтаксических конструкций в лирическом творчестве авторов разных эпох нередко становятся объектом исследования филологов – ведь вряд ли можно поставить под сомнение связь между индивидуально-авторским стилем и использованием поэтом определенных типов синтаксических конструкций.

Одним из авторов XIX века, в чьем творчестве значимую роль играют сложные предложения, следует назвать Петра Андреевича Вяземского. Будучи активным участником противоборства сторонников «старого» и «нового» слога, Вяземский поддерживал карамзинистов, которые представляли «новый язык». Эта поддержка нашла отражение в ряде эпиграмм, нацеленных против излишне ярых «охранителей» литературной нормы.

Однако, даже с учетом поддержки карамзинистов, непосредственно в своем поэтическом творчестве Вяземский не всегда в полной мере соответствовал поэтической эпохе, в которой он жил, так как не все уровни языка поэта содержат в себе следы обновления и демократизации языка. Если морфология и лексика поэта разительно отличаются от творчества авторов

XVIII века, то синтаксис П. А. Вяземского, напротив, опирается на классицистические традиции (предусматривающие предложения больших размеров, большое количество элементов-осложнителей и в целом трудные, а иногда даже и «тёмные» синтаксические конструкции, которые затрудняют восприятие стихотворения).

При этом в целом поэзия Вяземского демонстрирует разнообразие структурных конструкций; при этом полипредикативные конструкции доминируют над монопредикативными. Это не могло не отразиться на отходе от эмоциональности его поэтического творчества в сторону большей рациональности.

Рассматривая типологию сложных предложений в синтаксисе Вяземского, нельзя не отметить активность бессоюзных конструкций, если сравнить их с подчинительными и сочинительными (что в целом соответствует специфике поэзии). Но на протяжении всего творчества Вяземский тяготеет к выстраиванию причинно-следственных связей, опираясь на подчинительные конструкции, что позволяет отразить в стихотворном тексте всю глубину и сложность мысли. При этом не приходится говорить ни об устранении громоздких синтаксических конструкций, ни об уменьшении объемов предложения, ни о других синтаксических тенденциях, знаменующих демократизацию поэтического языка того времени; в этом аспекте поэт ближе к традициям, негласно заявленным поэтами-классицистами.

В то же время в целом особые семантико-композиционные особенности синтаксиса П. А. Вяземского формируют необычный стиль его литературных произведений. В частности, помимо традиционной структурно-композиционной и ритмико-интонационной функции, сложные предложения играют важную роль в решении экспрессивно-стилистических задач (т. е. в создании различных фигур речи). Вяземский выстраивает целую группу экспрессивно-стилистических фигур на базе сложных предложений.

1) Антитеза.

Вяземский, стремясь к противопоставлению двух явлений в пределах стихотворного текста, формирует данное столкновение в виде сложного предложения (причем используя конструкции как с подчинением, так и с сочинением), а также с помощью осложненных предложений. Актуальность полипредикативных конструкций в этом случае можно считать знаковой для творчества автора, так как именно с их помощью поэт противопоставляет наиболее значимые для себя компоненты: вчера-сегодня, жизнь-смерть, день-ночь (более подробно данный аспект рассмотрен в [Лебедев 2014]).

Сегодня второе издание

Того, что прочел я вчера [Вяземский 1986: 383]

*Жизнь так противна мне, я так страдал и стражду,
Что страшно вновь иметь за гробом жизнь в виду;
Покоя твоего, ничтожество! я жажду:
От смерти только смерти жду.* [Вяземский 1986: 402]

*«Зачем вы, дни?» – сказал поэт.
А я спрошу: «Зачем вы, ночи?»* [Вяземский 1986: 377]

Последний пример – заочный диалог с Е. А. Баратынским и аллюзия на строку из его стихотворения «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...» [Баратынский 1936: 218], написанного в сороковые годы XIX века. Вяземский спустя несколько десятилетий откликается на эти строки, но в уже совершенно ином контексте борьбы с бессонницей, которую он испытывал в поздние годы.

2) Асидентон (в том числе и в комбинации с анафорой).

Бессоюзиe – стилистическая фигура, особенно характерная для творчества Вяземского в тридцатые годы XIX века. Отсутствие союзов позволяло придать стихотворениям поэта дополнительную динамичность и стремительность, обеспечив более быструю смену действий и демонстрируемых картин:

*Колокольчик однозвучный,
Крик протяжный ямщика,
Зимней стети сумрак скучный,
Саван неба, облака!* [Вяземский 1986: 225]

В ряде случаев асидентон в творчестве поэта может комбинироваться с анафорой:

*В сих голосах мелодии пустыни;
Я слушал их, заслушивался их,
Я трепетал, как пред лицом святыни,
Я полон был созвучий, но немых* [Вяземский 1986: 227]

Повтор местоимения первого лица единственного числа в начале строки в комбинации с бессоюзием обеспечивает выдвижение лирического субъекта стихотворения на передний план, сосредоточивая все читательское внимание на его переживаниях и устремлениях.

3) Синтаксический параллелизм

Спектр задач, решаемых Вяземским при помощи данной стилистической фигуры, весьма многообразен: это и версификационные, и ритмико-синтаксические, и собственно стилистические вопросы.

В частности, синтаксический параллелизм находит яркое воплощение в эпиграммах Вяземского:

*Картузов – сенатор,
Картузов – куратор,
Картузов – поэт. <...>
Худой он сенатор,
Худой он куратор,
Худой он поэт. [Вяземский 1986: 66]*

*Что комик наш Гашипар плач Юнга подорвал,
Что трагик наш Гашипар Скэррона побеждал [Вяземский 1986: 90]*

Однако в некоторых случаях синтаксический параллелизм обусловлен не столько стилистикой, сколько стремлением к выстраиванию единой ритмомелодической организации стиха:

*Но воздух тмится паром,
И солнце пышет жаром [Вяземский 1986: 84]*

*И черным пламенем горела
Очей пылающая ночь;
И южным зноем, пламенела
Младая северная дочь. [Вяземский 1986: 252]*

При этом фигура синтаксического параллелизма может комбинироваться с другими, в том числе с анафорой и с хиазмом.

4) Иные экспрессивно-стилистические фигуры

Нижеследующие примеры экспрессивно-стилистических фигур носят единичный характер, однако при этом значимую роль в их конструировании играет полипредикативная структура. К их числу следует отнести:

4А) Хиазм

*В любви его роптала злора
А в злобе теплилась любовь [Вяземский 1986: 398]*

*И дни мои чернее ночи
И ночь моя чернее дня [Вяземский 1986: 375]*

*Поглядишь! Хандра всё любит,
А любовь всегда хандрит. [Вяземский 1986: 236]*

4Б) Полиптит

Я пережил и многое, и многих,

И многому изведal цену я [Вяземский 1986: 260]

4В) Алогизм

На нелогичности повествования, выраженной в полипредиактивных структурах, строится целое стихотворение поэта «Обжорство». Как отмечает Ю. М. Лотман, комментируя данное стихотворение, «бессмыслица же его состоит в несогласуемости частей, в том, что каждый элемент не предсказывает, а опровергает последующий и каждая пара не образует ряда с определенной инерцией» [Лотман 1996: 128–129]. Такое опровержение идет вразрез с собственно синтаксической структурой стихотворения, построенного с использованием сложных предложений. При этом мораль из финала произведения, традиционная для басни, не менее бессмысленна, чем основная часть стихотворения:

Здесь в притче кроется толикий узл на вкус:

Что госпожа ослица,

Хоть с лаю надорвись, не будет ввек лисица [Вяземский 1986: 90]

Таким образом, выделяя особенности поэтического синтаксиса П. А. Вяземского и определяя структуру и роль экспрессивно-стилистических фигур в его творчестве, нельзя не отметить важность сложных предложений в построении данного элемента поэтического текста, а также в целом в формировании особой, более «рациональной», коммуникации с читателем стихотворного текста.

Литература

1. *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1936. – Т. 1. – 464 с.
2. *Вяземский П. А.* Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1986. – 586 с.
3. *Лебедев А. А.* Антитеза в поэтическом творчестве П. А. Вяземского // Вестник КГУ. – 2014. – № 4. – С. 137–139.
4. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. – СПб., 1996. – 272 с.

Автор:

Лебедев Александр Александрович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск, Россия; e-mail: perevodchik88@yandex.ru

Author:

Lebedev Aleksandr A. – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Russian Language Department, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia; e-mail: perevodchik88@yandex.ru

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИЕМА СТИЛИЗАЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. В статье рассматриваются собственные речевые акты в произведениях женской прозы. Автор анализирует индивидуальные авторские приемы, используемые российскими писательницами с точки зрения семантического и прагматического аспекта. Особое внимание уделяется анализу употребления речевых элементов с целью стилизации в творчестве писательниц.

Ключевые слова: семантический и прагматический аспект, стилизация, женская проза, авторский прием.

Li Mengyi

SEMANTIC AND PRAGMATIC ASPECT OF THE STYLIZATION TECHNIQUE IN WORKS OF WOMEN'S PROSE

Annotation. The article deals with their own speech acts in the works of women's prose. The author analyzes the individual author's techniques used by Russian writers from the point of view of semantic and pragmatic aspects. Special attention is paid to the fact that the analysis of the characteristics of the use of speech manners in creativity for stylization.

Keywords: semantic and pragmatic aspect, stylization, women's prose, author's technique.

Изучение женской прозы уже давно привлекает внимание ученых-филологов, социологов и историков. Интерес к женской прозе не случаен: в России конца XX – начала XXI вв. в литературе активно появляются женщины-писательницы, и их творчество занимает особую нишу, становится все более популярным. «Женская проза» игнорирует такую особенность массовой литературы, как нивелирование авторской точки зрения – она подчеркнута индивидуальна, передает неповторимость языковой личности автора. Для того, чтобы детально исследовать индивидуальные авторские приемы в женской прозе, следует рассмотреть изобразительные средства речи с точки зрения семантического и прагматического аспекта.

Семантика является разделом семиотики, исследующей отношение языковых выражений к выражаемому содержанию. Семантика – 1) Значение, смысл (слова, оборота речи, грамматической формы). 2) Раздел языкознания, изучающий значения языковых единиц и изменения этих значений [Кузнецов 2004: 733]. А прагматика рассматривает языковые явления с

учетом факторов, лежащих вне языка, и изучает такие вопросы, как цели высказывания, речевые тактики, значение высказывания, воздействие высказывания на адресата, формы речевого общения, отношения между участниками коммуникации и т. п. Прагматический аспект представляет собой закрепленное в языковой практике отношение говорящего к действительности, содержанию сообщения, адресату.

В произведениях женской прозы часто используется глагольная лексика с модально-эмоциональным значением. Эти глаголы выражают не только само действие, а отношение к нему, целевую установку, соответствие высказывания действительности. Часто встречается употребление модальных слов через сниженную лексику вместо нейтрального слова. Например: *“Я примчалась на грохот, увидела останки боевого товарища и пронзительно закричала, как певцы **распеваются**: на «а-а-а-а»”* [Рубина 2010: 5]. По свидетельству словаря, глагол распеваться, -аюсь, -аешься. (разг.): начав петь, увлечься. Пропев некоторое время, начать петь хорошо [Словарь Ожегова 2017: 630]. Через это описание мы легко увидим экспрессивный жест персонажа. Здесь глагол в разговорном стиле помогает создать выразительность повествования лучше, чем нейтральный глагол петь. *“– Подарить старьевщиками?! – **ахнула** я. – Там внутри все мои книги!!!”* [Рубина 2010: 6]. **Ахнуть**, -ну, -нешь; сов. (разг.). Выражать чувства (удивления, досады, сожаления), восклицая “ах!” [Словарь 2017: 22]. Героиня уже сердилась на мужа, потому что она высоко оценила этот компьютер, но муж, наверное, не понял ее. Поэтому она не только крикнула, а ахнула, чтобы экспрессивно-эмоционально выразить свою досаду. *“Он помолчал, **похмыкал**.”* [Рубина 2010: 43]. **Похмыкать**, -аю, -аешь; сов. (разг.). произносить “хм” в знак выражения недоумения, иронии, недоверия и других подобных чувств [Словарь 2017: 584]. Здесь глагол похмыкать точно и экспрессивно описал психическое состояние героя: сомнение. Стоит отметить, что в произведениях Людмилы Улицкой часто используются различные стили, чтобы выразить разные характеры и особенности для сравнения персонажей. Например, в рассказе «Бедные родственники» используются разговорные или просторечные глаголы в разговорном стиле для описания действия и состояния Аси, но нейтральные глаголы употребляются для описания Анны. Такое яркое сравнение читатели легко понимают и чувствуют разницу между нормальными людьми и людьми со слабоумием. Когда автор описывает улыбку: *“Анна Марковна **засмеялась**...”*, *“...целуя Анечкину полную щеку и не переставая **хихикать**, избыточно и фальшиво говорила Ася...”* [Улицкая 2018: 23]. Засмеяться просто обозначает начать смеяться, а **хихикать** (разг.) обозначает смеяться тихо или исподтишка, со злорадством. Надо обратить внимание на глагол **хихикать**, так как этот глагол и его однокоренные образования не один раз появляются в тексте для описания улыбки героини: *“...потому что по дурацкому **хихиканью** за дверью, да и по календарю, Анна Марковна должна была знать, что пришла Ася.”*; *“...а*

на губы была всегда натянута зачаточная улыбка, – готовая немедленно исчезнуть или рассыпаться искательным хихиканьем.”; “Говорят, попивает. – При этих словах Ася довольно уместно захихикала, а Анна Марковна продолжала” [Улицкая 2018: 26]. Очевидно, что у Аси такая особенность – часто хихикать без смысла. Писательница создавала образ героине именно этой деталью. В своих произведениях писательницы нередко употребляют глаголы со значением эмоционального отношения и оценки, выражаемых посредством разговорной речи и просторечия, т. е. эмоциональные варианты. “Поэтому надо сделать неприятное лицо, злое лицо; откроют дверь – мрачно буркнуть: телеграмма!” [Толстая 2018: 9]. **Буркнуть**, просторечие, бормотать, говорить ворчливо и невнятно [Словарь 2017: 60]. Глагол буркнуть ярко отражает отношение к делу или предмету неприятно и без внимания. Кроме того, этот глагол также выражает мгновение действия, обычно глаголы с «-ну» имеют такое лексическое значение.

Еще стоит отметить, что в произведениях женской прозы часто употребляются идиомы, т. е. обиходные выражения, и фразеологические выражения, которые функционируют здесь не только в своих основных лексических значениях, но и в образных, возникающих при переносном употреблении. “Это наш характер, **не дай бог накликасть беду**.” [Петрушевская 2017: 301]. Не дай бог, разг., экспрес. 1. Выражение, дающие отрицательную характеристику кому-либо или чему-либо (очень плохой, суровый и т. п.). 2. Выражение описания, неодобрения чего-либо [Словарь 2017: 46]. “Накликать беду” имеет тот смысл, что своими необдуманно речами мы может её позвать. Вспомните, ведь в доброе старое время весь окружающий мир считался одушевлённым, и всякие черти, всякое лихо считались реально существующими субъектами, которые ведь могли и откликнуться, если их ненароком позвать... “Недаром раз в год, чтобы ты не забывался, сама река легко и гневно выходит из берегов и **показывает тебе кузькину мать**.” [Толстая 2018: 30]. «Показать кузькину мать» шутливо-ироничное выражение, означающее «пригрозить кому-либо наказанием, расправой». Образное употребление таких выражений характерно разговорно-просторечному стилю, поэтому и в художественном тексте используется писательницей для создания национального колорита русского языка.

В произведениях женской прозы довольно частотны выражения со значением побуждения, выраженные посредством сослагательного наклонения. Например: “**Как бы мы жили, если бы этого дня не было! Как справились бы с жизнью, с ее оглушительным и жестоким ревом, с этим валом смысла, понять который мы все равно не успеваем...**” [Толстая 2018: 71]. Здесь глаголы в форме сослагательного наклонения используются для выражения побуждения, одновременно приносят эстетическую окраску.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что в произведениях женской прозы для выражения эмоций и авторского отношения при описании сюжетной линии широко

употребляется лексика низкого стиля (разговорные и просторечные по стилистической окраске лексемы), которая имеет экспрессивно-эмоциональную стилистическую окраску. Писательницы довольно часто используют слова с выражением характера речевой экспрессии и слова с модально-эмоциональным значением, язык в произведениях представительниц женской прозы за счет этого воспринимается как живой, искристый, образный, заставляет воображение создавать красочные картины.

Литература

1. *Арбатова М.* Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма. – М.: Наука. – 1995. – № 3. – С. 27.
2. *Виноградов В. В.* Современный русский язык. Морфология. – М.: Просвещение. 1952. – 349 с.
3. *Кузнецов С. А.* Современный толковый словарь русского языка. – М.: Ридерз Дайджест, 2004 – 960 с.
4. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ. 2015. – 736 с.
5. *Петрушевская Л.* Никому не нужна. Свободна: сборник – М.: Издательство «Э», 2018. – 320 с.
6. *Рубина Д.* Больно только когда смеюсь. – М.: Эксмо, 2010. – 384 с.
7. *Толстая Т. Н.* День: Личное. – М.: Подкова. 2003. – 416 с.
8. *Улицкая Л.* Бедные родственники: [рассказы]. – М.: АСТ, 2018. – 221 с.

Автор:

Ли Мэни – аспирант кафедры русского языка как иностранного Казанского (При-волжского) федерального университета, г. Казань, Россия; e-mail: limengyi8888@163.com

Author:

Li Mengyi – postgraduate student of the Department of Russian as a Foreign Language at Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; e-mail: limengyi8888@163.com

ЦЕННОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ КИНОДИАЛОГЕ

Аннотация. В статье рассматривается термин «кинодиалог» и его соотношение с понятием сцены. На примере диалога из художественного кинофильма «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» анализируется ценностная трансформация, которая определяет границы сцены и кинодиалога как её составляющей.

Ключевые слова: кинодиалог, сцена, ценностная трансформация, конфликтная коммуникация, речевая агрессия.

V. N. Liubiteleva

VALUE TRANSFORMATION IN THE ENGLISH FILM DIALOGUE

Abstract. The article considers the term «film dialogue» in its connection to the notion of scene. Based on the dialogue from the fictional film «Three Billboards Outside Ebbing, Missouri» we analyze the value transformation that defines the ending point of the scene and of the film dialogue as its part.

Keywords: film dialogue, scene, value transformation, conflict communication, verbal aggression.

Кинематограф анализируется в контексте различных гуманитарных областей, в том числе в области лингвистики. Многие современные исследователи всё чаще обращаются к анализу кинематографических произведений с лингвистической точки зрения, т. е. исследуют их языковую составляющую, которая главным образом реализуется в кинодиалоге.

Некоторые лингвисты отождествляют кинодиалог с лингвистической системой кинофильма, в которую входят не только реплики киногероев, но и текстовые данные вторичного порядка, например, субтитры, тексты саундтреков и т. д. [Муха 2011: 230]. Другие определяют кинодиалог как «все разговорные линии фильма», таким образом, не включая метатекст в кинодиалог [Колодина 2013: 328]. Тем не менее обе точки зрения представляют кинодиалог в относительно широком смысле, так как включают в него большие текстовые фрагменты. Будет, однако, целесообразно отметить, что представляется возможным рассматривать кинодиалог и в более узком смысле – как вербальное наполнение отдельного кинофрагмента, т. е. языковой уровень конкретной сцены, в связи с чем необходимо определить границы сцены в кинопроизведении, а также её соотношение с кинодиалогом.

Ведущий теоретик кино С. Филд выделяет сцены, принципиальной задачей которых является продвижение вперёд истории [Field 2005: 162]. Р. Макки, другой американский специалист в области сценаристики, равным образом отмечает развитие сюжета как важную функцию многих сцен, которые он определяет как события, протекающие в относительно непрерывном пространстве и времени, главным критерием которых является наличие определённой ценности в жизни персонажа в данном пространстве и времени [Макки 2008: 43]. Из этого следует, что сцена такого типа заканчивается, а другая начинается тогда, когда ценность меняется, и эта перемена не может не затрагивать кинодиалог как вербальную составляющую сцены.

Ниже представлен кинодиалог, взятый из полнометражного художественного кинофильма Мартина Макдонаха 2017 года «Три билборда на границе Эббинга, Миссури» британско-американского производства, и его перевод на русский язык. Диалог начинается с 29-й минуты фильма: главная героиня Милдред находится в полицейском участке после нападения на дантиста. Её допрашивает больной раком шериф Уиллоуби, с которым Милдред находится в непростых взаимоотношениях, что связано с размещёнными ею в городе тремя билбордами, обвиняющими шерифа в бездействии в отношении дела об изнасиловании и убийстве дочери Милдред.

Оригинал на английском:

WILLOUGHBY: Why'd you drill a hole through poor fat Geoffrey's thumbnail?

MILDRED: That did not happen. His hand slipped. He drilled a hole through his own self. Did he say I did it? Oh. I guess it's his word against mine, then, huh? Kinda like in all those rape cases you hear about. Except, this time, the chick ain't losing.

WILLOUGHBY: It ain't really about winning or losing, though, is it, Mildred? You think I care about who wins or loses between the two of you? You think I care about dentists? I don't care about dentists. Nobody cares about dentists! What I do care about, or what I'm interested in, is tying you up in court so long that your hours at the gift shop be so shot to shit

Перевод на русский:

УИЛЛОУБИ: Зачем ты просверлила дырку в большом пальце бедного жирного Джеффри?

МИЛДРЕД: Такого не было. Его рука соскользнула. Он сам просверлил в себе дырку. Он сказал, что я это сделала? Ох. Тогда, видимо, его слово против моего, да? Прямо как во всех этих делах об изнасилованиях, о которых все болтают. Только вот в этот раз девчонка не проиграет.

УИЛЛОУБИ: Вообще-то дело ведь не в победе или поражении, правда, Милдред? Ты же не думаешь, что мне есть дело до того, кто из вас двоих выигрывает, а кто проигрывает? Думаешь, я волнуюсь за дантистов? Меня не волнуют дантисты. Никого не волнуют дантисты! Что меня волнует, или в чём я заинтересован, так это в том, чтобы так долго таскать

that you ain't gonna have a penny to pay for another month's billboards. That's what I'm interested in.

MILDRED: I got some dough put away.

WILLOUGHBY: But what I heard was you had to sell off your ex-husband's tractor-trailer to even pay for this month's billboards, that right? How is old Charlie, by the way? He still shackled up with that pretty little intern works down at the zoo?

MILDRED: He's still shackled up with some chick smells of shit. I don't know if the zoo's got anything to do with it. Although I'd hope so.

WILLOUGHBY: How old is she? Nineteen? That must smart.

MILDRED: Keep trying. Keep trying.

WILLOUGHBY: What's Charlie think about these here billboards of yours, an ex-cop like Charlie?

MILDRED: Ex-cop, ex-wife-beater. Same difference, I guess, right?

WILLOUGHBY: His word against yours, though, right? Charlie don't know about them, does he?

MILDRED: It's none of his business.

WILLOUGHBY: He's kinda paying for 'em, though, ain't he?

MILDRED: I'm paying for 'em.

WILLOUGHBY: This month you are. How about when... [COUGHS UP BLOOD IN MILDRED'S FACE] I didn't mean to...

MILDRED: I know.

WILLOUGHBY: It was an accident...

MILDRED: I know, baby.

WILLOUGHBY: It's blood.

тебя по судам, пока на твою сувенирную лавку у тебя ни черта не останется времени и у тебя не будет ни единого пенни, чтобы заплатить за билборды в следующем месяце.

МИЛДРЕД: У меня немного отложено.

УИЛЛОУБИ: А я слышал, что тебе пришлось продать тягач бывшего мужа, чтобы заплатить за билборды хотя бы в этом месяце, не так ли? Кстати, как поживает старина Чарли? Так и возится с той хорошенькой молоденькой стажёркой из зоопарка?

МИЛДРЕД: Так и возится с какой-то девкой, от которой воняет дерьмом. Не знаю, связано ли это с зоопарком. Хотя надеюсь, что да.

УИЛЛОУБИ: Сколько ей? Девятнадцать? Должно быть, умная.

МИЛДРЕД: Продолжай попытки. Продолжай.

УИЛЛОУБИ: А что Чарли думает про эти твои билборды? Он всё-таки бывший коп.

МИЛДРЕД: Бывший коп, бывший избиватель жены. Как по мне, никакой разницы, правда?

УИЛЛОУБИ: Так ведь его слово против твоего, правда? Чарли же не знает о них, да?

МИЛДРЕД: Это не его дело.

УИЛЛОУБИ: Но он, вроде как, за них платит, разве нет?

МИЛДРЕД: Я за них плачу.

УИЛЛОУБИ: В этом месяце — ты. А как насчёт... [КАШЛЯЕТ КРОВЬЮ В ЛИЦО МИЛДРЕД] Я не хотел...

МИЛДРЕД: Я понимаю.

УИЛЛОУБИ: Это произошло случайно...

МИЛДРЕД: Я понимаю, милый.

MILDRED: I know. I'll go get somebody.

УИЛЛОУБИ: Это кровь.

МИЛДРЕД: Я понимаю. Пойду позову кого-нибудь.

В данном кинодиалоге наблюдаются два значимых события: задержание главной героини Милдред по подозрению в нападении на дантиста и значительное ухудшение состояния здоровья шерифа Уиллоуби. Принципиальная часть диалога представляет собой взаимную речевую агрессию, реализующуюся персонажами по отношению друг к другу в контексте конфликтной коммуникации. Прежде всего, на языковом уровне объективируется негативное отношение Милдред к полиции и к шерифу как её непосредственному представителю. Дискредитирующие тактики реализуются посредством применения ею таких сравнительных структур как «kinda like» и «same difference». Адвербиальная группа в неформальном речевом стиле «kinda like» используется в целях проведения аналогии между ситуацией, в которой оказалась Милдред, и многочисленными делами об изнасиловании («all those rape cases»). В данном высказывании наряду с очернением также актуализируется интенция упрека со стороны Милдред в отношении шерифа Уиллоуби, обусловленная произошедшим между ними ранее конфликтом, – при помощи прилагательного «all» подчёркивается большое количество нераскрытых полицией дел.

В высказывании Милдред «except, this time, the chick ain't losing» (*только вот в этот раз девчонка не проигрывает*) используется союз «except», а также определяющая лексема «this» в составе адвербиального модификатора времени, для того чтобы подчеркнуть несогласие Милдред с настоящим положением дел и её намерение (актуализирующееся в том числе в использовании глагола в форме Continuous для описания запланированного действия в будущем) внести в него изменения. Так, целью Милдред является дискредитирование шерифа не только как служителя закона, не исполняющего свои обязанности должным образом, но и как представителя мужского пола, которого она косвенно обвиняет в негативном отношении к женщинам. Это подтверждается ещё в одном высказывании: «ex-cop, ex-wife-beater... same difference» (*бывший коп, бывший избиватель жены... никакой разницы*), в котором используется указанный выше сравнительный элемент «same difference», и таким образом полицейские, по мнению Милдред, приравниваются к избивателям жён.

Шериф Уиллоуби также прибегает к речевой агрессии, применяя тактику издёвки и оскорбления при перечислении положительных качеств девушки бывшего мужа Милдред, а именно используя прилагательные с семантикой положительной оценки «little» и «pretty», а также указывая на её возраст: «how old is she? nineteen?» (*сколько ей? девятнадцать?*). В данном контексте упоминание её юного возраста в вопросительной форме не обусловлено никакой другой мотивацией, кроме желания спровоцировать

Милдред на ответную реакцию. Милдред в подтверждение успешной реализации провокации шерифа реагирует на издёвки, во-первых, прибегая к обценным лексемам с целью оскорбления девушки её бывшего мужа: «some chick smells of shit» (*какая-то девка, от которой воняет дерьмом*). Она использует прилагательное «some» и обобщённое неопределённое существительное «chick», тем самым обезличивая данного персонажа. Кроме того, Милдред не скрывает того, что ей понятна мотивация Уиллоуби, когда дважды использует выражение «keep trying» (*продолжай попытки*). Уиллоуби также не скрывает свои намерения, откровенно передразнивая Милдред, повторяя её собственные слова, но уже в выгодном для него контексте: «his word against yours, though, right?» (*так ведь его слово против твоего, правда?*).

Кроме того, Уиллоуби использует высказывания, выступающие в функции угрозы: «what I'm interested in is tying you up in court so long that your hours at the gift shop be so shot to shit that you ain't gonna have a penny» (*в чём я заинтересован, так это в том, чтобы так долго таскать тебя по судам, пока на твою сувенирную лавку у тебя ни черта не останется времени и у тебя не будет ни единого пенни*). Угроза затаскать Милдред по судам имеет нарастающий эффект за счёт использования обценного выражения «shot to shit» с семантикой плохого состояния и усилительного наречия «so», а также усилительного наречия «so» рядом с прилагательным «long», которое имеет негативную коннотацию в данных обстоятельствах (в отношении судебного процесса).

Таким образом, конфликтная коммуникация продолжается практически на протяжении всего кинодиалога, пока в его заключительной части не происходит внезапная смена ценности, о которой говорилось ранее. Когда ухудшается самочувствие Уиллоуби, он перестаёт придерживаться тактик оскорбления и угрозы: они сменяются тактикой оправдания, в частности в таких выражениях, как «I didn't mean to» (*я не хотел*), «it was an accident» (*это произошло случайно*). Агрессия Милдред, в свою очередь, сменяется сочувствием, объективирующимся в неоднократном лексическом повторе «I know» (*я понимаю*), и готовностью помочь шерифу Уиллоуби: «I'll go get somebody» (*пойду позову кого-нибудь*). Кроме того, она использует лексему «baby» с положительно окрашенной эмоциональной характеристикой, когда обращается к нему. Таким образом, негативные ценности агрессии, оскорбления, упрёка и т. д. трансформируются в ценности оправдания со стороны шерифа Уиллоуби и сострадания со стороны Милдред.

Настоящий кинодиалог не является единственным примером. Подобные переходы на уровне ценности встречаются также в следующих кинодиалогах: Бриджит Джонс и Марк Дарси с 76-й минуты кинофильма «Бриджит Джонс: Грани разумного», 2004 – ценность надежды сменяется разочарованием; Джокер и Харви Дент со 107-й минуты в фильме «Тёмный рыцарь», 2008 – презрение превращается в единогласие и одобрение; Фрэнк Касл и

Дэвид Либерман с 27-й минуты 8-й серии 1-го сезона сериала «Каратель», 2017 – ценность дружбы и благорасположения переходит в разногласие, конфликт; Дэвид Бадд и Джулия Монтегю с 31-й минуты 1-й серии сериала «Телохранитель», 2018 – переключение с раздражения и недовольства на симпатию.

Краткий анализ нескольких кинодиалогов показывает, что те диалоги, которые особенно значимы в контексте кинематографического повествования, т. е. являются важными элементами развития сюжетной линии, характеризуются некой сменой заряда, которая превращает позитивную ценность в негативную или наоборот – негативную в позитивную. Подобные кинодиалоги встречаются в каждом художественном кинопроизведении, и перечисленные фрагменты являются лишь незначительным числом примеров такой ценностной трансформации.

Литература

1. *Колодина Е. А.* Статус кинодиалога в ряду соположенных понятий: кинодиалог, кинотекст, кинодискурс. – Нижний Новгород: Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – №2 (1). – С. 327–333.
2. *Макки Р.* История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только / Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2008. – 456 с.
3. *Муха И. П.* Статус кинодиалога в функционально-лингвистической типологии текстов // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы шестой межд. научно-практической конф. – Самара, 2011. – С. 228–232.
4. *Field S.* Screenplay: The Foundations of Screenwriting. – New York: Delta. – 2005. – 320 p.

Автор:

Любители Викторья Николаевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vik.liubiteleva@gmail.com

Author:

Liubiteleva Viktoriia N. – postgraduate of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: vik.liubiteleva@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭССЕ ИЗ СБОРНИКА «ЗЯЛЁНЫ ЛІСТОК НА ПЛАНЕЦЕ ЗЯМЛЯ» ЯНКИ СИПАКОВА

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей синтаксического строя эссе, составляющих книгу «Зялёны лісток на планеце Зямля» белорусского писателя Янки Сипакова. Синтаксис эссе исследуется с учётом жанровой специфики текстов и в связи со стилистическими функциями языковых структур. Выявлены наиболее частотные синтаксические единицы экспрессивизации авторской речи, определены их функции.

Ключевые слова: эссе, жанровый синтаксис, экспрессивный синтаксис, риторические фигуры, средства ритмизации речи, разговорный синтаксис.

O. V. Rusak

SYNTACTIC FEATURES AN ESSAY FROM THE BOOK «GREEN LEAF ON THE PLANET EARTH» BY YANKA SIPAKOV

Abstract. The article is devoted to the description of the syntactic structure of the essays that make up the book «Green leaf on the planet Earth» by the Belarusian writer Yanka Sipakov. The syntax of the essay is studied taking into account the genre specificity of the texts and in connection with the stylistic functions of the language structures. The most frequent syntactic units of expressivization of the author's speech are identified, and their functions are determined.

Keywords: essay, genre syntax, expressive syntax, rhetorical figures, means of speech rhythmization, colloquial syntax.

Эссе занимает особое место в системе жанров. Учёные отмечают его изменчивость, эластичность, подвижность границ, отсутствие формальной структуры, жёсткой композиционной модели, синкретический тип отражения действительности [Константинова 1991]. К концу XX века форма эссе, имеющая богатейшие традиции, заняла видное место в литературе, публицистике, философии. Так, исследователь Н. Б. Руженцева отметила, что «эссеизм в настоящее время активно проникает в учебную литературу, в сочинения естествоиспытателей, в труды об истории и культуре, в произведения писателей, посвященные вопросам современной науки» [Руженцева 2001: 10]. Эссеизация, по наблюдениям учёных, выступает и как один из главных векторов развития медийного дискурса [Глазко 2015; Степанова 2016]. Именно поэтому эссе нуждается в многоаспектном лингвистическом и литературоведческом осмыслении каждой своей разновидности.

Данная работа посвящена анализу синтаксических особенностей эссе, вошедших в книгу «Зялёны лісток на планеце Зямля» белорусского автора Янки Сипакова. Выбор такого предмета изучения обусловлен тем, что исследование жанрового синтаксиса имеет принципиальное значение, поскольку во многом именно на синтаксическом уровне формируется жанровая специфика и коммуникативная прагматика.

На протяжении творческого пути Янка Сипаков написал более полусотни произведений в жанре эссе. 30 из них посвящены описанию жизни Беларуси и белорусов. Изначально этими эссе открывались иностранные номера журнала «Беларусь», позже эссе составили книгу «Зялёны лісток на планеце Зямля». Здесь основательный, но довольно эмоциональный рассказ о месте Беларуси на планете, о белорусской земле, языке, культуре и литературе, флоре и фауне, городах и местечках и т. д. В аннотации к книге подчёркивается её специфический характер: «Это не лирика, но вся книга пронизана чувством, лиричностью, умилением, любовью к тому, о чём рассказывается» [Сіпакоў 2006: 4]. Характер книги подтверждает выводы, сделанные профессором Т. М. Степановой о том, что «особым объектом изображения в жанре эссе становится человек в его отношении к миру культуры во всех ее многообразных проявлениях. Ядро жанра – в столкновении, встрече индивидуального сознания автора (позже иногда вымышленного автора) с тем или иным явлением культуры, преломление этого явления в сознании отдельного человека, выяснение того, что оно значит для его индивидуальной жизни» [Степанова 2016: 44].

Эссе Янки Сипакова полистилистичны, т. е. сочетают в рамках одного текста элементы научного, публицистического, художественного и разговорного стилей. Научная точность обеспечивается обращением к фактологическому материалу с цифрами, ссылками на использованные источники, цитатным повествованием. Художественно-публицистический и разговорный характер, прежде всего, проявляется в эмоциональных рассуждениях, оценочных описаниях, открытости личности эссеиста.

В эссе Янки Сипакова существенна сама позиция автора, которая тем или иным образом повествовательно маркируется. Установка на ярко выраженную воздействующую функцию текста проявляется в повышенной частотности структур экспрессивного синтаксиса.

Наиболее выражена экспрессивность в **риторических восклицаниях**. В этих конструкциях прослеживаются несколько функций. Во-первых, они выражают разнообразные оттенки эмоций автора:

– восхищение: *А колькі выдатных слоўнікаў роднай мовы выйшла ў апошні час!* («Наша мова»); *Аднак Беларусь – гэта яшчэ і краіна валуноў. Колькі іх, розных па форме і па памеры, параскідана на нашай зямлі!* («Нашы камяні»); *А якія мы маем песні пра каханне!* («Нашы песні»);

– гордость: *Аднак бязлесных раёнаў на Беларусі няма!* («Нашы лясы»); *А колькі замкаў і палацаў, дыхтоўных і прыгожых, пабудавалі мы з гэтых*

камянеў! («Нашы камяні»); А да канца 1519 года Скарына выдаў яшчэ 22 кнігі Старога Запавета. Дваццаць тры кнігі! («Нашы кнігі»);

– уверенность: *Значыць, і мы, і наш смех нязводныя! Значыць, перад намі і новыя стагоддзі, і новыя тысячагоддзі!* («З чаго мы смяемся»);

– горечь и печаль: *Кожны чацвёрты беларус жыве сёння па-за межамі роднай краіны. А колькі загінула і ляжыць у чужых землях!* («Нашы людзі»); *А колькі ж стагоддзяў павінна была б маўчаць Беларусь, каб ушанаваць хвілінаю маўчання ўсіх сваіх дарагіх дзяцей, што загінулі ва ўсіх яе і не яе войнах!* («Нашы войны»).

Во-вторых, при помощи риторических восклицаний автор апеллирует к чувствам читателей: *Ён [Лідскі замак – О.Р.] быў збудаваны пасярод балота, на насыпным пагорку – бачыце, для яго нават гару зрабілі!* («Нашы замкі»); *Вядома, і ў нас, як на іншы погляд, ёсць шмат недахопаў. А назавіце мне хоць адзін народ, у якога тых недахопаў няма!; Якія ж мы, сябры, багатыя!* («Нашы людзі»).

Особенность книги «Зялёны лісток на планеце Зямля» – диалогичность, ориентация на будущего читателя. Целям установления тесного контакта с читателями служат вопросно-ответные комплексы (псевдиалоги). Специфика **вопросно-ответного комплекса** заключается в том, что отвечает на вопросы сам автор, хотя вопрос как бы задаётся от лица читателя, т. е. в нём предвидится вопрос читателя: *У чым галоўныя асаблівасці нашай мовы? Аканне і яканне. Дзеканне і цеканне. Цвёрдыя губныя і «р». Замена ў пэўных выпадках «в» і «л» на «ў»* («Наша мова»); *Дык якія ж у нас рэкі, якія азёры самыя прыгожыя? Самыя прыгожыя, кажашце? Ніякія! Няма ў нас такіх! Бо ўсе нашы рэкі і ўсе нашы азёры – самыя прыгожыя!* («Наша вада»); *Якія ж яны былі, нашы першыя металічны грошы? А такія, як, да прыкладу, і ў Старажытным Рыме* («Нашы грошы»); *Вы думаеце мы ядзім капусту, моркву, памідоры, агуркі, мяса, хлеб? Не! Мы ядзім мінеральныя рэчывы* («Што мы ядзім»); *Што такое народная песня? Гэта не толькі словы. Гэта яшчэ абавязкова гармонік, дуда, бубен* («Нашы песні»). Псевдиалоги выполняют функцию привлечения внимания читателя к сообщению, активизируют мыслительную деятельность реципиента.

Для выражения внутреннего состояния автора, его эмоций и оценок, а также для облегчения восприятия информации в книге «Зялёны лісток на планеце Зямля» активно используются **средства ритмизации речи**. К наиболее распространённым средствам создания ритма относятся синтаксические фигуры, основанные на разного рода повторах.

Действенным и эффективным источником ритма является **синтаксический параллелизм** – фигура, основанная на структурной «общности конструкций, не связанных лексической тождественностью» [Кожин 1980: 57]: *Напіўся святой вады – і ўжо нічога не баліць. Напіўся са святой крыніцы – і ты ўжо здаровы* («Наша вада»); *Ёсць дымок – значыць, у новай хаце з’явілася душа: печка. Ёсць печка – значыць, у новай хаце пасялілася жыццё*

(«*Нашы хаты*»); *Згублены крыж – гэта наша надзея. Знойдзены – гэта наша святыня («Нашы святыні і сімвалы»).*

Показательно, что во многих случаях синтаксический параллелизм сочетается с другими фигурами, основанными на повторе слов:

– **анафорой** (повтором слов или сочетаний в начале высказываний / предикативных частей сложного предложения): *Як толькі не называюць у свеце нашу родную Беларусь! Яна і краіны лясоў і балот, яна і краіна старажытных замкаў і палацаў, яна і краіна бульбы, ільну-даўгунцу, васількоў («Нашы камяні»); А нашы калыханкі: «Люлі, люлі, усе паснулі!» А нашы дзявочыя песні: «А мае чары напаятове – белае лічанька, чорныя бровы!» А нашы гістарычныя песні: «Ой у нядзельку параненьку ўзышло сонейка хмарненька, узышло сонейка над борам, па-над Селецкім таборам!» («Нашы песні»); **Беларуская кніга – гэта сотні тысяч выданняў і мільёны экзэмпляраў <...>. Беларуская кніга – гэта і «Песня пра зубра» Міколы Гусоўскага <...>. Беларуская кніга – гэта і «Прамова Мялешкі» <...>. Беларуская кніга – гэта і зборнікі вершаў Сімяона Полацкага <...>. Беларуская кніга – гэта і «Слуцкі пояс» Анатоля Астрэйкі («Нашы кнігі»); **Зялёным лістком** мы доўгі час былі ў Савецкім Саюзе. **Зялёным лістком** мы мужна змагаліся з фашызмам. **Зялёным лістком** удзельнічалі ў стварэнні арганізацыі Аб'яднаных Нацый («Нашы межы і наша дзяржава»).***

– **эпифорой** (повтором слов или сочетаний в конце высказываний / предикативных частей сложного предложения): *А былі яшчэ ў нас грошы – жы-вёла. Універсальны плацёжны сродак: конь – грошы, карова – грошы, авечкі – грошы («Нашы грошы»); Дождж – наша вада. Снег – наша вада. Лёд – зноў жа наша вада. Калодзежы – таксама наша вада («Наша вада»); Яна, наша зямля, малаплодная, гліністая, пясчаная, сугліністая, болоцістая – наша святыня. З садамі і без іх, з рэкамі-азёрамі і без рэк-азёр – святыня. З буйным коласам на ніве і з пабітым градам калоссем – святыня («Нашы святыні і сімвалы»).*

Распространено в эссе Сипакова и такое синтаксическое средство создания ритма, как **эпанолепис** – повтор слов после промежуточных сочетаний: *Колькі пакаленняў беларусаў менавіта такою бачылі праз стагоддзі сваю хату! Бачылі толькі жывою... («Нашы хаты»); І ляжыць ён [крыж Ефрасінні Полацкай – О.Р.] недзе ў схове, але той, хто ўкраў, не можа ім пахваліцца – быцца і не мае ён нашай каштоўнасці. А мы – маем. У душах і сэрцах маем («Нашы святыні і сімвалы»); Бачачы штодзень нашу непаўторную флору, жаданую на кожны дзень і настрой, мы здаравеем самі. Здаравеем душой і целама («Наша флора»); Яна вярнулася дадому, у родны Полацк, толькі праз 743 гады. Вярнулася святою. Апякункаю Беларусі і яе нябеснай заступніцай («Нашы святыні і сімвалы»).*

Средством актуализации открытого авторского «я» в сборнике «Зялёны лісток на планеце Зямля» выступаюць фігуры, генетычна звязаныя со структурами разгаворнага сінтаксиса, в частности, **парцелляцыя** –

намеренное расчленение связного текста на отдельные предложения. В разговорном стиле такие разорванные, «негладкие» фразы – показатель спонтанности, неподготовленности речи. Употреблённые в письменном монологе, они приобретают принципиально иное стилистическое звучание:

– создают эффект непринуждённого повествования: *Праўда, мы і цяпер прадаём ужо на сусветным рынку свае алмазы. Масай да 2 каратаў. Збіраемся прадаваць і большыя монакрышталі – да 5 каратаў. Аднак яны – сінтэтычныя. Штучныя. Вырашчаныя, сінтэзаваныя ў нашых лабараторыях. А то будуць сапраўдныя! З нашых беларускіх алмазных трубак!* («Наша зямля»); *У нас ёсць яшчэ адно мора – Мінскае! Яго мы зрабілі самі. Сваімі рукамі. Яно рукатворнае* («Наша вада»);

– подчёркивают «возбуждённость» повествования, создают иллюзию взволнованной речи: *Наша зямля – гэта наша радзіма. Наша дзяржава. Наша жыццё. Нашы звычкі і песні* («Нашы песні»); *Мы ж яшчэ і вясёлыя, і гордыя, і непрымірымыя. Мужныя і ваяўнічыя. Хоць самі ні на кога не напалі, ні з кім не пачыналі войнаў. Ніколі!* («Нашы людзі»);

– придают повествованию лирический характер: *Толькі найперш для нас – свае кветкі. З якімі мы нараджаемся і паміраем. З якімі сябруем і якімі любуемся. З якімі смуткуем і радуемся. Разам слухаем музыку – кветкі вельмі любяць музыку. Але толькі класічную!* («Наша флора»);

– передают иронию: *Нашы суседзі: на ўсходзе – Расія, на поўдні – Украіна, на поўначы – Літва і Латвія, на захадзе – Польшча. А там і Францыя непадалёку – ад Мінска да Парыжа ўсяго нейкія два сантыметры. На карце свету. З маштабам 1:130 000 000* («Наша зямля»).

Проведенный анализ показал, что эссеистика Янки Сипакова, как и большинство его произведений других жанров, характеризуется субъективностью авторской позиции, повышенной эмоциональностью, склонностью к максимальному психологическому самораскрытию, актуализацией связи «автор–читатель». Наиболее распространёнными синтаксическими маркерами тактики субъективизации и диалогизации повествования в эссе Сипакова выступают такие конструкции, как риторические восклицания, псевдиалоги, синтаксический повтор, парцелляция.

Литература

1. Глазко П.П. Структурно-семантические типы эссе в медийном дискурсе и их языковые характеристики (на материале англоязычной и белорусскоязычной прессы): автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20. – Минск, 2015. – 25 с.

2. Кожин А. Н. Лексический повтор в стихотворных текстах А. Блока // Образное слово А. Блока. – М.: Наука, 1980. – С. 56–88.

3. Константинова Л. В. Синтаксические характеристики эссе (на материале английской эссеистики XVII–XX веков): автореф. дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Одесса, 1991. – 13 с.

4. *Руженцева Н. Б.* Прагматическая и речевая организация русского литературно-критического эссе XX в.: дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. – Екатеринбург, 2001. – 471 с.

5. *Сінакоў Я.* Зялёны лісток на планеце Зямля: эсэ. – Мінск: Харвест, 2006. – 288 с.

6. *Степанова Т. М.* Литературная критика и публицистика русского зарубежья. Мотивы. Тенденции. Имена. Учебное пособие для студентов факультетов филологии и журналистики. [Электронный ресурс]: учебное электронное издание – 2-е изд., переработанное и дополненное. – Майкоп: ЭЛИТ, 2016. – Режим доступа: <http://www.dx.doi.org/10.18411/2016-03-001>.

Автор:

Русак Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской филологии учреждения образования «Белорусский государственный технологический университет», г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: rusakolga@tut.by

Author:

Rusak Olga V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Belarusian Philology, Educational institution «Belarusian State Technological University», Minsk, The Republic Of Belarus; e-mail: rusakolga@tut.by

**АВТОРСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Аннотация. В статье рассматриваются возможности лингвокогнитивного анализа художественного текста, аргументируется необходимость исследования процесса авторской концептуализации. Обращается внимание на возможности анализа национально-культурных признаков в художественных текстах инационального авторства. Утверждается, что понимание механизмов динамической трансформации авторского художественного концепта позволит проникнуть в интеллектуальную лабораторию лингвокреативной деятельности писателя.

Ключевые слова: художественный текст, лингвокогнитивный анализ, авторская концептуализация, художественный концепт.

Zh. B. Seliverstova

**AUTHOR'S CONCEPTUALIZATION:
POSSIBILITIES OF LINGUO-COGNITIVE ANALYSIS
OF ARTISTIC TEXT**

Abstract. The article discusses the possibilities of linguo-cognitive analysis of a literary text, argues the need to study the process of author's conceptualization. Attention is drawn to the possibility of analyzing national cultural characteristics in literary texts not of national authorship. It is argued that understanding the mechanisms of dynamic transformation of the author's artistic concept will allow one to penetrate into the intellectual laboratory of the writer's linguistic creative activity.

Keywords: literary text, linguo-cognitive analysis, author's conceptualization, artistic concept.

Статус категории пространства текста в современной лингвистике определяется подходами лингвистики текста, предметом которой являются структура, семантика и функционирование текста как языкового произведения.

Как научное направление лингвистика текста получила активное развитие в 1970–1990-е годы. До этого времени текст традиционно считался предметом литературоведения и его компоненты не рассматривались в качестве языковой категории. Однако М. М. Бахтин еще в «Проблемах текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» (1959–1961)

утверждал, что текст есть первичная данность всего гуманитарно-филологического мышления и исследование текста «движется в пограничных сферах», на границах лингвистики, филологии, литературоведения, эстетики, на их стыках и пересечениях [Бахтин 1979: 281]. Поэтому неслучайно, что сегодня лингвистика текста занимает особое место среди филологических дисциплин не только в силу её интегрирующего характера, но и в силу того, что теория текста позволяет развить и систематизировать сведения, полученные при изучении различных языковых единиц с позиции их текстообразующих функций.

На начальном этапе своего развития лингвистика текста изучала в основном средства, формирующие связность и понятность текста (анафорические структуры, лексические повторы, катафорические структуры и др.). Далее в рамках лингвистики текста выделяется направление, занимающееся выявлением глубинных смыслов, которые содержатся в каком-либо замкнутом тексте. В этом случае «определение принципа употребления языковых единиц (включая и неупотребление каких-либо категорий или отдельных способов их выражения) помогает определить скрытые иногда от литературоведческого и стилистического анализа смысловые противопоставления и темы текста» [Николаева 1990: 268]. Исходя из такого закреплённого в науке понимания лингвистики текста, полагаем, что данное научное направление имеет значительный аналитический потенциал, в максимальной степени способствующий извлечению глубинных, имплицитных смыслов, заложенных в авторских текстах.

Любой реально существующий текст представляет собой физическое воплощение различных взаимосвязей и закономерностей между языковыми элементами конкретного языка. С другой стороны, каждый текст является чем-то неповторимым, индивидуальным. Этот момент связан, прежде всего, с категорией автора, который, осуществляя свой художественный замысел, закладывает в текст концептуальные смыслы, что делает текст особенным, единственным в своем роде. Таким образом, текст представляет собой два вида пространств: внешнее пространство, представляющее собой визуально наблюдаемую линейную последовательность знаков, и пространство внутреннее – текст как совокупность смыслов.

Отличие «художественного текста» от «текста» вообще заключается в ряде особых признаков, к которым исследователи относят: 1) фикциональность – условность, вымышленность, опосредованность внутреннего мира текста; 2) синергетическую сложность – художественный текст представляет, с одной стороны, частную систему средств национального языка, с другой – особенную кодовую систему, которую читатель должен дешифровать, чтобы понять текст; 3) целостность – образуется за счет приобретенных дополнительных приращений смысла; 4) взаимосвязь всех элементов текста, или изоморфизм всех его уровней; 5) рефлексивность – оживление внутренней формы слов, усиленная актуализация элементов лексического

уровня; 6) наличие имплицитных смыслов; 7) интертекстуальность – влияние на смысл художественного текста межтекстовых связей [Кольцова, Лунина 2007: 9]. Лингвистика художественного текста занимает особое положение в лингвистике текста, поскольку исследует целенаправленное взаимодействие единиц нескольких уровней текста.

Методология лингвокогнитивного анализа художественного текста пока недостаточно разработана. В своих исследованиях когнитивисты чаще всего обращаются к анализу языка или языкового сознания как такового, а не к тексту как результату речемыслительной деятельности конкретной языковой личности. Кроме того, индивидуально-авторская концепция художественного текста долгое время считалась предметом литературоведения и эстетики. В то время как лингвистика «ограничивалась интерпретацией стилистического использования в тексте языковых единиц, не поднимаясь до высот его концепции» [Бабенко, Казарин 2005: 55].

Однако, по мнению В. В. Виноградова, теоретика и философа языка художественной литературы, работа лингвиста над оригинальным литературно-художественным произведением не должна исчерпываться изучением «однородных лингвистических явлений». Художественный текст – это не только проявление языкового творчества, но и «отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени». Поэтому «лингвист не может освободить себя от решения вопроса» – как автор преобразует то «языковое сокровище», которым он располагает. В этом случае задача лингвиста заключается в поиске системы, связывающей слова и образуемые ими синтаксические ряды «внутренней, психологической объединенностью» [Виноградов 1980: 8]. Кроме того, необходимо учитывать тот факт, что восприятие художественного текста представляет собой сложный процесс воссоздания художественной действительности, а не прямолинейный перенос текстуальной информации в сознание читателя. Интерпретация художественного текста апеллирует к мыслительной активности читателя, его способности сопоставлять и анализировать.

На этом теоретико-методологическом фоне лингвокогнитивный анализ художественного текста позволяет решить ряд важных задач когнитивной лингвистики, таких как исследование языковых и когнитивных стратегий понимания художественного текста, моделирование индивидуально-авторской концептосистемы, выявление текстового аспекта реализации индивидуально-авторских концептов и др. [Маслова, Минахин 2013: 100]. Однако для адекватного проведения лингвокогнитивного анализа необходимо его соответствующее, релевантное наполнение. Анализу должно быть подвергнуто не только значение языковой единицы, называющей концепт, должен анализироваться сам концепт как «переживаемое понятие», формат знания, его структура, содержание, эволюционные и трансформационные процессы его формирования. Лингвокогнитивный анализ художественного текста должен базироваться на различении семантического и концептуального

аналитического инструментария, включать в себя анализ концептуальной структуры текста, учитывать эмпирические факты интертекстуальности и дискурсивности и требовать привлечения экстралингвистического контекста.

Согласно исследованиям, обнаруживающим определенное соотношение семантических компонентов текста, текст «существует как иерархическое единство, разбивающееся на все более дробные составные части» [Адмони 1985: 64]. Методология установления степеней значимости семантических компонентов текста и определения их иерархии пока еще глубоко и однозначно не разработана. Однако уже имеются некоторые устойчивые представления о значимости отдельных макрокомпонентов содержания текста. По общепринятому мнению, на вершине иерархии семантических компонентов текста находится индивидуально-авторская концепция мира, поскольку любое произведение есть субъективное, авторское отображение объективно существующего мира [Бабенко, Казарин 2005: 50].

Исследователям художественного текста представляется перспективным не только анализ отдельных концептов, представленных в тексте, но и общие процессы концептуализации, происходящие в творческом сознании при создании художественных произведений. Отображая в тексте собственные представления об окружающем мире, личностное восприятие тех или иных событий, автор закладывает в текст уникальные индивидуальные смыслы. Тем самым его личный когнитивный опыт как культурно-языковое явление становится составной частью коллективного опыта познания мира. Неоспоримым является тот факт, что особое значение в создании концептосферы национального языка принадлежит писателям, поэтому лингвокогнитивное исследование авторского художественного текста приобретает исключительную ценность.

В основе индивидуально-авторского видения лежат особенности универсальных и национально-культурных ментальных представлений об анализируемом фрагменте действительности. Однако писатель не просто механически повторяет и воспроизводит готовые значения, зафиксированные в обыденном сознании. Переосмысливая и творчески перерабатывая накопленный ментальный материал, он креативно отбирает и дополняет уникальным авторским смыслом языковые концепты, или творит собственные. В процессе концептуализации авторский концепт обогащается, тем самым обнаруживая потенциал к развитию и эволюции. Отслеживание «жизни» авторского концепта на протяжении всего творческого периода писателя позволяет обнаружить его смысловые приращения, динамическую трансформацию концепта.

Автор художественного текста, подобно автору живописного полотна, селективными изобразительными средствами, в собственной творческой манере воплощает свой художественный замысел. И если для художника реальным пространством его авторских концептов становится живописный

холст, то для писателя – художественный текст. Авторское миропонимание проявлено на страницах книг столь же отчетливо и концептуально, как и авторский замысел живописца на холсте.

При этом для выявления национально-культурных признаков, значимых для определенной лингвокультуры, необходимо привлечение не только лексических источников национального языка, эпоса и фольклора, национальной художественной литературы и исследовательских работ, осмысливающих национальные источники в общественно-научном дискурсе. Учитывая перманентные лингвокультурные взаимодействия в поликультурном пространстве, считаем целесообразным включить в перечень источников национального языка литературные тексты ионационального авторства, в которых адекватно отражены особенности определенной лингвокультуры. Очевидно, что данная способность тождественного восприятия и творческого отображения возможна только при позитивном отношении, при достаточно продолжительном пребывании автора в контексте иной для него лингвокультуры и при аккумуляции в авторском языке и концептуальном миропонимании существенных элементов ионациональной культуры (в контексте казахской лингвокультуры таким, например, был литературный опыт Г. Д. Гребенщикова, Г. Н. Тверитина, Г. К. Бельгера и др.). Объективная ценность таких источников заключается в том, что они представляют собой не случайный, а осмысленный, интеллектуально переработанный материал национально-культурных особенностей, которые могут быть более свежо и фактурно представлены в текстах ионационального авторства.

Безусловно, следует учитывать, что ментальный мир автора не может быть полностью воспроизведен языковыми средствами. Особенно это касается художественной, творческой мысли. По этому поводу еще С.А. Аскольдов писал: «Автор всегда дает значительно меньше, чем он хотел бы дать, и воспринимающий только это непосредственно данное еще не достигает цели. Он непременно должен как-то дополнить данное, чтобы воспринять тот замысел, который был у автора, но не мог быть дан» [Аскольдов 1997: 274]. Но если наличия текста было бы недостаточно, то непознаваемым следовало бы признать внутренний ход интеллектуального развития человечества. Однако, как свидетельствует научно-исследовательский опыт, интеллектуальная эволюция, в том числе на персональном уровне, познаваема через текст, поскольку вне зависимости от целей гуманитарного исследования исходным пунктом всегда выступает только текст. Полагаем, извлечение из художественного текста имплицитных авторских смыслов, понимание механизмов их динамической трансформации в значительной степени позволит наиболее эффективно раскрыть творческий процесс его создания и проникнуть в интеллектуальную лабораторию лингвокреативной деятельности автора.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. *Николаева Т. М.* Лингвистика текста // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 267–268.
3. *Кольцова Л. М., Лунина О. А.* Художественный текст в современной лингвистической парадигме. – Воронеж: ВГУ, 2007. – 50 с.
4. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
5. *Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 361 с.
6. *Маслова Ж. Н., Минахин Д. В.* Определение статуса и перспектив когнитивных исследований поэтического текста // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 13. – С. 94–104.
7. *Адмони В. Г.* Грамматика и текст // Вопросы языкознания. – 1985. – № 1. – С. 63–69.
8. *Аскольдов С. А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.

Автор:

Селиверстова Жанна Болатовна – доктор PhD, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: seliverst.zh@gmail.com

Author:

Seliverstova Zhanna B. – PhD, Assistant Professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan; e-mail: seliverst.zh@gmail.com

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ «Я – СТАРЫЙ ЛИЦЕДЕЙ» Ю. СЕМЕНДЕРА

Аннотация. В статье предпринята попытка филологического анализа стихотворения «Я – старый лицедей» современного чувашского поэта Ю. Семендера.

Ключевые слова: филологический анализ, лирический герой, добро, зло, выбор.

О. V. Skvortsova

PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE POEM “I AM AN OLD ACTOR” BY YU. SEMENDER

Abstract. The article attempts a philological analysis of the poem "I am an old actor" by the modern Chuvash poet Yu. Semender.

Keywords: philological analysis, lyrical hero, good, evil, choice.

Я – старый лицедей. Планета – сцена
Вращается который год подряд.
Гомер, Эсхил, Шекспир и Авиценна
С нахмуренным челом за ней следят.

Я с высоты двадцатого столетья
Распутываю мировой сюжет,
Пусть разум человечества ответит,
Какой в борьбе добра и зла секрет.

Благословенно истины исканье –
Лишь поиск раздвигает окоем.
Но интеллект – как молнии сверканье –
Зачем двоится на пути своем?

Добро лишь три шага пройти успеет,
Зло тут же – все четыре вперекор;
Или едва край неба заалееет –
Уж ночь ему выносит приговор.

Пока луна и солнце, как две ramпы,
Показывают сцены поворот,

Сумеешь, друг мой, убедиться сам ты:
Неукротим противоречий ход.

Цветенье мака нежное... Откуда
Берется в этой нежности дурман?
Из конопли такое ткется чудо!
А для тебя – лишь саван, наркоман.
Лежит в земле и зернышко ржаное,
И тот нейтрон, который служит злу.
Так и поэт сбивается порою
С проникновенной оды на хулу.

Сосет ли грудь новорожденный гений –
Уж дьявол завлекает в свой вертеп...
Вращается планета. А на сцене
Идет трагикомедия судеб.

(перевод А. Дмитриева)

В современном обществе степень владения текстовой деятельностью является одним из главных показателей общей культуры человека. В связи с этим изучение разножанровых видов текста становится приоритетным в сфере гуманитарных наук и образования в целом. На наш взгляд, работы Н. С. Болотновой [Болотнова 2007], Н. А. Николиной [Николина 2003], Л. Б. Пастуховой и З. Н. Якушкиной [Пастухова, Якушкина 2020] наиболее полно отражают специфику данной проблемы. При разработке алгоритма анализа текста мы опирались на исследования вышеназванных литературоведов и языковедов.

Стихотворение Ю. Семендера «Эп – ватá драмáщá» («Я – старый лицедей») было написано в конце 90-х годов XX века. Оно опубликовано в сборнике произведений художника слова под названием «Черное и белое» (1998). Лирический текст относится к зрелому этапу в творчестве Ю. Семендера, периоду расцвета его поэтического таланта. В 90-е годы им были написаны еще такие произведения, как «Пуля», «Сосна», «Млечный путь», «Черное и белое» и многие др.

Стихотворение «Я – старый лицедей» является философским размышлением о смысле бытия человека, о диалектической связи добра и зла. Оно отражает традиции философской поэзии, заставляя задуматься читателей о сущности времени и хрупких человеческих ценностях. Для данного этапа в творчестве Ю. Семендера были характерны критическое восприятие действительности, напряженные раздумья о себе и времени, мотивы одиночества и самопознания, движения к внутренней свободе, ощущение несоответствия мечты и реальной жизни, ответственности народного поэта. Все эти особенности нашли отражение в рассматриваемом стихотворении.

Произведение относится к лирике и характеризуется ярко выраженным субъективным отношением к описываемым реалиям жизни. Это лирический монолог автора, в котором отражается особая острота чувства и поиска глубинного хода, смысла жизни, своеобразный труд души. Произведение отличается описательностью, риторичностью, условностью.

Поэтический текст состоит из 32 строк, объединенных в восемь четверостиший, которые построены одинаково по своей ритмической организации: это строфы с построением АВАВ с чередованием женских и мужских рифм. Основной размер этого стихотворения – разностопный ямб. Выделив основные, опорные слова в каждой строфе, можно воссоздать следующую картину: 1) Планета – сцена; 2) Мировой сюжет; 3) Исканье истины; 4) Противоречие жизненных реалий; 5) Вечное продолжение трагикомедии судеб. Для раскрытия основной идеи произведения автор использовал композиционный прием – антитезу, который помогает со всей выразительностью показать противоречивую суть явлений, диалектику самой жизни. Первые три строфы стихотворения построены в форме взволнованного монолога-размышления лирического героя. Остальные пять строф антонимично по своему строению и тяготеют к полярной расстановке образно-смысловых сил, к противопоставлению первой и второй строк, связанных с тематическими объектами «добро» и «зло». Антитеза служит своеобразным средством контрастной характеристики душевного переживания лирического героя: почему человек с рождения предстает перед нами как бы между двумя мирами, равно готовый повернуться лицом как к злу, так и к добру. Суть души человека показывается в непримиримых противоречиях его характера. В поэтическом тексте стираются границы пространства. В первой строфе стихотворения изображается обобщенный образ времени и пространства: «Планета – сцена / Вращается который год подряд». Людей во все времена волновали тайны бытия («Гомер, Эсхил, Шекспир и Авиценна / С нахмуренным челом за ней следят»). Лирический герой сосуществует вместе с «великими умами» человечества («Я с высоты двадцатого столетия / Распутываю мировой сюжет»). Основу произведения составляет смешение прошлого и настоящего, высокого и низкого. Канву жизненного цикла составляет добро, но испокон веков противостоит ему зло. В этом смешении как раз и заключается смысловое ядро стихотворения. Данный сюжет тем и велик, что – вечен. Главный художественный урок стихотворения – в неразрешимости этих противоречий, в утверждении той самой диалектики добра и зла не только в душе человека, но и в самой жизни.

В произведении отражена медитативная тематика. Проблематику стихотворения можно охарактеризовать как онтологическую. Это произведение о человеческой душе, порождающей как добро, так и зло. В художественном мире поэта личность постоянно находится в состоянии выбора между добродетелями и пороками. Сложность и разноплановость сущности

человека затрудняют выяснение подлинных мотивов его поведения. Для стихотворения характерны монологизм, тяготение к экспрессивности.

Поэт в своем стихотворении использовал композицию обрамления, или по-другому, кольцевую. В первой и последней строках текста повторяется одно и то же действие – «вращается планета», «планета – сцена». В этом жизненном круговороте человек решает вечную дилемму: шагнуть по пути добра или поклоняться силам зла:

Лежит в земле и зернышко ржаное,
И тот нейтрон, который служит злу.
Так и поэт сбивается порою
С проникновенной оды на хулу.

Лирический герой предстает перед читателем как наблюдатель, и как философ-искатель. Доказательством тому служат первые две строки второй строфы стихотворения:

Я с высоты двадцатого столетья
Распутываю мировой сюжет.

Пафос анализируемого стихотворения можно определить как соединение сентиментализма и трагического. В тексте проявляется рефлексия автора, его погруженность в себя.

Общая эмоциональная тональность произведения окрашена напряженностью. Поиск истины – это всегда тяжелый духовный труд, который требует от человека единения всех душевных и умственных сил.

Художественные особенности стихотворения определяются его идейно-тематическим своеобразием и нравственным пафосом. Все изобразительно-выразительные средства направлены на создание вопросительной тональности, будучи сфокусированными на ключевые образы. Приемы риторического обращения, вопрошания и контраста в стихотворении определяют художественное развертывание чувств и дум лирического героя. Контраст усиливается противопоставлением образов сил добра и зла за счет перифраз (планета – сцена, мировой сюжет), метафор (интеллект двоится, ткется чудо), риторических вопросов (зачем двоится на пути своем, откуда берется в этой нежности дурман), сравнений (интеллект как молнии сверканье), олицетворений (разум человечества ответит, добро три шага пройти успеет, ночь выносит приговор) и антитезы (Добро лишь три шага пройти успеет, / Зло тут же – все четыре вперекор).

Таким образом, система художественных средств и приемов формирует образный строй произведения, выражающий его идейное содержание. В сложном переплетении ассоциаций, догадок, рассуждений постигается глубокий и многозначный смысл стихотворения.

Литература

1. *Болотнова Н. С.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.

2. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 259 с.

3. *Пастухова Л. Б., Якушкина З.Н.* Филологический анализ текста: учеб. пособие. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. – 147 с.

Автор:

Скворцова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: olya.skvortsova.77@mail.ru

Author:

Skvortsova Olga V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: olya.skvortsova.77@mail.ru

ТРАДИЦИИ РУССКОЙ КНИЖНОСТИ В РУКОПИСИ 19 В.

Аннотация. В статье описываются палеографические, стилистические и жанровые черты рукописи «Очерк летописи заштатного города Лальска». По результатам текстологического анализа устанавливается авторство текста, интерпретируются элементы русской книжной традиции, нашедшие свое воплощение в рукописи.

Ключевые слова: рукопись, авторство, языковая личность, писцовая традиция.

О. А. Teusch

TRADITIONS OF RUSSIAN BOOK WRITING IN THE 19TH CENTURY MANUSCRIPT

Abstract. The article describes the paleographic, stylistic and genre features of the manuscript “An outline of the chronicle of the small town of Lalsk”. The authorship of the text is established based on the results of the textual analysis, and the elements of the Russian book tradition that are embodied in the manuscript are interpreted.

Keywords: manuscript, authorship, linguistic personality, scribal tradition.

«Очерк летописи заштатного города Лальска» представляет собой рукопись 19 в. Автором текста является Андрей Петрович Аврамов. Хотя А. П. Аврамов, следуя традициям русского летописания, и не указал полностью своего имени ни в начале, ни в конце книги, ключи к разгадке он все же оставил. Примерно в середине книги, на обороте листа 24-го, читаем: «Придѣмалось мнѣ составитъ ѿлю сѣй малѣнкой книшки и перѣписатъ ѿлю ѿной, показатъ ѿ когѡ произошелъ а». Летописец тщательно расписывает свою генеалогию, начиная с крестьянина Емельяна Трофимовича Аврамова, жившего в XVII в. и до Петра Ивановича, у которого было «4 сына, и дочѣри 2 1^я андрѣй составитъ ѿль сей книшки». Таким образом, получается, что автора текста звали Андрей Петрович Аврамов. Свои инициалы он трижды обозначил в летописи. Во-первых, перед обложкой наклеены буквы **А. А.**, вырезанные из бумаги с орнаментами черного и золотого цвета. Далее, на титульном листе, над заглавием есть запись: **№ 61^я а. п. а.** Наконец, на листе 11-ом, в конце очередной главы поставлены инициалы **а. п. а.**

Столь очевидную картину, однако, затемняют два противоречия. Первое возникает в связи с инициалами **п. и. а.**, помещенными после *Предисловия*, за которыми явно скрывается имя отца Андрея Петровича – Петра

Ивановича Аврамова. Петр Иванович – автор небольшой тетради (19 листов) под названием «Очерк летописи о заштатном городе Лальске. В 1849 года мая 9 числа собран». Андрей Петрович, видимо, решил частично переписать то, что было собрано его отцом, и затем привести свои материалы, поэтому он и называет себя *переписателем и составителем* книги. Второе противоречие в том, что летопись написана двумя разными почерками – полууставом и скорописью. Наличие рукописи А. П. Аврамова, представляющей собой выписки из газет и книг, позволило установить, что скорописный почерк «Очерка летописи» безусловно является почерком младшего Аврамова.

Таким образом, автор книги «Очерк летописи заштатного города Лальска» – А. П. Аврамов. Даты, указанные в названии (1848 г., 1862 г.) относятся к первым шести главам. На этом, видимо, А. П. Аврамов хотел закончить летопись и поэтому поставил подпись – свои инициалы. В начальной части летописи описываются события до 1862 г. включительно: судя по всему, эта часть летописи написана А. П. Аврамовым именно в 1862 г. («**Съѣго 1862 года въ городѣ лалскѣ въ первый разъ призваны мѣщанѣ къ пораткѣ жеревьѣвомѣ**»). При этом он использовал материалы отца за 1848–1849 гг. (отсюда – первая дата в названии) и свои собственные сведения. Затем он решил продолжить писание летописи. Трудно сказать, продолжил ли он писать сразу (в 1862 или 1863 г.) или спустя несколько лет. Судя по употреблению местоимения *сей*, в отношении дат точно можно говорить лишь о том, что писал А. П. Аврамов, по крайней мере, с 1873 г. («**Сего 1873 года Весна была крутая**» (31 об.)) по 1883 г. («**съ 24 числа генваря сего 1883 года въ новѣ определенный мировой судья...**»).

Об авторе летописи – А. П. Аврамове – мы знаем, к сожалению, не так много. Одни сведения о нем были почерпнуты из самого текста «Очерка летописи», другие – обнаружены в архиве лальского городского головы И. С. Пономарева (1849–1916).

А. П. Аврамов по происхождению был мещанином. У отца его, Петра Ивановича (? – 1862), было четверо сыновей (Андрей (? – ?), Николай (? – 1861), Павел (? – ?), Александр (? – ?)) и две дочери (Марфа, по мужу Норицына (? – ?) и Анна, по мужу Пелевина (? – 1861)). А. П. Аврамов был трижды женат: первая жена – Ульяна Ивановна (? – 1867), вторая – Анна Бобковская (вышла замуж в 1867 г., ? – 1870), третья – Анна Пономарева (вышла замуж в 1870 г., ? – ?). От третьего брака у него родились три сына: Василий (23 апреля 1871 – 4 июля 1871), Федор (1872 – ?) и Алексей (1875 – ?).

По роду занятий А. П. Аврамов был чиновником и занимал разные должности. В 1862 г. он был отправлен в Вологду в качестве депутата по земским повинностям. В 1865 г. присягнул на должность ратника, в 1867 г. – на должность словесного судьи, в том же году вступил в состав управления словесного суда при городском старосте. С 1865 г., в течение трех лет, А. П. Аврамов служил бургомистром в ратуше, а в 1868 г. вышел в отставку.

Несмотря на то, что прошло уже более полутора веков с тех пор, как написан был «Очерк летописи», и фактических данных из биографии автора мало, мы можем попытаться воссоздать облик этого человека, основываясь на написанном им самим тексте.

Создавая свое произведение, А. П. Аврамов, несомненно, ориентировался на русскую летописную традицию. Он должен был быть знаком с летописями, изучение которых входило в 19 в. рамки школьной программы, и, скорее всего, опирался на них, стремясь соблюсти традиции летописания.

Свой текст А. П. Аврамов выстраивает по хронологическому принципу, начиная повествование с самого раннего периода истории Лальска, с рассказа о том, кем были его первые жители, как появились они на территории, где ныне расположен город, какой вели образ жизни. Автор использует характерные для летописи синтаксические конструкции, которые начинаются с указания года, в который произошло событие, либо со слов *того (же) года*: «**Въ 1865, гѡда. при цѣркви ѿѡанна прѣтѣчи, выстроена, напротивъ храма камѣнная колоколна д...а Тѡго же года, нанизовкѣ ѡавдотѣи попрозванію стѣдѣнѣ съгорелъ домъ**».

Наиболее яркой чертой, свидетельствующей об опоре А. П. Аврамова на летописную традицию, является то, каким образом он рассказывает о самом себе и своей книге. Первое упоминание автора о себе встречается в *Предисловии*: «**Но какъ а простолѣдинѣ въ школьныхъ ученіяхъ ни когда нигдѣ и ни чемъ кромѣ сребряннаго ремесла не вѣдѣхъ то и прошѣ читателя, ошѣнки въ сей маленькой книжкѣ моеи, Которыя онѣ ѡсмотритѣ по благосклонности своей по правитѣ, не вежество мое извинитѣ. а ѡѡажитѣ однѣ любовь мою къ моей родинѣ и древности; Любовь Эта ипринѣдила мене, составить сей краткій очеркъ**». Здесь очевидно стремление автора умалить значение своей летописи, которую он называет *маленькой книжкой*. А. П. Аврамов сознательно занижает самооценку, обращает внимание читателя на свое простое происхождение и недостаток образования. Именно такая позиция была характерна для авторов русских летописей, ср., например, приписку, сделанную в конце Суздальской летописи: «**Радѣетса купецъ прикупѣ створивѣ. и кормьчинѣ въ штишьѣ приставѣ и странни въ шчьство свое пришед. також радѣетса и книжныи списатель. дошед до конца книга. також и азъ худыи недостойныи и многогрѣшныи. рабъ Бжии Лаврентеи мнихъ... шже са гдѣ буду шписалѣ. или переписалѣ или не дописалѣ. чтите исправливая Ба дѣла. а не клените. занеже книги ветшалы. а оумѣ молодѣ. не дошел**»¹. Еще более показательный пример для сравнения – фрагмент из «Летописца» Льва Вологодина. Этот «Летописец» представляет собой образец местного устюжского летописания 18 в. Он имел широкое распространение и, судя по всему, был

¹ Полное собрание русских летописей: Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. – М., 1962. – С. 488.

знаком А. П. Аврамову. По крайней мере, П. И. Аврамов в своем варианте «Очерка летописи» дает на «Летописец» ссылку: «**Говорить летописецъ үстюжскій “достигли пүстова мѣста и порѣкѣ лале, назывались Лалечаднаѣ”**». Обычно авторы летописей помещали приписку, где сообщали о себе и обращались к читателю, в конце летописи, у Льва Вологодина же есть предисловие так же, как у А. П. Аврамова. В этом предисловии он объясняет читателю, что подвигло его к написанию летописи: «**А восприял я намерение үчинить летописание о граде үстюге Великом того ради, понеже во древних времен человецы вся в мире бываемыя остроотою разүма своего твердо в памяти содержали, и друг друго примательне повествүемая так, как ныне писанная пред очима имели. Времени же сокращающүся за поврежденнүю грехом невинность, и память, и разүм, и лета жития нашего оскүдевати и сокращатися начали. Того ради всякое бытие вещей деятельное и творительное благоизволил бог писанием үтвердити**»¹. А. П. Аврамов тоже объясняет в предисловии причины, которые «привлекли» его написать летопись: «**Ненахода Оначалѣ родины Своей Народонаселеніа Такихъ Описаній. Которыа үдовлетворяютъ Читателя въ событіяхъ, а’находятся въ разброскѣ только частію. Что ипривлекло меня составить, или собрать сей очеркъ летописи, Озащитномъ городѣ лальскѣ, и Окрестности**». Итак, Л. Вологдин и А. П. Аврамов стремились упорядочить и закрепить в письменном тексте те сведения, которые передавались устно, по памяти, из поколения в поколение или «находились в разброске», то есть были несистематизированы и разбросаны по разным источникам. Лев Вологдин завершает свое предисловие стандартной припиской, обращаясь к читателю: «**В протчем же прошү ты, любезный читателю, ежели что трудолубезным твоим изобрящешь тщанием и старанием погрешительно, то молительно прошү: все оставленное нами исправить, недополненное дополнить и недоконченное докончить, наше же скүдоүмное сочинение покрыть остроотою просвещенного разүма, а во всех моих погрешностях меня үдостоить прощения... Ваш послушный раб и слүга үстюга Великого үспенского собора священник Лев**»².

Итак, летописцы традиционно ссылаются на свое невежество и просят читателей не осуждать их, а лишь исправлять ошибки:

«НЕ ВЕЖЕСТВО МОЕ ИЗВИНИТЬ А АЗЪ ХҮДЫИ НЕДОСТОИНЫИ И МНОГОГРѢШНЫИ... НЕ КЛЕНИТЕ. ЗАНЕЖЕ КНИГЫ ВЕТШАЛЫ. А ОҮМЪ МОЛОДЪ. НЕ ДОШЕЛ» (А. П. Аврамов) – *«скудоумное сочинение покрыть остроотою просвещенного разума, а во всех моих погрешностях меня удостоить прощения»* (Л. Вологдин);

¹ Полное собрание русских летописей: Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. – Л., 1982. – С. 127.

² Там же.

«ошибки въ сей маленькой книжкѣ моей, Которыя онъ усмотритъ по благосклонности своей по править – вже ся гдѣ буду wpisалъ. или переписалъ или не дописалъ. чтите исправливая» (А. П. Аврамов) – «*все оставленное нами исправить, недополненное дополнить и недоконченное докончить*» (Л. Вологдин).

Таким образом, стилистическое и жанровое подражание А. П. Аврамова текстам русских летописей несомненно. Это свидетельствует о его читательской компетенции: ведь для того, чтобы стилизовать текст, придав ему признаки, черты летописного стиля, необходимо адекватно воспринять и проинтерпретировать оригинальные тексты, понять, по каким законам они построены.

Итак, приступив к работе над рукописью, А. П. Аврамов принимает роль древнего книжника, добросовестно и благоговейно выписывающего каждую букву, проникнувшегося высоким духом искусства написания книги, которая сохранит на своих страницах уходящую в небытие историю. Здесь видна и забота автора о своем читателе: безусловно, последнему будет приятно читать красиво оформленную и четко написанную книгу, более того, он сможет должным образом воспринять всю серьезность и значительность авторского труда. Подобное отношение к книге говорит об энтузиазме и личной заинтересованности А. П. Аврамова и доказывает подлинность патриотического чувства автора, о котором он говорил в предисловии.

Настроение А. П. Аврамова меняется по ходу работы, и, написав половину книги, он снимает с себя надетую ранее маску древнерусского книжника, превращаясь в чиновника 19 столетия, с почерком, испорченным бесконечным писанием деловых бумаг. Автор уже не погружается в сакральную атмосферу создания книги, а стремится писать быстрее: он даже не разлиновывает как раньше страницы книги, видимо, не желая тратить на это время. Теперь перед нами не книжник Древней Руси, а автор-прагматик, представитель своего времени.

Авторские неологизмы, введенные в текст летописи, характеризуют А. П. Аврамова как представителя русского чиновничьего сословия 19 в. По продуктивной для делового языка модели создано слово *приобретатель* (употреблено в контексте «*пріобрѣтатѣли дѣревѣнскихъ владѣній*»). По той же модели автор образовал и лексему *переписатель* со значением «тот, кто переписывает»: «*Придумалось мнѣ составитѣлю сѣй малѣнкой книшки иперѣписатѣлю шной*».

Авторским неологизмом является термин *обревизация*, образованный от глагола *обревизовать* с помощью суффикса *-ациj-* со значением действия: «*Въ 1848 года 2 генвара для обревизациі прибылъ въ гор: лалскъ ЕГО ПРЕВОСЪХОТ: членъ консультаціи учрежденный*», ср. подобные отглагольные существительные: *организация, консультация, коронация* и т. п.

Ряд существительных А. П. Аврамов образовал по аналогии с широко распространенными в деловой речи отглагольными существительными с суффиксом *-ениј-*: *произрастение* (**вѣсна, къ произрастѣнію мѣдлитѣльна и холодна...**), *скипение* (**прискипеніи его, вытѣснило изъ чайника...**), *усаждение* (**бѣлые черви... и поспинѣ поасокъ, видѣ усажденіа точекъ черныхъ...**), *сгорение* (**копій съ авочныхъ прозвъ wzгореніи и ѣтратѣ крѣпостей...**).

Еще один случай языкового творчества А. П. Аврамова связан с употреблением слова литературного языка в несвойственном ему значении. Таким семантическим неологизмом является слово *народонаселение*. Лексема литературна и зафиксирована в словаре: «**Народонаселение**. Население страны, какой-нибудь территории»¹. Однако, судя по контексту (**Ненахода Оначалѣ родины Своей Народонаселеніа Такихъ Описаній. Которыа удо-влетворяють Читателю...**), автор употребляет данное слово в ином значении, которое можно сформулировать как «процесс заселения территории народом», то есть фраза приобретает примерно следующий смысл: «не находя сведений о том времени, когда люди впервые начали заселять территорию моей родины, которые удовлетворят читателя...». Таким образом, перед нами неосемема.

При том, что А. П. Аврамов проявляет себя как творческая языковая личность, способен улавливать те механизмы, по которым создаются слова в языке, справедливо, вероятно, говорить и о том, что конструирование автором новых слов есть процесс бессознательный: скорее всего, создавая новые слова, А. П. Аврамов не осознавал собственной новаторской деятельности. Неологизмы А. П. Аврамова не выполняют в его речи стилистическую функцию, не являются выразительными средствами. Главная цель, которую преследовал автор, – фактически точно донести свою мысль до читателя, поэтому его неологизмы выполняют функцию собственно информативную.

Таким образом, автор «Очерка летописи заштатного города Лальска» А. П. Аврамов предстает перед нами и как наследник русской писцовой традиции, и как новатор, представитель своего времени и творческая личность.

Литература

1. *Полное собрание русских летописей*: Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по академическому списку. – М., 1962.

2. *Полное собрание русских летописей*: Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. – Л., 1982.

3. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2008. – 1175 с.

¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008. С. 492.

Автор:

Теуш Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург; E-mail: olga.teush@yandex.ru

Author:

Teush Olga A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of the Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg; E-mail: olga.teush@yandex.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ КАК СМЫСЛОВЫЕ КЛЮЧИ К ЕГО ПОНИМАНИЮ

Аннотация. В статье подчеркивается важность учета сильных позиций в интерпретации художественного текста. Восприятие и понимание текста основывается на ключевых словах и сильных позициях, способствующих адекватному пониманию авторского замысла. Ключевые слова как текстовые операторы обеспечивают перевод информации с фактуального на концептуальный уровень. Анализируется восприятие повести А. Кекильбаева «Колодец» на основе ассоциативно-смыслового поля «колодец», смоделированного в результате проведенного свободного ассоциативного эксперимента. Выявлено, что дискурсообразующий концепт «колодец» представляет дихотомию жизнь / смерть.

Ключевые слова: художественный текст, дискурс, сильная позиция, ключевое слово, дискурсообразующий концепт.

Z. Kh. Shakhputova

LITERARY TEXT: STRONG POSITIONS AS SEMANTIC KEYS TO ITS UNDERSTANDING

Abstract. The article emphasizes the importance of considering strong positions in the interpretation of a literary text. The perception and understanding of a text are based on key words and strong positions that contribute to adequate understanding of the author's intention. Keywords as text operators provide translation of information from the factual to the conceptual level. The perception of A. Kekilbaev's story "The Abyss" on the basis of the associative-semantic field "the well", modeled as a result of the free associative experiment, is analyzed. It is revealed that the discourse-generating concept "the well" represents the dichotomy of life / death.

Keywords: literary text, discourse, strong position, key word, discourse-generating concept.

В современном лингвистическом постмодернизме идея сильной позиции как смыслового ключа развивается в плане дискурсивного порождения содержания текста. Именно дискурс здесь выступает как иерархия фреймов, отражающая закономерности текстопорождения и распределения информации. Художественный дискурс, апеллируя к мышлению читателя, пробуждает рефлексии, которая фиксируется в виде ценностных смыслов, способствующих духовному обогащению, познанию себя и окружающего мира.

«Наличие смысла, связанного с фундаментальными ценностями жизни» по определению В. И. Карасика выступает основной характеристикой художественного текста [Карасик 2009: 308]. «Художественный текст – это словесное художественное произведение, представляющее реализацию концепции автора, созданную его творческим воображением индивидуальную картину мира, воплощенную в ткани художественного текста при помощи целенаправленно отобранных в соответствии с замыслом языковых средств (в свою очередь также интерпретирующих действительность) и адресованное читателю, который интерпретирует его в соответствии с собственной социально-культурной компетенцией» [Бабенко, Казарин 2005: 45].

Для адекватной интерпретации художественного текста целесообразно учитывать теорию сильных позиций, согласно которой в тексте как целостном конструкте важная по смыслу информация размещается в особых точках текстового пространства, акцентируя внимание читателя на этой информации. Как полагает В. А. Лукин, понимание сильных позиций текста ведет к адекватной интерпретации целого текста [Лукин 1999: 62]. Таким образом, сильные позиции (заглавие, эпиграф, начало и конец текста, повторы, параллелизмы, метафоры и т. д.) могут служить ориентирами в декодировании заложенной в тексте информации. Ключевые слова выступают как текстовые операторы, которые обеспечивают перевод информации с фактуального на концептуальный уровень. Механизм интерпретации текста читателем с опорой на ключевые слова, герменевтическая функция которых позволяет рассматривать их как инструмент когнитивной поэтики, особенно рельефно проявляется при восприятии повести А. Кекильбаева «Колодец».

Колодец – это когнитивно-значимый художественный образ, концепт, обладающий дискурсообразующим потенциалом. Это художественный концепт, который представляет собой синтез ментального (ценностно-значимого, в данном случае для казахской лингвокультуры) и индивидуального авторского взгляда на феномен действительности.

Специфика дискурсообразующего концепта, вербализующегося посредством ключевых слов, согласно Н. Ф. Алефиренко, обусловлена самими факторами его образования: языковым сознанием и жизненным опытом человека [Алефиренко 2019: 30]. Известно, что кочевое скотоводство предполагает длительное пребывание в безлюдной степи, где нет четких ориентиров, кроме солнца (в тексте повторяется 11 раз), горизонта (8 раз) или локусов, созданных человеческими руками невероятным трудом. К подобным ориентирам относятся колодцы. В тексте отражены обиходные представления человека пустыни и степи о колодцах. В казахском языковом сознании «колодец» сопряжен с концептом «жизнь», на что указывают результаты проведенного свободного ассоциативного эксперимента со студентами и магистрантами (возраст 18–28 лет, всего 43 человека), в ходе которого смоделировано ассоциативно-смысловое поле «колодец».

Моделирование ассоциативно-смысловых полей способствует лучшему пониманию и описанию содержания текстообразующих концептов. Текст повести выстраивается А. Кекильбаевым по радиальному типу ассоциативно-смыслового развертывания, при котором на одно слово-стимул даются разные слова-реакции. Первичные слова-реакции на вынесенное в заглавие произведения слово-стимул (*эликсир жизни, смерть, благопожелание, горемыга*) являются ремами, которые конкретизируются вторичными ассоциантами, приближающими читателя к постижению идеи текста. Опрос показал, что в качестве ассоциантов к словосочетанию-стимулу «жизнь аулчан в пустыне» выступают преимущественно слова с положительной коннотацией (см. табл. 1).

Структура ассоциативно-смыслового поля «Колодец»			
Ассоцианты положительной коннотации (кол-во)		Ассоцианты негативной коннотации (кол-во)	
жизнь	33	страх	29
вода	33	смерть	28
эликсир жизни	32	одиночество	28
вкусная	31	тревога	27
благопожелание	31	гибель	27
семья	30	неизбежность	26
везение	30	ненависть	25
свадьба	29	горемыга	24
общительность	28	голод	23
чистота	27	испытание	23
бог	26	дух (нечистый)	22
любовь	26	участь	22
медово-сладкая	25	бедность	22
жажда	24	рок	21
солидарность	22	беспросветный	20
единение	21	враждебность	19
той	18	мрачный	18
веселье	18	отчуждение	17
обильный	17	враждебность	16
достаток	16	грех	14
память	16	суеверие	12
глубокий	15	мнительность	11
счастье	14	подозрительность	9
наслаждение	12	сиротливость	7
смех	11	тоска	6
радость	9	горе	5
жара	8	пустота	4
судьба	7	лачуга	3

Таблица 1. Структура ассоциативно-смыслового поля «Колодец»

При этом респондентами было отмечено, что жизнь колодцекопателей в начале XX века была полна трудностей и горестей, с которыми человек в силу своей близости к Богу должен и способен бороться.

Вместе с тем обучающиеся воспринимали текст Абиша Кекильбаева как вербализацию оппозитивного дискурса или амбивалентного чувства. Под амбивалентностью мы понимаем сложное противоречивое состояние личности, двойственность ее переживаний, обычно принимающее характер внутреннего конфликта. Выражается это в том, что одни и те же явления или объект вызывают у человека одновременно противоположные чувства: **удовольствие** (*чистая вода*) – **неудовольствие** (в результате изнурительно-тяжелой работы колодцекопателя воды в колодце может не оказаться), **симпатия** (главный герой был лучшим мастером в своем деле; его все уважали) и **антипатия** (зависть). Вот почему противоположными качествами концепта «колодец» можно считать биполярность, двойственность, противоречивость, что демонстрирует дуализм человеческой личности, дихотомию человеческого бытия.

Дихотомия жизни и смерти представлена в концепте «колодец»; двуядерный концепт «жизнь-смерть», традиционно репрезентирующий постоянный круговорот рождения жизни и смерти, является универсальным для всех лингвокультур.

Образ колодца – «*оазиса в высохшей котловине*», «*спасительного источника в степи, изнемогающей от безводья*» [Кекильбаев 1979: 366, 364], непосредственно связан с водой как символом жизни. В произведении *вода*, которая в пустыне дороже золота, описывается *желанной, вкусной, медово-сладкой*. С желанной водой связана жизнь колодцекопателей, дарующих этот сок, *эликсир жизни для всего живого: людей, скота, зверей* [Кекильбаев 1979: 366]. «*Вода из двух источников полилась на дно, выложенное плоским черным валуном. Ее веселый всплеск, жизнерадостное бульканье отзывалось в сердце Енсепа ликованием. Это он – он! – освободил закованную камнями и грунтом воду, веками томившуюся в их плену. Это он подарил ее людям. Ему казалось, что вода поет радостный гимн жизни и свободе*» [Кекильбаев 1979: 369]. Главный герой, трудолюбивый колодцекопатель – Енсеп – не просто качественно делал свою работу, но и видел смысл в своем тяжком труде: благодаря воде все рождается, оживает, расцветает, живет.

Жизнь здесь представлена и как *отчаянная борьба за существование*. Именно забота о хлебе насущном, голод заставили главного героя рыть колодцы. В бездне колодца постигается истина: в жутком ледяном подземелье Енсеп, размышляя о счастье, о смысле жизни, осознает, почему его отец, отказавшись от дедовского ремесла, предпочел бедную, но аульную *жизнь на людях*, и какая властная сила толкала его в преисподнюю. В чреве земли Енсеп погружается в воспоминания, рассуждает о жизни колодцекопателя – скитальца, покоровшегося судьбе и мыкающегося в лачуге. Лишь воспоминания о бесконечной доброте дяди и его жены являются опорой и

утешением в те периоды жизни, когда он испытывал разочарование от неблагодарности людей, их зависти.

Так, А. Б. Абдулина, указывая на символическое содержание образа колодца, называет ассоциативными составляющими не только жизнь, спасение, истину, знание, но и «смерть через глубину – от глубины памяти до глубины земной могилы» [Национальные образы мира в современной литературе Казахстана 2020: 75]. Беспросветная жизнь копателей колодцев сопряжена с постоянным страхом, вечным ожиданием беды. Глубина колодца ассоциируется с могилой, смертью. Например: «*Нутро колодца черно и беспросветно*», «... *темень и кладбищенская тишина*» [Кекильбаев 1979: 370]. Енсеп констатирует, что ко всему человек может привыкнуть, но «... *к объездам черной бездны привыкнуть трудно. ... Каково же человеку, который не раз и не два, а изо дня в день вынужден погружаться в мрачное, отдающее тленом подземелье. То самое, куда он должен быть опущен однажды укутанным в белый саван!*» [Кекильбаев 1979: 369]. Указание на смерть представлено в начале и конце текста посредством повторной номинации. Колодец как источник жизни для всего живого превращается в источник смерти, преисподнюю колодекопателя, для которого самым важным уже становится одержимость обойти соперника и доказать свою исключительность, например: «... *Колодец прославился как самый глубокий и самый многоводный на плоскогорье. Однако его называли не «Вырытый Енсепом», а «Тот, где погиб Енсеп»*» [Кекильбаев 1979: 385].

Таким образом, сильные позиции и ключевые слова играют важную роль для адекватной интерпретации заложенного в тексте авторского сообщения. Начало текста, включая заглавие, служит ключом к пониманию и стимулом для прогнозирования возможных тем/идей/образов и выработки стратегии декодирования текста. Конец текста, подытоживая тему, подтверждает адекватность понимания коммуникативного замысла автора.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Дискурс: смыслопорождающий механизм текста: Монография. – Градец-Кралове: Gaudeamus, 2019. – 228 с.
2. *Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – М.: Наука, 1997. – 377 с.
3. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.
4. *Карасик В. И.* Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.
5. *Кекильбаев А.* Баллады забытых лет. Библиотека «Дружбы народов». – М.: Известия, 1979. – 448 с.
6. *Лукин В. А.* Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.

7. Национальные образы мира в современной литературе Казахстана. – Стереотип. изд. – Алматы: Қазақ университеті, 2020. – 180 с.

Автор:

Шахпутова Зухра Хаджимуратовна – докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан; e-mail: zukhrakhad@mail.ru

Научный руководитель:

Нуртазина Марал Бекеновна – д.ф.н., профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан.

Author:

Shakhputova Zukhra Kh. – PhD student of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan; e-mail: zukhrakhad@mail.ru

Scientific advisor:

Nurtazina Maral B. – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan.

МАРКЕРЫ ТЕКСТОВЫХ МИРОВ В ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей англоязычных произведений, авторы которых являются билингвами, что позволяет им представить текстовый мир одной лингвокультуры через призму другой.

Ключевые слова: текстовый мир, интерлингвокультура, маркер.

N. G. Iuzefovich

TEXT WORLDS IN INTERLINGUOCULTURAL FICTION

Abstract. The paper singles out the language means used to create textual worlds of cultures in contact, namely Russian viewed through the lens of the English language.

Keywords: textual worlds, interlanguaculture, linguistic markers

Художественные произведения, написанные авторами-билингвами на английском языке, оказались в центре внимания относительно недавно, что обусловлено глобализацией и упрочением роли английского в роли ведущего посредника межкультурной коммуникации. Литературу такого рода называют *транслингвальной, контактной, транскультурной* и т. п.; в исследованиях автора статьи принят термин «интерлингвокультурное произведение», под которым понимается текст, написанный на одном языке, но посвященный описанию другой, иноязычной культуры, что наиболее ярко проявляется на лексическом уровне [Юзефович 2015].

Русскоязычная литература такого рода в нашей стране известна давно; русскоязычная советская литература всегда была очень популярна: О. Вициетис, С. Капутикян и др., знаем мы и современных писателей-билингвов бывших союзных республик, которые обращаются к русскому языку как средству идентификации своей этнической лингвокультуры: Г. Бельгер, А. Кекильбаев, М. Кул-Мухаммед и др. Текстовый мир [Кушнерук 2011], создаваемый перечисленными авторами, отражает, по сути, два мира: родная этническая культура через восприятие русского языка.

В каждом художественном тексте создается особая концептосфера [Лихачев 1997], отражающая авторское восприятие автора современной реальности или исторической; художественное произведение является средством общения писателя со своей аудиторией, их объединяет язык общения. Если читатель вдумчиво относится к тексту, то он видит и новые смыслы в

художественном тексте, понимает позицию автора, его отношение к персонажам.

Текстовый мир художественного произведения, в отличие от текстовых миров других жанров очень специфичен, его отличает авторское восприятие: это своеобразный мир, который только весьма условно можно назвать «реальностью», это реальность в трактовке писателя, погрузиться в который помогает общий язык. Структура художественного текста определяется его концептосферой, которая влияет на его архитектуру [Огнева 2019]: композиционные элементы текста способствуют выявлению глубинных смыслов, но при этом они не подчиняются строгим формализованным правилам. Художественный текст всегда своего рода загадка для читателя, и какой именно элемент произведения наиболее многозначен, предугадать невозможно, но, подчеркиваю, текст на родном языке, как правило, более доступен читателю, чем интерлингвокультурное произведение.

Специфика таких произведений на лексическом уровне выявляется практически сразу: в них создается особый текстовый мир – интерлингвокультурный – автор-билингв использует разнообразные переводческие трансформации для номинации специфических элементов описываемой лингвокультуры.

Создаваемый автором-билингвом текстовый мир, по сути, является интерлингвокультурным: мир российской лингвокультуры описан в преломлении англоязычного мира, что способствовало новым ассоциациям и новым смыслам, интересно и то, что при этом английский язык варьируется, приобретая новые качества.

Маркеры российской лингвокультуры репрезентированы номинациями традиционной одежды, ритуалов, при этом русскоязычные номинации передаются практической транскрипцией, а значение иноязычных элементов, как правило, расшифровывается – вводятся комментарии. На лексическом уровне мы видим множество транскрибированных компонентов, что, в целом, свойственно интерлингвокультурным текстам. Важно учитывать, что передача номинации требует сохранения не только формы, но и содержания, поэтому писатели-билингвы нередко используют разного рода комментарии: текстовый, затекстовый, постраничный и пр.

Создавая текстовый мир другой этнической культуры вербальными средствами родного языка, писатель своеобразно соединяет две контактирующие лингвокультуры, образуя интерлингвокультуру.

Особый интерес, на мой взгляд, представляют книги известного британского историка Orlando Figes, который занимается изучением истории России. Большинство авторов, создающих интерлингвокультурные произведения, как в частности, и Orlando Figes, свободно владеют русским языком, изучают материалы в российских архивах, используют русскоязычные издания.

В изучаемом произведении *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia* [Figes 2003] представлено два периода, по мнению автора, особо значимых для формирования культуры в России. Писатель выделяет восемь знаковых тем: *Европейская Россия* (European Russia), *Дети 1812* (Children of 1812), *Москва! Москва!* (Moscow! Moscow!), *Крестьянская свадьба* (The Peasant Marriage), *В поисках русской души* (In Search of Russian Soul), *Потомки Чингиз-хана* (Descendants of Genghiz Khan), *Россия через призму советского строя* (Russia Through the Soviet Lens) и *Россия за рубежом* (Russia Abroad).

В контексте влияния Франции описан высший свет в Россия XIX века, но при этом текстовый мир создается и цитатами из произведений А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, П. А. Вяземского, Н. М. Карамзина, которые по праву являются маркерами российской лингвокультуры.

Маркеры российской лингвокультуры включают множество цитат из работ классических русских писателей: И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова (глава *The Peasant Marriage*). Репрезентирована наша отечественная культура и произведениями представителей другой формы искусства, читатель знакомится с И. Е. Репиным, И. Н. Крамским и т. п. Несомненно, текстовый мир данной книги отражает картину мира российской лингвокультуры с разных сторон, в частности, этому способствуют цветные иллюстрации таких картин, как *Бурлаки на Волге* (*The Volga Barge haulers*), *Крестьянин Игнатий Пирогов* (*The Peasant Ignatii Pirogov*) и пр.)

Писатель-историк изучил множество первоисточников: прозу и поэзию, исторические тексты – как на русском языке (доступные в архивах), так и изданные за рубежом. Основная его задача, как представляется, понять, что такое РУССКОСТЬ (“Russianness”) и как это понятие можно репрезентировать англоязычными средствами так, чтобы российская лингвокультура стала близкой иноязычному читателю.

Создание такого произведения потребовало кропотливого труда: список цитируемых источников размещен на многих страницах (587–642); при этом читателю предлагается прочитать и другие книги о России (стр. 661–689), как переводы с русского языка, так и оригиналы на английском языке.

Наиболее яркие культурно-специфические феномены, не имеющие эквивалентных обозначений в английском, автор передает как аналогами (*dance*), так и транскрибированием *pliaska*. Следует подчеркнуть, что писатель особо выделяет роль танца (*пляски, хоровода*) в формировании «народного духа». Культурная значимость данных ритуалов описана в романе в разных эпизодах, что позволяет глубже раскрыть понятие «русскость», в каждой сцене высвечиваются новые ассоциации и формируются новые смыслы.

Так, *chorovod* представлен как ритуальный танец «по кругу» (ritualistic circular movements), это – ритуал крестьянской свадьбы (communal rituals), «коллективный ритуал» (*collective ritual*).

Архитектоника произведения может показаться несколько хаотичной, поскольку российская лингвокультура описана в хронологическом порядке, однако, на мой взгляд, такая композиция способствует осмыслению русскости: автор словно связывает разные эпизоды разных периодов в единое целое.

Иноязычные элементы в исследуемом произведении не просто номинируют какой-либо феномен российской лингвокультур в каждом эпизоде их функционирования, они не просто раскрывают все глубже смысл ритуалов, одежды и пр., но и прирастают новыми смыслами.

Все в данном произведении мотивировано, каждый элемент – вербальное описание, цитата, иллюстрация и пр. – взаимосвязан с другими, приращение смысла и формирует целостность романа.

Автор отмечает, как война 1812 года повлияла на высший свет, в котором стали игнорировать европейскую моду, предпочитая национальную одежду, крестьянский кафтан стал маркером новых политических взглядов:

Russian forms of dress became the height of fashion after 1812. At balls and receptions in St Petersburg, and from the 1830s at the court as well, society ladies began to appear in national costume, complete with the *sarafan* tunic and *kokoshnik* head-dress of old Muscovy. The *kaftan* and *khalat*. The *podvovka*, a short *kaftan* traditionally worn by the peasantry, was added to the wardrobe of the nobleman as well. To wear such clothes was “to make a conscious statement of one’s Russianness” [Figs 2003: 108].

Много говорит автор в романе и о трагических событиях нашего прошлого: тяжелое положение крепостных, опричнина, иногда обращается к событиям более ранних периодов, что помогает увидеть истоки тех или иных фактов.

Жанр статьи не позволяет в полной мере раскрыть все особенности интерлингвокультурного произведения, способы передачи «русского духа», данная тема требует дальнейшего углубленного изучения.

Литература

1. Кушнерук Л. С. Теория текстовых миров как исследовательская программа в рамках когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 1. – С. 45–51.

2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности № 2 (043) 2015 г. Антология / под ред. В. П. Нерознака. – М., 1997. – С. 280–289.

3. Огнева Е. А. Специфика маркеров художественного пространства в архитектонике текстовой концептосферы // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – 2019. – № 43. – С. 191–197.

4. Юзефович Н. Г. Историкографические произведения в контексте неофициального политического дискурса: интерлингвокультурный подход //

Язык и культура в эпоху глобализации: Материалы Второй международной научной конференции. – СПб.: СПбГЭУ, 2015. – С. 128–137.

5. *Figes O. Natasha's Dance. A Cultural History of Russia.* – London: Penguin Books, 2003.

Автор:

Юзефович Наталья Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e-mail: yuzefovich_2005@mail.ru

Author:

Iuzefovich Natalia G. – Doctor of Philology, Professor of English Language Department, St Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia; e-mail: yuzefovich_2005@mail.ru

РАЗДЕЛ 6.
ФОЛЬКЛОР, ЛИТЕРАТУРА, ЯЗЫК: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

УДК 398 + 811.511.151

Л. А. Абукаева

КОНЦЕПТ *кўсото* ‘СВЯЩЕННАЯ РОЩА’
В СИСТЕМЕ МАРИЙСКИХ ТАБУ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей репрезентации концепта *кўсото* / *ото* ‘священная / моленная роща’ в мариийских табу культовой природы. Система запретов в отношении священных рощ регламентирует время и место пребывания в роще, состав молящихся, ритуальные действия. Рассматривая связь табу с текстами молитв, можно расшифровать культурные коды, которые позволяют реконструировать религиозную картину мира мари.

Ключевые слова: традиционная мариийская религия, религиозная картина мира, табу, концепт.

L. A. Abukaeva

THE CONCEPT OF KUSOTO ‘THE SACRED GROVE’
IN THE SYSTEM OF MARI TABOO

Abstract. The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the representation of the concept of kusoto / oto ‘sacred / prayer grove’ in the Mari taboos of a cult nature. The system of prohibitions on sacred groves regulates the time and place of stay in the grove, the composition of the worshipers, and ritual actions. Considering the connection between taboo and prayer texts, it is possible to decipher cultural codes that allow us to reconstruct the religious worldview.

Keywords: traditional Mari religion, religious worldview, taboo, concept.

В религиозной картине мира мари одним из базовых является концепт *кўсото* / *ото* ‘священная / моленная роща’ [Абукаева 2020]. У луговых и восточных мари в священных рощах проводятся моления различной иерархии во время таких праздников, как весенний праздник *Агавайрем*, летний праздник *Сюрем* (*Кўсө*), а также осенние моления. В священных рощах мари проводят семейные, родовые, сельские моления; моления в рамках религиозного союза, а также окружные и всемариийские моления.

Значимость концепта *кўсото* / *ото* ‘священная / моленная роща’ для мариийской лингвокультуры наиболее ярко проявляется через систему *ойөрө*

‘табу’, которые были выработаны на основе религиозной практики и верований в течение многих столетий в отношении священных рощ.

Запреты, связанные с мари́йскими молельными рощами, можно разделить по степени строгости на две группы: 1) соблюдаются неукоснительно; 2) допускаются отступления, при этом совершаются определенные действия, направленные на то, чтобы избежать нежелательных последствий нарушения табу.

Еще в XIX – начале XX века миссионеры и этнографы отмечали святость молельных рощ для мари. Вот как описывает А. А. Фукс поведение мари в молельниках: «Наперёд утром рано моются дома, не употребляют никакой пищи, одеваются чисто. Кто из них принужден отойти в сторону для натуральной, даже маленькой нужды, тот должен бежать из этого священного леса не менее как на полверсты. А потом тотчас переменяют рубаху, почему они и берут с собою ещё рубашку» [Календарные праздники 2003: 91]. И. Н. Смирнов в историко-этнографическом очерке «Черемисы» писал: «Священные рощи неприкосновенны. Где позволяют обстоятельства, они огорожены забором и имеют ворота. Никто не смеет срубить в них ни сучка. Свалившиеся от старости, сломленные бурей колоссальные деревья лежат нетронутыми и сообщают кюс-оту вид девственного леса. Гораздо больше, чем заборы, сохраняет, однако, в неприкосновенности жертвенные рощи гнев богов и месть поклонников» [Смирнов 1885: 200]. В начале XX века А. Нечаев, конкретизируя описанный И. Н. Смирновым обряд, писал об осквернении священных рощ: «Когда черемисы находят, что их мольбище чем-нибудь нарушено, то они приносят сюда гуся или курицу, вырывают у них внутренность, ощипывают их, варят и приговаривают: “Кто срубил это дерево, того предай смерти, как эту птицу”» [Нечаев 1910: 21].

Согласно религиозным воззрениям мари, священная роща – место временного пребывания богов. Сюда они спускаются во время молений. Именно в священной роще мари общаются с богами, прося процветания для семьи, рода, народа; мира и взаимопонимания между народами; плодородия земли, изобилия хлеба, плодовитости скота и пчел, здоровья и благополучия. В результате молитвенных обращений и даров, по верованиям мари, боги наделяют людей жизненными благами. Так, *Шочынава* ‘Богиня-мать рождения’ дарует жизненную энергию, ниспосылая ее сверху, *Мланде ава* ‘Богиня-мать земли’ дает энергию в направлении снизу вверх. Третья жизненная сила дается человеку от *Перке ава* ‘Богини-матери изобилия’, которая собирает воедино силы, приносимые *Пыл ава* ‘Мать облаков’, *Вүд ава* ‘Мать воды’, *Мардеж ава* ‘Мать ветра’.

Система запретов в отношении священных рощ строго соблюдается и в настоящее время. Регламентируется время и место пребывания в молельной роще. В рощу запрещается входить в обычные дни. Вход в рощу регулируется следующим образом: на восточной стороне осуществляется ввод жертвенных животных, на юге (иногда на севере) имеются ворота для

доставки воды, на западной стороне – для прохода участников моления. Такое расположение имеет символический смысл: молящиеся движутся навстречу солнцу, жертвенные животные – к закату солнца. Ср.: также проводы в сторону заката солнца усопших предков, которые приходят на родовые поминки в праздники *Кугече*, *Семьк*, а также провожание покойника в сороковой день поминок. Возле западных ворот на деревья вывешиваются длинные белые полотенца. Они являются своеобразным символом полотенца, с помощью которых Юмо спускается с неба. Полотенца также служат напоминанием «о необходимости участия в молении и соблюдении тишины и спокойствия в период его проведения» [Попов 2012: 21].

Запреты регулируют поведение молящихся. В роще запрещается громко разговаривать, мусорить, пилить и ломать деревья, выносить оттуда хворост, собирать грибы, ягоды, цветы. Роща строго наказывает виновного. В годы борьбы с религией предпринимались попытки вырубить моленные рощи или отдельно стоящие священные деревья. Сами мари категорически отказывались совершить грех. По рассказам, которые передаются из поколения в поколение, для тех, кто отдавал приказ вырубить рощу, сваливать деревья с помощью техники, и для тех, кто исполнял приказы, каждый из таких случаев имел трагическое завершение.

Ломать ветки можно в следующих случаях. Во-первых, священная роща способна помочь человеку при встрече с нечистой силой. Зловещие видения исчезают, если бросить в них сломанной в такой роще гроздью или веткой рябины. [Нижегородские мари: 213–214]. По представлениям мари, рябина является небесным деревом – *юмын пушенге* ‘букв. божье дерево’ [Калиев 1994: 21]. Одним из атрибутов священнослужителя мари-ской этнической религии служила рябиновая палка. Существовало также поверье, что в бане, которую топили рябиновыми дровами, колдуны падали в обморок [Евсеев 1994: 67]. Во-вторых, перед совершением молений рощу приводят в порядок, убирая сухие деревья, поросль, особенно осины. В-третьих, весной из рощи приносят ветки, взятые со священного дерева как воплощение *кудо водыж* ‘дух двора / дома’.

В рощу приходят в чистой одежде, помывшись в бане. Правила поведения в священных рощах самые консервативные, и при возникновении каких-либо новшеств первая установка по отношению к роще – это запрет, например: *Кумалтыш воктен возалташ о йөрө – йыле шонгемат* [Ялаева 2005: 26] ‘Нельзя фотографироваться у священной рощи – быстро составишься’.

Запреты касаются иноверцев, их присутствие в роще, особенно без сопровождения, нежелательно. Раньше в рощу не пускали и женщин. Изменение ситуации объясняется информантами следующим образом: «Только мужчины ходили, а теперь мужчин стало меньше, и женщин пускают» [Нижегородские мари: 1994: 158]. Во второй половине XX века в случае отсутствия мужчин религиозными обрядами руководили женщины [Попов

2020: 153; Молотова 2020: 176]. Однако до наших дней сохраняется такой запрет: *Ўдырамашлан Юмым пелешташ ок йөрө (пелешта гын, эрге йочам воктекыже шогалтыман) – пелештымыже шотлан ок кай* ‘Женщине (в роще) нельзя молиться богу. Если же она станет молиться, то рядом с ней должен быть ребёнок мужского пола, иначе молитва её не будет во благо’. Отметим также, что женщины, которые отправляли религиозные обряды, надевали на голову *теркути* – головной убор карта (служителя культа мариийской традиционной религии). Т. Е. Евсеев отмечал, что женщина не должна находиться возле жертвенного дерева (*онапу*), а также ходить между кольями для котла, в котором варится жертвенная пища [Евсеев 1994: 161].

В рощах при совершении ритуалов система запретов соблюдается и в отношении таких сакральных объектов, как *онапу* ‘священное / моленное / жертвенное дерево’, *шаге* ‘жертвенный стол’, *тул олмо* ‘костер, букв. место огня’, *сорта менге* ‘столб для свечи’ и др. Не разрешается переступать очаги и дотрагиваться до котла, не принося жертву. В священных рощах запрещается спать, говорят, скотина тебя будет всё время бодать.

Наставления по завершении молитвы дома перед тем, как отправиться в рощу, произносит карт: *Отыш кайыме годым ала ўдырамаш ваишлиеш, ала пёръен, ала шешкым ужсын мутланыше лиеш — тугай сиян сансалык калык ида лий. Поро Кугу Юмо, алал кумалына. Алалешак йөратен лий!* [Марий кумалтыш мут 1991: 130] ‘Как пойдете в рощу, быть может, встретится женщина или мужчина, или будет такой, что разговорится, встретив сноху, не будьте наносящими ущерб скрытности. Добрый Великий Бог, истово молимся. Возлюби нашу молитву!’

По верованиям мари, у священной рощи есть ангел, который хранит ее. К нему карт обращается с просьбой по завершении молений: *А Кўсото Суксо, коштишо нерўпшан пийымат, шакше неран кайыкымат, моло осалымат ойгатен колто, Кумалме верым арален шого* [Марий кумалтыш 1991: 21] ‘А Ангел священной рощи, вынюхивающую собаку, птицу с мерзким носом, иное зло отгони, место моления охраняй’.

Рассматривая связь культовых запретов с текстами молитв, можно расшифровать вербальные и акциональные культурные коды, которые позволяют реконструировать религиозную картину мира мари.

Священные рощи являются важнейшим элементом не только духовного, но и социокультурного пространства мариийского народа в целом. На сегодняшний день сведения о 331 священной роще, расположенных на территории Республики Марий Эл, включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации, под охраной государства находятся 327 рощ [Михеева, Перевозчиков 2020: 516].

Система запретов и по настоящее время регламентирует время и место нахождения в моленных рощах, поведение молящихся, порядок совершения ритуалов.

Литература

1. *Абукаева Л. А.* Репрезентация концепта *күсото* ‘молитвенная роща’ в марийской лексикографии // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2020. – С. 7–10.
2. *Евсеев Т. Е.* Калык ойпого: тошто годсо марий ойлымаш, йомак, ончык лийшаш пале, омо кусарыме, туныктен каласыме, воштылтыш, тушто, кумалтыш мут да шүведыме ю-влак = Марийские сказания, сказки, предсказания, сновидения, нравоучения, юмор, загадки, молитвы и заклинания. – Йошкар-Ола: Мар. кн. савыктыш, 1994. – 208 с.
3. Календарные праздники и обряды марийцев: [сб. материалов] / Марийск. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории им. В. М. Васильева при Правительстве Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2003. – 286 с.
4. *Калиев Ю. А.* Об астральных представлениях марийцев // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. – Вып. XI. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1994. – С. 20–27.
5. Марий кумалтыш мут / сост. Н.С. Попов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 256 с.
6. *Михеева А. И., Перевозчиков Ю. А.* Священные рощи марийцев как объекты культурного наследия // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Ижевск, 2019. – С. 514–517.
7. *Молотова Т. Л.* Традиции культовой практики марийцев Кукморского района Татарстана // Финно-угроведение. – 2020. – № 1. – С. 174–176.
8. *Нечаев А.* Черемисы и языческие верования их. – Казань: Центральная типография, 1910. – 26 с.
9. Нижегородские марийцы: сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев. – Йошкар-Ола, 1994. – 251 с.
10. *Попов Н. С.* Күсото – национальный символ мари // Степанова И. Күсото. Святая роща. Иллюстрированное издание. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 8–28.
11. *Попов Н. С.* К вопросу о становлении и развитии традиционной марийской религии // Финно-угроведение. – 2020. – № 1. – С. 148–157.
12. *Смирнов И. Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. – Казань: Типография Императорского университета, 1889. – 265 с.
13. *Ялаева Р.* Шуктет гын ойöрым — илышет лиеш поро (Эрвел марийын 233 ойöрöжö). Что может спасти природу и каждого из нас? (233 табу-запрета народа мари). – Йошкар-Ола: ГУП «Газета “Марий Эл”», 2005. – 72 с.

Автор:

Абукаева Любовь Алексеевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, г. Йошкар-Ола, Россия; e-mail: sylne@mail.ru

Author:

Abukaeva Lyubov A. – Doctor of Philology, Chief researcher, Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, Yoshkar-Ola, Russia; e-mail: sylne@mail.ru

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Исследование выполнено при поддержке гранта *KEGA Vysokoškolská učebnica Mediálna lingvistika 003UK-4/2021*

Аннотация: В нашей статье мы исследуем метафорическую рецепцию ключевых прецедентных имен немецкой литературы в современном российском медиадискурсе с акцентом на анализ их семантической реинтерпретации. Приходим к заключению, что случаи коннотативной десемантизации (частичной утраты или упрощения их первоначального смысла) встречаются гораздо чаще, чем случаи ресемантизации (изменения значения).

Ключевые слова: прецедентное имя, немецкая литература, десемантизация, российский медиадискурс.

M. Duleba, I. Dulebova

REINTERPRETATION OF PRECEDENT NAMES OF GERMAN LITERATURE IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

Abstract. In this article, we analyze the metaphorical reception of key precedent names of German literature in the modern Russian media discourse with an emphasis on the analysis of their semantic reinterpretation. We come to the conclusion that cases of connotative desemanticization (partial loss or simplification of their original meaning) are much more common than cases of resemanticization (changes in meaning).

Keywords: precedent names, German literature, desemanticization, Russian media discourse.

Одной из характеристик современного медиадискурса является его интертекстуальность, в реализации которой важное место занимают различные прецедентные феномены (прецедентные ситуации, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания). В нашей статье мы анализируем некоторые лингвопрагматические особенности использования и восприятия прецедентных имен (далее ПИ) немецкой литературы русским лингвокультурным сообществом, а также остановимся на вариантах их медиальной реинтерпретации.

Лингвокультурологи отмечают, что особенно значимыми для представителей русского сообщества являются прецедентные феномены со

сферой-источником литературы. По нашему мнению, литературоцентричность русского культурного архетипа проявляется, кроме прочего, и в регулярных апелляциях акторов медиадискурса к литературным источникам с целью анализа и оценки различных явлений действительности. В качестве источника ПИ используется не только отечественная, но и зарубежная литература, что свидетельствует о незамятости русской культуры, открытости ее для культурного диалога [Боярских 2008: 13].

В исследовании, рассматривающем тенденции использования в российских СМИ прецедентных феноменов, восходящих к немецкой культуре, Л. В. Быкова также пришла к выводу, что лидирующее место занимает субсфера-источник литература, что объясняется традиционной популярностью произведений немецких авторов в России. А вслед за литературой (26,6 %), по подсчетам автора, следуют (в порядке убывания) сферы-источники вторая мировая война, философия, искусство, наука, политика [Быкова 2009: 139]. От себя добавим, что соотношение источников прецедентности в медиадискурсе свидетельствует о системе ценностей, которая формируется в современном обществе, так как ПИ это, прежде всего, лингвокультурный знак, который часто демонстрирует нравственные приоритеты авторов и реципиентов медиадискурса.

С точки зрения вектора нашего анализа, значимым является и вывод о том, что подавляющее количество единиц в корпусе прецедентных феноменов с субсферой-источником литература составили прецедентные имена (77,2%), причем, по наблюдениям автора, в процессе их медиальной актуализации глубокое знание смысла исходного текста для понимания смысла медиатекста не является необходимым [Быкова 2009: 142]. И именно этот факт открывает, по нашему мнению, неограниченные возможности для медиальной реинтерпретации ПИ.

Разрабатывая проблематику прецедентности, Д. Б. Гудков определяет ПИ как индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом или ситуацией, хорошо знакомой носителям языка, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств, причем семантические свойства ПИ допускают его денотативное и коннотативное, т. е. характерологическое, употребление [Гудков 2003: 108]. В число анализируемых далее прецедентных литературных онимов немецкой литературы входят имена и фамилии авторов произведений, персонажей произведений и заглавия произведений, в соответствии с категоризацией Е. А. Нахимовой, относящей к прецедентным, кроме прочего, и имена, обозначающие художественные или иные произведения [Нахимова 2007: 85].

Прецедентные имена употребляются в СМИ денотативно и коннотативно (неметафорически и метафорически), причем при денотативном использовании прецедентное имя функционирует как

обычное имя собственное (напр. *проводя параллели между творчеством Гоголя и Кафки / рассматривая метафоры Кафки оптикой антифашизма*), при коннотативном же употреблении прецедентное имя используется для характеристики того или иного объекта или явления (*кафкианский кошмар / кафкианский абсурд / мастер абсурда или новоявленный Кафка наших дней / кафкианские элементы, абсурдно, сюрреалистично и парадоксально изображающие реальность / ничуть не смущаясь кафкианских размеров лжи / они вырастут до вполне кафкианских размеров и раздавят всех нас*). Как видим, в метафорическом смысле однозначно превалирует семантика абсурдности, выхолащивая тем самым всю сложнейшую гамму оттенков творчества Ф. Кафки и являя собой яркий пример процесса десемантизации (обеднения смысла), который и является главным предметом анализа нашего исследования.

В сущности, речь идет о процессе прономинации (или антономазии), при котором имя нарицательное заменяется именем собственным, воплощающим в себе все качества группы и становящимся синонимом определенных событий, явлений и свойств. Имя собственное при этом, однако, теряет множество своих первоначальных смыслов, начиная метафорически олицетворять лишь определенное качество. Это касается и исследуемых нами ПИ немецкой литературы, которые выказывают высокий процент примеров формальной актуализации, при которой смысл исходного текста остается незадействованным в принимающем тексте, используется только сама форма прецедентного феномена [Быкова 2009: 186] и связанные с ним в обществе стереотипные представления.

Связь с текстом-первоисточником может оборваться полностью, и прецедентное имя станет фразеологическим оборотом. Например, были зафиксированы случаи, когда прецедентное имя *Время жить и время умирать* (антивоенный роман Э. М. Ремарка) потеряло семантику пацифизма и несет печать значительной десемантизации (*несистемная оппозиция: время жить и время умирать / время жить прошло мимо, время умирать еще не настало*).

Значительная семантическая симплификация и даже частичная ресемантизация коснулась в российском медиадискурсе и другого популярного ПИ (также названия антивоенного романа Э. М. Ремарка) *На Западном фронте без перемен*. Первоначальная связь с военной темой отступает в процессе языковых игр авторов, задействовавших в процессе актуализации ПИ почти все виды возможных трансформаций (субституцию, контаминацию, дополнение и отстранение элементов). Под языковой игрой в данном случае подразумеваем проявление творческой сущности автора в языке, основанное на сознательном отходе от нормы с целью проведения эксперимента с формой и проверки «лингвокультурологических способностей» читателя [Ермачкова 2020: 8]. Преобладают примеры субституции, часто полностью изменяющие первоначальный смысл: *На*

любовном фронте все без перемен / На политическом фронте без перемен. О том, почему пресс-конференция Путина прошла без сенсаций / На рок-фронте без перемен / На популистском фронте без перемен? / На южном фронте без перемен: литовцы ожидают победы Лукашенко / На антироссийском фронте без перемен. Обзор внутренней и внешней политики Польши / На фондовом фронте Молдовы без перемен. Но иногда и простое дополнение полностью меняет смыслы: На Западном фронте без перемен: как выборы в Германии отразятся на Украине / Грузия 2019: на Западном фронте без перемен / На Западном фронте без перемен: общественные оценки состояния российско-американских отношений.

Способность ПИ к семантическим преобразованиям и тропеизации в дискурсе в виде метафоры, сравнения и метонимии способствует формированию нового концепта в сознании читателей через уже известный концепт ПИ, а также и выражению эмоционально-оценочного отношения говорящего к предмету (явлению, ситуации) через образ ПИ и связанные с ним ассоциации. При этом можно наблюдать значительную десемантизацию (частичную утрату, упрощение или потерю первоначального смысла), как это случилось, например, и с именем героя романа И. В. Гёте *Страдания юного Вертера*. Перестав быть в русскоязычном сообществе символом романтической любви, он превратился в символ волны подражающих самоубийств (т. н. эффект Вертера; синдром Вертера): *Синдром Вертера: российские школьники массово становятся жертвой заразной болезни / как избежать синдрома Вертера в социальных сетях.*

Часть ПИ уже изначально понимаются метафорически, и авторы включают их в медиатексты с учетом их тропеического потенциала, не учитывая при этом их первоначальную семантику (и, соответственно, подвергая их процессу ресемантизации). Например, полностью изменилась первоначальная семантика прецедентного онома *Буря и натиск* (нем. *Sturm und Drang*), наименования литературного движения в Германии 1770–х гг. (от одноим. пьесы Ф. М. Клингера, 1776), в центр которого ставилась природа, понятая как средоточие мировых жизненных сил, и гений, соединяющий в себе всемирную творческую энергию в его актуальных медиальных трансформациях: *Соколов: периодом бури и натиска был советский "Коммерсантъ" / Союзников остановили буря и натиск / Буря без натиска / Буря и натиск президента Трампа / Буря и натиск нефтяного рынка / Первый срок Путина — это было время бури и натиска / Буря и натиск отечественной анимации на фестивале в Суздале.* Л. В. Быкова подчеркивает высокую частотность данного ПИ в медиальном дискурсе (5,1%), отмечая, что ныне преобладает его использование для характеристики периодов значительных перемен в жизни общества или отдельных личностей [Быкова 2009: 68], что является фактически полной его ресемантизацией.

Метафорические и метонимические употребления ПИ, образные сравнения с этими именами формируют на основании культурного опыта категории, структурирующие мышление в виде концептов и оценочных стереотипов, причем наличие связи между признаками имени и его носителем определяет способность ПИ формировать стереотипные представления о месте объекта в ценностной картине мира.

Особо этот эффект проявляется в случае сказочных героев, знакомых нам с детства, когда процессы упрощения семантики особо востребованы и часто фиксируются на всю жизнь. Сказки братьев Grimm и сказки Гофмана не являются исключением, и в языковой картине мира взрослого русского человека навсегда остаются сравнения *красивая как Белоснежка, аккуратная как Белоснежка, вести за собой как Крысолов, быть источником денег как Золотой осел, быть коварным как Мышиный король* и т. п. Рассмотрим процесс десемантизации на примере ПИ Крошка Цахес (*Крошка Цахес, по прозванию Циннобер* Э. Т. Гофмана), современное восприятие которого русским лингвокультурным сообществом сводится, по существу, к его магической силе привлекать к себе людей и присваивать себе чужие заслуги. Все остальные смыслы этого сложного, в своей сущности, философского произведения, в актуализациях ПИ отсутствуют: *«Крошка Цахес на троне». Фарион оскорбила Зеленского и призвала убивать врагов Украины / Крошку Цахеса Путин не простил ни «Куклам», ни мне / Саманта Смит – это Крошка Цахес! Онтологический уродец, воплощение "доброто зло"! Кто та фея Розабельверде, из жалости сделавшая так, чтобы Самантой был околдован весь советский народ?*

Медиаальный и политический дискурс во всем мире тяготеет сегодня к упрощению смыслов, упрощая и семантику используемых языковых средств [Спишиакова 2018: 421]. Особо выразительно данная тенденция прослеживается при медиаальном использовании ПИ Барон Мюнхаузен, имеющего в русской концептуальной картине мира значительный «удельный вес» и солидную длительность бытования в дискурсе (более двух веков). *Рассказы барона Мюнхгаузена о его необычных путешествиях и походах в России*, первоначально изданные в Лондоне немецким эмигрантом Р. Э. Распе, а затем второй вариант, немецкий перевод, осуществленный Г. А. Бюргером, были чрезвычайно популярны в России уже с конца XVIII века, ведь в полных иронии и небывальщины историях современники с удовольствием опознавали намеки на исторические события и пародии на известные сюжеты, а на фоне гомерического хвастовства, бурлеска и вранья познавали гетеростереотипы и небывальщины о России глазами иностранца. Интересно, что при живом реальном бароне (Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен, действительно 15 лет прослуживший в России) два писателя издавали и переиздавали его рассказы. В XX веке популярность ПИ еще более возрастает, актуализируемая и многочисленными экранизациями по всему миру. В России новую волну

популярности ПИ приобретает благодаря фильму М. Захарова *Тот самый Мюнхгаузен* (1979). Однако, вместо того, чтобы считать новые метафоры, ПИ постепенно десемантизируется, и некогда сложный образ философствующего путешественника сводится в медиадискурсе фактически лишь к образу фантазера и лгуна: *предвыборная мюнхгаузениада / «С лапшой на ушах»*. *Барон Мюнхгаузен отдыхает / Что там барон Мюнхгаузен по сравнению с нашими говорунами? Просто фантазер / Барон Мюнхгаузен нервно отдыхает. Скромнее надо быть, господа! / Барон Мюнхгаузен нервно курит в стороне: как Степан Григорян Англию «спасал» / Леценко не дают покоя сомнительные лавры барона Мюнхгаузена.*

Как видим, при транспозиции различных культурных компонентов из одной культуры в другую мы наблюдаем неизбежную реинтерпретацию художественных смыслов, что многие исследователи подчеркивают как вполне закономерное явление, поскольку традиции другого этноса, языковые особенности (семантика речевых единиц, интерпретация фразеологизмов, лингвокультурем и проч.) воспринимаются по-разному, в зависимости от собственной национально-культурной специфики и интерпретируются с опорой на родную культуру [Морозкина, Русинякова 2020 : 13].

В сущности, описываемая нами реинтерпретация актуализирует новый взгляд на старые истины, соответствуя ситуации, обозначенной Р. Бартом как «смерть автора» [Барт 1994: 23], которую можно рассматривать как снятие запрета на необходимость почитать т. н. «волю творца», что закономерно ведет к тому, что при трансляции иноязычных культурных кодов они часто становятся лишь «эхом оригинала», приводя не только к их упрощению, но и к смещению акцентов в сфере аксиологии.

По нашим наблюдениям, культурные концепты в медиaprостранстве подчиняются закону относительности значений, при которой любая трансформация смысла фактов и культурных кодов прошлого, являющаяся следствием пересмотра опыта с современных позиций, позиционируется как актуально достоверная. Изучение взаимовлияния разных культур через анализ корпуса ПИ в СМИ позволит получить значимые в теоретическом и практическом отношении выводы, которые могут быть интересны не только для лингвистов-теоретиков, но также и для специалистов в области журналистики, рекламы, преподавания иностранных языков, переводоведения.

Литература

1. *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994.
2. *Боярских О. В.* Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 24 с.

3. *Быкова Л. В.* Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ. – Сургут: СГУ ХМАО–Югры, 2009. – 210 с.
4. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.
5. *Ермачкова О. Е.* Языковая игра с именами собственными в газетном заголовке / О. Е. Ермачкова // Пражская русистика: рец. сб. ст. конф. – Прага: Карлов университет – Педагогический факультет, 2020. – С. 7–14.
6. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
7. *Морозкина Т.В., Русинякова Я.* Межкультурная коммуникация. Intercultural Communication. Interkulturelle Kommunikation: учебник. – Ульяновск: ФГБОУ ВО УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2020. – 244 с.
8. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – 207 с.
9. *Spišiaková M.* Lingvistická analýza politických komunikátov na Kube / Jazyk a politika: na pomedzí lingvistiky a politológie III. – Bratislava: EKONÓM, 2018. – s. 417–425.

Авторы:

Дулеба Максим – магистр, аспирант кафедры германской, скандинавской и нидерландской филологии философского факультета университета Коменского в Братиславе, Словакия, e-mail: duleba2@uniba.sk;

Дулебова Ирина – доцент кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета университета Коменского в Братиславе, Словакия, e-mail: irina.dulebova@uniba.sk

Authors:

Duleba Maxim – Master's Degree, Post-graduate Student of the Department of German, Scandinavian and Dutch Philology, Faculty of Philosophy, Comenius University in Bratislava, Slovakia, e-mail: duleba2@uniba.sk;

Dulebova Irina – Associate Professor, Department of Russian Studies and Eastern European Studies, Faculty of Philosophy, Comenius University, Bratislava, Slovakia, e-mail: irina.dulebova@uniba.sk

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. М. ЛЕОНОВА

Аннотация. Статья посвящена актуальной в современной филологической науке проблеме взаимодействия фольклора и литературы с точки зрения преемственности традиций устной словесности в творчестве русского писателя Л. М. Леонова, который проявлял неподдельный интерес к фольклору, показал трепетное отношение к традициям прошлого, творческое их освоение, стремление овладеть метким и образным словом.

Ключевые слова: фольклор, литература, художественная словесность, духовное наследие, традиция.

Yu. V. Zhukova

FOLKLORE TRADITIONS IN THE WORKS OF L. M. LEONOV

Abstract. The article reveals the urgent problem of folklore and literature interaction in modern philological science in terms of folk poetry traditions continuity in the works of the Russian writer L.M. Leonov. He showed the constant and deep concern for folklore, the careful attitude to the traditions of the past, their creative development, the desire to master a perceptive and figurative word.

Keywords: folklore, literature, figurative literature, spiritual heritage, tradition.

Проблема взаимосвязи фольклора и художественной литературы приобретает сегодня особую актуальность в рамках современного литературоведения, в контексте нынешнего состояния экологии и, в частности, «экологии культуры» (Д. С. Лихачев), внутринационального и глобального кризиса человечества.

Тема взаимоотношения фольклора и литературы носит императивный характер. История вопроса оказывается в фокусе исследовательского внимания классиков отечественного литературоведения А. А. Потебни, А. Н. Веселовского, Ю. М. Лотмана В. Я. Проппа, а также подробно освещена на страницах работ современных литературоведов.

Фольклорные традиции представляют собой не только существенную атомарную часть в идейно-художественном целом творчества того или иного писателя, но и являются философским и нравственно-этическим остовом системы ценностей. Связь художника с фольклорным наследием, языком устной народной поэзии оказывают непосредственное влияние на формирование писательского видения мира и человека. Обуславливая включение авторской мысли в этнографический контекст, она свидетельствует о

плодотворности обращения к стихии народного образотворчества. Значительна роль фольклорного слова в переносе смысловых акцентов изображения событий с сюжетно-фабульной основы на философский подтекст, в котором воспроизведены особенности национальной ментальности, специфические черты русского народного характера.

Вопрос о роли и месте народной поэзии в творчестве каждого выдающегося писателя зачастую неразрывно связан с его ролью и местом в литературном процессе, которую невозможно решить без анализа его связи с фольклором и без учета того вклада, который он внес в формирование и развитие творчества писателя.

Литературное наследие Леонова, русского писателя-классика XX века, необходимо рассматривать сквозь призму русской и мировой культуры и литературы. Л. М. Леонов – не просто выдающийся писатель с ярко выраженной визуализацией поэтического слова, что иллюстрируют многочисленные примеры описания природы и действительности. Леонов – писатель-философ, выступающий в роли прозаика, драматурга, публициста и литературного критика. В его творческом арсенале имеется немалое количество разножанровых произведений, тексты которых опираются на жизнь и быт русского народа, а также показывают отношение к окружающему миру. Произведения отличаются стилевой оригинальностью, разнообразием содержания и глубиной мысли. Вечная проблема поиска истины выходит на первый план повествования, определяя развитие сюжета и характеров.

Неподдельный интерес Леонова к фольклору, бережное отношение к традициям русского народа, почитание мифологии, древнерусской и русской литературы и классики с опорой на фольклорные традиции отразились в творчестве писателя. По словам В. И. Хрулева, «мышление Леонова вобрало в себя народнопоэтическое представление, его символику, представляя в то же время «свободу и раскованность в обращении с фольклорным материалом» [Хрулев 2015: 267, 268].

Анализ языка и стиля, эстетики и мировоззрения Леонова в современном леоноведении показал присутствие многочисленных явных отсылок на фольклорное произведение, а также фольклорных элементов в трансформированном виде, спрятанных глубоко. Многие фольклорные материалы привлечены в тексты произведений с целью передать авторскую позицию и показать социальные и религиозно-философские искания писателя. Часто фольклорные элементы появляются в тексте в виде вставных эпизодов, составляющих в результате основную часть произведения. Более того, создавая свои произведения, Леонов нередко выражал чувства и интересы русского народа в духе народных сказок и легенды.

Приведем несколько примеров. В основе рассказа «Бурыга» (1922) из раннего творчества Леонова лежит устная народная сказка, представляющая собой интерпретацию традиционных сюжетов и фольклорных образов, а также элементов цивилизации, под влиянием которой оказалась русская

деревня в пореформенный период. Главный герой повествования Бурьга – нечто вроде безобидного лешего с копытцами и хоботом («детеныш-нос-хоботом»), но при этом владеющий и понимающий человеческий язык. *«Хорошо жилось Бурьге в зеленом приволье леса. Там по утрам солнце ласково встает: оно не жжет затылка, не сует тебе клубка горячей шерсти в глотку, оно свое там, знакомое. Там затянет по утрам разноголосая птичья тварь на все лады развеселые херувимские стихеры, там побегут к болотному озерку неведомые, неслыханные лесные зверюги...»* (5, с. 37); *«Стал Бурьга у бабки жить, на полатах спать, стал Бурьга словно бы деревенский мужичок»* (5, с. 42). Изображение крестьянской жизни, национальной самобытности, присутствие элементов просторечия в рассказе вкупе с иронией и юмором наполняют все эпизоды рассказа «Бурьга» приятным чувством эмоционального благополучия и радости: традиционное русское чаепитие из самовара, высоко почитаемое испанским графом; сын испанского графа с русским именем Иван; Волосатик – «кругленький и мохнатенький, вроде как бы лешев внучек» и Рогуля – «полосатый, серое с зеленым, сухой да тонкий, как аршин, кривулинка на ножках» – приятели Бурьги из-под лохматого пня; сторожевой пес Шарик и т. д. Кроме того, используется типологически характерное сказочное изложение: использование глагола действия «жил», с которого, как правило, начинается каждое событие сказки.

В духе поэтики русского фольклора представлена одна из глав повести «Петушихинский пролом» (1922). Неординарный стилистический колорит писателя делает читателя причастным к чудесному действию: *«Ходил раз один этакий старичок-моховичок за миарины, где выгон петушихинский потом, за голубикой, насбирал сколько надо, больше некуда, – идет домой, тянет богородичку, молитву, озирает сенокосные луга, – все ли в порядке»* (5, с. 170). Однако, сказочная картина, представленная в начале повествования, перестает быть сказкой при постепенном углублении в сюжетную канву повести. В ней отчетливо видна фольклорная поэтическая персонификация природы и красочный колорит русского пейзажа: «голубика», «сенокосные луга», «миарины», и особенно поэтическое сравнение «медовая сыта в глубоком голубом ковше», приводящее на мысль сказочные «медовые реки», – явно указывает на фольклорную традицию, в которой обнаруживается типичное сходство с пейзажами средней и северной России. К тому же сказочный «старичок-моховичок» имеет обычное русское имя – Пафнутий.

Для Леонова само бытие, жизненные установления крестьянина, народного сказителя и певца – та основа, на которой формируется ткань собственной эстетики и модели мироздания. «Правнук крепостного, я смотрю на старую русскую культуру как на свое кровное наследие» [Леонов 1984: 287]. Изображая в прозе 1920-х гг. («Темная вода», «Приключение с Иваном», «Бродяга», «Барсуки», первая редакция романа «Вор») противоречия в жизни города и деревни, Леонов включает в формируемый в эти годы

поэтический арсенал народно-поэтические мотивные формулы, топосы национальной культуры, уходящие корнями в мифы, детали деревенской жизни с множеством визуальных подробностей. В текстах раннего периода леоновского творчества разворачивается один из устойчивых смыслообразов народного мировосприятия: параллель «человек–дерево» [см. об этом: Пазынин 2005]. Срубленное, поваленное дерево прочитывается как метафора катастроф в судьбе России, разрушения национально-исторического миропорядка. Исследуя трансформации данного мотива, Н. А. Непомнящих отмечала, что впервые прозвучавший в повести «Бродяга» (1928) мотив характерен для творчества Н. С. Лескова, для поэзии К. Бальмонта, Б. Пастернака [Непомнящих 2009: 288–295]. Сопоставление сюжетных сцен рубки леса в раннем творчестве Леонова с их символической семантикой в романах 1950-х–начала 1990-х приводит к выводу о превращении фольклорного образа в константу художественного пространства Леонова – устойчивый элемент поэтики, философских раздумий писателя на тему русской истории. «Опорные» идеи Леонова, мотивы леса и дерева, как воплощения вертикали в его образе-мысли, вошли «в контекст вечных ценностей русской литературы и в целом культуры» [Там же: 295]. *«Бор начинался прямо, без подлеска. Неохватные, стрела к стреле, сосны возвышались там, как подпорки неба»* (4, с. 80); *«Со вторым рассветом грянул железный ливень по Облогу, низовой ливень в тысячу дружных топоров. Рванный гул огласил окрестность, и, как над всяким побоищем, взмыла и загорланила черная птица. Целых два дня бор стоял несокрушимо, словно каждую ночь свежая смена заступала место павших; к концу третьего, когда артели врубались в чащу, Облог дрогнул и заметно попятился; дело пошло спорей. Сваленный лес тут же превращали в тесаную шпалу либо в подтоварник и просто на швыркочное полено...»* (4, с. 96).

«Яркие смысловые коннотации с былинным эпосом, сказочными образами в целом устным народным творчеством определяют общую мифопоэтическую атмосферу повествования», – пишет старейший российский леоновед, рассматривая вводные конструкции народной сказки о Покати-Горошке в повести Леонова «Взятие Великошумска» (1944) [Якимова 2011: 140]. По мнению литературоведа, в леоновском художественном сознании сочетаются «фольклорные архетипы, образы национальной и общечеловеческой культурной истории», а мифологическая рефлексия выступает посредником между образом и понятием», звеном художественного опредмечивания, объективизации идей и явлений [Дырдин 2012: 55–56].

Роман «Русский лес» (1950–1953) – многоплановое произведение, вероятно емкое по глубине поставленных проблем. Писатель выступает здесь в роли художника, философа и выдающегося ученого в области науки о лесе. В своем повествовании Леонов опирается на ведущие сказочные образы-лейтмотивы: путь-дорога, поиск истины и счастья, живая и мертвая вода, былинка, темная сила, борьба с чудовищем и т. д. Русский лес в

одноименном романе является воплощением настоящего, доброго, сказочного богатыря, который прячет главную героиню Полю Вихрову в своей чаще. *«Если бы накренившаяся сосна не прикрыла Полину тень на сугробе, а другая не приняла бы на себя часть пулеметного огня, повесть о лошкаревском походе сократилась бы наполовину»* (4, с. 561). Данный эпизод романа перекликается с сюжетом из русской народной сказки «Гуси-лебеди», в которой яблоня помогает герою сказки добраться до дома.

Творчество писателя, по словам А. Г. Лысова, соответствует «запросам национальной жизни и предельным целям всечеловеческого единства» [Лысов 2001: 74].

По мнению Ф. Листвана, «сказочный материал привлекается Леоновым с целью создать определенную параллель героям произведений, событиям, явлениям» [Листван 2011: 25]. Кроме того, «эмоционально-семантическое начало, содержащееся в фольклорных текстах, сливаясь с метафорической, философски оснащенной леоновской творческой мыслью, объединяются в одном эстетическом пространстве» [Дырдин, Жукова, 2018: 187]. Эта классическая форма народного мировоззрения служит своеобразным опорно-семантическим полем, по отношению к которому происходит индивидуальное осмысление национальной аутентичности и ее актуализация, утверждение в идейно-философском контексте романа как идеи национального единства.

Подводя промежуточный итог, необходимо отметить, что, во-первых, Леонов часто прибегает к использованию фольклорных сюжетных мотивов: добрый богатырь, сверхбогатырское телосложение, леший, чудо, мотив дороги, нравственного искания героев. Во-вторых, писатель включает в повествование противостояние персонажей, наполненных положительной или отрицательной коннотацией: добрый и мудрый герой – безнравственный, плохой герой. В-третьих, система повторов, неоднократное использование одних и тех же образов и мотивов, явные и скрытые ассоциации, олицетворение природы, зачины и концовки, живое слово русского народа – все это является признаком народной традиции и поэтического мироощущения Леонова.

Таким образом, фольклорные сюжеты, мотивы, образы в произведениях Леонова играют роль связующего элемента в сближении и переплетении сюжетных линий, зачастую предстают в подтексте или в виде намека, аллюзии и выполняют различные сюжетообразующие, эстетические, композиционные функции. Художественный мир Леонова представляет собой наполненную собственным пониманием автора систему фундаментальных философем, имеющих дополнительные оттенки в содержании. Былинные образы, сказочные мотивы, народные обычаи являются отражением духовной жизни народа, действенным средством изображения реальности.

Литература

1. *Батурина Н.В.* Народно-поэтические истоки творчества Л. Леонова 20-х годов. Дис. ...канд. филол. наук: 10.01.01. – Бирск, 2000.
2. *Дырдин А. А, Жукова Ю. В.* Аллюзивно-экфрастический роман Л.М. Леонова «Русский лес» // Проблемы исторической поэтики. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 174–199.
3. *Дырдин А. А.* Проза Леонида Леонова: метафизика мысли. Монография / А. Дырдин. – М.: СИНЕРГИЯ, 2012. – 294 с.
4. *Леонов Л. М.* Русский лес: Роман. – М.: Художественная литература, 1988. – 703 с.
5. *Леонов Л. М.* Собрание сочинений в 10 т. – Т. 1. Повести и рассказы. – М.: Художественная литература, 1981.
6. *Леонов Л. М.* Собрание сочинений в 10 томах. – Т. 10. Публицистика. Фрагменты из романа. – М.: Художественная литература, 1984.
7. *Листван Ф.* Волшебная сказка в творчестве Леонида Леонова // Художественно-философские модели мироздания в творчестве Л. М. Леонова и в русской литературе XIX–начала XXI столетий: Материалы VIII Междунар. науч. конф., г. Ульяновск, 19 сентября 2011 г. – Ульяновск: УлГТУ, 2011. – С. 19–31.
8. *Лысов А. Г.* О «всемирной отзывчивости» Леонида Леонова: соборный образ культуры // Век Леонида Леонова. Проблемы творчества. Воспоминания. – М.: ИМЛИ РАН, 2001. – С. 74–86.
9. *Непомнящих Н. А.* Древо – Россия: Истоки мотива поваленного дерева у Л. М. Леонова // Образ России в отечественной литературе: От «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона до «Пирамиды» Л. М. Леонова: движение к многополярному миру: Материалы VI Международной конференции / сост., отв. редактор А.А. Дырдин. – Ульяновск, 2009. – С. 288–295.
10. *Пазынин В. В.* Образы деревьев в русской народной лирике (к проблеме ассоциативного наполнения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2005. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/obrazy-dereviev-v-russkoy-narodnoy-lirike#ixzz6rQVdnHUT>.
11. *Фатеев Д. Н.* Фольклорные пространственные мотивы в прозе Л. Леонова ("Русский лес") и А. Солженицына ("Матренин двор"): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2006. – 178 с.
12. *Хрулев В. И.* Художественное мышление Леонида Леонова: монография, 2-е изд., испр. и доп. Часть I. В.И. Хрулев. – Уфа: РИИЦ БашГУ, 2015. – 320 с.
13. *Якимова Л. П.* Вводные конструкции народной сказки в повести «Взятие Великошумска» // Л.П. Якимова. Вводный эпизод как конструктивный элемент художественной системы Леонида Леонова. РАН, Сиб. отделение, Институт филологии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – С. 136–149.

Автор:

Жукова Юлия Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Ульяновского государственного технического университета, г. Ульяновск, Россия; e-mail: yulekkk777@mail.ru

Author:

Zhukova Yulia V. – Senior Teacher of Department of Foreign Languages, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia; e-mail: yulekkk777@mail.ru

ЖАНР ПЕСНИ В РОМАНЕ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»

Аннотация. В статье исследуется жанр песни в поэтике романа П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и делается вывод о том, что писатель использует песни для более глубокого раскрытия художественных образов, песни помогают показать и эволюцию характеров.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, песня, жанр, роман.

Е. У. Kosyakova

GENRE SONGS IN THE NOVEL OF P.I. MELNIKOV- PECHERSKY «IN FORESTS»

Annotation. The article examines the genre of songs in the poetics of the novel by P. I. Melnikov-Pechersky «In forests» and concludes that the writer uses songs for a deeper disclosure of artistic images, helping to show the evolution of characters.

Keywords: P.I. Melnikov-Pechersky, song, genre, novel.

Среди самых разнообразных жанров устного народного творчества значительное место в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» занимает жанр песни. В произведении использовано большое количество лирических и шуточных песен, романсов.

Уже в первой главе первой части романа строки городского романса, прочитанные Чапуриным в тетради Насти, дают возможность заглянуть во внутренний мир героини и в какой-то мере понять стремления девушки. «Перевернул Патап Максимыч листок, а там другая псалма: "Сизенький голубчик, Армейский поручик"» [Мельников 1956, т. 1: 20].

Песня – любимое средство характеристики внутреннего состояния героя, и часто через песню раскрывается характер. Особенно показателен и нагляден в этом отношении образ Фленушки, в котором отразился народный идеал здоровой и яркой человеческой красоты, не случайно мы находим множество параллелей к её портретному изображению в народных песнях. Автор говорит о героине в сказочно-песенном стиле. Образ Фленушки с её трагической судьбой почти целиком создан на фольклорном материале. Незаконнорождённая дочь игуменьи, она воспитана в скиту, но жизнелюбива, умна, находчива. Псалмам она предпочитает мирские песни. Задорная, часто шуточная песня раскрывает живой, беспокойный нрав озорной Фленушки: «И прищёлкивая пальцами, весело запела:

Я у батюшки была, я у тысячника
У тысячника.
Приневоливал меня родной батюшка,
Приговаривала матушка
Замуж девке идти.
Да идти, да и замуж
Девушке идти.
Во все грехи тяжкие,
Грехи тяжкие поступить,
Тяжки поступить,
Да дождусь я, девка, тёмной ночи,
Во полуночи уйду в тёмный лес,
Да и в тёмный лес» [Мельников 1956, т. 1: 75].

Не только озорной нрав героини проглядывает через песню, но также настойчивость и упрямство Фленушки. Важное значение придает Мельников-Печерский и самой манере исполнения песни, сопровождаемой приплясыванием и прищёлкиванием пальцами.

Через песню же передаёт писатель и горькое отчаяние героини, твёрдо решившей принять иночество и навсегда расстаться с любимым человеком. «Надорванным голосом, тихо и грустно» начинает Фленушка свою песню:

Ноет сердце моё, ноет,
Ноет, занывает –
Злодейки кручинушки
Вдвое прибывает... [Мельников 1956, т. 1:120]

Скитские песни тоже широко представлены в романе, ведь писатель подробно описывает в своём произведении жизнь раскольников. Песни эти больше религиозного характера, они проникнуты пессимизмом, автор их называет «унылыми» [Мельников 1956, т. 1: 341]. Духовная песни и духовный стих помогают Мельникову-Печерскому создать тот идеал существования, к которому должно стремиться каждое существо, нашедшее пристанище за обительскими стенами:

Возрмся мы, люди, на сосновы гробы,
На наши превечные дома.
О, житие наше маловременное!
О, слава, богатство суетное!
И слёзы у божества и гордость завистная
На сем вольном свете всё минет [Мельников 1956, т. 1: 341].

Подобные песни как бы подчёркивают безысходность положения несчастных, которым нет места в мире, которые в силу определённых социальных условий вынуждены ценой молодости и счастья покупать приют и кусок хлеба за стенами старообрядческих обителей. Песня же помогает писателю показать и те стремления молодых душ к счастью, которые

постоянно живут в их сердцах. На супрядках слышатся совсем не свойственные скитам песни:

Не свивайся, не свивайся трава
с повиликою,
Не свыкайся, не свыкайся молодец
с девицей.

Хорошо было свыкаться, тошно расставаться [Мельников 1956, т. 1: 159].

Таким образом, жанр песни в романе «В лесах» является, главным образом, одним из средств раскрытия духовного мира персонажей, с помощью песни выявляются самые тонкие переживания героев, их чувства, мысли, перемены в настроении. Песня также активно используется для характеристики народных групповых образов, их положения и духовных стремлений. В целом песни помогают П. И. Мельникову-Печерскому раскрыть глубже художественные образы, дают их более тонкую характеристику, показывают и эволюцию характеров.

Литература

1. Мельников П. И. Собрание сочинений: В 2 книгах / П. И. Мельников-Печерский. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956.

Автор:

Косякова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, Россия, г. Чебоксары, e-mail: Key82@yandex.ru

Author:

Kosyakova Elena Yu. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Russia, Cheboksary; e-mail: Key82@yandex.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КИТАЙСКОГО КОСТЮМА

Аннотация. Данная статья посвящена изучению китайского костюма как знаковой системы. В рамках исследования также анализируется долгий путь эволюции китайского костюма, который четко прослеживается, если обратиться к истории живописи, графики Китая.

Ключевые слова: китайский костюм, символика, семиотика костюма, композиционное построение китайского костюма.

A. Y. Nikolaeva, I. A. Nikonova

SEMIOTIC ASPECT OF CHINESE COSTUME

Abstract. This article is devoted to the study of the Chinese costume as a symbolic system. The study also analyzes the long evolution of the Chinese costume, which can be clearly traced if we apply to the history of painting and graphics of China.

Keywords: Chinese costume, symbolism, semiotics of the costume, compositional structure of the Chinese costume.

«Костюм является ... самым важным признаком, по которому мы можем судить о привычках, обычаях и образе жизни каждого века», – писал О. Уайльд. Старинный китайский костюм яркое тому подтверждение.

Китайский костюм не является костюмом в обычном нашем понимании. Он – своеобразная система символов, знаков, отражающая миропонимание людей, населяющих Китай с глубокой древности по настоящий день, в его развитии и эволюции. Национальный костюм Китая дает возможность понять также традиционную китайскую культуру во всей ее полноте и многообразии. Вместе с тем и сама символика китайского искусства связана с народной мудростью, наблюдениями над явлениями природы и образным сопоставлением ее закономерностей с жизнью и чувствами людей.

Поэтому, изучая китайский костюм, мы по-своему приобщаемся к оригинальной самобытной культуре Китая, его философии и религии, к мудрости талантливого китайского народа.

Однако если сквозь призму определенного вида искусства рассмотреть китайский костюм с его сложной символикой, текучестью и плавностью линий, особым видом членения, необычайной гаммой цветов, то мы сможем выявить всю самобытность, неизменную традиционность культуры Китая, своеобразие его религиозно-философских учений. История китайского

костюма напоминает чем-то горизонтальный свиток, перекручивая который мы можем приобщиться, понять, постигнуть сущность китайской культуры, восхититься талантливым, самобытным народом Китая с его необычным мировоззрением, самобытным мироощущением и поклонением традициям, уходящим в глубь истории.

По костюму можно судить о внутреннем состоянии человека, о его тайных помыслах, желаниях, о том, что он страстно ждет и даже предвидит в будущем. Символические изображения и узоры на китайском костюме – это своеобразный код, обусловленный миропониманием и традициями, сложившимися в Китае с давних времен.

Давно замечено, что материал, из которого изготавливался костюм в Китае, зависел от социального статуса носителя той или иной одежды. Костюм поражает взор почти ювелирной драгоценностью фактуры и скрупулезной отделкой деталей. Долгие века шелковые халаты были привилегией богачей, проявлением их статуса, так как в шелковые одежды могли одеваться только члены императорской семьи, высшие чиновники, ученые, знатные дамы. Большое значение отводилось и форме одежды; так, гражданские люди носили сапоги с круглыми носами, военные – с квадратными. Подобная форма обуви в Китае представляла собой обращение к традиционной символике Китая – к кругу и квадрату. Этим китайцы выражали представления о круге и квадрате как символах неба и земли, то есть как бы сопоставляли интеллектуальную и физические силы.

Говоря о сложной многозначности символики в китайском костюме, можно проследить как историю, так и религию и мировоззрение китайцев.

Государственная религия Китая – поклонение небу, не зря Китай называют «поднебесным». Поэтому облако стало основным элементом всей системы орнаментики и главным определяющим образом не только искусства Китая, но и костюма китайцев.

В китайском костюме особо ценится общий облик, форма, конфигурация, которым присущи плавные, изящные формы, напоминающие абрис и линейную характеристику облака. Ритмическое расположение цветочных пятен, гармоничное равновесие асимметричной композиции в сочетании с виртуозным движением рисунка передают всю «душу» костюма.

Особое значение в костюме отводится и говорящей детали, которая не напрямую, а косвенно, ассоциативно, но в то же время неожиданно ярко передает смысл изображаемого, что свойственно всему китайскому искусству в целом. Это умение в малом, в одной детали, намеке передавать великое и бесконечное проявление таланта китайского живописца и мастера. Деталь доводится до уровня символа, найденного в предметном мире при помощи эмоционально-ассоциативных связей. Так, цвет в китайском костюме регламентировался по чинам: цвет костюма императорской фамилии – желтый («Император династии Тан использовал систему одежд династии Суй: император носил желтые одежды, чиновникам и простому народу запрещалось

надевать платье желтого цвета» [Хэ Чжиюнь 2009]); воинов – белый, красный; молодых воинов – голубой; сановников – коричневый. В процессе эволюции костюма в Китае сложилась устойчивая символика живых образов, используемых для украшения одежды: так, дракон считался повелителем дождя, воплощением мудрости, добра, миролюбивых сил, выражением слияния неба и земли, огонь – символ внутренней сущности, отсюда и мотив китайского орнамента – волны, облака в виде спирали, то есть символы раскатов грома и молнии. Самое большое место в орнаменте китайского костюма отводилось изображению персика – символу долголетия, иероглифу орхидеи – символу учености, цветку пиона – символу богатства, паре гусей в небе – знаку нерасторжимой любви. Божества всегда изображались на костюмах в голубых и зеленых одеждах. Гибкий и полый внутри бамбук был символом мудрого ученого, способного противостоять невзгодам жизни, а прекрасный цветок лотоса на одежде являлся символом чистоты, поскольку вырастал из грязи незапятнанным, а вечнозеленая сосна служила аллегорией долголетия.

Если сопоставить китайский и японский костюмы, то можно увидеть и ощутить всю прелесть композиционного построения китайского костюма. Глядя на японское кимоно, мы видим тяжелую, статичную форму, которая ассоциируется со стволом бамбука, окольцованным своей же прожилкой, или со свернутым свитком, перевязанным ленточкой. Китайский же костюм своей многослойностью, текучестью и плавностью линий, легкостью, мягкостью похож скорее на нераспустившийся бутон лотоса. Многослойность в китайском костюме обусловлена представлениями о том, что духовное начало в человеке выше, чем физическое. Поэтому все телесные формы в костюме Китая тщательно скрывались под многочисленными одеждами. Недаром древнекитайские поэты в своих трактатах о любви сравнивали костюм с лотосом; когда он раскрывается, мы видим его красоту, притаившуюся внутри бутона, так и человек, прячась в «бутоне», раскрывается через духовное начало, а не физическое.

Китайский костюм прошел долгий путь эволюции, который четко прослеживается, если обратиться к истории живописи, графики Китая. Так, на свитках, картинах нередко по костюму можно определить, к какой эпохе относится то или иное произведение. Персонажи исторических эпопей «Троецарствия», в которых по советуется о событиях начала III века, и «Речные заводи», написанные в XIV веке, изображаются в условно-исторических костюмах, соответствующих скорее минской и цинской эпохам. Герои этих свитков одеты в халаты периода Мин, но волнообразные полосы (лишуй – «стоящая вода») в нижней части костюма дают возможность более точно атрибутировать время действия, изображенного на свитке, что соответствует более позднему времени. На лубке со сценой из пьесы «Сановники и император», действие которой относится к XVI веку, сановники одеты в халаты периода Мин с цинской «стоящей водой» а на героине, наложнице

государя, юбка с «панелью» спереди и складками, что характерно для женского наряда XIX века.

Известный исследователь истории китайского костюма Л. П. Сычев обращает внимание на то, что, в отличие от мужчин, которых художники изображали обычно в архаизированном, условно старинном одеянии, у женщин одежда и её особенности четко соответствуют тому времени, когда создавался лубок. Аналогичное происходило с головными уборами, прическами. Женский наряд и прическа нередко даже помогают датировать картину. Так, судя по гладким прическам, типу рукавов и юбкам, которые были в моде в определенный период времени, картину «Чтение в комнате с орхидеями» можно датировать периодом Даогуан (1821–1850 гг.), а лубок «Веселому мальчику суждено долголетие», на котором изображены красавицы с тугим узлом волос на макушке, – периодом Цзя-цин (1796–1820 гг.).

Костюм, как и живопись Китая, затрагивает только сферу возвышенных чувств, куда не примешивается мелкое, случайное. Китайский костюм никогда не был лишь напоминанием о чем-то бытовом, каждодневном, в нем можно увидеть ту глубину, многослойность, которые всегда отличали китайскую живопись в целом.

Костюм в Китае существовал не сам по себе, а во взаимосвязи с другими видами искусства и в частности, с архитектурой. Он никогда не был отдельным элементом всей «жизненной» концепции китайского народа. Цветовая гамма костюма плавно вписывалась в интерьер домов, дворцов. Форма и декоративное членение костюма всегда повторяли формы архитектурных сооружений. Наверное, в этом и есть отражение философии китайского искусства. И действительно, китайский костюм всегда соответствует интерьеру, интерьер плавно перетекает в форму зданий, дворцов, пагод, а архитектура гармонично вписывается в «интерьер» природы. И поэтому, изучая специфику китайского костюма, мы лучше познаем своеобразие, специфику живописи, архитектуры Китая. Китайский человек всегда стремился не нарушать гармонию, будь то в природе, в костюме или даже в своих собственных мыслях, делах и поступках.

Искусство традиционного китайского костюма уже стало достоянием истории, но и современный художник, модельер и просто ценитель прекрасного найдет в нем немало интересного и поучительного в плане творческого использования и развития национальных традиций, так как знания о костюме Китая позволяют лучше узнать историю, религию и философию китайского народа.

Литература

1. Козлова Т. В. Костюм как знаковая система. – М.: МТИ, 1980. – 197 с.
2. Кравцова М. Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: учебное пособие. – СПб.: Лань, ТРИАДА, 2004. – 960 с.
3. Хэ Чжунюнь. Цветовая символика национального костюма в

китайской и русской культурах // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsvetovaya-simvolika-natsionalnogo-kostyuma-v-kitayskoj-i-russkoj-kulturah> (дата обращения: 05.03.2021).

Авторы:

Николаева Анастасия Юрьевна – старший преподаватель кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: anastasija.nickolaewa2012@yandex.ru;

Никонова Ирина Александровна – старший преподаватель кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, e-mail: triptix.ira@mail.ru

Authors:

Nikolaeva Anastasia Yu. – Senior Lecturer of the Department of Literature and Cultural studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University; e-mail: anastasija.nickolaewa2012@yandex.ru;

Nikonova Irina A. – Senior Lecturer of the Department of Literature and Cultural studies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University; e-mail: triptix.ira@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИЯ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ФОЛЬКЛОРЕ КУБАНИ

Аннотация. Данная статья приводит анализ некоторых песен, пословиц и поговорок Кубани с целью распознавания мультикодности для определения приоритетных семиотических рядов. Следует выделить некоторые семиотические ряды, нацеленные на общепризнанные ценности: мудрость, добро, защиту, семью. Имеется значительное многообразие знаков, которые могут быть классифицированы и включены в специфические ряды. В данном исследовании описаны личность казака, конь, хлеб, Бог и вера.

Ключевые слова: семиотика, ряд, пословица, поговорка, устное творчество, фольклор.

E. G. Khitarova

SEMIOTIC SYSTEMS CORRELATION IN THE KUBAN FOLKLORE

Abstract. The given article reflects the analysis of some songs, proverbs and saying of Kuban with the aim of recognizing multi-codes in order to determine the priority semiotic series. It is necessary to distinguish some semiotic series according to generally recognized values-wisdom, kindness, protection, family. There is a considerable variety of signs that can be classified and included into some series. In this study the personality of cossack, horse, bread, God and belief are observed.

Keywords: semiotics, proverb, saying, oral folk art, folklore.

Семиотика – наука, в прицеле которой находится знак, знаковая система. Среди известных ученых, изучавших семиотику, можно назвать Ч. С. Пирса, Ф. де Соссюра, Л. Ельмслева, Р. О. Якобсона и других. Науки, находящиеся на стыке нескольких предметов изучения – языки программирования, информатика, химические и физические формулы, знаковые системы, язык музыки, художественного творчества, в некоторых случаях даже язык танца, – могут быть рассмотрены с точки зрения семиотики. Данная группа наук выделяет один общий аспект изучения – знак, его интерпретацию, понимание и восприятие реципиентом. Знак – это уменьшенный аспект художественного произведения, знак должен быть узнаваем. Систему утверждений представляет художественный текст, являющий определенную концепцию, требующую анализа и систематизации. Текст связан из образов, которые представляют собой знаки. Каждый процесс преобразования

одной смысловой ступени отражает изменение значения знака, происходит обогащение понятийной составляющей. Семиотический подход выделяет несколько ступеней исследования: синтактика – взаимодействие знаков и правил без внимания к значению, семантика – объяснение знаков, выражение смысла, прагматика – отношения между системами знаков и теми, кто их оценивает.

В данном исследовании следует опереться на следующее мнение. «Семиотика находит свои объекты повсюду – в языке, математике, художественной литературе, в отдельном произведении литературы, в архитектуре, планировке квартиры, в организации семьи, в процессах подсознательного, в общении животных, в жизни растений. Но везде ее непосредственным предметом является информационная система, т. е. система, несущая информацию, и элементарное ядро такой системы – знаковая система. Каковы бы ни были такие системы – действуют ли они в обществе, в природе или человеке (его организме, мышлении и психике), – они предмет семиотики» [Степанов 2001: 5]

Цель статьи – проанализировать некоторые основные пункты фольклорного творчества, представленного на Кубани, с точки зрения семиотических рядов.

Изучение культуры – многогранный процесс. Народное творчество Кубани наполнено знаками. Материалом исследования послужили песни, пословицы и поговорки, загадки и сказки. Следует выделить некоторые семиотические ряды, нацеленные на общепризнанные ценности – мудрость, добро, защиту, семью. Имеется значительное многообразие знаков, которые могут быть классифицированы и включены в некоторые ряды. В данном исследовании затронуты личность казака, конь, хлеб, Бог и вера. Представленный список знаков не является конечным, также может быть рассмотрена личность казачки, работа на земле, быт и уклад жизни.

«Казак смекалист и храбр, но и осторожен, чуть скупой, но и щедрый, ироничен. Под стать ему и образ казачки. Страсть и неумность характера казаков сильна и в бою, и в любви; острые пословицы заставляют иной раз рассмеяться, а искренние казачьи песни – заплакать». [Хитарова, Хитарова 2019: 144] Честь казака, его смелость и храбрость, верность слову отражена в пословицах. «Не давши слова – крепись, а давши – держись», «Черствым бывает хлеб, а не душа казака», «Степь да воля – казачья воля». Казак – это символ мужества и решимости. Исторически сложилось так, что казак всегда стоит на страже границ Отечества. Казак – человек чуткий, добрый, отзывчивый. С этим связаны символы, прослеживающиеся в бытовом и семейном поведении.

Казак и конь представляет собой символическую связь. Песенное творчество отражает это суждение. Репертуар Кубанского государственного академического казачьего хора обладает такими песнями как: «Распрягайте, хлопцы, коней!», «И только конь мой вороной меня выносит из огня...»

(«Когда мы были на войне»), данное творчество находит отклик в душе разновозрастных групп. Паремии, отражающие образ коня, также разнообразны. «Казак сам не ест, а лошадь кормит», «Бурного коня за рекой примечают», «Конь без спотычки, корова без передою, да закром без убыли». «Погоняй коня не кнутом, а овсом», «Конь тощий, хозяин скупой», «Не беда, что помрет жена, была бы лошадь жива», «Коней на переправе не меняют», «Добрый конь подо мною, господь надо мною», «Береги лошадку, не наваливай в насадку», «Казак голоден, а конь его сыт», «Конный пешему не товарищ», «Хороший конь – мечта храбреца». Образ коня отражает храбрость, мудрость, доброту и заботу. «Казак без седла, что черкес без кинжала», «Казак с конем и ночью, и днем».

Огромный пласт творчества отражает веру в Бога, в традиционный православный уклад жизни, Божью справедливость. Истинный казак и сегодня не мыслит свою жизнь без ее сакрального наполнения. Жизнь казака всегда проходит в молитве, и даже в бою молитва всегда сопровождает героя. «Не человеческим умом, а Божьим судом», «Повиниться, что Богу помолиться», «Бог не без милости, казак не без счастья». «Прежде не хвались, а Богу помолись», «На людскую глупость есть Божья мудрость».

Знаковый ряд, посвященный хлебу, также широк и полон, он включает в себя последовательность действий – заготовка, посев, сбор урожая, хранение и насыщение, угощение. Выращивание пшеницы и последующее приготовление хлеба представляет собой процесс, все уровни которого нашли свое отражение в ситуативных творческих реалиях. Хлеб – это знак гостеприимства, достатка, уюта. «Кто надеется на небо, тот сидит без хлеба», «Голодной куме – хлеб на уме», «Не тот хлеб, что в поле, а тот, что в амбаре», «Без хлеба нет обеда», «Красна девка косами, а изба пирогами», «Не потопаешь – не полопаешь». Кубанская народная песня о хлебе «Хлеб всему голова» наполнена глубоким смыслом, отражает щемящую душу неразрывную связь поколений, трогательные отношения отца и сына, письменный наказ погибшего в бою казака. «Ты запомни, сынок, золотые слова: «Хлеб всему голова». В припеве слова произносятся дважды для усиления эмоционального накала как исполнителя, так и слушателей. В этой песне также следует обратить внимание на широкую душу, открытое сердце, положительную антропологическую характеристику героя; раненный в бою казак отдает свою пайку хлеба товарищу.

Подводя итоги анализируемой проблемы, следует сделать вывод. Все семиотические ряды, представленные в данном исследовании, имеют четкое взаимодействие, многоуровнево перекликаются между собой; отражая смысловой потенциал и наполняя друг друга новым потенциальным развитием. Универсальная знаковая система четко определяет и разграничивает характеристики, выделенные из семиотических рядов, которые могут быть при дальнейшем изучении классифицированы в системы. Коррелирующая составляющая всех семиотических рядов семиосферы, представленной на

Кубани, отражает гармоничное состояние уникального фольклорного творчества Кубани.

Литература

1. *Степанов Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. М., 2001. – С. 5–42.
2. *Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А.* Вариативность перевода кубанских диалектных паремий на английский язык // Язык. Общество. Культура. Сборник по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Эпомент, 2019. – С. 142–147.
3. *Ткаченко П. И.* Кубанские пословицы и поговорки. – Краснодар: Традиция, 2008. – 240 с.
4. *Словарь В. Даля* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Slovardalya.ru (дата обращения: 01.03.2021).
5. *Словарь С. И. Ожегова* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Slovarozhegova.ru (дата обращения: 01.03.2021).

Автор:

Хитарова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета романо-германской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

Author:

Khitarova Elena G. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

РАЗДЕЛ 7.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 37.013

А. О. Абдувалиев, С. М. Амиралиев

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ (на опыте Ошского государственного университета)

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению проблем и трудностей при реализации академической мобильности студентов. В ней предложены конкретные шаги к решению этих проблем на опыте Ошского государственного университета.

Ключевые слова: академическая мобильность, проблемы, решения, Ошский государственный университет, студент, обменные программы, учебный процесс.

А. О. Abduvaliev, S. M. Amiraliev

ACADEMIC MOBILITY: PROBLEMS AND CHALLENGES **WAYS TO SOLVE THEM** (based on the experience of Osh State University)

Abstract. This article is devoted to the identification of problems and difficulties in the implementation of academic mobility of students. It offers concrete steps to solve these problems based on the experience of Osh State University.

Keywords: academic mobility, problems, solutions, Osh State University, student, exchange programs, educational process.

Цель статьи – установить возникающие при организации обменов студентов проблемы, с которыми сталкиваются специалисты, занимающиеся академической мобильностью в университете, и указать конкретные предложения для устранения этих вопросов. Достижение этой цели предполагает анализ процессов академической мобильности и обнаружение фактов, затрудняющих полноценную реализацию студенческих обменов с вузами-партнерами, а также показ опыта Ошского государственного университета (далее ОшГУ) и приведение собственных решений.

ОшГУ по праву считается университетом с богатой историей, играет огромную роль в развитии человеческого, интеллектуального и профессионального потенциала Кыргызской Республики. Он сегодня – динамично развивающийся и модернизирующийся университет, использующий лучшие мировые, инновационные тренды в современном образовании. В настоящее

время здесь обучаются свыше 35000 студентов по 75 специальностям, более 7500 иностранных граждан из 31 страны, что позволяет говорить о том, что ОшГУ является успешным центром экспорта образования.

Совместно с учебно-образовательным процессом в университете уже несколько лет активно осуществляется академическая мобильность. Академическая мобильность – это перемещение студентов (магистрантов, аспирантов) и преподавателей высших учебных заведений на определенный период времени в другое образовательное или научное заведение в пределах или за пределами своей страны с целью обучения, преподавания, прохождения практики, обмена опытом [Бюллетень 2017: 2; Иванкина 2013: 5; Калинин 2012: 1]. ОшГУ реализует академическую мобильность по программам: *внутренняя мобильность*: “Ошская Декларация” – и по двусторонним договорам о сотрудничестве; *внешняя мобильность*: УШОС, Эразмус+, Мевлана, Орхун, ДААД, ИТЕС и др., а также по двусторонним договорам о сотрудничестве с вузами-партнерами. Ежегодно около 600 студентов, 300 преподавателей отправляются в более чем 100 вузов мира для получения знания и обмена опытом.

Показатели академической мобильности растут с каждым годом. Но в то же время в ОшГУ есть много проблем для реализации обмена студентов (в данной статье упор делается на мобильность студентов). Ниже хотим подробнее рассмотреть их и указать проводимые мероприятия по решению возникших проблем. Следует отметить, что в связи с нынешней ситуацией появились и новые обстоятельства, новые горизонты.

№	Проблемы	Решения
1	Отсутствие полноценной работы с вузами в рамках заключенных договоров, соглашений о двустороннем сотрудничестве.	Факультеты и другие структурные подразделения университета должны определить соответствующие подразделения вузов-партнеров, установить связь с ними и организовать академическую мобильность.
2	Недостаточная информированность студентов о программах мобильности.	Распространение информации о программах мобильности через сайт, соцсети, группы WhatsApp, газеты и телевидение университета. Регулярное проведение информационных встреч, бесед со студентами по этому поводу.
3	Низкий уровень владения иностранными языками студентов	Введение дополнительных курсов по изучению иностранных языков за счет вариативной части учебного плана; активизация

		работы интенсивных курсов в учебных центрах университета по изучению иностранных языков (английский, немецкий, испанский, турецкий, китайский и др.) на краткосрочной основе; улучшение содержания и технологии преподавания языковых дисциплин [Положение 2012: 9]
4	Малое количество иностранных студентов из других стран в связи с тем, что дисциплины на большинстве факультетов преподаются только на кыргызском и русском языках	Открытие на факультетах групп с преподаванием отдельных предметов на иностранных языках. Сегодня открылось несколько групп, где обучение полностью идет на английском, немецком, испанском, турецком и китайском языках
5	Низкий процент участия студента или преподавателя в других стипендиальных программах, в которых он может принимать непосредственное участие самостоятельно, ограниченные финансовые возможности студентов и преподавателей	Предоставление информации, консультации о таких программах, их процедурах студентам и преподавателям; мотивирование студентов к участию в стипендиальных программах в зависимости от их способностей; увеличение квот на такие стипендиальные программы, как УШОС, Эразмус+ и Мевлана; повышение академической мобильности с использованием дистанционных технологий
6	Неполное использование выделенных квот по академической мобильности	Своевременное доведение до студентов и преподавателей объявлений, информации по предоставленным квотам и их преимуществам
7	Большая разница между образовательными программами, семестровыми планами ОшГУ и вузов-партнеров, направляющих и принимающих студентов. В результате этого возникает ряд академических разниц между дисциплинами и кредитами	Гибкое составление индивидуальных планов студентов, направляемых на мобильность; признание кредитов студентов, прошедших академическую мобильность по предметам, отсутствующим в государственном стандарте в качестве вузовских

		компонентов и курса по выбору; обучение некоторых дисциплин с использованием дистанционных технологий, а также принятие модулей и экзаменов по ним в родном вузе; предоставление студентам, прибывшим в ОшГУ, отдельных предметов с другими курсами или индивидуальное обучение [Калинкина 2013: 1]
8	Отсутствие полноценного взаимодействия. Слабая связь со студентами, находящимися на мобильности	Деканаты и отдел академической мобильности должны обеспечивать регулярную связь со студентами, контролировать их обучение и сдачу модулей через систему AVN; организовывать онлайн-конференции [Положение 2012: 2]
9	Отказ студентов от участия в программе мобильности после получения приглашения из принимающих вузов	Уточнение возможностей выезда в другие страны, обучения в зарубежных вузах студентов, подавших заявку на участие в программе мобильности до отправки письма обращения о приеме студентов вузам-партнерам
10	Недостатки в составлении индивидуальных учебных планов для студентов по программе мобильности	Составление заместителями деканов по учебной работе совместно с соответствующими деканатами вузов-партнеров гибких индивидуальных учебных планов студентов [Иванкина 2013: 6]
11	Низкая эффективность рабочих поездок преподавателей	Требование подготовки презентации о служебных поездках каждого преподавателя и оценка эффективности работы во время командировки
12	Недостаточная координация деятельности академической мобильности среди учебных заведений	Создание объединения структур вузов Центральной Азии, занимающихся вопросами международного сотрудничества
13	Уменьшение количества студентов и преподавателей,	Организация дистанционных форм академической

выезжающих в другие вузы по академической мобильности, в нынешних условиях	мобильности; проведение онлайн-лекций ведущих ученых по некоторым курсам одновременно для студентов нескольких вузов

Мы надеемся, что некоторые из вышеизложенных пунктов по поиску путей решения проблем, встречающихся при организации и проведении академической мобильности, могут быть полезными для других высших учебных заведений.

Изложенный материал позволяет сделать некоторые предложения, которые, на наш взгляд, будут способствовать улучшению процесса академической мобильности и предотвращению некоторых диссонансов в организации студенческих обменов и подготовке их документов.

1. Создание объединения/альянса департаментов/управлений/ отделов по международному сотрудничеству среди вузов-партнеров.

2. Усиление работы по организации дистанционной формы академической мобильности.

3. Необходимость проведения регулярных видеоконференций, семинаров, тренингов среди вузов по организации академической мобильности.

4. Рекомендация соответствующим структурным подразделениям вузов признать полученные кредиты, отсутствующие в учебных планах как вузовские компоненты и курсы по выбору.

5. Предложение обучения по дисциплинам, отсутствующим в учебных планах, и организация приема их модулей, экзаменов с использованием дистанционных технологий [Положение 2012: 7].

6. Создание максимально приемлемых условий для студентов, участвующих в программах мобильности (правильная организация учебного процесса, обеспечение проживанием, доступ к библиотекам, электронным ресурсам, участие в культурно-массовых и спортивных мероприятиях, а также медицинская помощь и т.д.) [Бюллетень 2017: 18].

7. Предложение внедрения языковых курсов вместо вузовских компонентов и курсов по выбору для повышения уровня знаний иностранных языков.

Литература

1. *Бюллетень № 32 ОшГУ*. Положение об академической мобильности. – Ош: ОшГУ, “Билим”, 2017. – 24 с.

2. *Иванкина Л. И., Фисоченко О. Н., Берестнева О. Г.* Адаптация иностранных студентов и студентов из автономных республик РФ к образовательным условиям ВУЗа. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – 50 с.

3. *Калинина Н. М.* Индивидуальная академическая мобильность студентов в условиях развития открытого образовательного пространства // *Сибирский торгово-экономический журнал*. – РГТЭУ, 2012. – № 12. – С. 5.

4. *Положение* об организации учебного процесса на основе кредитной технологии обучения (ECTS). (Бюллетень №18 Ошского государственного университета от 30.08.2012 г.).

Авторы:

Абдувалиев Абдыганы Осмонович – кандидат физико-математических наук, доцент, директор департамента международных связей Ошского государственного университета (ОшГУ), г. Ош, Киргизская Республика;

Амиралиев Семетей Манасович – кандидат филологических наук, доцент, начальник отдела международных связей Ошский государственный университет (ОшГУ), г. Ош, Киргизская Республика, email: amiraliyev.semetei@mail.ru

Authors:

Abduvaliyev Abdygany O. – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Director of the Department of International Relations of Osh State University (Osh State University), Osh, Kyrgyz Republic;

Amiraliyev Semetei M. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of International Relations Osh State University (Osh State University), Osh, Kyrgyz Republic, email: amiraliyev.semetei@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕКСТОВ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования текстов русских народных сказок при обучении русскому языку как иностранному, их лексико-грамматический и лингвокультурный потенциал в целях развития коммуникативных умений обучающихся.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русская народная сказка, работа с текстом, лингвокультурология.

I. N. Bakina

LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL TEXTS OF RUSSIAN FOLK TALES IN A FOREIGN-LANGUAGE AUDIENCE

Abstract. The article discusses the possibilities of using the texts of Russian folk tales in teaching Russian as a foreign language, their lexical-grammatical and linguistic and cultural potential in order to develop the communicative skills of students.

Keywords: Russian as a foreign language, Russian folk tale, work with text, cultural linguistics.

Ценность любого языка заключается в том, что он является сокровищницей национальной культуры народа. Невозможно представить обучение иностранному языку без знакомства с культурой, историей и национальными традициями. Обучение русскому языку как иностранному предполагает знакомство с русской национальной культурой и погружение в нее. Использование сказки в иноязычной аудитории играет свою роль, формируя лингвокультурологическую компетенцию иностранцев, включаясь в языковое сознание обучающихся, способствуют пониманию национально-культурного своеобразия русского языка [Верещагин, Костомаров 1990]. Представление о русской культуре (безусловно, на начальном уровне обучения лишь в самых общих чертах) вызывает уважение к стране изучаемого языка и ее народу [Петухова, Симулина 2019: 206]. Поскольку в сказках самобытно выражаются особенности национального характера, преподавателей русского как иностранного и привлекает этот жанр. Текст сказки, будучи учебным материалом, становится средством воспитания личности в культурной среде, формируя представления о добре и зле, об идеалах и героях. Национальная специфика находит отражение в самой системе персонажей, образов и характеров.

Другим несомненным достоинством текста сказки в практике преподавания РКИ является его компактность и лаконичность, отличающиеся к тому же красотой формы и образностью выражения. Еще одним из важных моментов является большая сила воздействия сказки на читателя, когда за внешней простотой ее содержания, как правило, скрываются глубокие идеи и система ценностей, формирующие сознание русского человека. Доступностью для восприятия инофонами лексико-грамматического материала определяется выбор текста преподавателем РКИ [Петрова и др. 2017: 118–119].

Известные каждому носителю русского языка сказки («Курочка Ряба», «Репка», «Теремок», «Колобок» и др.) можно назвать «первоосновой русской культуры», поскольку на протяжении веков они являются самыми первыми художественными произведениями в жизни русского человека. Однако оригинальные сказки иногда оказываются сложны даже для носителей языка, поэтому в преподавании иностранных языков используется адаптация текстов с целью языковой доступности текстового материала. В таком случае текст подвергают некоторой трансформации: сокращают объем незнакомой лексики и грамматических конструкций, не входящих в базовый уровень ТРКИ, производят замену незнакомых лексических единиц знакомыми иностранным обучающимся синонимами, добавляют слова, способствующие пониманию актуальных фраз [Бахтина 2016: 22–23].

При изучении сказки реализуется ряд учебных задач, актуальных в процессе обучения русской речевой культуре: русские народные сказки погружают иностранного обучающегося в особый мир, наполненный специфическими лингвокультурными единицами. Наибольшее внимание привлекают пословицы и поговорки, безэквивалентная лексика (Баба-Яга), клише (путь-дорога, в некотором царстве, в тридевятом государстве) и др. [Анисимова 2014: 12–13], [Григорьева 2019: 186–187]. Особую художественную выразительность придают русской фольклорной речи имена с суффиксами субъективной оценки (Лиса в сказках и Лисичка, и Лисонька, и Лисичка-сестричка, и Лиса Патрикеевна). При знакомстве со сказками «Колобок», «Три медведя» и др. наиболее ценным в практике преподавания РКИ представляется ясность и однозначность авторской позиции, небольшой объем произведений.

При знакомстве с текстом сказки предполагается выполнение системы предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений. В таких упражнениях соблюдается пошаговость, используется подход от простого к сложному [Бахтина 2019: 79–80].

Предтекстовая работа направлена на подготовку к восприятию материала: это может быть предварительный лингвокультурологический комментарий преподавателя [Бакина 2020: 17–18]. Непосредственная работа с текстом предполагает не только совершенствование навыков чтения, но и расширение словарного запаса, закрепление грамматических конструкций,

развитие речевой культуры [Павлова 2019: 220–221]. Послетекстовая работа представляется наиболее важной частью, поскольку направлена на повышение уровня коммуникативной компетенции иностранных обучающихся. Система вопросов способствует активизации умений правильно использовать языковые средства. С целью отработки навыков письма представляются особые задания (например, изложить свое мнение о героях в виде эссе или написать продолжение сказки) [Романова, Чуева 2018: 293–294].

Можно отметить, что русская народная сказка представляет собой учебный текст культурологического плана, работу с этим источником необходимо проводить в русле диалога культур. Поэтому на занятиях с инофонами представляется целесообразным сопоставлять русские народные сказки с теми, которые есть в родном языке иностранных обучающихся, выявляя общее и частное [Николаева, Левушкин 2018: 202].

На начальном этапе обучения РКИ используются адаптированные тексты сказок, а на продвинутом этапе обучения можно предлагать неадаптированные тексты. С помощью проблемных вопросов можно вызвать проявление творческой активности, даже развернуть дискуссию. Такой вид работы является важным, поскольку одной из основных задач обучения иностранному языку является умение использовать изучаемый язык для построения монологического высказывания как наиболее сложного вида речевой деятельности [Евдокимова, Романова 2019: 143–145].

Таким образом, русские народные сказки, утверждая общечеловеческие ценности, высокую нравственность и жизненные принципы добра, взаимопомощи, милосердия, душевной красоты, дают иностранным обучающимся возможность постигать базовые элементы национальной культуры народа, способствуют совершенствованию и развитию русской речевой культуры [Александров и др. 2018: 6–7]. Процесс обучения при этом становится более эффективным, оказывая существенное влияние на культурную адаптацию иностранцев в русскоязычной среде [Анисимова и др. 2018: 36–37] и на формирование у них представлений об аутентичности России.

Литература

1. Александров А. Ю., Поверинов И. Е., Николаев Е. Л. О работе с иностранными обучающимися в Чувашском госуниверситете // Современный университет в цифровой образовательной среде: ориентир на опережающее развитие: материалы X Международной учебно-методической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – С. 5–9.
2. Анисимова И. Н. Изобразительно-выразительные средства в художественном тексте // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. Сборник статей Всероссийской научной конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 11–14.
3. Анисимова И. Н., Игнатьева Е.А., Никитина А.Ю. К вопросу об адаптации и воспитании иностранных студентов в российском вузе /

Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Материалы Международной конференции. В 2-х томах. Под редакцией Р. Р. Замалетдинова, Т. Г. Бочинной, Ю.В. Агеевой. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. – С. 33–37.

4. *Бакина И. Н.* Лингвострановедческий комментарий текста в иноязычной аудитории // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: сб. ст. Регион. науч. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – С. 17–22.

5. *Бахтина С. И.* Проблемы обучения лексическому аспекту в процессе преподавания русского языка как иностранного // Сопоставительное изучение разнотипных языков: научный и методический аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2006. – С. 20–23.

6. *Бахтина С. И.* Развитие коммуникативной компетенции студентов-инофонов в процессе комплексного подхода к обучению / Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы. Материалы XI Международной учебно-методической конференции. Под редакцией А. Ю. Александрова, Е. Л. Николаева, А.М. Шамсиева, Ш. А. Юсупова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – С. 78–82.

7. *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990. – С. 110–117.

8. *Григорьева Е. А.* К вопросу об использовании лингвокультурного потенциала фразеологических единиц в курсе РКИ // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Междунар. учеб.-метод. конф.; под ред. А. Ю. Александрова, Е. Л. Николаева, А. М. Шамсиева, Ш. А. Юсупова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – С. 184–188.

9. *Евдокимова О. К., Романова Т. Н.* Особенности работы с текстом в процессе обучения иностранных студентов-филологов // Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы: материалы XI Междунар. учеб.-метод. конф.; под ред. А.Ю. Александрова, Е. Л. Николаева, А. М. Шамсиева, Ш. А. Юсупова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – С. 141–146.

10. *Николаева Н. В., Левушин А. Н.* Аутентичные обучающие материалы в преподавании иностранного языка студентам неязыковых специальностей // Лингвистика, лингводидактика, переводоведение: актуальные вопросы и перспективы исследования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Отв. редактор: И.Б. Гецкина. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – С. 200–204.

11. *Павлова Т. Н.* Текст как основной компонент в обучении грамматике русского языка как иностранного / Развитие экспортного потенциала высшего образования: содержание, опыт, перспективы. Материалы XI Международной учебно-методической конференции. Под редакцией А. Ю.

Александрова, Е. Л. Николаева, А. М. Шамсиева, Ш.А. Юсупова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – С. 219–223.

12. *Петрова О. А., Никитина А. Ю., Игнатьева Е. А.* Анекдот как средство речевой диагностики при обучении и контроле знаний в целях подтверждения уровня владения русским языком как иностранным // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации. сборник материалов II Международной научно-методической конференции-вебинара. – Курск: КГМУ, 2017. – С. 112–123.

13. *Петухова М. Е., Симулина И. А.* Корреляция межкультурной коммуникации и адаптации иностранных студентов в России (на примере работы со студентами из Непала на подготовительном отделении) // Ашма-ринские чтения. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2019. – С. 205–207.

14. *Романова Т. Н., Чуева Э. В.* Особенности преподавания курса «Русский язык и основы креативного письма» в национальном вузе // Вестник Чувашского университета. – 2018. – № 4. – С. 290–296.

Автор:

Бакина Ирина Николаевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; e-mail: bakinairina@mail.ru

Author:

Bakina Irina N. – Senior Lecturer of the Department of Russian as a Foreign Language, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary, Russia; e-mail: bakinairina@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ УЧЕБНОГО ТЕКСТА В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлены результаты констатирующего эксперимента в 8–9 классах, проанализированы умения школьников слушать и функционально использовать новую информацию, интерпретировать учебный текст, писать конспект и сжатое изложение.

Ключевые слова: обучение аудированию, учебный текст, понимание.

O. V. Baranova

ON TEACHING LISTENING TO THE EDUCATIONAL TEXT IN THE SCHOOL COURSE OF RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article presents the results of the ascertaining experiment in grades 8–9, analyzes the students' ability to listen and use new information functionally, interpret educational text, write a brief summary and essay.

Keywords: teaching listening, educational text, comprehension.

В настоящее время в современной школе все больше уделяют внимание проблеме понимания устных текстов и вопросам создания вторичных текстов на основе оригинальных. Это обусловлено тем, что школьники недостаточно хорошо умеют понимать и преобразовывать информацию, полученную на слух. Аудирование является сложнейшим видом речевой деятельности, при котором задействованы внутренние когнитивные процессы слушателей, механизмы аудирования, прогностические и перифрастические навыки, различные виды памяти: ассоциативная, словесно-логическая, эмоционально-образная и т. п. Несмотря на комплексность аудирования, наличие у школьников навыков аудирования является обязательным; аудитивные умения и навыки лежат в основе функциональной грамотности и социальной адаптации личности. Наличие умений продуктивно работать с текстовой информацией, создавать тексты, различные по типу, стилю и жанру, – требование Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования. Современным школьникам необходимо владеть разными видами слушания (детальным, выборочным, ознакомительным, критическим, интерактивным) различных функционально-смысловых типов речи [Примерная программа URL; Федеральный 2016]. Кроме того, к познавательным универсальным учебным действиям в Примерной основной образовательной программе отнесены следующие умения: смысловое восприятие, умение находить в прослушанном или прочитанном

тексте запрашиваемую информацию (в соответствии с поставленной целью), ориентироваться в его содержании, уметь структурировать текст и понимать общий смысл всех структурных его компонентов, резюмировать главную идею текста, критически оценивать содержание и форму текста, уметь «переводить» текст в другую модальность, трансформировать, интерпретировать текст [Федеральная программа]. Таким образом, задача современной школы – сформировать личность, которая умела бы слушать и понимать других, могла бы себя выразить при помощи средств языка [Текучева 2019: 391]

Текст остается универсальным средством сохранения и передачи знаний и опыта, накопленного несколькими поколениями. Тем не менее возникают противоречия: с одной стороны, на уроках русского языка отмечается значительное снижение интереса к механическому заучиванию линейных текстов, с другой стороны, работа с медиатекстами, дисплейными текстами (термин В. Г. Костомарова), графическими и информационными текстами [Текучева 2019: 184], смысловое чтение и осмысленное аудирование, которые занимают уже сейчас передовые позиции в образовательном процессе, требуют от школьников владения совершенно новыми умениями и навыками. Актуальны когнитивные и метакогнитивные стратегии, инновационные методы информационных и коммуникационных систем XXI в.

Для того, чтобы выявить уровень сформированности аудитивных умений и навыков учащихся, нами был проведён констатирующий эксперимент. Основной целью эксперимента было протестировать умения школьников понимать звучащие тексты, преобразовывать их и создавать на основе прослушанного вторичные тексты: конструктивную запись в виде схемы, конспект или сжатое изложение в формате ОГЭ.

В констатирующем эксперименте участвовали ученики и учителя школ г. Москвы (№ 1164; № 1239; № 2054; № 1529). В наши задачи входило определить, как учителя оценивают подготовленность школьников 8–9 классов: а) слушать учителя на уроке; б) писать сжатое изложение; в) работать с изображением или граф-схемой; г) выделять главную и второстепенную информацию в тексте; д) слушать друг друга. Констатирующий эксперимент состоял из трех частей: 1) анализ учебников по русскому языку; 2) анкетирование школьников и учителей; 3) аудирование учебного текста.

Выбор контингента был обусловлен следующим: а) в 8–9 классах основной школы учащиеся должны понимать звучащие тексты и рационально работать с информацией, находящейся в них; б) учащимся предстоит пройти устную часть экзамена, итоговое собеседование и сдать ОГЭ в 9-м классе; в) к 9-му классу у школьников формируется достаточная языковая база для того, чтобы функционально использовать полученные знания и опыт для решения коммуникативных задач различной сложности. В ходе эксперимента мы выясняли: как школьники определяют понятие «аудирование», какие виды аудирования они могут назвать, какие этапы

аудирования они выделяют, знают ли они специфику вторичных текстов и умеют ли определять особенности сжатого изложения, конспекта или плана (вопросного, тезисного), владеют ли следующими терминами: «вторичный текст», «звучащий текст», «смысловое восприятие», «интерпретация», «граф-схема».

Анализ учебников по русскому языку показал, что не во всех учебниках есть памятка, как готовиться к аудированию, как слушать учебные тексты; нет информации о барьерах слушания и эффективной коммуникации. Мы считаем, что базовые знания об аудировании и эффективной коммуникации должны быть сформированы у учащихся к 8 классу, школьникам необходимо продемонстрировать владение навыками осмысленного аудирования и понимания текстов в учебно-научном, научно-публицистическом и художественном стиле, а школьники оказываются неподготовленными к продуктивной речевой деятельности, они слушают пассивно, не используют полученные знания в жизни. Учащиеся выполняют задания неосмысленно, механически, не дифференцируют фоновое аудирование и аудирование в учебных целях, аудирование лекционной речи, которое предполагает значительные интеллектуальные и волевые усилия, самостоятельность в выборе стратегий текстовой деятельности. Так, в 8-м классе школьники должны уметь формулировать цель аудирования, концентрировать внимание, слушать внимательно устное сообщение, вести записи во время аудирования, уметь формулировать вопросы, отмечать места, которые не удалось понять (см. учебное пособие: Т. М. Воителева и др., 8 класс. 2020). Школьники должны уметь не просто сжимать исходную информацию и создавать вторичный текст, но и проявлять уважение друг к другу, уметь слушать друг друга, работать в группе, выполнять совместные проекты, электронные презентации, быть внимательными и доброжелательными к своим одноклассникам (см. учебник: С. Г. Бархударов и др. 8 класс. 2020) [Воителева 2020: 76; Бархударов 2020: 39]. Слово учителя и беседа с классом являются традиционной формой передачи новых знаний; в живом общении проявляется индивидуальность учителя, что способствует пониманию звучащего текста. Установлено, что слушание озвученного текста требует специальной подготовки и сформированности механизмов речи, психофизиологических механизмов, ориентировочного аппарата, требует от школьников максимального напряжения и внимательности, а работу в дистанционном формате и электронное обучение тем более невозможно реализовать без аудиосопровождения. Поэтому необходимость в обучении школьников навыкам осмысленного аудирования возрастает с каждым годом и учителя-словесники используют все новые технологии и методы работы с текстом.

Анализ анкет школьников показал, что учащиеся одного и того же класса имеют разное представление о том, что такое аудирование, этапы аудирования ими понимаются по-разному. 80% учащихся неверно определяют понятия «интерпретация» и «вторичный текст». Интерпретация – это

истолкование совокупности смыслов, а вторичный текст – это текст, созданный на основе совокупности оригинальных текстов, в сжатой форме передающий основное содержание первоисточника. Было установлено, что учащиеся не используют понятие вторичный текст, не могут ответить однозначно, дать определение, отвечают неправильно: «*текст, который читают во вторую очередь*», «*текст, который читают после первого*», «*либо сноска, либо пояснение к главному тексту*» (9 В, Школа № 1239); «*менее важная часть текста*», «*текст, который не является главным, второстепенный текст*», «*необязательный текст*», «*часть текста в тексте*» (8 Б, Школа № 1164). 20% учащихся ответили, что на других предметах они не слушают учебных текстов, 80% учащихся ответили, что слушают аудиотексты на предметах иностранный язык, литература, история, география (презентации, обучающие аудио и видео материалы). Никто из респондентов не соотнос слово учителя с учебным текстом для аудирования, что привело нас к выводу о нерациональном расходовании информации и времени во время устного объяснения учителем материала, поскольку учащиеся без определенной установки не считают прослушивание речи учителя каким-либо видом деятельности, не соотносят со звучащим текстом, который так же, как и письменный текст, предполагает смысловую переработку.

На вопрос: «*На какие этапы можно разделить слушание учебного текста на уроке?*» учащиеся отвечали перечислением структурных элементов письменного текста (вступление, основная часть, вывод), только 5% школьников ответили: «восприятие – запоминание – осмысление», «восприятие – анализ – запоминание»; только 2% пояснили: «прослушал – запомнил – записал». Очевидно, что алгоритм: «слушание – осмысление всего текста целиком – работа с деталями» – не подходит для аудирования потока речи, когда нельзя вернуться к тексту-первоисточнику (он подходит только для чтения текста). Перед началом прослушивания должна быть ясно сформулирована конкретная цель аудирования.

Учителя оценили аудитивные умения школьников в среднем «удовлетворительно» на «3» балла из «5», что свидетельствует о низком уровне подготовленности учащихся к пониманию звучащих текстов.

Одним из заданий констатирующего эксперимента было детальное прослушивание аудиотекста. Проверялись следующие умения: а) умение определять логическую последовательность и соединять части в связный текст; б) умение выявлять, какая информация была представлена в тексте, а какой информации не было представлено, сравнивать. Содержание конспекта мы оценивали по следующим критериям: 1) правильное изложение фактологической информации; 2) наличие заголовка; 3) наличие структурной записи; 4) наличие комментария и дополнений. Мы выяснили, что учащиеся 8-х и 9-х классов не владеют рациональными приемами трансформации звучащего текста, пренебрегают графическим и логическим структурированием, не исследуют текст на семантическом, когнитивном, предметном

уровнях. В ряду самых распространённых ошибок: дословная запись, пропуск причинно-следственных связей, значимых деталей, опорных слов, отсутствие заголовка, темы текста. Таким образом, становится ясно, что аудирование, осложненное сопутствующими операциями, например, конспектированием или тезированием, без предварительной подготовки не удастся осуществить правильно. Учащиеся с этой задачей не справляются с первого раза. Для большинства школьников процесс прослушивания означает запоминание всего, что они слышат, и это является неверной стратегией, или пассивное, непродуктивное аудирование, что приводит к нерациональному использованию учебного времени.

Итак, анализ работ учащихся показал, что школьники не умеют вести структурную запись ни на уровне предложения, ни на уровне смысловых блоков текста. Основная ошибка учащихся – линейное изложение материала вместо пространственного, дословное воспроизведение, а также пропуск важной информации. Еще одна системная ошибка – отсутствие глубокого понимания звучащего текста. К основным трудностям можно отнести: незнание слов (терминов), ошибочное понимание коммуникативного намерения, пропуск важной информации, неумение применять полученные знания на практике, пассивность. Появление подобных трудностей, на наш взгляд, связано с недостаточной психологической и лингвистической подготовкой школьников к особенностям аудирования звучащей речи. Также мы считаем необходимым расширение теоретической базы и методического инструментария, оказание школьникам эмоциональной поддержки со стороны учителей-словесников, создание благоприятной учебной среды сотрудничества и взаимоуважения.

Литература

1. *Примерная* основная образовательная программа образовательной организации: Основная школа. – М.: Просвещение. – 2016. – 416 с.
2. *Примерная* программа по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mosmetod.ru> (дата обращения 12.02.2021).
3. *Русский* родной язык: учебное пособие для 8 класса общеобразовательных организаций / Т. М. Воителева и др. – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2020. – 120 с.
4. *Русский* язык. 8 класс: учебник для общеобразовательных организаций / [С. Г. Бархударов и др.]. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2020. – 271 с.
5. *Текучева И. В.* Использование графических текстов как средства обучения пониманию звучащей учебно-научной речи на уроках русского языка / И. В. Текучева, О. В. Суховерхова // Перспективы науки. – 2019. – № 10 (121). – С.184–189.

6. *Текучева И. В.* О понятии «аудирование» в современной научной литературе // Текст, контекст, интертекст. – М., 2019. – С. 391–396.

7. *Федеральный* государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Рос. Федерации. – 5-е изд., перераб. – М.: Просвещение, – 2016. – 62 с.

Автор:

Баранова Ольга Викторовна – аспирант кафедры методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; e-mail: russolgavik@yandex.ru

Author:

Baranova Olga V. – Post-graduate Student of the Department of Methodology of Teaching Russian at the Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; e-mail: russolgavik@yandex.ru

СТИЛИСТИКАНА ШКУЛТА ВЁРЕНТНИН ВЫРĂНЁПЕ ПЁЛТЕРЁШЁ, ЗАДАЧИСЕМ, СОДЕРЖАНИЙЁ

РАБОТА ПО СТИЛИСТИКЕ НА УРОКАХ РОДНОГО ЯЗЫКА В ЧУВАШСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. В статье раскрываются особенности изучения стилистики в V классе, где происходит первичное знакомство с теоретическими положениями. Рассматриваются роль, задачи, место и содержание работы по стилистике, использование классификации стилей по функциональному признаку и этапы формирования стилистических понятий на уроках родного языка в чувашской школе.

Ключевые слова: стилистические понятия, группы стилей, разговорный, книжный, сфера общения, этапы формирования, интуитивное представление.

G. F. Brusova

WORK ON STYLISTICS AT THE LESSONS OF THE NATIVE LANGUAGE IN THE CHUVASH SCHOOL

Abstract. The article reveals the features of the study of stylistics in the V class, where there is a primary acquaintance with the theoretical provisions. The role, tasks, place and content of the work on stylistics, the use of the classification of styles by functional feature and the stages of the formation of stylistic concepts in the lessons of the native language in the Chuvash school are considered.

Keywords: stylistic concepts, groups of styles, conversational, bookish, sphere of communication, stages of formation, intuitive representation.

Стилистикăна шкулта вёrentни пёлю тёлёшёнчен те, сапăрлăх енёпе те çав тери пысăк пёлтерёшлĕ: вёренекенсен пуллев пултарулăхĕ үссе пуянланса пырать, вёсен чёлхе туйăмĕ аталанать, хайсем те ĕс-тăн (интеллект) енчен, илемлĕхе ĕнланас (эстетика) тёлёшёнчен, кăмăл-туйăм шайёнчен те үссе лайăхланса пыраççĕ.

Стилистика ыйтăвёсене шкулта вёrentессипе сыхăннă **задачăсем:**

- вёренекенсене стилистика чёлхе хайне евёрлĕхне ĕнкарма май паракан наука пулнине ĕнланса илме пулăшасси;
- вёренекенсене стилĕн пётёмёшле уйрăмлăхĕсемпе паллаштарасси;
- вёренекенсене калаçăва тёрлĕ ситуаци саманчёсене тёпе хурса (ăçта

тата мәнле лару-тәрура пулса иртнине, кампа калаҫнине шута илсе) йөркелеме вѣрентесси;

– чѣлхене вѣрентес еҫен пур тапхәрәнче те ачасен пуплевне пуянлатасси.

Ачасене стилистика ыйтәвѣсене аша хывтарассине тѣрлѣ асләләхсемпе (фонетикапа, лексикапа тата грамматикапа) ҫыхәнүүлән йөркелесе пымалла.

Шкулти вѣренү курсәнче стилистика пѣлѣвѣсемпе паллаштарассине чәваш чѣлхи программинче кәтартса хәварнә.

Чәваш чѣлхи урокѣсенче ҫак еҫ кашни класрах пулса пымалла, вѣрентү ҫул-йөрѣ кәна улшәнса тарәнланмалла.

Ачасене стиль уйрәмләхѣсем ҫинчен пѣтѣмѣшле пѣрремѣш хут 5 класра каласа параҫҫѣ. Кунта ытларах калаҫу, илемлѣ литература тата еҫлѣ стильсем ҫине пусәм тәваҫҫѣ.

ШКУЛ ВѢРЕНТѢВѢНЧИ СТИЛЬ ЫЙТӘВѢПЕ ҪЫХАННӘ АНЛАВСЕМ. Чәваш чѣлхине вѣрентес еҫре стильсене классификацилесси функци паллине кура пулса пырать. Ҫавна май стильсене икѣ ушкәна пайлаҫҫѣ: калаҫу тата кѣнеке. Кѣнеке стилѣ хай тәватә стиле уйрәләр: наука стилѣ, официаллә еҫ стилѣ, публицистика стилѣ, илемлѣ литература стилѣ.

Шкулта стилистика ыйтәвѣсемпе еҫленѣ чух чѣлхе наукипе стилистика ҫыхәнәвѣнчи тѣрлѣ уйрәмләхсем ҫине пусәм тума тивет:

– функцилле стиль ҫине (пуплев стилѣ) – ку системәсем шутне нейтраллә стиль хатѣрѣсем те, ҫавән пекех стилистика тѣлѣшәнчен илемлѣх мелѣсемпе якатса пуянлатнә чѣлхе хатѣрѣсем те кѣреҫҫѣ;

– ку системәсем пѣр-пѣринчен уйрәлмаҫҫѣ: стильсем пѣр-пѣринпе хире-хирѣслѣ тата ҫума-ҫумман пѣр ҫыхәнурә тәраҫҫѣ, вѣсем пѣр-пѣрин ашне кѣреҫҫѣ;

– стиль лингвистикән чи пысәк условисене (пуплев ситуацийән уйрәмләхѣсем) тата чѣлхепе хайәнпе ҫеҫ ҫыхәннә факторсене йөркелет;

– пѣр-пѣр стилән уйрәмләхне вѣреннѣ чух лингвистикән чи курәмлә енѣсене тишкерсе пәхса тухассине те, ҫавән пекех чѣлхен пур тапхәрѣсемпе (фонетикапа, лексикапа, грамматикапа) ҫыхәннә хатѣрсене тишкермеллине те паләртәр;

– чѣлхен хатѣрѣсене суйласа илессипе ҫыхәннә кәтартусене стиль спецификаин уйрәмләхѣсене шута илсе памалла;

– хаш-пѣр стиль хай тата уйрәм стиль ушкәнѣсем ҫине пайланать. Тѣсләхрен, наука стилән хайән юпписем пур: популярлә асләләх стилѣ, асләләх-вѣренү кѣнекисен стилѣ;

– илемлѣ литература стилән вара хайән уйрәмләхѣсем, йөркисем пур: **стиль нормисем** – чѣлхе хатѣрѣсене пуплев ситуацине кура усә курмалли правиләсем.

Ҫапла вара, **стилистика** – чѣлхе асләләхѣ. *Стилистика* тесе чѣлхе стилѣсем ҫинчен тата стильсенче тѣрлѣ калаҫу хатѣрѣсемпе усә курмалли йөркесем ҫинчен калакан асләләхә калаҫҫѣ.

Стилистика урлӑхӗ чӑлхе хатӑрӑсемпе еплерех усӑ курма май пуррине тӑпчет, калаҫупа ҫыру валли чи лайӑх тӑслӑхсене суйласа илме вӑрентет, пуплевре усӑ курма хӑнӑхтарса пырать. Вӑл чӑлхе хатӑрӑсенчен чи ӑнӑҫлисене, чи юрӑхлисене палӑртса вӑсемпе усӑ курмалли ҫул-йӑре йӑркелет. Ҫавна пула стилистика сӑмах ӑслӑлӑхӗ ҫинчен, чӑлхен витӑмлӑ, ӱкерчӑклӑ тумалли хатӑрсем ҫинчен калакан наука пулса тӑрать. Сӑмахӑн илемлӑх енне (эстетикине), унӑн ҫыхӑнуллӑ текстри пӑлтерӑшне уҫса панӑ чухне стилистика лексикологиепе грамматика ҫине тайӑнать, анчах унӑн тӑпчес енӗ вӑсенчен урӑхларах.

Стилистикӑн хӑйне евӑрлӑ енӗ ҫакӑ: вӑл калаҫу хатӑрӑсен стиль енӑсене тӑпчесе пӑлет, вӑсене суйласа илессипе ҫыхӑнса тӑракан ыйтусене татса парать, унтан тата чӑлхен сӑмах йышӑнчи, фразеологири, морфологиепе синтаксисри тӑрлӑ йышши синонимлӑ вариантсене пӑхса тухса пахалать.

Стилистикӑн задачи шутне илемлӑ калаҫавӑн хӑйне евӑрлӑ уйрӑмлӑхсене палӑртасси, сӑмахпа илемлӑ сӑнлӑх туса ӱкермелли хатӑрсемпе майсене тӑпчесе пӑлесси кӑрет.

Стилистика чӑлхе ӑслӑлӑхӗ аталанса пынӑ май грамматикӑпа юнашар, унӑн малалли тӑсӑмӑ пулса, аталанса пырать. Калаҫу хатӑрӑсене стиль енчен тӑпчесе пӑлни ерипен грамматикӑна вӑрентессине ҫул хывакан сыпӑк пулса тӑрать.

Ҫапла вара, стилистика грамматикӑна хирӑҫ пымасть, унӑн тивӑҫлӑ малалли пайӑ, ӑна тӑрлакан хушма пайӑ, калаҫу ӑҫне тӑпчесе пӑлекен ҫӱлти сыпӑкӑ пулать.

Чӑваш чӑлхи стилистикин тӑп задачи – хальхи вӑхӑтри чӑваш чӑлхин тӑрлӑ стилӑсене пур енчен те, вӑл шутра аталанӑвӑ енчен те, пӑхса тухасси. Стильсемпе чи малтан сӑмахсемпе пӑлсе усӑ курасси ҫыхӑнса тӑрать. Ҫавна пула кунта лексикӑна стиль тӑлӑшӑнчен пайласа вӑренесси, сӑмахӑн сӑнарлӑх функциӑсем ҫинчен, вӑсемпе чӑлхен тӑрлӑ стилӑсенче тата илемлӑ произведенийсенче усӑ курмалли йӑркесем ҫинчен, унтан тата сӑмах эмоцилӑхпе экспресилӑх уйрӑмлӑхӑсем ҫинчен калама кирлӑ.

Сӑмахсене стиль енчен пахалассин тӑп ыйтӑвӑсем шутне сӑмахсем пулса кайнинчен тата чӑлхере усӑ курмалли нормӑсенчен килекен стиль уйрӑмлӑхӑсем (архаизмсем, неологизмсем, диалектизмсем, жаргонизмсем т. ыт. те), сӑмахсене эмоциллӑ сӑмӑсем енчен палӑртасси (ачаш туйӑмлӑ сӑмахсем, хытӑ сӑмахсем, ятлаҫу сӑмахӑсем, шӱтлӑ сӑмахсем т. ыт. те) кӑреҫҫӑ.

Стилистикӑн задачи шутне кусемсӑр пуҫне пурте усӑ куракан сӑмахсем стиль тӑлӑшӑнчен нумай енлине тӑпчесе пӑлесси, сӑмахсен ҫыхӑнӑвӑнчи куҫӑмлӑ пӑлтерӑшсем тума пулӑшакан тӑрлӑ майсене уҫса парасси кӑрет.

Стилистика чӑлхери сӑмахсен формисене, предложенисене, вӑсен членӑсене шухӑша тӑрӑс пӑлтерес енчен пӑхса пахалама тивӑҫлӑ. Пуплев пайӑсемпе синтаксис конструкциӑсене, пуринчен ытла синонимлӑ

формәсемпе төллевлән те витәмлән усә курмаллине стиль төлөшәнчен төпчесе вөрени пит кирлө те, интереслө те.

Ҙапла ёнтө, стилистика төпчесе пөлмелли ыйтусем Ҙаксем:

1) чөлхе стилөсем;

2) чөлхен сәмах йышө, фразеологийө, пуплев пайөсем тата синтаксисри сәмах витөмлөхне тәвакан хатөрсем;

3) илемлө произведенисен, наука, публицистика тата ытти произведенисен стилөсен пахаләхөсем;

4) кашни стильшөн, чи малтан илемлө литература стилөшөн, сәмаха илемлө тумалли хайне евөрлө хатөрсем (эпитетсем, танлаштарусем, метафорәсем, сәпатлантарусем т. ыт. те).

Кашни пуплевех эпир унән конкретлә содержанине, вәл әҗта тата мөнле лару-тәрура пулса иртнине, хамәр кампа калаҗнине шута илсе йөркелетпөр. Ҙак сәлтавсем калаҗакансене кашни хутөнчех пуплев тытәмне уләштарма хистеҗҗө. Чәнах та, эпир пөр җынпа калаҗнә чухне пөр сәмахсемпе, тепөр җынпа калаҗнә чухне урәххисемпе усә куратпәр. Ҙапла ёнтө, кашни пуплевөн хайөн адресачөпе вярәнө пур. Акә, төслөхрен, эпир килти җынсемпе тата җывәх юлташсемпе пөр төслө, өҗри җынсемпе, пусләхпа урәхла калаҗатпәр. Кунсәр пуҗне, эпир пөр җынпах төрлө ситуацире тата лару-тәрура төрлөрен пуплетпөр: акә арәмө упәшкине килте ятран, официаллә лару-тәрура вара ашшө ячөпе тата хайөн ячөпе хисеплесе чөнет. Е тата эпир җывәх юлташсене «Салам!», «Курманни миҗө җул!», «Мөнле чупатәр е чупатән?», учреждени пусләхне е хамәртан асләрах җынна «Сывләх сунатәп!», «Сывә-и?», «Здравствуйте!» тесе саламлатпәр. Вярәссем, ак, хайсен җывәх юлташөсемпе тусөсене җурәмран ләпкаса е хулпуҗҗинчен ләпкән җапса илсе «Ну, бывай», «Ну, пока», официаллә җынна, төслөхрен, завод директорне вара «До свидания» теҗҗө. Официаллә е җывәхах мар җынпа «Ну, бывай» тесе сывпуллашни җын пуплев этикетне пөлменнине кәтартать [Горшков 1997: 62].

Кунсәр пуҗне, пуплеве йөркелесси хамәрпа калаҗакан җыннән кәмәлтуйәмө мөнлинчен те чылай килет. Акә, төслөхрен, хуйха путнә җынпа эпир пөр төслө, савәнәҗлә, шүтлеме юратакан җынпа урәх төслө калаҗатпәр.

Кирек хәш чөхере те (литература нормисем җирөплөннө чөлхесенче) **функционаллек стиль** текен әнлав пур.

Төпчевҗөсем вярәнлә пуплевөн виҗө аспект пуррине кәтартаҗҗө: 1) стиль вярәнләхө; 2) контекст вярәнләхө; 3) ситуаципе кәмәлтуйәм вярәнләхө.

Функциллек стиль вәл – общество пурнәҗөн пөр-пөр сферинче усә курма юрәхлә, е вярәнлә, чөлхе хатөресене суйласа илсе пөр-пөр төллевпе йөркелөннө пуплев, е текст [Горшков 1997: 62].

V класс ачисем текстпа, текст төсөсемпе, пуплевөн **калаҗу, илемлө литература, өслө стиль** төсөсемпе пусласа паллашаҗҗө. Кунта ачасем «стиль» тата «калаҗу чөлхи», «илемлө чөлхе» текен терминсемпе те усә курнине

палартмалла. «Стиль» термина, унӑн тӗсӗсене VI–VII классенче тӗплӗнрех те туллинрех уҫса панӑ. Стиль ыйтӑвӗсене тӗпе хурса теори материалӗпе пуплевре туллин уҫӑ курма вӗрентсе ҫитересси вара VIII–IX классенче пулса пырать. Ку, паллах, ачасен ӱсӗм шайне тӗпе хурса ӗҫлессипе ҫыхӑнса тӑрать. Вӗренекенсем V класра стиль тӗсӗсемпе пӗрремӗш хут паллашса ытти классенче пӗлӗве малалла аталантарса пыраҫҫӗ.

Хальхи литература чӗлхинче калаҫу стилӗпе кӗнеке стилӗ пуррине маларах палартрамӑр ӗнтӗ. Ҫавна май ҫамахсемпе пӗрисемпе кулленхи калаҫура та, кӗнекесемпе хаҫат-журналта та, наука ӗҫӗсенче те анлӑ уҫӑ курнине курма пулать, ун пек ҫамахсем чӗлхере йышлӑ; теприсем *ытларах поэзире (урхамах, пике, эреветлӗ-теветлӗ)* тӗл пулаҫҫӗ, вӗсене кулленхи калаҫура сайра илтме пулать; виҫӗмӗшӗсемпе – наукара кӑна (*атом, электрон, водород, синтаксис, падеж*) уҫӑ кураҫҫӗ.

Шкулта пуплев стилӗсене вӗрентнӗ чух вӗсене ҫанласа уҫса парасси пӗр евӗрлӗрех пулса пырать:

- 1) аҫта кампа хутшӑну пулса иртни тӗлӗшӗнчен;
- 2) пуплев задачисене кура;
- 3) пуплев жанрне кура;
- 4) стиль уйрӑмлӑхне палартакан паллӑсене кура;
- 5) пур тапхӑрӗсемпе те ҫыхӑннӑ чӗлхе уйрӑмлӑхсем.

КАЛАҪУ СТИЛӖ калаҫу чӗлхи ҫинче никӗсленет, унӑн уйрӑмлӑхӗсене палартать. Ҫав уйрӑмлӑхсене чӗлхен пур шайӗнче те (фонетикапа лексикара та, морфологипе синтаксисра та) асӑрхатпӑр. **Калаҫу чӗлхин тӗп функцийӗ** – хутшӑну, **тӗп палли** – пуплев, **тӗп форми** – диалог. Диалог формине уҫӑ курнӑ чух калаҫу шухӑшлавпа пӗр вӑхӑтра йӗркеленет. Кунта калаҫнӑ чухне ҫамахсене суйласа тӑма, шухӑша туллин те ҫыхӑнуллӑ йӗркелеме вӑхӑт ҫук. Шухӑша каласа пӗлтерме пуплев мӗнле лару-тӑрура пулса иртни, ҫамаха мӗнле интонаципе (сасӑпа) калани, пит-куҫа хускатни, ал-урана вылятни пулӑшать. Ҫавӑнпа та кулленхи калаҫура ҫамахсене пурне те каламаҫҫӗ, предложенисене час-часах ҫыхӑнусӑр йӗркелеҫҫӗ. Тӗслӗхрен, пӗр-пӗр ҫын ҫӑкӑр лавккине кӗрсен: «Мана шуррине пӗрре, хурине иккӗ парӑр», – тенине илтме пулать. Сутуҫӑ ӑна «**ҫӑкӑр**» ҫамаха каламасӑрах ӑнланать, мӗншӗн тесен ҫамах мӗн ҫинчен пыни ситуацирен курӑнать.

Кӑмӑл-туйӑма палартакан тата хистев аффиксӗсемпе татаксем, междометисем тӗпрен илсен калаҫу стилӗн элеменчӗсем шутланаҫҫӗ.

Калаҫу стилӗ вӑл – яланхи официаллӑ мар хутшӑнура, **2–3 ҫын хушшинче йӗркеленекен калаҫу уйрӑмлӑхӗ**. Вӑл кирек хӑш хутшӑнура та, кирек хӑш стильре те уҫӑ куракан чӗлхе хатӗрӗ (кусене нейтраллӑ стиль хатӗрӗсем теме пулать). Кун пек чух калаҫакан уйрӑм лару-тӑрура, ситуацире кӑна вырӑнлӑ, ҫепӗҫ, именӱсӗр те чурӑс (тӱрккес) ҫамахсемпе те, ансат пуплевсемпе те ирӗклӗ уҫӑ курма пултарать. Кӑмӑл-туйӑм, хистев аффиксӗсемпе татакӗсем, междометисем тӗпрен илсен калаҫу стилӗн элеменчӗсем шутланаҫҫӗ. Калаҫу стилӗн синтаксисӗ те пуян: вӑл интонациллӗ,

паузәллә конструкторсемпе – ансат, тулли мар, сыпәнуллә хутлә предложенисемпе, повторсемпе паләрсә тәрәть.

Калаҫу стилән уйрәмләхәсем ҫак диалогран лайах кураңаҫҫә:

– *Сире мәнле чәнәҫҫә?*

– *Алексей Николаевич.*

– *Ёҫрен-и?*

– *ҫапла, шукултан.*

– *ҫемьеллә-и?*

– *Арәм тата ик ача.*

– *Ачусем мән ятлә?*

– *Пәри – Даниил, тепри – Елизавета.*

– *Миҫе ҫулта?*

– *Хам-и е ачасем?*

– *Ачусем.*

– *Даниил – тәххәрта, Елизавета – вун тәваттәра.*

– *Вәренәҫҫә пулә?*

– *Пәри – иккәмәшәнче, тепри – ҫичкәмәшәнче.*

Каламасәр хәварнә сәмахсене эфир пуплев ситуацийәпе содержанияйәнчен чухласа илетпәр (*иккәмәшәнче* – иккәмәш класра вәренет; *ҫичкәмәшәнче* – ҫичкәмәш класра вәренет; *тәххәрта* – тәхәр ҫулта; *вун тәваттәра* – вун тәватә ҫулта).

Калаҫу стиләнче усә куракан лексикана хайне темиҫе ушкәна уйәрма пулать.

Калаҫу лексика виҫә ушкәна уйрәлать: пуплешү лексика, ахаль калаҫу лексика тата диалект лексика.

«**Пуплешү лексика**» тесе ҫывах ҫынсем пәр-пәринпе именмесәр, ирәккән калаҫнә чух усә куракан сәмахсене калаҫҫә.

Ахаль калаҫу сәмахәсем – мән пур чәваш халәхә усә куракан сәмахсемех, анчах та стиль енчен вәсем пуплешү сәмахәсенчен «аяларах» вырнаҫнә. Вәл сәмахсем литература чөлхин нормине пәхәнмаҫҫә, унән тулашәнче тәраҫҫә: *ҫурмаккай, танкка, күпке, лапәртат, пасар ту «шавлә калаҫ» т. ыт. те.*

Илемлә стиль – илемлә литература произведенийәсен чөлхин стилә. Кәнеке стилән пәр тәсә. Унән тәп уйрәмләхә – сәнарләх. Вәл ытти стильсенчен чи малтанах илемләх-сәнарләх меләсемпе анлә усә курнипе уйрәлса тәрәть. ҫак стиль чылай енчен наука стильне хирәҫле стиль шутланать. Ку вәл искусствәпа наука пурнәҫа тәрлә енчен сәнарланинчен килет. Наука пурнәҫа әнлавсем урлә, илемлә литература сәнарсем урлә кәтарать. Апла пулин те илемлә литература стиләнче ытти стильсен (тәсләхрен, калаҫу чөлхи стилән, публицистика стилән, наука стилән) элементәсем те тәл пулаҫҫә. Тәсләхрен, пәр-пәр ученәй ҫинчен ҫырса кәтартакан произведенире писатель наука терминәсемпе, тәпчев әсәсенче тәл пулакан сәмах майлашәвәсемпе, әнлавсемпе усә курма пултарать.

КЁНЕКЕ СТИЛЁ: литература чёлхин иккёмёш пысак ушкәнё. *Кёнеке стилён тён палли* – малтан тёллө шухашласа сыхануллă йёркеленё сыруллă пуплев, *тён форми* – монолог. Диалогра хире-хирёсле хуравлаççё пулсан, монологра пёри (сыраканё) сёс хуравлать, урăхла каласан, хирёсле сыхану сук.

Кёнеке чёлхи – политика, наука, тытăмпа хуçалах тата ытти тёлёшпе хутшăннă чух каласмалли чёлхе. Сак майпа хутшăнасси темиçе тёрлө пулса пырать тата въл пит нумай сынсене саварса илет. Сăмахран, радио-калаçу, хаçат статийсем, кёнекесем – миллионлă масса валли. Ку массара тёрлөрен вёреннё сын пур, вёсем сырса-каласа пёлтерес ыйтусене тёрлө майпа туса пыма пелёсçё. Пёлтерес ыйтусем кăткăс пирки, вёсене тёллөн, ятарласа йёркелесе сұтатса пама пёлмелле, савна май кёнеке чёлхин тён форми **МОНОЛОГ** пулса тарать. Кунта сыраканан хайён сăмахне тёрёс, сăмал анланмалла йёркелеме тивет. Кун пек чух сăмахсене пит тиркесе суйласа илёсçё, вёсене грамматика енчен тёрёс пёллештерсе сыхантараççё, предложенийёсем тулли, час-часах хутлă, кăткăс пулаççё.

НАУКА СТИЛЁ – кёнеке стилён пёр тёсё. Обществара наука стилё, тёнрен илсен, наукара паларать. Наука стилё – наукан пур ыйтавёсемпе те сыракан кёнекесен, статьясен стилё [Горшков 1997: 64].

Наука стилё общество ыйтавёсене пула йёркеленнё. Въл информации сыхласа хаварма тата ана ыттисем патне ситерме кирлө.

Кашни наука отраслө (тёллөхрен, математика, географи, хими, биологи, чёлхе вёрентёвё, астрономи т. ыт. те) хайён ятарлă сăмахёсемпе – терминсемпе усă курать. Тёнрен илсен, наука чёлхи въл – терминсен чёлхи. Наука стилё ытти стильсенчен саканпа уйралса тарать. Наукан кашни турачён хайне евёрлө терминсем пур. Вёсем нумайашё интернационаллă тата вырăс чёлхинчен илнө терминсем. Сак стильре термин пулман сăмахсем те пурте пекех тёрө пёлтерёшлө, вёсемпе куçамлă, метафора пёлтерёшөпе усă курни наука стилёшён характерлă мар. Унта *анчах, сапах та, саванна, сапла ёнтё, сапла вара, мёншён тесен, пёрремёшёнчен, иккёмёшёнчен, виçсёмёшёнчен* сăмахсем, паларту аффикслă причастисем (тёллөхрен, *палартни, куранни, сайланни, кятартни*) питё йышлă тёл пулаççё. Кунта предложенисем час-часах стереотиплă (е пёр пекрех модельлө) пулаççё. Наука синчен сырнă шухашсене тёрёс йёркелеме тарашаççё. Наука стилён синтаксисё кăткăс. Унта хутлă предложенисем (сыпануллисем тата пăхануллисем) нумай, вёсем тёрлө союзсемпе, союза сăмахсемпе сыханаççё, сăмахран: *анчах, сапах та, саванна, сапла ёнтё, сапла вара, мёншён тесен* т.ыт.те. Сăмахсене кунта тёрө пёлтерёшсемпе калаççё, субъективлă пахалакан сăмахсенчен пăранаççё.

Наука стилён уйрамлăхёсем сак текстран лайах куранаççё:

Шкулта таван чёлхене вёрентессин тён тёллөвё – ачасене теори пёллөвё панисёр пуçне тёрёс те илемлө сырма, каласма ханăхтарасси. Учитель чёлхери сасасем синчен анлантарать-и, сăмах йышөпе

паллаштарать-и е морфологине синтаксиса вѣрентет – ун умѣнче яланах ачасен чѣлхе культурине үстерес задача тӳрять.

Чѣлхе культурине үстересси вӳл – 1) кулленхи каласу чѣлхинче орфоэти нормисене сирѣплетесси; 2) предложенисемпе сӳмах сыхӳнӳвѣсене грамматика законѣсем тӳрӳх йѣркелеме вѣрентесси; 3) шухӳш-туйӳма тѣрѣс те илемлѣ усса нама пулӳшакан чѣлхе хатѣрѣсене кирлѣ пек суйласа илме хӳнӳхтарасси, урӳхла каласан, чѣлхе туйӳмне аталантарасси (Н. П. Петров).

Сак текста наука стилѣн элеменчѣсем питѣ уссӳн палӳрассѣ. Кусем:

1) **стереотиплӳ пӳхӳнуллӳ хутлӳ предложенисем;**

2) **чѣлхе пѣлѣвѣн терминѣсем:** *пуллев культури, сӳмах йышѣ, кулленхи каласу чѣлхи, орфоэти нормисем, грамматика законѣсем, сӳмах сыхӳнӳвѣсем* т. бг. те;

3) **палӳрту аффиксѣ йышӳннӳ сӳмахсем:** *сирѣплетесси, үстересси, аталантарасси* т. бг. те;

4) **пѣтѣмлетӳ сӳмахѣсемпе вѣсен пѣлтерѣшне усса паракан сӳмахсем** т. бг. те.

Асанса тухнӳ мелсем илсе кӳартнӳ текста наука стилѣн сѣмне кӳрессѣ.

Кунсӳр пушне, сакна та палӳртса хӳвармалла: наука стилѣшѣн сӳнарлӳх та ют мар. Вӳл сак текста лайӳх палӳрять:

Чѣлхе – выртан каска мар. Вӳл, шыв пек, хӳй сӳлѣпе юхнӳсем юхать, анчах ѣмѣрсен ѣмѣрѣ хушинче вӳл та шӳнкӳртатма чарӳнать, тинсе ларать иккен. Скиф, хетт, тохор, факи, авалхи грек, латин, прус, галл, гот чѣлхисем майѣпен-майѣпен манӳса тухнӳ. Вѣсен шучѣ темище сѣртен иртет (М. Р. Федотов).

Сак текста танлаштару та, метафорӳсем те, фразеологизмсем те пур. Анчах та пуллев сӳнарлӳх кӳрекен мелсем наука чѣлхинче илемлѣ литература чѣлхинчи пек тѣп вырӳн йышӳнмассѣ.

Наука стилѣнче илемлѣх мелѣсемпе сайра усӳ курассѣ. Кунта вѣсем вулакана е вѣренекене ӳнланма сӳмӳлтарах пултӳр тесе кирлѣ.

Наука произведенийѣсемшѣн абзацсен сирѣп йѣрки характерлӳ. Кашниех вѣсем хӳйне май тѣплѣ тата вѣсленнѣ шухӳша палӳртассѣ. Абзацсем пѣр-пѣринпе тѣрлѣрен мелсемпе тачӳ сыхӳнура тӳрассѣ тата шухӳшѣ енчен пѣрешкел, умлӳ-хыслӳ ѣсе пѣлтерессѣ. Тѣп шухӳшѣ, пѣтѣм каланине кѣскен пѣлтерекенни, абзац пусламӳшѣнче (хӳш-пѣр чухне вѣсѣнче те) вырнасать. Абзацӳн пѣрремѣш предложенийѣ чи пѣлтерѣшли. Унта пѣлтернѣ шухӳш малалла тѣслѣхсемпе, цитатӳсемпе, аргументсемпе сирѣпленет. Вѣсѣнче вара пѣтѣмлетни пулать.

ОФИЦИАЛӳ ЁС СТИЛѣ. Ёслѣ стиль официалӳ документсен, указсен, законсен, приказсен, тѣрлѣ органсемпе учрежденисен ёс хучѣсен чѣлхи. Вӳл официалӳ хутшӳнура йѣркеленет. Ку стиль ёс хучѣсенче

(ыйтусенче, пёлтерүсенче, актсенче, ёнентерүсенче, характеристикәсенче, протоколсенче), төрлө законсемпе инструкцисенче паларать.

Официаллә документсенче общество пурнаҗёпе җыханна терминсемпе, штампанса җирепленнө сәмах җавранашёсемпе усә кураҗҗё. Кунта кашни сәмах түрө пёлтерөшлө пулмалла. Пуплеве сәнарләх күрекен мелсем (метафорәсемпе эпитетсем т. ыт. те.) официаллә ёҗ стиленче пачах та ыранлә мар. Кирек мөнле документра та пёр-пёр ёҗ җинчен кёскен те уҗҗан, ним ытлаши сәмахсемсёр җырмалла.

Ёҗ хучё – ятарлә документ. Унан чёлхи илемлө сәмахләх хайлавёсен чёлхинчен стиль төлөшөпе чылай уйралса тарать. Унта (терминсемпе професси сәмахёсем), абстрактлә пёлтерөшлө сәмахсем төл пулаҗҗё.

Ёҗ хучё – пёр каләппа, җирөп стандарта пәханса җырмалли документ; вёсен кашнин хайён йёрки, җирөпленнө форми пур. Унпа пёрлех кашни ёҗ хучён хайён төллевё, хайён адресачё пулмалла. Җаванпа та унта кам җырни тата кама валли, мөнле төллевпе җырни уҗамлән курәнмалла.

Ёҗ хучёсен текстне әнланма җамәл, уҗамлә, шухәш төлөшёнчен җыхануллә чёлхепе җырмалла. Унта ытлаши сәмах та, шухәша тәсса кайни те, түрлетүсемпе ырансәр хушнисем те, чёрсе җырнисем те пулмалла мар.

Ёҗ хучёсенче шухәшсене кәткәс җыхантарма кирлө пирки төрлө йышши хутлә предложенисемпе усә кураҗҗё, җаванпа кунта хутлә союзсем төл пулаҗҗё (*җавна пула, җаван пирки, каланә тарәх, апла пулин те, кунсәр пуҗне, җав хутра* т. ыт. те). Шухәшсене логика тарәх җыхантарма күртём сәмахсемпе усә кураҗҗё, сәмахран: *пёр енчен, тепёр енчен, малтан, унтан, юлашкинчен, җапла вара, җапла ёнтё*. Ку стильре чёлхепе экспресиллө тата эмоциллө тәвакан элементсем җук; кунта ачашланине кәтартакан аффикссем пулмаҗҗё.

Стилистика ыйтавёсене төпчекенсем **канцеляризм** терминпа усә кураҗҗё. Җак сәмах пёр текстра җине-җинех төл пулса вулакана йәләхтаракан сәмаха е сәмах майлашәвне пёлтерет. Мөншён ун пек юрәхсәр сәмахсене канцеляризмсем теҗҗё-ха? Ку вәл канцеляри докуменчёсен чёлхипе җыханна. Вёсем (тёслөхрен, справка, заявлени, шантару хучё) штамп сәмахёсенчен тарәҗҗё.

ПУБЛИЦИСТИКА СТИЛЁ – хаҗат-журнал, обществәпа политика лите-ратурин, лекцисемпе докладсен, радиопа телевидени передачисен чёлхи. **Публицистика төллевё** – информации парасси тата халәха пёр-пёр идеологи витёмө күресси.

V класра вёренекенсене ку стиль уйрамләхөпе палаштармаҗҗё.

Публицистика стилён төн уйрамләхёсенчен пёри вәл – обществәпа политика терминёсемпе, лозунгла-плакатла сәмах майлашәвёсемпе усә курни. Тёслөхрен, «*Пуласлах – пёрлөхре*»; «*Пурте суйлава хутианар*» йышши сәмах майлашәвёсемпе чёнүсем ытларах публицистикәра төл пулаҗҗё.

Хаҗат-журнала халәхән анлә сийәсем вуланәран унән чөлхи тәпрен илсен пуриншән те – җәршыв пусләхәсемшән те, академиксемшән те, предприятисене ертсе пыракансемпе рабочисемшән те, ял әҗченәсемшән те, ватам шул учителәсемпе студентсемшән те әнланма ансат пулмалла, унсәрән хаҗат-журнала вулакансен йышә паләрмаллах чакса кайма пултарать, җавәнпа та редакцисенче әҗлекенсем хәйсен статйисене май пур таран ансатрах та уҗамләрах чөлхепе җырма тәрәшаҗҗә.

Публицистика стилән тепәр палли вәл – унта илемлә литературәпа калаҗу чөлхин уйрәмләхәсем паләрни. Хаҗат-журналән тәп тәллевә – вулакансене хәйсем майлә җавәрасси, апла пулсан вәсен чөлхи җывәрттарса яракан типә те кичем чөлхе мар, сәнарлә чөлхе те пулмалла.

Чәваш чөлхи урокәсенче вәренекенсен стиль енәпе йәркеленсе пыракан әнлавсем тапхәран-тапхәрән пулса пынине паләртмалла:

1-мәш тапхәр – пәр-пәр условинче пулев хатәрәсемпе тәрәс (е тәрәс мар) усә курни туйәм (интуици) шайәнче йәркеленни. Ку тапхәрта пәр-пәр сәмахпа ыранлә (тәрәс) усә курнине туйәм шайәнче җәҗ пәлме пултарәҗҗә, мәншән тесен чөлхе хатәрәсен нормисемпе мәнле усә курмаллипе җыхәннә теори ыйтәвәсемпе вәренекенсем паллашман-ха.

2-мәш тапхәр текста стиль тәләшәнчен курәмлә йәркелеме май паракан доминантәна уҗса пама май паракан теори ыйтәвәсемпе пәрремәш хут паллашассипе җыхәнса тәмалла.

3-мәш тапхәр пәр-пәр пуләмән уйрәмләхәсемпе паллаштарасси теори йәркисене әнланмалла уҗса парассипе җыхәнмалла.

4-мәш тапхәр пәр-пәр пуләма вәреннә чух функциллә стиль уйрәмләхәсемпе җыхәннә пәтәмәшле әнлава әса хывма пуләшас җәрте ачасен шухәшласа әҗлес пултаруләхне аталантарассипе җыхәнмалла. Ку тапхәрта вәренекенсем чөлхе факчәсене вәсен формине, пәлтерәшне, функцине шути илсе пәр җыхәнурә, пәрле пәхса тухма пултармалла.

5-мәш тапхәр – стилистика әнлава алла илессипе җыхәннә юлашки тапхәр. Ку тапхәр, вәренекенсем стилистика әнлава алла илнә май чөлхен стиль хатәрәсемпе хутшәну әҗә-хәләнче калас шухәшаса пәлсе те тәллевлә адресат патне илсе җитерме пултарнипе җыхәнса тәмалла.

V класра ачасем лексика ыйтәвәсемпе паллашнә май стилистика ыйтәвәсене юнашар пәхма ыйтакан «Синоним», «Антоним», «Ятарлә сәмахсем. Профессионализмсем», «Кивелнә сәмахсем», «Диалектизмсем», «Литература нормине пәхәнман сәмахсем» темәсене вәренәҗҗә, апла пулсан ку темәсемпе әҗленә чух маларах паллашнә тема җине таянса, стиль ыйтәвәсемпе җыхәнтарса вәрентесси җинчен те манса каймалла мар.

Шкул ачисен калаҗу тата җыру пулевне аталантарма чәваш чөлхинчи синоним меләсене пәлни пысәк ыран йышәнать.

Чөлхери кашни синоним мелә пәр-пәр контекста җәҗ тивәҗлә. Тәрлә функцилле стильсенче тәрлә синоним меләсемпе усә кураҗҗә. Ку вәл калаҗавән тәллевәсемпе җыхәннә. Тәсләхрен, официаллә әҗ тата наука

стилĕсенче калассине туллинрех палăртма терминсемпе усă кураççĕ, тĕрлĕ пĕлтерĕشلĕ синонимсемпе усă курни çук тесен те юрать. Публицистика стилĕнче тата илемлĕ литература стилĕнче чĕлхене илемлĕ тума, пĕр пек-лĕхсенчен хăтăлма тĕрлĕ йышши синоним мелĕсемпе усă курни те пулăшать. Çак уйрăмлăхсене те вĕрентекен урокра çутатса пама тивĕç.

Чĕлхери уйрăм ăнлавсене тĕрĕс те илемлĕ каласа пĕлтермелли майсене тĕпчесе пĕлнĕ чух стилистика чи малтан синонимсене пăхса тухать.

Литература

1. *Горшков А. Е.* Чăваш чĕлхи, лексика, фразеологи. Пуплев культури: Вĕренÿ пособийĕ. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1997. – 159 с.

2. *Сергеев Л. П., Андреева Е. А., Брусова Г. Ф.* Чăваш чĕлхи: 5-мĕш класс валли. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2020. – 239 с.

Автор:

Брусова Галина Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; brusova.g@yandex.ru

Author:

Brusova Galina F. – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor of the Department of Russian and Chuvash languages, Chuvash state pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russia; brusova.g@yandex.ru

КИНОТЕКСТ И КИНОДИСКУРС КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

Аннотация. В статье рассказывается о том, каким образом можно использовать кинотекст и кинодискурс для развития межкультурной компетенции студентов-иностранцев.

Ключевые слова: кинотекст, кинодискурс, межкультурная компетенция, аутентичный текст, менталитет, стереотипы.

М. Г. Vazanova

KINOTEXT AND KINODISCOURSE AS A MEANS OF DEVELOPMENT FOREIGN STUDENTS' INTERCULTURAL COMPETENCE

Abstract. The article describes how kinotext and kinodiscourse can be used to develop foreign students' intercultural competence.

Keywords: kinotext, kinodiscourse, intercultural competence, authentic text, mentality, stereotypes

Прежде чем говорить о роли кинотекста в развитии межкультурной компетенции на русском языке, следует прояснить, что понимается под *кинотекстом*, как соотносятся *кино* и *кинотекст*, *кинотекст* и *кинодискурс*.

Существуют разные определения понятий кино и кинотекст. Так, для Н. И. Жинкина кино – это «в первую очередь искусство событий», Кристиан Метц же говорил, что «кино – это язык» [Бугаева 2011: 67–68]. Лотман М. Ю. исследовал кинотекст как знаковую систему в динамике и считал, что «кинотекст может рассматриваться одновременно как дискретный, составленный из знаков, и недискретный, в котором значение приписывается непосредственно тексту» [Лотман 1973]. Г. Г. Слышкин и М. А. Ефремова, рассматривая кинофильм как особый тип текста, выделяют в нём *лингвистические* (речь персонажей, закадровую речь, песни; титры инициальные, финальные и внутритекстовые, надписи как часть интерьера или реквизита) и *нелингвистические* (естественные шумы, технические шумы, музыку; образы персонажей, движения персонажей, пейзаж, интерьер, реквизиты, спецэффекты) *знаки*. При этом кинотекст как объект лингвистического исследования понимается ими как «связное, цельное и завершённое сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и /или индексальных) знаков и организованное в соответствии

с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов...» [Слышкин 2004: 60].

Понятие кинодискурс возникает тогда, когда для полноценного понимания происходящих в фильме событий на первый план выдвигаются его экстралингвистические составляющие [Cingerová 2017: 108].

Что представляет собой кинотекст как средство формирования межкультурной компетенции инофона?

Кинотекст – это прежде всего аутентичный текст. В этом случае мы говорим о том, что фильмы могут быть использованы для обучения иностранному языку в их подлинном культурном контексте. Традиционная культура, представленная на экране, может помочь студентам получить представление о социуме, в котором используется язык, и не только считывать культурно значимую информацию, но и анализировать и интерпретировать её с точки зрения своей культуры. Таким образом происходит обучение языку через взаимодействие кинотекста и социокультурного контекста.

При правильном руководстве учителя телевизионные фильмы могут стать настоящей находкой для обучения языку и культуре. Может возникнуть вопрос, не будут ли перегружены обучающиеся таким количеством быстроменяющихся картинок на экране и большим потоком не всегда знакомых слов, или, наоборот, смогут получить ценные практические знания о языке и культуре того или иного народа? Тут нужно ещё раз вспомнить, что кинотекст – это не специально разработанные учебные фильмы, которые были созданы для обучения языку и культуре и структурированы соответственно этой цели, это то аутентичное кино, которое изначально было предназначено для просмотра носителями языка, а потому и не предлагает для анализа искусственно созданный учебный материал, чем, как мы считаем, и ценен. В то же время не следует забывать, что кинотекст выполняет обучающую функцию лишь до тех пор, пока зрители чувствуют, что могут многому научиться, что они удовлетворены просмотром. Поэтому преподаватель должен подбирать фильмы в соответствии с уровнем обучения студентов, сопровождая их комплексом речевых и грамматических заданий, облегчающих включение в речь непонятных слов и выражений.

Так, в курс «Межкультурная коммуникация» мы предлагаем включить работу по излюбленному иностранцами сериалу «Как я стал русским». Незамысловатый сюжет о молодом американском журналисте Алексе Уилсоне, не по доброй воле приехавшем в Россию в долгосрочную командировку и столкнувшемся с чуждой ему российской действительностью, раскрывается в двадцати короткометражных сериях. Каждая серия заканчивается фрагментами статей Алекса, в которых он рассказывает о России и русских, а также о своих попытках постичь загадочную русскую душу.

Работа над данным фильмом – это идеальный способ увидеть на конкретных примерах особенности проявления коллективистской культуры русских, узнать об их толерантности, суеверности, об их слепом следовании

обычаям и традициям, порассуждать о бытующих в мире стереотипах и предубеждениях о русских.

В зависимости от уровня сформированных у студентов речевых навыков мы предлагаем использовать комплекс упражнений, включающий задания допросмотровые подготовительные и условно-речевые и речевые, предназначенные для выполнения во время или после просмотра фильма. Например, следующие задания нужно выполнять ещё до просмотра пятого эпизода сериала:

Ознакомьтесь со следующими словами и выражениями. В какой речевой ситуации Вы могли бы их использовать:

Припереть (кого, что) – прост., груб. Принести, привезти.

Деньги упадут/упали (на телефон) – деньги поступят на счёт.

Закинуть деньги (на телефон) – положить деньги на счет.

Метнуться (куда) – побежать.

Слияние компаний – объединение компаний.

Тварь – подлый человек, ругательство по отношению к человеку, который сделал что-то плохое, от действий которого вы пострадали (бандит, вор, предатель).

Врезать (кому, чем) – груб. Ударить, побить, иногда используется как угроза (Сейчас как врежу!)

Для человека, прожившего долгое время в своей культуре, с привычными правилами общения и поведения, и попавшего в новую социокультурную среду, участие в следующем диалоге, изобилующем прецедентными именами и выражениями инокультуры, может стать непростым испытанием.

Анатолий Платонов: Алёш, ты что, Бессмертный? Такие статьи писать...»

Алекс: Я написал только то, что Вы мне сами рассказали.

Анатолий Платонов: Нет, ты понимаешь, каких людей ты на уши своей статьей поставил? Мне с самого утра побежали в банк деньги переводить.

Алекс: В каком смысле?

Анатолий Платонов: В смысле с меня причитается! Я ведь ехал к тебе сюда голову оторвать, а пока доехал, трое должников мне деньги вернули. Как говорится, ехал Вася убивать, приехал – надо в жены брать.

Алекс: Я... извините... в жены брать? Я... Я не уверен, что я понял, что вы хотите со мной сделать.

Подобные фрагменты кинотекста студенты-инофоны смогут понять лишь после выполнения заданий с двучастными вопросами, требующими расширенных ответов, содержание которых выходит за рамки сюжета сериала. Например:

✓ *Что значит у русских обмыть звание/звёздочку? Как вы думаете, что традиционно обмывают русские?*

✓ *Что такое короткий день? Когда и в каких организациях он бывает?*

✓ *«Есть женщины в русских селеньях ...» Так какие они, эти русские женщины?*

✓ *Что означают слова Анатолия, адресованные Алексу: «Алёш, ты что, бессмертный? Такие статьи писать...» (обратите внимание, что эти слова олигарх произносит под звуки балалайки)*

✓ *В России говорят: «В Тулу со своим самоваром не ездят». Как вы думаете, что означает это выражение? Куда ещё не стоит ездить со своим самоваром?*

✓ *Что значит выражение «всё на мази». В каких ситуациях оно используется?*

Распознавание студентом-инофоном в иноязычной речи прецедентных выражений является сигналом его успешной культурной интеграции.

Если говорить об эксплицитном содержании кинотекста, то его понимание, как правило, не вызывает у студентов-иностранцев больших затруднений, так как выражено вербально. Даже если речь идет об эпизодах, в которых встречается большое количество идиом, стилистически сниженной лексики, которые хотя и требуют отдельного разъяснения, но при включении в речь легко изучаются (усваиваются). Другое дело, когда для понимания основной сюжетной линии необходимо умение распознавать и прочитывать подтекст, заложенный в кинодискурсе.

Многомерная природа кинодискурса даёт предпосылки и возможности для кодирования в нём имплицитной информации. Подтекстовое содержание в кинофильме актуализируется тогда, когда зритель начинает искать связь между тем, что он видит и слышит в фильме и о чём сознательно, умышленно умалчивается в нём. Особенно ярко это проявляется, на наш взгляд, именно в комедиях, когда срабатывает так называемый *эффект обманутого ожидания* [Зарецкая 2008:70], и зритель, изначально настроенный на лёгкое кино, начинает задумываться о сложных судьбах комических персонажей фильма, погружается в размышления о предыстории рассказанных в фильме событий, искусно скрытой за художественным вымыслом.

Так, в подтексте седьмого эпизода сериала «Как я стал русским» содержится имплицитная информация о том, что в России всё ещё существует проблема межнационального общения, что многие русские относятся с опаской, например, к представителям кавказских национальных меньшинств, стараются всячески избегать конфликтов с ними: *Роман готов уступить парковочное место другому водителю, узнав в нём представителя кавказской национальности, понимая, что в противном случае, он сам может пострадать:*

Роман: Блин, Алекс, из-за тебя чуть место не профукали.

Чего ты моргаешь? Да чё ты моргаешь, твою м...

Алекс: Твою м...?

Кавказец. Ты чё губами шлёпаешь? Ты видишь, мы первые сюда подъехали, а?

Роман: Всё-всё-всё, ребят, извините.

Кавказец: Э, давай, да рассосался отсюда вообще.

Роман: Всё, я понял, давайте мы машину уберём сейчас.

Здесь выражается мысль о том, что русский человек в силу своего неконфликтного характера, как правило, старается избегать любых конфликтов, даже в ущерб себе, что российское общество лояльно относится к представителям любой национальности, культуры или субкультуры, если они не нарушают нормы общественного порядка. Выражаясь словами Алекса, именно складываясь в причудливый пазл, люди разных народов, живущих в России, и создают пространство русской культуры.

Такие фрагменты кинодискурсов занимают сильную, а иногда и ключевую позицию в фильме. Они привлекают внимание телезрителя-инофона своей интертекстуальностью и могут стать предметом отдельного обсуждения.

Так, например, студенты с удовольствием рассказывали о том, какое представление о русских олигархах бытует в современном западноевропейском обществе. Для этого как нельзя лучше подошло задание, подсказанное самим сюжетом одного из эпизодов сериала, в котором Анатолий Платонов будучи в состоянии сильного алкогольного опьянения рассказывает американскому журналисту откровенные истории о своём становлении как бизнесмена:

Как Вы думаете, что написал Алекс в своей статье об Анатолии? Напишите фрагмент этой статьи (8-10 предложений).

Далее мы представляем выдержки из отдельных работ студентов.

– Свободное время олигарх Платонов проводит в компании своего любимого оружия Когда заключает договоры, обычно берёт своё ружьё с собой ... хотя у него есть и другие методы всегда добиваться своего. С Анатолием шутки плохи. У него контакты во всём мире и, как говорят, „You can run but you can't hide“ (Беги-беги, всё равно не спрячешься). Если увидишь его машину перед своим домом, ты можешь попробовать убежать, друг мой, но он всё равно тебя найдёт и получит от тебя то, что он хотел.

– Анатолий Анатольевич – человек с деньгами. Его можно часто увидеть с рюмкой водки в руках. Это человек, который знает Конституцию, но использует её только в своих интересах. Анатолий Анатольевич своим поведением демонстрирует превосходство над другими. Если вы думаете, что его работа легальна, то ошибаетесь ... Если он когда-нибудь предложит одолжить Вам деньги, ни в коем случае не занимайте у него, потому что его проценты – это ваше разорение. Лучшее, что вы можете делать, – это избегать встреч с ним.

- До распада Советского Союза Анатолий работал помощником военного инспектора. Беспорядки, которые возникли после распада Советского Союза, позволили ему завладеть большим количеством оружия, которое он продавал различным странам, в которых происходили военные конфликты. Таким образом он заработал огромные суммы денег, которые не только гарантировали ему комфортный образ жизни, но и позволяли ему подкупать людей из правительства.

Анатолий Платонов – серьезный человек. Это мужчина, обладающий властью и решимостью иметь больше. ... Деньги занимает, но и возвращайте вовремя, иначе будут большие проблемы. С ним всегда можно договориться, но не испытывайте его терпение.

Выполнение таких заданий, предполагающих включение в них зрительского представления о героях, оценку их поступков, строится с опорой на имеющиеся у студентов фоновые знания.

Таким образом, можно сказать, что кинодискурс – это идеальное средство отображения не только изучаемого языка, но и культур, высоких и низких, связанных с поведенческой практикой, обычаями, традициями предшественников той или иной национальности. Анализируя русский кинодискурс, студенты интуитивно переносят знания с языка своей культуры на язык русской культуры, учатся понимать своеобразие многонациональной России, менталитет русских, отражающий их образ мышления и систему ценностей.

Литература

1. Бугаева Л. Д. Кинотекст: прояснение значения // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 67–74.
2. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – С. 70–74.
3. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/39248> (дата обращения: 01.03.2021).
4. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. – М.: Водолей Publishers, 2004. – 153 с.
5. Cingerová N. Úvod do diskurznej analýzy / N. Cingerová, K. Motyková. – Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2017. – 174 s.

Автор:

Вазанова Марина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, лектор кафедры романских и славянских языков, Экономический университет в Братиславе, г. Братислава, Словакия; e-mail: vazanovam@gmail.ru

Author:

Vazanova Marina G. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Romance and Slavic languages Department, University of Economics in Bratislava, Slovakia; e-mail: vazanovam@mail.ru

КОНТРАСТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД КАК УСЛОВИЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье раскрываются особенности использования контрастно-типологического метода в языковом образовании будущих учителей, рассматриваются подходы к организации языкового образования в нефилологической педагогической среде.

Ключевые слова: языковое образование, содержание языковой подготовки, полиязычная языковая среда, контрастно-типологический метод, нефилологическая обучающая среда.

M. G. Vahnitskaia

CONTRAST-TYOPOLOGICAL METHOD AS A CONDITION OF LANGUAGE EDUCATION

Abstract. The article reveals the features of the use of the counter-typological method in the language education of future teachers, examines the approaches to the organization of language education in a non-philological pedagogical environment.

Keywords: language education, content of language training, multilingual language environment, contrastive typological method, non-philological learning environment.

На современном этапе развития в языковом образовании наблюдаются разнообразие и вариативность выбора методов и технологий обучения, стандарты в этой области определяют содержание через соответствующие разделы наук: теории и технологии обучения языку, лингвистики, ортологии и др. Требования к уровню языковой подготовки студентов учитывают различные формы устного и письменного общения, коммуникативные качества речевых действий, а также определенный уровень социокультурных знаний.

В полиязычной образовательной среде, к которой относится и Приднестровский регион, особое значение придается изучению неродного языка (официального украинского, молдавского языков, иностранного). В этом контексте, на наш взгляд, большое внимание необходимо уделить формированию межкультурной компетенции студентов на основе сравнения и сопоставления изучаемых языков, используя контрастно-типологический метод. Также требуют решения вопросы, посвященные комплексному анализу

и проектированию пространства и преемственности языковой подготовки в системе уровневого высшего образования.

Языковую подготовку мы рассматриваем как

– неотъемлемый компонент общепрофессиональной подготовки специалистов;

– как процесс освоения системы языка и категорий речи, обучения студентов профессиональному общению в соответствии с избранным профилем;

– как результат, определяющийся, с одной стороны, уровнем развития языковой личности студента, а с другой, – уровнем сформированности коммуникативной и межкультурной компетентности.

В современной науке активные исследования проводятся в различных аспектах языковой подготовки:

- направленности обучения (коммуникативной, лингвистической, личностно- и профессионально-ориентированной, социокультурной и др.;

– межкультурной коммуникации;

– реализации компетентностного подхода;

– критериев оценки и контроля качества знаний;

– технологического обеспечения обучения языкам.

Основополагающим в языковом образовании студентов является тот факт, что базовые понятия и категории лингвистики, культуры речи рассматриваются в процессе их реализации в конкретных ситуациях педагогического общения, что позволяет показать их специфику, определить, как общие принципы, положения, нормы действуют в соответствующих коммуникативных условиях, как они работают в ходе решения конкретных педагогических задач.

С целью определения специфики языковой подготовки бакалавров, магистрантов, а также систематизации теоретических сведений в области языка и речи, возможностей реализации коммуникативных потребностей в профессиональном общении, нами проанализированы ФГОС и учебные планы бакалавриата и магистратуры по направлению «Педагогическое образование», профиль "Начальное образование", магистерская программа "Педагогическая инноватика в начальном образовании".

Анализ показал, что система дисциплин бакалавриата включает разделы лингвистики, начиная с «Введения в языкознание» и заканчивая «Синтаксисом». Следует отметить, что ООП бакалавриата содержит и другие дисциплины, входящие в базовую часть, которые в разной степени способствуют языковому образованию студентов, такие как «Иностранный язык», «Официальный язык», «Тренинг педагогического общения», «Теоретические основы и технологии начального языкового образования», «Коррекция письменной речи», «Трудные вопросы изучения грамматики в начальной школе».

ООП магистратуры «Педагогическая инноватика в начальном образовании» содержит всего две дисциплины в блоке ДВ (дисциплины по выбору) – «Лингвоперсонологический подход в начальном филологическом образовании» и «Коммуникативно-творческая деятельность учителя начальных классов», которые, во-первых, изучаются по выбору студентов, во-вторых, носят прикладной характер. Как видим, основы языковой подготовки будущего учителя начальных классов закладываются на ступени бакалавриата.

В связи с вышеизложенным видится перспективным сравнительно-сопоставительное исследование содержания всех дисциплин ООП, способствующих развитию коммуникативных умений, навыков, способов и опыта деятельности как составляющих профессиональной компетентности студентов. В этом аспекте эффективным условием выступает контрастивно-типологический метод, позволяющий увидеть и описать возможности дисциплин ООП в языковом образовании будущих педагогов.

Сопоставительное (контрастивно-типологическое) направление в языкознании выделилось сравнительно недавно и насчитывает всего около шести десятков лет. Его теория, объект и методика анализа обоснованы в советском, позже российском языкознании такими известными учеными, как Владимир Григорьевич Гак [Гак 1989], Виктория Николаевна Ярцева [Ярцева 1981], Владимир Дмитриевич Аракин [Аракин 2007], Иосиф Абрамович Стернин [Стернин 2007] и др. В этом направлении языки, являющиеся неродственными друг другу или находящиеся в отдаленном родстве, изучаются «преимущественно в синхронии» [Омашева URL].

В ходе синхронно-сопоставительного исследования языков выявляются случаи полного, частичного совпадения или несовпадения различных языковых уровней. Следует отметить, что любые языковые явления могут стать объектом контрастивного анализа, если решаются задачи прикладного характера. В отличие от собственно сопоставительной лингвистики «предмет контрастивной лингвистики определяется лингводидактической направленностью такого сравнения языков, которое поможет определить и описать различия в языках, которые помогут лучшему усвоению второго (официального, иностранного) языка, объясняют случаи несоответствия в грамматических и – шире – понятийных системах языков» [Омашева URL]. Ключевыми понятиями контрастивной лингвистики выступают контрастивно-типологический метод, контрастивный анализ. Если на первых порах контрастивный анализ занимался в основном фактами языковой системы, то теперь он все больше обращается к тексту, к речевым актам, к способам реализации языковой системы. Контрастивно-типологическое исследование позволяет в этом аспекте получить описание, методически удобное для преподавания языка (родного, официального, иностранного), а также дает возможность подойти

к созданию новых типов учебно-методической литературы (словарей, справочников, методических указаний и т.п.).

В условиях нефилологического языкового образования контрастивно-типологический метод может быть применен и к описанию коммуникативного поведения, что, на наш взгляд, очень важно в ситуации педагогического общения. В этом случае выявляются типические и отличительные особенности коммуникативного поведения субъектов учебно-воспитательного процесса. Подобные описания позволяют организовать обучение коммуникативному поведению педагога и обучаемых в поликультурной аудитории – при изучении официального, иностранного языков.

Контрастивная лингвистика имеет преимущественно прикладную направленность, описывая единицы изучаемого языка в форме, удобной для их преподавания носителям другого конкретного языка. При этом контрастивно-типологический метод позволяет получить и ряд важных теоретических обобщений о характере национальной специфики сравниваемых языков, методов и технологий их преподавания.

Как показала практика, процесс языковой подготовки необходимо построить так, чтобы в центре внимания был язык как целостный механизм, который является фундаментом в формировании и развитии языковой личности. В таких условиях целью обучения становится формирование свободной речевой деятельности, языковой, речевой и коммуникативной компетентности. В ходе исследования мы определили компетенции, формируемые дисциплинами базовой части и блока по выбору.

Исходя из такого понимания, в содержании языкового образования студентов мы выделяем следующие компоненты:

- языковая система – совокупность лингвистических знаний, сведений, правил в определенной последовательности и взаимосвязи, а также формируемые на их базе языковые умения;
- речевая деятельность как реализация языка, включающая в себя процессы и механизмы речи, речеведческие знания и речевые умения;
- способы деятельности и опыт общения, обеспечивающие усвоение системы языка и формирование речевых, общепознавательных и других умений;
- речевые произведения (тексты), имеющие профессионально ориентированную направленность и используемые в качестве дидактического материала;
- культура коммуникативного поведения (культура общения);
- профессионально-риторические речевые умения и навыки.

Таким образом, языковое образование – это многокомпонентный процесс, имеющий целью формирование общекультурных (ОК), общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных (ПК) компетенций. Условием их развития выступает контрастивно-типологический метод, который

позволяет смоделировать коммуникативное поведение субъектов учебно-воспитательного процесса средствами изучаемых языков.

Литература

1. *Аракин В. Д.* Очерки по истории английского языка. – М., 2007.
2. *Гак В. Г.* О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – 437 с.
3. *Общее языкознание. Учебное пособие / З. Д. Попова, И.А. Стернин.* – М.: АСТ Восток – Запад, 2007. – 408 с.
4. *Омашева Ж.М.* Сопоставительные и контрастивные исследования в современной лингвистике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/6_PNI_2011/Philologia/3_69370.doc.htm. – Дата обращения: 10.03.2021.
5. *Ярцева В. Н.* Контрастивная грамматика. – М.: Наука, 1981. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/kontrgram/text.pdf>. – Дата обращения: 10.03.2021.

Автор:

Вахницкая Минодора Григорьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры родного языка и литературы в начальной школе Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье, Молдова; e-mail: minodora_grigori@mail.ru

Author:

Vakhnitskaya Minodora G. - Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Native Language and Literature at the primary school of the Transnistrian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Transnistria, Moldova.

ДЕЛОВАЯ ИГРА КАК ОДНО ИЗ НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНЫХ СРЕДСТВ АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. В высшем образовании в последнее время всё чаще наряду с традиционными методами обучения применяются интерактивные методы. Деловая игра является одним из востребованных методов интерактивного обучения. В настоящей статье описана технология подготовки и проведения деловой игры как эффективного метода достижения коммуникативной компетенции студентов-переводчиков.

Ключевые слова: деловая игра, интерактивный метод обучения, коммуникативная компетенция.

L. L. Kostash

BUSINESS GAME AS ONE OF THE MOST EFFECTIVE MEANS OF STIMULATING STUDENTS' COGNITIVE ACTIVITY

Abstract. Today interactive teaching methods are increasingly used along with traditional methods of teaching in higher education. Business game is one of the demanded interactive methods of teaching. This article describes the technology for preparing and running business game as an effective method of achieving the communicative competence of future interpreters.

Keywords: business game, interactive method of teaching, business communication.

Игра – это неотъемлемая часть человеческой жизни. Известный нидерландский учёный Йохан Хейзинга ещё в 1938 году написал книгу “*Homo ludens*” («Человек играющий»), в которой он ведёт размышления о роли игры в жизни как отдельного человека, так и всей человеческой цивилизации.

В учебные программы дисциплин, изучаемых в высшей школе, наряду с традиционными формами обучения всё чаще включают интерактивные методы обучения, применение которых в полной мере отвечает задачам формирования творческой, активной и профессионально-ориентированной личности, способной к принятию определённых, как традиционных, так и нетрадиционных решений для достижения поставленной цели. Современным преподавателям уже недостаточно быть просто компетентными в области только своей специальности и преподаваемой ими дисциплины. Им,

безусловно, нужно уметь организовать занятия таким образом, чтобы последние максимально способствовали раскрытию познавательного потенциала студентов, стимулировали развитие творческой и коммуникативной сторон будущих специалистов. Данное требование возможно воплотить как раз через такой метод обучения, как деловая игра.

Применение деловых игр в процессе обучения способствует развитию профессиональных компетенций обучаемых, формирует умение аргументированно защищать свою точку зрения, анализировать и интерпретировать получаемую информацию, комфортно работать не только индивидуально, но и коллективно. Деловая игра способствует привитию определённых социальных навыков и воспитанию правильной самооценки [Алёшина 2014: 908–909].

Так что же из себя представляет само понятие «деловой игры»? По А. А. Вербицкому, деловая игра – это форма воссоздания в образовательном процессе предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности специалиста, моделирования тех систем отношений, которые характерны для этой деятельности. Как отмечал известный российский учёный, деловая игра является формой контекстного обучения и в то же время формой квазипрофессиональной деятельности, имеющей черты как учения, поскольку проводится в аудиторных условиях, так и труда, поскольку в ней моделируются реальные производственные процессы и социально-профессиональные отношения занятых на производстве людей [Вербицкий 2013: 2].

В структуре самой деловой игры можно выделить следующие этапы [Исаева, Чирич 2017: 59].

1. Подготовительный этап или этап планирования.

Подготовка деловой игры начинается с разработки сценария проведения самой игры. Сценарий является базовым элементом игры и основным документом для её проведения. Уже на этом этапе преподаватель должен чётко представлять себе цель и задачи игры, её ход и распределение ролей между действующими лицами. Данный этап является наиболее сложным для преподавателя, так как требует полной вовлечённости в процесс и творческого видения организации и проведения деловой игры. Правильное составление сценария игры показывает, насколько точно преподаватель оценивает творческие и профессиональные качества самих игроков.

2. Этап объяснения.

На данном этапе преподаватель готовит участников к деловой игре. Участникам выдаются заранее подготовленные материалы, разъясняются правила и инструкция. Инструкция о ходе игры должна быть наглядной, чёткой, лаконичной, т. к. самим игрокам предстоит проделать довольно сложную многоплановую работу. Роли распределяются игроками самостоятельно. Либо преподаватель сам может порекомендовать студентов на определённые позиции, исходя из личных качеств участников, и,

безусловно, следует учитывать уровень владения языком каждого из студентов. Но в любом случае решение должно быть принято коллегиально.

В Приднестровском госуниверситете к последнему V курсу специальности «Перевод и переводоведение» с квалификацией «Лингвист-переводчик» группы студентов, как правило, уже малокомплектные, поэтому практически всегда вопрос распределения ролей решается единогласно и без проблем удаётся задействовать всех студентов группы или подгруппы.

3. Этап проведения игры.

В ходе этого этапа студенты разыгрывают предложенную им ситуацию, играя определённые данные им в начале игры роли, т. е. происходит активное взаимодействие друг с другом в рамках заданной деловой ситуации в соответствии с поставленной целью. Преподаватель не контролирует процесс игры, а наблюдает за тем, как студенты справляются с поставленными задачами. В этом и заключается саморегуляция деловой игры, и от этого ценность данного метода только возрастает.

4. Этап подведения итогов или обсуждение («рефлексия», «дебрифинг»).

Завершающий этап является важным составляющим деловой игры (ДИ). На данном этапе участникам необходимо выйти из своих ролей, обсудить ход игры, сделать выводы. Он позволяет преподавателю и студентам обмениваться мнениями, что, с их точки зрения, получилось, а на что нужно обратить более пристальное внимание и проработать в следующий раз, исправив выявленные при обсуждении недочёты. Подводя итоги деловой игры, преподавателю следует обязательно озвучить достигнутые результаты, описать поведенческую реакцию каждого из участников, отметить ошибки, проанализировать причины их появления, обозначить итог проведённого занятия, а также обсудить, как полученный в игре опыт может быть позже воплощён в жизнь.

Деловая игра, следует отметить, всего лишь имитирует реальную жизнь, реальную профессиональную деятельность. Это даёт участникам игры возможность экспериментировать, проверять разные модели поведения и даже совершать ошибки, которые в реальности себе позволить нельзя.

Но, безусловно, как и любой из современных методов преподавания деловая игра, наряду с положительными, имеет и ряд отрицательных моментов.

К таковым относятся:

- а) высокая трудоёмкость подготовки к игре со стороны преподавателя, поскольку он сосредоточен на непрерывном творческом поиске;
- б) деловая игра обладает такими свойствами, как неопределённость и непредсказуемость хода игры.

Но безусловными являются следующие положительные стороны применения данного нетрадиционного метода обучения:

а) игра способствует улучшению знаний выпускников, развивает интерес к предмету, стимулирует исследовательскую, познавательную и творческую активность студентов, позволяет сформировать профессиональные компетенции, даёт возможность проявить себя в той или иной ситуации делового общения, способствует пробуждению интереса к предмету деловой коммуникации и будущей профессии переводчика;

б) игра вводит студентов в сферу профессиональной деятельности, вырабатывает способность критически оценивать сложившуюся ситуацию, находить решения по совершенствованию, является мощным стимулом активизации самостоятельной работы по приобретению профессиональных знаний и навыков;

в) вырабатываются навыки самостоятельности, работы с новой учебной литературой и интернет-ресурсами, развивается критическое мышление;

г) студенты в процессе игры получают возможность работать в команде, в процессе совместной деятельности учиться устанавливать эффективные коммуникационные связи внутри коллектива.

Решение о том, вводить или не вводить деловую игру в процесс обучения, остаётся безусловно за самим преподавателем. Но, на наш взгляд, применение на занятиях игровых методов открывает большие возможности для развития культуры общения студентов посредством погружения в условные ситуации, в которых происходит формирование их профессиональной личности.

Литература

1. Алёшина О. Г. Деловая игра как средство развития профессиональных компетенций студентов / О. Г. Алёшина // Молодой учёный. – 2014. – № 4 (63). – С. 908–910.
2. Вербицкий А. А. Деловая игра в компетентностном формате / А.А. Вербицкий // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2013. – Т.9. – № 2–3. – С. 140–144.
3. Исаева Н. В., Чирич И. В. Деловая игра как средство активизации познавательной активности и способ формирования профессиональных компетенций студентов // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2017. – Т.11. – № 3. – С. 56–63.

Автор:

Косташ Людмила Леонтиевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова, Приднестровье, e-mail: lkostash@mail.ru

Author:

Kostash Lyudmila L. – Lecturer of the Theory and Practice Chair, Shevchenko State University of Pridnestrovie, Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova, e-mail: lkostash@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ВЕБ-КВЕСТ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье речь идёт о методическом аспекте применения новой технологии веб-квест при изучении иностранных языков. Рассматриваются возможности использования веб-квест технологии при формировании иноязычной коммуникативной компетенции учащихся. Автор выделяет основные методы, используемые при работе с данной технологией; определяет условия применения данной технологии на занятиях по иностранному языку; выделяет принципы классификации веб-квестов. Автором также представлена структура веб-квеста. Автор подчёркивает, что применение технологии веб-квест в образовательном процессе позволит мотивировать учащихся на занятия и повысить уровень владения иностранным языком.

Ключевые слова: веб-квест технология, интернет, иностранный язык, коммуникативная компетенция.

L. L. Kostash

THE WEB-QUEST TECHNOLOGY IN MODERN EDUCATION

Abstract. The article deals with the methodological aspect of applying the web quest technology in teaching foreign languages. The article discusses the possibility of using web quest technology in the formation of foreign language communicative competence of students. The author identifies the main methods used in working with this technology; determines the conditions for the use of the technology; identifies the principles of classification of web quests. Much attention is paid to the structure of the web quest technology. The author emphasizes that the use of web quest technology in the educational process will allow motivating students and improving the level of foreign language proficiency.

Keywords: web-quest technology, Internet, foreign language, communicative competence.

Изучение иностранных языков всегда вызывало повышенный интерес. Знание языков имеет огромное значение и даёт значительные преимущества эффективного общения в профессиональной среде. Свободное владение иностранным языком является одним из факторов, обеспечивающих конкурентоспособность личности в современном обществе.

Происходящие сегодня изменения в общественных отношениях, средствах коммуникации требуют повышения коммуникативной компетенции учащихся, совершенствования их подготовки.

Ведущая цель образования сегодня состоит в том, чтобы воспитать конкурентоспособную личность, востребованную на современном рынке услуг, развивать у студентов желание самосовершенствоваться, самообразовываться, заинтересовать обучаемых в получении знаний, которые позволят быть уверенными в себе и держаться на плаву в это нелёгкое время.

В век информационного развития преподавателям приходится осваивать новые методы, средства, формы, технологии, информационные среды, различные виды интерактивности. Педагоги стремятся активно интегрировать и использовать новые технические достижения в учебных целях на более новом и высоком уровне.

По нашему мнению, одним из наиболее эффективных средств формирования коммуникативной компетенции будущих переводчиков является применение технологии веб-квест как особого вида поисковой деятельности студентов.

В 1995 году американские учёные Берни Додж и Том Марч разработали новый метод обучения. Данная технология очень быстро стала популярной в США, а в России широко стала использоваться в конце 90-х годов [Вавулина, Николенко 2017: 52].

Веб-квест как новая дидактическая модель приобретает всё большую популярность в процессе обучения иностранному языку в последнее время и у нас в Приднестровье.

Разрабатываются веб-квесты для максимальной интеграции интернета в дисциплины на разных уровнях обучения в образовательном процессе с целью продолжительного целенаправленного поиска решения какой-либо проблемы.

Филипп Бенц так описывает веб-квест: это сложный процесс, требующий значительных усилий, как со стороны педагогов, так и со стороны обучающихся. Одно из возможных решений данной проблемы связано с использованием структурного подхода, который даёт ученикам возможность использовать свой труд более продуктивно, соединяя и комбинируя различные творческие способности и навыки проблемного мышления, это конструктивный подход к обучению [Бенц 2013: 42].

Целью веб-квеста является углубление и преобразование знаний студентов. Параллельно данная методика делает процесс изучения языка интересным и более привлекательным, повышая самостоятельность и помогая развивать и выявлять творческие способности будущих переводчиков.

Особенностью образовательного веб-квеста является то, что часть или вся информация для самостоятельной или групповой работы учащихся с ним находится на различных сайтах.

Работа студентов с данной технологией делает процесс обучения более разнообразным и интересным.

Компетенции, развиваемые с этим видом деятельности:

- умение работать в команде (при разработке плана действий, при распределении ролей, обязанностей, функций, при взаимопомощи);
- умение находить подходящие пути решения поставленных перед студентами задач;
- использование компьютерных технологий при решении задач (поиск необходимой информации, выведение результатов, подготовка презентации);
- выработка умения выступать на публике (ведение дискуссии, диалога, построение монолога, правильная постановка вопросов).

Разработчиками новой технологии определены следующие виды веб-квеста [Сапух 2017: 152]:

1. По предметному содержанию:
 - ✓ монопроект,
 - ✓ межпредметные веб-квесты.
2. По длительности выполнения задания:
 - ✓ краткосрочные,
 - ✓ долгосрочные.
3. По типу выполняемых заданий:
 - ✓ пересказ (retelling task),
 - ✓ оценка (judgment task),
 - ✓ компиляция (compilation task),
 - ✓ творческое задание (creative product task),
 - ✓ аналитическое задание (analytical task),
 - ✓ решение спорных проблем (consensus building task),
 - ✓ убеждение (persuasion task),
 - ✓ журналистское расследование (journalistic task),
 - ✓ научное исследование (scientific task),
 - ✓ конструктор (design task),
 - ✓ головоломка, загадка (mystery task),
 - ✓ самопознание (self-knowledge task).

К преимуществам веб-квеста можно отнести такие составляющие, как проблемность, аутентичность и интерактивность.

Структуру веб-квеста, которую предложил Б. Додж, можно брать только за опорную точку, которую при желании можно изменить [Dodge 1995: 10-13].

1) *Введение (Introduction)*. Здесь формулируется тема веб-квеста, распределяются главные роли студентов, обсуждается сценарий, возможен обзор всего квеста. Целью данного этапа является подготовка студентов к заданному виду деятельности. Преподавателю следует создать правильную атмосферу и смотивировать участников на работу.

2) *Само задание (Task)*. Задание состоит в описании поставленной задачи в мельчайших деталях и формы представления конечного результата. Это может быть задача, либо отчёт в форме плаката, реферата или презентации. Цель преподавателем должна быть сформулирована предельно чётко.

3) *Выполнение задания (Process)*. На данном этапе происходит описание этапов работы, преподаватель даёт рекомендации по сбору информации, вопросы для анализа, полезные советы по выполнению задания. В процесс выполнения необходимо обязательно включить ссылки на интернет-ресурсы, которые помогут учащимся в выполнении обозначенного задания. С методической точки зрения материал должен содержать вспомогательные и дополнительные задания. Материал должен быть развивающим.

4) *Оценивание (Evaluation)*. Представляется в виде бланка или таблицы с подробным описанием критериев и параметров оценивания. Критерии зависят от типа задач, поставленных перед учащимися.

5) *Заключение (Conclusion)*. Заключение имеет абсолютную связь с введением. Студенты здесь кратко знакомятся с описанием знаний, умений и навыков, которые они приобретут, если удачно пройдут данный веб-квест.

6) *Использованные материалы (Credits)*. Речь идёт о списке литературы и электронных источниках, которые необходимы для выполнения веб-квеста. Этот пункт можно не выделять, а добавить к разделу «*Выполнение задания*».

7) *Комментарии для преподавателя (Teacher page)*. Данный этап включает историю создания, цели и задачи квеста, содержание и планируемые (личностные, регулятивные, коммуникативные, познавательные) результаты, методические рекомендации, советы для преподавателей, необходимые ресурсы, краткое описание, планируемые результаты веб-квеста, его достоинства и недостатки.

Следует отметить, что технология помогает выражать своё мнение, аргументировать свою точку зрения, составлять план письменного или устного сообщения, анализировать, сопоставлять факты, использовать в речи определённую лексику по теме, сотрудничать с другими обучаемыми, продуктивно работать в команде для решения поставленной проблемы, находить нужные информационные ресурсы, воплощать в жизнь творческие идеи.

Полагаем, что веб-квест предлагает большие методические возможности преподавателю для пополнения материала по изучаемым темам, для организации дискуссии, для анализа устной и письменной речи носителей языка.

Несомненно, одной из самых эффективных и перспективных информационно-коммуникационных технологий обучения иностранным языкам является веб-квест, так как: используется демонстративно-иллюстративный принцип обучения, что помогает сделать процесс познания оригинальным,

а жажда поиска ответа на проблему – развлечением. Структурированная информация, реализуемая в виде гиперссылок, формирует чёткие логические связи у участников веб-квеста, фокусирует на понимании проблемы и корректирует объём изучаемой темы. Поисковый характер веб-квест технологии позволяет увеличить исследовательскую активность и преподавателя, и группы студентов. Работа с большим объёмом информации развивает навыки критического мышления, способность делать первым шаг и нести за него ответственность.

Литература

1. *Бенц Ф.* Применение веб-квестов в учебной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.natalia-chimera.ru/view.php?id=42.
2. *Вавулина А. В., Николенко Е. Ю.* Использование технологии веб-квест при обучении РКИ на разных этапах обучения // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. «Филологические науки». – 2017. – Том 3(69). – № 4. – С. 52–65.
3. *Сапух Т. В.* Возможности технологии «веб-квест» для развития иноязычной коммуникативной компетенции бакалавров // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2017. – 4 (18). – С. 149–157.
4. *Dodge B.* Webquests: A technique for Internet-based learning // Distance Educator 30. –1995. –№ 1(2). – Pp. 10–13.

Автор:

Косташ Людмила Леонтиевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода филологического факультета Приднестровского государственного университета имени Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова, Приднестровье, e-mail: lkostash@mail.ru

Author:

Kostash Lyudmila L. – Lecturer of the Theory and Practice Chair, Shevchenko State University of Pridnestrovie, Tiraspol, Pridnestrovie, Moldova, e-mail: lkostash@mail.ru

ЭФИРНАЯ РЕЧЬ: ОБЗОР НОВЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена релизу базовых современных работ по эфирной речи, затрагивающих вопросы нормы языка, этики, ораторского мастерства. Благодаря такому обзору начинающий филолог, журналист сможет самостоятельно постичь основы эфирной речи.

Ключевые слова: паралингвистический, социопрагматический, психокогнитивный аспекты эфирного языка, норма.

*N. V. Krivoshapova***ETHEREAL SPEECH: OVERVIEW OF THE LATEST SOURCES**

Abstract. The article is devoted to the release of basic modern works on ethereal speech, affecting the issues of language norms, ethics, oratorical skills. Thanks to this review, a novice philologist, a journalist will be able to independently comprehend the basics of ethereal speech.

Keywords: paralinguistic, sociopragmatic, psychocognitive aspects of etheric language, norm.

Эфирная речь – речь современного радио-, теле- и Интернет-эфира должна быть ориентирована на эталонные образцы русской речи и регулироваться Законом о государственном языке России [О государственном 2005 URL].

Постепенно эфирная речь перестает быть академической и стремится к разговорной речи с англицизмами, жаргонизмами специальной (профессиональной) лексикой.

Меняется и миссия журналиста. Кроме изложения достоверной информации его целью становится завладение аудиторией и продвижение предлагаемого контента.

Деятельность журналистов осуществляется в рамках закона о СМИ РФ, поскольку, выходя из предписываемого Законом взаимодействия с аудиторией, журналист совершает должностное преступление [О средствах 1991 URL].

Две непреодолимые силы влияют на журналиста и на его речь: эфирная речь при общении с властью и представителями государства одна, а при реализации бизнес-проектов или продвижения товара – речь другая.

Эфирная речь в государственных СМИ – это рефлексия на движения официальной власти в информационном пространстве. Речь тут стандартизованная, даже в программах с развлекательным контентом. Эфирная речь

максимально приближается к дискурсу официальных заявлений и отдельных представителей власти. Сообщения и документы, составляемые журналистами для официальных эфиров, будь то новости, Интернет-конференция, форум, опираются на стандартизованные источники [Система 2003 URL], [Система 2008 URL].

Предлагаем обзор новейшей литературы об эфирной речи.

Муратов С. А. Телевизионная журналистика. Телевидение в поисках телевидения. – М.: Юрайт, 2018. – 240 с.

Это релиз публикаций исследователя, новатора, он еще в прессе 90-х годов запустил серию регулярных телеобзоров отечественных телепрограмм. Благодаря ему у нас сейчас есть на руках профессиональная критика новых и традиционных программ, начиная с появления голубого экрана до криминальных сериалов и политических дискуссионных шоу. Это энциклопедия отечественного телевидения, с блестящим анализом эфирной речи разных программ и журналистов. Видно, что автор имеет глубокую информационную подготовку, не обходит стороной проблемные вопросы, связанные с цензурой эфиров, успешными и «мигающими» передачами-однодневками, раскрывает специфику рекламных сюжетов.

Учебное пособие написано простым языком в научно-учебном стиле, предполагает достаточный объем теоретической информации и контрольных вопросов.

Книга очень современная и может быть полезна для всех, кто интересуется историей телевидения и формирования эфирной речи [Муратов 2017].

Язык современной публицистики: сборник статей. – М.: Флинта, 2017. – 233 с.

Составитель сборника Г. Я. Солганик, известный филолог, синтаксист, основоположник функциональной стилистики и синтаксиса.

В сборнике 12 статей мэтров публицистики, в большинстве материалов мы находим сведения о трансформации речи о речи в прямом эфире в синхронии и диахронии. Авторы материалов – практикующие журналисты из известных вузов Российской Федерации: Москвы, Красноярска, Перми, – обращают внимание на паралингвистический, социопрагматический, психокогнитивный аспекты эфирного языка, освещаются важные вопросы взаимоотношения языка и этики, политики, нормы.

Сборник очень актуальный, полезен на студентов и преподавателей-журналистов [Язык современной публицистики 2017].

Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ. – М.: Изд-во МГУ, 2004.

Известный журналист, преподаватель онлайн-платформ, не понаслышке знает о сути работы журналиста не только в политическом и развлекательном пространстве, но и в горячих точках.

В книге описываются помимо собственно лингвистических и экстралингвистические аспекты журналистской деятельности, данный источник полезен начинающему журналисту, чтобы со всех сторон взглянуть на будущую профессию [Кузнецов 2004].

Угланова И. А. О языковом механизме саморегуляции // Вестник Пермского ун-та. – 2011. – Вып. 1. – С. 20–26.

Исследователь утверждает, что насильственное очищение или стандартизация эфирной речи вызовет только зажимы и отторжения к правильным вариантам и норме. Есть механизм саморегуляции языка, язык сам оставит в своем поле нормы только то, что обеспечит в будущем эффективную коммуникацию. Статья очень информативная, поможет молодым исследователям ответить на некоторые текущие вопросы по саморегуляции эфирной речи [Угланова 2011: 20-26].

Филатова О. Д. Эфирная речь: некоторые современные тенденции // Вестник Ивановского государственного университета. – Серия: Естественные, общественные науки. – 2013. – №1. – С. 75–79.

Обзорная статья об особенностях эфирной речи в условиях информационных войн и появления Интернета. Дается ряд наблюдений над некоторыми особенностями современной эфирной речи. Внимание уделяется проблеме взаимодействия норм литературного языка и коммуникативной задачи, стоящей перед журналистом. Объясняется суть терминов: литературная норма, коммуникация, словесное ударение, вариативность и изменчивость нормы.

Приводятся конкретные примеры типичных ошибок в эфире с разъяснениями и правильными вариантами. В качестве экспериментальной площадки приводится круглосуточный эфир радио «Маяк» во всем многообразии ежедневной сетки радиопередач разных типов [Филатова 2013: 75–79].

Радиожурналистика: учебник / Под ред. Шереля А. А. - М.: Наука, 2005. – 480 с.

Исследователь посвящает свою работу специфике радиоэфира, манипуляторным техникам влияния на рядового слушателя, расшифровывая, как на определённый возрастной и социальный контингент оказывает влияние коммерческое радиовещание. Главными чертами такого эфира считает вульгаризацию и криминализацию языка через призму взаимосвязи государственной формы собственности и языка СМИ. Классический учебник.

Работа полезна журналистам-теоретикам и филологам, изучающим язык современных СМИ [Радиожурналистика 2005].

Как видим, в новейших источниках об эфирной речи упоминаются наиболее типичные тенденции и изменения в части речевой практики различных эфиров в радио-, теле-, Интернет-коммуникации. Анализ преобладающих тенденций говорит о том, что эфирная речь продолжает видоизменяться и сейчас. С появлением новых жанров и видов программ, форматов вещания эфирная речь обновляется и совершенствуется.

Авторитетные авторы говорят, что не стоит журналистам, редакторам насильно стандартизировать речь, избегать диктатуры нормы, поскольку язык и сам способен саморегулироваться и отбросить с течением времени все ненужные, насильно притянутые тенденции.

Литература

1. *Кузнецов Г. В.* Так работают журналисты ТВ. – М.: МГУ, 2004.
2. *Муратов С. А.* Телевизионная журналистика. Телевидение в поисках телевидения: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2018. – 240 с.
3. *О государственном языке Российской Федерации.* Закон Российской Федерации от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ (редакция от 05.05.2014). Режим доступа:
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162634;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.9102701101506055>
4. *О средствах массовой информации.* Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. No 2124-1 (редакция от 30.12.2015). Режим доступа:
<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191737;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.38248877822269645>
5. *Радиожурналистика: учебник /* Под ред. Шереля А. А. – М.: Наука, 2005. – 480 с.
6. *Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу.* Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления. ГОСТ 7.1-2003 от 2 июня 2003 г. Режим доступа: http://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_7.1-2003
7. *Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу.* ГОСТ Р7.0.5-2008 от 28 апреля 2008 г. Режим доступа: http://standartgost.ru/g/%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2_%D0%A0_7.0.5-2008.
8. *Углова И. А.* О языковом механизме саморегуляции // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 1. – С. 20–26.
9. *Филатова О. Д.* Эфирная речь: некоторые современные тенденции // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2013. – №1. – С. 75–79.
10. *Язык современной публицистики: сборник статей.* – М.: Флинта, 2017. – 233 с.

Автор:

Кривошапова Наталья Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации ПГУ им. Т.Г. Шевченко; e-mail: krivoshapova@spsu.ru.

Author:

Krivoshapova Natalya V. – Candidate of Philological Sciences, associate professor, Department of Russian language and intercultural communication, PSU, Moldova, e-mail: krivoshapova@spsu.ru

ЛЕКСИКА НАУЧНОГО ТЕКСТА В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В ВУЗЕ

Аннотация. В статье дан краткий анализ особенностей функционирования лексических единиц в научном функциональном стиле. Представлены методические приемы, способствующие усвоению терминологической, общенаучной и нейтральной лексики русского языка иностранными обучающимися Академии гражданской защиты МЧС России на занятиях по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: научный функциональный стиль; иностранные обучающиеся; русский язык как иностранный; терминологическая, общенаучная и нейтральная лексика.

T. F. Krushinskaya

VOCABULARY OF A SCIENTIFIC TEXT IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY

Abstract. The article provides a brief analysis of the features of the functioning of lexical units in the scientific functional style. Presents methodological techniques that contribute to the assimilation of terminological, general scientific and neutral vocabulary of the Russian language by foreign students the Civil Defence Academy EMERCOM of Russia in classes on Russian as a foreign language.

Keywords: scientific functional style; foreign students; Russian as a foreign language; terminological, general scientific and neutral vocabulary.

Обучающиеся вузов, участвуя в научной деятельности, выступают на конференциях, пишут статьи, при этом иностранцам это необходимо делать на русском языке, овладение которым проходит параллельно с освоением профессиональных дисциплин, а в военном образовательном учреждении – военно-профессиональных дисциплин. Поэтому, несмотря на наличие научных и методических разработок по особенностям функционирования и преподавания лексики научного стиля [Колесникова 2003; Щукин 2017], актуальным является вопрос разработки приемов обучения лексике научного текста иностранных военнослужащих.

Язык научной литературы необычайно богат и разнообразен и вместе с тем чрезвычайно конкретен. Невозможно перечислить все, что является предметом изучения науки, о чем говорится в научных исследованиях, однако это беспредельное многообразие организовано в четкую систему.

Обороты речи, которыми пользуются ученые, разнообразны не менее, чем обороты речи художественной литературы, но единство предмета языкового изображения в научной литературе ведет за собой единство в многообразии используемых языковых средств. Единство предмета языкового изображения заключается в том, что оригинальный научный текст – это результат определенного научного исследования. Отсюда постоянство целого ряда элементов содержания в текстах различных наук: упоминания о целях, задачах исследования, предпосылках, исходных данных, а также результатах.

Лексика научного стиля отличается от лексики других стилей в первую очередь наличием специальных терминов. Иностранцы слушатели на каждом занятии изучают значение терминов, например:

- аварийная доза;
- аварийная защита;
- аварийная обстановка;
- аварийная радиосвязь;
- аварийная ситуация;
- аварийное воздействие на объект;
- аварийно-спасательная операция;
- аварийно-спасательное оборудование;
- аварийно-спасательные работы.

Толкования терминов в области гражданской защиты проходит на занятиях по русскому языку с опорой на энциклопедию «Гражданская защита» [Гражданская защита 2015].

Особое внимание на занятиях с иностранными обучающимися уделяется изучению международных словообразовательных элементов, образующих термины, так как понимание их значения дает возможность правильно определить значение слова, содержащего определенный элемент. Приведём некоторые из них: авиа (передвижение по воздуху; от лат. avis – птица), авто (от греч. autos – сам), агро (отношение к земле; от греч. agros – поле), аква (от лат. aqua – вода), анти (греч. противоположность), аэро (греч. воздух), баро (от греч. baros – тяжесть), био (греч. жизнь), гео (греч. земля), гипер (превышение чего-л. сверх нормы; от греч. hyper – над, сверх), граф (греч. пишу), дром (греч. место для бега, путь), интер (греч. между), кардио (греч. сердце), макро (греч. большой), микро (греч. малый), поли (много, многое), радио (лат. излучать, испускать лучи), сейсмо (греч. землетрясение), селен (греч. луна), скоп(ия) (греч. смотрю), супер (высшая степень, качество; от лат. сверху, над, сверх, более), ультра (крайний, находящийся за пределами чего-либо; от лат. ultra – более, далее, сверх), стерео (греч. пространственный, объёмный), фоно (греч. голос, звук), экс (бывший, от лат. ex – из, от), экстра (лат. сверх, вне).

Помимо терминологии, научный стиль характеризуется также большим количеством общенаучной лексики, то есть слов

нетерминологического характера, встречающихся в любых текстах, но особенно характерных для научного стиля речи.

Одной из особенностей употребления общенаучных слов в научном тексте является их многократное повторение, что в научной речи является закономерностью, стилевой приметой, а не тавтологией. Так, в трудах по проблемам гражданской защиты наиболее употребительными глаголами являются: *быть, иметь, найти, подготовить, получать, обезвредить, обозначать, определять, следует, спасти, называться, рассматривать, требуется, представлять собой, являться* и др.

Стиль речи характеризуется как набором языковых средств, так и их системностью. Одна и та же единица может находиться в различных связях с другими единицами и тем самым включаться в тексты разных стилей. В процессе функционирования, в зависимости от конкретного коммуникативного задания, языковые единицы отчасти трансформируются, получают дополнительные качества.

В плане нейтральной и общенаучной лексики научный функциональный стиль характеризуется специфическими сочетаниями слов. Языковые единицы в процессе функционирования приобретают дополнительные качества. Слова нейтральные в научном тексте приобретают специфическую окраску, характерную только для научной прозы, например, существительное «рост» в общем языке означает повышение, а в языке науки – развитие или протекание того или иного процесса (личностный рост – в психологии). Слово, сохраняя то, что ему свойственно, приобретает новые качества в научном тексте.

Положение о том, что слова общенаучного характера, широко представленные за пределами научного функционального стиля, в научном тексте употребляются в определенном дополнительном качестве, можно проиллюстрировать многими примерами. Так, распространенное в текстах разных функциональных стилей существительное «идея» имеет следующие значения: 1) план или схема, сложившаяся в уме; 2) картина, рисуемая умственному взору; 3) мысль, знание; 4) чувство возможности чего-либо. Значения этого существительного связаны с формированием понятий: ощущение, представление, понятие, взгляды. В текстах научного стиля значение слова получает дополнительное развитие: а) определенный взгляд на природу какого-либо явления и формулируемое в связи с этим положение; б) система взглядов, теория.

Существительное «гипотеза» является не менее распространенным. Его значение – «предложение, предположение». В научной литературе, в отличие от текстов других стилей, это существительное широко используется именно во втором смысле, но здесь оно приобретает еще и новое качество – значение предположительного объяснения некоего факта.

Многие глаголы, встречающиеся во всех стилях речи, в научных текстах также приобретают определенную специфику. Глагол

«реализовать» со значениями «отчетливо представлять себе»; «проводить в жизнь»; «реализовать (в денежном смысле)» в научной литературе употребляется преимущественно в первом значении, но в несколько другом плане: «ясно, отчетливо понимать суть какого-либо факта».

В значении «понимать» используется также глагол *признать*, который за пределами научного функционального стиля в основном используется в других значениях: «узнавать» – в смысле «согласия с каким-либо положением» и в смысле «воздать должное», а также в значении признания реальности факта. Это последнее значение получает дополнительное уточнение – «прийти к заключению о реальности какого-либо факта на основе неких данных».

Следует еще кратко остановиться на том факте, что приобретение новых качеств вызывает изменения и в системных соотношениях слов. Группы синонимов, используемых в научном стиле, отличаются по составу от аналогичных групп за пределами этого стиля. Некоторые группы синонимов существуют только в текстах научного стиля. Например, в группу синонимов слова «факт», «факты» не входит слово «данные». За пределами научных текстов синонимии «факты» – «данные» мы не находим. Каждое слово в отдельности встречается достаточно часто, однако синонимов они не образуют.

Особенности научного функционального стиля представлены и в функционировании служебных слов. Например, слово «же» употребляется в научной речи как противительный союз, то есть как лаконичное средство противопоставления (например, «Материя является основой мира, а сознание – это продукт материи. Таковы взгляды материалистов. Идеалисты же считают, что природа есть порождение духа, бога, сознания, т.е. идеального начала»). «Же» в качестве смысловой частицы не употребляется в текстах научного стиля.

Заканчивая краткий обзор особенностей лексики научного функционального стиля речи, следует сказать, что он характеризуется не столько наборами отдельных слов, сколько большим многообразием весьма специфических оборотов речи, включающих как полнзначные, так и служебные слова. Для характеристики научного стиля важны и качественные, и количественные показатели. Целый ряд слов особенно часто употребляется именно в научном стиле речи.

Лексика научного функционального стиля речи представляет нелёгкий материал для изучения иностранными обучающимися, так как в научном тексте отдельные языковые единицы получают некую дополнительную качественную специфику, проявляющуюся в предпочтительности одних значений перед другими и в определенной трансформации этих значений. Поэтому обучение иностранцев лексике научного стиля необходимо организовывать как на материале статей, фрагментов диссертаций, так и на

материале вторичных научно-профессиональных текстов, таких как аннотация, реферат, рецензия.

Литература

1. *Гражданская защита: энциклопедия в 4 т.* / М-во Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий; под общ. ред. В. А. Пучкова. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015.

2. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 1233 с.

3. *Колесникова Н. И.* От конспекта к диссертации: учебное пособие по развитию навыков письменной речи. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 288 с.

4. *Щукин А. Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. – М.: Флинта, 2017. – 510 с.

Автор:

Крушинская Татьяна Фёдоровна – кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Академии гражданской защиты МЧС России, г. Химки, Россия; e-mail: krushinskaya_tf@mail.ru

Author:

Krushinskaya Tatyana Fa, candidate of pedagogical Sciences, Professor of the Department of pedagogy and psychology of the Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, city of Khimki, Russia; e-mail: krushinskaya_tf@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНТЕКСТНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

Аннотация. В статье раскрываются характерные черты контекстного обучения РКИ в условиях дистанционного обучения, и рассматривается потенциал удаленного формата для введения новых методик преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: контекстное обучение, РКИ, дистанционное обучение.

V. I. Kuznetsova

CHARACTERISTICS OF CONTEXTUAL LEARNING OF RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN LANGUAGE IN DISTANCE FORMAT

Abstract. In the article the features of contextual learning of Russian language in the distance education are revealed. Furthermore, the remote format potential for introduction of new methods of teaching Russian as a second language is discussed.

Keywords: contextual learning, teaching Russian as a second language, distance learning.

Актуальность исследуемой проблемы. На протяжении многих лет во главе образовательной системы стояло традиционное обучение, основной задачей которого являлось приобщение человека к обобщенному и систематизированному социальному опыту, а потому отдавалось предпочтение теоретическим знаниям [Бакшаева, Вербицкий 2019: 82]. Однако подобная направленность на освоение наук и передачу лишь абстрактной и готовой информации не соответствовала введенному позднее в дидактику принципу связи теории и практики. Тем самым традиционное обучение упускало практическую возможность усвоения студентом знаний, которые стали бы непосредственным инструментом в его будущей профессиональной деятельности, поскольку не были связаны с его личностной составляющей. В практике преподавания русского языка как иностранного технологии контекстного обучения оказываются как нельзя кстати, поскольку обеспечивают осмысленное и профессионально-ориентированное усвоение языкового материала иностранными студентами. Более того, удаленный формат обучения, который на сегодняшний день является все более актуальным для всех дисциплин, позволяет привнести новые методики в преподавание РКИ.

Материал и методика исследований. Материалом исследования являются наблюдения за процессом и динамикой овладения русским языком как иностранным при дистанционном контекстном обучении. Были использованы методы наблюдения, сравнительного анализа, изучения и обобщения сведений.

Результаты исследований и их обсуждение. Вынужденный переход на дистанционное обучение для большинства образовательных учреждений оказался решающим по части внесения корректировок в содержание программ курсов, выбора площадок для проведения занятий, технической организации учебного процесса и даже составления расписаний. В особенности данный переход оказал влияние на дисциплины, требующие личного взаимодействия, в том числе и преподавание русского языка как иностранного. Поскольку со сменой формата обучения также видоизменяется и роль преподавателя в нем, то необходимо рассмотреть такой аспект учебной деятельности, как формирование учебно-познавательной мотивации и саморегуляции студентов.

Контекстный подход сформировался в качестве развития теории деятельности, активное участие в разработке которой принимали А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин и др. Согласно данной теории усвоение знаний и опыта происходит не через передачу информации от человека к человеку, а в результате его собственной активности, направленной на изучение, анализ и взаимодействие с явлениями и предметами окружающего мира. С помощью активной деятельности приобретается социальный опыт, а также развиваются психические функции и способности человека, система отношений с внешним миром, окружающими людьми и т. п. Таким образом, деятельностная теория рассматривает процесс учения как формирование познавательной деятельности учащихся, основой которой является познавательный интерес в сочетании с профессиональной мотивацией [Бакшаева, Вербицкий 2019: 83–85].

Однако на время удаленного обучения область познавательной деятельности обучающихся полностью ограничивается интернет-пространством, тем самым выявляя уязвимые в будущем места в программе курсов РКИ. Например, такие популярные групповые методы контекстного обучения на занятиях по РКИ, как мозговой штурм (банк идей), круглый стол, дидактические и симулятивные игры претерпевают изменения в дистанционном формате и оказываются не столь эффективны, как на очных занятиях. Иными словами, было выявлено, что сложнее всего организовать и воплотить в интернет-пространстве групповые формы контроля учебного процесса и вместе с тем обеспечить формирование коммуникативных и менеджерских умений среди обучающихся.

Между тем методы контекстного обучения, направленные на самостоятельное усвоение знаний, получают больше возможностей для реализации обучающимися в дистанционном формате. Среди этих методов можно

обозначить такие, как работа с аутентичными текстами, проблемный метод (создание проблемной ситуации, формулирование проблемы и способа ее решения), кейс-стади (пример кейса из практики в письменном виде), практические методы (направленные на решение индивидуальных творческих задач).

В теории контекстного обучения базовым формам деятельности студентов соответствуют три обучающих модели: семиотическая, имитационная, социальная [Бакшаева, Вербицкий 2019: 86]. Семиотическая обучающая модель подразумевает работу с текстом как со знаковой системой и переработку информации в речевое действие. Имитационная модель отвечает за превращение отдельных знаний в индивидуально-личностные мысли студента, тем самым включая его в предметную область деятельности, то есть в смыслообразующий контекст. Социальная модель полностью раскрывается в совместно-коллективных формах работы студентов, где в процессе общения и взаимодействия у каждого формируется новый опыт будущей профессиональной среды.

Таким образом, можно провести соответствие между моделями обучения и методами контекстного обучения, имеющими преимущество в дистанционном обучении и теми, что испытывают нехватку в реализации в интернет-пространстве. Семиотическая и имитационная обучающая модель могут в полной мере быть раскрыты в процессе удаленного преподавания РКИ, в то время как социальная модель ограничена техническими рамками проведения учебных занятий.

Одновременно с этим многие зарубежные исследователи по итогам 2020 года отмечают возрастающую роль социального неравенства в цифровой образовательной среде. Так, например, было предложено внести в образовательный процесс изменения, согласно которым преподаватели могут выполнять функцию помощника и посредника между образовательным учреждением и студентами [Stefaniak 2020]. Это аргументируется различиями среди учащихся в доступе к образовательной среде, такими как техническое оснащение, скорость интернета, условия проживания, семейные обстоятельства и т. п.

Поскольку преподавателям присваиваются новые функции в образовательном процессе, то и обучающиеся получают большую свободу и вместе с тем большую ответственность, что выдвигает на первый план вопрос о саморегуляции. Так, саморегулируемое обучение (англ. «self-regulated learning» – SRL) тесно связано с такими понятиями, как саморегуляция, метакогниция, мотивация, контекст. На эффективность саморегулируемого обучения влияют 3 фактора: контекст обучения (образовательное пространство, отношение к изучаемому предмету), различные обстоятельства (привычки студента, преобладающий тип памяти), системные отношения (взаимодействия обучающегося с преподавателями, студентами, посредниками) [Ben-Eliyahu, Bernacki 2015].

Следовательно, в условиях удаленного контекстного обучения РКИ значимая роль отдается самостоятельным методам усвоения знаний, а именно семиотической и имитационной модели обучения, что увеличивает нагрузку на студентов в аспекте самоконтроля, самомотивации и саморегуляции.

Резюме. Анализ контекстного обучения РКИ в дистанционном формате позволяет сделать несколько выводов о его современных тенденциях и перспективах. Во-первых, контекстный подход в РКИ как одна из форм активного обучения применяется достаточно давно, однако в условиях удаленного формата наблюдаются как ярко выраженные эффективные, так и неэффективные модели и методы обучения. Во-вторых, эффективные модели и методы обучения требуют от обучающегося большего самоконтроля, самомотивации и саморегуляции, а также меняют функции преподавателя в данном образовательном процессе. В-третьих, появляется проблема социального неравенства в цифровой образовательной среде, которая в сочетании с трудностями в саморегуляции студента может негативно влиять на освоение дисциплин в целом. Исходя из этого можно уже сейчас спрогнозировать будущие эффективные модели в рамках обучения РКИ в интернет-пространстве и делать акцент на самостоятельных методах усвоения знаний при разработке новых методик преподавания РКИ. Объем статьи не позволяет нам разобрать их подробно, поэтому данная проблематика станет объектом наших последующих исследований.

Литература

1. *Бакшаева Н. А., Вербицкий А. А.* Психология мотивации студентов : учебное пособие для вузов / Н. А. Бакшаева, А. А. Вербицкий. – 2-е изд., стер. – М.: Юрайт, 2019. – 170 с.
2. *Вербицкий А. А.* Контекстное обучение в компетентностном подходе // Высшее образование в России. – 2006. – № 11. – С. 39–46.
3. *Ben-Eliyahu A., Bernacki M. L.* Addressing complexities in self-regulated learning: a focus on contextual factors, contingencies, and dynamic relations. *Metacognition Learning* 10. – 2015. – Pp. 1–13.
4. *Stefaniak J.* Policy and contextual considerations for enabling learning support roles in digital environments. *Education Tech Research Dev.* – 2020. – Pp. 1–14.
5. *Tondeur J., Van Braak J., Ertmer P. A., & Ottenbreit-Leftwich A.* Understanding the relationship between teachers' pedagogical beliefs and technology use in education: A systematic review of qualitative evidence. *Educational Technology Research and Development.* – 2017. – 65(3). – Pp. 555–575.

Автор:

Кузнецова Вероника Игоревна – аспирант кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; e-mail: kuznetsova.veronika2020@gmail.com

Author:

Kuznetsova Veronika Igorevna – Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language in Professional Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; e-mail: kuznetsova.veronika2020@gmail.com

**ФОРМИРОВАНИЕ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРИ
ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ
(на материале безэквивалентной лексики и фразеологии)**

Аннотация: В настоящей статье большое внимание уделено автором проблеме формирования вторичной языковой личности при обучении русскому языку китайских студентов. Подчёркивается важность введения безэквивалентной лексики и фразеологии в процесс обучения русскому языку как иностранному для плодотворного формирования вторичной языковой личности и предлагается использование лингвокультурологического комментария для их семантизации.

Ключевые слова: вторичная языковая личность; безэквивалентная лексика; фразеология; русский язык как иностранный; китайские студенты.

Li Jiaqi

**FORMATION OF THE SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY IN
TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN THE CHINESE AUDIENCE
(based on non-equivalent vocabulary and phraseology)**

Abstract: In this article, the author paid special attention to the problem of forming the secondary linguistic personality in teaching Chinese students Russian language. Also, the author underlined the importance of introducing non-equivalent vocabulary and phraseology into the process of teaching Russian as a foreign language for the fruitful formation of the secondary linguistic personality, and suggested using the linguacultural commentary for their semantization.

Key words: secondary linguistic personality; non-equivalent vocabulary; phraseology; Russian as a foreign language; Chinese students.

На современном этапе иноязычного образования формирование вторичной языковой личности уже считается стратегической и конечной целью обучения иностранному языку, в частности, русскому языку как иностранному. Как утверждает словами Н. Д. Гальсковой, «результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [Гальскова 2004: 65].

Большой вклад в разработку теории вторичной языковой личности внесли многие учёные и лингвисты, такие как И. И. Халеева,

Н. Д. Гальскова, Р. А. Урханова, Е. Шептунов, Г. С. Шашлова, Н. И. Гез, К.Н. Хитрика и др., и каждый из них трактовал понятие вторичной языковой личности по-разному. По мнению Н. Д. Гальсковой, вторичная языковая личность является «совокупностью способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне, под которым понимается адекватное взаимодействие с представителями других культур» [Гальскова 2000: 46]. А с позиции И. И. Халеевой, вторичная языковая личность рассматривается как одна из центральных категорий лингводидактики и одна из главных целей обучения иностранному языку. В результате овладения языком языковая личность приобретает черты вторичной языковой личности, способной проникать в «дух» изучаемого языка, в «плоть» культуры такого народа, с которым должна осуществляться межкультурная коммуникация [Халеева 1995: 278]. Одним словом, вслед за ними, мы считаем, что для преподавания русского языка как иностранного вторичная языковая личность – это личность, приобщенная к культуре народа изучаемого языка, формирование которой свидетельствует о готовности иностранных учащихся стать полноценным и эффективным участником межкультурной коммуникации.

Для того чтобы достичь идеального результата в формировании вторичной языковой личности при обучении русскому языку в китайской аудитории, с нашей точки зрения, необходимым является проникновение в культурную среду русского народа, так как язык и культура тесно взаимосвязаны между собой, язык – это часть культуры, а культура – это часть языка, вследствие этого язык не может изучаться изолированно, а должен вместе с культурой носителей изучаемого языка. Таким образом, мы утверждаем, что в задачи формирования вторичной языковой личности входит не только непосредственное обучение всем уровням русского языка, но и обеспечение максимального приобщения к культуре русского народа.

С целью приобретения китайскими студентами больших культурных знаний русского языка, в процесс обучения русскому языку в китайской аудитории необходимо вводить языковые единицы, изобилующие богатой культурной информацией. Всеми признано, что из всех уровней русского языка наиболее яркую национально-культурную специфику отражает именно лексика, в частности безэквивалентная лексика и фразеология (далее БЭЛФ), изучение которых, по нашему мнению, является насущной необходимостью для формирования вторичной языковой личности у китайских студентов.

Безэквивалентная лексика, по словам Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, это такие «слова, понятия которых отсутствуют в другой культуре и в другом языке, они относятся к частным культурным элементам, которые характерны не только для культуры носителя языка, но и отсутствуют в другой культуре» [Верещагин, Костомаров: 65]. Одним словом, безэквивалентная лексика – это разряд слов, обозначающий предметы и явления данного культурно-языкового сообщества и сильно проявляющий национальный

колорит. Например: *борщ, Масленица, сарафан, матрёшка, баба-яга, копейка, пуд, изба, сани, Ярославль* и т. д. Знакомясь с безэквивалентной лексикой, китайские студенты могут глубже узнать длительную историю развития страны, традиционный образ жизни и блестящую культуру русского народа.

Говоря о национально-культурной насыщенности, необходимо упомянуть фразеологию, которая определяется как совокупность устойчивых оборотов речи и выражений, свойственных данному языку [Ушаков1935–1940]. Она как квинтэссенция и сокровище русского языка, накапливает в себе изобильную культурную информацию на протяжении длительного исторического развития социального общества русского народа. Изучение фразеологии русского языка даёт китайским студентам возможность познакомиться с историей, традициями и обычаями, психологическими особенностями, образом мышления и мировоззрением русского народа.

Неся яркую национально-культурную специфику и содержа в себе богатую культурную информацию, БЭЛФ действительно вызывают трудности при изучении китайскими студентами русского языка. Кроме того, без знания культурной информации, закодированной в них, даже возможно неадекватное понимание китайскими студентами речи носителей изучаемого языка, что может привести к неэффективной и неудачной межкультурной коммуникации. В связи с этим мы считаем, что при введении БЭЛФ в процесс обучения русскому языку в китайской аудитории необходимо дать студентам исчерпывающее толкование для раскрытия их значения. С целью выявления зафиксированной в них имплицитной культурной информации нами предложено использование лингвокультурологического комментария, который не только эффективно семантизирует их значения, но и одновременно выявляет культурную информацию.

Между тем внедрение лингвокультурологического комментария для семантизации БЭЛФ при обучении русскому языку китайских студентов имеет большие преимущества, поскольку может:

- 1) расширить у китайских студентов общий культурный кругозор;
- 2) вызвать их интерес к изучаемому языку;
- 3) выработать у них уважение и толерантность к чужой культуре;
- 4) способствовать формированию лингвокультурологической компетенции;
- 5) стимулировать успешную межкультурную коммуникацию.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать, что роль БЭЛФ в процессе формирования вторичной языковой личности велика. Использование лингвокультурологического комментария для их семантизации на занятиях по русскому языку как иностранному способствует формированию у китайских студентов лингвокультурологической и межкультурной коммуникативной компетенции, что, следовательно, стимулирует формирование у них вторичной языковой личности.

Литература

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
2. *Гальскова Н. Д.* Современная методика обучения иностранным языкам: пособие для учителя / Н. Д. Гальскова. – М.: АРКТИ-ГЛОССА, 2000. – 165 с.
3. *Гальскова Н. Д.* Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. – М.: Академия, 2004. – 334 с.
4. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т “Сов. энцикл.”; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов. 1935–1940.
5. *Халеева И. И.* Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста / Язык-система. Язык-текст. Язык-способность: сб. статей. – М.: Ин-т рус. языка РАН, 1995. – С. 276–285.

Автор:

Ли Цзяци – аспирант Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; email: lizalijiaqi@yandex.ru

Author:

Li Jiaqi – post-graduate student of Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; email: lizalijiaqi@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИТЕРАТУРЫ РОДНОГО КРАЯ И АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Автор рассматривает актуальную для современного образования вообще и для сферы филологических наук в частности проблему резкого уменьшения объемов практики чтения обучающихся, что закономерно влечет за собой снижение уровня языковой, речевой и коммуникативной компетентности. Особо подчеркивается значимость комплексного изучения регионального художественного текста как важного условия формирования целостной картины мира личности, в частности ее эмоционального аспекта. Региональный текст как знаково-символический комплекс, в котором зафиксирован ценностный образ региональной культуры, выступает необходимым материалом, освоение которого обучающимся способствует его успешной социализации в рамках конкретного сообщества.

Ключевые слова: анализ художественного текста, региональный текст, эмпатия, транслингвальность, гипертекст.

E. G. Lugovskaya

REVISITING THE LITERATURE OF THE COUNTRY STUDYING AND THE LITERARY TEXT ANALYSIS

Abstract. The author considers the problem of the volume of students' reading practice sharp fall, which is relevant for modern education in general and the sphere of philological sciences in particular, which entails a decrease in the level of speech and communicative competence consistently. The importance of regional literary text complex studying as an important condition of personal worldview formation entirety, in particular its emotional aspect, is especially emphasized. The regional text as a sign – oriented and emblematic complex, in which the regional culture value modus is fixed, is a precondition for the student's successful socialization within the particular community.

Keywords: the literary text analysis, regional text, empathy, translanguality, hypertext.

Системное рассмотрение поэтики художественных текстов – важный элемент познавательной деятельности обучающихся, позволяющий структурировать картину мира личности посредством аспектации ценностных смыслов и способов их речевого представления. Обучение анализу текста позволяет решать задачи развития коммуникативной, лингвистической,

языковой и культуроведческой компетентности, но сама постановка этих задач возможна только при условии достаточно развитой читательской компетенции, что представляет собой отдельную дидактическую задачу с учетом такой когнитивно-стилевой особенности познавательной деятельности современных студентов и школьников, как клиповое мышление.

Такие когнитивные особенности обучающихся, как преобладание кратковременной памяти и, как следствие, сложности в оперировании аналитическими, логическими, причинно-следственными конструктами, несформированность умения выделять ключевые для понимания объемных информационных фрагментов элементы, то есть общее ослабление рационально-логического начала при восприятии информации в противовес усилению эмоционально-чувственного, обуславливают необходимость пересмотра традиционных способов работы с текстом, с одной стороны, и дополнительного внимания к эмотивной сфере обучающихся, с другой.

Художественный текст в этом смысле является благодатной почвой для педагогического эксперимента, так как позволяет апеллировать к эмоциональному компоненту личности и, работая с эмотивно-оценочным дискурсом, предлагать обучающемуся дескриптивные и прескриптивные модели, которые он будет способен самостоятельно использовать для анализа текста. Воспитательное воздействие художественной литературы во многом основано на эффекте заражения (как психологического феномена), и задача педагога – помочь обучающимся верно определить вектор такого заражения, задать аксиологические параметры эффективного воздействия художественных образов на формирующуюся личность.

Для решения этой глобальной задачи как нельзя лучше подходит региональный художественный текст: язык произведения, в котором не только можно встретить регионализмы в качестве средств создания художественной образности, но и в целом принять язык произведения как узнаваемый, предельно понятный (особенно если речь идет об авторах-современниках) в силу его особой региональной специфики; система образов, круг забот персонажей, культурно-нравственная проблематика узнаваемы и не затрудняют интерпретации текста; другие знаково-символические приметы региона, используемые писателями литературы родного края, соотносящиеся с контекстом реальности, затекстовой и интертекстуальной информацией, которую обучающиеся способны узнать, – все это вызывает яркий эмоциональный отклик и может быть использовано в качестве отправной точки обсуждения, изучения и анализа текста как целостности. В таком виде анализ художественного текста позволяет работать не только с интеллектуальной, но и с эмоционально-волевой сферой личности, корректируя качество и динамику эмоций и чувств формирующейся личности с учетом конкретных условий социализации, значимых для региона.

Для Приднестровья как поликультурного и многоязычного региона с достаточно древней культурно-исторической традицией межэтнического

взаимодействия верно утверждение о формировании *своеобразного этносообщества, основными признаками принадлежности к которому является русскость его членов, их самоидентификация с Россией, владение русским языком, осознание своей сопричастности русской культуре и принадлежности особому типу менталитета* [Щукина, Кривошапова, Луговская 2018: 3–24]. С этой точки зрения региональный художественный текст приднестровских авторов *в ситуации соположения нескольких языков и культур в их взаимодействии определяется как литературно-художественный билингвизм <...>*, обусловленный взаимодействием родного языка автора с другими языками региона. возможность эффективного использования нескольких языков в речевом репертуаре автора и креативного приспособления разных языковых кодов к специфическому контексту обеспечивает проницаемость языков и, следовательно, возникновение особого качества лингвокультуры – транслингвальности. Соответственно, транслингвальность характеризуется *не только интерференционными явлениями, но и процессами окказионального заимствования и семантической неопределенности (амбигуации), что обуславливает специфику репертуара речевых средств полиязычной языковой личности на территории взаимодействия языков* [Там же] и способствует узнаваемости языка региона его носителями.

Необходимость гармоничного развития таких компонентов эмоционального интеллекта личности, как эмпатия, выразительность, креативность, эмоциональная саморегуляция и рефлексия, фиксируемых в процессе изучения литературы родного края, обусловлена требованиями эффективной социализации обучающегося и формирования региональной идентичности. Последняя, в свою очередь, становится базовым основанием структурирования мира (*свое – чужое, понятное – непонятное, известное – неизвестное, приемлемое – неприемлемое* и т. п.), а поскольку основной характеристикой региона выступает поликультурность, то региональная идентичность представляется в виде аксиологической системы самоотжественностей, характеризующих собственно культурную, религиозную, национальную, политическую, региональную, гражданскую идентичности, реализуемые в транслингвальности и транскультурности.

Такой, по сути, транслингвальный и транскультурный культурно-символический код обеспечивает понимаемость регионального художественного текста, а узнаваемость знаков этого кода обеспечивает поддержание интереса к контексту их использования, то есть художественному тексту в целом.

Узнаваемость можно поддерживать, используя разные способы.

Учитывая фрагментарность клипового мышления, можно начинать работу с прозаическим текстом с составления развернутого плана или конспективного пересказа текста, но превратить этот вид деятельности в соревнование, игру – распределить части произведения (если оно достаточно объемное) между группами обучающихся и предложить им озаглавить свой

фрагмент, назвать основные образы и/или действия, пересказать свой фрагмент для остальных в аудитории. В работе с повествованиями интересно бывает построение схем фрагментов текста по типу *кто? где? когда? что делает? зачем? кому?* – а затем последовательное сопряжение таких схем с выходом на краткий пересказ всего текста. Игровые задания на распределение по порядку следования событий или сюжетного появления персонажей могут быть даны обучающимся даже еще до прочтения текста – только с опорой на их умение быстро находить в тексте ключевые слова (глагольные действия, например, или имена собственные); используя электронный текст, можно использовать элементы статистического подхода к анализу словоупотреблений. Как правило, подобные виды деятельности ставят обучающегося перед необходимостью прочитать весь текст последовательно и более или менее вдумчиво – текст теперь для обучающегося полон легко узнаваемых фрагментов, с которыми он уже работал, поэтому больше внимания уделяется новой, дополняющей информации.

Интересно бывает предложить обучающимся высказать свои предположения о содержании текста по заглавию или о характере персонажа по его имени. Можно предлагать вопросы, основанные на синестезийной специфике клипового мышления и связанные с описанием внешнего вида персонажа, его одежды, окружающей обстановки, – в этом случае именно региональный характер текста обеспечит достоверность догадок обучающихся.

Одним из наиболее продуктивных приемов, на наш взгляд, при работе не только с прозаическими, но и поэтическими текстами, является метод дискуссии, который не только учит говорить и слушать, но стимулирует логические процессы благодаря необходимости отстаивать свою точку зрения или пытаться понять собеседника. В такой дискуссии важно не навязывать сразу обучающимся «верной» точки зрения на тему и идею произведения – к этим элементам анализа их можно подвести намного позже. На начальном этапе знакомства с произведением можно организовать дискуссию, инициированную текстом, то есть позволить обучающимся обмениваться «новостями» – вопрос может быть поставлен следующим образом: *Что нового вы узнали из текста, о чем? Какие слова были непонятны, интересны, удивительны для вас? Может, понравились какие-то высказывания, обороты? Что вы думаете об именах, которые использовал автор? Какие места, ситуации, образы показались вам знакомыми?* Для разных возрастных групп обучающихся можно варьировать это задание и предлагать придумать соотносимый мем, выбрать фразу для статуса, представить ситуацию, представить ассоциации в виде картинки или составить таблицу, схему, отражающую особенности мировоззрения персонажа, рассказчика – и таким образом выходить в зону оценочности и аксиологичности.

Фрагментарность клипового мышления в этом смысле не помеха, а, напротив, подспорье филологическому анализу текста; многоканальность восприятия и потенциальная готовность к обработке больших массивов

разнородной информации позволяют работать с пунктами схемы анализа не последовательно, а одновременно, трансформируя алгоритм анализа не линейно, а вглубь – от простых замечаний и утверждений к сложным и комплексным, от художественной детали к образу, от языка и его нормативности (литературности) к самобытности, от самобытности к способам выражения языковых средств и понятию идиостиля.

Региональный текст при таком рассмотрении представляет собой наиболее удачный материал: его содержание вызывает положительный эмоциональный отклик у обучающихся, эффект узнавания ситуаций, образов, языка снимает часть психологических барьеров восприятия литературного текста как текста книжного, пространного, требующего специальных навыков понимания и анализа, помогает формированию эмоционального интеллекта и способствует социально-психологической адаптации. Узнавая свою транслингвальность в транслингвальности автора регионального текста, обучающийся легко вычленяет в тексте значимые элементы, а затем под руководством педагога аспектирует их друг по отношению к другу и к реальной действительности, превращая эти связи в гиперссылки. В результате сам текст, его анализ и вербализованная рефлексия обучающегося становятся гипертекстом, целостность которого *обеспечивается его системностью и иерархичностью, с одной стороны, наличием актуальных связей с другими текстами и самой реальной действительностью (понимаемой в её социокультурной аспектации как текст), с другой* [Луговская 2021], что благотворно сказывается на социализации обучающегося.

Поликультурность как определяющая черта регионального художественного текста полиязычного региона позволяет формировать эмотивную компетенцию транскультурной личности как сложный комплекс знаний о себе и другом, способности к эмпатии, умения эмоциональной саморегуляции и навыка реализации эмоционального речевого воздействия в ситуации межкультурного диалога в широком контексте.

Литература

1. *Баскакова В. П.* Лингвистические средства выражения региональной самоидентификации автора в тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2012. – № 1 (15). – С. 169–173. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-sredstva-vyrazheniya-regionalnoy-samoidentifikatsii-avtora-v-tekste>.
2. *Голикова Т. А.* Сущность регионального языка (этнопсихолингвистический аспект) // Наука, культура, образование. – 2000. – № 4/5. – С. 117–120. – Режим доступа: http://linguistics-online.narod.ru/index/golikova_t_a_sushhnost_regionalnogo_jazyka/0-814
3. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. – М., 2009.
4. *Луговская Е. Г.* К вопросу о влиянии билингвизма на формирование языковой компетентности в отношении родного (русского) языка в

Приднестровье // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сб. ст. XVI Всеросс. научно-практ. конф. молодых ученых с международным участием. – М.: Изд-во РУДН, 2016. – С. 43–50.

5. *Луговская Е. Г.* Транскультурация и псевдомонолингвизм в аспектации этнической и территориальной идентичностей // От билингвизма к транслингвизму: про и контра = From Bilingualism to Translingua: Pro and Contra: мат-лы III Междун. научно-практ. конференции под эгидой МА-ПРЯЛ, Москва, 1–2 декабря 2017 г. – М.: РУДН, 2017. – С. 227–236.

6. *Луговская Е. Г.* Герменевтика транскультурной коммуникации: монография. – М.: НИЦ МИСИ, 2021. – 150 с.

7. *Региональная (локальная) идентичность как форма сохранения культурно-символического кода единства личности и этноса* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/s/7bc52ed9fa/тезисы_региональная-локальная-идентичность-как-форма-сохранения-культурно-символического-кода-единства-личности-и-этноса.

8. *Майер Г.* Психология эмоционального мышления. – М., 2008.

9. *Макаровска О.* Клиповость мышления и формирование межкультурной компетенции // STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XXXV: 2010, pp. 133-143. Adam Mickiewicz University Press, Poznań

10. *Щукина О. В., Кривошапова Н. В., Луговская Е. Г.* Фонетическая и грамматическая интерференция при обучении русскому и иностранному языкам билингвов в Приднестровье: Монография. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2018. – 116 с.

11. *Эльбекьян К. С., Пажитнева Е. В., Маркарова Е. В., Муравьева А. Б.* Особенности клипового мышления современного студента // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2017. – № 4–1. С. 289–292. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=11384>.

12. *Юдина В. И.* Региональный текст в контексте художественной корреляции // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – № 3 (11). – С. 91–99.

Автор:

Луговская Елена Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье; e-mail: lugowska@gmail.com

Author:

Lugowska Helena – PhD in Philology, Assistant Professor of Russian Language and Cross-cultural Communication Department in Pridnestrovian State University named after T.G. Shevchenko, Tiraspol, Pridnestrovie; e-mail: lugowska@gmail.com

ФИЛЬМЫ Л. ГАЙДАЯ И Э. РЯЗАНОВА КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ СОВЕТСКИМ И РУССКИМ РЕАЛИЯМ

Аннотация. В статье рассмотрена роль принципа наглядности в обучении русскому языку как иностранному (РКИ) и на примере фильмов Л. Гайдая и Э. Рязанова представлены возможности его реализации в студенческой аудитории. Проанализирована значимость владения лингвореалиями в формировании межкультурной компетенции иностранных студентов, изучающих РКИ.

Ключевые слова: РКИ, факты о советском времени, лингвистические факты, межкультурная компетенция, советские фильмы.

E. D. Madej

L. GAIDAI AND E. RYAZANOV MOVIES AS A TOOL TO TEACHING ABOUT THE SOVIET TIME

Abstract. The paper is discussing the role and importance of the didactic principle of illustrations when teaching the Russian to foreigners. Movies by L. Gaidai and E. Ryazanov are used to show the possibilities for practical application of this principle. The importance of linguistic facts in forming intercultural competences of the Russian language students is analysed.

Keywords: RFL, facts about the Soviet time, linguistic facts, intercultural competence, Soviet films.

Несмотря на то, что современные методики преподавания языков стремятся включить в учебный процесс как можно больше инновационных методов, средств и подходов, каждый образовательный процесс наряду с этим должен соблюдать ряд общих дидактических принципов. Систему дидактических принципов составляют принципы сознательности и активности, наглядности, систематичности и последовательности, прочности, научности, доступности и принцип связи теории с практикой. Сутью *принципа наглядности* является изучение предметов, явлений и событий на основании непосредственного наблюдения, при котором задействованы различные органы восприятия учащегося. «Наглядность обучения основана на особенностях мышления детей, которое развивается от конкретного к абстрактному. Многие сложные теоретические положения при умелом использовании наглядности становятся студентам более доступными и понятными» [Михайленко, эл. ресурс]. К наглядным пособиям можно отнести не только реальные предметы, явления и процессы, представленные в их натуральном

виде, но и иллюстративные материалы, изображающие изучаемые предметы и явления посредством фотографий, картин, рисунков, кинофильмов и видеороликов.

Одной из форм расширения межпредметных связей и формирования межкультурной компетенции на семинарах РКИ является сопровождение излагаемого нового материала произведениями искусства, отражающими реалии русского быта, и их последующее обсуждение. По причине отсутствия естественной языковой среды применение натуральной наглядности при изучении русских лингвореалий в большинстве случаев имеет ограниченные возможности. Так, в отличие от студентов-иностранцев, изучающих русский язык и культуру в России, у студентов за рубежом нет непосредственной возможности ознакомиться с архитектурными, религиозными, бытовыми, кулинарными культурами. Для восполнения информационных пробелов в области культурологии, а также в целях накопления фоновых знаний студенты РКИ могут работать с иллюстративными материалами – культурными артефактами. В качестве иллюстративного сопроводительного материала, предлагаемого студентам при изучении некоторых безэквивалентных лексических единиц и прецедентных имен и ситуаций, отражающих советский образ жизни, мы выбрали произведения советского кинематографа 1960–1970 гг. двух выдающихся режиссеров – Леонида Гайдая и Эльдара Рязанова.

Целью настоящей статьи – представить возможности работы с фильмами Л. Гайдая и Э. Рязанова как источником советских и русских реалий, а также подчеркнуть значимость владения реалиями в рамках формирования межкультурной компетенции студентов. Актуальность статьи мы видим в важности введения межкультурной информации в планы занятий, а значит, и в необходимости распространения методов работы с настоящей информацией среди методистов и педагогов.

Работа с произведениями кинематографа на семинарах РКИ способствует достижению ряда лингвистических и экстралингвистических целей. Во-первых, включая в план занятия работу с художественным фильмом, преподаватель обеспечивает развитие сразу трех видов речевой деятельности студентов: рецептивной (аудирование) – за счет непосредственного просмотра фильма – и продуктивных (говорение и письмо) через дальнейшее обсуждение и выполнение письменных заданий. Во-вторых, просмотр фильма «способствует усвоению и закреплению нового или ранее изученного лексико-грамматического, фонетического либо страноведческого материала» [Николенко 2013: 43]. В-третьих, является одним из опробованных способов приобщения студентов к национальной культуре. Будучи культурным артефактом, фильмы отражают особенности «чужой» культуры, описывают реалии и быт ее носителей, вовлекают учащихся в новую культурную среду и восполняют существующие в их знаниях пробелы. В-четвертых, просмотр фильма, как и обращение к любому другому произведению

искусства, выполняет познавательную, воспитательную, эстетическую и развлекательную функции. Создает приятную, неформальную атмосферу на занятии, а в случае необходимости помогает преподавателю более легко найти подход к студентам [Штейнбук 2007: 128]. Не в последнюю очередь просмотр фильмов на семинарах РКИ повышает мотивацию учащихся: «знания культурного, этнического, исторического и социального аспектов способствуют выработке устойчивого интереса к изучению русского языка, совершенствованию речевой деятельности и формированию коммуникативной компетенции» [Хромов, Шутова 2018: 22]. Использование фильмов в процессе обучения гарантирует «не просто диалог культур, но и социально-нравственное приобщение иностранных учащихся к новой, ранее незнакомой для них культуре» [Там же 2018: 22]. Рассмотрим некоторые формы работы с фильмами Л. Гайдая и Э. Рязанова 1960–1970 гг., отражающими быт советского народа и содержащими большое количество реалий, не имеющих эквивалента в других культурах.

Стоит подчеркнуть, что просмотру фильмов на занятиях РКИ должна предшествовать тщательная подготовительная работа со стороны преподавателя. Мы согласны с мнением А. В. Тряпельникова о том, что «прямое включение материалов художественного телефильма в учебный процесс без создания и разработки специальных учебных материалов и приемов их использования на практике оказывается малоэффективным» [Тряпельников 1992: 121]. Для достижения поставленных целей преподаватель обязан заранее подготовить раздаточные либо сопроводительные материалы. Такие материалы могут содержать информацию лингвистического (двуязычный глоссарий, перечень слов и выражений, которые, по мнению преподавателя, могут вызвать затруднения при видеовосприятии; перечень изучаемых синтаксических конструкций, словообразовательных моделей либо грамматических категорий, нашедших отражение в репликах из фильма и пр.) и экстралингвистического характера (сведения о фильме, режиссере и актерском составе, общественно-политической ситуации в годы, когда снимался фильм, мнение кинокритиков и цензуры и пр.). Материалы также должны содержать соответствующие целям занятия упражнения на развитие определенных навыков и формирование компетенций.

В нашем случае цель комплекса видеоуроков заключалась в формировании межкультурной компетенции студентов и изучении единиц национально-культурно маркированного фонда. Предварительно просмотрев фильмы, преподаватель выбрал для раздаточных материалов ряд советских и русских лингвореалий, на которые в процессе дискуссии было обращено основное внимание студентов:

а) «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965): *авоська, 15 суток, доска почета, шашлык, компот, комсомолец («Напарник»), пятерка – неуд, докторская колбаса, любительская колбаса («Наваждение»), Трус, Балбес, Бывалый («Операция «Ы»)*,

б) «Берегись автомобиля» (1966): *комиссионный магазин, ГАЗ-21, «Волга», ДК (Дом культуры), Дом народного творчества, самодеятельность (самодеятельное художественное творчество), «Беломор» («Беломорканал»), «Друг»,*

в) «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» (1966): *комсомолка, Кузбасс – кузница, Кубань – житница, Кавказ – здравница СССР, Дворец бракосочетания, обком/жаловаться в обком, почетная грамота, бесплатная путевка, турбаза «Орлиное гнездо»,*

г) «Бриллиантовая рука» (1969): *купить жене шубу, Михаил Светлов и теплоход «Михаил Светлов», газета «Неделя», автоцистерна «Молоко», «Москвич», «Волга», ЖЭК, домком, управдом, «Пьянству бой!» (или борьба советской власти с пьяницами и пьянством), авоська, дежурный магазин, комиссионный магазин, Дубровка, Колыма, товарищеский суд, «Песня про зайцев», «Остров невезенья».*

д) «Иван Васильевич меняет профессию» (1973): *импортная куртка, закусывать, анисовая водка, столичная водка, дом высокой культуры быта (или дом образцового содержания), кикимора (восточнослав. реалья), выписать из квартиры, ему должны дать квартиру (т.е. государство), сберегательная касса (или Государственная трудовая сберегательная касса),*

е) «Служебный роман» (1978): *«Жигули», «Москвич», товарищи, путевка в Ессентуки, варенье, баня/предбанник, товарищеский суд.*

Помимо перечня самих безэквивалентных единиц, раздаточные материалы содержали ряд вопросов, связанных с советской действительностью, целью которых было не только развить дискуссию на русском языке, но и подключить критическое мышление студентов. Так, по фильму «Операция «Ы»...» были заданы следующие вопросы: *«Продемонстрируйте на конкретных фрагментах из фильма, каким образом: а) комедия воспитывает советского зрителя, б) в комедии продвигается коммунистическая идеология и идея превосходства Советского союза над западными странами», «Какая из трех новелл не несет идеологической нагрузки и почему?»; «Согласно словам Я. Костюковского, нападки цензуры не обошли ни одну из трех новелл. Цензоры утверждали, что создатели фильма «обидели народы центральной Африки» (в части «Напарник»), «из советской милиции сделали идиотов» («Напарник» и «Операция «Ы») и «позабыли о нравственности и морали» («Наваждение»). Объясните, о каких фрагментах идет речь и что именно не соответствовало советской идеологии». К обсуждению фильма «Берегись автомобиля» помимо вопросов на критическое мышление также прилагалось задание, целью которого было представить выдающихся русских и советских личностей: «В фильме прямо или косвенно встречаются имена или произведения выдающихся русских личностей науки и культуры. Кем являются эти люди и в каком контексте они были упомянуты в фильме: Н. Склифосовский, К. Станиславский, Ю. Визбор («Если я заболею...»), А. Грибоедов («А судьи кто?», Чацкий), М.*

Ермолова?»). Вопросы к фильму «Кавказская пленница...» звучали следующим образом: «Как диговинное иностранное слово «волюнтаризм», упомянутое Балбесом, связано с Н. Хрущевым?»; «По словам киноведа Л. Соколовой, в комедии худсовет усмотрел антисоветчину. Какие фрагменты фильма имеются в виду?» и др. После просмотра фильма «Бриллиантовая рука» студенты помимо прочего должны были ответить на следующие вопросы: «Одной из наиболее известных крылатых фраз этой комедии является «Наши люди в булочную на такси не ездят». Как она отражает приверженность к коммунистической морали?»; «Поначалу «Бриллиантовая рука» вовсе не понравилась советской цензуре. По ее указанию было необходимо внести 40 поправок, например, фразу, сказанную Н. Мордюковой: «Я не удивлюсь, что Ваш муж тайно посещает синагогу», изменить на «Я не удивлюсь, что Ваш муж тайно посещает любовниц». Что не понравилось цензуре в изначальном варианте? Что еще могло не понравиться худсовету»? К фильму «Иван Васильевич меняет профессию» были сформулированы следующие вопросы: «М. Булгаков дописал пьесу в 1936 г. Фильм был снят в 1973 г. Какие сцены в квартире у Шурика осовременил Гайдай? Чего точно не могло быть в пьесе Булгакова?», «По причине жесткой цензуры режиссер был вынужден не только вырезать многие сцены, но и переозвучить некоторые фрагменты. Изначальный ответ царя милиционеру «Где живете?» – «Москва, Кремль» был изменен на «В палатах». Что не понравилось цензорам?», «Как вы думаете, зачем Л. Гайдай «подстраховался» и погрузил сюжет произведения в сновидение Шурика?», «На примерах из фильма продемонстрируйте, как в Московском царстве процветали беззаконие и жестокость». Помимо вопросов также предлагалось задание, связанное с изучением устаревшей лексики, отчасти являющейся национально-культурно маркированной: «Что обозначают следующие архаизмы, историзмы и старославянизмы: палаты, смерд, лепота, зело, аз есмь, намедни, холоп, трапезничать, отведать, просить живота или смерти, толмач, казённый, самодержец, хворь, кубок, кудесник, бить челом, окаянный, хоромы, боярин – боярыня».

Еще один блок, представленный в сопроводительных материалах и предназначенный для обсуждения, содержал наиболее известные крылатые фразы из фильмов. Приведем лишь некоторые из них: «А идите вы в бухгалтерию!», «Вы же женщина! Потерпите», «Храните деньги в сберегательной кассе...», «Замуровали, демоны!», «И тебя вылечат, и меня вылечат», «Руссо туристо – облик морале, ферштейн?!», «Шампанское по утрам пьют только аристократы и дегенераты» и др. Овладение крылатыми выражениями и свободное их использование в речи играет значимую роль, поскольку наряду с семантикой и источником происхождения афористической единицы студенты знакомятся с новым культурным опытом, посредством которого их дальнейшая коммуникация с носителями этого опыта может рассчитывать на успех. Важность владения крылатыми выражениями

заключается и в том, что «речь русскоязычных носителей в повышенной степени содержит информацию этнокультурного характера с коннотационными значениями, свойственными именно данной этнокультурной среде» [Sirko 2002: 7]. Речь носителей русского языка является интертекстуальной с превалирующим количеством прецедентных феноменов, берущих происхождение в литературе и кинематографе. В интертекстуальности русскоязычного дискурса явно доминируют художественные реминисценции, что является ключевым этнопсихолингвистическим признаком русской культуры [Dulebová 2015: 159].

Настоящая статья не исчерпывает возможностей работы с фильмами как источником культурных реалий. Нашей целью было подчеркнуть значимость введения межкультурной информации на семинарах РКИ, а также представить некоторые способы ее введения. Владение большим количеством межкультурной информации, в т. ч. культурными реалиями, позволит иностранным учащимся не только восполнить некоторые пробелы в знаниях, но и сформировать в своем сознании концепты, подобные тем, которыми пользуются носители «чужой» культуры. Пользуясь словами Д. С. Лихачева, подчеркнем, что, «чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и концептосфера его словарного запаса – как активного, так и пассивного. А значит, имеет значение не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомленности» [Лихачев 1997: 283].

Литература

1. *Лихачев Д. С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. – М.: Ин-т народов России. 1997. – С. 280–287.
2. *Михайленко О. И.* Электронный учебник по педагогике. Дидактика. КБГУ им. Х. М. Бербекова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://krip.kbsu.ru/pd/index.html#did_4
3. *Николенко Е. Ю., Иванова О. В.* Система работы с художественным фильмом на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. – 2013. – №4. – С. 43–52.
4. *Тряпельников А. В.* Использование монтажного листа в работе над развитием речи студентов-иностранцев краткосрочного обучения: дис. ... канд. пед. наук. М., 1992.
5. *Хромов С. С., ШUTOва М. Н.* Межпредметные связи при обучении иностранных студентов-филологов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2018. – № 3. – С. 17–30.
6. *Штейнбук Ф. М.* Методика викладання зарубіжної літератури у школі: [навчальний посібник]. – Київ: Кондор. 2007. – 316 с.

7. *Dulebová I.* Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka // *Cudzie jazyky v premenách času 5.* – Bratislava: Ekonóm. 2015. – S. 157–161.

8. *Sipko J.* Texty so zvýšenou etnokultúrnou konotáciou. – Prešov: FF PU v Prešove. 2002. – 258 s.

Автор:

Мадей Елизавета Дмитриевна – магистр, аспирант кафедры русистики и восточноевропейских исследований философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в г. Братиславе, Словакия; e-mail: lizaveta@lizaveta.sk.

Author:

Madej Lizaveta D. – Postgraduate Student, Department of Russian and East European Studies, Faculty of Arts, Comenius University in Bratislava; e-mail: lizaveta@lizaveta.sk

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УЧРЕЖДЕНИИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье раскрываются особенности проведения устного экзамена по дисциплине «Русский язык» в системе среднего профессионального образования (технический колледж).

Ключевые слова: контроль знаний, навык, процесс обучения, устный экзамен, русский язык, познавательная деятельность, учебный материал.

L. X. Podolyan

FORMATION OF SPEECH COMPETENCE OF STUDENTS IN THE CLASSES IN RUSSIAN LANGUAGE AT THE INSTITUTION OF SECONDARY PROFESSIONAL EDUCATION

Abstract. The article reveals the features of the oral examination in the discipline "Russian language" in the system of secondary vocational education (technical college).

Keywords: knowledge control, skill, learning process, oral exam, Russian language, cognitive activity, educational material.

Контроль знаний обучающихся в среднем профессиональном обучении является важной составляющей процесса обучения, который должен давать информацию об уровне усвоения учебного материала. Правильно построенный контроль учебной деятельности обучающихся позволяет преподавателю оценивать получаемые ими знания, умения, навыки, вовремя оказывать необходимую помощь и добиваться поставленных целей обучения. Все это в совокупности создает благоприятные условия для развития познавательных способностей учащихся и активизации их самостоятельной работы на учебных занятиях.

Российская педагогическая энциклопедия приводит такое толкование термина: «Контроль знаний – это подсистема в рамках системы обучения в целом, имеющая собственный объект, свои методы, реализующие принадлежащие ей функции» [Давыдов 1993:71]. В. А. Слостенин говорит, что «контроль знаний» нужен как наблюдение в целях надзора, проверки и выявления отклонений от заданной цели и их причин [Слостенин 2002:73]. Калдыбаев С. К. раскрывает данное понятие следующим образом: «Это явление соответствия сформированного объема знаний обучающимися

требованиям стандарта или программы, а также определения уровня владения умениями и навыками» [Калдыбаев 2015:59]. Таким образом, контроль знаний, во всей своей совокупности, означает обнаружение, изменение и анализ знаний и умений обучающихся на основе проверки и оценивания.

Многие преподаватели-словесники используют такие формы итогового контроля, как собеседование, тестирование, зачет, итоговый опрос, научная конференция, защита рефератов и др.

Практика показала, что проведение устного экзамена по русскому языку или устного итогового зачета в форме собеседования по билетам возможно и в системе среднего профессионального образования (техническом колледже).

Задания билетов, составленных преподавателем, позволяют проверить:

- насколько учащиеся овладели основными умениями и навыками, предусмотренными программой по русскому языку;
- осознанно ли используют лингвистическую терминологию;
- умеют ли самостоятельно работать (при подготовке ответов), применять свои знания на практике;
- владеют ли культурой устного аргументированного ответа, умеют ли общаться при собеседовании.

Чтобы снять страх, психологическое напряжение перед экзаменом (зачетом), мы заранее (за несколько месяцев) рассказали учащимся о характере вопросов и заданий (в составлении заданий к билетам участвовали и сами студенты: они вносили предложения, учитель с ними советовался, проверял доступность некоторых заданий и т. п.).

Учащиеся знали, что в каждом билете будут такие задания:

- выразительно прочитать текст (выбрать нужный тон; отметить слова, на которых следует сделать логическое ударение; определить место коротких и длинных пауз; учесть все знаки препинания);
- вставить пропущенные буквы, обосновать выбор букв графически и устно;
- вставить пропущенные знаки препинания, объяснить их постановку графически и устно.

В большинстве билетов есть задания, направленные на анализ текста, проверяющие понимание текста, его лексики, предусматривающие работу со словарями. Кроме того, в одном билете студенту предлагается написать конверт, в другом – написать начало и конец письма, в третьем – составить объявление или написать статью в журнал. Определив содержание экзаменационных билетов, можно так спланировать работу, чтобы помочь учащимся успешно справиться с поставленными задачами.

Покажем, как мы организовали такой вид работы.

В течение учебного года преподаватель неоднократно давал задания, аналогичные включенным в билеты.

Об экзамене (или собеседовании по билетам) учащиеся узнали, как только пришли на первое занятие. Перед Новым годом у каждого студента появилась небольшая «зачетная книжка». Отдельная страничка отводилась определенной орфограмме или пунктограмме; некоторые орфограммы объединялись в группы (например, о – е после шипящих и ц в окончаниях и в суффиксах существительных и прилагательных). На каждой страничке запись о сдаче зачета:

Кто принимал зачет	Оценка	Подпись	Дата
Само-оценка			
Оценка од-ногруппника			
Оценка родителей			
Оценка преподавателя			

Ниже оставлялось место для записи примеров с графическим комментированием. Такие 5–10-минутные зачетные работы выполнялись на занятиях (по вариантам) под диктовку преподавателя. В зачет включались 2–3 пунктограммы и 4–5 орфограмм. Устные зачеты преподаватель принимал выборочно (после проверки «зачетных» книжек), проводились консультации.

Мы включили в такую работу и родителей. Кураторы групп организовали родительское собрание, преподаватель разъяснял, как можно помочь учащимся в подготовке к устному экзамену/зачету, чтобы ребенок чувствовал себя более уверенно. Конечно, не всем студентам дома помогали проверить свои знания и умения, но во многих «зачетках» появились и родительские оценки.

За несколько дней до экзамена учащиеся были распределены на группы по 6–7 человек; учитывались и дружеские отношения: ведь некоторые студенты готовились к экзамену вдвоем или втроем. По своему желанию учащийся мог пригласить на экзамен кого-либо из членов своей семьи, это придавало нашему экзамену характер общественного смотра знаний.

По согласованию с администрацией колледжа накануне экзамена не было никаких занятий, кроме русского языка; в течение полутора часов проводилось повторение, шли практикумы, консультации. Этот день перед экзаменом назвали днем «погружения» в язык. Каждый член группы, пришедшей к назначенному времени на экзамен, «вытаскивал» карточку с номером билета, садился за отдельный стол и начинал работу на двойном листке. Время подготовки ответа строго не регламентировалось. Одновременно

работали 6–7 человек: работали спокойно, записи и объяснения делали аккуратно.

За несколько дней до экзамена на стенде в кабинете русского языка и литературы «Готовимся к экзамену», кроме перечня основных видов заданий, была помещена инструкция для студентов, впервые сдающих устный экзамен. Инструкция включала такие рекомендации:

1. Получив билет, надпиши двойной листок, укажи на нем номер билета.
2. Внимательно прочитай все задания билета, обдумай их. Подними руку и спроси, если какое-либо задание (или слово) неясно.
3. Перепиши с карточки билета 1-е письменное задание, аккуратно выполни его, проверь. Далее перепиши следующее задание. Так ответь на вопросы, выполни все задания, проверь всю работу.
4. Подготовься к выразительному чтению текста.
5. Когда выйдешь отвечать, четко назови номер билета, прочитай 1-й вопрос (задание) и дай на него ответ. Потом 2-й, 3-й и т. д.

Студент мог начать ответ с наиболее легкого (или трудного) для него задания. Мог закончить ответ по билету и попросить членов комиссии выслушать подготовленный им материал по дополнительной литературе о языке (который показался учащемуся интересным), мог показать придуманную им таблицу, составить алгоритм, мог дополнить вопросы билета 1–2-мя своими заданиями, которые хотел бы увидеть в своем билете.

При редактировании текстов разрешалось пользоваться словарями.

Мы исходили из того, что главная задача преподавателя – создать гуманную, психологически благоприятную обстановку для учебного труда всех учащихся. Если учащийся приглашал на экзамены кого-либо из членов своей семьи, родители могли сесть рядом со студентом, посмотреть вопросы его билета, увидеть, как он работает.

Такая форма итогового контроля, заменяющая на 1 курсе традиционный диктант, предлагаемый администрацией колледжа, имеет много преимуществ, которые очевидны для любого преподавателя-практика, ставящего целью обучения развитие речевой компетенции учащихся, ведь впереди у них защита курсовых и дипломных работ.

Экзамен нравится и учащимся: его интересно сдавать. Большинство учащихся испытали удовлетворение от выполненной работы, ощутили радость от успеха, поверили в себя, у них появилось желание сдавать такой же экзамен в будущем году. Оценки в основном были выше, чем у студентов, сдававших традиционный экзамен.

Никто из учащихся от такого итогового контроля не освобождался, так как проверялись не только специальные, но и общеучебные умения (умение самостоятельно работать, строить устный ответ). Сразу после экзамена и в последующих индивидуальных беседах анализировались умение точно отвечать на вопрос, умение начать и закончить ответ,

выразительность речи, ее темп и громкость.

Естественно, если группа сильная, то преподаватель ставит другие задачи, вместо ряда предлагаемых в этих билетах заданий можно включить другие: например, разнообразные задания творческого, игрового, занимательного характера (в данном случае они предлагались как дополнительные).

И, может быть, благодаря нашей ориентации на речевое развитие учащихся, благодаря раннему введению (с 1 курса) серьезных итоговых собеседований наши студенты воспримут как девиз слова Н. М. Карамзина: «Быть неграмотным – невежливо...». Потому что неграмотность – это проявление неуважения не только к родному (русскому) языку, но и к людям, с которыми ты посредством этого языка общаешься. И среди этих людей – преподаватель, чье сердце отзывалось на неграмотность болью особой.

Литература

1. *Давыдов В. В.* Российская педагогическая энциклопедия / В. В. Давыдов. – М.: Большая Российская энциклопедия», 1993. – 608 с.

2. *Калдыбаев С. К.* Качество образовательного процесса в структуре качества образования / С. К. Калдыбаев // *Успехи современного естествознания.* – 2015. – № 7. – С. 90–97.

3. *Сластенин В. А.* Педагогика / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов. – М.: Академия, – 2002. – 576 с.

Автор:

Подольян Людмила Харитоновна – старший преподаватель кафедры родного языка и литературы в начальной школе Приднестровского государственного университета им Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова, email: ludiki@list.ru

Author:

Podolyan Lyudmila Kh. – Senior teacher of the Department of Native Language and Literature at the Primary school of T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova, email: ludiki@list.ru

**МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ
БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
«ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО»**

Аннотация. В статье предлагаются материалы для обучения студентов белорусской специальной лексике лесного хозяйства. Приводятся теоретические сведения о разрядах специальной лесохозяйственной лексики, структурных типах терминов лесного хозяйства и способах их образования. Предлагаются возможные типы практических заданий.

Ключевые слова: белорусская терминология лесного хозяйства, термины, номены, профессионализмы, термины-слова, термины-словосочетания, способы терминообразования, терминография.

О. V. Rusak

**METHODS OF TEACHING TERMINOLOGICAL VOCABULARY OF
THE BELARUSIAN LANGUAGE TO STUDENTS
THE SPECIALTY «FORESTRY»**

Abstract. The article offers materials for teaching students the Belarusian special vocabulary of forestry. Theoretical information about the categories of special forestry vocabulary, structural types of forestry terms and methods of their word formation is given. Possible types of practical tasks are offered.

Keywords: Belarusian forestry terminology, terms, nomens, professionalisms, terms-words, terms-phrases, methods of term formation, terminography.

Начиная с 2000 г. на всех нефилологических специальностях учреждений высшего образования Республики Беларусь преподается курс «Белорусский язык (профессиональная лексика)». Введение в учебный процесс этой дисциплины продиктовано тем, что качество будущих специалистов зависит не только от уровня их профессиональных знаний, умений, навыков, но и от культуры профессиональной речи. Владение языком титульной нации Республики Беларусь является необходимым условием для компетентного формирования будущего специалиста. Необходимо помочь обучающимся в овладении профессиональной лексикой на высоком уровне, а поэтому преподавание названной дисциплины требует специфического отбора учебного материала, максимального учёта потребностей студентов и их будущей специальности. Предлагаем методические рекомендации, которые помогут преподавателям белорусского языка в работе со студентами, получающими образование по специальности «Лесное хозяйство».

Первоначально необходимо сформировать понятие о специальной лексике. Можно использовать следующее определение: **специальная лексика** – совокупность слов и словосочетаний, называющих предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека. Основными разрядами специальной лексики являются термины, номенклатурные названия и профессионализмы.

Термин – это официально узаконенное слово, которое точно обозначает научное, техническое, экономическое и другие понятия: *біятон, вегетацыя, дрэвастан, інтрадукцыя*. Термины приводятся в терминологических справочниках по отдельным отраслям знаний, а также в словарях.

Номенклатурные названия (номены) – это слова, обозначающие частные проявления абстрактных понятий, выраженных терминами. К номенам лесохозяйственной отрасли относятся марки машин, инструментов, приспособлений: *самаходная сучкарэзная машына ЛП-33, устаноўка УК-1, машына пагрузачна-транспартная «Беларус» МПТ-461.1, трактар ТТ-4; бусоль Suunto KB-14/360; навігатар Garmin Oregon 550 GPS; мотапомпа SEH-80*.

Профессионализмы – это полуофициальные слова, употребляемые в языке представителей разных профессий, специальностей; они функционируют обычно в устной, живой речи, не становятся общепринятыми терминами, не фиксируются терминологическими словарями, им свойственна высокая степень эмоциональности, образности. По сути профессионализмы – это сленговые слова, которыми заменяют признанные термины или номенклатуру: *танкіст – вадзіцель тралёвачнага трактара, сотка – трактар ТЛТ-100, акно – прасвет у ярусе дрэў, морква – дрэва са збежыстай формай ствала*.

Терминология включает общенаучные, межнаучные и узкоспециальные термины. **Общенаучные термины** – важный компонент лексики научного стиля. Такие слова-термины понятны и неспециалистам: *актуальнасць, мэтазгоднасць, дэталізацыя, элемент, працэс, эквівалент*. **Межнаучные (межсистемные, межотраслевые) термины** – это наименования базовых понятий, общих для определенного комплекса наук: *злучэнне* (тэхн., хім.), *кампанент* (хім., фіз., лінгв.), *канцэнтрацыя* (грам.-паліт., эканам., псіхал.). **Узкоспециальные термины** выражают систему понятий определенной отрасли знаний, большинство из таких терминов не выходят за пределы узкопрофессионального общения (лесохозяйственные термины, химические термины, математические термины и др.): *лесааднаўленне, таксацыя, насенны фонд, лесанасенная сыравіна, лесакультурныя работы* (лясн. гасп.), *дэпазіт, дэнамінал, дэбет* (эканам.), *ядро атама, флюэнты, эфект Покельса* (фіз.).

Лесохозяйственную терминологию составляют как межотраслевые, так и узкоспециальные термины и номены. Понятия лесного хозяйства тесно связаны с социальными, экономическими и экологическими. Например, *індэкс якасці вады, ацэнка мёдапрадуктыўнасці ліпавых насаджэнняў*. В

узкоспециальную лесохозяйственную терминологию входят термины, обозначающие названия лесных растений, почв, насекомых-вредителей, болезней леса и т. п.: *каранцін раслін, гушчыня дрэвастану, недавысечка*.

Далее преподавателю целесообразно остановиться на структурных типах терминов. К числу традиционно выделяемых структурных типов терминологических единиц относят **термины-слова** (непроизводные и производные, простые, сложные, аббревиатуры) и **термины-словосочетания**. Многословные термины (двух-, трех-, четырехсловные) могут быть построены по разным моделям, наиболее распространены из которых следующие:

❖ **существительное + существительное**: *група лясоў, абарот высечкі, прадукцыйнасць лесу, помнік прыроды, перацяканне прасторы*;

❖ **существительное + прилагательное**: *біялагічная разнастайнасць, дзелавая драўніна, лясны пітомнік, мэтавы лес, вертыкальнае азеляненне*;

❖ **существительное + существительное + существительное**: *клас узросту дрэвастану, садзейнічанне аднаўленню лесу, тэрміны прымыкання лесасек, збудаванні для абяскоджвання адкідаў*;

❖ **существительное + прилагательное + существительное**: *высечкі прамежкавага карыстання, высечка галоўнага карыстання, тып лесараслінных умоў, экалагізацыя садова-паркавага мастацтва*.

В состав терминологического сочетания рядом со словесными знаками могут входить символы (буквы, цифры, графические символы), такие структурные образования трактуются лингвистами как **термины-символы**: *уран-235, α -часціцы, II-падобная кампазіцыя будаўніцтва, x^2 -размеркаванне*.

Также студенты должны усвоить, что термины лесного хозяйства могут вступать в разные типы лексических отношений (синонимии и антонимии). И хотя наличие синонимов, как правило, свидетельствует о несостоятельности терминологической системы, в белорусской лесохозяйственной терминологии **термины-синонимы** есть: *смала – тэрпенцін, заганнае дрэва – фэйтнае дрэва, натуральны газ – штучны газ, сорт – гатунак, згаральныя матэрыялы – гаручыя матэрыялы, адкачка – адпампоўванне*.

Целесообразно остановиться на способах образования лесохозяйственных терминов. Язык лесного хозяйства не располагает особыми приемами образования терминов. Способы словообразования, типы и словообразовательные средства черпаются из самой словообразовательной системы. Наиболее продуктивным способом является **морфологический** со следующими подтипами:

1) **суффиксальный**: *збежыстасць ← збежыст-ы, слаістасць ← слаіст-ы, пачкаванне ← пачкава-ць, штабеляванне ← штабелява-ць, чакероўка ← чакерав(а)-ць*;

2) **нульсуффиксальный (безаффиксный)**: *адвалø ← адвал(і)-ць, прышчэпø ← прышчап(і)-ць, ціскø ← ціск(а)-ць, наборø ← набір(а)-ць, прывадø ← прыводз(і)-ць*;

3) **приставочный (префиксальный)**: *судуброва* ← *дуброва*, *падпасака* ← *пасака*, *процівага* ← *вага*, *ультрафільтр* ← *фільтр*;

4) **конфіксальный (приставочно-суффіксальный)**: *міжлессое* ← *лес*, *каляплоднік* ← *плод*, *суквецце* ← *квет(к)-а*;

5) **основосложение**: *жалезабетон*, *лесастэп*, *шкловалакно*, *экзахора*, *фітамаса*, *мікраклімат*;

6) **словосложение (сращение)**: *вечназялёны*, *пагрузчык-штабляёр*, *насенне-самасеў*, *тэхнік-лесавод*, *парк-помнік*;

7) **аббревиация**: *лясгас* (лясная гаспадарка), *вучгас* (вучэбная гаспадарка), *МіАЛК* (машыны і апараты ляснога комплексу), *ДВП* (драўнянавалакністая пліта), *ДК* (драўляная канструкцыя);

8) **сложно-суффіксальный**: *лесанільня* ← *лес*, *піл(ава)-ць*; *дрываколю* ← *дров-ы*, *кал(о)-ць*; *гушчыня-меро* ← *гушчын-я*, *мер(а)-ць*; *жывіцапрыёмнік* ← *жывіца*, *прым(а)-ць*.

В основе **лексико-семантического способа (терминологизации)** лежит метафора. Лексика общего употребления в таком случае приобретает особый языковой смысл и новую предметную отнесенность: *плад раслін*, *залысіны на дрэвах*, *сцябловы вузел*, *стомленасць дрэва*.

Морфолого-синтаксическое словообразование – образование новых слов в результате приобретения ими значения и грамматических категорий, присущих другим частям речи: *арэхаплодная*, *пакрытанасенная*, *голанасенная*, *аднадомная*, *бясконца*, *крывая*, *насякомья*, *накладная*.

Собственно лексический способ – заимствование слов из других языков: *каранцін*, *дрэнаж* (франц.), *ландшафт* (ням.), *гербіцыды*, *генерацыя* (лац.), *аграфітацэноз*, *антагенез* (грэч.).

При **синтаксическом способе** образование новых терминообразований происходит путем сочетания слов в многокомпонентные словосочетания: *лес – шыракалісты лес*, *дубовы лес*, *водаахоўны лес*, *спелы лес*, *запаведны лес*; *дрэва – глебапагаршальнае дрэва*, *элітнае дрэва*, *высакарослае дрэва*, *сухастойнае дрэва*, *уліковае дрэва*.

Обучение языку специальности невозможно без обращения к терминологическим словарям, поэтому преподавателю необходимо дать студентам информацию о типах терминологических словарей и их структуре.

Каждый словарь имеет три обязательных элемента:

- **реестр** – список, перечень слов, рассматриваемых в словаре;
- **реестровое (заголовочное) слово** – слово, которым начинается словарная статья, в лингвистике оно называется также **вокабула**;
- **словарная статья** – это заглавное слово вместе со всеми сведениями, которые приводятся о нем в словаре.

Терминологические словари, использующие материал одного, двух или более языков, разделяются соответственно на одноязычные, двуязычные, многоязычные. Двуязычными и многоязычными в основном

являются переводные терминологические словари. Одноязычные же терминологические словари в соответствии со способом описания лексического материала классифицируются как толковые.

Большинство белорусских переводных терминологических словарей – это двуязычные издания, среди которых преобладают русско-белорусские и белорусско-русские лексикографические работы: *В. М. Яромін «Марфалогія і анатомія раслін: беларуска-рускі і руска-беларускі тэрміналагічны слоўнік» (1995)*, *М. І. Баранаў, Н. Я. Савіцкая «Руска-беларускі слоўнік па фізіялогіі і біяхіміі раслін» (2001)*, *«Терминологический русско-белорусский словарь по древесиноведению» (1995)*.

Толковые терминологические словари – это одноязычные словари, в которых дается объяснение значений специальных слов: *С. Бельская «Асноўныя тэрміны і паняцці па сельскай і лясной гаспадарцы» (1998)*, *А. І. Роўкач «Слоўнік лесапаляўнічых тэрмінаў» (2000)*.

Отдельно выделяются терминологические словари смешанного типа, выполняющие функции и переводных, и толковых лексикографических изданий, например: *«Беларуска-рускі тэрміналагічны тлумачальны слоўнік па батаніцы і кветкаводстве» (склад. Т. М. Бурганская і інш.; 1996)*, *В. І. Папоў і В. І. Рагаўцоў «Кароткі беларуска-рускі тлумачальны батанічны слоўнік» (1992)*, *Р. В. Міксюк і Л. М. Ражкоў «Тэрміналагічны тлумачальны беларуска-рускі слоўнік па экалогіі і лесазнаўству» (1992)*, *Р. В. Міксюк, Я. С. Раптуновіч «Тэрміналагічны тлумачальны беларуска-рускі слоўнік па лясной фітапаталогіі» (1995)*.

Для закрепления теоретического материала преподавателю необходимо предложить студентам выполнить практические задания. Типы заданий могут быть следующими:

1) объясните значение приведённых терминов, подберите к ним термины-антонимы;

2) прочитайте текст по специальности, выпишите из него общенаучные, межотраслевые и узкоспециальные термины;

3) распределите приведённые термины по группам в соответствии с их структурой (термины-слова, термины-словосочетания, термины-символы);

4) запишите по 5 лесохозяйственных терминов-словосочетаний следующих моделей: а) существительное + существительное в форме родительного падежа (напр.: *вугал кары*); б) существительное + прилагательное (напр.: *гужавая тралёўка*); в) существительное + существительное в форме родительного падежа + прилагательное (напр.: *землі ляснога фонду*); г) существительное + прилагательное + прилагательное (напр.: *вялікі хваёвы лубаед*);

5) прочитайте термины, объясните их значение, определите, каким способом они образованы;

6) разделите приведенные термины на группы в зависимости от их происхождения (исконно белорусские и заимствованные); определите, из каких языков пришли заимствованные термины;

7) переведите текст по специальности с русского на белорусский язык;

8) на предложенные слова разработайте словарные статьи для толкового терминологического словаря лесного хозяйства;

9) составьте русско-белорусский мини-словарь лесного хозяйства (на 15-20 лексем);

10) подготовьте устное выступление на тему «Формирование белорусской терминологии лесного хозяйства».

В результате ознакомления с теоретическим материалом после ответов на вопросы и выполнения практических заданий будущий специалист в области лесного хозяйства сможет объяснять отличия между терминами и профессионализмами, описывать специальную лексику, работать с терминологическими словарями, определять происхождение и особенности словообразования отдельных лесохозяйственных терминов, переводить специальные тексты с русского языка на белорусский и наоборот.

Автор:

Русак Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой белорусской филологии учреждения образования «Белорусский государственный технологический университет», г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: rusa-kolga@tut.by

Author:

Rusak Olga Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Belarusian Philology, Educational institution «Belarusian State Technological University», Minsk, The Republic of Belarus; e-mail: rusakolga@tut.by

РОДНОЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу роли родного языка в развитии и воспитании личности: творческом, интеллектуальном, нравственном, эстетическом, патриотическом, повышении речевой культуры.

Ключевые слова: этнопедагогика, народная педагогика, родной язык, устное народное творчество, национальный характер, менталитет, этническая картина мира.

I. S. Sycheva

NATIVE LANGUAGE AS A FACTOR OF PERSONAL EDUCATION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of the native language in the development and education of the individual: creative, intellectual, moral, aesthetic, patriotic, speech culture improvement.

Key words: ethnopedagogy, folk pedagogy, native language, verbal folk art, national character, mentality, ethnic picture of the world.

Родной язык является важнейшим фактором народной педагогики, феноменом общечеловеческой и национальной культуры. На основе постижения родного языка в раннем возрасте формируется речь ребенка – форма общения, коммуникации людей посредством языка.

Ценность родного языка, родного слова в воспитании с позиций историзма, гуманизма и народности всесторонне раскрыл К. Д. Ушинский в статье «Родное слово». Он отметил сложность процесса постижения языка ребенком раннего возраста и убедительно доказал, что отсутствие в воспитании опоры на родной язык и культуру замедляет всестороннее развитие личности, вступая в противоречие с окружающей природой, историческим и хозяйственным опытом, национальным характером и менталитетом [Ушинский 1974: 145-159].

Рассуждения ученого подтверждаются выводами современных исследователей в области этнологии, этнопсихологии, этнопедагогики, установившими, что «каждый народ создает свою картину мира на основе своего языка» [Садохин 2000: 184].

Язык концентрирует исторический опыт человечества, отдельного народа и каждой личности, накапливая информацию в лексическом и фонетическом составе, семантике, причем эстетически окрашенную, эмоционально и образно насыщенную. Таким образом, через родной язык в

процессе воспитания формируется национальный характер, осуществляется трансляция этнической картины мира.

При этом у каждого народа есть свои мифы, легенды, символы, метафоры и аллегории, для восприятия которых требуется не столько особый склад ума, сколько особенная духовная организация, развитие эстетических чувств, ассоциативно-образного мышления. Детский фольклор, произведения для самых маленьких опираются не столько на сознание, сколько на подсознание, на биологическую основу художественных представлений: чувство ритма, мелодичность, образность.

При овладении родным языком мы получаем в наследство богатую ассоциативность, соотнесение слова с реалиями повседневной жизни, явлениями природы, произведениями народной песенной, хореографической культуры. Устойчивые ассоциации вызывает блюда национальной кухни, которые тесно связаны с семейным бытом и родной природой: аромат ржаного хлеба, свежих грибов, спелой земляники и т. п. При дальнейшем усвоении языков ассоциативные фонды значительно беднее, менее образно насыщенные и эмоционально окрашенные, чем и может быть объяснена привязанность, любовь большинства людей к родному слову.

В целом в народной педагогике процесс воспитания имеет вербальный характер, традиционная система нравственных ценностей передается через устное народное творчество, семейно-обрядовые и календарно-обрядовые праздники и обычаи. Преобладают словесные средства (потешки, прибаутки, заклички, детские песенки, скороговорки, загадки, сказки, пословицы и др.) и методы воспитания (уговор, разъяснение, приказ, просьба, наставление, поучение, совет, одобрение, осуждение, укор, пожелание и др.), которые воздействуют на чувства, сознание, поведение ребенка. Достаточно распространенные не только в прошлом, но и в наши дни белорусские народные сказки, пословицы и поговорки отличаются философскими обобщениями, житейской мудростью и поучительностью в сочетании с лаконичностью, образностью.

Как подчеркивает Г. Н. Волков, «в народной педагогике слово стоит на недостижимой высоте» [Волков 2000: 138]. Родное, материнское слово выступает главным инструментом воздействия на личность, формирует интеллектуальную, эмоциональную, волевую сферы. Каждого ребенка с малых лет учат знать цену слова. От предков передается вера не просто в значимость, но и в магическую силу слова, особенно родительского (материнского или отцовского) и соответствующих методов народной педагогики: благословение, завет, проклятие и др. Это особенность родного слова, его способность оказывать воздействие не только на духовную, но и на физическую сущность человека присутствует в фольклоре большинства народов мира, в том числе и у белорусов.

Отметим наиболее существенные функции родного языка, значимые для этнопедагогики:

- язык есть уникальное, присущее только человеческому обществу средство развития и формирования интеллекта ребенка с самого раннего возраста, которое осуществляется через обогащение словарного запаса, тренировку памяти, активизацию интеллектуальных и творческих возможностей;

- родной язык знакомит ребенка с нравственными ценностями, которые составляют с ним единое целое, обучает, воспитывает через морально-поучительный контекст, жизненные наблюдения и поучения;

- воспитательное воздействие родного слова опирается на веру народа в магическую, сверхъестественную силу слова (допускается возможность словом убить человека или, наоборот, воскресить) и формирует особое отношение детей к значимости родительского слова и в целом родного языка;

- по своей сущности язык – явление эстетическое (имеет совершенную синтаксическую организацию, лад, благозвучие, которые определяются рядом исторических и природных факторов) и соответственно влияет на эстетическое развитие личности, формирование образного и ассоциативного мышления, эстетического вкуса;

- через детский фольклор ребенок знакомится со средствами образности (эпитет, сравнение, метафора, аллегория, гипербола, ирония, повтор, ритм, рифма) в результате чего возникает стремление к собственному языковому и поэтическому творчеству, что способствует развитию и самовыражению личности;

- в процессе общения на родном языке повышается индивидуальная языковая культура: развивается и совершенствуется речь и произношение, обогащается словарный запас, ребенок интуитивно улавливает и правильно воспроизводит лексические, фонетические, грамматические отличия и характеристики родной речи;

- средствами родного языка постепенно формируется общечеловеческое и вместе с тем уникальное для каждого народа чувство юмора: ребенок учится воспринимать подтекст, игру слов, соответствующие средства и методы народного воспитания – дразнилки, намёк, высмеивание.

- на основе понятий, существующих в национальном языке, создается этническая картина мира, которая характеризуется преобладанием или отсутствием определенных цветовых характеристик, запахов, звуков;

- национальный язык является каналом трансляции менталитета, традиций и быта того или иного народа, этнической исторической памяти и, соответственно, важнейшим фактором патриотического воспитания молодежи.

Таким образом, родной язык передаёт эмоции, чувства, мысли и является важнейшим фактором умственного, нравственного, патриотического, эстетического воспитания, на основе которого формируется речь ребенка и осуществляется общение между носителями языка, представителями данного этноса. Насколько интенсивен и значим этот процесс в современном

обществе, зависит от каждого из нас, в том числе от глубины нашего понимания роли родного языка для духовного развития и формирования личности.

Литература

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика: учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2000. – 168 с.
2. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология. – М.: Академия, 2000. – 304 с.
3. Ушинский К. Д. Родное слово / Избр. пед. соч.: В 2 т. – М., 1974. – Т.1. – С. 145–59.

Автор:

Сычева Инна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии инклюзивного образования Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г.Минск, Беларусь, e-mail: inna651@mail.ru

Author:

Sycheva Inna S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Inclusive Education of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus, e-mail: inna651@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ В АСПЕКТЕ РКИ

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия «лексико-семантические группы», рассматривается семантическая структура глаголов, предлагается классификация ЛСГ глаголов в аспекте обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: семантика, лексическая система, грамматическая категория, лексико-семантическая группа, доминанта.

E. V. Tikhonenko

LEXICO-SEMANTIC VERB GROUPS IN THE ASPECT OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. The article reveals the essence of the concept of “lexico-semantic groups”, considers the semantic structure of verbs, proposes a classification of lexico-semantic groups of verbs in the aspect of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: semantics, lexical system, grammatical category, lexical-semantic group, dominant.

Одним из самых важных этапов в процессе обучения русскому языку как иностранному является лексическая работа, которая необходима для продуктивной речевой деятельности. Словарная работа большинством исследователей признана первостепенной задачей при освоении русского языка иностранцами. Учащиеся должны усвоить не только определенный лексический минимум, но и характер системных связей между единицами.

В настоящее время считается, что наиболее продуктивным способом описания и презентации лексики в теории и практике РКИ является её группировка в лексико-семантические группы (ЛСГ).

ЛСГ является наиболее частым объектом лексикологических исследований. «ЛСГ – это класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» [Кильдибекова 1980: 7].

Согласно И. П. Слесаревой, ЛСГ понимается как языковая и психологическая реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются

однородностью смысловых отношений – отношений смысловой близости по синонимическому типу [Слесарева 1980: 49]. Выявление лексико-семантических групп, как правило, происходит с помощью критериев собственно лингвистического характера.

Большинство исследователей лексической семантики сходятся во мнении, что наличие общего семантического признака является обязательным для всех слов, входящих в состав одной ЛСГ. Например, Л. М. Васильев считает, что «термином ЛСГ можно обозначать любой семантический класс слов (лексем), объединённых хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей (или хотя бы одним общим семантическим множителем)» [Васильев 1971: 110].

Под смысловой близостью по синонимическому типу понимаются отношения синонимии, гипонимии, гиперонимии, а также различные отношения смыслового пересечения, когда слова имеют общие парадигматические семы. Именно этот тип отношений представляет особый интерес при описании ЛСГ в целях обучения русскому языку как иностранному. При лингводидактическом описании русского языка как иностранного учитывается взаимосвязь парадигматических, синтагматических и деривационных отношений в лексической системе.

Особенное значение имеет анализ и описание глагольной семантики, так как глагол отличается богатством и разнообразием семантических возможностей. Глагол – самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка. Он наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими частями речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения. По частоте употребления в речи глагол занимает второе место после имени существительного. По наблюдениям А. Н. Тихонова, русский глагол характеризуется самой разветвлённой системой грамматических форм по сравнению с другими частями речи: одно существительное может иметь 12 грамматических форм, одно прилагательное (качественное) – 78 форм, а один глагол – 395 форм [Тихонов 2014: 6]. Глагол занимает центральное место в лексической системе русского языка, являясь «доминантой русской лексики».

Семантическая структура глаголов представлена объединением семантических категорий бытийности, становления, действия и деятельности, состояния, отношения. На сегодняшний день существует несколько различных семантических классификаций глаголов. Обратимся к некоторым из них. Т. А. Кильдибекова в своей работе [Кильдибекова 1980] разделяет глаголы по характеру значения и грамматическим характеристикам на две большие группы: глаголы действия и глаголы состояния, или акциональные и неакциональные глаголы. Глаголы действия выражают активные действия, осуществляемые каким-либо деятелем (агентом) и направленные на объект с целью его изменения. Глаголы состояния называются состояниями, отношениями, признаками, которые приписываются субстанциям как внутренне

присущие, внутренние их свойства. В составе этих групп Т. А. Кильдибекова выделяет ядро и периферию. Ядро глаголов действия составляют глаголы, которые обозначают физические, интеллектуальные, абстрактные действия и сложные процессы, а его периферию – глаголы, обозначающие действия неодушевленного субъекта. Ядро глаголов состояния представляют глаголы психического и физического состояния, глаголы, обозначающие физиологический процесс, глаголы поведения, звучания, бытия и фнктивные глаголы, а его периферию составляют глаголы речемыслительной и психической деятельности, глаголы отношения, расположения в пространстве, обладания и принадлежности.

Р. М. Гайсина разделяет глагольную лексику на бытийные (статические) глаголы и глаголы становления (динамические). На основе этих сем Р. М. Гайсина выделяет 3 семантических класса глаголов: глаголы действия, состояния и отношения. [Гайсина 1981: 35]. Эта классификация широко распространена в современном русском языке.

Таким образом, в каждой из ЛСГ действует принцип иерархии, при котором выявляется доминантная лексема, так называемый базовый глагол, значение которого является относительно общим для остальных в данной группе. Если рассматривать отдельные семантические глагольные группы, при этом определив базовый глагол, то можно отметить следующую тенденцию: в зависимости от семантики доминантной лексемы дана номинация всей глагольной группе. Например, глаголы движения – *двигаться*, глаголы мышления – *думать*, глаголы речи – *говорить*, глаголы поведения – *вести себя*. Общая категориальная семантика обычно выражена именно в доминантной лексеме.

Вершину иерархии представляют три отвлеченные, абстрактные семы. На их базе организуются лексико-семантические поля:

1) поле глаголов действия и деятельности. В лексико-семантическое поле «действие и деятельность» входит самое большое количество глаголов, используемых в русском языке. К ним относятся глаголы, которые обозначают разные физические и мыслительные действия, движение, перемещение субъектов и т. д. В эту категорию включаются следующие подполя:

- глаголы со значением движения;
- глаголы со значением перемещения объекта;
- глаголы со значением помещения;
- глаголы, обозначающие физическое воздействие на объект;
- глаголы, обозначающие созидательную деятельность;
- глаголы со значением интеллектуальной деятельности;
- глаголы со значением речевой деятельности;
- глаголы со значением социальной деятельности;

- глаголы со значением физиологического действия;
- глаголы, обозначающие звучание.

2) Поле глаголов бытия, состояния, качества. Сема бытия считается одной наиболее абстрактных. Глаголы бытия содержат значение существования, наличие предмета или явления в какой-либо определенной фазе. Внутри этой лексико-семантической категории выделяется несколько субкатегориальных объединений, которые связаны с фазами бытия: фаза предбытия (близости), возникновение, начало бытия, фаза собственно бытия, существование, конец бытия. Лексико-семантическое поле: «бытие, состояние, качество» представлено такими подполями:

- глаголы бытия;
- глаголы качественного состояния.

3) Поле глаголов отношения, представленное следующими подполями:

- глаголы взаимоотношения;
- глаголы владения;
- глаголы межличностных отношений;
- глаголы социальных отношений.

Следует отметить, что данная классификация не охватывает абсолютно все глаголы; некоторые из них остаются вне перечисленных групп.

Нам представляется целесообразным предложить следующую последовательность изучения иностранными студентами семантических групп глаголов: на первом этапе обучающиеся должны уяснить значение базовых глаголов, далее, обращаясь к искомому значению доминанты, «нанизывать» уточняющие пласты, содержащиеся в значениях остальных глаголов группы. При этом если при овладении базовыми глаголами допустима опора на родной язык или на язык-посредник, то все остальные глаголы надо подавать, опираясь на базовый глагол, эксплицируя их семный состав с помощью этого глагола.

Литература

1. Барсукова-Сергеева О. М. Орнитологические глаголы в практике преподавания русского языка как иностранного // Мир русского слова. – 2016. – №4. – С. 105–112.
2. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105–113.
3. Гайсина Р. Л. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Изд-во Саратов. ин-та, 1981. – 195 с.

4. *Кильдибекова Т. А.* Лексико-грамматические разряды глаголов // Исследования по семантике: Лексическая и грамматическая семантика. – Уфа, 1980. – С. 182–199.
5. *Лексико-семантические* группы русских глаголов / Под ред. Э. В. Кузнецовой. – Иркутск, 1989. – 180 с.
6. *Слесарева И. П.* Проблемы описания и преподавания русской лексики. – М., 1980. – 182 с.
7. *Тихонов А. Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – М.: АСТ, 2014. – 639 с.

Автор:

Тихоненко Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянских языков Минского государственного лингвистического университета, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: tikhonenko.helen@ya.ru

Author:

Tikhonenko Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Slavic Languages, Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus; e-mail: tikhonenko.helen@ya.ru

РАЗВИТИЕ ИНТЕРЕСА К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ

Аннотация. Данная статья посвящена использованию нестандартных заданий на уроках русского языка. В качестве примера использования нестандартных заданий приводится урок русского языка в 11 классе по теме «Предложения с однородными членами. Знаки препинания между однородными членами».

Ключевые слова: нестандартные задания, проблемная ситуация, стих-реверс, познавательный интерес.

N. M. Todika

DEVELOPMENT OF INTEREST IN LEARNING RUSSIAN LANGUAGE THROUGH THE USE OF NON-STANDARD FORMS OF INTERESTING TASKS

Abstract. This article is devoted to the use of non-standard assignments in Russian lessons. As an example of the use of non-standard assignments, a Russian lesson in grade 11 on the topic "Sentences with homogeneous members. Punctuation marks between homogeneous members. "

Keywords: non-standard tasks, problem situation, verse-reverse, cognitive interest.

Каждый учитель стремится к тому, чтобы сделать свой урок интересным для учащихся. Особый интерес вызывают у учеников нестандартные уроки, в ходе которых учитель использует нестандартные задания и ситуации.

Нестандартные задания на уроках русского языка способствуют развитию логического мышления, внимательности, творческих способностей учащихся.

Особенность преподавания русского языка в старших классах заключается в систематизации знаний учащихся, полученных в предыдущих классах. Задача учителя состоит в том, чтобы у учеников не пропал интерес к темам, которые они изучали в предыдущих классах.

Некоторым ученикам кажется, что они ранее в достаточной степени усвоили изученный материал, хотя, как показывает опыт, многие учащиеся допускают ошибки на изученные орфографические и пунктуационные правила.

Курс русского языка в 10–11 классах способствует ликвидации пробелов в знаниях учеников. У учеников есть возможность, став старше, более внимательно отнестись к изучаемой теме. Оттого, насколько серьёзно они будут относиться к учёбе, зависит их результат при сдаче ЕГЭ по русскому языку.

Благодаря нестандартным урокам русского языка и нестандартным заданиям, используемым в ходе урока, у учителя есть возможность по-новому изложить знакомый ученикам учебный материал.

Я использовала нестандартные задания при проведении урока в 11 классе по теме «Предложения с однородными членами. Знаки препинания между однородными членами».

Образовательная цель урока: обобщить знания по теме «Пунктуация при однородных членах предложения» с целью подготовки к ЕГЭ;

В начале урока была создана проблемная ситуация. На доске было написано слово «Тема», но тема урока не была написана.

Учитель: Сегодня у нас необычный урок, и начнём мы его с необычного стихотворения.

Демонстрация слайда со стихотворением Дмитрия Савицкого [Савицкий URL]:

и наконец гора *свалилась* с плеч
и *придавила* город что был ниже
и ручейками заструился плач
и много дней не просыхала кожа
библиотеки храмы и сады
река и арсенал и госпиталий
все хором приоткрывши рты
из сил последних жалобно стонали
сползало набок города лицо
свисали руки и дымились плечи
туристов *подвозили* корабли
и *пели* объяснительные речи

Учитель: Что не так в этом стихотворении?

Ответ учащихся: «Нет знаков препинания».

Учитель раздаёт учащимся лист с текстом этого стихотворения, чтобы они расставили знаки препинания.

Учащиеся читают стихотворение, комментируя постановку знаков препинания.

Демонстрация слайда с текстом стихотворения, в котором расставлены знаки препинания.

Учитель: как называются слова, выделенные в тексте стихотворения курсивом?

Учащиеся: Однородные члены предложения.

Учитель записывает тему урока на доске, а учащиеся в тетрадях.

Демонстрация книги со стихотворениями Дмитрия Савицкого, который в стихотворениях не ставил знаков препинания.

Учитель: В стихотворениях Дмитрия Савицкого нет знаков препинания. Как вы думаете, это ошибка работников типографии?

Учащиеся высказывают свои предположения

Учитель: Дмитрий Савицкий намеренно не ставил знаки препинания в своих стихотворениях. Читатель должен сам найти разгадку, иногда – домыслить, иногда – расставить акценты, найти вариант по душе. Стих несёт в себе удивительную свободу восприятия, прочтения, читатель чувствует себя причастным к акту творения.

Учитель: Для чего надо ставить знаки препинания в предложениях?

Учащиеся: Для того, чтобы был понятен смысл предложений.

Для того чтобы успешно сдать ЕГЭ по русскому языку.

Для успешного выполнения заданий: 8,16, 21, 27 ЕГЭ необходимо знать, что такое однородные члены и какие знаки препинания необходимо ставить при однородных членах.

Выявление знаний, умений и навыков, проверка уровня сформированности у учащихся общеучебных умений проводилась следующим образом:

Учитель: Вернёмся к тексту стихотворения. Объясните, почему в одних случаях есть запятые между словами, выделенными курсивом, а между другими словами, выделенными курсивом, запятых нет.

Учащиеся комментируют постановку знаков препинания:

свалилась и придавила (однородные сказуемые, между которыми стоит одиночный союз и. Запятую не ставим.)

*Библиотеки, храмы и сады,
река и арсенал, и госпиталий –
все, хором приоткрывши рты,
из сил последних жалобно стонали.*

(однородные подлежащие. Запятую ставим. «все» – обобщающее слово, которое стоит после однородных членов, перед ним ставим тире)

Учитель: Переделайте предложение так, чтобы после слова «все» стояло двоеточие.

Учащиеся:

*Все, хором приоткрывши рты,
из сил последних жалобно стонали:
библиотеки, храмы и сады,
река и арсенал, и госпиталий.*

Учитель: Назовите основные типы сочинительных союзов.

В ходе урока учащиеся с целью систематизации знаний работали с таблицами: «Типы сочинительных союзов», «Соединение однородных членов в предложении», «Выражение однородных членов в предложении», «Знаки препинания в предложениях с однородными членами».

При помощи учителя учащиеся вспомнили особые случаи постановки знаков препинания в предложениях с однородными членами.

С целью контроля знаний использовались задания, связанные с употреблением однородных членов предложения. Учащиеся объясняли, какая норма нарушена. Эти знания необходимы при выполнении Задания 8 ЕГЭ. Учащиеся определяли, в каких средствах художественной выразительности используются однородные члены. Эти знания им необходимы при выполнении 27 задания ЕГЭ. Учащиеся выполнили контрольный тест по теме «Постановка знаков препинания в предложениях с однородными членами», осуществили взаимопроверку, опираясь на правильные ответы к тесту, размещённые на слайде презентации к уроку, а также выставили друг другу оценки, согласно критериям оценивания, указанным в слайде презентации к уроку.

В ходе урока учащиеся узнали, что есть стихи-реверсы, которые надо читать сверху вниз и снизу вверх, при этом их смысл меняется на противоположный.

Учитель: Прочитайте стихотворение Сергея Попова [Попов URL]:

Годы, годы...Вы счастье моё!

Пусть подольше листья кружатся.

То, что прожито, то твоё.

Но на жизнь нельзя обижаться.

Мог простить, но не прощал,

Не прижался к кому-то губами,

Тёплых слов ты мало сказал,

Не обнял кого-то руками,

Сделать то, что когда-то хотел.

И жалеть, что уже не придётся.

Сколько ты ещё не успел.

Только к старости познаётся.

Было плакать о чём и терять,

Были радости и тревоги.

По дороге жизни шагать

Устают понемногу ноги.

А теперь уже за 60.

Было сорок, потом...48.

Годы, словно листья, летят.

Жизнь похожа на позднюю осень.

Учитель: Какое настроение после прочтения этого стихотворения?

Учащиеся: Грустное.

Учитель: А теперь попробуйте прочитать это стихотворение снизу вверх.

Учитель: Какое настроение после прочтения этого стихотворения?

Учащиеся: Оптимистичное настроение.

Учитель: РЕВЕРС – стихотворение, которое можно читать как сначала, так и с конца.

Какой смысл имеют в данном стихотворении однородные члены предложения, выделенные курсивом?

Ответы учащихся:

радости и тревоги, (события в жизни)

плакать и терять. (события в жизни)

Не обнял, мало сказал, не прижался, мог простить, но не прощал.

(что не сделал, а надо было сделать)

Учитель: В этих словах заключён смысл жизни.

«Жизнь – это радости и тревоги.

Пока живёшь, плачешь и теряешь,

а надо обнять, сказать добрые слова, прижаться к родным людям, прощать обиды.

В качестве домашнего задания учащимся было предложено найти в стихотворении В. Орлова 17 однородных членов предложения.

Учитель раздаёт учащимся лист со стихотворением, в котором необходимо поставить знаки препинания. В предложении, выделенном курсивом, необходимо подчеркнуть однородные члены, указать, какими членами предложения они являются, указать количество однородных членов в этом предложении. Подчеркнуть слово, к которому относятся эти однородные члены предложения.

Был у снега

Длинный путь

И девчонкам

На ресницы

Снегу нужно отдохнуть

Он садится на луга

На высокие

Стога

На опушку

На избушку

На столетнюю

Старушку

На скамейки

На кусты

На заборы

На мосты

На пальто

И рукавицы

На известных

Футболистов

На заслуженных

*Артистов
На причёски
И носы
Генералу на усы
На милицию
Снижается...
И никто*

Не обижается! (*В. Орлов*) [Орлов URL]

В конце урока была проведена рефлексия, в ходе которой учащиеся единодушно выразили своё восхищение нестандартными заданиями и предложили учителю чаще давать им подобного рода упражнения.

Мастерство учителя заключается в умении привлечь внимание учащихся к изучаемой теме наиболее интересным для учеников способом.

Литература

1. *Савицкий Д.* [Электронный ресурс] // 45-я параллель: классическая и современная русская поэзия. – Режим доступа: https://45ll.net/dmitriy_savitskiy/iz_nezemnoy_tetradki/. – Дата обращения 10.03.2021.

2. *Попов С.* [Электронный ресурс] // Стихи.ру. – Режим доступа: <https://stihi.ru/2015/06/22/7275>.

3. *Орлов В.* Стихи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alexandrkomarov.ucoz.ru/load/8-1-0-105>.

Автор:

Тодика Наталья Михайловна – учитель русского языка и литературы Катериновской общеобразовательной средней школы им. А. С. Пушкина, с. Катериновка, Приднестровье, Молдова; e-mail: ntodika@mail.ru

Author:

Todika Natalya Mikhailovna – teacher of Russian language and literature of the first qualification category of the Katerinovskaya secondary school named after A.S Pushkin, Katerinovka village, Pridnestrovie, Moldova; e-mail: ntodika@mail.ru

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В АСПЕКТЕ РКИ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности лингводидактического моделирования при изучении русского языка студентами из Китая. Представлено определение термина «лингводидактическая модель обучения», охарактеризованы основные особенности и принципы построения таких моделей. Сделан акцент на важности лексического минимума как основы построения лингводидактической модели обучения лексике РКИ. Подчеркнута важность учета национально-культурной специфики китайских студентов при лингводидактическом моделировании.

Ключевые слова: лингводидактическая модель, лексика, обучение, специфика, русский язык как иностранный.

М. Habudouaxi

LINGUODIDACTIC MODELING IN ASPECT OF RFL

Abstract. The article discusses the possibilities of linguodidactic modeling in the study of the lexical aspect of RFL by foreign students from China. The definition of the term “linguodidactic training model” is presented, the main features and principles of building such models are characterized. The emphasis is made on the importance of the lexical minimum as the basis for constructing a linguodidactic models of teaching RFL vocabulary. The importance of taking into account the national and cultural specifics of Chinese students in linguodidactic modeling is emphasized.

Keywords: linguodidactic model, vocabulary, teaching, specificity, Russian as a foreign language.

«XXI век ознаменовался повышением интереса к изучению иностранного языка как компонента профессиональной подготовки в связи с происходящим в современном мире научно-техническим прогрессом, а также активизацией международного общения во всех сферах человеческой деятельности» [Агеева 2020: 7]. В соответствии с требованиями к результатам обучения иностранным языкам и, в частности, к овладению русским языком как иностранным (далее – РКИ), современная лингводидактика нацелена на разработку обобщенных моделей освоения языка, которые могут быть рассмотрены как универсальные теории его усвоения, реализующиеся посредством практики преподавания. Разрабатываемые таким образом лингводидактические модели (далее – ЛДМ) могут сосредотачиваться на отдельных

языковых аспектах от фонетики и морфологии до синтаксиса и стилистики, учитывая при этом социолингвистическую специфику языка в конкретных условиях его функционирования и изучения. В контексте данной работы термин «лингводидактическая модель обучения» трактуется как специфическое структурно-функциональное единство, сформированное с целью описания и стандартизации процесса обучения лексическому аспекту РКИ.

Рассматривая возможность применения ЛДМ в практике обучения РКИ представителей Китая, стоит отметить, что лингводидактический аспект проектирования учебного процесса в форме моделей для данной категории учащихся получает недостаточную научно-методическую разработку, что подтверждается нехваткой учебно-методических материалов, ориентированных на лингводидактическую парадигму. Несмотря на тот факт, что актуальные проблемы китайской лингводидактики получают освещение в отдельных научных публикациях, специфика ЛДМ в практике преподавания РКИ учащимся из Китая нигде не конкретизируется, тем более, если речь идет об отдельных языковых аспектах (в частности, о лексике). Однако любая разрабатываемая для освоения лексического аспекта РКИ ЛДМ должна опираться «на принципы представления основной части языкового материала на основании теории речевой деятельности и самого подлежащего изучению материала, учитывая также национально-культурный фактор субъектов обучения и типологию их родного языка» [Акимова 2016: 269].

При принятии ЛДМ за базис обучения китайских студентов лексике РКИ важно понимать, что современный лексический минимум по данной дисциплине является специфическим учебным комплексом – набором лексики, выполняющей в языке различные функции. В состав такого многофункционального учебного словаря при этом включаются отобранные согласно требованиям стандартов к обучению, научно описанные и структурированные в соответствии с учебными целями и задачами лексемы, совокупный объем которых достаточен и необходим для реализации процессов общения на русском языке [Архипова 2017]. Важно заметить, что на каждой ступени изучения РКИ внутри лексического минимума сочетаются аспекты тематических, переводных, грамматических, терминологических, фразеологических и иных видов словарей [Милованова 2006]. Кроме того, как интегрированный компонент модели изучения РКИ лексический минимум обладает различными функциями, которые должны быть учтены при построении ЛДМ. К числу таких функций можно отнести информационную, справочную, дифференцирующую, организационную, обучающую и ряд других.

Именно лексический минимум обладает высоким лингводидактическим потенциалом для построения ЛДМ, что проявляется в разнообразии его функций, обусловленных широкой адресной направленностью иностранным учащимся. Модели тех или иных лексических минимумов незаменимы в лингводидактическом проектировании при изучении лексического состава РКИ, а также играют важную роль для процессов

самообучения и самоконтроля, т. к. более глубоко знакомят зарубежных учащихся с функциональными возможностями русской лексики, значительно расширяя спектр и возможности ее применения в ситуациях реальной коммуникации.

Кроме того, освоение лексической системы РКИ на базе ЛДМ обнаруживает свои преимущества в том, что проектируемые модели в должной мере воспроизводят и отображают необходимые для обучения аспекты. При изучении лексики формируемые ЛДМ оказываются неразрывно взаимосвязанными с процессами абстрагирования и идеализации, что позволяет выделять существенные для конкретной группы учащихся лексические слои и исключать «несущественные» лексические пласты из учебного процесса. Более того, использование ЛДМ при работе с русской лексикой позволяет четко соотносить тематическое и лингвистическое содержание курса РКИ с конкретными коммуникативными ситуациями и профессиональными сферами обучения, «подчиняя своим целям выбор методических приемов, учебных материалов, форм и видов занятий и т. д.» [Светенко 1999: 89].

В научных публикациях делается акцент на том, что ЛДМ «для обучения русскому языку инофонов в части лексики являются важными, поскольку позволяют познать семантическое пространство языка, денотативные смыслы и их национально детерминированные интерпретации на сигнификативном уровне, т. к. разные языки различаются не только лексикой, но и способом интерпретации явлений внеязыковой действительности» [Амиантова 2001: 218–219].

Как правило, в курсе РКИ разрабатывается и используется множество разнообразных ЛДМ, дополняющих друг друга, но нельзя забывать, что при разработке ЛДМ для освоения лексики РКИ эффективность учебного процесса значительно повышается при учете этнокультурной и этнопсихологической специфики студентов. Ориентация на указанные параметры позволяет адаптировать лингвокультурологическую парадигму РКИ не только к уровню обучения, но и к национально-культурной специфике зарубежных учащихся – представителей конкретных наций [Шаклеин 2008]. К примеру, если речь идет о студентах из Китая, то результативность их учебного процесса по РКИ зависит не только от умения учиться, присущего каждому конкретному обучаемому, но и от осознания и понимания педагогом степени и глубины различий в традициях учебного процесса России и Китая.

Образовательные традиции рассматриваемых государств, действительно, обнаруживают значительную разницу, начиная от количества обучаемых и заканчивая их взаимоотношениями с педагогом. Так, если количество учащихся в классе в России всегда ограничено и составляет в среднем 30 человек (конкретные цифры зависят от условий и требований учебных заведений), то в Китае эти показатели в разы больше. Если в России отношения учеников и учителя могут быть названы демократично-формальными, то в Китае педагог обладает неоспоримым авторитетом, учителей

практически «почитают». Следовательно, при изучении РКИ китайскими студентами требуется переориентировать отечественные учебные стратегии с учетом методически целесообразного использования традиций учебной системы Китая. Что касается лексического аспекта русского языка, то при его изучении студентами из Китая в приоритете должно быть накопление и расширение словаря с системным контролем его усвоения.

Говоря о специфических аспектах этнопсихики китайских учащихся, которые важны для поддержания их мотивации в овладении лексикой РКИ, следует заметить, что в процессе оптимизации разрабатываемых ЛДМ необходимо ориентироваться на развитую интуицию студентов из Китая, позволяющую им активно пользоваться контекстуальной догадкой, доминирование визуального канала восприятия, что определяет зрительно-двигательный тип памяти, развитость мнемических способностей и др.

Таким образом, современные ЛДМ в теории и методике обучения лексическому аспекту РКИ тесным образом взаимосвязаны с углубленным знанием не только требований государственных стандартов и лексических минимумов, но и национально-культурной специфики студентов из Китая. В настоящее время ЛДМ заключают в себе огромный потенциал, позволяя оптимизировать структуру учебной деятельности, активизировать познавательную самостоятельность обучаемых, а также реализовать личностно-ориентированный подход к учебному процессу. Рассмотрение ЛДМ как базиса обучения лексическому аспекту РКИ приводит к выводу о том, что их применение в учебном процессе при работе с китайскими студентами обладает большим количеством преимуществ, позволяя оптимизировать учебную деятельность и облегчить трудности овладения учащимися из Китая лексиконом русского языка.

Литература

1. Агеева Ю. В., Ван Мо. Текст для специальных целей в профессиональном дискурсе // Филология и культура. *Philology and culture*. – 2020. – № 2(60). – С. 7–11.
2. Акимова И. И. Актуальные задачи лингводидактики в условиях смены контингента иностранных учащихся // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур: мат-лы междунаrodn. форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой». – 2016. – С. 268–275.
3. Амиантова Э. И. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник МГУ. – 2001. – № 6. – С. 215–233.
4. Архипова Е. В. Принципы отбора лексики для изучения русского языка как родного и как иностранного в сопоставительном аспекте //

Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2017. – № 22–3. – С. 49–52.

5. *Милованова И. С.* К вопросу о создании учебных пособий нового поколения // Традиции и новации в преподавании русского языка как иностранного. – 2006. – С. 117–123.

6. *Светенко Т. В.* Теоретические основы моделирования инновационных образовательных систем: дис. ... д-ра педагогических наук. – СПб., 1999. – 436 с.

7. *Шаклеин В. М.* Русская лингводидактика: история и современность: учебное пособие. – М.: РУДН, 2008. – 209 с.

Автор:

Хабудуахи Мадина – аспирант кафедры русского как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия; e-mail: madina.habidulla@mail.ru

Author:

Madina Habidouaxi – Postgraduate Student, Department of the Russian as a foreign language, Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russia; e-mail: madina.habidulla@mail.ru

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье исследуются механизмы соединения двух литературных форм: притчи и романа. Прослеживаются точки соприкосновения и расхождения оценочных характеристик. Обозначены дидактические цели притчи и романа. Предлагаются аргументированные выводы.

Ключевые слова: дидактика, художественный текст, притча, роман, повесть, автор, читатель, жанр.

T. A. Khitárova

DIDACTIC CAPACITY OF A LITERARY TEXT

Abstract. Regularities of connection of two literary forms: parables and novels are investigated in this article. The aspects of contact and divergence are analyzed in the evaluation characteristics. The didactic aims of parables and novels are denoted. Reasoned conclusion is given.

Keywords: didactics, literary text, parable, novel, story, author, reader, genre

В переводе с греческого «дидактика» означает «поучающий»; данный термин применим не только к системе обучения и образования, определению целей, содержания, методов и достигнутых результатов, но и к функциям художественного текста.

В рамках заявленной темы необходимо разграничить дефиниции художественного текста и художественного произведения. Архитектура художественного текста представляет собой рамочную систему, статус произведения обозначается при выходе за пределы данных рамок и превращении в метазнак художественной культуры. Художественному тексту присущи определенные эстетические черты, включая информативную составляющую, позволяющую характеризовать его как культурологическую ценность. Суггестивный охват читательской аудитории значим, учительные маркеры, явные и скрытые, дают возможность анализировать тексты с точки зрения дидактической направленности.

Методологические нормы построения дидактических понятий в данном случае подразумевают общие и частные аспекты обучения через художественный текст.

Первые дидактические мысли высказывались в античную эпоху. Дидактическая система проходила долгий путь формирования,

трансформации, закрепляясь в коллективном бессознательном, в системах различных этносов и эпох. Дидактическая функция представляла собой объем знаний по различным направлениям человеческих знаний, строенных в тексты. Расцвет дидактической литературы – Средневековье. Известны предписания по соблюдению морально-этических норм, правила поведения в быту (русский «Домострой») куртуазно-любовное поведение, наставления по соблюдению праведной жизни [Аверинцев 1983].

Развитие книжной культуры явилось своеобразным толчком к созданию малых форм назидательных текстов. Заметным явлением стало народное и авторское дидактическое творчество: сказки, пословицы, басни. Учительная литература была представлена в церквях. Духовенство предлагало соборные чтения, которые заменяли проповедь и были направлены на нравственное воспитание общин.

Особое место в ракурсе рассматриваемого вопроса занимает притча – короткий назидательный рассказ в иносказательной форме, направленный на нравственное поучение – мораль. Особую известность приобрели притчи Соломона, Евангелие. Следует отметить: интерес к притче не рассеивается с течением времени. Ожегов приводит такое определение притчи: «в религиозной и старой дидактической литературе: краткий иносказательный поучительный рассказ» [Ожегов URL].

Популярны в наши дни печатные издания, в которые включены библейские, греческие, даосские еврейские, суфийские, христианские притчи (см., например, [Агада 2014]).

Соединяясь с иными литературными жанрами, притча, по-прежнему, не дает готовых ответов на подтекстовые вопросы. Так, яркой иллюстрацией соединения притчи и повести является художественное произведение Э. Хемингуэя «Старик и море». Вопросы одиночества, поиска смысла бытия, веры и неверия, жизненного поражения звучат вне времени и вне определенного лингвокультурологического пространства.

К притчевой художественной литературе исследователи относят творчество Кафки, Борхерта, Брехта, Сартра, Камю. Притчевая основа прослеживается и в русской литературе: А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев.

Детская русскоязычная литература активно выполняет дидактические функции: К. Чуковский, А. Барто, С. Михалков, В. Драгунский, Е. Ульева, В. Осеева и другие.

В современном дидактическом пространстве появились концепты: СМИ-дидактика, цифровая дидактика, которая больше относится к построению стратегий обучения на разных его этапах.

Спорным у литературоведов, исследователей остается вопрос о дидактических задачах современной литературы. В этой связи является уместным рассмотрение вопроса соединения притчи и романа с притчевым началом, как наиболее масштабного литературного формата.

Притча – малый литературный жанр, не скованный авторством, хотя авторство может присутствовать в нарративе, это присутствие носит сакральный характер. Священный мудрец – автор притчи – представлен как Учитель, роль Ученика-слушателя скромна, наполнена вниманием и последовательным эстетическим поведением. Яркие примеры притч: Соломоново решение, Фарисей и мытарь, Стяжание, Сеятель и другие, не потерявшие своего актуального смысла и сегодня.

В романе с притчевым началом взаимоотношения Автора и Читателя иные. Отсутствует прямое назидание и поучение. А интерпретация текстов, сюжетов, диалогов – норма мыслительного соединения романиста и читателя.

Дидактический посыл романа часто завуалирован, порой прослеживаются амбивалентные смыслы, разнонаправленные векторы. Идея произведения, а следовательно, текста, может быть размытой, а иногда сам читатель становится участником интерактивного сюжета.

Смыслы произведения коррелируются с объемом романа и представляют определенную свободу читателю в интерпретации текста. В романе предлагаются пейзажные, психологические, личностные характеристики, оценочные модули. Притча лаконична, нацелена не на морализацию личности, а на житейскую мудрость, помогающую преодолеть трудности независимо от языка, культуры, эпохи; шкала ценностей архетипична, отклонение от главной цели недопустимо.

Следует отметить, что: «именно художественные произведения дают обучающимся возможность эмоционального и психологического погружения в ситуативно-событийные обстоятельства, оценки лексического наполнения текстов. Чтение произведения – это «живой» язык в художественно представленных обстоятельствах. Тексты могут быть адаптированными, это не уменьшает их значимости, а далее, по мере овладения языком, оригинальными. Существуют объективные мотивы в изучении иностранного языка: использование в профессиональной деятельности, быстрый доступ к необходимой информации, языковая уверенность в зарубежных командировках и стажировках» [Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А. 2019: 166] Очень важным является вовлечение студентов в процесс обучения посредством художественных текстов, предлагаемый материал несет в себе лингвокультурологическую ценность, нагрузку, заряд прагматических принципов, а также обладает дидактическим потенциалом.

Один из главных выводов: жанровое несовпадение, элементы структурного антагонизма не препятствуют соединению двух жанров – романа с притчевым началом и притчи.

Следующие выводы: у притчи и романа есть точки соприкосновения в изображении житейских ситуаций, наполненных жизненным опытом.

Оба жанра существуют в посюстороннем мире, чаще всего исключено присутствие мистических образов; роман, благодаря своему масштабу,

охватывает разные стороны жизни человека, притча событийна, сосредоточена на одном эпизоде жизни человека. В притче речь идет об однозначном экзистенциальном времени, в котором происходит приобщение сознания к высшей правде, время приближается к литургическому времени, сохраняя свой бытовой характер. Таким образом, притча становится сюжетной базой масштабного произведения, которое эволюционирует и приобретает иные жанровые признаки.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Истоки и развитие раннехристианской литературы: в 9 т. – Т. 1. – М., 1983.
2. Агада. Большая книга притч, поучений, сказаний. – М.: Эксмо, 2020. – 672 с.
3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Slovarozhegova.ru. – Дата обращения 7.03.2021.
4. *Хализев В. Е.* Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2000.
5. *Хитарова Е. Г., Хитарова Т. А.* Изучение англоязычной литературы во внеаудиторном образовательном пространстве в неязыковом вузе // Качество высшего образования в аграрном вузе: проблемы и перспективы. Сборник статей по материалам учебно-методической конференции. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019.
6. *Юнг К.* Архетипы и коллективное бессознательное. Классики психологии. Серия: Философия NeoClassic. – М.: АСТ, 2019.

Автор:

Хитарова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия.

Author:

Khitarova Tatyana A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Krasnodar, Russia.

**ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИСХОДНЫХ ТЕКСТОВ СО
СТИЛИСТИЧЕСКИМИ ЧЕРТАМИ ЭЛЛИПТИЧНОСТИ
НА УРОКАХ ПО РАЗВИТИЮ РЕЧИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ
ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

Аннотация. В статье описаны обучающие возможности исходного дидактического материала на основе трансформационных упражнений, участвующих в формировании умений и навыков разговорной речи студентов-инофонов (уровень владения русским языком по шкале: ТРКИ – 1, ТРКИ – 2). В результате автор приходит к выводу, что, работая с учебно-обучающими текстовыми упражнениями, студенты, с опорой на исходный дидактический материал с чертами эллиптичности, могут создавать собственноречевые высказывания, повышая навыки разговорной речи.

Ключевые слова: развитие речи, исходный текст, трансформационный текст, трансформационные упражнения, русский язык как иностранный.

I. I. Yazykov

**THE TEXT-FORMING FUNCTION OF SOURCE TEXTS WITH
STYLISTIC FEATURES OF ELLIPTICITY IN SPEECH
DEVELOPMENT CLASSES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE**

Abstract. The article describes the learning capabilities of the original didactic material based on the transformational exercises involved in the formation of speaking skills and abilities of the students of foreign languages (level of Russian language proficiency on the scale: TRKI - 1, TRKI - 2). As a result, the author concludes that working with teaching and learning text exercises, students, relying on the original didactic material with the features of ellipticity, can create their own speech statements, improving the skills of colloquial speech.

Keywords: speech development, source text, transformational text, transformational exercises, Russian as a foreign language.

Уроки по развитию речи иностранных учащихся занимают важное место в курсе изучения русского языка как иностранного. Для формирования навыков разговорной речи у иностранных обучающихся, учителя-словесники часто комбинируют учебный материал для достижения высоких учебных результатов.

Как отмечают А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко, «современное общество нуждается в высококвалифицированных специалистах со знанием русского языка как иностранного, которые должны <...> свободно владеть русским языком и уметь общаться <...>» [Дейкина, Янченко 2018: 48].

Основные цели и задачи уроков по развитию речи основаны на формировании умений и навыков вести коммуникацию на изучаемом языке.

Для достижения предметных целей изучения русского языка, используются упражнения, построенные на текстовой деятельности. Функция данных упражнений заключается не только в формировании навыков разговорной речи, учебно-обучающие текстовые упражнения направлены на активизацию мыслительной деятельности, развитие навыков письменной коммуникации, выявление текстообразующей функции и другими.

Так, на элементарном уровне общего владения русским языком как иностранным студент должен уметь «самостоятельно продуцировать связанные высказывания в соответствии с предложенной темой и коммуникативно заданной установкой» [Владимирова 2001: 10].

Для достижения поставленного результата на уроках традиционно используются «специально составленные или адаптированные сюжетные тексты (на основе лексико-грамматического материала, соответствующего элементарному уровню)» [Владимирова 2001: 10].

Руководствуясь государственным стандартом по русскому языку как иностранному, мы предположили, что уроки по развитию речи иностранных обучающихся могут быть дополнены такими текстами, которые обладают текстообразующей функцией (исходные тексты со стилистическими чертами эллиптичности).

Под исходными текстами со стилистическими чертами эллиптичности понимается «пропуск в речи какого-нибудь легко подразумеваемого слова, члена предложения» [Ожегов, Шведова 1949–1992], которые можно легко восстановить в контексте исходного текста, самостоятельно подобрав лексическую и/или лексические единицы для уместной вставки их в контекст предложения на место пропуска.

Данная текстовая деятельность по конструированию предложений на базе исходного дидактического материала помогает обучающимся формулировать мысли, определять тему исходного текста, создавать собственные тексты с опорой на исходный дидактически материал.

Данным текстам присущи эллиптические черты, которые позволяют создавать авторский текст, трансформируя текст исходный. Для реализации данных целей на уроках могут быть использованы трансформационные упражнения.

«Под трансформационными упражнениями мы понимаем такие упражнения, в которых учащиеся могут продуцировать высказывания в процессе синтеза опорных текстовых элементов в целостный и связный текст» [Языков 2020: 143].

В. Д. Янченко отмечает: «практические задания, построенные на незавершенных материалах, создают возможность для формирования вероятностного прогнозирования у студентов, изучающих РКИ» [Янченко 2015: 178–184].

При работе с заданиями трансформационных упражнений перед учащимися стоит задача прочитать исходный текст и самостоятельно подобрать уместную для данного текста и/или фрагмента предложения лексическую единицу и употребить её в контексте данного предложения на месте пропуска. Данная мыслительная деятельность побуждает понять и проанализировать исходный текст, продумать последующее письменное или устное воспроизведение лексических единиц.

В свою очередь, реализуя данные упражнения в практическом курсе обучения русскому языку как иностранному, учитель на своё усмотрение ставит следующие задачи перед обучающимися.

1) Учащимся предлагается заполнить пропуски в исходном тексте, подобрав лексическую единицу и/или лексические единицы и употребить их в контексте исходного текста (письменно). Пример задания: (см. *таблицу 1*).

2) Вниманию учащихся предлагаются фрагменты текста с эллиптическими чертами. Фрагменты подобного текста наглядно транслируются при помощи проектора (дидактический материал готовится в виде презентации). Если использование проектора не представляется возможным, дидактический материал записывается на аудиторной доске. Обучаемым даётся время на мысленную обработку материала, построения смыслового отрезка текста(-ов), которые предполагается встроить в исходный дидактический материал. Затем происходит процесс фронтального опроса обучающихся. Преимущества данного урока заключаются в том, что при проведении фронтального опроса у обучающихся есть дополнительная возможность проговаривать идеи для будущего текста, затем, после восстановления исходного дидактического материала в целостное предложение, произносить его вслух. Результатом подобной работы является трансформационный текст с элементами собственно-авторских вставок. В процессе работы с дидактическим материалом рекомендуется исправлять допущенные студентами ошибки (стилистические, грамматические и ошибки речевого характера).

Желательно комбинирование описанных упражнений на уроках по русскому языку как иностранному. Первая задача формирует у иностранных обучающихся письменные навыки и полезна в том случае, если работа проводится в большой аудитории студентов. Вторая задача будет полезна в том случае, если аудитория учащихся позволяет выполнить упражнения таким образом, чтобы педагог смог обсудить варианты готовых предложений обучающихся, а каждый учащийся смог поучаствовать в процессе

текстообразующей деятельности, успеть представить свои варианты письменных работ, обсудить написанные тексты, исправить допущенные ошибки.

Приведём короткие примеры трансформационного упражнения со стилистическими чертами эллиптичности в исходном тексте (*таблица 1*).

Данный дидактический материал является дополнением урока по развитию речи на тему «знакомство».

Перед началом выполнения данных упражнений рекомендуется пройти и/или повторить материал в соответствии с темой урока, повторить этикетные правила и формы приветствия и т. д.

В рамках данной статьи мы не будем подробно описывать ход урока. Уроки по формированию и развитию разговорной речи иностранных учащихся подробно описаны в учебниках для преподавателей и студентов по русскому языку как иностранному. (см., например: [Хавроница 2009: 10–12]).

Тема урока: «Знакомство».

Задания.

1. Прочитайте текст.
2. Дополните текст на месте пропуска словами и/или словосочетаниями.
3. Постройте целостное предложение.

Таблица 1

- Здравствуйте, очень приятно ... (1) познакомиться! Меня зовут...- Доброе утро! Мы ещё не знакомы, ... (2), меня зовут ...- Добрый день, ... (3) нашему знакомству!- Добрый вечер! ... (4) Моё имя... А как вас зовут?

Предполагаемые ответы.

- (1) *С Вами.*
- (2) *Разрешите представиться.*
- (3) *Очень рад(-а).*
- (4) *Давайте познакомимся.*

Таким образом, тексты с незамещённым контекстом способны повышать умения и навыки разговорной речи иностранных обучающихся за счёт более глубокого анализа исходного текста. Работая с учебно-обучающими текстовыми упражнениями, студенты продумывают, фиксируют на бумаге и проговаривают будущий текст. Незамещённый контекст с чертами эллиптичности в дидактическом материале позволяет создавать авторские (трансформационные) тексты с опорой на текст исходный.

Литература

1. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Т. Е. Владимирова и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М.–СПб.: Златоуст, 2001. – 28 с.

2. *Дейкина А. Д., Янченко В. Д.* Некоторые тенденции современной методики преподавания русского языка как иностранного // Современная коммуникативистика. – 2018. – № 1. – С. 47–51.

3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка // Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/274290/> (дата обращения: 31.01.2021).

4. *Хавронина С. А.* Говорите по-русски. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2009. – 316 с.

5. *Языков И. И.* Трансформационный текст как инструмент формирования языковой догадки при обучении русскому языку как иностранному // Преподаватель. XXI век. – 2020. – № 3. – С. 142–148.

6. *Янченко В. Д.* Обучающий потенциал эффекта Зейгарник в преподавании РКИ // Преподаватель. XXI век. – 2015. – №1. – С. 179–180.

Автор:

Языков Игорь Иванович – ассистент кафедры русского языка как иностранного в профессиональном обучении. Московский педагогический государственный университет, Россия, г. Москва; e-mail: iyazykov@rambler.ru

Author:

Yazykov Igor I. – assistant of the department of Russian as a foreign language in professional education. Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia; e-mail: iyazykov@rambler.ru

З. Н. Якушкина, Л. Б. Пастухова

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ АСПЕКТОВ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗОВСКОЙ И ШКОЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. Статья посвящена описанию опыта работы по реализации лингвокультурологического и текстоориентированного подходов в обучении русскому языку. Авторы приводят примеры использования культуроведческих текстов при обучении студентов методике обучения русскому языку для приобщения учащихся к культуре народа.

Ключевые слова: лингвокультурологический и текстоориентированный подход к обучению, формирование культуроведческой компетенции.

Z. N. Yakushkina, L. B. Pastukhova

IMPLEMENTATION OF MODERN ASPECTS OF THE METHODOLOGY OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE UNIVERSITY AND SCHOOL PRACTICE

Abstract. The article describes the experience of implementing linguistic-cultural and text-oriented approaches in teaching the Russian language. The authors give examples of the use of cultural texts in teaching students the methodology of teaching the Russian language to introduce students to the culture of the people.

Keywords: linguoculturological and text-oriented approach to teaching, the formation of cultural competence.

При обучении студентов методике преподавания русского языка важно научить их понимать духовный мир носителей языка, а для этого необходимо изучение особенностей менталитета, в основе которого находятся базовые ценности русского народа. В последнее время в методике большое распространение получила мысль о необходимости оснащения учебного процесса лингвокультурологическими материалами, помогающими обучаемым овладеть базовыми понятиями культуры и осознать языковую картину мира русского народа.

Важным компонентом системы приобщения учащихся к культуре народа являются культуроведческие тексты, цель которых – расширение культурного кругозора обучаемых, обогащение речи учащихся словами с культурными компонентами, лексикой, используемой в социально-культурной среде. Это тексты, отражающие историко-культурные ценности народа.

«В духовный код русской культуры, в частности, входят «очеловеченные» образы зверей и птиц, населяющих русские сказки и басни, литературные произведения» [Дронов 2020: 172]. Тексториентированный подход к изучению методики русского языка требует оснащения учебного процесса именно такими материалами, как произведения устного народного творчества и произведения художественной литературы.

Опыт подобной работы реализован нами в учебном пособии [Якушкина 2020], в котором нашла отражение система творческих заданий, направленных именно на погружение учащихся в лингвокультурную среду. Перечислим некоторые задания.

Весьма удачной для работы с культуроведческими текстами кажется нам следующая миниатюра [Антипин 2020: 22–23], которую можно использовать на любом этапе изучения разделов методики. Мы включили её в раздел «Методика обучения лексике и фразеологии».

Задание 1. Прочитайте следующую миниатюру. Выясните значение выделенных слов. Скажите, какие из них вы бы заменили общеупотребительными словами. Почему?

Русские сказки

*В детстве моём приключилось: поймался в **корчагу** налима, бабушка завела тесто, протопила русскую печь и посадила **рыбник** – старинный, какие её мать пекла, из непотрошённого налима. Пришло время – вынула, смазала утиным крылышком, макая в топлёное масло, дала настояться в **рушнике** и только затем взялась резать. А налима-то и нет, один пустой мякиш! Кинулась к печи, стала **шуровать кочергой**, – налима тут и есть, запёкшийся. У бабки глаза **навылупку**! Побежала в проулок, где дед пилил дрова. Он-то и растолковал, что, видать, не убил, а лишь оглушил налима. Тот и ожил в тесте, когда стало горячо, да и выпрыгнул из пирога...*

*Ни бабушки, ни деда уже не было – произошёл другой интересный случай. Как-то осенью, после **ледостава**, иду на реку за водой. Навстречу – высокий седой бурят, учитель ОБЖ. В руках – два ведра. В одном – вода, из другого торчат топорнице и щучий хвост. Рассказывает, что прорубил лёд, наклонился с ведром – а там **щука**! **Кокнул** обухом. **Почерпнул** и понёс – хозяйке на уху...*

– Надо было желание загадать, Олег Андреевич! – говорю.

*– Да я загадывал, чтоб ведра сами шли. А **чё-то** не идут **ни хрена**!*

– Ну да! Сначала топором по голове, потом – желания...

Вместе посмеялись.

И вот пошёл он дальше, понёс щуку в ведре, смеша прохожих. А я чего-то расчувствовался, вспомнил бабушку с дедом, детство своё. И впервые понял совершенно определённо, что наши русские сказки – не такой уж и вымысел, и случись история с печью, пирогом и убежавшим налимом лет так тысячу назад – из неё обязательно произросла бы какая-нибудь волшебная история вроде «Колобка». Да и теперь: пойдя ведра учителя сами

по дымной от мороза улице – пожалуй, и не удивился бы! Потому что было детство. Были бабушка с дедом. И налим выпрыгивал из пирога.

В этот же раздел включено следующее задание, хотя оно уместно и в разделе «Методика развития речи»:

Задание 2. Важной задачей при обращении на уроках к пословицам при формировании культуроведческой компетенции является выявление их национально-культурного компонента семантики. Посмотрите, как можно сформулировать задания для учащихся, чтобы выявить связь пословиц с отечественной историей и культурой:

1) В каких пословицах народ давал свою оценку историческим событиям и деятелям? В чем она заключалась? *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Приехал Кутузов бить французов. Лучшие грозный царь, чем семибоярщина. Временщики родом велики, да недолговечны.*

2) Объясните, как вы понимаете следующие пословицы о городах: *Москва – всем городам мать; Новгород – отец, Киев – мать, Москва – сердце, Петербург – голова; Москва белокаменная, златоглавая, хлебосоляная, православная, словоохотливая?*

3) Что мы можем узнать о быте русского народа из следующих пословиц и поговорок: *плясать от печки; готовь сани летом, а телегу зимой; что посеешь, то и пожнешь; хлеб да вода – здоровая еда?*

Для раскрытия особенностей лингвокультурологического урока речевого развития и выявления ключевых слов-концептов студенты получают следующие задания:

Задание 3. Какие произведения русской литературы можно предложить учащимся для работы над культуроведческими темами «Русский дом: жизнь и судьба», «Роль дома, его устройство и образ жизни в русской культурной традиции».

Задание 4. Лингвокультурологический подход в обучении русскому языку в школе является одним из приоритетных направлений в методической науке, обеспечивающих приобщение обучаемых к национальной культуре и способствующих усвоению ими языка во всей его полноте. Прочитайте разработанный студентом пример лингвокультурологического проекта. Ответьте на следующие вопросы:

1. В чём сущность данного проекта?
2. Что бы вы добавили в каждую из страниц проекта?
3. Предложите ваши темы, имеющие особо ценностное значение для русского народа.

Лингвокультурологический проект «Волга-Матушка» подготовлен студенткой 5 курса профилей «Русский язык и литература» Харисановой Н. В. и состоит из лексикографической, этимологической, словообразовательной, фразеологической, фольклорной, литературной, искусствоведческой, культурологической страниц [Якушкина 2020: 26].

Для облегчения работы учащихся над подобными проектами мы даём список статей из журнала «Русский язык в школе», в которых приводится опыт работы учителей, методистов, учёных. Среди них такие фамилии, как **Добротина И. Н.** (Формирование лингвокультурологической компетенции учащихся в системе современного школьного языкового образования (на материале фольклорных текстов) // Русский язык в школе. – 2017. – № 8. – С. 3–8, № 9. – С. 3–6), **Мишати́на Н. Л.** (Виртуальный концептуарий культуры «доминанта души» и его методический потенциал // Русский язык в школе. – 2016. – № 7. – С. 3–7.), **Черникова Н. В.** (Лингвокультурологические аспекты работы со словом (Материалы к урокам словесности) // Русский язык в школе. – 2017. – № 4. – С. 17–21) и многие другие. Например:

Задание 5. Подготовьте презентации для проектно-исследовательской работы на материале следующих статей (далее даётся список из 32 наименований).

Важной частью педагогического образования является воспитание обучаемых. При отборе произведений для анализа и закрепления навыков мы обращаем внимание на тексты, где приводятся примеры педагогических и воспитательных просчётов. Так, в самом начале учебного пособия приводится отрывок из детективного романа А. Марининой о травле школьницы Зои Смирнягиной педагогическим коллективом школы. По признанию самого автора, это было на самом деле с ней. Также интересным нам представляется пример воспитания детей в цыганских семьях.

Задание 6. Для формирования личностных качеств учащихся необходим подбор текстов для чтения и анализа, которые имеют воспитательное значение. Прочитайте отрывок из романа Дины Рубиной «Наполеонов обоз» и сделайте вывод о том, как учатся дети цыган на примере своих родителей и хороший ли это пример.

В отрывке рассказывается, как цыганки *«трудились неустанно, чтобы семью прокормить: кур воровали, ездили в город гадать, заморачивая голову какой-нибудь наивной дурёхе; выуживали кошельки у матерей семейств – всё это не за грех считалось, а за добродетель: забота о детях, о семье – дело святое. («Наш бог, – говорил тот же Лачо, – нам всё разрешил: гулять-воровать, грабить-убивать!»)* [Якушкина 2020: 34–35].

Таким образом, кроме изучения основных разделов курса методики обучения русскому языку, студенты учатся понимать духовный мир и русское языковое сознание.

Литература

1. *Антипин А.* Живые листья // Наш современник. – 2020. – № 12. – С. 7–25.

2. *Дронов В. В., Синякин В. П., Шляхов В. И.* Словарь-учебник «Мир зверей и птиц в русском языковом сознании» как средство осознания языковой культуры мира русского народа // Теория речевой деятельности:

вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, У.М. Бахтикиреева, О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Л.С. Жукова, С.В. Дмитриук. – М.: Издательство «Канцлер», 2019 – С. 173.

З. Якушкина З. Н. Современные аспекты методики обучения русскому языку: система творческих заданий: учебное пособие / З. Н. Якушкина, Л. Б. Пастухова. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2021. – 111 с.

Авторы:

Якушкина Зинаида Никитична – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: zinaalevtinina@mail.ru;

Пастухова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: lydmila.pastukhova.57@mail.ru

Authors:

Yakushkina Zinaida N. – Candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: zinaalevtinia@mail.ru;

Pastukhova Lyudmila B. – Candidate of Philology, Associate Professor, Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; email: lydmila.pastukhova.57@mail.ru

РАЗДЕЛ 8.
ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 821.133.1-312.1Вольтер+821.133.1-343Сент-Экзюпери

К. А. Авинова, Е. Н. Николаева, О. А. Бычкова

**ФИЛОСОФСКАЯ ПОВЕСТЬ ВОЛЬТЕРА «МИКРОМЕГАС» И
«МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ» А. ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ**

Аннотация. В статье рассматриваются философская повесть Вольтера эпохи Просвещения и философская сказка Экзюпери литературы первой половины 20 века с точки зрения изображения человека в его бесконечно сложных и непрерывно меняющихся связях с обществом.

Ключевые слова: философская повесть, философская сказка, просвещение, реализм, гуманизм, пространство, путешествие.

К. А. Avinova, E. N. Nikolaeva, O. A. Bychkova

**THE PHILOSOPHICAL STORY BY VOLTER «MICROMEGAS»
AND «THE LITTLE PRINCE» BY A. DE SAINT-EXUPERI**

Abstract. The article deals with the philosophical story of Voltaire of the Enlightenment and the philosophical fairy tale of Exupery of the literature of the first half of the 20th century from the point of view of depicting a person in his infinitely complex and continuously changing relations with society.

Keywords: philosophical story, philosophical tale, enlightenment, realism, humanism, space, travel.

На смену эпохи Возрождения пришла эпоха Просвещения, которая сохранила в себе идеи гуманизма, а также привнесла рационалистическую направленность. Литература и искусство Просвещения насквозь пронизаны философской проблематикой. Этим объясняется появление такого литературного жанра, как философская повесть, где авторы ставят на первое место личность отдельного человека, ценность его жизни, роль и значение индивида в обществе.

В литературе XX века наблюдаем, как меняются и расширяются все принципы реализма, когда человек изображается в достаточно трудных и разных связях с обществом. Основным принципом реализма является принцип жизненной правды. Реализм становится более философичным, отсюда сложность и непредсказуемость литературного героя.

В философских произведениях Вольтера «Микромегас» и А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» авторы поднимают глобальные проблемы в

обобщенно-отвлеченном виде. Они смотрят на землю боковым зрением, даже свысока, с такого положения земля предстает огромной родиной людей, то есть «землей людей».

В философской повести «Микромегас» Вольтер рассказывает о путешествии двух великанов, жителей Сириуса и Сатурна на нашу Землю. Здесь автор поднимает такие важные темы, как границы человеческих познаний, сущность вещей, жизнь и смерть, врожденные идеи. Микромегас восхищен познаниями людей. Он обещает им ответить на вопрос о сущности вещей, но сделать это могут только сами люди.

В философской сказке «Маленький принц» автор поднимает глобальные темы. Одной из них является тема бытия. Смысл человеческой жизни заключается в том, чтобы постичь её, максимально приблизиться к сущности. Следующая важная философская тема, которую затрагивает автор, это тема непонимания, отчужденности людей. Здесь автор затрагивает не просто тему непонимания между взрослым и ребенком, а тему отчужденности, одиночества людей в космическом масштабе. Человеческая душа омертвела, и это неизбежно приводит к одиночеству.

В обоих произведениях есть общие философские мотивы, но какие же изменения претерпела модель, рожденная в 18 веке? В философской сказке «Маленький принц» монофония еще не умеющего чувствовать сердца превращается в полифонию для того, чтобы позже трансформировать полифонию познания в новую, обогащенную диалектическую монофонию чувства искреннего, доброго и любящего сердца. Такой прием ранее использовали авторы философских повестей.

Для художественной системы философских повестей Вольтера характерно наличие образов, построенные по определенной модели: учитель – ученик, учитель – ложный учитель. В философской сказке 20 века при формальном сохранении нагрузки образов происходит трансформация содержания. Так, жителей планет, посещаемых Маленьким принцем, традиционно рассматривают как персонажей второго плана с закрепленной номинативной характеристикой, а отсюда их формальное деление: учитель (Фонарщик и Король) и ложный учитель (Пьяница, Деловой человек, Географ). Происходит попытка смещения функций образов из сферы «учитель – ложный учитель» в сферу «учитель – ученик», что в полной мере воплотится только при общении с обитателями Земли [Михальская 2002 : 326–327].

В философской повести Вольтера «Микромегас» можно увидеть ту схему, которая отчасти реализуется и в «Маленьком принце»: герой Микромегас покидает родную планету Сириус и путешествует по Вселенной, ведет философские беседы с сатурнианцем, которого берет в спутники, и они вместе «5 июля 1737 года по новому стилю прибыли на Землю, а именно на северное побережье Балтийского моря» – мотив путешествия как духовного пути с элементами многочисленных философских диалогов.

Также «Маленького принца» с повестью Вольтера сближают прием вплетения точных деталей в фантастическое повествование: в «Микромегас» Вольтер облакает совершенно невероятную историю в плоть точных цифр и конкретных деталей, что подчеркивает фантастичность происходящего и абсурдность изображаемого бытия. Вольтер, описывая своего героя, пишет следующее: *«Росту в нем было восемь лье; под восьмью же лье я подразумеваю двадцать четыре тысячи геометрических шагов, каждый по пять футов. Иные алгебраисты, люди, во все времена необходимые обществу, вероятно тут же схватятся за перья и, проделав вычисления, придут к следующему неоспоримому выводу: поскольку в обитателе системы Сириус господине Микромегасе от пяток до макушки двадцать четыре тысячи шагов, что составляет сто двадцать тысяч футов, а мы, земные обитатели, редко бываем выше пяти футов, и поскольку окружность нашей планеты составляет девять тысяч лье, то, следовательно, планета, откуда он происходит, по окружности в двадцать один миллион шестьсот тысяч раз больше нашей крохотной Земли. Что ж, в природе подобные явления естественны и отнюдь не редкость»* [Вольтер 1985: 123]. Отрывок этот убедительно иллюстрирует идею о родстве «Маленького принца» с философской сказкой Вольтера. В «Маленьком принце» герой-рассказчик пишет, что приводит все эти факты и цифры для взрослых, потому что *«взрослые обожают цифры»*: *«Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом! Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что, кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют еще сотни других, которым даже имен не дали, и среди них такие маленькие, что их и в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например, астероид 3251. У меня есть веские основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется астероид Б-612. Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом»* [Экзюпери 2003: 389–390].

Из общей тематики и схожих приёмов вытекают и одинаковые проблемы данных произведений. Роднит повесть и сказку, во-первых, проблема поиска смысла жизни (сущность бытия): Маленький принц – это личность, все еще не определившаяся со своим статусом. Он в поисках своего места в жизни, со своими планами на будущее. Герой произведения ищет себя и не может принять судьбу. Все эти проблемы он пытается решить в ходе путешествия. Микромегас, так же, как и Маленький принц, не может найти свое место в этом мире: *«он отправился путешествовать по чужим планетам, чтобы, по известному выражению, завершить образование ума и сердца»* [Вольтер 1985: 124]. Проблему сущности бытия пытаются решить в ходе спора люди и великаны. Микромегас даже обещает *«написать для них философский трактат, из которого они смогут узнать о мире все от начала до конца»* [Вольтер 1985: 142], но почему-то все страницы в этом трактате

«сияют девственной белизной», то есть вопрос поиска смысла жизни остается открытым. И у Вольтера, и у Экзюпери проблема поиска смысла жизни раскрывается сквозь испытание сомнением героев в собственных силах и возможностях, таким образом приводя к выводу, что весь жизненный путь человека есть путь самосовершенствования, развития и познания глубины простых истин жизни. Авторы высказывают идею, что единственный способ достичь этой цели – открыть свою душу другому.

Во-вторых, общей является проблема определения человеческой души: в «Маленьком принце» Экзюпери через образ ребенка отмечает, что именно дети, с их чистой душой, являются носителями уникальной интуиции и мудрости, которая резонирует с Вселенной. В «Микромегасе» Вольтера такими «детьми» можно назвать жителей планеты Земля. Микромегас удивляется, что люди настолько осведомлены о душе, они цитируют Аристотеля, Декарта, Мальбранша, Лейбница, Локка [Гарбакова, 2016].

И, наконец, нельзя не упомянуть, что оба философа в своих произведениях рассуждают о безграничности человеческих познаний. Для этого нет никаких препятствий: ни размер (великаны и карлики), ни возраст, ни местонахождение.

Если сравнивать главных героев, внешне противопоставленных, то прослеживаются общие черты: и Микромегас, и Маленький принц – обитатели космических пространств, владельцы планет, которые отправляются путешествовать и оказываются на планете Земля вместе со своими спутниками. Микромегас для того, чтобы «завершить образование ума и сердца», а Маленький принц надеется, что знакомство с новыми людьми на других планетах поможет ему понять себя, этот мир, приобрести недостающий опыт.

Оба героя очень талантливы с момента рождения: *«Господин Микромегас – один из самых просвещенных умов: он очень многое знает и даже что-то изобрел. Он сам, собственным разумом, дошел до доказательства более чем пятидесяти теорем Эвклида, когда ему еще не было и двухсот пятидесяти лет. Едва выйдя из отрочества, в четыреста пятьдесят лет, Микромегас принялся препарировать тех мельчайших, недоступных для наблюдения в обычную лупу, насекомых, диаметр которых не достигает и сотни футов; впоследствии он написал о них прелюбопытнейшую книгу, чем, правда, навлек на себя некоторые неприятности»* [Вольтер 1985: 124]; Маленький принц несмотря на свой юный возраст, ответственен и мудр, деятелен и трудолюбив. Он является хозяином небольшой планеты, за порядком и чистотой которой он следит изо дня в день.

Сходятся их точки зрения и в общем выводе о том, что люди, какими бы они ни были разумными, по словам Микромегаса, не умеют быть счастливыми, не умеют хранить и беречь то, что им дано. Они всегда живут в погоне за чем-то мимолетным и непостоянным, пренебрегая вечными ценностями.

Таким образом, философской сказке А. де Сент-Экзюпери философская повесть XVIII века близка прежде всего своей гуманистической направленностью. Как в повестях эпохи Просвещения, так и в сказке двадцатого столетия сохраняется конкретный тип героя, построенный по особой модели. Перед нами не просто человек, познающий жизнь, а чистая душа, попавшая в новые, нехарактерные для нее условия существования, которые оказываются зачастую не созидательными, а разрушительными для ее мира.

Важно отметить, что философскую повесть XVIII века и сказку А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» объединяет и характер пространственных отношений: совмещение реального и вымышленного пространства. Это является одной из жанроопределяющих черт литературной сказки.

Литература

1. *Антуан де Сент-Экзюпери*. Южный почтовый. Ночной полет. Планета людей. Военный летчик. Маленький принц. Цитадель / А. де Сент-Экзюпери. – Санкт-Петербург. – НФ «Пушкинская библиотека», 2003. – 875 с.
2. *Вольтер*. Философские повести / Вольтер. – М.: Правда, 1985. – 521 с.
3. *Гарбакова П. А.* Философские размышления в сказке Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц» [Электронный ресурс] / П. А. Гарбакова. – Режим доступа: <https://infourok.ru/nauchno-issledovatelskaya-rabota-filosofskie-razmishleniya-v-skazke-antuana-de-sentekzyuperi-malenkiy-princ-1093078.html>.
4. *Михальская Н. П.* Зарубежная литература XX века: практикум: пособие для вузов / сост. и общ. ред. Н. П. Михальской, Л. В. Дудовой. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – С. – 326–327.

Авторы:

Авинова Ксения Анатольевна – студентка 5 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; ksusha.avinova@mail.ru

Николаева Елена Николаевна – студентка 5 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; nikalenanik1@yandex.ru

Бычкова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: volechka@bk.ru

Authors:

Avinova Ksenia A. – 5th year student of the Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; ksusha.avinova@mail.ru

Nikolaeva Elena N. – 5th year student of the Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; nikalenanik1@yandex.ru

Bychkova Olga A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Culturology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: volechka@bk.ru

БУКВЫ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Аннотация. В статье рассматриваются русские фразеологизмы, содержащие в своем составе названия букв русского алфавита, описывается семантика этих фразеологизмов, анализируется история их возникновения и развития.

Ключевые слова: старославянский язык, русский язык, фразеологизм, пословица, поговорка.

К. А. Avinova, T. N. Yurkina

THE LETTERS OF THE OLD SLAVONIC LANGUAGE IN RUSSIAN PAROEMIAS AND PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract. The article deals with Russian idioms, containing the names of the letters of the Russian alphabet, describes the meanings of these idioms, analyzed the history of their origin and development.

Keywords: the old Slavonic language, Russian language, idioms, proverb, saying.

Современный русский язык по своему происхождению входит в индоевропейскую семью, составляя славянскую группу. Внутри славянской группы выделялись три подгруппы – западнославянская, южнославянская и восточнославянская. В восточнославянскую подгруппу славянских языков входили русский (великорусский), украинский (малорусский) и белорусский языки. Именно поэтому между этими языками очень много общего, особенно в плане лексики. Однако есть общие моменты и с языками из других славянских групп, прежде всего это общеславянские элементы (корни слов общеупотребительной лексики славянского происхождения, термины родства, числительные до пяти, названия животных и растений, которые окружали человека и т. п.). Одним из славянских языков является старославянский язык, входивший в южнославянскую подгруппу.

В настоящее время старославянский язык – это мертвый язык. На нем не общаются и, в принципе, никогда и не общались. Старославянский язык имел книжный характер и был специально создан в 863 г. для нужд церкви солунскими братьями Константином (Кириллом) и Мефодием на базе греческого письма – византийского унциала (см. подробнее в [Иваницкая 2011, Иванова 2005, Запругаева 2004, Селищев 2013, Хабургаев 1986]). Именно на базе старославянского алфавита и возник русский алфавит, поэтому

естественно, что многие буквы старославянской азбуки стали русским буквами. В процессе развития русского языка алфавит претерпел изменения, и в результате проведения реформ азбуки и орфографических реформ многие буквы утратились или заменились новыми, например, редуцированные *Б* и *Ъ*, *С* (зело), *І* (и десятичное), *ОУ* (оук), *Ω* (омега), *Ж* (юс большой), *А* (юс малый), *Ѣ* (ять), *Ѩ* (пси), *Ѥ* (кси), *Ѧ* (фита), *Ѯ* (ижица).

В любом языке жанры устного народного творчества, а также пословицы, поговорки и фразеологизмы фиксируют и сохраняют особенности быта, культуры и языка народа. В русских пословицах и поговорках мы можем найти информацию о том, какие изменения происходили в русском алфавите и как русский народ относился к процессу обучения. Конечно, люди понимали необходимость изучения грамоты и просвещения: *Если хочешь познать истину, начни с азбуки. Сначала аз да буки, а потом и науки. Азы да буки избавляют от муки. Но людей часто пугала сложная грамота: Азбуку учат – на всю избу кричат. Аз, буки, веди страшат, что медведи.*

Сейчас русские буквы называются по-другому – «а», «бэ», «вэ» и т. д. Эти названия появились сравнительно недавно. В современном русском языке не используются старые варианты названий букв, в результате графических реформ некоторые буквы даже исчезли. Однако, хотя они исчезли из алфавита, сохранились в пословицах и поговорках [ФСРЛЯ 2001].

Первой буквой русского алфавита была буква А, которая читалась как «азь». Именно начальной позицией буквы в алфавите, на наш взгляд, объясняется большое количество выражений с ней: *азы науки* – основы науки; *начинать с азов* – с простых вещей; *ни аза не знать* – ничего не знать; *от аза до ижицы* – от начала до конца; *сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет* – о человеке, который не знает самого простого (даже аза), а других людей упрекает в незнании сложного (ижицы).

Буква Г («глаголь»). *Ходить глаголем* – изогнувшись, в виде буквы Г. *Не миновать глаголя* – не избежать наказания. На возникновение этих фразеологизмов повлияла форма буквы Г.

Буква Д (название «добро»). У названия буквы «добро» тоже непростая история. Так называли жёлтый флаг во флотской флажной сигнализации. Значение этого флага: «Да, согласен, разрешаю». Поэтому фразеологизма *давать добро* означает «разрешить». На флоте, например, и в настоящее время можно услышать следующие выражения «получил добро», «дал добро», «командирское добро».

Буква И. В русском языке есть фразеологизм *расставить точки над и*. Он означает «завершить начатое дело, закончить».

Буква М («мыслете»). Фразеологизмы с названием этой буквы основаны на ее внешней форме: *писать / выписывать мыслете* – идти нетвердым шагом, по ломаной линии, зигзагами, шатаясь.

Буква О («оникъ»). В русском языке есть фразеологизм *брюшко оником* – круглое брюшко. Как и в предыдущем случае, в основе возникновения фразеологизма лежит внешняя форма буквы.

Буква П («покой»). Фразеологизм *расставить столы покоем* также возник с основой на форму буквы: расставить столы в виде буквы П.

Буква Ф («ферт»). Во внешней форме этой буквы люди увидели подбоченившегося человека. Так в русском языке возникли фразеологизмы *ходить фертом*, *стоять фертом* со значением «вести себя развязно и самодовольно». Позже появились новые слова, например, существительное «ферт», от него уменьшительно-ласкательное «фертик» (франтик, щеголёк). Позже слово приобрело негативный оттенок и стало полубранным, неодобрительным.

Буква Ъ («ять»). Эту букву ученики очень не любили и называли ее «страшилищем» и «пугалом». Им сложно было запомнить правила написания этой буквы в словах, часто приходилось заучивать наизусть слова с этой трудной буквой. Поэтому практически все фразеологизмы, содержащие название этой буквы, отражают тяжесть учения: *знать на ять* – знает отлично; *корову через ять пишет* – о безграмотном человеке.

Буква Ф («фита»). *От фиты подвело животы* (о школьном учении). *Ротик фитою* – уголки губ направлены вниз, как в букве фита.

Буква Ижица. Происхождение фразеологизмов с этой буквой связано либо с формой самой буквы, либо со сложностями ее правописания. Ученики испытывали трудности в написании слов с этой буквой, так как она писалась редко. А за ошибки учеников наказывали. Так и появились фразеологизмы *прописать ижицу* (наказать, выпороть), *фита да ижица – к ленивому плеть ближится*. По форме же эта буква была похожа на римскую цифру V и напоминала ученикам и пучок розг, и плетку, и даже перевернутый кнут. В словарях можно встретить словочетание «ноги ижицей». Так говорят о ногах, которые ниже колена расходятся криво в стороны. В. И. Даль в словаре привел следующее выражение *Не суйся ижица наперёдъ аза*, там же есть прилагательное *ижицеобразный* в значении «виллообразный», «развилистый» [Даль 1991].

Некоторые устойчивые выражения в русском языке возникли от названий рядом стоящих букв: *слово твердо*, *твердое слово*.

Все рассмотренные нами фразеологизмы характеризуются по-разному с семантической, структурной и стилистической стороны. И фразеологизмы, содержащие названия букв, являются очень увлекательным источником изучения истории языка. Также анализ таких фразеологизмов представляет нам возможность понять этимологию названий букв славянской азбуки.

Литература

1. Барандеев А. В. От буквы к термину // Русская речь. – 1993. – № 6. – С. 89–93.
2. Будейко В. Э. Русские алфавитные фразеологизмы: лингвокультурный аспект фразеологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-alfavitnye-frazeologizmy-lingvokulturnyy-aspekt-frazeologii/viewer>.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 2.
4. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
5. Ивануцкая Е. Н. Старославянский язык. – М.: Академия, 2011. – 160 с.
6. Иванова Т. А. Старославянский язык. – СПб.: Авалон: Азбука-классика, 2005. – 240 с.
7. Кочеткова Н. А. Названия старославянских букв как архаичные элементы в составе фразеологизмов русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nazvaniya-staroslavvianskih-bukv-kak-arhaichnye-elementy-v-sostave-frazeologizmov-russkogo-yazyka/viewer>
8. Запругаева М. Я. Старославянский язык: учебное пособие. – Воронеж: ВГПУ, 2004. – 165 с.
9. Саблина Н. П. Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты. – СПб.: ИСПЕ, 2000. – 192 с.
10. Савельева Л. В. Истоки и загадки нашей азбуки // Русская речь. – 1994. – №5. – С.67–74.
11. Селищев А. М. Старославянский язык. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
12. Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993. – 160 с.
13. Телия В. Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 559–560.
14. ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – М.: АСТ, 2001.
15. Хабургаев Г. А. Старославянский язык. – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.

Авторы:

Авинова Ксения Анатольевна – студентка 5 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; ksusha.avinova@mail.ru;

Юркина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; tanya-yurkina@yandex.ru

Authors:

Avinova Ksenia A. – 5th year student of the Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; ksusha.avinova@mail.ru;

Yurkina Tatyana N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tanya-yurkina@yandex.ru

*И. Ю. Андреева, А. Ю. Васильева, М. Н. Герасимова,
М. Ю. Константинова*

ДВА ПОРТРЕТА: «ПОРТРЕТ» Н. В. ГОГОЛЯ И «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»: РАЗВИТИЕ ЖАНРА РОМАНА О ХУДОЖНИКЕ И ЕГО СОЗДАНИИ ОТ РЕАЛИЗМА К ЭСТЕТИЗМУ

Аннотация. В статье сравниваются и противопоставляются произведения, относящиеся к разным направлениям – реализму и эстетизму, путем раскрытия образа художника через портрет, созданный им.

Ключевые слова: реализм, эстетизм, портрет, художник, Н. В. Гоголь, О. Уайльд.

I. Y. Andreeva, A. Y. Vasilyeva, M. N. Gerasimova, M. Y. Konstantinova

TWO PORTRAITS: «PORTRAIT» BY N. V. GOGOL AND «PORTRAIT OF DORIAN GRAY»: DEVELOPMENT OF THE GENRE OF THE NOVEL ABOUT THE ARTIST AND ITS CREATION FROM REALISM TO AESTHETISM

Abstract. The article compares and contrasts works belonging to different directions such as realism and aestheticism, by revealing the image of the artist through a portrait created by him.

Keywords: realism, aestheticism, portrait, artist, N. V. Gogol, O. Wilde.

Во все времена люди искали себе творческие занятия, в которых можно было выразить порывы своей души. Художники всегда считались особенными людьми, способными создать уникальное. Н. В. Гоголь писал: «Чтобы творить красоту, нужно самому быть прекрасным; художник должен быть цельной и нравственной личностью; его жизнь должна быть столь же совершенна, как и его искусство. Служение красоте есть нравственное дело и религиозный подвиг. Чтобы исполнить долг перед человечеством, возложенный на него, писатель должен просветить и очистить свою душу» [Лепяхин 2005: 90].

Искусство – неотъемлемая часть нашей жизни и довольно обсуждаемая тема в литературе. Издавна писатели обращались к теме искусства и предназначения художника. Их привлекал мир живописных образов, мир художников, создающих нетленные произведения. И каждый автор раскрывал эту тему по-своему.

Направление «реализм» – это ответ эпохе Просвещения, в том числе и классицизму, с преклонением перед человеческим разумом и

романтическим конфликтом между человеком и обществом. У представителей реализма на первый план вышло понимание жизни, а не только изображение идеального просвещенного мира.

В 30-х годах XIX века возникло реалистическое направление в литературе. «Реализм рассматривается как отражение реальной действительности в ее собственной, объективной значимости, как такое объективно истинное воспроизведение жизни, которое осуществляется непосредственно в ходе ее художественного познания, следовательно, возможно даже вопреки философским и вообще теоретическим взглядам художника» [Волков URL]. Реализм Гоголя совершенно иного рода. Нет единого мнения о принадлежности творчества Гоголя к определенному направлению: одни исследователи вообще не считают его реалистом (например, В. В. Набоков), другие называют его стиль «фантастическим реализмом». Во многих его сюжетах присутствует фантастический элемент. Стремление Гоголя создать ощущение «смешанной», «искривленной» реальности, напоминающей кривое зеркало, с помощью таких средств как гипербола и гротеск связывает писателя с романтиками, например, с Э. Гофманом. Но несмотря на это, при создании своих произведений он привносит новые реалистические черты. Все это наблюдается в повести Н. В. Гоголя «Портрет».

Анализируя же знаменитое произведение «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, опубликованное в 1890 году, отметим, что его автор является основоположником такого направления, как эстетизм, который наиболее выразительно проявил себя в английской литературе. «...Когда эстет берется за роман, то его эстетизм проявляется вовсе не в формальном построении романа, – а в том, что в романе изображается говорящий человек – идеолог эстетизма, раскрывающий свое исповедание, подвергаемое в романе испытанию» [Бахтин 1975: 146]. Идея «чистого искусства» и идея «искусства ради искусства» – это и есть принцип эстетизма. Первостепенной задачей автора является изображение культа красоты, что зачастую оборачивается лишением нравственного начала ради наслаждения искусством. Роман «Портрет Дориана Грея» – произведение о силе великого искусства, о великой жертве ради этого искусства, о понятиях глубокой нравственности и её связи с искусством. Тему своего отношения к красоте, искусству и предназначению художника Оскар Уайльд поднимает в предисловии к произведению.

Общим для обоих произведений является то обстоятельство, что фантастические события происходят не в каком-либо надуманном, экзотическом мире; они являются вполне реальными. Но следует отметить, что эти реальные миры во многом отличаются. Картина жизни, окружающая Чарткова, отмечена предметной детализацией. Таким примером является захламленная картинная лавочка на Щукином дворе. В том же ряду и описание квартирки Чарткова в доме с лестницей, «облитой помоями и украшенной следами кошек и собак».

В обоих произведениях авторов выдающимися являются призрачные портреты: в «Портрете Дориана Грея» работа, созданная Бэзиллом Холлуордом, и «Портрет» Гоголя, представляющий собой демонический образ ростовщика, отца Б. Эти портреты изображены так, словно они способны воплотить души изображенных на них людей. В похожих эпизодах произведений герои бросаются в ноги художников и умоляют закончить свои портреты, например в «Портрете»: «если он передаст их верно, жизнь его сверхъестественную силою удержится в портрете» [Гоголь URL]. Тем временем Дориан с подавленным рыданием умоляет Бэзила не уничтожать его портрет, так как «это было бы убийством, ведь этот портрет часть меня!» [Уайльд URL]. В «Портрете» ростовщик умирает в тот же день, когда расстаётся со своим портретом, а Дориан умирает, пытаясь уничтожить свой портрет, что показывает зависимость жизни от искусства, а это является нарушением традиционного концепта искусства.

«Портрет Дориана Грея» последовательно представляет собой произведение, которое показывает нам отношение Бэзила к своему первоначальному портрету Дориана: «но, когда я писал, мне казалось, что каждый мазок, каждый удар кисти все больше раскрывает мою тайну. И я боялся, что, увидев портрет, люди поймут, как я боготворю вас, Дориан. Я чувствовал, что в этом портрете выразил слишком много, вложил в него слишком много себя. Вот тогда-то я и решил ни за что не выставлять его...» [Уайльд URL]. Тревога Холлуорда объясняется страхом перед осуждением других людей: «...но другие люди могли бы отгадать правду, а я не хочу обнажать душу перед их любопытными и близорукими глазами. Никогда я не позволю им рассматривать мое сердце под микроскопом» [Уайльд URL].

Сила портрета невольно раскрывает тайну своего художника также демонстрируется, когда сам Дориан Грей пытается рисовать, он вынужден остановиться, так как «вдруг он заметил, что все лица, которые он рисовал, имели удивительное сходство с Бэзиллом Холлуордом» [Лепяхин 2005: 90], его портрет, разоблачает вину за убийство Холлуорда, которую Дориан сознательно подавляет и способен скрывать. Утверждение Холлуорда во вступительной главе доказывает, что саморазоблачение художника через портрет, является общим законом: «...всякий портрет, написанный с любовью, — это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник» [Уайльд URL].

Тема разоблачения нравственного характера в его искусстве становится доминирующей темой второй версии повести «Портрет», изданной Гоголем в 1842 году в журнале «Современник». Мораль заключается в том, что религиозно просвещенный отец Б. предупреждает своего сына, что «тот, кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою ...».

«Образ «пятно греха», созданный Гоголем и представляющий собой социальное пренебрежение и издевательство, является доминантным лейтмотивом «Портрета Дориана Грея» у Оскара Уайльда. Как и страх Бэзила

Холлуорда попасть под пристальное наблюдение людей, основным образом Гоголя является общественное презрение в результате разоблачения, в виде указательных пальцев скопленной толпы людей» [Экажева 2020: 53]. В «Портрете» 1842 года есть несколько конкретных примеров такого публичного разоблачения художника своим произведением искусства.

Когда отец Б. создал практически безупречную картину из зависти к своему ученику, его картина была отклонена после замечания церковного деятеля, указавшего, что: «...нет святости в лицах; есть даже, напротив того, что-то демонское в глазах, как будто бы рукою художника водило нечистое чувство» [Гоголь URL].

Эти слова делают «нечистое чувство» художника очевидным для всех зрителей, причиняя унижение художнику. Аналогично в случае с описанием поразительной картины своего давнего товарища, что стало причиной духовного кризиса Чарткова, для определения исключительности работы им описываются только духовные качества «скромно, божественно, невинно и просто, как гений, возносилась она над всем» [Гоголь URL], а не эстетические атрибуты. Это не встреча с чистой душой, что заставляет Чарткова осознать разложение его собственной души, но столкновение с произведениями искусства, на которых эта чистая душа изображена.

Отец Б., который является образцом просвещенного художника, заявляет, что не может быть презренного предмета для великого искусства, поскольку «невидимо понижывает его прекрасная душа создавшего» [Гоголь URL], напоминая нам концепцию Бэзила Холлуорда о талантливом произведении, как об отображении его художника, а не натурщика. Такая прямая причинно-следственная связь, в которой произведение искусства становится местом разоблачения для души его художника, предлагает одно потенциальное решение проблемы критического восприятия отсутствия фаустовской драмы в «Портрете». В соответствии с этим ухудшающееся качество произведений Чарткова прямо представляет разложение его души.

Намерение Чарткова законно приобрести и уничтожить талантливые произведения искусства определяется как «самое адское намерение, какое когда-либо питал человек» [Гоголь URL], более глубокая деградация уже невозможна. «В соответствии с последовательно выраженной концепцией произведения искусства Гоголя, как первичного выражения души, для которого человеческая жизнь является вторичной средой» [Экажева 2020: 54].

Для Гоголя реальность первична, поэтому искусство отражает реальность. У Уайльда искусство первично: Дориан примеряет на себя роль произведения искусства. Таким образом, в «портретах» Н. В. Гоголя и О. Уайльда работы, созданные художниками, отображают их чувства, эмоции, ценности, а также оказывают огромное влияние на моральный облик и даже судьбу героев.

Литература

1. *Гоголь Н. В.* Портрет / Н. В. Гоголь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/77/p.1/index.html> (дата обращения: 25.03.2021).
2. *Уайльд О.* Портрет Дориана Грея / О. Уайльд [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://book-online.com.ua/read.php?book=478> (дата обращения: 25.03.2021).
3. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература. – 1975. – 505 с.
4. *Волков И. Ф.* Теория литературы [Электронное издание] // <https://topuch.ru/uchebnoe-posobie-dlya-studentov-i-prepodavatelej-moskvaprosv/index.html>.
5. *Лепяхин В. В.* Образ иконописца в русской литературе XI – XX веков / В. В. Лепяхин. – М.: Русский путь, 2005. – С. 166 – 202.
6. *Экажева З. В.* Портрет как отображение нравственности художника в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» и повести Н. В. Гоголя «Портрет» / З. В. Экажева // Вестник науки. – 2020. – № 7 (28). – С. 51–55.

Авторы:

Андреева Ирина Юрьевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: irina0987654323@mail.ru

Васильева Анна Юрьевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: anya181014@gmail.com

Герасимова Мария Николаевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: gerasimova1998mariya@gmail.com

Константинова Марина Юрьевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: marinana_k@mail.ru

Научный руководитель: *Бычкова Ольга Анатольевна* – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: volechka@bk.ru

Authors:

Andreeva Irina Yu. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: irina0987654323@mail.ru

Vasilyeva Anna Yu. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: anya181014@gmail.com

Gerasimova Maria N. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: gerasimova1998mariya@gmail.com

Marina Konstantinova Yu. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: marinana_k@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ ДВУХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос сопоставления двух современных фразеологизмов ментальной сферы со сходным значением. Проведено исследование на материале современной фольклорной формы – котоматрицы. Выявлено, что данные ФЕ – синонимы. Данная статья будет интересна лингвистам, которые занимаются изучением фразеологии и лексики.

Ключевые слова: фразеологизм, котоматрица, ментальная сфера, новая фольклорная форма.

A. A. Anikin

COMPARISON OF TWO MODERN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE MENTAL SPHERE

Abstract. The article considers the question of comparing two modern phraseological units of the mental sphere with a similar meaning. The study is based on the material of the modern folklore form – the cat-matrix. It is revealed that these FE-synonyms. This article will be of interest to linguists who study phraseology and vocabulary.

Keywords: phraseology, kotomatrica, mental sphere, new folklore form.

Человеческое мышление, различные отклонения в нём находят отражение в языковой картине мира. Носители языка активно расширяют группу фразеологизмов ментальной сферы. По преимуществу, эта группа пополняется такими лексическими единицами, которые характеризуют ум человека с отрицательной позиции. Назовём некоторые из них: *с тараканами в голове*, *с бзиком*, *выносить мозг*, *не дружить с головой* и другие. В лингвистической науке исследования, ставящие объектом изучения фразеологизмы тематической группы «умственная деятельность», уже проводились [Аникин 2018; Аникин 2019; Арсентьева 1989; Выборнова 2015].

Целью данного исследования является сопоставление двух фразеологизмов ментальной сферы: их значения и особенностей бытования в современной фольклорной форме. Она и является материалом исследования. Общее количество примеров составило около 50 употреблений.

Котоматрица – это интернет-сайт, единица компьютерно-опосредованной коммуникации [Аникин, Михайлова 2019], на котором интернет-пользователи самостоятельно создают надписи к фотографиям животных.

(<http://kotomatrix.ru>). Прообразом котоматрицы послужили озаглавленные рисунки с животными [Рукомойникова 2004]. Заметим, что в настоящее время котоматрица представляет собой новый жанр городского фольклора [Алексеевский 2009: 71–79], Интернет-пользователи самостоятельно создают креолизованные надписи, трансформируя известные цитаты или строчки из песен, а также активно используя фразеологические единицы (ФЕ) [Дубовицкая 2013].

Объектом данного исследования являются фразеологизмы *упасть с дуба* и *упасть с Луны*. Первый из них имеет следующее значение: Рухнуть с дуба. Жарг. мол. Неодобр. *Сойти с ума, начать вести себя подобно сумасшедшему* [Мокиенко, Никитина 2007]. Известно, что дуб, как древесина, очень твёрдый. «Мотив "твёрдый" восходит к сквозному мотиву "с трудом поддающийся внешнему воздействию" и далее к мотивационной доминанте "неспособный выполнять функцию восприятия (об органе мышления или человеке)"» [Леонтьева 2006: 67]. Данная ФЕ начала активно употребляться только в конце XX века.

Фразеологизм *упасть с Луны* зафиксирован во Фразеологическом словаре русского языка под редакцией Молоткова А. И. [Войнова, Жуков, Молотков, Фёдоров 1987: 410]: *Как (будто, словно, точно) с Луны свалился (упал)*. Не понимает того, что очевидно, что понятно всем. Ср. *как с неба свалился*. М. Л. Ковшова считает, что данный фразеологизм – представитель «древнейшего архетипического представления о «своём-чужом», о «небе-земле». Метафорическое значение фразеологизма уподобляется отдаленности в пространстве. Также ФЕ *упасть с Луны* исследовательница относит к «космическому коду культуры» [Телия 2006].

В интернете пользователи обращают внимание на величину семантического поля фразеологизмов, указывая, что «с дуба падать меньше, чем с Луны».

Обратимся к котоматрице. Фразеологизм *упасть с дуба* бытует в следующих значениях: 1) неадекватность поведения, выраженная риторическим вопросом: «*Эй, хозяин!)) Ты часом не упал с дуба? Унитаз... левее*» (на картинке изображен кот, лежащий в раковине, с удивленными глазами); 2) буквальное восприятие значения ФЕ: «*Вразрез с прогнозом вдруг обрушились осадки! Мы совершили аварийную посадку! Вдвоём с коллегой мы СЧАСТЛИВЫ всецело: Упали с дуба, но остались ЦЕЛЫ!!!*» (изображены улитки, сидящие на желудях); 3) странности в поведении, выраженные с помощью сравнительного оборота: «*Пытаюсь сделать «березку» ... А выходит «как с дуба рухнул»*» (на картинке изображен кот с поднятыми вверх задними лапами); 4) наивность речевого поведения «*Эй, мужик!.. Ты что с дуба упал? Что... как попугай заладил: чур меня... чур меня. В жизни всё намного прозаичней: яблоня... цепь бутафорская...и кот... серый-серый... все смотрит и смотрит, кто тут шастает почему зря...*» (на картинке изображен кот, сидящий на дереве, обвитом цепью). Кроме того,

встречается еще и трансформированное употребление исследуемого фразеологизма, стилистическая замена компонентов ФЕ (упал-рухнул): «*Я спросил у ясеня, где моя колбасина? Он ответил грубо, что я рухнул с дуба!*» (на картинке изображён кот, кричащий на дерево).

Примечательно, что в примерах употребления наблюдается гендерный аспект: не найдено ни одного примера, где бы с помощью данной ФЕ обращались к представительницам женского пола. Форма риторического вопроса снижает силу отрицательной оценки.

Фразеологизм *упасть с Луны* менее употребителен в новой фольклорной форме, хотя, по результатам обзора фразеологических словарей, имеет более раннюю историю. Тем не менее, эта ФЕ употребляется в значении: 1) странности поведения: «*Это чё? Люди? Котэ упал с Луны*» (на картинке изображён кот, стоящий на задних лапах); 2) переносное контекстуальное значение, выраженное метафорой: «*Привет! Мы к вам! С Луны упали!*» (на картинке изображены котята, летящие вниз, на фоне неба). Также данный фразеологизм подвергается и трансформации: ср. «*некоторые падают с луны, а этот кот упал с радуги*» (изображён кот с шерстью, раскрашенной цветами радуги).

Подведём итоги. Оба современных фразеологизма (употребляются по преимуществу с конца XX века) имеют сходный состав, различающийся лишь единственным компонентом (дуб-Луна). При этом данные ФЕ имеют и сходное значение: «вести себя неадекватно, делать глупости». Это фразеологизмы-синонимы. ФЕ *упасть с дуба* имеет стилистически сниженный вариант «рухнуть с дуба», а ФЕ *упасть с Луны* приобрёл трансформированный вариант «упасть с радуги». Оба фразеологизма соотносятся с упомянутым лингвокультурным кодом «земля-небо», но первый из них пользуется большим выразительным потенциалом в силу частотного употребления.

На сайте «Котоматрица» интернет-пользователи создают надписи к фотографиям животных, используя фразеологизмы, а также трансформируя их под собственные лингво-игровые запросы.

Литература

1. *Алексеевский М. Д.* «Что мне водка в летний зной...»: проблемы текстологии фольклора в Интернете // Интернет и фольклор: Сб. ст. – М.: ГРЦРФ, 2009.
2. *Аникин А. А.* Бытование лексемы «бзик» в современной фольклорной форме // Молодежь. Наука. Общество: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 5 декабря 2019 г.): сб. студ. работ / отв. за вып. С. Х. Петерайтис. – Тольятти: ТГУ, 2020. 1 оптический диск. – С. 203–204.
3. *Аникин А. А.* Трансформация экспрессивного фразеологизма в новостных интернет-источниках // Молодежь. Наука. Общество: Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная

конференция (Тольятти, 5 декабря 2018 года): электронный сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2018 – 1 оптический диск. С. 295–297.

4. *Аникин А. А., Михайлова М. Ю.* Компьютерно-опосредованная коммуникация как новая площадка для языковой игры // Лингвистика гипертекста и компьютерно-опосредованной коммуникации: Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. С. А. Стройков. – Самара: СГСПУ, 2019. – С. 5–11.

5. *Арсентьева Е. Ф.* Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1989.

6. *Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Фёдоров А. И.* Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1987. – 543 с.

7. *Выборнова Л. В.* Семантические группы процессуальных фразеологизмов со значением интеллектуальной деятельности // Наука ЮУрГУ: матер. 67-й науч. конф. секции социально-гуманитарных наук. – Челябинск, 2015. – С. 380–387.

8. *Дубовицкая Л. В.* Феномен креолизованного текста (на материале креолизованных текстов письменной коммуникации): автореферат диссертации. – М., 2013.

9. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор // Вопросы языкознания. – 2006. – № 5. – С. 57–77.

10. *Мокиенко А. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп, 2007.

11. *Рукомойникова В. П.* Виртуальный фольклор: за и против / В.П. Рукомойникова: монография. Йошкар-Ола: РИО МарГУ, 2004. – 128 с.

12. *Телия Е. Н.* Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ-Пресс, 2006.

Автор:

Аникин Алексей Александрович – студент 3 курса Самарского государственного социально-педагогического университета, г. Самара, Россия; e-mail: markov.filipp2015@yandex.ru

Author:

Anikin Alexey A. – 3rd year student of Samara State Social and Pedagogical University, Samara, Russia; e-mail: markov.filipp2015@yandex.ru

Е. В. Большова, А. В. Миронова, М. А. Иванова, И. А. Кузьмина

**МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЛИТЕРАТУРЕ РЕАЛИЗМА И
МОДЕРНИЗМА: Н. В. ГОГОЛЬ «ШИНЕЛЬ», Н. С. ЛЕСКОВ
«СТАРЫЙ ГЕНИЙ», Ф. КАФКА «ПРОЦЕСС»**

Аннотация. В работе дан сравнительно-сопоставительный анализ образа «маленького человека» в реализме и модернизме, на примере «Шинели» Н. В. Гоголя, «Старого гения» Н. С. Лескова и «Процесса» Ф. Кафки описана эволюция образа «маленького человека» в литературе.

Ключевые слова: маленький человек, реализм, модернизм.

E. V. Bolshova, A. V. Mironova, M. A. Ivanova, I. A. Kuzmina

**THE LITTLE MAN IN THE LITERATURE OF REALISM AND
MODERNISM: N. V. GOGOL «THE OVERCOAT», N. S. LESKOV
«OLD GENIUS», F. KAFKA «THE TRIAL»**

Abstract. The article provides a comparative analysis of the image of the «little man» in realism and modernism, and describes the evolution of the image of the «little man» in literature by the example of «The Overcoat» by N. V. Gogol, «Old Genius» by N. S. Leskov and «The Trial» by F. Kafka.

Keywords: little man, realism, modernism.

В 40-х годах XIX века особое внимание в творчестве последователей гоголевской школы заслужила проблема негативного влияния социального быта того времени на людей, обделенных судьбой, «маленьких людей». Главным читателем таких произведений с проблемой материального и духовного освобождения от социального неравенства мыслился демократический читатель, для которого писатели гоголевского направления рисовали быт бедняков в надежде, что это откроет «доброму сибариту» в «вольтеровских креслах» глаза на то, что не все могут жить так же беззаботно, как он. Возможность отстаивания своих прав и интересов обездоленными людьми – вот что стремилась дать литература 40-х годов, изображая на своих страницах жизненные трудности и тяготы, с которыми не понаслышке были знакомы крепостные крестьяне и городские труженики, и призывая к активной борьбе с угнетателями самого «маленького человека» в противовес бездействию и молчаливому преклонению голов [Лотман 1955: 511].

По мнению В. Г. Белинского, если произведение позволяет зародиться в «маленьком» читателе желанию поменять окружающие условия на более достойные, если пробуждается готовность к активным преобразованиям

своего бытия, то такую литературу можно назвать истинно гуманной. Вот что, по словам критика, должно являться основой любого искусства. [Лотман 1955: 511].

Таким образом, по замыслу идеологов второй половины 40-х годов, «маленькому человеку» надлежало действовать, а не просто существовать как объект для описания или предмет для размышлений и изучений.

«Маленького человека» мы можем встретить и на страницах литературы модернизма. На первый взгляд, это образы обычных, ничем не примечательных людей при обычных обстоятельствах, но с каждой страницей все четче осознается абсурдность разворачивающихся событий. Угнетенные страхом и чувством безысходности положения, они склонны к размышлениям на протяжении всего произведения. Однако это не спасает их, сложившаяся система разрушает не только внешнее их существование, как это изображалось в эпоху реализма, но и «разъедает» их изнутри, доказательством чего и становится их постепенное признание за собой вины. Таким образом, литература модернизма углубляет изображение угнетения «маленького человека», который не может противостоять сложившимся обстоятельствам абсурдного мира и подвержен разрушению не только физическому, но и психологическому – постепенному угнетению самосознания.

В повести «Шинель» Н. В. Гоголь очень подробно раскрывает тему и образ «маленького человека», которая становится в дальнейшем очень популярной. «Маленький человек» – человек низкого происхождения, талантами не отличается, спокойный, застенчивый, почти незаметный.

Это центральная тема повести. «Маленький человек» появляется в образе маленького чиновника со смешным именем Акакий, что переводится как «добродушный, кроткий». Автор наградил его неприметной внешностью: невысокий, морщинистый, с лысиной, которая ломает его рыжеватые волосы. Акакий работает писарем, он просто переписывает тексты без исправлений [Литературный 2018].

Акакий Акакиевич очень скромный, трудолюбивый, работоспособный и добрый, но его достоинств никто не замечает. У «маленького человека» нет другой жизни, кроме работы, поэтому, придя домой, он снова садится для того, чтобы заняться привычным занятием – переписывать тексты. Он был не таким важным человеком, из-за чего неоднократно подвергался насмешкам и издевательствам со стороны коллег [Литературный 2018].

Сначала Башмачкин выглядит как комический герой рассказа, но потом становится понятно, что его роль трагична. Автор описывает отчаяние, боль и страхи «маленького человека», будто говоря, что он тоже имеет право что-то испытывать, он тоже что-то представляет в этом мире. Н. В. Гоголь не смеется над ним, он относится к нему с жалостью, сопереживая человеку. В конце концов герой не смог постоять за себя, а только спросил, почему его обижают.

Новенькая шинель, специально сшитая для отпуска, знаменует собой поворотный момент. С этого дня сотрудник приобретает уверенность в себе и вызывает восхищение среди коллег, ранее игнорировавших его. Шинель словно уравнивает его со всеми остальными. Хотя на самом деле Акакий Акакиевич остается таким же, как и прежде, тем же человеком, что и его сослуживцы. Шинель становится символом лучшей жизни, поэтому кража её превращается в настоящую трагедию. Никто не помог восстановить справедливость, и он умер, забытый всеми. Смерть Башмачкина никак не повлияла на работу отдела, его легко заменяли другие. Никто в палате не пострадал от смерти маленького человека.

Подчеркивая трагедию этого персонажа, Гоголь пытается привлечь внимание к безразличию общества к тем, кто не входит в высшие классы. Маленький человек после смерти все же одерживает победу, пусть и фантастическую, но все же победу. Призрак Акакия Акакиевича, сорвавший шинель с высокопоставленного человека, заставляет его задуматься о том, кто он без пальто, и относиться ко всем лучше, чем раньше.

Пользуясь несовершенством законодательства и исполнительной системы, наделенные властью люди могут пренебрегать исполнением законов для собственной выгоды, ущемляя права беззащитного «маленького человека», лишая его надежды на справедливость. Этому способствует бюрократизм чиновников, их равнодушие к чужим проблемам. Главный герой рассказа «Старый гений» Н. С. Лескова смог то, что остальные, по тем или иным причинам, не смогли. Можно восхищаться умом и талантом Ивана Ивановича, который воплотил в себе лучшие черты русского национального характера: стремление защитить окружающих, благородство, честность и хитрость.

Старушка – персонаж данного рассказа, выступающий в роли «маленького человека». Называя «маленькой», писатель намеренно подчёркивает её низкое положение в самом начале произведения. Старушка – бедная помещица, по характеру женщина открытая, чересчур доверчивая. В её владении был только один скромный домик, в котором она проживала с дочерью-инвалидом и внучкой. Старушка соглашается помочь сыну своей давней знакомой [Литературный 2018].

Образ старушки, на примере её незамедлительной помощи незнакомому человеку, просто переполнен неподдельной открытостью всему миру и окружающим её людям. В этой старой женщине нет корыстолюбия, обмана, азарта и подлого лицемерия. Она всем сердцем верит в искреннюю доброту, человечность и светлость людских душ. Её история закончилась для неё хорошо. Но весь ужас ситуации настолько велик, что счастливый финал уже не способен нести в себе какой-либо радости для человека, побывавшего в этой ситуации.

Для старушки Иван Иванович становится спасителем, гением, который способен разрешить любую ситуацию и разобраться с разного рода проблемами.

Образ Ивана Ивановича, «старого гения» – это «темная личность», хитрый и опытный человек, бывший чиновник. Он просто додумался, на чем можно ловить мошенников, на которых ни Закон, ни совесть повлиять не могут.

«В России невозможности нет», – говорил Лесков. Лескову не жаль для «пассажного гения» столь высокого определения, он не вкладывает в него никакой иронии. Гений покарал «злодейство», и для автора важен не малый «масштаб» гениальности, а важна его высокая суть [Николюкина 2001: 494].

Человеческий талант, в чём бы он ни проявлялся, всегда вносит в жизнь светлое, жизнеутверждающее начало и связан с духовной красотой и теплотой человеческого сердца.

Модернизм в литературе – явление конца XIX – начала XX века, для которого характерен отход от классического романа в пользу поиска нового стиля и радикальный пересмотр литературных форм.

Период модернизма завершается примерно к 30-м годам XX века. В это время меняется сама литература: если раньше автор был носителем какой-либо абсолютной истины, идеи, то теперь показывается относительность и зыбкость тех самых истин. Исчезает целостность мира в произведении: вместо линейного повествования появляется обрывочное, раздробленное на небольшие эпизоды и подаваемое посредством нескольких героев, имеющих даже противоположный взгляд на излагаемые события и факты.

Тем не менее литература эпохи модернизма не ведет себя как нечто изолированное, ей не чужда проблема «маленького человека».

Так, в романе Ф. Кафки «Процесс» (1925) на примере главного героя мы видим, как страдает обычный человек, являясь по сути пешкой в огромном механизме системы.

Центрального персонажа зовут Йозеф К. Уже такое незамысловатое имя сообщает нам очень важную черту героя – его «заменимость», то есть таких же Йозефов К. существует в этом мире сотни, тысячи, миллионы, и все они могут заменить друг друга, как винтики в каком-нибудь механизме.

Йозеф К. работает в банке, его день расписан по часам. Эта жизнь, регламентированная до мелочей и подчиненная исключительно работе, неожиданно, в день его 30-летия, заканчивается арестом. Арест мало повлиял на жизнь этого героя. Только иногда он должен давать показания в суде. Внутренне же Йозеф не так спокоен [Макшакова 2017].

Волнует героя прежде всего тот факт, что суд, к которому он привлечен, вовсе не обычный, а какой-то верховный, таинственный. Законы этого суда неизвестно откуда берутся, а чиновники ничего о них не знают. Обвиняемый не может узнать, какой закон он нарушил, и не понимает, в чем его вина. Йозеф К. видит формальный характер выдвинутого против него

обвинения, но его не покидает ощущение, что он совершил преступление, которого еще не осознал. Уже здесь мы наблюдаем постепенное разрушение внутренней составляющей персонажа: в нем нет уверенности в своей правоте (хотя Йозеф и не совершал ничего противозаконного).

Главный герой начинает понимать, что продолжать прежнюю жизнь он не может, даже если его преступление юридически не будет установлено. Процесс так запутан, что все люди, окружающие Йозефа, в его глазах становятся агентами суда. Любая его встреча с другим человеком странным образом приводит к соприкосновению с Законом. В день своего тридцать первого дня рождения Йозеф идет вслед за представителями из суда, уже не оказывая никакого сопротивления. Герой смирился с тем, что его ждет, он больше не желает и не видит смысла бороться против системы, – брешь в его душе окончательно пробита [Макшакова 2017].

«Всегда мне хотелось хватать жизнь в двадцать рук, – думает он, – но далеко не всегда с похвальной целью. И это было неправильно. Неужели и сейчас я покажу, что даже процесс, длившийся целый год, ничему меня не научил? Неужто я так и уйду тупым упрямым? Нет, не желаю, чтоб так говорили!» – теперь Йозеф судит себя сам, считая, что его карают за неправильную жизнь (под конец этого судебного процесса герой рассуждает так: если судят, значит есть, за что) [Кафка 1925].

Йозефа убивают ножом мясника, что тоже неслучайно. Даже казни он, по мнению какого-то верховного суда, заслуживает такой негуманной. Бедный Йозеф покинул этот мир, так до конца и не осознав, за что же его судили.

Образ данного персонажа перекликается с образом героя «Замка», где человек совершает суд над самим собой: «Они оба выбирают свою идентичность как экспериментальные роли, при помощи которых они оправдывают свою экзистенцию» (М. Роберт). Д. Затонский считает, что помимо поисков высшей справедливости и индивидуального закона, персонаж подвергается и суду объективному, имеющему признаки социума, потому что Йозеф К. является частью враждебной ему самому действительности, и это делает его «нечистым» в своих же глазах, вызывает все усиливающееся чувство вины. Именно поэтому он не может уйти от суда, хотя суд его и не держит [Макшакова 2017].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что тема «маленького человека» актуальна и по сей день. Испокон веков многие авторы затрагивают ее, начиная с российских авторов и заканчивая зарубежными. На страницах произведений реализма мы знакомимся с историей «маленького человека», но на этом его путь не заканчивается и продолжается уже в литературе модернизма, где наблюдается постепенное «угнетение» личности, психологическая манипуляция незащищённым сознанием. Если в «Шинели» Н. В. Гоголя и «Старом гении» Н. С. Лескова акцент в основном делается на взаимодействии героя с обществом, на его

взаимосвязи с остальными персонажами произведения, то в «Процессе» Ф. Кафки уже можно заметить, что такое же важное место в произведении занимает и изображение внутреннего разрушения личности.

Литература

1. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений в девяти томах. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994.

2. *Зубарева Е. Ю.* Н. С. Лесков // Русская литература XIX – XX веков. Т. 1. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. – С. 349–360.

3. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 11-ти томах. Том 7. – М.: Гослитиздат, 1958.

4. *Лотман Л. М.* Проза сороковых годов [XIX века] // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; СПб.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. – Т. 7. – С. 511–570.

5. «Маленький человек» // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. – С. 494–495 – 1596 с.

6. *Кафка Ф.* Процесс [Электронный ресурс]. – URL: https://librebook.me/the_trial

7. *Литературу:* сайт Макшаковой Т. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://literaguru.ru/protsess-kafki-v-chem-smysl-romana-pritchi/> (дата обращения: 15.03.21)

8. *Литературный портал ReedCafe* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://reedcafe.ru/blogs/analiz-povesti-shinel>. – Дата обращения: 15.03.21.

Авторы:

Большова Елена Владимировна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: bolshova-elena@mail.ru

Иванова Мария Александровна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: mivanova389@gmail.com

Кузьмина Ирина Андриановна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: kuzmina-irina2014@mail.ru

Миронова Алиса Васильевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: alisa_mironova_98@inbox.ru

Authors:

Bolshova Elena V. – studentt of the faculty of Chuvash and Russian philology of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev, Cheboksary, Russia; e-mail: bolshova-elena@mail.ru

Ivanova Maria A. – student of the faculty of Chuvash and Russian philology of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev, Cheboksary, Russia; e-mail: mivanova389@gmail.com

Kuzmina Irina A. – student of the faculty of Chuvash and Russian philology of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev, Cheboksary, Russia; e-mail: kuzmina-irina2014@mail.ru

Mironova Alisa V. – student of the faculty of Chuvash and Russian philology of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Y. Yakovlev, Cheboksary, Russia; e-mail: alisa_mironova_98@inbox.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И ЯКУТСКИХ ПАРЕМИЙ С КОМПОНЕНТОМ «КОРОВА»

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу русских и якутских паремий с компонентом «корова». В результате семантического анализа выделены три тематические группы таких паремий, выявлены их особенности и общие качества.

Ключевые слова: паремия, русский язык, якутский язык, сопоставительный анализ.

V. E. Vinokurova

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND YAKUT PAREMIAS WITH THE «COW» COMPONENT

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of Russian and Yakut paremias with the “cow” component. As a result of semantic analysis, three thematic groups of such paremias were identified, their features and common qualities were revealed.

Keywords: paremia, Russian, Yakut, comparative analysis.

Русский и якутский языки принадлежат к разным языковым семьям. Вот почему две лингвокультуры имеют абсолютно разные начала, процессы развития и взгляды на одни и те же объективные вещи. Они могут быть схожими и разными. В этом плане значительный интерес представляет сопоставительное изучение русских и якутских паремий, поскольку в любом языке основным определением пословиц и поговорок является лаконичное образное выражение традиционных ценностей, основанных на житейском опыте народа. Актуальность такого изучения и выбор темы данной работы также обусловлены тем, что сопоставительный анализ русских и якутских паремий с компонентом «корова» не был предметом специальных исследований.

Цель исследования – провести сопоставительный анализ образа коровы, создаваемого русскими и якутскими паремиями.

Задачи исследования:

- 1) произвести выборку русских и якутских паремий с компонентом «корова» из сборников пословиц и поговорок;
- 2) проанализировать паремии с компонентом «корова»;
- 3) выделить основные тематические группы этих паремий.

Методами исследования являются сопоставительный анализ и семантическая классификация.

Язык и культура – это приобретенная отчетливой формы мудрость нации, история перехода обычаев нации от поколения к поколению, традиций, образа жизни, поведения, способов мышления и ценностей. Наиболее ярко отображает это паремиологический фонд языка.

Паремии – особые единицы и знаки языка. Они тесно связаны с материальной и духовной культурой народа, его историей, обычаями, традициями, особенностями мировосприятия. К паремиям относятся пословицы и поговорки. «Пословицы – жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом, в ритмически организованной форме» [БЭС 1991]. Отличающим признаком поговорки является то, что она не содержит обобщающий поучительный смысл, как пословица.

Пословицы, пришедшие к нам из глубины веков, показывают жизнь простого человека, народа. Они как заповеди, в которых изложены мысли и раздумья народа о том или ином случае, ситуации. В современных языках пословицы и поговорки представлены довольно широко. Обладая эмоциональной и стилистической окраской, они придают речи особый колорит, делают ее намного образнее.

Пословицная картина мира дает представление об особо важных для данного этноса сферах жизнедеятельности, позволяет выяснить установившиеся нормы поведения в этих отраслях. Пословицы наиболее часто используются в конкретной ситуации. Они ориентированы только на человека – черты его характера, поступки, отношения в обществе и семье.

Пословицы с анималистическими образами применяются для описания характера человека в оценочно-экспрессивной и иносказательной форме. «Причиной выбора того или иного образа животного является представление, закрепившееся за соответствующим животным в сознании носителей языка. Паремиологические единицы при этом отражают сложившийся речевой стереотип: лиса – хитрая, заяц – трусливый, осел – упрямый, змея – коварная и т. д.» [Ширинова 2016: 201–201].

В русской и якутской лингвокультурах, несмотря на все особенности наций, есть пословицы и поговорки со схожим значением. Пояснить это можно общечеловеческими ценностями: есть понятия, взгляды, убеждения, общие для многих этносов, поэтому в разных языках можно наблюдать эквивалентные паремии.

В результате проведенного нами исследования выделены следующие три основные тематические группы паремий с компонентом «корова» в русском и якутском языках:

1. Паремии, описывающие человека, его характер. Пословицы и поговорки с анималистическими образами, в частности коровы, иносказательны: принцип поведения животного описывает поведение человека. Например, в

русских пословицах и поговорках образ коровы ассоциируется с вредностью и злобой: «Безрогая корова хоть шишкой, да боднет»; «Бодливой корове бог рог не дает»; «Бодлива корова комола живёт»; «Бодливую корову из стада вон» [Даль URL]. А в языковом сознании якутов образ коровы характеризует человека как мягкого, смиренного, безобидного и тихого нрава: «Сытар ынаҕы туруорбат киһи. – Человек, не испугивающий даже лежащей коровы»; «Тарбаабыт ынах кэриэтэ. – (Человек), подобный обласканной корове» [Емельянов 2017: 87]; а иногда ленивого: «Ынаҕы ынгыырдаабыкка дылы. – Подобно тому, как оседлать корову» [Емельянов 2017: 133].

2. Паремии, имеющие значение бедности, богатства. В русском языке: «Если есть за коровой уход, от коровы получишь доход»; «Привыкает корова и ко ржаной соломе»; «Корову по удоям считать – молока не видать»; «Не голод на корову, коли под ногами солома» [Даль URL]. В якутском языке: «Соҕотох ынахтаах сото кэбиһимсэх. – Владелец единственной коровы охотнее кладет ногу на ногу»; «Ынах кэйбит ынаҕын ынах кэйэр. – Раз забоданную корову все коровы бодают»; «Киһи кэпсэппэт, ыт үрбэт, ынах маныраабат буолбут – Стал таким, что люди с ним не разговаривают, собака на него не лает, корова на него не мычит»; «Соҕотох ынахтаах ынаҕын бөрө тутан сиэбитигэр дылы. – Подобно тому, как волк задрал корову, единственную у ее хозяина» [Емельянов 2017: 20–29].

3. Паремии, имеющие значение семьи, родства. В русском языке: «Была жена, да корова сожрала; да кабы не стог сена, самого бы съела»; «И попова корова смотрит быков»; «На что корова, была бы жена здорова»; «Продай, муж, лошадь да корову, купи жене обнову!»; «И старая корова любит быка»; «Дедушка не знал, что внучек корову украл; дедушка спал, а внук и кожу снял» [Даль URL]. В якутском языке: «Икки буругунас ынах муоһун курдук буолан барангыт. – Вы, будучи, как два рога молодой коровы» [Емельянов 2017: 155]; «Тарбаабыт ынах да, таптаабыт дьахтар да – син биир. – Что обласканная жена, что чесанная корова – одно и то же (т. е. бывает послушной, ласковой)» [Емельянов 2017: 169]; «Эрэ суох дьахтар иччитэ суох ынах кэриэтэ. – Женщина, не имеющая мужа, то же, что корова без хозяина» [Емельянов 2017: 20-29].

Выявлены отдельные случаи, когда русские и якутские паремии выступают абсолютными эквивалентами, у них совпадают структура, лексика, смысл: «Долог у коровы язык, да не велят (не дают) говорить» – «Ынах тыла уһун да, тугу да кыайбат»; «Будто корова языком слизнула» – «Ынах салаабытын курдук».

Общим качеством русских и якутских паремий является их художественная особенность: они выделяются неожиданностью сравнений яркостью и организованностью. В строении русских и якутских пословиц также наблюдается единообразие: это единицы с замкнутой структурой, которые обладают смысловой и интонационной завершенностью. Пословицы, как правило, состоят из двух частей: общего суждения и «приложения,

толкования, поучения». Четкая композиция подчеркивается ритмическим строем; ритмика, рифмы помогают запоминанию паремий: «И одна корова, да жрать здорова» [Даль URL]; «Ынах эрэ муостаах, сылгы эрэ туйахтаах, ыт эрэ тиистээх – Всякая корова с рогами, всякая лошадь с копытами, всякая собака с зубами» [Емельянов 2017: 123].

Таким образом, в ходе сопоставительного анализа русских и якутских паремий с компонентом «корова» изучено более ста таких единиц, что позволило выделить три тематические группы. В обоих языках такие паремии характеризуют и описывают человека, образ коровы в паремиях о бедности и богатстве, семье и родстве связан с образом кормилицы. Русские и якутские пословицы обладают особой художественной выразительностью, четкой композицией и ритмическим строем.

Литература

1. *Большой энциклопедический словарь*. Т. 2 / Под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1991. – 768 с.
2. *Даль В. И.* Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/index.php
3. *Емельянов Н. В.* Саха өһүн хоһоонноро. Якутские пословицы и поговорки. – Якутск: Бичик, 2017. – 256 с.
4. *Ширинова С. А.* Зоонимы в лезгинской и английской паремиологической картине мира (на примере волка и собаки) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т.8. – № 2. – Ч. 2. – С. 201–204.

Автор:

Винокурова Вероника Егоровна – студентка 2 курса филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия; e-mail: veronikavinokuro1@gmail.com

Научный руководитель:

Олесова Антонина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия; e-mail: olesovaantonina@mail.ru

Author:

Vinokurova Veronika Egorovna – student of the Philological Department of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia; e-mail: veronikavinokuro1@gmail.com

Scientific adviser:

Olesova Antonina Petrovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature of North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk, Russia; e-mail: olesovaantonina@mail.ru

Е. А. Григорьева, М. Ю. Григорьева, Т. С. Лазарева, О. А. Бычкова

МИФ О НАРЦИССЕ В ЛИТЕРАТУРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В настоящей работе на основе сравнительно-сопоставительного анализа художественных произведений А. П. Сумарокова, О. Уайльда, К. Б. Бальмонта рассматривается трансформация античного мифа о Нарциссе.

Ключевые слова: античный миф, вечный образ, Нарцисс, классицизм, эстетизм, символизм.

Е. А. Grigorieva, M. Y. Grigorieva, T. S. Lazareva, O. A. Bychkova

THE MYTH OF THE NARCISSUS IN MODERN LITERATURE

Abstract. In present work, based on a comparative analysis of the works of art by A. P. Sumarokov, O. Wilde, K. B. Balmont, considered the transformation of the ancient myth of Narcissus.

Keywords: ancient myth, eternal image, Narcissus, classicism, aestheticism, symbolism.

Миф о Нарциссе берет начало в эпоху античности, художественная система которой характеризуется как античный мифологический универсализм. Это означает, что художники показывают образы и характеры героев как изначально заданные по своей сущности и возможные во все времена. Так рождаются вечные образы в литературе и искусстве, которые, приобретая нарицательное значение, наполняются новыми смыслами под влиянием литературных эпох и направлений.

Одним из таких вечных образов является Нарцисс, миф о котором дошел до нас в нескольких вариантах (Парфений Никейский (50 г. до н. э.), Конон «Повествование» (I в. н. э.), Павсаний «Описание Эллады» (II в. н. э.). Самая известная версия сюжета отражена в III книге «Метаморфоз» Овидия.

Характерная черта античного мифологического универсализма проявляется в том, что судьба Нарцисса предопределена богами. Прорицатель Тиресий сообщает, что Нарцисс «*познает ... долгую старость*», «*коль сам он себя не увидит*» [Овидий 1977]. Юноша вырастает необычайно красивым, но гордым. Он отвергает любовь многих женщин, в том числе и нимфы Эхо. На мольбы оскорбленных женщин («*Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет любимым!*») откликается богиня возмездия Рамнузия (Немесиды). Наказание за высокомерие настигает Нарцисса, и он, наклонившись к ручью, видит свое отражение, влюбляется в него и умирает.

Однако пришедшие похоронить Нарцисса не находят его тела – оно претерпевает удивительную метаморфозу:

*... Плакали нимфы дерев – и плачушим вторила Эхо.
И уж носилки, костер и факелы готовляли,
Не было тела нигде. Но вместо тела шафранный
Ими найден был цветок с белоснежными вокруг лепестками...* [Овидий 1977].

Миф о Нарциссе по-своему интерпретируют авторы различных эпох, направлений и стилей. Так, например, А. П. Сумарокову, теоретику и одному из видных представителей эпохи классицизма, принадлежит комедия «Нарцисс» (1750), в которой античный миф о Нарциссе получает сатирическое освещение. Главный герой, полагающийся только на свою красоту, делает ее центром своей жизни: *«О прекрасное лицо! – что бы это было, естли бы я была женщина, и едакова бы имгьла любовника! ежеминутно бы ево цгловала: какое мнть бы щастіе было! А нынть мою красотю не я, да другія довольствоваться будутъ»* [Сумароков 1787]. Он восхищается своей внешностью, дни и ночи проводит без сна, сожалея при этом, что своей красотой он пленен без пользы, так как он не в состоянии ни обнять, ни поцеловать себя. Нарцисс думает, что все девушки не могут устоять перед его красотой: *«...многія о мнть въздыхаютъ; да етому и дивитсья не чему: смотри, какое во мнть пріяство!»* [Сумароков 1787].

Несмотря на то что все считают себялюбие Нарцисса смешным и безрассудным, герой пребывает в уверенности, что имеет *«здравый разумъ и ясное понятіе»* [Сумароков 1787] и никогда не сможет *«довольно на себя наглядгться»* [Сумароков 1787]. Таким образом, А. П. Сумароков в комедии «Нарцисс» высмеивает и осуждает пустое себялюбие, самолюбование, самохвальство, следуя главному принципу своего творчества: *«...В сатирах должны мы пороки охуждать, / Безумство пышное в смешное превращать...»* [Сумароков 1957].

Особое внимание мифу о Нарциссе уделяли авторы эстетизма, литературного направления, развивавшегося преимущественно в Англии в 90-е гг. XIX века. Одним из ярких представителей этого направления является О. Уайльд. Переработка сюжета о Нарциссе представлена в одном из его стихотворений в прозе «The Disciple» (1900), переведенном Ф. Сологубом первоначально как «Ученик», а после – как «Поклонник». Ф. Сологуб, пропуская уайльдовский текст сквозь призму своего восприятия, акцентирует внимание в переводе на принцип парадокса: не Нарцисс видит себя в ручье, а ручей видит себя в Нарциссе. Пруд, становясь центральным образом, предстает как достойный последователь своего учителя – Нарцисса. Он, как и Нарцисс, являет собой крайнюю степень эгоцентризма и любви к себе.

Отсылку к мифу о Нарциссе можно найти и в другом известном произведении О. Уайльда – «Портрет Дориана Грея». Герой в романе прямо сравнивается с Нарциссом: *«Ведь, дорогой мой Бэзилъ, он – Нарцисс»* [Уайльд

2016]. Да и сам Дориан Грей ассоциирует себя с самовлюбленным юношей: *«Как-то раз он, дурашливо подражая Нарциссу, поцеловал – вернее, сделал вид, что целует эти нарисованные губы...»* [Уайльд 2016]. Любуясь собственным изображением, герой восклицает: *«Если бы портрет менялся, а я мог всегда оставаться таким, как сейчас!»* [Уайльд 2016].

В отличие от классицистического рассмотрения А. П. Сумароковым мифа о Нарциссе в сатирическом ключе, эстетическое переосмысление мифа О. Уайльдом выводит на первый план культ красоты. Автор, следуя главным принципам эстетизма: «искусство ради искусства», «красота ради красоты» – сопоставляет Дориана с божественным юношей античности: *«У него есть все – обаяние, белоснежная чистота юности и красота, та красота, какую запечатлели в мраморе древние греки»* [Уайльд 2016], – думает о Дориане лорд Генри.

Отсылку к мифу о Нарциссе можно проследить и на уровне сюжета романа. Напомним, что миф начинается с предсказания прорицателя Тиресия, что подтверждает мысль о том, что судьба Нарцисса предстает как изначально заданная богами. Нарцисс не соответствует этой заданности и выступает в мифологии как отрицательный герой. За прегрешение герой карается богами: мучительно страдая и томясь от любви к самому себе, он умирает и превращается в цветок с желтой сердцевинкой и белыми лепестками. Таким образом, можно обозначить условные этапы судьбы Нарцисса: предсказание, прегрешение, кара, метаморфоза.

То же самое можно проследить и в судьбе Дориана Грея. В начале романа звучит фаталистический мотив: *«Ты знатен и богат, Гарри, у меня есть интеллект и талант... у Дориана Грея – его красота. И за все эти дары богов мы... заплатим тяжкими страданиями»* [Уайльд 2016], – говорит Бэзил Холлуорд, выступая в произведении в роли прорицателя. Прегрешение Дориан совершает, когда отвергает преданную ему Сибилу, а наказанием за порочную жизнь становится навязчивый страх разоблачения его страшной тайны. В конце концов герой решает уничтожить портрет, который был *«точно его совестью...»* [Уайльд 2016]. Метаморфоза происходит в момент, когда сам Дориан, превратившись в изображенного на нем старика, погибает: *«А на полу, во фраке, лежал какой-то мертвец, и в сердце у него был нож. Его лицо было сморщенное, увядшее, гадкое. И только по кольцам у него на руках слуги узнали его»* [Уайльд 2016]. О. Уайльд на примере своего героя показывает, что искусство выше жизни, поэтому оно вечно. В финале романа настоящее произведение искусства обретает первоначальную красоту и гармонию.

Античность как универсальная художественная система имела огромное значение для развития культуры Серебряного века. Особое влияние она оказала на творчество символистов: Д. Мережковского, В. Брюсова, З. Гиппиус, К. Бальмонта, А. Белого, Вяч. Иванова. Й. Д. Зольтан, анализируя

творчество вышеупомянутых авторов, вводит термин «нарциссов текст» русского символизма» [Зольтан 2016: 93].

Как и эстеты, символисты отвергали классические подходы в литературе и искусстве, считая, что искусство не должно нести воспитательную и назидательную функцию. Символ, связывая земное с вечным, раскрывает в поэзии символистов то самое понятие красоты, такое же многозначное и неопределённое, как он сам: «*Вглубь заглянули немые цветы, – / Поняли, поняли свет Красоты!*» [Бальмонт 2010]. Однако для эстетов понятие красоты важнее, символисты же берут за основу древнегреческий миф и творчески перерабатывают его в своих произведениях, наполняя новыми смыслами и символами, порой противоречивыми и неоднозначными.

В стихотворении «Нарцисс и эхо» К. Бальмонта, выдающегося «старшего символиста», встречается не сам образ Нарцисса, а его метаморфоза – белоснежный цветок, выполняющий роль художественного символа: «*Точно из легкого камня иссечены, / В воду глядят лепестки белоснежные*» [Бальмонт 2010]. Цветок не случайно белого цвета, поскольку этот цвет, по мысли К. Бальмонта, символизирует не только изысканную красоту, но и жизнь и смерть, вечную молодость и увядание. Такое же символическое значение белый цвет приобретает и в стихотворении К. Бальмонта «Белладонна»: любовь, подобно прекрасному, но ядовитому цветку белладонне, воспринимается автором как несчастье или даже смерть.

К. Бальмонт, обращаясь к античному сюжету о Нарциссе, раскрывает и любовную линию Нарцисс–Эхо. Образ нимфы трансформируется в звуковой символ:

*... Цветок и воздух, смущенный эхом,
То полный плачем, то полный смехом.
Цветок нарцисса, и звук заветный,
Ответом вставший, но безответный...* [Бальмонт 2010].

Меняется и характер поведения героини: страдающая от безответной любви девушка «*ревнует, молит, грозит, пророчит... рыдает*» [Бальмонт 2010], а в конце – «*хохочет*» [Бальмонт 2010], радуясь возмездия.

Метафоры «мертво-зеркальная водная глубь», «бесплодно стынет цветок» актуализируют мотив смерти, наиболее ярко проявляющийся в конце стихотворения. Природа, обычно символизирующая живое начало и гармонию, осмысливается К. Бальмонтом как «*бездушное царство*» [Бальмонт 2010].

Таким образом, анализ упомянутых произведений позволяет сделать вывод, что античный миф о Нарциссе, трансформируясь в различных эпохах, стилях и жанрах, постоянно насыщается, подвергается метаморфозам, приобретая новые смыслы.

Литература

1. Бальмонт К. Д. Полное собрание стихотворений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://booksafe.net/read/balmont_konstantinpolnoe_sobranie_stihotvo_reniy-152261.html#p1
2. *Зольтан Й. Д.* Метаморфозы Дарьяльского: диалог инициационного и мифологического текстов в эволюции нарциссического героя // Уральский филологический вестник. – 2016. – № 3. – С. 91–107.
3. *Овидий.* Метаморфозы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303001003>.
4. *Сумароков А. П.* Нарцисс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sumarokow_a_p/text_0320oldorfo.shtml
5. *Сумароков А. П.* Избранные произведения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/sumarokov/01text/01versus/06epistles/042.htm>
6. *Уайльд О.* Поклонник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=170448&p=3>
7. *Уайльд О.* Портрет Дориана Грея [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/read/uayld_oskar/portret_doriana_greya_sbornik.html#0

Авторы:

Григорьева Евгения Андрияновна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: zhenya24.98@mail.ru

Григорьева Мария Юрьевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: servis_1223@mail.ru

Лазарева Татьяна Сергеевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: tatiana1998lazareva@mail.ru

Бычкова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: volechka@bk.ru

Authors:

Grigorieva Evgeniya A. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: zhenya24.98@mail.ru

Grigorieva Maria Y. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: servis_1223@mail.ru

Lazareva Tatiana S. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tatiana1998lazareva@mail.ru

Bychkova Olga A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Culturology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: volechka@bk.ru

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
ИНТЕРАКТИВНОГО КУРСА ПО ТЕМЕ
«ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА»**

Аннотация. В статье рассматривается актуальная тенденция в сфере образования – процесс цифровизации обучения, а также выдвигается идея о конструировании интерактивного учебного курса по русскому языку на примере темы «Фразеологизмы русского языка».

Ключевые слова: цифровизация, информационная среда, фразеологизм, интерактивный курс.

Е. П. Gruzdeva

**METHODOLOGICAL RECOMMENDATIONS FOR APPLICATION OF
THE INTERACTIVE COURSE ON THE TOPIC
«PHRASEOLOGISM OF THE RUSSIAN LANGUAGE»**

Abstract. The article examines the current trend in the field of education - the process of digitalization of education, and also puts forward the idea of constructing an interactive training course in the Russian language on the example of the topic «Phraseologies of the Russian language».

Keywords: digitalization, information environment, phraseological unit, interactive course.

В настоящее время Российское образование переходит к стандартам нового поколения, в которых на первом месте стоит процесс цифровизации. Одним из важных направлений совершенствования методики преподавания русского языка в школе является разработка и внедрение в учебный процесс цифровых образовательных технологий.

Внедрение цифровых технологий стимулирует интерес обучающихся к изучению предметов, мотивирует их, повышает интенсивность учебного процесса, а также реализует идеи развивающего обучения и культуры умственного труда. Обучающиеся не просто получают знания – идет формирование умений и навыков самостоятельного приобретения знаний, их накопления и систематизации.

Инновационная компьютерная дидактика предоставляет колоссальные возможности для самостоятельной работы, способствует повышению информативной емкости учебного содержания, ускорению темпа учебных действий. С помощью нетрадиционных методических приемов можно продуктивно освоить работу с учебными текстами. Обучение в

информационной среде представляет собой абсолютно новую парадигму образования, которая опирается на функциональную эффективность ИКТ, формирует культуру и формируется на основе «особой» культуры обучения» [Попов, Медведев, Никуличев 2011: 25].

В связи со сказанным возникает необходимость разработки учебно-методических материалов нового поколения с использованием компьютерной поддержки и конструирования интерактивного учебного курса по теме «Фразеологизмы русского языка».

Мы предлагаем разработанный нами интерактивный курс, построенный на основе современных образовательных технологий и коммуникативно-деятельностного и личностно-ориентированного подходов.

Филькина грамота. Представь, что ты проснулся, а на тебя надета одежда митрополита (дефиницию слова «митрополит» можно посмотреть в «Большом толковом словаре по культурологии» Б.И. Кононенко: <https://rus-culture-enc.slovaronline.com/1033-Митрополит>). Удивительно и непривычно, правда? А теперь представь, что ты в этой одежде проснулся во времена Ивана Грозного и стремишься смягчить нравы царя – так этого жаждешь, что не боишься писать ему письма с просьбами успокоиться, пересмотреть жестокие законы... Только все тщетно. Не желает царь прислушиваться и выкидывает твои письма.

Обидно? Понимаем. Наверное, точно так же себя чувствовал митрополит Филипп – реальная историческая личность.

Иван Грозный не придавал значения подобным его просьбам, игнорировал их. Так появился фразеологизм «филькина грамота», который означает документ, не представляющий никакой силы, или же вызывающий сомнения, игнорирование второй стороной.

Рубрика «Копилочка»: больше информации о фразеологизме «филькина грамота» содержится в справочнике по фразеологии, составленном редакцией портала «Грамота.ру»:

<http://new.gramota.ru/spravka/phrases?alpha=%D0%A4>, а прочесть о исторических личностях-«героях» фразеологизма ты можешь, пройдя по ссылкам: 1) в работе В.О. Ключевского «Исторические портреты» содержится информация об Иване Грозном: <http://history.niv.ru/doc/klyuchevskij/istoricheskie-portrety/ivan-groznyj.htm>; 2) в «Большой биографической энциклопедии» 2009 года можно найти много интересного о митрополите Московском и всея Руси Филиппе:

<http://biografii.niv.ru/doc/encyclopedia/biography/articles/2719/filipp-i-mitropolit-moskovskij.htm>.

Вопрос на засыпку: почему выражение звучит именно «филькина грамота», а не «грамота Филиппа», например, или «Филиппова грамота»?

С панталыку сбиться. Ты можешь подумать, что это еще за слово такое – «панталык»? На самом деле все просто, нужно лишь «подружиться» с географией. Собирай рюкзак, мы отправляемся в Грецию!

В этой древней стране есть гора Пантелик. Она необычна тем, что в ней много ходов, напоминающих лабиринт, пещер и гротов. Представь, каково было рабочим, которые добывали в горе мрамор? Правильно, люди часто сбивались с пути, заблуждались. Так и появилось выражение «с панталыку сбиться» – то есть потеряться, запутаться, оказаться в замешательстве.

Рубрика «Копилочка»: пройдя по следующим ссылкам, ты узнаешь, какое толкование дают другие источники понятию «панталык»: 1) «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: <https://gufo.me/dict/dal/панталык>; 2) «Этимологический словарь» Макса Фасмера: <https://gufo.me/dict/vasmer/панталык>. В книге «Знаки и символы» И. Харрисона ты узнаешь о символике горы, стр. 29: https://vk.com/doc-123642573_439159482?hash=414f8e214ea9c96136&dl=5ae574f3e46f3763fa.

Вопрос на засыпку: знаешь ли ты еще фразеологизмы, в которых упоминаются географические объекты?

Показать, где раки зимуют. Мы уверены, этот фразеологизм заставил тебя задуматься: а где же на самом деле зимуют раки? Ответ кроется в учебниках по биологии: раки известны тем, что зимой любят прятаться под коряги или создавать себе другие убежища (например, выкапывать норы на берегу). То есть зимуют они в реках, но – главное! – в укромных местах.

Нужно знать и то, что раки – часть гастрономической культуры, они, как и любой продукт, особенно желаемы в свежем виде.

Помещики раньше отправляли провинившихся крестьян на поиски раков. Догадываешься, почему? Ловля раков – дело очень тяжелое (сложно их отыскать, холод пронимает, особенно в ледяной воде). Это для крестьян было настоящим наказанием. Поэтому, если ты вдруг услышишь, что кому-то сказали: «Я покажу тебе, где раки зимуют», то знай – его за что-то хотят наказать.

Рубрика «Копилочка»: водные обитатели в мировой культуре имеют свою символику. Прочитать об этом можно в книге «Знаки и символы» И. Харрисона, стр. 68: https://vk.com/doc-123642573_439159482?hash=414f8e214ea9c96136&dl=5ae574f3e46f3763fa. Прочитав же статью «Времена года» словаря русской и славянской языческой мифологии «Дом Сварога», ты узнаешь о «помощниках» зимы и ее мифопоэтическом значении: <https://pagan.ru/slowar/vremena-goda/>.

Вопрос на засыпку: согласен ли ты, что выражение «я покажу тебе, где раки зимуют» содержит угрозу? Какую роль в этом сыграло наклонение глагола «показать»? Назови еще несколько фразеологизмов с глаголами, употребленными в таком же наклонении.

Котелок варит. Вообрази (или вспомни), как вы с учителем ОБЖ всем классом отправились в поход. Смело и неустанно идете к своей цели (например, к пещере или в лес). Однако, как и в любом походе, наступил момент, когда вы сильно устали и нуждаетесь в восполнении сил. Что для этого

нужно сделать? Именно! Настало время придумать, сообразить, что приготовить на обед из имеющихся продуктов. Учитель объявляет привал.

И вот весь класс смотрит на котелок, в котором варится еда. Ожидает окончательного приготовления, пока он делает свое «дело».

Опиши, как выглядит этот процесс приготовления пищи? Представь, бурлящую воду, ее движение внутри сосуда, всплески, пар. Теперь ты понимаешь, почему процесс работы человеческого мозга сравнивается с варящим котелком? В твоей голове, в головах твоих одноклассников происходят удивительные вещи: рождаются неожиданные идеи, подводятся итоги, появляются красочные образы и умные-умные мысли. Это большая деятельностная работа, хотя и интеллектуальная. Поэтому да, твой котелок варит, когда ты отвечаешь на уроках, когда решаешь задачи, пишешь сочинения, запоминаешь названия стран, разбираешься в химических элементах.

Рубрика «Копилочка»: пройди по ссылке к словарю русской и славянской языческой мифологии «Дом Сварога», чтобы расширить свое представление о голове как «вместилище души и ума»: <https://pagan.ru/slowar/golova/>, а примеры употребления фразеологизма «котелок варит» ты сможешь найти во «Фразеологическом словаре русского языка» Е. Н. Телии: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/articles/78/kotelok-varit.htm>.

Вопрос на засыпку: подумай, почему из всех предметов, предназначенных для варки, фразеологизм «обыграл» именно котелок?

Как с гуся вода. Помнишь, как мама в детстве купала тебя и приговаривала: «Как с гуся вода, с Вани вся худоба»? Да, раньше так бабушки-целительницы заговаривали воду и лечили детей, просили болезни отступить.

Но интересно и то, что во фразеологизме упоминается гусь. К чему здесь эта домашняя птица? Чтобы понять это, снова нужно обратиться к урокам биологии или к твоим личным наблюдениям: перья гусей словно покрыты водоотталкивающим слоем. И это действительно так, гуси с помощью клюва смазывают жиром свои перья, чтобы вода не впитывалась в них и птицы могли легко оставаться на плаву.

Способность гусей «отталкивать» воду похожа на уникальное качество человека – невероятную удачливость. Когда ему все сходит с рук, неприятности обходят его стороной, тогда и говорят в народе: «Как с гуся вода!»

Рубрика «Копилочка»: краткое описание значения образа гуся и других птиц в мировой культуре можно найти в книге «Знаки и символы» И. Харрисона, стр. 58: https://vk.com/doc-123642573_439159482?hash=414f8e214ea9c96136&dl=5ae574f3e46f3763fa.

Вопрос на засыпку: вспомни фразеологизмы, в которых говорится о птицах. Как много ты смог вспомнить?

Бесструнная балалайка. «Пролистай» свои воспоминания об уроках музыки, о школьных концертах, «коронным номером» которых были

музыкальные инструменты. Мы уверены, одним из струнных инструментов, с которыми тебя познакомили в школе, была балалайка.

Как ты думаешь, для чего балалайке (или гитаре, укулеле) нужны струны? Правильно, за счет струн инструмент «поет», как человек за счет своего голоса, горла. Струны словно живые: они будто «говорят» со слушающим, «рассказывают» свою историю – жизнеутверждающую или печальную. Иначе говоря, инструмент, как умеет, доносит до нас смысл.

Попробуй сам провести аналогию: если у инструмента нет струн, то есть ли от него польза? Верно, такой инструмент бесполезен. Поэтому человека, которого называют бесструнной балалайкой, отличает то, что он говорит не по делу, не к месту, несет бессмыслицу.

Рубрика «Копилочка»: в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона ты узнаешь о культурологическом значении балалайки и откроешь для себя синонимы, которыми можно назвать этот музыкальный инструмент: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/10342-Балалайка>. В «Этимологическом словаре» Макса Фасмера ты узнаешь о происхождении слова «балалайка»: <https://gufo.me/dict/vasmer/балалайка>.

Вопрос на засыпку: подумай, какими именами прилагательными можно описать человека, которого называют «бесструнной балалайкой»?

Восьмое чудо света. Настало время заглянуть в твои записи по истории Древнего мира. Магическое число 7 объединяет все явления культуры, которые нам нужно вспомнить. Ты уже догадался, что речь пойдет о Семи чудесах света: 1) Пирамида Хеопса, 2) Висячие сады Семирамиды, 3) Статуя Зевса в Олимпии, 4) Храм Артемиды в Эфесе, 5) Мавзолей в Галикарнасе, 6) Колосс Родосский, 7) Александрийский маяк. Это уникальные строения! Самые знаменитые памятники архитектуры! Вершины мастерства!

Уже догадался, что означает фразеологизм «восьмое чудо света»? О каком явлении мы можем так сказать? Безусловно, в народе так говорят о потрясающих воображение явлениях, о предметах, которые кажутся человеку самыми лучшими, величайшими, неповторимыми.

Рубрика «Копилочка»: обратившись к словарю русской и славянской языческой мифологии «Дом Сварога», ты сможешь глубже окунуться в загадочное понятие «чудо», разобраться с его значениями: <https://pagan.ru/slovar/chudo/>, а о символике чисел ты узнаешь, пройдя по следующим ссылкам: 1) «Дома Сварога»: <https://pagan.ru/slovar/chislo/>; 2) «Энциклопедия символов» В.М. Рошаль, стр. 61 – 69: https://vk.com/doc-123642573_439155822?hash=4f102db14f1b8f7f8f&dl=d32d2e66df867f8c4a.

Вопрос на засыпку: в русском языке так много фразеологизмов с именами числительными! Сколько ты сможешь вспомнить прямо сейчас?

Приведенные фрагменты интерактивного курса по теме «Фразеологизмы русского языка» представляют собой один из способов внедрения в процесс обучения русскому языку цифровых технологий. Через гиперссылки в интернет-пространство ученик имеет возможность не только

самостоятельно увеличить объем знаний по предмету, но и расширить кругозор в целом за счет обращения к различным дополнительным источникам – словарям, энциклопедиям, порталам – из рубрики «Копилочка».

Литература

1. Белан Л. С. Цифровизация в сфере образования – создание интернет-ресурса педагога / Форум молодых ученых. Учредители: ООО «Институт управления и социально-экономического развития» (Саратов), №12, 2019. – С. 80–85.

2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Использование. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Аст-Пресс Книга, 2006. – 782 с.

3. Мультимедиа-технологии: Учебное пособие для вузов / А. Э. Попов, Д. В. Медведев, Н. Н. Никуличев. – Шахты: ЮРГУЭС, 2011 – 179 с.

Автор:

Груздева Елена Павловна – студентка V курса филологического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия; e-mail: lenochka.gruzdeva@mail.ru

Научный руководитель:

Мигранова Лилия Шатлыковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак, Россия; e-mail: lilimigranova@gmail.com

Author:

Gruzdeva Elena P. – 5th year student of the Faculty of Philology, Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia; e-mail: lenochka.gruzdeva@mail.ru

Scientific supervisor:

Migranova Lilia Sh. – Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Lecturer of the Department of Russian Language and Literature, Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia; e-mail: lilimigranova@gmail.com

ПРЕДМЕТНО-БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАРОДА

Аннотация. В статье представлен обзор тематических групп пословиц и поговорок, зафиксированных в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа». Проанализированы лексемы, характеризующие предметно-бытовую лексику и отражающие духовную культуру русского народа, его представления о мире.

Ключевые слова: тематическая группа, лексика, кухонная утварь, предметы быта, фольклор, устное народное творчество.

A. D. Kalmykova

SUBJECT AND EVERYDAY VOCABULARY AS A REFLECTION OF THE SPIRITUAL CULTURE OF THE RUSSIAN PEOPLE

Abstract. The article presents an overview of the thematic groups of proverbs and sayings recorded in the collection of V. I. Dahl «Proverbs of the Russian people». The lexemes that characterize the subject-everyday vocabulary and reflect the spiritual culture of the Russian people, their ideas about the world are analyzed.

Keywords: thematic group, vocabulary, kitchen utensils, household items, folklore, oral folk art.

Предметно-бытовая лексика является одним из источников, позволяющих изучать особенности культурно-исторического развития человечества и отдельного народа. Источниками изучения предметно-бытовой лексики являются произведения устного народного творчества, архивные документы и летописи. К истории изучения предметов материальной культуры обращались многие исследователи: Л. Г. Панин, [Панин 1985], Г. В. Судаков [Судаков 1989], Г. Н. Лукина [Лукина 1990], Н. Н. Парфенова [Парфенова 1997], М. С. Выхрыстюк [Выхрыстюк 2007], О. Н. Гауч [Гауч 2009] и другие, – которые рассматривали особенности фонетического, морфологического, словообразовательного и лексического состава предметно-бытовой лексики. Большая часть исследователей главным источником исследования обозначает летописи и архивные документы. Источником исследования нашей работы являются пословицы и поговорки русского народа, собранные в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа».

Устное народное творчество хранит знание народа о мире. Представления об окружающем мире отражаются в жанрах и видах фольклора. Одними

из древнейших жанров фольклора являются пословицы и поговорки, которые отображают материальную и духовную культуру народа. В культуре русского народа пословицы, как и поговорки, занимают особое место, так как являются сосредоточением народной мудрости, накопленной столетиями. Именно поэтому собрания пословиц и поговорок были чрезвычайно ценны для русского общества. Одним из собирателей пословиц и поговорок был Владимир Иванович Даль, чье имя вошло в историю русской фольклористики. Его книгу «Пословицы русского народа» до сих пор не удалось никому затмить в плане качества или количества представленного материала.

Пословицы, собранные Далем, позволяют получить весьма четкое представление не только о духовной культуре простого русского человека, но и о бытовом укладе того времени. Бытовую лексику, зафиксированную в сборнике «Пословицы русского народа», можно разделить на несколько тематических групп: «кухонная утварь», «орудия труда», «предметы убранства», «предметы домашнего обихода», «средства передвижения и их составные части».

Многочисленными по составу являются тематические группы «кухонная утварь» и «орудия труда», первая представлена такими лексемами, как: *нож, ковш, горшок, чашка, решето, ложка, кувшин, лукошко*; вторая – *долбило, клин, хомут, обух, топор, борона, вилы, долото, серп, коса, рассоха, колоток*. В тематическую группу «предметы домашнего обихода» вошли такие лексеммы, как: *уда, бредень, кочерга, веник, колода, рукомойник, ведро*. Тематическая группа «средства передвижения и их составные части» включает лексические единицы *кузов, воз, колесо, сани, челнок, санки*. Анализируя предметы убранства, домашнего интерьера, выявили часто употребляемые слова *лавка, стол*: «Грехъ подь лавку, а самъ на лавку», «Не всякъ за столь, иной подь столь», «Иннаго за столь сажаютъ, иннаго изъ подь стола гоняють» [Даль 1862: 9, 26].

В структуре сборника «Пословицы русского народа» рассматриваемые лексеммы включены в тематические группы, характеризующие духовно-нравственные качества народа. Например, лексема *нож* зафиксирована в тематических группах «Вера и грех» («Образа да ножи не дарятъ, а меняють») и «Изуверство – раскол» («Сколько яствъ, столько и ножей») [Даль 1862: 9, 15]. Одно слово используется в антонимических пословицах: в первом случае слово *нож* сопоставляется с христианской святыней – *образом* (или иконой), во второй пословице *нож* выступает символом раздора, разобщенности людей.

В тематической группе «Судьба» зафиксировано слово «ведро», которое символизирует будущее, наполненное счастьем, это то, что предсказывает удачу и благополучие. В структуре тематической группы «Судьба» выделены подгруппы «Судьба – счастье» («Счастье съ безсчастьемъ – ведро съ ненастьемъ»), «Судьба – счастье – удача» («То и счастье, что иному ведро,

иному ненастье»), «Судьба – терпение – надежда» («Где гроза, тут и ведро», «Отколе гроза, оттоле и ведро») [Даль 1862: 39, 26, 24]. Можно предположить, что удача ассоциировалась в сознании русских с предметами или емкостями, наполняемыми чем-то. Так в сборнике В. И. Даля в тематической группе «Судьба – удача» были выявлены лексические единицы *рукомойник* («Попаль, как чортъ в рукомойникъ») и *воз* («Ушелъ возъ, и лошадку увезъ», «Что съ воза упало, то пропало. – Упало – пиши пропало») [Даль 1862: 37, 29]. Счастье свое человек должен был привечать и дорожить им, оберегать. Для характеристики категории «счастья» употреблены такие лексемы, как *хомут* («Сколько кобылке ни прыгать, а быть въ хомуте», «Кобылка есть – хомута нетъ; хомуть добыль – кобылка ушла»), *гужи* («Не тужи, наживешь ременны гужи!»), которые были включены нами в тематическую группу «предметы домашнего обихода» [Даль 1862: 27, 33, 25].

Анализ пословиц и поговорок, представленных в сборнике В. И. Даля, показал, что предметно-бытовая лексика характеризует самые разнообразные духовно-нравственные категории бытия русского народа: представление человека о грехе, наказании, счастье, удаче, терпении, добре и зле и другие.

Литература

1. *Выхрыстюк М. С.* Тобольская деловая письменность второй половины XVIII века в аспекте современного лингвистического источниковедения. – Тобольск: ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. – Ч. II. – 216 с.
2. *Гауч О. Н.* Семантико-этимологическая интерпретация предметно-бытовой лексики второй половины XVIII века (на материале ТФГАТО) : дис. ... кандидата филол. наук. – Тюмень: ТГУ, 2009.
3. *Даль В. И.* Пословицы русскаго народа: сборникъ пословиць, поговорокъ, речений, присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поверій и проч., 1862. – URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/posl/text.pdf>.
4. *Лукина Г. Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка XI–XIV вв. – М.: Наука, 1990. – 180 с.
5. *Панин Л. Г.* Лексика западносибирской деловой письменности XVI – первой половины XVIII вв. – Новосибирск, 1985.
6. *Парфенова Н. Н.* Тюменские памятники деловой письменности в историко-лингвистическом аспекте // Архив и исследователи: сотрудничество в интересах настоящего и будущего: материалы научной конференции ТГУ. – Тюмень: Изд-во ТГУ, 1997. – С. 33–37.
7. *Судаков Г. В.* Диалектные названия сосудов в северно-русской письменности XVI–XVII вв. // Северно-русские говоры: межвузовский сборник / отв. ред. проф. А. С. Герд. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – Вып. 5. – С. 115–123.

Автор:

Калмыкова Анастасия Дмитриевна – студент 1 курса факультета социально-культурных технологий Тюменского государственного института культуры, г. Тюмень, Россия; e-mail: anastasiakalmykova51@gmail.com

Научный руководитель:

Гауч Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности, социологии и культурологии Тюменского государственного института культуры, г. Тюмень, Россия; e-mail: ongauch@mail.ru

Author:

Kalmykova, Anastasia D. – 1-st year student of the Faculty of Social and Cultural Technologies of the Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia; e-mail: anastasiakalmykova51@gmail.com

Scientific supervisor:

Gauch Oksana N. – candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Activities, Sociology and Cultural Studies of the Tyumen State Institute of Culture, Tyumen, Russia; e-mail: ongauch@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАЛЬКА-АНГЛИЦИЗМ ХРОМАЯ УТКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование калькированного фразеотермина английского происхождения *хромая утка* в современном русском языке. Привлекается также материал других языков.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая калька, английский язык, русский язык.

I. V. Kuznetsova, E. A. Mokeeva

PHRASEOLOGICAL CALQUES-ANGLICISMS LAME DUCK IN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The article considers the functioning of the calculated phraseoterm of English origin *lame duck* in the modern Russian language. Material from other languages is also used.

Keywords: phraseology, phraseological calque, English, Russian.

Один из источников пополнения фразеологического корпуса любого языка – заимствование фразеологизмов из другого. Во многие языки вошел испанский оборот *quinta columna* ‘тайные пособники врага (саботажники, диверсанты, шпионы); предатели, изменники’ (рус. *пятая колонна*; укр. *п’ята колона*; болг. *петата колона*; чеш. *pátá kolona*; в.-луж. *pjata kolona*; нем. *die fünfte Kolonne*; англ. *the fifth column* и т. д.), возникший во время гражданской войны в Испании, «когда фашистский генерал Мола, осаждавший Мадрид четырьмя колоннами, заявил в переданном по радио осенью 1936 г. обращении к населению Мадрида, что в городе у него имеется пятая колонна» [Кунин 1986: 201]. На основе метафорического переосмысления названия произведения «Den grimme Ælling» «датского короля сказки» Андерсена появился фразеологизм *гадкий утёнок* (укр. *гидке каченя*; нем. *ein hässliches Entlein*; англ. *an ugly duckling*) ‘1) о неказистом ребёнке или подростке, который преобразуется по мере созревания и взросления; 2) о человеке, несправедливо оцененном ниже своих достоинств, проявляющихся неожиданно для окружающих’. Пословица ориентального происхождения (туркм. *It iýrer – kerwen geçer*) обогатила европейские языки: рус. *Собака лает, [а] караван идёт*; укр. *Собака гавкає, [а] караван [собі] йде*; фин. *koirat haukkuvat, karavaani kulkee* (букв. собаки лают, караван идёт) [Кузнецова, Юлдашова 2019: 106].

«Фразеологическая единица, возникающая в результате точной или измененной передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов (оборотов) средствами заимствующего языка» называется фразеологической калькой [Бирих, Волков, Никитина 1993: 90]. Калькированные фразеологизмы могут быть точными и неточными. Первые возникают в результате точной передачи лексико-грамматического состава иноязычного фразеологизма. Так, перифраза *чёрное золото* 'нефть' скалькирована с английского оборота *black gold*. В современном русском языке этот газетный штамп «считается несколько устаревшим» [Крысин 2002: 33]. Вторые скалькированы с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче компонентов фразеологизма. Примером неточной кальки может быть *сленговый* терминологический фразеологизм *прыжок (отскок) дохлой кошки* (польск. *podskok (odbicie) zdechłego (martwego) kota*) 'резкий рост цены акций после периода ее существенного снижения', отличающийся от английского оригинала *dead cat bounce* порядком слов.

Первые употребления фразеологизма *lame duck* датируются 60-70-ми гг. XVIII в., причем он относился к обанкротившемуся игроку или инвестору, «который, подобно подстреленной утке, не может больше угнаться за стаей»; с 60-х гг. XIX в. «выражение <...> стали применять в отношении должностных лиц и чиновников» [Миронова 2016: 144]. Таким образом, оборот представляет из себя фразеотермин из сферы экономики и политики; его «расшифровка» дается в словарях следующим образом: «1) компания в тяжелом финансовом положении и нуждающаяся в поддержке государства; 2) джоббер, не способный выполнить обязательства по заключенным сделкам (Великобритания); 3) президент, премьер или губернатор, проигравший выборы» [Федоров 2011: 9]. В американском английском фразеотермин стал выступать в качестве политической метафоры, относясь к политику, в частности президенту, который уже не может принимать ключевые решения, т. к. они уже не имеют юридической силы, поскольку он не будет переизбран на следующий срок, а внимание общественности сосредоточено на новых кандидатах. Фразеологизм скалькирован в русский язык в форме *хромая утка* (укр. *кульгава качка*; бел. *кульгаючы качка*; польск. *kulawa kaczką*; нем. *lahme Ente*). Заметим, что в польских текстах встречается и неточная калька с лексемой *kaczor* 'селезень' для подчеркивания того, что выражение относится к представителю мужского пола: *Kulawy kaczor nakreślił wzrostu na giełdach* [rp.pl>Gielda/311089908-Wyboru...w-USA-Kulawy-kaczor...].

Первоначальное употребление кальки обычно сопровождается «расшифровкой», указанием на её употребление в той или стране, а калькированное выражение заключается в кавычки:

В оставшиеся несколько месяцев перед выборами он был, как говорят американцы, «хромой уткой» [О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. 1997]. Американский президент, избранный на второй срок,

зовется по традиции «хромой уткой» [Дайер Гвин. Проблема брюк президента // «Общая газета», 1998.02.04]. <...> дома (в США – И. К.) Клинтона также с нарастающей твердостью начали предупреждать, чтобы он, «хромая утка», которой осталось несколько месяцев в Белом доме, не вздумал заключать в Москве соглашения в ущерб новым планам по ПРО – сенат все равно их не пропустит [Сиснёв В. Пока многое в тумане // Труд-7, 2000.05.27]. Прежде всего уникальный кинокапустник, снятый в Белом доме с личным участием «хромой утки» – так американцы называют уходящего с поста президента [Чем вас обрадовал и чем огорчил телеэкран на минувшей неделе? // Труд-7, 2000.07.20]. У американцев есть термин для президента, который служит свой последний срок, – «хромая утка». [Я думаю, Путин виноват // «Московский комсомолец», 2003.01.14].

Позже калька стала применяться в отношении политиков других стран: Если прежде Чэнь Шуйбяня считали в Пекине «хромой уткой» – лидером, лишенным прочной парламентской поддержки, то теперь ситуация изменилась [Привалов Д. Выборы не изменили статуса Тайваня // Труд-7, 2001.12.04]. Леонид Кучма <...> и так уже является «хромой уткой», как на политологическом жаргоне называют любого президента, который по Конституции не может быть переизбран на следующий срок [Никонов Вячеслав президент фонда «Политика». Выборы в Раду с видом на президентство // Труд-7, 2002.04.06]. И сразу после этих декабрьских выборов Лужков оказался в роли «хромой утки» – уходящего политика [Волошина В. Лужков сможет стать мэром в пятый раз // Известия, 2004.09.14]. Владимир Путин, выражаясь на сленге политологов, уже считается «хромой уткой» [Неверов Александр член жюри конкурса. Путин плюс Распутин // Труд-7, 2006.04.28]. Ср. также с нем.: Günther Oettinger nannte die deutsche Bundeskanzlerin Angela Merkel im September 2018 eine „lahme Ente“ [Süddeutsche Zeitung, 27. September 2018, abgerufen am 26. November 2018].

Со временем калькированное выражение может употребляться без толкования значения и без кавычек:

Похоже, утративший фактическую власть президент Украины решил избавиться от стойкого реноме *хромой утки* [Украина впадает в кризис // РБК Daily, 2006.12.15]. А для этого ВВП надо показать, что он – не *хромая утка* [Банный день // Комсомольская правда, 2007.02.06]. Итальянский премьер Сильвио Берлускони со скрипом удержался у власти, однако он уже стал *хромой уткой* [Петрушов И. Уход Берлускони грозит «Южному потоку» // Труд-7, 2010.12.15]. <...> как только Медведев flew over сооскоо's nest, господа депутаты почувствовали свою силу и решили еще разок потоптаться по худой и *хромой утке* и заявили о своем желании в очередной раз сменить закон о времени [Мальцев И. Время скажет // Известия, 2012.09.21].

Фразеотермин *late duck session* (польск. *sesja kulawej kaczk*) в американской политической журналистике употребляется давно, в русском же языке совсем недавно. Разное его оформление и толкование смысла в

текстах свидетельствуют о том, что данное сочетание заимствовано и освоено языком-реципиентом недостаточно:

Есть надежда, что это произойдет во время *сессии «хромой утки»*, когда преемники сенаторов уже определены, а они дорабатывают на своем посту последние недели [Договор об СНВ может не пройти конгресс // Известия, 2010.09.09]. Эксперты не исключают: это может быть сделано в так называемую *«сессию хромой утки»*, то есть до прихода новых избранников [Воропаев В. Америка покраснела // Известия, 2010.11.08]. Госсекретарь США <...> призвала их одобрить документ хотя бы в так называемую *«сессию хромой утки»* – период между промежуточными выборами в конгресс 2 ноября и созывом в начале января нового состава конгресса [Ворошилов Д., Табак М., Саенко Л. США готовятся к выборам, эксперты не могут назвать победителя // РИА Новости, 2010.10.30]. Сенат вступил в *«сессию хромой утки»* – многие парламентарии дорабатывают последние недели перед уходом с Капитолийского холма [Воропаев В. Сенат захромал // Известия, 2010.11.17]. Его однопартиец <...> заявил, что сомневается в вероятности ратификации договора в *«сессию хромой утки»* – период до начала работы нового состава Конгресса [РИА Новости выбрало главные события недели в мире // РИА Новости, 2010.11.19]. Депутат добавил, что сейчас в американском парламенте идет так называемая *сессия «хромой утки»*, поскольку в конгрессе «с января будут заседать уже другие люди» [РФ примет меры после принятия США закона о Магнитском – парламентарии // РИА Новости, 2012.11.16]

В сфере экономики фразеотермин *хромая утка* в русском языке используется значительно реже:

Но все же «ТНС энерго» сумела серьезно расширить свое присутствие, в первую очередь за счет *«хромых уток»* – компаний, попавших в трудное положение [Огородников Е. Как заработать, когда не платят // «Эксперт», 2015]. Аналитики не исключают, что по итогам 2016 года из-за низкого ввода и слабой доходности в категорию *«хромых уток»* перейдут и торговые помещения [Аналитики назвали офисы *«хромыми утками»* рынка недвижимости // lenta.ru, 2016.03.29]. *«Хромые утки»* – офисы – характеризуются низкими темпами роста, низкой доходностью и низкой же рентабельностью [Грекова О. Однокомнатная квартира на Цветном бульваре стоит дороже виллы в Майами // Московский комсомолец, 2016.03.30]. В конце марта 2016 года эксперты компании NAI Весаг назвали офисы *«хромыми утками»* рынка коммерческой недвижимости Москвы и Санкт-Петербурга [Аналитики увидели увеличение доли пустующих офисов в Москве // lenta.ru, 2016.07.01]. Ср. также с нем.: Unternehmenschefs, deren Vertrag nicht verlängert wurde, werden häufig als „lahme Enten“ tituiert [Kristin Schmidt, Jan Guldner: So nutzen scheidende CEOs ihre Zeit als lahme Ente // Wirtschaftswoche. 10. Juli 2018, abgerufen am 26. November 2018].

В языке-доноре в этом значении фразеотермин *lame duck* фактически не используется, что подтверждается, по наблюдениям лингвистов, лишь единичным употреблением её в Корпусе современного американского английского (СОСА) [Миронова 2016, 143].

В русском языке данный оборот употребляется только в калькированном виде, в других языках-реципиентах это выражение может быть заимствовано и в иноязычной форме и встречаться в текстах сразу в обоих вариантах:

Нем.: Im Sport werden Trainer, die den Verein verlassen wollen oder müssen, als „Lame Duck“ oder „lahme Ente“ bezeichnet [Das Lame-Duck-Syndrom. Süddeutsche Zeitung, 9. März 2011].

Польск.: Dwa lata temu Angela Merkel wygrała ze swoją CDU wybory parlamentarne i po długich negocjacjach, w lutym 2018 roku, mogła w końcu stworzyć rząd z socjaldemokratami. I choć od początku było wiadomo, że to ostatnia kadencja Merkel na stanowisku, to jednak nie było wiadomo, że już po dwóch latach Merkel stanie się na arenie międzynarodowej «kulawą kaczką» (*lame duck*) [wiadomosci.onet.pl>Świat>...-dwa-lata-rzadu-merkel...]. Urzędujący prezydent nawet nie może się obrażać, że określają go mianem *lame duck*, kulawego kaczora, gdyż choć formalnie zachowuje wszelkie (ogromne) prerogatywy i kontakty zagraniczne, to jego polityczny kapitał topnieje szybciej niż giełda na Wall Street [polityka.pl>tygodnikpolityka...1...przez...prezydenta...].

О фразеологизации оборота в русском языке свидетельствуют и случаи употребления его не в свойственном контексте: Ведь не случайно и сегодня в обществе незамужняя женщина после некоего выдуманного возраста становится *хромой уткой* – на нее косят глазом товарки, мужья товаров и любовницы мужей товаров – у них-то все как у людей [Мальцев И. Цветком и дубинкой // Известия, 2013.03.10]. В данном примере рассматриваемый фразеологизм *хромая утка* синонимичен фразеосочетанию *белая ворона*.

Рассмотренный выше материал свидетельствует о динамике употребления сленгового термина *хромая утка*.

Образные кальки-англицизмы (американизмы) терминологического характера изучаются на материале одного языка [Наумова 2012; Янурик 2018 и др.] и в сопоставительном плане [Стойнова 2020; Janurik 2017 и др.]; они представляют собой своеобразный пласт интернациональной фразеологии. А «современная эпоха глобализации характеризуется наличием глобального языкового кода», под которым «подразумевается некоторый набор инвариантных концептов, существующий в сознании людей разных стран мира и соотносимый с референтно-тождественными реалиями их личной и профессиональной жизни, независимо от конкретной страны проживания» [Власенко 2009: 63]. Глобальным языковым кодом является в силу интернациональности составляющих его элементов: «среди них немало слов и терминологических сочетаний из разных языков, каждый из которых по-своему

зафиксировал реалии отраслей, приоритетных для общественно-экономического развития большинства стран мира» [Власенко 2009: 64]. Бурное проникновение калек-англицизмов (или американизмов) политической, финансовой или экономической терминологии в языки-реципиенты посредством публицистики массового и специализированного характера является следствием стремления к единому профессиональному языку, служит доказательством глобализации в языке, при этом в последнее время ведущую роль здесь играет английский и его американский вариант в качестве языка-донора: рус. *золотой парашют*, болг. *златен парашут*, чеш. *zlatý padák*, польск. *złoty spadochron (parasol)* < англ. *golden parachute*; рус. *азиатские тигры (драконы)*, укр. *азіатські тигри (дракони)*, бел. *азіяцкі тыгры (драконы)*, серб. *азијски тигрови*, словц. *ázijské tigre*, нем. *die asiatischen Tiger (Drachen)*, кит. 亞洲四小龍 < англ. *Asian Tigers (Dragons)*; рус. *жирный кот*, укр. *жирний кіт*, болг. *тлъсти котараци* < англ. *fat cat*. «Американские фразеологические заимствования, особенно жаргонного происхождения, отличаются яркой образностью и повышенной экспрессивностью» [Кунин 1986: 205].

Литература

1. *Бирих А. К., Волков С. С., Никитина Т. Г.* Словарь русской фразеологической терминологии (под редакцией проф. В. М. Мокиенко). – München: Verlag Otto Sagner, 1993. – 135 с.
2. *Власенко С. В.* Русский как язык перевода современного глобального языкового кода // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 63–68.
3. *Кузнецова И. В., Юлдашова Н. Р.* Анималистическая фразеология в русском, украинском и туркменском языках // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – С. 104–111.
4. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1986. – 336 с.
5. *Миронова М. Ю.* Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина *lame duck*) // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 141–146.
6. *Наумова И. О.* Фразеологические кальки английского происхождения в современном русском языке (на материале публицистики). – Харьков: ХНАГХ, 2012. – 214 с.
7. *Стоянова Р.* Терминологични фразеологични калки в найновата българска и руска икономическа терминология // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин». София, 2020. – Т. 1. – София: Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. – С. 173–181.
8. *Федоров Б. Г.* Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь. English-Russian banking and investment

encyclopedic dictionary: 27 000 терминов: в 2 т. – Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2011. – Т. 2: L-Z. – 829 с.

9. Янурик С. О некоторых типах калькированных английских терминов в современном русском языке // Голоса русской филологии из Будапешта. – Будапешт, 2018. – С. 247–257.

10. Janurik Sz. Angol mintára keletkezett tükörszavak a magyarban és az oroszban [Кальки с английского в венгерском и русском языках] // Nexus Linguarum. Köszöntő kötet a 80 éves Nyomárkay István akadémikus tiszteletére. (Opera Slavica Budapestinensia. Symposiae Slavicae.) – Budapest: ELTE BTK Szláv és Balti Filológiai Intézet Szláv Filológiai Tanszék. – S. 147–160.

Авторы:

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары (Россия), e-mail: irinak47@yandex.ru;

Мокеева Екатерина Анатольевна – бакалавр 2 курса психолого-педагогического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары (Россия), e-mail: mokeeva.yekaterina@yandex.ru

Authors:

Kuznetsova Irina Vladimirovna – Candidate of Philologicals, Associate Professor of the Department of pedagogy and methods of primary education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary (Russia);

Mokeyeva Ekaterina Anatolyevna – 2nd year Bachelor's Degree Student, Faculty of Psychology and Pedagogies, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia.

ВИЗУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ФОРМИРОВАНИИ МЕДИЙНОГО ОБРАЗА СФЕРЫ ОБСЛУЖИВАНИЯ

Аннотация: В статье проанализированы рекламные объявления, представляющие собой креолизованный текст, изучение которого в данный момент является актуальным, учитывая активное развитие различных масс-медиа. В сознании потребителя сформировались прочные ассоциации с определенными нишами сферы обслуживания, в том числе и в отношении их рекламы.

Ключевые слова: медиа, реклама, логотип, потребитель, семантика, культура.

S. S. Lebedeva

VISUAL-VERBAL STEREOTYPES IN THE FORMATION OF THE MEDIA IMAGE OF THE SERVICE SPHERE

Abstract: The article analyzes advertisements that are creolized text, the study of which is currently relevant, given the active development of various mass media. In the minds of the consumer, strong associations have been formed with certain niches in the service sector, including with respect to their advertising.

Keywords: media, advertising, logo, consumer, semantics, culture.

На современном этапе развития СМИ все большее значение обретает реклама. Обилие продуктов и услуг само по себе рождает потребность в различного рода рекламных роликах по телевидению, рекламных объявлениях в газетах, на сайтах. И это лишь малая часть возможных вариантов размещения рекламных текстов. Главная цель любой рекламы – привлечь внимание потребителя любыми способами. Основной упор делается на визуальную составляющую (приятные цвета, «сочная» картинка), но текст имеет не меньшее значение (например, слоганы, которые достаточно прочно врезаются в память). Поэтому следует говорить именно о взаимодействии этих элементов, о визуально-вербальной специфике. Большое значение имеет построение самого рекламного текста, выбранная цветовая гамма, различные дополнительные изображения, что в целом способствует той или иной оценке полученной потребителем информации.

В качестве материала для анализа рекламных текстов сферы обслуживания в данном случае выступили рекламные объявления на популярном интернет-сервисе «Авито».

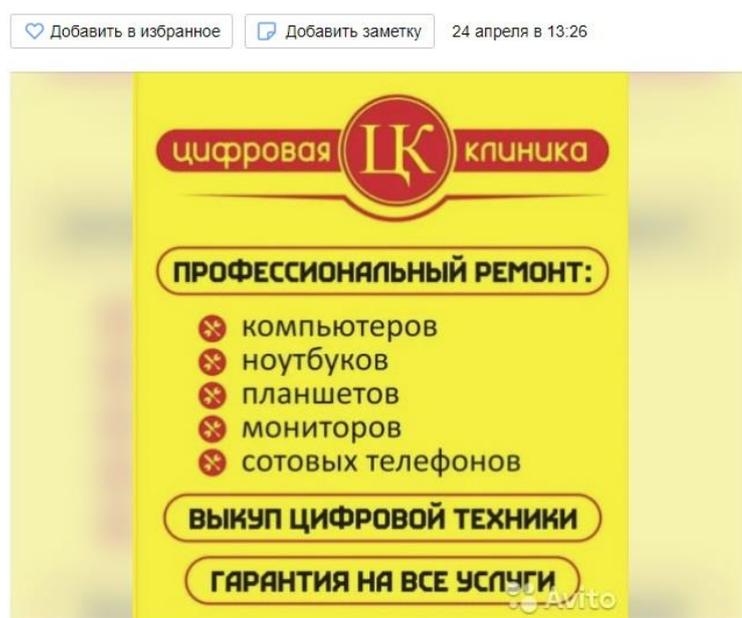
Обратимся к рекламе фирм, осуществляющих ремонт мобильных телефонов и компьютерной техники. Общим для них является наличие ассоциаций (как правило, уже в самом названии) с медицинской сферой, так как в данном случае происходит процесс «лечения» техники. Также этот образ подкрепляется определенными символами и цветовой гаммой (крест, красные или зеленые цвета).

Так, достаточно примечательным с точки зрения реализации оформления бренда является логотип фирмы, осуществляющей ремонт сотовых телефонов. Логотип должен привлекать внимание потребителя, следовательно, цветовая гамма чаще всего характеризуется наличием ярких красных, желтых, зеленых и других оттенков, что также находит отражение и в данном случае. Логотип, представляющий собой светло-зеленое яблоко в совокупности с соответствующим названием фирмы, вызывает прямые ассоциации с известной американской корпорацией Apple, которая имеет характерный логотип в виде надкушенного с одной стороны яблока, что непосредственно указывает на сферу деятельности фирмы – ремонт и обслуживание сотовых телефонов. Однако большее внимание следует уделить самому названию фирмы – «Яблочный Спас». Словосочетание «яблочный спас» в русской культуре и ментальности русского человека первоначально, в отрыве от контекста, вызывает прочные ассоциации со славянским праздником, отмечаемым в августе, но в анализируемом случае словосочетание приобретает новое значение, вступая в связь с изображением яблока на логотипе и описанием услуг фирмы, что качественно изменяет семантику этого устоявшегося словосочетания. Примечательно, что слово «спас» написано английскими буквами, что, вероятно, сделано с целью определенного дистанцирования классической семантики словосочетания от его новоприобретенного, более современного значения. «Спас» здесь выступает как окказиональная лексема к слову «спасение», которая самостоятельно, вне контекста, окажется непонятной. Соединение культурно-значимого компонента с современной его реализацией и трактовкой, оказывается, с

одной стороны, запоминаясь для потребителей, а с другой, может вызывать определенные негативные эмоции, так как реализация словосочетания «яблочный спас» как названия фирмы по ремонту телефонов, указывает на снижение в сознании людей значимости праздника как культурного явления.

Сервис центр компьютеров, ноутбуков, планшетов

Рекламное объявление сервисного центра компьютерной техники «Цифровая клиника» сразу же привлекает внимание выбранной контрастной цветовой гаммой (желтый, красный и черный цвета), что акцентирует зрительное внимание читателя на данном объявлении и облегчает его выделение среди других. Название «Цифровая клиника» выбрано не случайно, так как в словаре С. И. Ожегова находим такое значение у слова «клиника» – «стационарное лечебное учреждение, где ведется научная и учебная работа» [Ожегов 2009], которое в анализируемом случае обретает метафорический смысл благодаря переносу значения «лечебное учреждение» с живого существа (человека) на неживое (компьютерную технику), указывая, что компания специализируется на ремонте («лечении») компьютеров, планшетов и т. д. Учитывая широкое распространение различных частных медицинских центров в современной действительности, данное название оказывается актуальным, вступая в непосредственную связь с окружающей человека реальностью.

Практически идентичный пример рекламного объявления, где проводится параллель между лечебным учреждением и компьютерным сервисом, встречаем у компании «ДокторКомп». Данное объявление выполнено в спокойных зелено-черных тонах, что является достаточно удачным выбором, несмотря на то что зеленый цвет проигрывает по яркости желтому или красному. Так как акцент делается на «реанимировании» компьютерной техники, то здесь зеленый, который в подсознании человека имеет позитивную составляющую, символизируя стабильность, здоровье, позволяет положительно воздействовать на клиента. Стоит отметить особенности использованного шрифта, который вызывает стойкие ассоциации с аптекой (здесь же можно отметить и характерную эмблему креста), но благодаря тому, что основной упор сделан на выделенную зеленым часть «комп», переносит читателя в сферу электроники. Причем слово «комп», являясь сленговым, уместно в данном формате, так как используется компьютерными пользователями часто и уже прочно вошло в русский язык, а также подобное сокращение существенно экономит место в объявлении, в отличие от слова «компьютер». Отдельно стоит отметить слоган фирмы, который также присутствует в объявлении – «Скорая помощь Вашему компьютеру». Здесь обращает на себя внимание написанное с прописной буквы местоимение, указывающее на уважительное отношение к адресату. Представленный в этом объявлении текст в сочетании с визуальной составляющей является достаточно лаконичным и удачным вариантом.

Проанализируем объявления фирм, которые предоставляют различные юридические услуги. Можно заметить определенное сходство между ними в силу использования примерно одинакового шрифта, цветовой гаммы, иллюстраций и самого текста, который, как правило, лаконичен и указывает лишь на основные услуги компании. На наш взгляд, подобное однообразие обусловлено тем, что данные компании позиционируют себя как серьезные организации, следовательно, их реклама должна подчиняться определенному привычному и узнаваемому для самих потенциальных клиентов стилю. Например, видя изображение богини правосудия Фемиды на рекламном объявлении и еще не зная, о чем конкретно в нем говорится, любой человек в первую очередь будет ассоциировать данное место с осуществлением юридической деятельности. Это своего рода закреплённый стереотип, который позволяет быстрее сконцентрировать внимание клиента, которому данные услуги требуются, и, соответственно, рассчитывать, что уже после этого с большой вероятностью он непосредственно прочитает остальную информацию.

Обратимся к примеру – объявлению от юридического центра «Чернышов&партнеры». Стоит отметить популярность подобного рода названий на русской почве, созданных по аналогии с названиями и специфическими обозначениями иностранных компаний, например, «Johnson & Johnson», что само по себе не идет в плюс фирме, так как не выделяет ее среди других организаций (причем определенной связи таких названий и рода деятельности нет). Однако обращает на себя внимание само оформление объявления. Цветовые акценты расставлены удачно, об этом может говорить выделение насыщенным черным цветом фамилии руководителя центра – Сергея Чернышева и более приглушенным слова «партнеры» в названии. Дополняет объявление графическая иллюстрация в виде герба с двумя львами и инициалами директора, расположенная посередине, занимающая собой большую часть пространства и указывающая на некую элитарность, солидность данного центра, так как создает прочную ассоциацию с фамильными гербами, присущими только зажиточному роду. Это впечатление усиливают цвета герба – золотой, темно-серый и черный. Здесь стоит отметить, что человек благодаря данной иллюстрации сможет понять, что эта организация связана с юриспруденцией, даже не видя сразу название центра, так как на гербе среди всего прочего также изображены весы (наиболее распространенный и понятный символ правосудия). Важно подчеркнуть, что обилие деталей, которое мы можем наблюдать в данном объявлении, при условии использования более яркой цветовой гаммы, будет иметь прямо противоположный эффект, создавая нарочитую претензию на роскошь, что может оттолкнуть часть клиентов.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
Доверие
ЮРИДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР "ДОВЕРИЕ" ОКАЗЫВАЕТ ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКС ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

- Судебное представительство
- Правовые консультации
- Комплексные решения в области недвижимости, решение земельных споров
- Разработка и анализ правовой документации
- Сопровождение сделок
- Правовой аудит
- Регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей
- Услуги адвоката (ведение уголовных дел)
- Семейный юрист
- Абонентское обслуживание юридических лиц и предпринимателей

Как уже говорилось, классическим для такого рода объявлений является изображение Фемиды. Каких-либо дополнительных деталей, изображений, которые препятствовали бы эффективному восприятию текста, не имеется, что, несомненно, является плюсом. Однако прочесть весь объем представленной информации за небольшой промежуток времени, не позволяющий обилие информации, которая хоть и разграничена по пунктам, но одного шрифта. Человек обычно достаточно быстро прочитывает объявления и лишь на некоторых останавливается чуть дольше, зацепившись взглядом либо за яркую иллюстрацию, либо за крупный шрифт. В данном случае крупным жирным шрифтом выделено только название юридического центра. Отдельно стоит отметить, что выбранный фоновый зеленый цвет приятен глазу и ассоциируется со стабильностью, спокойствием, а значит, достаточно удачен в таких случаях, когда речь идет о компаниях, осуществляющих помощь гражданам по каким-либо вопросам.

Практически идентичным по оформлению является еще одно объявление, принадлежащее юридической компании «ПравоЗащита». Какой-либо информации здесь представлено существенно меньше, что в целом помогает быстрее привлечь клиентов. Фраза «юридическая помощь населению» является по своему смысловому наполнению достаточно широкой, так как сюда можно включить и составление документов правового характера, и совершение различных сделок, регистрацию индивидуальных предпринимателей и т. п. Причем для того, чтобы узнать, какие конкретно из этих услуг предоставляет данная компания, человек должен будет обратиться к представителям компании либо по телефону, либо через сайт, что уже так или иначе обеспечивает приток заинтересованных людей. Удачным можно считать выделение первых букв корней, составляющих сложное слово «правозащита», так как таким образом делается акцент на одной из важнейших функций, которую в принципе и должна осуществлять юридическая компания – защита прав юридических и физических лиц. Тут также используется

зеленый цвет, что еще раз подтверждает примерное единообразие в оформлении таких объявлений.

Таким образом, можно сделать вывод, что сформировавшиеся визуально-вербальные стереотипы в рекламных объявлениях, с одной стороны, помогают потребителю быстрее ориентироваться в потоке информации и находить нужную ему услугу, а, с другой стороны, они же делают этот поток информации однообразным и клишированным, не позволяя потребителю мыслить шире.

Литература

1. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.

Автор:

Лебедева Софья Сергеевна – студентка магистратуры Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, г. Липецк, Россия; e-mail: sonik-x5@yandex.ru

Author:

Lebedeva Sofya S. – Master's student at the Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Lipetsk, Russia; e-mail: sonik-x5@yandex.ru

ВАРИАТИВНОСТЬ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются разноаспектные изменения норм, проявляющиеся в речи носителей языка, анализируются варианты одновременного функционирования устаревших и современных языковых форм. Выявляются разновидности вариативности при постановке ударения, употребления параллельных форм на примере глаголов и причастий. Отмечается влияние вариативности на содержательную сторону речи, стилистическую характеристику единиц. Устанавливаются причины и динамика этого явления.

Ключевые слова: норма, вариативность, ударение, произношение, динамика грамматических форм, причины вариативности.

Т. А. Machay, O. S. Grakova

VARIATION IN LANGUAGE AND SPEECH

Abstract. The article examines the diverse changes in the norms that manifest themselves in the speech of native speakers, analyzes the options for the simultaneous functioning of outdated and modern language forms. The varieties of variation in the setting of stress, the use of parallel forms on the example of verbs and participles are revealed. The influence of variability on the content side of speech, the stylistic characteristics of the units is noted. The causes and dynamics of this phenomenon are established.

Keywords: norm, variation, stress, pronunciation, dynamics of grammatical forms, causes of variation.

Вариативность – это возможность одновременного существования в речи двух или более нормативных употреблений как в рамках литературности, так и в разговорной речи (*твóрог–творóг, бáржа–баржá*). Наука, которая изучает нормы русского языка и отклонения от этих норм, называется ортологией [Казак 2017: 4].

Одна из главных характеристик грамотной речи – правильная постановка ударения. Особенность постановки ударения в русском языке имеет историческое обоснование, а также связывается с тем, что постановка ударения может отличаться разноместностью и подвижностью в слове, а в некоторых случаях играет роль смыслообразителя (*мукá и му́ка* – разные слова; *лаврóвые листья*, но: семейство *ла́вровых* в ботанике и т. п.) [Обнорский 1984: 249–250].

Разная постановка ударения колеблется, например, от хронологических (новое или старое ударение), прогрессивных тенденций развития акцентологической системы, просторечных, иноязычных или диалектных влияний, а также внутриязыковых условий (действие аналогии) – для ненормативных вариантов [Обнорский 1984: 259–260], например, *плáнер* и *планёр*, *ра́курс* и *раку́рс*, *пéтля* и *петля́*, *при́зрак* и *призра́к*, *атлáс* и *átлас*, *квáртил* и *квартáл*.

В языке существуют различные варианты постановки ударения, но следует различать те, которые допустимы в пределах нормы, и те, из которых только один нормативен. Так как в русском языке постоянно накапливаются и исчезают языковые элементы, причем всё это может происходить одновременно, допустимы и неизбежны нормативные колебания. Их суть заключается в том, что одна и та же языковая единица может иметь несколько форм (чаще всего две). Например, *дарíшь* – *да́ришь*, *фо́льга* – *фольга́*, *индо́стрия* – *индустри́я* (первое слово – устаревший вариант, второе – современный) [Обнорский 1984: 266–267].

Постоянное использование новой нормы оценивают исходя из тенденций нашего языка. Для того, что рекомендовать использовать какую-либо из существующих норм, необходимы такие условия: 1) системная обусловленность; 2) широкая употребительность.

Старые ошибки типа *одеть* (вместо *надеть*), крайний (вместо *последний*), *крепкое кофе* (вместо *крепкий кофе*) стали нормами обиходно-разговорной речи и в будущем могут стать нормами литературного языка. Но их путь в литературный язык преграждает установленный взгляд как на нелитературные формы.

Стоит отметить, что литературный язык также имеет непривычные для нас формы слов, так как стилистические мерки и вкусы меняются со временем. Для времен Пушкина, Ломоносова и Карамзина понятия о правильности речи в некоторых случаях переставали быть авторитетными, их выражения иногда были непригодны. К примеру, Ломоносов допускал сравнительную степень на -яе (*светляе*), рекомендовал средний род для всех существительных на -ище (*великое домище*) полагая, что “лучше сказать *толкаячи*, нежели *толкая*”. А очень внимательный к языку Карамзин находил хорошими нетерпимые теперь формы: *домы*, *постеля*, *передражнивая*, *яромонка*, *картеча*. Всеми любимый Пушкин употреблял народные формы, которые теперь не допускаются в литературном языке, как *три дни*, *козачей сабли*, *пламя позднее*, *цалует* и другие [Обнорский 1984: 256]. Очевидно, авторы не совершали ошибки против норм языка. Значит, здесь мы не имеем дела с неправильностью, но встречаемся с устаревшими формами, вышедшими из употребления, словом, с архаизмами языка.

Чем ближе к нашему времени, тем больше стилистика удаляется из грамматик. Но до сих пор некоторые недоумевают при многих вопросах употребления, например, можно ли написать в родительном падеже *мёду*,

чаю, и останавливаются на мнимогрмотных *мёда, чая*. Затронем эту тему глубже.

В русском народном и старинном языке в именах существительных мужского рода употребляется окончание *-у* намного чаще, чем носители используют сейчас. При этом такие слова допускают окончание *-а*. Случаи употребления двух этих форм верно определил Ломоносов, рекомендовавший для славянских, книжных, отвлеченных значений формы на *-а*, а для разговорных – формы на *-у*, указавший, что формы на *-у* целесообразны для собирательно–вещественных, различаемых по числу или весу: *бархату, бисеру, воску, льду*; для некоторых имён, означающих место и время: *берегу, верху, низу, лугу*. Но следует учесть, что редкие случаи родительного с окончанием на *-у* нужно считать народными и старинными случаями, которые современному литературному языку уже не свойственны.

В некоторых словах с изменением падежа современное употребление колеблется между двумя формами, не отдавая предпочтения ни той, ни другой. Говорят: *на балу и на бале* (реже), *на бережку и на бережке*, *в быту и в быте*, *на ветру и на ветре*, *в жиру и в жире*, *в кругу и в круге*, *в отпуске и в отпуску*, *в цвету и в цвете* (в смысле физическом), *в шкафу и в шкафе* и т. п. [Обнорский 1984: 252].

Часто слова с двояким произношением отмечаются в такой группе, как славянизмы. Людям, незнакомым со славянской грамматикой, слова: *тщетно, единственный, принуждаю, помощь, враг, срам, плен* – кажутся чисто русскими, между тем это несомненно славянизмы. Все они определяются точными фонетическими признаками. К примеру, славянское *е* под ударением: *житие, бытие, копие* в русском языке звучит также только вместо *е* под ударением *ё* и *и* заменяется *ь* [Обнорский 1984: 254]. Такие славянизмы мы употребляем крайне редко.

Затрагивая такую часть речи, как глаголы, нужно отметить, что многие глаголы имеют дублетные формы (похожие), каждая из которых употребляется только в конкретной ситуации: *поднимать–подымать, лазить–лазять, видеть–видать, мучить–мучать, мерить–мерять*. В Донецком регионе живёт более 89 наций и народностей, имеющих достаточно высокий уровень образования, из которых каждый второй получает среднее специальное образование на русском языке, и это не мешает людям использовать второй вариант вышепредставленных глаголов, которые не являются нормами литературного языка. С глаголами совершенного вида (*заготовить, накопить*) также могут использоваться глаголы несовершенного вида (*заготавливать–заготовлять, накапливать–накоплять*). В книжных стилях чаще употребляются глаголы с суффиксом *-ива* и *-ыва*, а в речи, наоборот, используются без этих суффиксов. Двувидовые глаголы типа *использовать, организовать* имеют как совершенную форму, так и несовершенную форму, поэтому от них нельзя образовать слова с суффиксом *-ыва–* и *-ива-* формы несовершенного вида. Параллельные формы двувидовых глаголов используются с

суффиксами *-изовать* и *-изировать*: *стабилизовать–стабилизировать*, *демократизовать–демократизировать*, *конкретизовать–конкретизировать* [Языковая вариативность 2015]. В данных формах возможна вариативность в употреблении, так как обе являются верными.

В повседневной жизни можно заметить, что вариативность проявляется на грамматическом уровне: *волнующий момент – волнительный момент*, *мечтающие дети – мечтательные дети*. Эти формы причастий фиксируют момент замены первой нормативной на вторую, которую не так давно было принято считать ненормативной. Также все знают, что в Донецком регионе хорошо развита угольная промышленность, поэтому и здесь используются специфические нормы произношения, в особенности, *добы́ча – дóбыча*. Такие формы функционируют параллельно, и носители языка ориентируются, когда использовать ту или иную форму в зависимости от ситуации.

Русский язык богат, и его богатства неиссякаемы, одно слово или словосочетание, имеющее определенный смысл, может звучать по-разному, а какое-либо слово со всего-навсего разным ударением может иметь совсем другое значение – это и есть уникальная особенность нашего языка. В наше время лингвисты устанавливают в языке нормы, которых следует придерживаться, но, как это обычно бывает, в разговорной речи люди всё также употребляют слова с привычным для них произношением. А установленные нормы используются лишь в учебных целях и литературных стилях.

Литература

1. *Норма* и вариативность в языке и речи: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Е.А. Казак. – М., 2017. – С. 4–59.

2. *Обнорский С. П.* Правильности и неправильности современного русского литературного языка // Основы культуры речи: Хрестоматия. – М.: Высшая школа, 1984. – С. 249–267.

3. *Языковая вариативность* // Лекции. Орг-публикация материала для обучения, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lektsii.org/2-18669.html> (дата обращения 02.02.2021).

Авторы:

Мачай Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального технического университета, г. Донецк, ДНР; ruskafdonntu@mail.ru;

Гракова Ольга Сергеевна – студент 1-го курса, группы БИ–20 Донецкого национального технического университета, г. Донецк, ДНР; lqokag@gmail.com

Authors:

Machay Tatyana A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Russian Language Department of Donetsk National Technical University, Donetsk, DNR; ruskafdonntu@mail.ru

Grakova Olga S. – 1st year student of the BI–20 group of the Donetsk National Technical University, Donetsk, DNR; lqokag@gmail.com

ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЧУВАШСКИХ И РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена межъязыковому сопоставлению чувашских и русских устойчивых сравнений тематической группы «Внешность человека». Целесообразность и дидактическая необходимость сопоставительного описания продиктованы отсутствием словаря компаративизмов чувашского языка и потребностями межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: фразеография; чувашские и русские устойчивые сравнения; межкультурная коммуникация.

М. А. Nikolaeva

APPEARANCE OF THE PERSON IN CHUVASH AND RUSSIAN FIXED SIMILES

Abstract. The article is devoted to interlingual comparison of fixed similes in the Chuvash and Russian languages. The analyzed phraseological units are related to the thematic group «Appearance». The necessity of a comparative description is dictated by the absence of a comparative dictionary of phraseological units and the needs of intercultural communication.

Keywords: phraseography; Russian and Chuvash fixed similes; cross-cultural communication.

Сравнения занимают в языке и мышлении особое место. Устойчивые сравнения (УС) есть в любом языке; их идиоэтничность проявляется на уровне эталонов сравнения, которые обусловлены сложившимися в определенной культуре стереотипными представлениями. «Эталон при этом понимается как образное замещение свойства человека или предмета какой-либо реалией <...>, выступающей в качестве знака их доминирующего свойства <...>» [Богданова, Малькова 2014: 41]. Как правило, образы сравнений экспрессивны, наглядны, с их помощью можно описать практически всё. В плане выражения фразеологизмы со структурой сравнения являются трехчленными, состоящими из субъекта сравнения обязательного (*такана нек хырйм – живот как корыто*) и необязательного (*Микка вйкър нек сывй – Никита здоровый как бык*), основания сравнения, на базе которого построен компаративный фразеологизм (*айър нек вййлй – сильный как жеребец*), и образа сравнения, или его эталона (*курак нек хура – чёрный как грач*).

Первый опыт научного описания фразеологии чувашского языка – монография М. Ф. Чернова; в ней дается представление о чувашских УС, их образовании и структуре [Чернов 1985]. Межъязыковое описание русской и чувашской фразеологии представлено в учебном пособии, в котором приведены также русские и чувашские УС [Орлова 1977: 52–55; 65–66; 68–70]. Чувашские УС сопоставляются с русскими в ракурсе соответствия и в диссертационных работах [Гришаева 1996]. Необходимость создания учебного словаря на материале компаративизмов этих языков обосновывалась [Кузнецова 2017], однако, видимо, ввиду того что «систематического описания одного из разделов фразеологии – устойчивых сравнений – в чувашской лингвистике на сегодняшний день не существует» [Михеева 2017: 638], данная работа находится на этапе накопления фактов и их систематизации. В статьях чувашские и русские образные сравнения анализируются в плане методики изучения [Беляева, Кузнецова 2006], сопоставления структуры [Кузнецова, Лукина 2016; Кузнецова, Петрова 2017а], эталонности [Михеева 2018], единиц с однотипным образом сравнения [Кузнецова, Волкова 2004; Кузнецова, Хрусталёва 2011], единиц с однотипным грамматическим компонентом [Бычков 2017; Михеева 2017], единиц с однотипным сигнификативным значением [Кузнецова, Петрова 2017б].

Мы остановим свое внимание на описании чувашских и русских УС, описывающих внешность человека, и ограничимся только теми, в составе которых есть универсальный чувашский послелог *пек* (*пекех*), который соответствует русскому компаративному союзу *как* и его синонимам. Отметим, что существует немало работ, посвящённых анализу облика человека, на материале одного языка [Алёшин 2009а; Алёшин 2009б; Ван Ливэнь 2014 и др.] или в сопоставительном плане на материале разных языков [Алёшин 2010; Юй Фэнин 2016; Юлдашова 2020 и др.]; в них рассматриваются структура, семантика, а также особенности функционирования УС группы «Внешность человека». Специальных работ, связанных с сопоставлением чувашских и русских компаративизмов этой группы, нет. В работе представлен широкий подход к составу группы УС «Внешность человека»: в неё включены фразеологизмы, характеризующие особенности фигуры, телосложения, частей тела и т. д.

Материалом сопоставления послужили УС, описывающие внешность человека, извлеченные из разных источников: одно- и двуязычных фразеологических словарей, указанных в списке литературы статей, диссертационных исследований, а также из сети Интернет и полученных в ходе опроса студентов психолого-педагогического университета ЧГУ им. И. Я. Яковлева – носителей чувашского языка.

В обоих языках представлены УС со значением ‘внешнее сходство’; в сопоставляемых языках есть компаративизмы с одинаковой или близкой образностью: чув. *йёкёреш пек* – рус. [*похожи*] как близнецы; чув. *шйратнй пек* – рус. [*похож*] как вылитый; чув. *пёр пёрнери çамартасем пек* (букв.

как яйца в одном лукошке) – рус. [*похожи друг на друга*] как яйца из одной корзины. В то же время в каждом языке есть УС с разными эталонами: чув. *пёр пуслăхри чăх чĕппи пек* (букв. как цыплята из одного выводка), *пёр пёрнери пёрлĕхен пек* (букв. как костяника из одного лукошка); чув. *пёр пичкери сăра пек* (букв. как пиво из одной бочки); рус. *похожи [друг на друга] (схожи) как две капли [воды]*. Тождественны в обоих языках образы в УС с семантикой ‘очень непохожи’: чув. [*пёринчен*] *сĕрпе пĕлĕт пек* (букв. как земля с небом) – рус. [*отличаться друг от друга*] как небо от земли; [*разные, отличаться*] как небо и земля (земля и небо). Здесь противопоставлены небо как символ обители Бога и земля – вместилище грехов и пороков [БФСРЯ 2006].

Для выражения общего впечатления от внешности человека как в русском, так и в чувашском языке в большинстве случаев используются основания *красивый* и *некрасивый*. Красоту человека отмечают отличающиеся количественно УС чув. *хут сине ўкернĕ пек хитре* (букв. красивая как нарисованная на бумаге) и рус. *красив как нарисованный*. В некоторых случаях основание сравнения опускается: чув. *шăратнă пек* (букв. как топлёный), *сăлтăр пек* (букв. как звезда), *сурхи кун пек* (букв. как весенний день), *сар (сенкер, уяр) кун пек* (букв. как ясный день); рус. *как картинка; как Елена Прекрасная*. Часто оно факультативно: чув. *пирĕшти пек [илемлĕ]* (букв. как ангел, добрый дух [красивый]). В чувашском языке берёза ассоциируется с красотой девушки вообще: *шурă хурăн пек* (букв. как белая берёза), в русском – со стройностью: *стройная как берёза (берёзка)*. «В русском языке красоту символизирует красный цвет (*как красно солнышко*), в чувашском – жёлтый (*сарă хĕвел пек*)» [Кузнецова, Лукина 2016: 195]. Как пишет С. Л. Михеева, «следует ... отметить особое отношение в чувашской культуре к жёлтому цвету: это цвет солнца и, как следствие, – эталон красоты: *сарă хĕр* – дословно ‘жёлтая девушка’» [Михеева 2018: 36] (соответствие в русском – *красна девица*). Отсюда и чув. *хĕвел пек, (сар) чечек пек* (букв. как жёлтый цветок), а чув. *мăкăнь сески пек хĕрлĕ* является, скорее всего, калькой с русского *красна как маков цвет* (именно с маковым цветом в славянской культуре ассоциируется красота, ср., напр., с чеш. *červená jako makový květ*). В русском языке есть УС, отсутствующие в чувашском: *красив как Аполлон ([молодой] бог)*. Антонимичная группа представлена УС: чув. *анкарти мĕлки (атомнăй бомба, сĕрĕк каска, тупăкри пек, вилнĕ сын пек) пек тискер* (букв. страшный как чучело огородное, как атомная бомба, гнилой пень, как в гробу, как мертвец); рус. *страшный как атомная война (страшнее атомной войны); безобразна как ведьма, дурĕн как смертный грех*.

Лицо человека может характеризоваться с разных позиций. Чув. *сăнĕ пичĕ сурла пек [хитре]* (букв. лицо как ягода [красивое]) отмечает его красоту (отметим, что рус. *как ягода (ягодка)* относятся к женской внешности вообще), *рак пек хĕрлĕ* (букв. красный как рак) – цвет, *икерчĕ (панулми, сăмарта,) пек саврака тит* (букв. круглое как блин (яблоко, яйцо) лицо) –

форму (ср. с рус. *лицо круглое как блин (луна), лицо овальное как яйцо*), *сăнĕ-ничĕ хĕвелне пĕрех суталат* (букв. лицо его сияет словно солнце) – выражаемые эмоции.

В чувашском языке много УС, показывающих белизну лица как что-то красивое или отмечающих его бледность: чув. *пир нек шуранкка пит* (букв. белое как полотно лицо); чув. *хут нек шуранкка пит* (букв. белое как бумага лицо); чув. *сĕт нек шуранкка пит* (букв. белое как молоко лицо); чув. *хăйма нек шуранкка пит* (букв. белое как сметана лицо); чув. *юр нек шуранкка пит* (букв. белое как снег лицо); рус. *белый как сыр* – чув. *чăкăт нек шурă* (букв. как домашний сыр белый). Не имеют в русском языке эквивалентов чув. *йĕтĕн нек шуранкка пит* (букв. белое как лён лицо); *кĕл нек сăн* (букв. лицо как зола). К цвету лица относится и чув. *сич кун хĕвел курман нек* (букв. словно семь дней солнца не видел). Близкую образность имеют чув. *сăнăх сапнă шурă* (букв. белый как мукой обсыпанный) и рус. *белый (бледный) как мука*; Межъязыковыми фразеологическими аналогами являются чув. *вилнĕ нек шурса кайнă* и рус. *бледный как смерть (мертвец, покойник, приведение)*. Румянец противопоставляется бледности лица и подчёркивает красоту и здоровье человека: чув. *питĕнчен юн татăлса анас нек* (букв. словно с лица кровь капнуть готова) – рус. *[как] кровь с молоком*, чув. *улма нек хĕрлĕ* – рус. *как наливное яблоко*. Смуглость кожи (природную или от загара) характеризуют УС с этнонимами: чув. *цыган (негр) нек хура* – рус. *чёрный как цыган (негр)*. Эти же УС относятся и к жгуче черноволосому человеку.

В обоих языках много УС, отмечающих размер глаз: чув. *тăмана (ёне, урапа, алтăр, икĕ пан улми, лаша куçĕ) нек пысăк* (букв. большие как у совы, коровы, как колёса, ковши, два яблока, у лошади); рус. *глаза большие как у совы (филина, газели, коровы, лошади), как фары*, причём образ сравнения может одновременно характеризовать их форму, выражение, цвет, давать им положительную или отрицательную оценку: чув. *шăрса нек хура* (букв. чёрные как бусинки); *тинĕс (кўлĕ, тўне, пĕлĕт) нек кăвак* (букв. синие как море, озеро, небо, туча).

Большой популярностью пользуются УС для описания телосложения с основанием сравнения *худой*: чув. *тип пулă (шăрпăк, патак, эрешмен, вилнĕ лаша шăмми, хĕç, вăлта хулли, хулă, хăмла шалси, сăмах шалси) нек типшĕм* (букв. худой как сушёная рыба, палка, паук, скелет дохлой лошади, меч, прут для удилица, прутик, жердь для хмеля, лучина для клёцок); рус. *худой как мертвец (скелет, смерть, мумия, спичка, палка, жердь, шест, тарань, вобла, глиста [в скафандре], Кощей [Бессмертный])*. Символом толстяка в обоих языках является свинья: чув. *сысна нек мăнтăр* – рус. *толстый (жирный) как свинья*.

Для характеристики цвета волос, бороды, усов в чувашском языке употребляются УС: *смала (кăмрăк, тикĕт, тикĕт лакăмĕ, сăхан, хăрăм, сĕмĕрт) нек хура* (букв. чёрные как смоль (смола), уголь, дёготь, лужа из дёгтя, ворон, сажа, черёмуха); чув. *чĕп (хĕвел, сар ылтăн, сар ухă) нек сарă*

(букв. жёлтые как солнце, золото, позумент); *кёмёл нек шурӑ* (букв. белые как серебро).

Подводя итоги анализа УС, используемых для описания внешности человека, можно отметить, что в чувашском и русском языках есть как общие, универсальные (*майӗ вӑкӑрӑн нек* (букв. шея как у быка); *майӑхӗ кушакӑн нек* (букв. усы как у кота); *ахах нек* (букв. как жемчуг) – ‘о красивых белых зубах’), так и национально- и культурно-специфичные УС (чув. *нихсан каҫми сӑлӑх нек* (букв. как никогда не прощаемый грех = рус. краше в гроб кладут); *турӑ нек шурӑ* (букв. как бог седой); *типсе кайӑн ват сурӑх* (букв. худой как высохшая старая овца); рус. как *Квазимодо*; *седой как лунь*; *тоц как хвоц*).

Литература

1. *Алёшин А. С.* Устойчивые сравнения, характеризующие глаза человека, в шведском языке // Лексикология и фразеология (романо-германский цикл): Материалы секции XXXVIII Международной филологической конференции. – СПб.: СПбГУ, 2009а. – С. 3–7.

2. *Алёшин А. С.* Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие фигуру человека // Скандинавская филология *Scandinavica*. – Вып. 10. – СПб.: СПбГУ, 2009б, – С. 16–23.

3. *Алёшин А. С.* Устойчивые сравнения в шведско-русской межкультурной коммуникации // Славянская фразеология и паремиология в XXI веке. – Минск: Змицер Колас, 2010. – С. 120–124.

4. *Беляева З. М., Кузнецова И. В.* Изучение в чувашской аудитории русских устойчивых сравнений с компонентом-представителем фауны // Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. – №. 9. – Тайбэй, 2006. – С. 309–317.

5. *Богданова Л. И., Малькова В. В.* Выявление ассоциативного потенциала слов эталонов, представленных в русских и немецких устойчивых сравнениях // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2014. – № 1. – С. 41–51.

6. *БФСРЯ* – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В. Н. Телия. – М., 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://phrase_dictionary.academic.ru/?f=0JHQldCX0J4%3D&t=0JHQoNCQ0KI%3D&nt=36

7. *Бычков В. И.* Служебные слова в устойчивых сравнениях русского и чувашского языков // Великая степь. Материалы II форума гуманитарных наук. – Т. 1. – Астана «Ғылым» баспасы, 2017. – С. 474–479.

8. *Ван Ливэнь.* Внешность человека как объект образной характеристики в системе устойчивых сравнений русского языка: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 2014. – 247 с. (с приложениями – 347 с.).

9. *Гришаева З. В.* Сравнительные конструкции в чувашском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.06. – Чебоксары, 1996. – 195 с.

10. *Кузнецова И. В.* О проекте учебного словаря русских и чувашских устойчивых сравнений // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2017. – № 3 (95). – Ч. 2. – С. 90–98.

11. *Кузнецова И. В.* Устойчивые сравнения с семантикой ‘очень похожи’ в разных языках // Актуальные проблемы педагогики и методики начального образования: сборник научных статей [Электронный ресурс]. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 104–108.

12. *Кузнецова И. В., Волкова А. Г.* Устойчивые сравнения с компонентом-анимализмом в русском и чувашском языках // Оптимизация преподавания учебных дисциплин в условиях вариативности начального школьного образования. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 60–66.

13. *Кузнецова И. В., Лукина М. Р.* Русские и чувашские устойчивые сравнения в сопоставительном аспекте // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. – Санкт-Петербург – Грайфсвальд: Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald. Institut für Slawistik, 2016. – С. 190–197.

14. *Кузнецова И. В., Петрова С. Ю.* Сопоставительный анализ русских и чувашских устойчивых сравнений // Великая степь. Материалы II форума гуманитарных наук. Международная тюркская академия. – Т. 1. – Астана «Ғылым» баспасы, 2017а. – С. 589–595.

15. *Кузнецова И. В., Петрова С. Ю.* Характер человека в русских и чувашских устойчивых сравнениях // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017б. – С. 243–246.

16. *Кузнецова И. В., Хрусталёва И. В.* Русские и чувашские устойчивые сравнения с компонентом-орнитонимом // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – С. 186–189.

17. *Михеева С. Л.* Устойчивые сравнительные обороты с компонентом-причастием в чувашском и русском языках // Великая степь. Материалы II форума гуманитарных наук. Международная тюркская академия. – Т. 1. – Астана «Ғылым» баспасы, 2017. – С. 636–643.

18. *Михеева С. Л.* Устойчивое сравнение как средство категоризации знаний о мире (на материале русского и чувашского языков) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 1 (97). – С. 34–41.

19. *Орлова В. И.* Спецкурс по русской фразеологии в условиях двуязычия: учебное пособие. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та им. И. Н. Ульянова, 1977. – 120 с.

20. *Чернов М. Ф.* Фразеология современного чувашского языка. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1985. – 174 с.

21. *Юй Фэнин.* Устойчивые сравнения, характеризующие лицо

человека, в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – СПб., 2016. – 196 с. (с приложениями – 255 с).

22. *Юлдашова Н. Р.* Внешность человека в зеркале русских и туркменских устойчивых сравнений // Мы говорим на одном языке: Материалы международной межвузовской студенческой конференции. – СПб.: РГГМУ, 2020. – С. 56–61.

Автор:

Николаева Марина Андреевна – бакалавр 4 курса психолого-педагогического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары (Россия), e-mail: mokeeva.yekaterina@yandex.ru;

Author:

Nikolaeva Marina Andreevna – Four-year Bachelor's Degree Student, Faculty of Psychology and Pedagogics, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia.

Н. Е. Матвеева, Е. Н. Мулендеева, Е. В. Никитина

«ПИКОВАЯ ДАМА» А. С. ПУШКИНА И «ШАГРЕНЕВАЯ КОЖА» О. ДЕ БАЛЬЗАКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РЕАЛИЗМА

Аннотация. Статья посвящена анализу произведений А. С. Пушкина и О. де Бальзака в ключе реализма. На основе собранного материала доказывается принадлежность двух произведений – повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» и романа О. де Бальзака – к течению реализма. Проводится сопоставительный анализ двух названных произведений с опорой на характерные черты реализма. Статья рекомендована к прочтению научным сотрудникам филологической специальности, студентам филологических факультетов и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: реализм, критический реализм, типичный герой, общество, сделка с дьяволом.

N. E. Matveeva, E. N. Mulendeeva, E. V. Nikitina

«THE QUEEN OF SPADES» BY A. S. PUSHKIN AND «SHAGREEN SKIN» BY O. DE BALZAC IN THE ARTISTIC SYSTEM OF REALISM

Abstract. The article is devoted to the analysis of the works of A. S. Pushkin and O. de Balzac in the key of realism. On the basis of the collected material, it is proved that two works-the story of A. S. Pushkin "The Queen of Spades" and the novel by O. de Balzac belong to the current of realism. A comparative analysis of the two named works is given, based on the characteristic features of realism. The article is recommended for reading by researchers of the philological specialty, students of philological faculties and a wide range of readers.

Keywords: realism, critical realism, typical hero, society, deal with the devil.

К 40-м годам XIX века набирает популярность течение реализма. В основу его легло живое, правдивое и непредвзятое видение реального мира.

Для понимания предложенного материала следует выделить некоторые важные черты направления реализма:

- 1) Художником изображена жизнь в тех образах, что соотносятся с сутью явлений самой жизни.
- 2) Реалистическая литература способна быть средством познания человеком самого себя и окружающего мира.

3) Познание реальности происходит с помощью образов, создаваемых посредством типизации фактов действительности.

4) Искусство реализма жизнеутверждающее, даже при завершении конфликта на трагической ноте. Основывается это на вере в познаваемость и объективное отражение окружающего мира.

5) Искусство реализма предусматривает и тенденцию к рассмотрению действительности в ее развитии, умение обнаружить и запечатлеть зарождение и развитие не существовавших ранее форм социальных отношений, новых психологических и общественных типов [Волков 1995: 243–245].

Переходя к анализу конкретного произведения, стоит отметить и историю его создания. Сюжет повести А. С. Пушкина «Пиковая дама» имел реальную основу, а именно рассказ писателя графу Нащекину об интересной ситуации, произошедшей с князем Голицыным. Проигравшись в карточной игре, юноша попросил денег у бабушки, Натальи Петровны Голицыной. Являясь женщиной властной, она давать внуку деньги отказалась, однако раскрыла тому магический секрет. Он состоял в том, что есть три выигрышных карты, о которых ей поведал известный граф Сен-Жермен. Юный Голицын немедленно использовал узанный секрет и, тем самым, с легкостью отыгрался [Виноградов 1936].

А. С. Пушкин затрагивает в своем творении тему карточной игры и ее влияния на личность человека. Главный герой – молодой человек – достаточно тихий, скромный, наблюдает за игрой. И вдруг он узнает историю о трех картах, которые ему помогут стать богатым.

С этого момента в сознании героя начинаются смятения. Им овладело сильное желание получить большие деньги, но при этом он не конфликтует с обществом. Он в панике, и принятие решения ему дается достаточно сложно, но все-таки он решает сыграть со своей судьбой. Это произведение неоднозначно, и его принадлежность к системе реализма вызывает споры среди литературоведов, потому что в нем затронуты мотивы высших сил и эзотерики. Попробуем доказать, что это произведение реалистично.

Исследователь Г. А. Гуковский [Гуковский 1957] считает, что повесть реалистична. Он полагает, что даже сильнейший человек испытывает воздействие среды и отражает закономерности общества и что безумие Германа лишь подчёркивает его роль жертвы общества, то есть образ главного героя – это образ типического героя, который своей одержимостью предопределил собственную судьбу.

Г. А. Гуковский говорит, что «Пиковая дама» одновременно и фантастическая и нефантастическая повесть; веры в потустороннее в ней нет, а в образе карт отражается социальная действительность. Точку зрения Г. А. Гуковского об отсутствии фантастических мотивировок в повести разделяет и Л. В. Чхаидзе в статье «О реальном значении карт в повести «Пиковая дама» [Чхаидзе 1960].

Рассмотрим его аргументы: во-первых, «магические» цифры «3» и «7» возникают в повести не случайно. В начале повести Германн говорит, что собирается «утроить», «усемерить» свой капитал. И в конце Германн приводит свой план в действие: утроение и усемерение его капитала соответствует его ставкам (от 47 до 360 тысяч). Из этого следует, что цифры «3» и «7» являются не просто галлюцинациями после похорон графини, а частью плана Германна. Л. В. Чхаидзе пишет: «Выбор карт сделан не случайно». Вторая карта, семёрка, возможно, была для героя образом колеса фортуны и выполняла прогнозирующую функцию, так как, метнув правильно по предсказанию графини, он думал, что точно выиграет и получит прибыль легким способом. В этот момент усилилось его эмоциональное напряжение, но в тот же момент у него не было страха ошибиться, потому что у него после метания двух карт было достаточно денег, но искушение к легким деньгам взяло верх, и он продолжил играть.

Л. В. Чхаидзе рассматривает сцену, в которой Германн ошибается и вытягивает не ту карту, которую хотел. То, что Германн вытягивает пиковую даму вместо туза, не является мистической составляющей данной повести, а легко объясняется, во-первых, тем, что, как пишет А. С. Пушкин, колода была новая. Из-за этого карты были слипшиеся и Германн, по ошибке, вытянул не ту. Во-вторых, важным фактором в данной ситуации являлось сильное волнение Германна, следствием чего стала его невнимательность в игре. Л. В. Чхаидзе и пишет в своей статье: «Таким образом, всё становится теперь на вполне реальную почву и никакой «мистики» в повести нет: сильный, но впечатлительный человек, долго смотревший на чужую игру и хорошо знавший, как и сколько можно выиграть, внушил себе, на какие вытекавшие из игры карты ставить, но в последний момент недопустимая небрежность привела его к проигрышу, к полному краху всех желаний» [Чхаидзе 1960: 460].

Образ Пиковой дамы – символ расплаты за свои деяния и напоминание о том, что для того, чтобы разбогатеть, нужно не надеяться на посторонние силы, а зарабатывать деньги честным трудом. А то, что он сходит с ума и оказывается в «желтом доме», вполне реалистический финал, потому что он «заболел» карточной игрой, они его увлекли, его мозг находился в игровом мире и в пространстве этих трех карт и был не готов к трагической реальности. Картинка в его голове оказалась совсем не радужной. А сама по себе карточная зависимость – это психическое расстройство, которое приводит к угасанию личности и уходу ее от реального мира.

Тему игры с судьбой мы наблюдаем и в романе О. де Бальзака «Шагреневая кожа», который открывает период творческой зрелости автора.

Роман был написан сразу же после революции 1830 года, а художественное время произведения соотносится с тем временем, в которое он был написан. В романе содержится множество примет того времени. Это и тоска по идеалу, и безверие, и невольный эгоизм, и вопрос о том, чем мир вокруг

способен вызвать такую ненависть. Именно это и отражено в романе О. де Бальзака.

Главным героем «Шагреновой кожи» является Рафаэль де Валантен. Мы знакомимся с ним, когда он, очередной раз посетив игорный дом, проигрывает там последнюю монету, после чего, измученный нищетой, решает покончить жизнь самоубийством, бросившись с моста в холодные воды Сены. На пороге самоубийства он решает прогуляться по улицам Парижа, заглядывает в витрины магазинов и попадает в антикварную лавку древностей, где и становится «счастливым» обладателем злополучной волшебной шагреновой кожи. Старик-антиквар, передавая Рафаэлю «талисман», предупреждает его, объясняет, что отныне его жизнь – это отсроченное самоубийство.

Основной конфликт романа основан на столкновении человека со своим временем, с обществом этой эпохи, поскольку правила жизни и все желания главного героя оказываются продиктованы эпохой послереволюционного периода. Чтобы занимать хорошее положение в обществе, нужно обладать большими деньгами, властью и высокопоставленной должностью. Именно эти желания и исполняет шагреновая кожа для Рафаэля. Главный герой – человек, чей род лишился всего в ходе революции, а сам Рафаэль из-за страстей азартных игр в итоге остается без копейки. Он оказывается человеком, потерявшимся в этой жизни. Бальзак в своем романе подчеркивает, что все эти честолюбивые желания в молодом человеке – слава, богатство, любовь прекрасных женщин – зарождает само послереволюционное французское общество.

Мы видим эгоистичность общества и всего мира, а также отчаяние и разочарованность в жизни главного героя [Соловьева 1991]. Данная проблематика и открывает художественную систему реализма этого романа. Принадлежность романа к системе реализма подтверждает и детальное описание игорных домов и светских гостиных той эпохи, и изображение всего, что там происходит.

Если мы обратимся к формуле реализма «типичный герой в типичных обстоятельствах» (Ф. Энгельс), то наш герой вполне типичен: это молодой человек из третьего сословия (как и Германн А. С. Пушкина), пожелавший для себя большего.

Критики также выделяют и фантастическую основу сюжета: это волшебные свойства шагреновой кожи, которая, как мы помним, при осуществлении каждого из желаний Рафаэля сжималась, тем самым сокращалась и жизнь ее обладателя. Философский пласт романа проявляется в мотиве сделки с дьяволом и вопросе «можно ли выиграть в данной сделке?» [Гавришева 2016]. Конечно же, нет, за все приходится платить, в данном случае платой выступает жизнь самого героя. Победить не удастся, счастливого конца не будет, это очередное доказательство реалистической основы романа.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что философские проблемы и фантастический образ шагреновой кожи все же не приходят в противоречие с реалистическим методом изображения действительности. Все события романа строго мотивированы естественным стечением обстоятельств [Соловьева 1991].

Так, если сравнивать два реалистических произведения – «Пиковую даму» А. С. Пушкина и «Шагреновую кожу» О. де Бальзака, которые появились на свет с промежутком в два года, то мы видим, что в обоих произведениях главный герой – это игрок, жаждущий разбогатеть. Также мы видим уже упомянутый мотив сделки с дьяволом, но в «Пиковой даме», в отличие от «Шагреновой кожи», на наш взгляд, была лишь попытка сделки, которая не состоялась, ибо не были выполнены условия. А. С. Пушкин возлагает всю ответственность данного отчаянного выбора на одного главного героя Германа, тогда как Бальзак переносит ответственность и вину за случившееся на общество, зараженное болезнью времени.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – [Вып.] 2. – С. 74–147.
2. *Волков И. Ф.* Теория литературы: учебное пособие для студентов и преподавателей / И. Ф. Волков. – М.: Просвещение: Владос, 1995. – 256 с.
3. *Гавришева Г. П.* Литературные параллели в романах «Шагреновая кожа» Оноре де Бальзака и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда / Г. П. Гавришева, С. С. Чалова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 3 (107). – С. 1071–1076. – URL: <https://moluch.ru/archive/107/25795/> (дата обращения: 01.04.2021).
4. *Гуковский Г. А. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. – Москва, 1957. – URL <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/gukovskij-problemy-realisticheskogo-stilya/index.htm> (дата обращения: 01.04.2021).
5. *История зарубежной литературы XIX века* / В. Н. Богословский, А. Ф. Головенченко, А. С. Дмитриев [и др.] // под редакцией Н.А. Соловьевой. – Москва: Высшая школа, 1991. – 637 с. – URL: <https://documentbase.net/1744159/> (дата обращения: 01.04.2021).
6. *Чхаидзе Л. В.* О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. Лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 455–460.

Авторы:

Матвеева Наталия Егоровна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашиского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: natashkamax99@mail.ru;

Мулендеева Елизавета Николаевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: lucianscarlett@yandex.ru;

Никитина Екатерина Валерьевна – студентка факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: chvostikov@mail.ru;

Научный руководитель – *Бычкова Ольга Анатольевна*, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: volechka@bk.ru

Authors:

Matveeva Natalia Y. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: natashkamax99@mail.ru;

Mulendeeva Elizaveta N. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: lucianscarlett@yandex.ru;

Nikitina Ekaterina V. – student of Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: chvostikov@mail.ru

Scientific supervisor:

Bychkova Olga A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Culturology, the Chuvash State Pedagogical University named after I. Yakovlev, Cheboksary, Russia; e-mail: volechka@bk.ru

К. Л. Салимгараева

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРАКТИВНЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются типы интерактивного подхода к обучению на примере преподавания эмотивных глаголов, также приводятся последние методические разработки, подтвержденные проведенными нами исследованиями.

Ключевые слова: методика преподавания глаголов, эмотивная лексика, русский как иностранный, интерактивный подход к обучению.

K. L. Salimgaraeva

METHODS OF TEACHING EMOTIVE VERBS IN RFL CLASSES USING INTERACTIVE LEARNING APPROACHES

Abstract. The article discusses the types of interactive approach to learning by the example of teaching emotive verbs, and also provides the latest methodological developments, confirmed by the conducted research made by us.

Keywords: methods of teaching verbs, emotive vocabulary, Russian as a foreign language, interactive learning approach.

В период пандемии большая часть образовательных организаций пересмотрела ценности традиционного подхода к обучению. Появилась необходимость модернизации организации процесса обучения. Ориентированность на нужды студентов, реакция на их запросы и использование в процессе обучения дополнительных инструментов для наилучшего результата легли в основу интерактивного подхода.

Слово “интерактивный” заимствовано русским языком из английского, где “inter” переводится как “меж”, а “act” – действовать. Следовательно, фундамент интерактивности строится на взаимодействии (в методическом ключе – на взаимодействии преподавателя и студентов, студентов между собой, студента с самим собой).

Рассмотрим данные типы взаимодействий, представленные в методическом пособии юридического факультета РПА МинЮста РФ, на примерах работы с эмотивными глаголами [Интерактивные 2013: 5].

Взаимодействие преподавателя и студентов в большинстве случаев строится в формате лекции, диалога или дискуссии. При объяснении эмотивных глаголов преподавателю стоит обращаться к открытым базам знаний, подкреплять лекционный материал красочными презентациями и

видеофрагментами, непосредственно иллюстрирующими выражение той или иной эмоции. Наглядным примером того, как одно и то же состояние может быть по-разному расценено в разных культурах, может быть функция переводчика на платформе «Яндекс». Сегодня она обладает возможностью перевести любое слово на язык эмодзи, желтых смайликов. При вводе слова «влюбленность» результатом становятся два эмодзи – падающая осенняя листва и сердечко, однако при вводе того же слова на английский язык мы видим только сердце. Это иллюстрирует различное понимание эмоций представителями культур, подчеркивает необходимость разъяснения и лингвокультурологического аспекта языка в ходе работы с эмоциями.

На взаимодействии студентов между собой и внутри группы основана технология peer-to-peer (в переводе с английского означает «от сверстника к сверстнику»), которую мы активно применяем в своей практике. Ее суть заключается в том, что при объяснении малознакомого материала своему сверстнику или сокурснику студент лучше понимает его сам. Она применяется и в ходе организации проектной деятельности на занятии, когда пары могут быть построены в зависимости от конкретных целей. Например, если задача урока состоит в том, чтобы разобраться в особенностях мимического выражения эмоций, поделить студентов можно на пары случайным образом. Однако, поставив перед группой задачу разобраться в том, как определенный жест трактуется в различных культурах, какие эмоции вызывает, объединять в пары следует студентов, представляющих противоположные или неблизкие менталитеты. В данном случае они смогут расширить свои знания об эмоциональных эквивалентах и лучше узнать другие культуры.

Взаимодействие студента с самим собой при обсуждении специфики работы с эмотивной лексикой – это, прежде всего, умение распознавать и правильно в культурных рамках изучаемого языка выражать свои эмоции. Разобраться в семантике и способах проиллюстрировать свои переживания студенту могут помочь аутентичные тексты, фильмы и сериалы российского кинематографа, знакомство с произведениями живописи и скульптуры. Общение с носителями языка также положительно сказывается на процессе усвоения данного материала.

Работа с эмотивной лексикой напрямую связана с творческой составляющей образовательного процесса. Мы провели небольшой опрос среди китайских, русских и узбекских студентов в возрасте от 20 до 23 лет (студенты 3 и 4 курсов), общее число респондентов – 100 чел. Результаты исследования показали, что 68% опрошенных для выражения эмоций в СМС-сообщениях или на бумаге используют смайлики эмодзи, 25% респондентов подкрепляют текст соответствующими настроению картинками и короткими видеороликами. В каждой социальной сети присутствует свой интерфейс с эмоциональными картинками, однако

базовые единицы языка не имеют больших отличий при сравнении различных платформ.

На основании полученных данных мы предприняли попытку включить смайлики в задания по отработке эмотивных глаголов. Мы уже упоминали о возможности перевода любой эмоции на язык смайликов с помощью сервиса Яндекс. Для развития языкового чутья и эмоциональной догадки группе студентов были представлены комбинации смайликов, под которыми были зашифрованы эмотивные глаголы (радоваться, любить, грустить, плакать, веселиться).

Внимательно посмотрите на изображения и расшифруйте эмоции.

Перед иностранными учащимися стояла задача определить эмоцию, опираясь на знакомые им обозначения. К участию мы также привлекли студентов смешанных групп (представителей из Китая, России и Узбекистана в возрасте от 20 до 23 лет, учащихся 3 и 4 курсов). Количество респондентов равнялось 100 чел. для удобства при вычислении результатов исследования в процентном соотношении. 97% всех принимавших участие в эксперименте справились с заданием. В то же время при изучении специфики выражения переживаний и состояний в различных культурах студентам было предложено самостоятельно зашифровать несколько базовых понятий проявления чувств. Переводы осуществлялись с китайского и русского языков, результаты сравнивались и обсуждались совместно со студентами. В ходе проделанной работы нам удалось обнаружить несколько отличительных признаков сопоставляемых языков. Например, большая часть базовых эмоций в русском языке выражается смайликами с изображением кота, китайский язык опирается на человеческое лицо; глагол «скорбеть» в русском языке представлен смайликом с реками слез, «скорбеть» в переводе с китайского языка трактуется грустным выражением лица и скупой слезой. Также мы обнаружили схожие черты при сопоставлении. Например, в русском и китайском языках эмотивный глагол «плакать» переводится в позитивном ключе, результатом запроса по данному слову стал смайлик «плачущий от смеха».

Стоит отметить, что трансляции подлежат большая часть глаголов русского, английского, китайского и других языков, что позволяет

применять данный метод при сопоставлении глагольных систем нескольких языков.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в аспекте работы с эмотивными глаголами с использованием интерактивных средств обучения следует учитывать, что практически любой механизм подлежит адаптации под цели и задачи конкретного занятия. Обращение к такого рода дополнительным платформам повышает уровень вовлеченности студентов в образовательный процесс, положительно сказывается на мотивации (в т. ч. самомотивации) студентов.

Литература

1. *Интерактивные* методы, формы и средства обучения, филиал РПА МинЮст РФ. – Р. н/Д.: Изд-во фил. юр. ф-та РПА МинЮст РФ, 2013. – 49 с.

2. *Охрименко Е. И.* Особенности дистанционного обучения в Высшей школе: методы и технологии образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/26597/1/notv_2013_143.pdf.

Авторы:

Салимгараева Камилла Ленаровна – студентка 4 курса направления «Русский язык как иностранный (прикладная филология)» Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Россия; e-mail: kamilla.salimgharaeva@mail.ru

Author:

Salimgharaeva Kamilla L. – 4th year student of Russian as a foreign language (Applied Philology) at Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; e-mail: kamilla.salimgharaeva@mail.ru

ТЕМА РОДИНЫ В ПОЭЗИИ ВЛАДИМИРА СОКОЛОВА

Аннотация. Тема Родины – одна из центральных тем в поэзии Владимира Соколова. Поэт в своих стихотворениях обращается к большой и малой Родине, в его творениях отражается безграничная любовь к Отечеству, стране, его людям. В статье изучаются поэтические произведения автора, анализируются основные мотивы и художественные средства.

Ключевые слова: русская поэзия, мотив, тема, идея, образ.

G. Kh. Samirkhanova, G. R. Lasynova

**THE THEME OF THE MOTHERLAND IN THE POETRY BY
VLADIMIR SOKOLOV**

Abstract. The theme of the Motherland is one of the central themes in the poetry by Vladimir Sokolov. The poet in his poems refers to the great and small Motherland, his works reflect the boundless love for the Fatherland, the country, and its people. The article studies the author's poetic works, analyzes the main motives and artistic means.

Keywords: Russian poetry, motive, theme, idea, image.

Творческий путь Владимира Соколова – это отражение судьбы целого поколения поэтов, чья гражданская лирика заняла достойное место в истории русской литературы.

Поэзия Владимира Соколова была отмечена множеством современников, его первая книга стихов «Утро в пути» увидела свет в 1953 году. В 1970–1980 годы были опубликованы поэтические сборники «Трава под снегом» (1958), «Смена дней» (1965), «Городские стихи» (1977), «Долина» (1981) и др. Однако на текущий момент в литературоведении поэзия Владимира Соколова во многом не исследована и требует внимания с точки зрения раскрытия поэтических традиций гражданственности, развития патриотической лирики в советской поэзии [Лейдерман, Липовецкий 2010: 66].

Поэзия Владимира Соколова относится к тихой лирике, в котором творили многие известные поэты 1950–1980 годов, в их числе Н. Рубцов, А. Решетов. «Тихая лирика» исследована в трудах Н. Лейдермана, М. Липовецкой, В. Бондаренко, А. Ланщикова, В. Абашева, Ю. Казарина, В. Кожинова, А. Новикова, В. Нечаевой и др. Несмотря на это, образные мотивы поэзии В. Соколова остаются малоизученными.

Тема Родины в творчестве поэта занимает ведущее место. Поэт в своих стихотворениях обращается к большой и малой Родине, в его творениях мы

видим безграничную любовь к Отечеству, стране, его людям. В произведении «Нет школ никаких, только совесть...» поэт проявляет «тихую» любовь к родному краю. Он не выносит свои лирические чувства на первый план, а спокойно и размеренно раскрывает образы, без которых Отечество было бы для нас чужим. Например, это такие образные составляющие стихотворения, как «черемуха, май, аттестаты», «война и краюшка сырая» а также другие детали.

*Но знаешь, зелёные даты
Я помню не хуже других.
Черемуха... Май... Аттестаты.
Берёзы. Нет школ никаких...* [Соколов 2014: 99].

Каждый образ в лирике Владимира Соколова наполнен мотивами любви к Родине. Это и образ городка Лихославля, который запечатлен в военном детстве, родной край есть в первой любви к девушке, в образах родного человека, наконец, в природе. Так выразился поэт в одном стихотворении:

*Что-нибудь о России?
Стройках и молотбе?..
Все у меня о России,
Даже когда о себе* [Соколов 2014: 105].

Особенно красочно образ Родины раскрывается в пейзажной лирике Владимира Соколова. Яркие образы окружающего родного края наполняются ощущением близости к природе:

*Россия средней полосы...
Туман лугов, и запах прелый
Копны, промокнутой от росы.
И карий глаз ромашки белой* [Соколов 2014: 116].

Россия здесь представлена в первозданной красоте – в красотах средней полосы, со цветами и стогами сена. С каждой строфой стихотворение наполняется огромным смыслом, постепенно растёт и пространство впечатлений лирического героя. Сначала это луг, копны сена и ромашки, потом уже тропка, орешник, даль. Данным образным приемом поэт раскрывает бескрайние просторы огромной Родины, первозданную красоту.

В гражданской лирике Владимира Соколова Родина воплощается множеством красочных эпитетов и сравнений, метафор. Так, в своем самом известном стихотворении поэт отождествляет Родину с Землей, Матерью, обращаясь к ней как к родному человеку:

*Подруга, мать, земля, ты тленью не подвластна.
Не плачь, что я молчу: взрастила, так прости* [Соколов 2014: 124].

Большая Родина в стихотворениях поэта предстает как бескрайнее пространство, в котором отражается безграничность русской души, его патриотизм и духовное родство с Отечеством:

Мтацминду или Арарат

*Увидеть в предрассветной рани.
Сказать глазами слово брат
В Тбилиси или Ереване [Соколов 2014: 126].*

Родина показана во всех ее проявлениях, касается ли это гражданственности или природы. У Владимира Соколова, как ни у кого другого, гражданственность была неотделима от тончайших лирических чувств, запрятана в переживаниях и ощущениях, в слитности с природой и миром.

В образах малой Родины поэт рисует нам пространство лирического героя, в котором отражены ранние воспоминания поэта, близкие ему места. Каждый образ в таких стихотворениях – поэтическая деталь:

*О, дворики московских синяя,
Таинственная глубина!
В изломах крыш, в их смутных линиях
Доверчивость и тишина [Соколов 2014: 160].*

Родина во всех ее проявлениях, в гражданской или пейзажной лирике автора – яркий художественный образ. У Владимира Соколова, как ни у одного автора, гражданственность была неотделима от экспрессии и лирических чувств, скрыта в «тихих» переживаниях и ощущениях, в слитности с природой и миром. Родина воспринимается Соколовым в современном облике, «деревенском» и «городском». Малая Родина становится символом большой – России, а судьба поэта неотрывна от ее судьбы.

Литература

1. *Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н.* Русская литература 20 века (1950 – 1990-е годы). Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2т. Т.2: 1968-1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М.: Издательский центр Академия, 2010. – 688 с.
2. *Соколов В. Н.* Стихотворения / В. Н. Соколов. – М.: Детская литература, 2014. – 176 с.

Авторы:

Самирханова Гулькай Хайдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии педагогического факультета Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, г. Сибай, Республика Башкортостан, Россия, e-mail: gulysib@mail.ru

Ласынова Гульбану Радиковна – студентка 4 курса педагогического факультета Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, г. Сибай, Республика Башкортостан, Россия, e-mail: gulysib@mail.ru

Authors:

Samirkhanova Gulka Kh. – candidate of philology, docent of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology of the Pedagogical Faculty Sibai Institute (branch) of «Bashkir State University», Sibai, Republic of Bashkortostan, Russia, e-mail: gulysib@mail.ru

Lasynova Gulbanu R. – 4th year student of the Pedagogical Faculty Sibai Institute (branch) of «Bashkir State University», Sibai, Republic of Bashkortostan, Russia, e-mail: gulysib@mail.ru.

ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА КУШНЕРА

Аннотация. Александр Кушнер – один из известных русских поэтов второй половины XX века. В статье изучается философская лирика автора. Анализ поэтических произведений Александра Кушнера позволяет выявить особенности изображения образа времени.

Ключевые слова: русская поэзия, тема, идея, образ.

G. Kh. Samirkhanova, A. I. Rasimbetova

THE IMAGE OF TIME IN THE POETRY BY ALEXANDER KUSHNER

Abstract. Alexander Kushner is one of the most famous Russian poets of the second half of the twentieth century. The article studies the author's philosophical lyrics. The analysis of the poetic works by Alexander Kushner allows us to identify the features of the image of the image of time.

Keywords: Russian poetry, theme, idea, image.

Поэзия Александра Кушнера – яркое явление в русской литературе второй половины XX века. Творчество поэта – это дань поэтическим традициям, олицетворение усиления философской лирики в национальном словесном искусстве.

Многие исследователи отечественного литературоведения обращались к творчеству А. С. Кушнера. В их трудах нашли отражение творческий портрет поэта, поэтическая картина мира, литературные традиции и проблематика поэзии А. С. Кушнера. С точки зрения отражения поэтических традиций в творчестве А. С. Кушнера примечательны работы И. Шайтанова [Шайтанов 2007], художественная образность рассматривается в монографии А. Кулагина [Кулагин 2017], пейзажная лирика в творчестве А. Кушнера изучаются М. Эпштейном, И. Остапенко.

Отдельная группа исследований представлена работами, в которых изучается творчество А. Кушнера в целом. В статьях Д. С. Лихачева, М. Пьяных, И. Роднянской, А. Урбан рассматриваются эволюция мировоззрения А. С. Кушнера, этапы формирования поэтического мира, поэтические традиции.

Несмотря на многочисленные исследования, отдельные аспекты творчества А. С. Кушнера в отечественном литературоведении по-прежнему не изучены. Отдельного внимания достойна философская лирика поэта, в которой особым образом показан образ времени. Философская категория,

значимая для человека и всего окружающего мира становится художественной деталью, образной составляющей поэзии А. С. Кушнера.

Через стихотворения автора мы можем познать неизвестные нам свойства времени, скрытые в объектах и предметах бытия, в чувствах лирического героя. Время во всем, оно неумолимо ни перед кем. Человек не волен выбирать время, а жизнь каждого – это лишь миг, который он должен прожить достойно. Отрезок жизни мы не можем выбрать, рождение и смерть – это образ беспощадного времени в одном лице:

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять.*

Беспощадность времени сменяется его лечебными свойствами, часто именно время выступает лучшим лекарством от испытаний судьбы и душевных ран человека:

*Уехав, ты выбрал пространство,
Но время не хуже его.
Действительны оба лекарства:
Не вспомнить теперь ничего.*

В своем труде «Часть вечности: о поэзии А. Кушнера» исследователь Ю. Казарин пишет, что стихи автора – олицетворение связи ментально-языкового с миром, с художественным описанием, интерпретацией действительности. В качестве аргумента своей мысли он указывает на названия книг Кушнера, объединяя их в различные тематические группы:

- 1) названия со значением эмоционально-психологической или творческой деятельности человека;
- 2) названия со значением места;
- 3) названия со значением времени [Казарин 2012: 42].

Из названий поэтических сборников мы многое познаем о «чувстве времени» А. С. Кушнера. Например, названия «Тысячелетник» (1994), «Времена не выбирают...: пять десятилетий» (2007), «В новом веке» (2006) показывают, насколько значима категория времени для поэта.

В первую очередь, А. С. Кушнер пишет о вечности времени, как ведущем свойстве бытия, окружающего пространства:

*Непредвиденно и дико,
Смазав четкие края,
Растянулась на два мига
Жизнь мгновенная моя.
Неподвижностью не связан,
С ухом где-то на губе,
Я во времени размазан*

Между пунктом «А» и «Б»

В стихотворении «Фотография» поэт пишет об одном мгновении вечности, в котором запечатлена вся жизнь человека. Фотография – это образ вечности, так как мы видим в нем и прошлое, и настоящее, вечное течение жизни. Дело в том, что фотография фиксирует мгновение из жизни, хранит в себе память бытия, оставляя его в вечности. В смазанном кадре фотографа мы находим остановку вечного времени в пространстве лирического героя. Образ фотографии помогает осознать быстротечность жизни в суете пространства бытия, где идентичность растворяется в потоке времени, так же, как и на смазанном кадре.

Пространство фотографии, представленное в начале стихотворения, наделено символическим значением. Лирический герой находится под сквозным небом, которое является знаком бесконечности, и над рекой, которая символизирует время, течение жизни. Так, благодаря движущемуся изображению на снимке субъект переживаний обретает способность путешествовать во времени.

Итак, категория времени для А. Кушнера – это категория вечности. Оно неумолимо, временами беспощадно к бытию, в то же время, каждый миг ценен для лирического героя. Мгновения жизни в «вечности» А. Кушнера раскрываются через оригинальные образы города, фотографии, иных предметов и объектов окружающего мира.

Литература

1. *Казарин Ю.* Часть вечности. О поэзии Александра Кушнера / Ю. Казарин. – Екатеринбург: Урал, 2012. – №4. – С. 40– 51.
2. *Кулагин А. В.* Кушнер и русские классики: Сб. статей. – Колмна, 2017. – 240 с.
3. *Кушнер А. С.* Избранное. Стихотворения / Предисл. И. Бродского. – Санкт-Петербург: Художественная литература, 1997. – 496 с.
4. *Шайтанов И. О.* Дело вкуса: Книга о современной поэзии. – М., 2007. – С. 535–544.

Авторы:

Самирханова Гулькай Хайдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии педагогического факультета Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, г. Сибай, Республика Башкортостан, Россия, e-mail: gulysib@mail.ru

Расимбетова Айзиля Ильшатовна – студентка 4 курса педагогического факультета Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, г. Сибай, Республика Башкортостан, Россия, e-mail: gulysib@mail.ru

Authors:

Samirkhanova Gulkay Khaidarovna – candidate of philology, docent of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology of the Pedagogical Faculty Sibai Institute (branch) of «Bashkir State University», Sibai, Republic of Bashkortostan, Russia, e-mail: gulytib@mail.ru

Rasimbetova Ajzilâ Ilshatovna – 4th year student of the Pedagogical Faculty Sibai Institute (branch) of «Bashkir State University», Sibai, Republic of Bashkortostan, Russia, e-mail: gulytib@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ БИОГРАФИИ МУСТАЯ КАРИМА НА УРОКАХ БАШКИРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Изучение биографии Мустая Карима занимает важное место в преподавании башкирской литературы. Применение различных современных и интересных методов в изучении биографии способствует развитию интереса к личности писателя, его творчеству, развитию общего культурного кругозора учащихся.

Ключевые слова: башкирская литература, биография, метод, образование.

G. Kh. Samirkhanova, Z. D. Shamsudinova

FEATURES OF STUDYING THE BIOGRAPHY BY MUSTAI KARIM AT THE LESSONS OF BASHKIR LITERATURE

Abstract. The study of the biography by Mustai Karim occupies an important place in the teaching of Bashkir literature. The use of various modern and interesting methods in the study of biography, contributes to the development of interest in the personality of the writer, his work, the development of the general cultural outlook of students.

Keywords: Bashkir literature, biography, method, education.

Как известно, перед современными педагогами и методистами остается открытым вопрос о том, какое место занимает изучение биографии поэтов и писателей на уроках литературы. Главная цель при изучении биографии – познакомить учеников с жизнью и творчеством поэтов и писателей. Учащимся важно не только изучать произведения, но и знать жизненный путь автора. Исследование биографии поможет ученикам понять идейно-тематическое содержание произведений автора, его творческую лабораторию.

В настоящее время изучение биографии поэтов и писателей проводится через разные проектные методы и познавательные игры. Предлагая ученикам нестандартные методы изучения биографии авторов, учитель решает целый комплекс воспитательно-просветительских задач: при таком подходе ученикам легче запомнить даты и события из жизни писателей, у них появляется интерес к личности автора.

Творческий вклад народного поэта Башкортостана Мустая Карима в развитие башкирской литературы и культуры неоценим. Его огромное разностороннее творчество было значимо в становлении культурных и исторических процессов не только в Башкортостане, но и в России в целом. В связи

с этим современным школьникам особенно важно изучить и понять биографию и творчество М. Карима. При изучении биографии М. Карима важно проследить жизненный и творческий путь поэта одновременно. Учителю необходимо подробно раскрыть ученикам смену периодов его жизни и литературной деятельности.

Произведения М. Карима изучаются с начальных классов и до окончания школы. Проанализируем некоторые методические приемы проведения уроков башкирской литературы по изучению его жизни и творчества.

Практика показывает, что уроки по изучению биографии писателя часто проводятся в виде лекций. Такой вид урока ученикам будет не интересным, и, самое главное, они не будут вовлечены в процесс. Для того чтобы школьники не только заучивали, но и обдумывали факты на уроке литературы по изучению биографии, преподаватель регулярно должен ставить их перед решением какой-либо задачи. Такие вопросы могут быть связаны с отношением писателя к общественным делам, к искусству, к природе.

Значимыми средствами наглядности при изучении биографии являются художественные и документальные фильмы. При изучении биографии М. Карима ученикам можно предложить посмотреть документальный фильм «Мустай» (2019), который был снят к 100-летию народного поэта Республики Башкортостан. Если нет возможности организовать просмотр фильма, то следует подготовить презентацию, используя фотографии и кадры из жизни поэта. Наглядный материал лучше воспринимается учащимися, если до просмотра учитель коротко расскажет о личности писателя, задаст вопрос, на который они должны будут найти ответ после просмотра, или предупредит о проведении краткого опроса по биографии писателя. Можно предложить следующие вопросы для опроса: «Что нового вы узнали о жизни и творчестве Мустая Карима из фильма?», «Какие моменты фильма вам показались более значимыми?», «Какие фразы из отзывов современников или выражений самого поэта вы сделали бы эпиграфом к фильму?», «Какие личностные черты характера М. Карима вы хотели бы воспитать в себе?» и др. Опрос поможет ученикам лучше запомнить важные моменты из фильма и получить ответы на свои вопросы.

На уроках башкирской литературы по изучению биографии Мустая Карима одним из эффективных методов является метод «мозгового штурма». «Мозговой штурм», или «мозговая атака», – это способ активизации деятельности учащихся и быстрого генерирования идей при поиске ответа на конкретный вопрос или при решении проблемы [Панфилова 2005: 137].

Обучающимся могут быть предложены следующие темы для обсуждения: «Самая знаменательная дата в биографии М. Карима», «Самый счастливый период в жизни М. Карима», «Какие произведения (книги) М. Карима вы бы перевели на другие языки?», «Самый любимый герой автора», «Произведения М. Карима мирового уровня». Также во время «мозгового штурма» можно предложить ученикам дополнить предложения: «Я узнал из

биографии М. Карима, что он...», «Больше всего меня поразило то, что М. Карим...» и др. Метод «мозгового штурма» поможет раскрыть творческий потенциал учеников и развить критическое мышление.

На уроках литературы в старших классах рационально будет проводить уроки-исследования, которые позволят обратиться к более серьезным вопросам. Некоторые темы исследований – «Творчество М. Карима в годы Великой Отечественной войны», «Общественная деятельность М. Карима» и др. На уроках-исследованиях по литературе педагог организует поисковую, познавательную деятельность учеников путём постановки познавательных и практических задач, которые требуют самостоятельного творческого решения [Матюшкин 2008: 320].

Таким образом, изучение биографии Мустая Карима занимает важное место в преподавании башкирской литературы. Применение различных современных и интересных методов в изучении биографии способствует развитию интереса к личности писателя, его творчеству, развитию общего культурного кругозора учащихся.

Литература

1. Матюшкин А. М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. – М.: Директ-Медиа, 2008.
2. Панфилова А. П. Мозговые штурмы в коллективном принятии решений. – СПб., 2005.

Авторы:

Самирханова Гулькай Хайдаровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии педагогического факультета Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, г. Сибай, Республика Башкортостан, Россия, e-mail: gulysib@mail.ru

Шамсутдинова Зарина Дамировна – студентка 5 курса педагогического факультета Сибайского института (филиала) Башкирского государственного университета, г. Сибай, Республика Башкортостан, Россия, e-mail: gulysib@mail.ru

Authors:

Samirkhanova Gulkay Kh. – candidate of philology, docent of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology of the Pedagogical Faculty Sibai Institute (branch) of «Bashkir State University», Sibai, Republic of Bashkortostan, Russia, e-mail: gulysib@mail.ru

Shamsutdinova Zarina D. – 5th year student of the Pedagogical Faculty Sibai Institute (branch) of «Bashkir State University», Sibai, Republic of Bashkortostan, Russia, e-mail: gulysib@mail.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРЕНОСНОМ ЗНАЧЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается функционирование глаголов движения в переносном значении. На основе анализа их употребления делаются выводы о структурно-семантических особенностях употребления глаголов движения в русских поговорках.

Ключевые слова: глаголы движения, поговорка, русская пословица, русский язык.

G. R. Saparbaeva, T. N. Yurkina

THE OPERATION OF THE VERBS OF MOTION IN A FIGURATIVE SENSE

Abstract. The article deals with the functioning of verbs of movement in a figurative sense. Based on the analysis of their use, conclusions are drawn about the structural and semantic features of the use of verbs of movement in Russian proverbs.

Keywords: verbs of movement, proverb, saying, phraseology, Russian language.

В русском языке имеются особые глаголы для обозначения движения и перемещения в пространстве. Для их обозначения в лингвистике используются разные термины, например, «однонаправленные глаголы» и «разнонаправленные глаголы», «направленные глаголы» и «ненаправленные глаголы», однако наиболее известным и общепринятым термином является понятие «глаголы движения» (см. работы В. Г. Гака, Е. Р. Переслегина, А. В. Исаченко, И. Г. Милославского и др.).

В разряд глаголов движения входят 17 пар глаголов. Это такие пары, как *бежать* и *бегать*, *брести* и *бродить*, *везти* и *возить*, *вести* и *водить*, *гнать* и *гонять*, *гнаться* и *гоняться*, *ехать* и *ездить*, *идти* и *ходить*, *катить* и *катать*, *катиться* и *кататься*, *лезть* и *лазить* (*лазать*), *лететь* и *летать*, *нести* и *носить*, *нестись* и *носиться*, *плыть* и *плавать*, *ползти* и *ползать*, *тащить* и *таскать*.

Если учитывать приставочные образования, то, конечно, можно выделить намного больше пар глаголов движения. Мнение лингвистов о количестве приставок в глагольном словообразовании различается: одни выделяют 22 продуктивные приставки, другие же – 18. Нужно обратить внимание на

тот факт, что при добавлении приставок к однонаправленным глаголам вид меняется с несовершенного на совершенный (*лететь – вылететь, прилететь, долететь, улететь, перелететь, слететь* и т. д.), а при добавлении приставок к разнонаправленным глаголам вид не меняется (*летать – вылетать, прилетать, долетать, улетать, перелетать, слетать* и т. д.).

Для каждой группы глаголов движения характерны свои особенности употребления. Например, однонаправленные глаголы употребляются в следующих случаях:

– если действие совершается в одном направлении: *Водитель едет в город;*

– если действие регулярно повторяется в одном направлении: *По воскресеньям водитель едет в город в восемь утра;*

– при ответе на вопрос о движении в момент его исполнения: *Куда ты едешь? Я еду на работу;*

– в ситуации приказа, просьбы совершить однократно направленное действие: *Иди домой!*

А разнонаправленные глаголы употребляются в следующих случаях:

– если движение совершается в разных направлениях: *Учебные машины ездят по городу;*

– если действие повторяется: *Она каждые выходные ездит домой к родителям;*

– если действие совершалось в разных направлениях туда и обратно: *Мы вчера ходили в театр;*

– если задается вопрос и действие представляется как повторяющееся: *Тебе нравится ездить на машине?*

– если говорится об обычном способе передвигаться, о способности или умении так перемещаться: *Мой брат отлично плавает.*

Нужно учитывать все перечисленные особенности, чтобы не ошибиться в употреблении глаголов движения в речи.

Любой язык – это развивающаяся, динамичная система. Язык не стоит на месте. Если глаголы движения употребляются в русской речи наиболее часто, они могут подвергаться разным изменениям в семантике, могут приобретать переносное значение и становиться метафорами. В результате некоторые глаголы могут утратить семантический компонент «движение» в своем лексическом значении.

Так, они могут быть многозначными (полисемантичными). Приведем примеры с некоторыми глаголами:

– идти: *Преподаватель идет в класс. Поезд идет медленно. Работа сегодня идет хорошо. Время идет очень быстро. Идет весна. Этот костюм мне очень идет. Часы идут правильно. Очередь идет. Дождь идет весь день. Ребенку идет третий год. Идут неприятные слухи. Товар хорошо идет. В театре идет новая опера.*

– бежать: *Дни бегут очень быстро. Облака бегут. Молоко убежало.*

– лететь: *Я полетел. Минуты летят. Машина летит. Цены летят вверх. Из-за командировки летят мои планы.*

– везти: *Все дела везу на себе. Везет с помощниками.*

– вести: *И бровью не ведет. Ложь к добру не ведет. Вести себя предательски. Вести дело.*

– гнать: *Гнать с уроками (торопить). Гнать лес (сплавлять). Гнать продукцию. Гони деньги! Гнать древесный спирт (добывать).*

– нести: *Нести добра людям. Черт гостей несет. Куда тебя несет в такой мороз? Нести большие потери. Нести ответственность за детей. Нести нелегкие обязанности. Из-под окна несет холодом. От него несет луком. Несет полную чепуху.*

Сочетания слов с глаголами движения при использовании их в переносном значении могут использоваться в виде фразеологических сочетаний. В таком случае уже не только глагол движения утрачивает конкретность, но и все словосочетание теряет прямое значение: *вылететь (выскочить) из головы, уйти в небытие, уйти (отправиться) на тот свет (в загробный мир).*

Приведем некоторые примеры с приставочными глаголами движения, которые употребляются во фразеологизмах, пословицах и поговорках:

Водить хлеб-соль – дружить, *войти в историю* – стать известным, *водить кого-либо за нос* – обмануть, *вгонять в краску* – заставлять краснеть, *влететь в копеечку* – обойтись дорого; *вылетать в трубу* – разоряться, *выносить сор из избы* – разглашать тайны, *вывести на чистую воду* – разоблачать, *взлететь на Геликон* – стать поэтом, *сводить концы с концами* – жить бедно, *снести с лица Земли* – жестоко расправиться, *сходить с рук* – избежать наказания, *доводить до белого каления* – сильно раздражать, *забивать голову* – обременять себя лишней информацией, *наводит тень* – порочить, *обвести вокруг пальца* – обмануть, *обойти молчанием* – намеренно не сказать, *отводить душу* – находить утешение, *отходить на задний план* – потерять важность, *подводить под монастырь* – ставить в затруднительное положение, *подводить черту* – заканчивать какое-то дело, *перейти Рубикон* – принять твердое решение, *перекати-поле* – тот, кто не имеет постоянного места жительства, *прийти в голову* – вспомнить, *прийти в себя* – очнуться, успокоиться, *уйти из жизни* – умереть, *уйти в себя* – стать замкнутым, *разводить канитель* – медлить с ответом, *пойти ко дну* – терпеть неудачи.

Плетью в могилу не вгонишь, а калачом не выгонишь. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Не суди по приезду, суди по отъезду. Жизнь прожить не поле перейти. Беда не приходит одна. Молодость ушла – не простилась, старость пришла – не спросила. От судьбы не уйдешь. Поехал в Тулу со своим самоваром. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Изучение глаголов движения в разных аспектах их употребления, знакомство не только с прямыми, но и переносными значениями особенно полезно для иностранных студентов, изучающих русский язык как

иностранный. Это позволит уменьшить ошибки при усвоении глаголов движения в процессе изучения русского языка.

Литература

1. *Ванюгина М. С.* Сочетаемость приставочных глаголов движения (экспериментальное и корпусное изучение) // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – № 5. – С. 38–42.
2. *Грамматика* современного русского литературного языка. – М., 1970. – 769 с.
3. *Милославский И. Г.* Краткая практическая грамматика русского языка. – М.: Либроком, 2009. – 283 с.
4. *Окунева А. П.* Русский глагол: Словарь-справочник. – М., 2000. – 558 с.
5. *Скворцова Г. Л.* Глаголы движения – без ошибок. – М.: Рус. яз., 2004. – 136 с.
6. *Хавронина С. А.* Русский язык в упражнениях. – М.: Рус. яз., 2005. – 384 с.

Авторы:

Сапарбаева Гулрух Рахимбергеновна – студентка 4 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия;

Юркина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; tanya-yurkina@yandex.ru

Author:

Saparbaeva Gulruh R. – 4th year student of the Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia;

YurkinaTatyana N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tanya-yurkina@yandex.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ ЧИСЛА В СИНХРОННОМ И ДИАХРОННОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье дается структурно-семантическая характеристика категории числа имен существительных в русском языке, анализируются различные способы выражения значения количества и рассматривается история развития категории числа.

Ключевые слова: грамматическая категория, единственное число, множественное число, сопоставление, русский язык.

G. R. Tadzhibaeva, T. N. Yurkina

CHARACTERISTICS OF THE NUMBER CATEGORY IN THE SYNCHRONOUS AND DIACHRONIC ASPECT

Abstract. The article gives a structural and semantic characteristic of the category of the number of nouns in the Russian language, analyzes various ways of expressing the meaning of the number and considers the history of the development of the category of numbers.

Keywords: grammatical category, singular, plural, juxtaposition, Russian.

Категория числа является одной из важных грамматических категорий, связанных с отражением объективной действительности в языке. В лингвистике грамматическая категория определяется как система «противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [Лингвистический 1990: 115], т. е. именно оппозитивные отношения являются основным признаком структуры любой грамматической категории. Грамматическая категория числа в современном русском языке представлена противопоставлением форм единственного и множественного числа.

Морфологическая категория числа в современном русском языке выступает как семантическая словоизменительная категория, которая выражает количественные отношения реальной действительности и выражается прежде всего в грамматической категории числа. Категория числа также используется для противопоставления одного предмета или явления нескольким.

В И. Дегтярев отмечает, что формы множественного числа выражают количественные отношения окружающей человека действительности

намного отчетливее, чем формы единственного числа, так как они в основном выполняют номинативную функцию [Дегтярев 1982: 10].

Рассматриваемая категория в языке находит выражение в лексическом и грамматическом плане. В лексическом плане категория числа проявляется в корневой морфеме слов разных частей речи. Онтологически семантика числа, конечно же, выражается в именах числительных. Однако и другие части речи могут выражать идею количества, например, наречия (*много, мало, несколько*), имена прилагательные (*единичный, единственный, множественный*), местоимения (*одни, другие, некоторые*), глаголы (*удвоить, утроить*).

В связи с этим интересным упражнением является определение частеречной принадлежности у слов разных частей речи, содержащих один корень, например: *два, двойка, двойной, двоичный, двойственный, двойкий, двояко, двое, удвоить, удвоенный; три, тройка, тройной, тройственный, трое, третий, утроить, утроенный*.

Для указания на единственное число в русском языке используются флексии: нулевая в мужском роде (*стол, брат, конь*), нулевая флексия и флексии *-а/-я* в женском роде (*мама, сестра, няня, тетя, дочь, мышь*), флексии *-о/-е* в среднем роде (*одеяло, окно, поле, море*) и некоторые формообразующие суффиксы (о них расскажем попозже).

Для указания на множественное число используются флексии и формообразующие суффиксы с семантикой множественного числа. Рассмотрим эти форманты – аффиксы множественности:

– флексии *-ы/-и, -а/-я*: *столы, книги, дома, поля*. Обычно окончание *-и* выступает после мягких согласных и после согласных *ж, ш, г, к, х*: *ножи, малыши, няни, ночи, ноги, руки, мухи*. Окончание *-я* также выступает после мягких согласных: *поля, моря*. Между этими окончаниями могут существовать как семантические, так и стилистические различия. Например, при параллельных вариантах обычно окончания *-а/-я* больше присущи разговорной речи: *воза, года, гроба, договора, инспектора, коробка, кузова, лекаря, редактора, сектора, токаря, тополя, цеха, якоря* и т.д.

Также слова с параллельными вариантами могут различаться по лексическому значению. В этом случае именно окончание выполняет смысло-различительную роль. Например, это такие слова, как: *боровы – борова, корпусы – корпуса, лагеря – лагерь, мехи – меха, образы – образа, ордены – ордена, ордеры – ордера, поясы – пояса, пропуски – пропуска, соболи – соболя, токи – тока, тоны – тона, тормозы – тормоза, учителя – учителя, хлебы – хлеба*. В некоторых случаях слов различаются и по смыслу, и стилистически: *колени – колена – коленья, камни – каменья, клоки – клочья, лоскуты – лоскутья* [Розенталь 1996].

– формообразующий суффикс единственного числа *-ин-* во множественном числе при обозначении людей уступает место флексии

множественного числа -е: *картофелина, горошина, армянин (армяне), гражданин (граждане), горожанин (горожане)* и т. д.;

– формообразующий суффикс множественного числа -й- (с вариантами -овй- (-овей-) / -евй- (-овей-): *друзья, листья, сыновья, кумовья, зятевья*. Этот элемент характерен для слов, которые когда-то принадлежали к древнему склонению на *и (краткое);

– основообразующие элементы -ес-, -ен-, -ер- в сочетании с флексиями -а, -и: *небеса, колеса, словеса, семена, имена, стремяна, знамена, матери, дочери*. Таким способом множественное число образуется у слов, которые когда-то исторически принадлежали к древнему склонению на согласный;

– формообразующий суффикс -онок- /-ёнок- в единственном числе и -ат- / -ят- во множественном числе: *мышонок – мышата, котёнок – котята, телёнок – телята, бельчонок – бельчата* и т. д. Такое формообразование характерно для слов, которые принадлежали к древнему склонению на согласный с основообразующим элементом t. Так образуются названия детенышей животных.

Также категория числа может быть выражена супплетивными формами, например: *ребенок – дети, человек – люди, я – мы*.

В синтаксическом аспекте категория рода проявляется в словосочетаниях и предложениях. В словосочетаниях при согласовании зависимое слово ставится в ту же форму числа, что и главное слово: *новая книга – новые книги, первое место – первые места, разный подарок – разные подарки, читающий мальчик – читающие мальчики, любой способ – любые способы*. В качестве зависимого слова выступает прилагательное или слово любой части речи, способное согласоваться с главным словом (причастие, порядковое прилагательное, местоимение).

Интересное соотношение наблюдается при сочетании существительных с числительными. Числительное один согласуется с главным словом в роде, числе и падеже: *один дом, одна книга, одно окно, одни дети*. Числительное два участвует в словосочетании, построенном по способу связи управление, и требует после себя родительного падежа единственного числа. При этом для слов женского рода используется числительное две, а для слов мужского и среднего рода – два: *две книги, два дома, два окна*. Числительные три и четыре управляют формой родительного падежа единственного числа: *три дома, четыре дома*. А начиная с пяти, числительные управляют уже формой родительного падежа множественного числа: *пять домов, книг, окон*.

В предложениях категория числа проявляется в координации главных членов предложения – подлежащего и сказуемого. Грамматическим средством выражения числа являются флексии подлежащего и сказуемого. Трудности могут возникнуть при согласовании сказуемого с однородными членами предложения, когда возникает вариативность в выборе окончания.

Не является предметом исследования в данной работе, но требует отдельного рассмотрения вопрос о проявлении категории числа в отдельных лексико-грамматических категориях имен существительных (собирательные, вещественные имена существительные), а также в существительных, имеющих форму только одного числа, – *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

Также для составления полноценного представления о категории числа в современном русском языке важно обратить внимание и на историю становления категории числа.

В современном русском языке категория числа бинарная и включает формы единственного и множественного числа. В древнерусском языке существовало также двойственное число. Оно употреблялось для обозначения парных предметов или предметов в двойном количестве. Таким образом, категория числа была не бинарной, а тройной и включала формы единственного, двойственного и множественного числа. Двойственное число образовывалось с помощью флексий *-а/-я*. Когда двойственное число утратилось, флексии переосмыслились как показатели множественного числа.

Необходимо также отметить тесную связь категории числа с категорией рода. В единственном числе проявляется родовая дифференциация, во множественном же числе эти различия стираются.

Мы рассмотрели категорию числа и его лексические и грамматические способы выражения. Это морфологическая словоизменительная грамматическая категория, зависящая от семантики числа и значений и обозначающая единичность или множественность.

Литература

1. *Акуленко В. В.* Категория количества в современных европейских языках. – Киев : Наукова думка, 1990. – 283 с.
2. *Дегтярев В. И.* Категория числа в славянских языках. – Ростов н/Д : Рост. гос. ун-т, 1982. – 342 с.
3. *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. В. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
4. *Меновицков Г. А.* Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 82–88.
5. *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и литературной правке. – М.: Рольф, 1996. – 368 с.

Авторы:

Таджибаева Гулустан Бегенджовна – студентка 4 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия

Юркина Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и чувашского языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; tanya-yurkina@yandex.ru.

Authors:

Tadzhibaeva Gulustan B. – 4th year student of the Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia;

Yurkina Tatyana N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash languages, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: tanya-yurkina@yandex.ru

**РАССКАЗ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БОБОК» И СТИХОТВОРЕНИЕ
К. К. СЛУЧЕВСКОГО «НА КЛАДБИЩЕ»: ПРОБЛЕМА ПРЕТЕКСТА
И ДИАЛОГ МЕНИПЕЙНЫХ МОТИВОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются репрезентации «загробных» мотивов стихотворения К. К. Случевского «На кладбище» (1860 г.) и рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок» (1873 г.). Обнаруживается сходная образность, анализируются элементы структуры текстов в контексте мениппейной традиции. Сделаны попытки уточнить понятия «претекст» и «мениппея». Обозначаются возможные литературные источники рассказа Достоевского, определяется его жанровая специфика. Выдвигается гипотеза о связи образных и сюжетных систем «заглавных» произведений и возможном «диалоге» представленных в них мотивов и художественных стратегий.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Бобок», мениппея, претекст, К.К. Случевский, мотив, М. М. Бахтин.

A. V. Trofimova M. V. Ganin

**F. M. DOSTOEVSKY'S SHORT STORY "BOBOK" AND
K. K. SLUCHEVSKY'S POEM "AT THE CEMETERY": THE
PROBLEM OF PRETEXT AND THE DIALOGUE
OF MENIPPEAN MOTIFS**

Abstract. The article examines the representations of the "afterlife" motifs of the poem by K. K. Sluchevsky "In the Cemetery" (1860) and the short story by F. M. Dostoevsky "Bobok" (1873). Similar imagery is found, and the elements of the structure of the texts in the context of the menippean tradition are analyzed. Attempts are made to clarify the concepts of "pretext" and "menippea". Possible literary sources of Dostoevsky's short story are identified, and its genre specificity is determined. A hypothesis is put forward about the connection between the imagery and narrative systems of the "title" works and the possible "dialogue" of the motifs and presented in them.

Key words: *F. M. Dostoevsky, "Bobok", menippea, pretext, K. K. Sluchevsky.*

Цель нашей работы – определить один из возможных претекстов знаменитого рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок». Отсюда вытекает основная задача работы – обозначить общность мотивной структуры произведений, лежащих в русле мениппейной традиции, во многом

послужившей основой для разработки сюжета и реализации художественных особенностей рассказа «Бобок». Таким образом, *объектом* исследования стали жанровые черты «менипповой сатиры», воплощенные в рассказе Ф. М. Достоевского и стихотворении К. К. Случевского. В качестве *предмета* наших изысканий укажем пересечение связей мотивных и концептуальных линий этих произведений.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью вопросов о роли претекстовых структур в творчестве Достоевского, инотекстовых включений в ткань его произведений, опубликованных на страницах художественно-публицистического «проекта» «Дневник писателя» («Бобок» вышел в свет на страницах «Дневника писателя» в феврале 1873 года в газете «Гражданин»). Кроме того, актуальность работы определяется неослабевающим интересом современного литературоведения к синтетическим формам (на стыке публицистики, философского теоретизирования и художественных прозрений) в поэтике Ф. М. Достоевского.

Методологическую основу работы составили аналитические изыскания в рамках сравнительно-исторического подхода, элементы компонентного и интертекстуального методов.

Прежде всего, в рамках нашей работы необходимо попытаться ответить на вопрос, что же следует понимать под термином «мениппея» или «мениппова сатира»? Природа этого жанрового образования раскрывается в классических работах М. М. Бахтина [Бахтин 2002; Бахтин 1990].

Итак, *мениппея* – это жанр античной литературы, соединяющий в себе «низкое», смеховое и «высокое», философское начала и отличающийся многоплановостью, диалогизированностью, универсализмом, острой злободневностью. Философская «напряженность» в мениппее часто сочетается с фантастикой, которая подчинена функции проверки истины. Установлено, что для «менипповой сатиры» характерно «свободное сочетание стихов и прозы, в ней создается «фантастическая среда обитания для своих персонажей (оживление “царства мертвых”, полет на небо, нисхождение в преисподнюю), что позволяет перевернуть иерархию ценностей героев, порождает свободный от всяких условностей и предрассудков тип поведения героев» [Литературный 1987: 271]. Следует заметить, что благодаря «карнавальной традиции» не только в рамках одного жанра, но и в рамках одного произведения, сближаются и переплетаются *серьезное* и *смеховое*. Мениппея как «карнавализованный» жанр в первую очередь характеризуется пародийной установкой, но, в отличие от принятых в античной эстетике стратегий, пародия, присущая карнавальному мироощущению, по своей природе амбивалентна, ибо в нем через смех все обновляется, через смерть воскресает. Неслучайно, например, в произведениях Ф. М. Достоевского часто встречается образ «двойника», в каждом из которых герой будто отрицается, дабы возвыситься над самим

собой [Бахтин 2002: 74–75].

Мы полагаем, что целый ряд произведений Ф. М. Достоевского правомерно отнести к выше охарактеризованному жанру, однако о сознательной ориентации автора на античный жанр говорить, на наш взгляд, весьма затруднительно, поскольку в творчестве писателя получила отражение «не субъективная память Достоевского, а объективная память самого жанра» [Бахтин 2002: 71]. Тем не менее выдвинем предположение, что жанровая традиция «менипповой сатиры» в творчестве писателя получила серьезное обновление, более того, через ориентацию на полифонию, лежащую в основе его художественного мышления, по-новому разворачивается (и тематически переосмысливается) это уже несколько «архаизированное» жанровое образование. Для глубинного осмысления «преломленности» этой жанровой традиции в творчестве Ф. М. Достоевского следует обратиться к возможным литературным источникам, как мы предполагаем, повлиявших на поэтику некоторых его «малых» текстов, «пронизанных элементами мениппеи и родственных ей жанров» [Бахтин 2002: 91]. Согласно оценке создателя теории «полифонического романа», «по своей глубине и смелости» «Бобок» есть «одна из величайших мениппей во всей мировой литературе» [Бахтин 2002: 81]. Именно этот текст возьмем «на вооружение» в качестве образца «менипповой сатиры», вмещающей в себя «микрокосмос» [Бахтин 2002: 162] творчества вершителя «коперниковского переворота» (формула М. М. Бахтина) в литературе.

Следует отметить, что сама жанровая форма «разговоров с мертвецами» к моменту создания рассказа «Бобок» уже была достаточно хорошо разработана как в творчестве русских писателей, так и в европейской литературной традиции. К возможным жанровым источникам рассказа мы можем отнести комедию греческого сатирика эллинистической эпохи Лукиана «Разговоры в царстве мертвых» [Хрестоматия 1965: 567–571], где в качестве действующих лиц выступают мифологические персонажи и подвергаются критике «вечные людские пороки». «Диалог мертвых» представлен у А. П. Сумарокова, который печатает в майском выпуске журнала «Трудолюбивая пчела» в 1759 г. четыре диалога, объединенных общим названием «разговоры мертвых»: «Скупой и мот», «Высокомерный и низкомерный», «Господин и слуга», «Медик и стихотворец» [Исаченко 2014]. Здесь поэт остро высказывается против вполне определенных негативных явлений российской действительности 1760-х годов. Мотив «разговора мертвецов» встречается и в повести А. С. Пушкина «Гробовщик» из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», и в знаменитом рассказе князя В. Ф. Одоевского «Живой мертвец» [Одоевский 2006: 83].

Под термином «претекст» (от лат. *prae* – впереди, перед и *textus* – ткань, сплетение, соединение) мы понимаем хронологически, логически и семантически детерминированное стороннее «включение» (определяющее возможный источник) в текст. Литературная ткань может быть «сшита» на

определенном объеме отсылок и реминисценций к более ранним произведениям. При этом в процессе взаимодействия текстов возникает диалог. Образуется некий «интертекст», а само явление принято называть «интертекстуальностью». Как отмечает Н. А. Кузьмина, «интертекстуальность – это глубина текста, обнаруживающаяся в процессе его взаимодействия с субъектом» [Кузьмина 1999: 25–26].

В качестве одного из важнейших поэтических претекстов рассказа «Бобок» здесь укажем также на стихотворный этюд Ф. И. Тютчева «Наш век» (1851 г.), в котором задан близкий концептуальный вектор: «*Не плоть, а дух растлился в наши дни...*» [Тютчев 1966: 136]. Однако наиболее ярко «физиология» смерти и монолог мертвеца, лежащего в могиле, представлены в стихотворении К. К. Случевского «На кладбище» [Случевский 1962: 281–282]. Оно было создано в 1860 г., за 13 лет до написания интересующего нас «замогильного» рассказа. Отметим, что здесь мы попытаемся лишь найти общее, мениппейное начало указанных произведений, точки сближения на уровне концептуального взаимодействия, «просвечивающих» аллюзий и реминисценций, однако не ставим перед собой цели провести целостный сравнительный анализ этих шедевров, в том числе и потому, что рассматриваемые тексты относятся к разным литературным родам и вырастают из различных философских оснований.

Итак, ситуация «провидения», способность слышать голоса из иного мира, мира небытия объединяет оба произведения. Однако статус фигур лирического героя стихотворения и повествователя в рассказе различны. В первом случае речь ведется от первого лица героя, «лежащего на гробовой плите», с которым вступает в диалог герой-обитатель «загробного мира» (также от первого лица). Таким образом, поэт указывает на возможность взаимообратимости двух субъектов, что подтверждается стремлением «покойника» к изменению смертного состояния (риторические обращения и анафора, выраженная императивом, подчеркивают это стремление) и положением тела и элегическим безмолвием первого субъекта:

*Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь...
<...>*

Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня? [Случевский 1962: 282].

В то время как в рассказе «Бобок» общение мертвецов, смакующих свои земные пороки, рисуется неким «слушателем», случайным образом оказавшимся на кладбище и ставшим свидетелем этого фантастического явления. При этом позиция повествователя в этическом отношении по всей видимости удалена от авторской, нарративный статус «репортера» обозначен уже в подзаглавии рассказа («Записки одного лица»). Безусловно, эта «отвлеченность» точки зрения, такой взгляд на «происходящее»

концептуально важны для Достоевского. Такая стратегия позволяет писателю свободно говорить на самые неприятные, натуралистически заостренные темы (табл. 1).

Таблица 1

«Диалог» художественных миров в стихотворении К.К. Случевского «На кладбище» и рассказе Ф. М. Достоевского «Бобок»

К. К. Случевский «На кладбище»	Ф. М. Достоевский «Бобок»
Субъект сознания говорит от <i>первого лица</i> в земной и загробной и реальностях	Субъект-слушатель (не участвует в общении мертвецов)
<i>Я лежу себе на гробовой плите, Я смотрю, как ходят тучи в высоте... Я молчал и только слушал: под плитой Долго стучал костяною головой...</i> Внезапно звучит голос из «загробного мира» (происходит смена субъекта, появляется второе «я»): <i>Слушай, милый, я давно устал лежать! Дай мне воздухом весенним подышать...</i>	Повествование реализовано с позиции «слушателя», некоего «репортера». Причем автор явным образом отдаляет себя от повествователя (субъекта) – текст получает жанрово-стилевое определение: «Записки одного лица». <i>Я долго сидел, даже слишком; то есть даже прилег на длинном камне в виде мраморного гроба. И как это так случилось, что вдруг начал слышать разные вещи? Не обратил сначала внимания и отнесся с презрением. Но, однако, разговор продолжался. Слышу – звуки глухие, как будто рты закрыты подушками; и при всем том внятны и очень близкие. Очнулся, присел и стал внимательно вслушиваться</i>
Обилие натуралистических деталей	
<i>Очи впавшие засыпаны песком, Череп голый мой источен червяком... Долго корни грыз и землю скрёб мертвец.</i>	<i>Вода в могилках «совершенно зеленая», лежит «недоеденный бутерброд: глупо и не к месту».</i>

Скрытая насмешка, карнавальный смех	
<i>Надоела мне безмолвная родня</i> Сниженный характер речи, отсутствие величия смерти, «великой тайны».	<i>Вышел, пока служба, побродить за врата. Тут сейчас богадельня, а немного подальше и ресторан. И так себе, недурной ресторанчик: и закусить, и всё. Набилось много и из провожатых. Много заметил веселости и одушевления искреннего. Закусил и выпил.</i> <i>Положили меня, положили супруга и малые детки, а не сам я возлег. Смерти таинство! И не лег бы я подле вас ни за что, ни за какое злато; а лежу по собственному капиталу, судя по цене-с. Ибо это мы всегда можем, чтобы за могилку нашу по третьему разряду внести.</i>
Резкие контрасты	
Жизнь: <i>И на солнце ярко крыльями блестят. Я смотрю, как в ясном небе надо мной Обнимается зелёный клен с сосной.</i> Смерть: <i>В царстве мёртвых только тишь да темнота, Корни крепкие, да гниль, да мокрота</i>	<i>Ходил развлекаться, попал на похороны</i>
Элегическая «устремленность»	Философская направленность
<i>Я лежал себе на гробовой плите, Я смотрел, как мчались тучи в высоте, Как румяный день на небе догорал, Как на небо бледный месяц выплывал...</i> При этом рассказ «усопшего» о тлении сопряжен с воспоминаниями о жизни, ассоциирующейся с «белым светом», «воздухом весенним», а смерть же рисуется в подробных деталях, вызывающих отвращение: <i>В царстве мёртвых только тишь да темнота Корни крепкие, да гниль, да мокрота, Очи впавшие засыпаны песком...</i>	Размышления Платона Николаевича о сознании: <i>Всё сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три...</i> Размышления об утрате духа еще до наступления фактической смерти, жизнь «по инерции».

Оба произведения насыщены изображениями реалий, обнажающих «подземную жизнь», изобилуют натуралистическими деталями. У Ф. М. Достоевского: вода в могилах «совершенно зеленая», лежит «недоеденный бутерброд: глупо и не к месту» [Достоевский 1980: 46]. Этот мотив «дает повод развернуть символику карнавального типа: крошить хлеб на землю можно – это посев, оплодотворение, на пол нельзя – это бесплодное лоно» [Бахтин 2002: 82]. Скрытая насмешка над смертью, отсутствие мистицизма, восприятие ситуации как обыденной указывает на карнавальный характер смеха в разбираемых произведениях, где величие смерти, «загробного мира» сочетается с осмеянием, а смех амбивалентен [Бахтин 2002: 97]. Полагаем, эта стратегия сближает тексты К. Случевского и Ф. М. Достоевского с жанром мениппеи (табл. 1).

Надгробная, могильная плита становится местом «особых» размышлений лирического героя стихотворения и героя-повествователя в рассказе. Именно здесь начинают разворачиваться фантастические мотивы в произведениях: мертвые обретают свой голос из-под могильной плиты.

«Философский диалог» в этих ирреальных, фантастических условиях предстает и приоткрывает тайны «коммуникантов» в изложении Платона Николаевича, который объясняет наличие сознания и мыслительных функций мертвецов после смерти жизнью «по инерции»: «Всё сосредоточено, по мнению его, где-то в сознании и продолжается еще месяца два или три...» [Достоевский 1980: 51], после сознание начинает покидать его, а перед смертью звучит в речи бессмысленное «Бобок, бобок...» [Достоевский 1980: 46]. Здесь перед читателем поднимается актуальнейшая для эпохи написания рассказа проблема «истощения духа» (вспомним тючевскую формулу: «*дух растлился!*»), утраты души еще до наступления физической смерти. При этом овладевшее душой сладострастие продолжает владеть их сознанием и в «загробном мире» («Обнажимся, обнажимся! – закричали во все голоса» [Достоевский 1980: 52]). «Ничего не стыдиться!» – таков девиз этого «послесмертного» общества, таким образом, «философская» направленность идей персонажей предельно снижена. «Нет, я бы пожил! Нет... я, знаете... я бы пожил!», – повторяют герои-покойники в рассказе Ф. М. Достоевского [Достоевский 1980: 48]. Эта мысль соотносится со словами мертвеца в стихотворении Случевского, который спрашивает лирического героя: «*Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?*» (табл. 1).

Жизнь и смерть у К. К. Случевского заостренно противопоставлены друг другу. Бытовая «приземленность» и те резкие контрасты (смена «верха» и «низа»), которыми изобилуют оба текста, могут свидетельствовать о связи художественных миров обоих произведений с пространством мениппеи. Однако философское напряжение у Ф. М. Достоевского, безусловно, глубже и значительнее, чем в представленном случае у К. К. Случевского, где энергия еще не угасшего сознания

акцентированно направлена в элегическое русло (табл. 1).

Осуществленные подступы к сопоставительному анализу предложенных текстов могут свидетельствовать о возможной ориентации автора «Преступления и наказания» на «пограничную» ситуацию, описанную в поэтическом опыте Случевского. Как нам представляется, своеобразный их «диалог» происходит на уровне изначального сюжета, переработанного авторами в соответствии с их идейно-художественными и концептуальными установками. Однако говорить о прямом заимствовании Достоевским мортальных мотивов из «кладбищенского» стихотворения «предсимволиста» Случевского все же достаточно проблематично, тем не менее наличие реминисценций, тема «диалога с мертвецами», сходные мениппейные элементы маркируют общность культурных кодов, скрытых в творчестве обоих авторов. Наша гипотеза требует дополнительной проверки на фактографическом, текстуальном, идейно-художественном и других уровнях, поэтому мы не «ставим точку» в наших размышлениях, предполагая перспективу дальнейшего изучения данной темы.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. – М.: ImWerden-Werlag, Москва Augsburg, 2002. – 167 с. – Режим доступа: <https://imwerden.de/publ-111.html> (Дата обращения: 08.03.2021).
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 541 с.
3. *Белюсов А. Ф.* Из истории русской «кладбищенской» поэзии: стихотворение К. Случевского «На кладбище» // Смерть как феномен культуры: Межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар: СГУ, 1994. – С. 4–23.
4. *Достоевский Ф. М.* Бобок // Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 21. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. – С. 42–54.
5. *Исаченко Е. Г.* «Разговоры в царстве мертвых» Сумарокова // Литературная культура России XVIII века: сб. статей. – СПб., 2014. – С. 100–118.
6. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
7. *Кузьмина Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. гос. ун-т., 1999. – 268 с.
8. *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 752 с.
9. *Мирошникова О.В.* Стихотворение К. Случевского «На кладбище»: Критические интерпретации и системный анализ // Анализ художественного текста: Литературоведческие штудии. – Омск, 1998. – С. 23–33.
10. *Одоевский В. Ф.* Живой мертвец // Одоевский В. Ф. Записки для

моего праправнука. – М.: Русский миръ, 2006. – 294 с.

11. *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1962. – 481 с.

12. *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. Т. 1. / АН СССР. – М.: Наука, 1966. – 448 с.

13. *Хрестоматия* по античной литературе: В 2 т. – Т. 1. Греческая литература. – М.: Просвещение, 1965. – 679 с.

Авторы:

Трофимова Анастасия Владимировна – студент 4 курса факультета чувашской и русской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: anastasia.vladimirovnaa@mail.ru

Ганин Максим Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: isaaa@yandex.ru

Authors:

Trofimova, Anastasia V. – fourth-year student of the Faculty of Chuvash and Russian Philology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: anastasia.vladimirovnaa@mail.ru

Ganin Maxim V. – Candidate of Philology, PhD, Associate Professor of the Department of Literature and Culturology, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: isaaa@yandex.ru

Научное издание

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Людмилы Николаевны Оркиной

Ответственные редакторы:

А. Д. Ахвандерова, О. А. Дмитриева, З. Н. Якушкина

Технический редактор:

М. П. Сергеева

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за содержание материалов, подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений

Подписано в печать 23.04.2021 г. Формат 60x84/16.
Бумага писчая. Печать оперативная.
Усл. печ. л. 41,5.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2010 года №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» данная продукция не подлежит маркировке

Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева
428000, Чебоксары, ул. К. Маркса, 38